С. Рыбас

ГРОМЫКО

ЖЗЛ

ГРОМЫКО

Святослав Рыбас

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге Святослава Рыбаса представлено первое полное жизнеописание Андрея Громыко, которого справедливо называли «дипломатом № 1» XX века. Его биография включает важнейшие исторические события, главных действующих лиц современной истории, содержит ответы на многие вопросы прошлого и прогнозы будущего. Громыко входил в «Большую тройку» высшего советского руководства (Андропов, Устинов, Громыко), которая в годы «позднего Брежнева» определяла политику Советского Союза. Особое место в книге занимают анализ соперничества сверхдержав, их борьба за энергетические ресурсы и геополитические позиции, необъявленные войны, методы ведения дипломатического противостояния. Показаны внешнеполитическая практика, деятельность крупнейших мировых лидеров — Сталина, Рузвельта, Черчилля, Мао Цзэдуна, Аденауэра, де Голля, Хрущева, Андропова, Брандта, Никсона, Картера, Рейгана, Буша-старшего, а также знаменитых дипломатов Генри Киссинджера, Вальтера Шееля, Анатолия Добрынина, Валентина Фалина, Георгия Корниенко, Эгона Бара и др.

- Святослав Рыбас
  -
  - ОТ АВТОРА
  - Глава 1.
    - Рождение героя
    - Мировое потрясение как первая ступень биографии
  - Глава 2.
    - Мюнхен как система
    - Российская история для министра
  - Глава 3.
    - Как созревают войны и гибнут государства
  - Глава 4.

- Экономика для гражданской войны
- Кадровая революция снизу
- Версальский договор и проигравшие победители
- Война в Испании как прообраз Второй мировой
- Почему СССР не заступился за Чехословакию?

○ Глава 5.
- Перемены в НКИД и Громыко
- Вспоминая Первую мировую войну

○ Глава 6.
- Война как новая ступень в карьере
- Снова нефть
- США и Великобритания — от финансовой войны к союзничеству во имя победы США
- Молотов против Гитлера
- Неизбежность войны не означает, что она случится завтра
- Хочешь мира — готовься к войне, или Скрытые мобилизации

○ Глава 7.
- Начало «Большой тройки»
- Зарождение американоцентричного мира
- Союзники вырывают Иран у Германии
- Создан мощный фронт свободолюбивых народов

○ Глава 8.

○ Глава 9.
- Час Громыко приближается
- Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем

○ Глава 10.
- Резервная позиция союзников на случай большого усиления СССР
- Тегеранская конференция как союз Рузвельта и Сталина против Черчилля

○ Глава 11.
- После Тегерана нефтяная тема еще больше актуализировалась.

○ Глава 12.
- Громыко не поддается доводам Рузвельта
- Ялтинская конференция — вершина военной дипломатии СССР

○ Глава 13.
- Потсдамская конференция — тень плана «Рэнкин»

○ Глава 14.
- США начинают политику сдерживания СССР

- Необъявленная война за иранскую нефть
- Глава 15.
  - Как создавалась социалистическая система
  - «Пакс Американа» и создание социалистического лагеря
- Глава 16.
- Глава 17.
  - Создание структур противостояния
  - Ракетная техника, первые шаги
- Глава 18.
  - Внутренние противоречия в социалистическом блоке
  - Корейская война
- Глава 19.
  - Интрига в МИД против Громыко
  - Восстание в Берлине 17 июня 1953 года
- Глава 20.
  - Новая советская реальность. Хрущев и Аденауэр
- Глава 21.
  - «Лучше быть забытым…»
  - Обострение «холодной войны». Венгерское восстание, Суэцкий кризис
- Глава 22.
  - Хрущев проучил Эйзенхауэра и сорвал переговоры
  - «Если вы развяжете войну из-за Берлина…»
- Глава 23.
- Глава 24.
  -
  - Обновленное общество — старые формы управления
- Глава 25.
  - Обновление советского общества
  - Политико-экономическое отступление
  - Кремлевский переворот. К власти приходит новое поколение
  - СССР — гигантская экономика, гигантские проблемы
- Глава 26.
  - Предыстория ОСВ-1
- Глава 27.
- Глава 28.
  -
  - Вьетнамская война с точки зрения американских

генералов
- Глава 29.
  -
  - ГДР против советской дипломатии
- Глава 30.
- Глава 31.
  - Почему Громыко поднялся выше секретаря ЦК КПСС Пономарева
  - Провал попытки Андропова установить тайный канал с Вашингтоном
- Глава 32.
  - Война 1967 года
  - Война 1973 года
- Глава 33.
  - Китай в стратегии Никсона
- Глава 34.
  - Киссинджер усиливает давление
- Глава 35.
  - «Третья корзина» Хельсинкского соглашения, необъявленные войны Советского Союза в 70—80-е годы
  - Торжество советской дипломатии и «третья корзина»
  - У будущего много вариантов
  - Финальное фронтовое сражение Брежнева
- Глава 36.
  - Паритет для слабаков!
  - Ангольский сюжет
- Глава 37.
  - Триумвират в Кремле. Тень глобального поражения
  - Интеллигенция раскололась
- Глава 38.
  - «Речь идет о вещах слишком серьезных…»
  - Что же это за явление — Збигнев Бжезинский?
- Глава 39.
  - Громыко уступает Устинову
- Глава 40.
  - Существующий миропорядок взорван
- Глава 41.
  - Польский кризис
  - Изменение советской экономической стратегии
- Глава 42.
  - Глобальное противоборство

        - Гражданская война в США и дипломатическое использование силы Россией
    - Глава 43.
        - Андропов против Рейгана
    - Глава 44.
        - «Заговор академиков»
        - Обвал
        - Перенапряжение экономики, теневая экономика, шахтерские забастовки
    - Глава 45.
    - Глава 46.
        - Общечеловеческие ценности и государственные интересы
        - Огонь по штабам!
        - Деградация международных позиций СССР
        - Исчезновение ГДР
    - Глава 47.
        - Джордж Буш и Горбачев
        - Громыко и Мао Цзэдун. Горбачев и Дэн Сяопин
    - Глава 48.
        - Ушел на пенсию. Дети и внуки
    - Глава 49.
        - Катастрофа
    - Глава 50.
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. ГРОМЫКО
    - ЛИТЕРАТУРА
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145

- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233

- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277

- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321

- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365

- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409

- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453

- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497

- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532

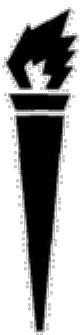
Святослав Рыбас

ГРОМЫКО. ВОЙНА, МИР И ДИПЛОМАТИЯ

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК
1532
(1332)

«Молодая гвардия», 2011

ОТ АВТОРА

В работе над этой книгой я опирался на бескорыстную и сердечную поддержку многих, кто знал героя этой книги, а также тех, кто помог мне составить многослойную картину тогдашнего времени. Приношу благодарность чрезвычайным и полномочным послам Советского Союза и Российской Федерации Алексею Леонидовичу Федотову, Ростиславу Александровичу Сергееву, Валентину Михайловичу Фалину, Сергею Викторовичу Лаврову (министр иностранных дел РФ с 2004 года по настоящее время), Евгению Максимовичу Примакову (министр иностранных дел РФ в 1996—1998 гг., председатель правительства РФ в 1998—1999 гг.), Сергею Эдуардовичу Приходько (помощник Президента РФ по вопросам международной политики), Олегу Алексеевичу Гриневскому, Олегу Борисовичу Рахманину, Анатолию Софроновичу Зайцеву, Юрию Евгеньевичу Фокину, а также сыну А.А. Громыко, члену-корреспонденту Российской академии наук Анатолию Андреевичу Громыко, внуку А.А. Громыко Андрею Александровичу Громыко-Пирадову, дочери бывшего заместителя министра иностранных дел А.А. Солдатова, доктору медицинских наук Ольге Александровне Бокерия, митрополиту Калужскому и Боровскому Клименту (Капалину) (кандидату исторических наук, управляющему Патриаршими приходами Русской Православной Церкви в США и Канаде в 1982— 1990 гг.), генеральному директору ОАО «Молодая гвардия» Валентину Федоровичу Юркину, помощнику председателя правительства РФ (2000—2006 гг.), доктору экономических наук Александру Леонидовичу Рыбасу, президенту Международного союза армян Ара Аршавировичу Абрамяну, бывшему первому заместителю председателя КГБ СССР, генералу армии Филиппу Денисовичу Бобкову, бывшему начальнику Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) Леониду Владимировичу Шебаршину, бывшему председателю Харцызского горисполкома (1982—1984 гг.), первому секретарю Харцызского горкома КП Украины Донецкой области (1984—1986 гг.) Владимиру Георгиевичу Луневу, военному дипломату Вячеславу Ервандовичу Кеворкову, председателю правления Института современного развития Игорю Юрьевичу Юргенсу, председателю совета директоров концерна «Радио-Центр» Василию Николаевичу Кичеджи, доценту Государственного университета — Высшей школы экономики Рубену Артемовичу Сергееву, бывшему главному редактору журнала Госплана СССР «Плановое хозяйство» Владимиру Сергеевичу Глаголеву, президенту Российской государственной

библиотеки Виктору Васильевичу Федорову, директору Российского государственного архива социально-политической истории России Андрею Константиновичу Сорокину, председателю Российского детского фонда Альберту Анатольевичу Лиханову Ларисе Владимировне Тараканової и Екатерине Святославовне Рыбас.

«Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось».

Н.М. Карамзин. История государства Российского

Глава 1.
«ЭТО НЕ МИР, ЭТО ПЕРЕМИРИЕ НА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ»

Рождение героя

Его жизнь трудна для описания. Он не военачальник, не писатель, не руководитель государства. Всю жизнь он занимался малопонятной для большинства обывателей деятельностью, которая именуется международной политикой, и его можно назвать исполнителем воли вышестоящих начальников и чиновником, стоявшим на страже государственных интересов. Однако это определение будет страдать огромными пустотами и не поможет нам понять ни трагедии Советского Союза, ни драмы этого человека. А перед автором стоит именно такая задача — разобраться в том, как наш герой вел непрекращающуюся борьбу с обстоятельствами, которые были сильнее его, почему фантастические победы СССР обернулись глобальным поражением и как прошлый исторический опыт сегодня влияет на судьбу России.

По сути, судьба Андрея Громыко похожа на судьбу античного героя, бросившего вызов Року. Автор, написавший биографии Петра Столыпина, Иосифа Сталина, генералов Александра Кутепова и Александра Самсонова, едва ли преувеличивает. В нашей истории XX века есть этот щемящий элемент длящейся античной трагедии. И на Андрее Громыко, родившемся в семье крестьянина и ставшем в конце жизни одним из руководителей сверхдержавы, тоже лежит ее яркий отблеск.

Но все же, как ответить на вопрос, что формирует исторический процесс и делает из простых людей исторических деятелей? Автор знает только один ответ — надо выйти за рамки обычного жизнеописания и погрузиться в стихию вечной борьбы государств и народов за свои интересы. Возможно, тогда мы кое-что поймем.

Мировое потрясение как первая ступень биографии

Начнем не с традиционного — родительской семьи и детства (это от нас никуда не уйдет), — а с важнейшего предвоенного события, случившегося в немецком городе Мюнхене осенью 1938 года. Руководители четырех сильнейших европейских стран, Великобритании, Германии, Франции и Италии, заключили соглашение, согласно которому Чехословакия должна была уступить Германии часть своей территории, некогда входившей в состав Германского рейха и заселенной преимущественно немцами.

В то время никому не известный Громыко находился в Москве и работал старшим научным сотрудником Института экономики Академии наук СССР, его кандидатская диссертация была посвящена проблемам сельского хозяйства США. Почему именно такая тема? Потому что в Америке было развито агропромышленное производство на больших земельных площадях, что служило примером во время коллективизации мелких российских крестьянских хозяйств, которых было в стране 20 миллионов. Менее чем через год он станет заведующим отделом американских стран Народного комиссариата иностранных дел СССР (НКИД). Почему же?

* * *

Известное из античной драматургии требование единства места и времени в данном случае не имеет никакого значения, потому что наш герой может одновременно присутствовать в разных местах и даже в разных временах — такова природа и литературной биографии и, что важнее, сущность дипломатии. За обычной событийной историей скрываются гигантские пласты социальных, экономических и политических процессов, явлений народной культуры и национального миропонимания. Так за биографией одного человека проступают черты тысячелетней истории.

То, как Громыко оценивал Мюнхен, сегодня не секрет. Величественный и мрачный процесс мировой борьбы был им описан в монографии «Внешняя экспансия капитала» (М., 1982), она посвящена финансовым войнам современности, и в ней он сказал гораздо больше, чем в автобиографическом двухтомнике

«Памятное».

Мюнхен был продолжением Первой мировой войны и ее дипломатического финала — Парижской мирной конференции, на которой страны-победительницы навязали Германии договор, расчленивший и унизивший ее. Этот договор (Версальский) проигнорировал условия ноябрьского перемирия 1918 года, согласно которым страны Антанты при выработке условий мирного соглашения не имели права применять в качестве угрозы использование военной силы и продовольственной блокады. Наоборот, «Версаль» как раз и базировался на этих угрозах. У Германии были отторгнуты обширные территории, населенные семью миллионами немцев, она облагалась огромными репарациями и не имела права иметь армию. Государство, еще вчера бывшее лидером мирового промышленного развития и чей промышленный потенциал оказался после войны неразрушенным, превратилось в изгоя. (Одним из униженных немцев был и ефрейтор, кавалер Железного креста Адольф Гитлер, имя которого через 15 лет станет символом борьбы против «Версаля».)

А что же Громыко? В своей монографии он привел ключевое высказывание тогдашнего президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона, который в сентябре 1919 года прямо заявил, что Первая мировая была для США «промышленной и коммерческой войной»[{1}]. В этих словах был открыт весь смысл мирового катаклизма, не миновавшего и России.

Но о России — позже, а пока — о предыстории Мюнхена.

До начала Первой мировой войны финансовая система США находилась в минусе (3,7 миллиарда долларов долга по кредитам), а после войны их активное сальдо составило 3 миллиарда долларов. То есть тощий цыпленок превратился в гигантского орла.

Вот точка зрения нашего героя: «Первая мировая война создала огромный спрос на американские товары, особенно на вооружение и разного рода военные материалы. Так как союзным государствам нечем было расплачиваться за это вооружение и снаряжение, с их стороны возник большой спрос на американские кредиты, получение которых в период между 1915 и 1920 гг. сделало все европейские страны, принадлежавшие к коалиции, должниками Соединенных Штатов… За период войны сумма полученных союзниками займов составила 8 839,6 млн. долларов… Общая сумма военных американских займов союзным странам, по данным на середину 1921 г., составила 11 085 млн. долларов…

После своего вступления в войну США превратились в главного банкира всей союзной коалиции. Из общей суммы

военных кредитов, предоставленных союзным странам Соединенными Штатами до даты перемирия 11 ноября 1918 г., 7 млрд. долларов было израсходовано на закупку вооружения и других военных материалов в США. Оставшаяся часть была использована союзниками после прекращения военных действий… Война привела к двум важным изменениям в экономических отношениях между США и другими крупными капиталистическими государствами, и прежде всего Англией…»[{2}]

Отныне около двух десятков стран, включая Англию и Францию, оказались в долговой зависимости от Вашингтона, что имело глубокие экономические и политические последствия.

Союзники пытались на Парижской мирной конференции обсудить с американцами вопрос о долгах и натолкнулись на твердый отказ Вильсона.

«Это был голос страны, которая желала повелевать, а не обсуждать вопрос даже со своими союзниками»[{3}].

Решить свои проблемы страны-должники пытались за счет побежденной Германии, навязав ей огромные репарации с крайне тяжелыми условиями выплаты. Вызванные этим бегство немецких капиталов за границу и отказ немецких фирм от уплаты налогов привели к такому дефициту государственного бюджета Германии, который мог быть покрыт только за счет массового выпуска ничем не обеспеченных марок.

Летом 1924 года проект, известный как «план Дауэса» (по имени председателя готовившего его комитета экспертов, американского банкира, директора одного из банков группы Моргана), был принят на Лондонской конференции. Его главной задачей было обеспечение благоприятных условий для американских инвестиций, что было возможно только при стабилизации немецкой марки. Предусматривалось предоставление Германии крупного займа на сумму 200 миллионов долларов (800 миллионов марок), половина из которых приходилась на банкирский дом Моргана. При этом англо-американские банки устанавливали контроль не только над переводом германских платежей, но и за бюджетом, системой денежного обращения и в значительной мере системой кредита страны.

«Хотя формально кредиты выдавались для обеспечения выплат по долгу, речь шла фактически о восстановлении военно-промышленного потенциала страны. За кредиты немцы расплачивались акциями предприятий, так что американский капитал стал активно интегрироваться в немецкую экономику. Общая сумма иностранных вложений в германскую

промышленность за 1924—1929 гг. составила почти 63 млрд. золотых марок (30 млрд. приходилось на займы), а выплата репараций — 10 млрд. марок. В итоге уже в 1929 году германская промышленность вышла на второе место в мире, но в значительной мере уже находилась в руках ведущих американских финансово-промышленных групп. Результат плана Дауэ-са за пятилетие 1924—1929: объем промышленной продукции Германии достиг довоенного уровня, ее экспорт составил 13,4 млрд. золотых марок по сравнению с 10 млрд. марок в 1913 г».{4}.

Так, «И. Г. Фарбениндустри», на 45 процентов финансировавший избирательную кампанию Гитлера в 1930 году, находился под контролем рокфеллеровской «Стандарт ойл». Морганы через «Дженерал электрик» контролировали германскую радио- и электротехническую промышленность в лице АЭГ и «Сименс» (к 1933 году 30 процентов акций АЭГ принадлежали «Дженерал электрик»), через компанию связи ИТТ — 40 процентов телефонной сети Германии, также им принадлежали 30 процентов акций авиастроительной фирмы «Фокке-Вульф». Над «Опелем» был установлен контроль со стороны «Дженерал моторс», принадлежавшей семье Дюпона. Генри Форд контролировал 100 процентов акций концерна «Фольксваген». В 1926 году при участии рокфеллеровского банка «Дилон Рид и К⁰» возникла вторая по величине после «И. Г. Фарбениндустри» промышленная монополия Германии — металлургический концерн «Ферейнигте штальверке» Тиссена, Флика, Вольфа и Феглера и др.

«После 1933 г. в выполнении военных заказов прямо участвовали десятки американских предприятий в Германии. Самыми крупными производителями танков в гитлеровской Германии были фирма “Опель”, принадлежавшая “Дженерал моторс” (контролируемая группой Д. П. Моргана), и “Форд АГ” — филиал “Форд мотор компани” (Детройт). Следует отметить, что полученные от расширения производства на заводах фирмы “Опель” прибыли “Дженерал моторс” реинвестировала в экономику Германии. На долю “Дженерал моторс” (через фирму “Опель”) приходилась также половина производства автомобилей. Морган (через “Микс унд Генест”, “Лоренц” и др.) поставлял не менее $^2/_3$ средств связи для Германии и значительную часть боевых самолетов (через фирму “Фокке-Вульф”), “Стандарт ойл” непосредственно и через филиалы снабжала германскую армию горючим и т. д».{5}.

Особое значение для Германии имело предоставление ей американскими фирмами патентов на новейшие изобретения в

области авиации.

Сотрудничество с немецким военно-промышленным комплексом было настолько интенсивным и всепроникающим, что к 1933 году под контролем американского финансового капитала оказались ключевые отрасли германской промышленности и такие крупные банки, как «Дойче Банк», «Дрезднер Банк», «Донат Банк» и др.

«За период с 1914 по 1929 год экспорт капитала из США во всех формах достиг громадной суммы в 27 млрд. долл… К 1928 году США по объему промышленного производства превзошли всю Западную Европу. Монополистический капитал США не только продолжал закреплять позиции, отвоеванные у Англии, Германии, Франции, Голландии, Бельгии в годы первой мировой войны, но и стал вытеснять монополии этих стран из районов, являвшихся прежде их сферами влияния»[{6}].

К 1938 году на долю Германии приходилось свыше 8,7 процента всех заграничных капиталовложений США (11,5 миллиарда долларов).

Одновременно готовилась и та политическая сила, которая должна была обеспечить (в противовес германским коммунистам и социалистам) контроль над Германией. Образованная в 1919 году Национал-социалистическая рабочая партия начала свой рост только весной 1922 года, когда у ее лидеров появились финансовые средства.

К примеру, в октябре 1931 года один из нацистских руководителей А. Розенберг встретился в Лондоне с крупнейшими британскими финансистами и бизнесменами, в том числе с Генри Детердингом, главой нефтяного гиганта «Ройял Датч-Шелл», предоставившим Гитлеру до 1933 года 10 миллионов марок, и с Фрэнком К. Тайарксом, первым лицом лондонского «Банка Шредера», связанного с нью-йоркским «Дж, Г. Шредер Банком» и кёльнским «И. Г Штайн Банком», принадлежавшим барону Курту фон Шредеру. (Кстати, именно Детердинг, у которого были большие интересы в бакинских нефтепромыслах, финансировал в конце 30-х годов тайную войну против СССР, в которой активно участвовали русские белоэмигранты.)

Банкирский дом Шредеров обладал большим влиянием во всемирной финансовой сети. Тесные связи Шредер имел и с Морганом, и с Рокфеллером, а официальным представителем его на Уолл-стрит была юридическая фирма «Салливен и Кромвель», в которой работали братья Джон Фостер (будущий госсекретарь США) и Аллен (будущий глава ЦРУ) Даллесы (последний входил в совет директоров банка Шредера).

В мае 1931 года Германия была избрана местом проведения Олимпийских игр, что должно было символизировать ее возвращение в сообщество демократических стран.

4 января 1932 года Курт фон Шредер организовал на своей вилле встречу А. Гитлера с канцлером фон Папеном, на которой было заключено тайное соглашение о финансировании нацистов. На встрече присутствовали и братья Даллесы. 12 ноября 1932 года промышленные магнаты Германии обратились с письмом к президенту Гинденбургу с требованием доверить пост канцлера Гитлеру. А 14 января 1933 года состоялась еще одна встреча Гитлера со Шредером, Папеном и Кеплером, где программа Гитлера была одобрена. 30 января Гитлер стал рейхсканцлером.

Банк Шредера превратился в главного агента Германии в Великобритании, а в 1936 году его отделение в Нью-Йорке объединяется с домом Рокфеллеров для создания инвестиционного банка «Шредер, Рокфеллер и К^0», который журнал «Тайме» назвал «экономическим пропагандистом оси Берлин-Рим».

При нацистах влияние иностранного капитала в Германии начинает расти главным образом за счет прямых инвестиций. В августе 1934 года «Стандарт ойл» приобрела в Германии 730 тысяч акров земли и построила крупные нефтеперерабатывающие заводы, которые снабжали нацистов нефтью. Тогда же в Германию из США было тайно доставлено самое современное оборудование для авиационных заводов стоимостью в 1 миллион долларов. От американских фирм «Пратт и Уитни», «Дуглас», «Бендикс Авиэйшн» Германия получила большое количество военных патентов, по американским технологиям строился «Юнкерс-87». К 1941 году прямые американские инвестиции в экономику Германии составили 475 миллионов долларов (около 6 миллиардов долларов по нынешнему курсу).

Через 20 лет после монографии Громыко его главный оппонент, бывший Государственный секретарь США Генри Киссинджер писал: «По существу, Америка оплачивала репарации Германии, а Германия использовала остаток от американских займов для модернизации собственной промышленности. До того Франция настаивала на репарациях, чтобы сделать Германию слабой. Вынужденная выбирать между Германией слабой и Германией, способной платить репарации, Франция предпочла последний вариант, но при этом вынуждена была не вмешиваться, видя, как репарации помогали возродить экономическую и в конечном счете военную мощь Германии»{7}.

То есть французы сами надели себе петлю на шею. Могли ли они предвидеть свой ужасающий разгром в 1940 году? Мог ли

кто-нибудь в Вашингтоне или Лондоне предположить, что подводные лодки и самолеты немцев будут топить американские корабли и бомбить английские города?

Финансово-экономическое сотрудничество англо-американских и германских деловых кругов стало фундаментом, на котором в 30-х годах строилась «политика умиротворения» Гитлера и состоялся Мюнхенский договор.

Впрочем, вспомним предсказание французского маршала Фердинанда Фоша, который заявил по поводу Версальского договора: «Это не мир, это перемирие на двадцать лет».

* * *

Обобщающий взгляд на проблему был сделан профессором МГИМО Ольгой Четвериковой, опирающейся в своих выводах и на монографию Громыко: «Ключевыми структурами, определявшими стратегию послевоенного развития Запада, были центральные финансовые институты Великобритании и США — Банк Англии и Федеральная резервная система (ФРС) — и связанные с ними финансово-промышленные организации, поставившие цель установить абсолютный контроль за финансовой системой Германии, чтобы управлять политическими процессами в Центральной Европе. В реализации этой стратегии можно выделить следующие этапы:

1-ый: с 1919 по 1924 гг. — подготовка почвы для массивных американских финансовых вливаний в немецкую экономику;

2-ой: с 1924 по 1929 гг. — установление контроля за финансовой системой Германии и финансовая поддержка национал-социализма;

3-ий: с 1929 по 1933 гг. — провоцирование и развязывание глубокого финансово-экономического кризиса и обеспечение прихода нацистов к власти;

4-ый: с 1933 по 1939 гг. — финансовое сотрудничество с нацистской властью и поддержка её экспансионистской внешней политики, направленной на подготовку и развязывание новой мировой войны»{8}.

Как у каждого крупного политика, у нашего героя была своя картина мира. Она формировалась не только из политических и экономических знаний, но и личного опыта, в том числе опыта семейного. Отец Андрея Андреевича участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, его рассказы первоначально расширяли кругозор сына и заложили в него представление о существовании стран, противостоящих России. Но почему они

противостояли его стране, наш герой понял позднее.

Для понимания метода, которым руководствуются все великие дипломаты, приведем одно умозаключение главного оппонента и партнера Громыко, выдающегося американского дипломата Генри Киссинджера.

«Одна из главнейших задач, стоящих перед государственным деятелем высшего уровня, — уяснить, какие вопросы действительно связаны друг с другом и как ими можно воспользоваться, чтобы усилить свою позицию по каждому из них. В большинстве случаев политик не обладает возможностью выбора; в итоге события связывает друг с другом реальность, а не политика. Роль государственного деятеля заключается в том, чтобы распознать взаимосвязь там, где она существует на деле, — иными словами, создать цепь стимулов и запретов, добиваясь наиболее благоприятного исхода»{9}.

Глава 2.
«ДАЙТЕ ГОСУДАРСТВУ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОКОЯ, ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО, И ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ НЫНЕШНЕЙ РОССИИ!»

Мюнхен как система

Мюнхенский договор — важнейшее событие XX века, но вовсе не уникальное. Маленькие и большие «мюнхены» как отстаивание государствами своих интересов происходят постоянно.

Реконструируя жизнь советского дипломата № 1, мы проследуем по извилистому руслу исторического потока, выделим некоторые события и явления, которые определили все дипломатические противостояния и войны.

Задержим внимание на Русско-японской войне (1904— 1905). В ее преддверии Великобритания и США поддержали Японию, которая стремилась остановить продвижение России в Тихоокеанский регион (после постройки Транссибирской железной дороги).

Более того, американцы, пользуясь затруднениями русских, в ноябре 1905 года предложили Санкт-Петербургу беспримерный по нахальству проект постройки американским синдикатом железной дороги «Транс — Аляска — Сибирь» протяженностью пять тысяч верст, для чего синдикату должна была быть предоставлена площадь 120 тысяч квадратных верст (около 138 тысяч квадратных километров), то есть пространство вдвое больше того, которое занимают Бельгия и Голландия вместе взятые, с правом эксплуатировать недра земли, поступавшей в полное распоряжение синдиката. Условия концессионного договора предусматривали также права американских предпринимателей скупать другие земли, сооружать транспортные и промышленные предприятия на всей территории северо-востока России, завозить из Америки рабочих и технический персонал и даже создавать собственную вооруженную охрану.

В монографии нашего героя между строк читается удивление — ведь речь идет о государстве, которое для Советского Союза являлось главным противником. Он считал необходимым разъяснить своим читателям-современникам: требуя тогда от России «открытых дверей» в отношении Маньчжурии, «США вводили жесткий таможенный режим на контролируемых ими территориях».

«Не надо обольщаться, — словно предупреждал Громыко. — В мировой борьбе не должно быть места расслабленности».

Из окон своего кабинета в высотном здании на Смоленской площади советский министр видел все, что происходило на планете — она была опутана сетями вечных и сиюминутных напряжений, разбираться в которых было его долгом. Не

случайно его кабинет был наполнен массой книг по истории и международным отношениям, в которых события прошлого прочитывались, пользуясь выражением Шекспира, как «черновик будущего». В них были подсказки и предостережения — от ошибки российского министра иностранных дел С. Извольского в «джентльменском соглашении» в 1908 году с австро-венгерским министром А. Эренталем и до новейших ловушек Государственного департамента США. Оглядываясь на события начала века, Андрей Андреевич видел, какие геополитические явления бросили его отца в пекло войны и как они действуют и доныне. («Любил мой отец поведать членам семьи и родственникам о сражениях, происходивших на полях Маньчжурии в русско-японскую войну 1904—1905 гг. и позже на юго-западном участке русско-германского фронта в период первой мировой войны. Говорил он об этом со знанием дела, так как был участником и той и другой войны»)[{10}].

А ведь и сам Андрей Андреевич участвовал в тех войнах — через опыт отца.

Еще будучи наследником престола, Николай II 31 мая 1891 года во Владивостоке заложил начало Транссибирской железной дороги, высыпав первую тачку грунта в основание насыпи. Дорога была открыта в 1902 году Это было великим событием. (Через 40 лет в войне с Японией и позже, в Корейской войне и во Вьетнамской войне, Россия (СССР) руководствовалась теми же геополитическими установками.) Американский исследователь Русско-японской войны С. Тайлер выразил это весьма убедительно: «Россия должна была прочно утвердиться в Печелийском заливе и найти свой естественный выход в его свободных гаванях, иначе все труды и жертвы долгих лет оказывались бесплодными и великая сибирская империя осталась бы только китайским тупиком»[{11}]. Война сначала вызвала волну патриотизма. Но если смотреть шире, международное положение страны было тревожное. Президент США Т. Рузвельт прямо заявил, что если Германия и Франция попытаются выступить против Японии, он «немедленно станет на ее сторону и пойдет так далеко, как это потребуется». В Лондоне стало выходить иллюстрированное обозрение «Борьба Японии за свободу». Американская печать тоже была настроена антироссийски, а Франция показала, что не будет поддерживать Россию. В задачу автора не входит описание военных действий, подчеркнем только, что их неуспешность, как и «бездарность командования», была преувеличена. Россия действительно была не готова к «маленькой победоносной войне», но в длительной кампании, даже несмотря на потерю большей части флота, сохраняла все шансы на успех.

Об этом свидетельствует анализ финансового положения воюющих сторон, сделанный германским экономистом Карлом Гельферихом в работе «Деньги в русско-японской войне» (Берлин, 1906). Россия могла без новых займов и без приостановки обмена бумажных денег на золото вести войну еще полгода, а если бы прибегла к использованию своего золотого запаса, который был в восемь раз больше японского, то и целый год.

Наш герой уточнил: «США предоставили Японии четыре займа. Суммы этих займов превышали суммы всех выпущенных во время войны внутренних военных займов в Японии, свыше 680 млн. иен»[{12}].

* * *

Николай II не хотел заключать мир как проигравшая сторона и не заключил бы, если бы не «внутренняя смута».

К тому же Япония применила новое политическое оружие: сейчас это назвали бы финансированием террористов. Японский военный атташе в России полковник Мотодзиро Акаси вел активную разведывательную работу в 1902—1904 годах, а с началом войны, когда посольство перебазировалось в Стокгольм, его деятельность стала подрывной. Акаси предложил военному руководству в Токио поддержать террор российских революционеров. План Акаси был принят, за время войны революционным и оппозиционным организациям в России было передано не менее одного миллиона иен (по современному курсу около 5 миллиардов иен, или 35 миллионов долларов). Финансирование было особенно активным на заключительном этапе войны, когда Япония стремилась ускорить подписание мирного договора.

Деньги получили: партия эсеров, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Польская социалистическая партия (в июле 1904 года лидер польских социалистов, будущий руководитель Польши Юзеф Пилсудский даже вел переговоры в Токио), Финляндская партия активного сопротивления. На эти деньги закупалось оружие.

Финансирование было прекращено сразу после заключения Портсмутского мирного договора, когда Токио достиг своей цели[{13}].

Участники Московского восстания в декабре 1905 года использовали купленные на японские деньги швейцарские винтовки и револьверы.

После подавления восстания потребовалось стабилизировать

российскую экономику. 3 апреля 1906 года после долгих переговоров консорциум европейских банков подписал договор на размещение облигаций российского займа на колоссальную сумму — 2 миллиарда 250 миллионов франков (843 миллиона 750 тысяч рублей).

Партия конституционных демократов попыталась воспрепятствовать заключению контракта, запугивала западных банкиров тем, что обязательства царского правительства не будут учитываться новым демократическим правительством России. Началась паника, вкладчики изымали деньги из банков, массово меняли бумажные ассигнации на золото, вывозили деньги за границу. Навалившийся на правительство финансовый кризис был страшнее, чем крестьянские волнения и Московское восстание. Если до него Николай II еще мог маневрировать, то теперь оставалось только одно — быстрее реформировать страну, несмотря на то, что переход от абсолютной к конституционной монархии и вообще либерализация в условиях политической нестабильности тоже были сопряжены с риском.

Финансовый кризис имел еще одно отдаленное последствие. Российское правительство намеревалось сделать заем международным, чтобы слишком не привязываться к интересам одной из европейских группировок — либо Англии и Франции, либо Германии и Австро-Венгрии.

В условиях бурного роста экономической и военной мощи Германии Париж и Лондон имели дальние планы сделать Россию союзником, но это не входило в намерения Петербурга. Однако в последний момент германские, итальянские и американские банкиры вышли из состава консорциума. Заем состоялся только благодаря увеличению французского участия. Это обстоятельство стало финансовой ступенью на пути формирования Тройственного союза (Англия, Франция, Россия) и вхождения России в убийственную для нее войну 1914 года.

И все это должен был знать и знал советский министр.

Российская история для министра

Какой была Россия накануне Первой мировой войны?

Ошибаются те, кто считает Российскую империю по экономическому развитию равной западным странам. Это было не совсем так. Думается, не случайно Громыко привел следующие данные о размерах национального богатства отдельных стран (на 1895 год в миллионах фунтов стерлингов):

«США — 16 350; Англия — И 806; Франция — 9690; Германия 8052; Россия — 6425; Австрия — 4512; Италия — 3160»{14}.

Чем была Россия в начале века? 127 миллионов человек (в 1912 году — уже 171 миллион), из которых около 85 процентов — крестьяне. Основная масса населения — православные; на Западе — католики; на Кавказе — православные и мусульмане, в Азии и частично в Поволжье — мусульмане; на Востоке — буддисты и язычники. Правящий класс — дворяне (1,5 процента населения), многие из которых владеют обширными поместьями. По отношению к ним остальные группы населения — промышленники, финансисты, купцы, земледельцы, интеллигенция — занимают более низкое положение. Согласно проведенному в 1904 году исследованию доходов населения, к разряду богатых относился примерно один миллион человек. Около 10 миллионов человек бродило по стране в поисках работы, их называли за агрессивность «сердитым нищенством».

Внешне положение империи кажется незыблемым. После реформ Александра II, освободивших крестьян от крепостного права и давших мощный толчок к развитию производительных и общественных сил, страна пережила бурный экономический подъем. За десятилетие — с 1891 по 1900 год — промышленное производство удвоилось — с 1493 до 3083 миллионов рублей. Особенно мощно развивалась промышленность — угледобыча, нефтепромышленность, металлургия, металлообработка — в южных районах. Доля России в мировом промышленном производстве поднялась до пяти процентов (пятое место в мире). К началу века более 40 процентов действовавших фабрик и заводов вступило в строй именно в годы этого подъема. Налицо были признаки процветающего государства. Однако это верно лишь отчасти. Страна отставала там, где черпала ресурсы своего развития. Россия уже прочно вошла в мировую экономику, а ее благополучие во многом зависело от состояния европейского зернового рынка, так как основным продуктом экспорта были пшеница, рожь, ячмень (как в начале XXI века — нефть и газ). Любое потрясение на этом рынке вело к тяжелым потерям.

В конце XIX века такое потрясение произошло: на рынках Центральной Европы появилось дешевое американское зерно — заокеанские сельхозпроизводители стали использовать технологические новшества: машинную обработку почвы, элеваторы, ленточные конвейеры, мощные сухогрузы для перевозки зерна. Цены в России на все виды хлебов упали в два раза, начался мировой сельскохозяйственный кризис. Российское сельское хозяйство, основа экономики, находилось в иных исторических и технологических временах и в связи с угрозой потери основных бюджетных доходов нуждалось в срочном реформировании. (Важнейшие события отечественной истории: аграрные преобразования П. А. Столыпина и коллективизацию сельского хозяйства в 30-е годы — можно рассматривать сквозь призму этого кризиса.)

Одновременно с промышленным подъемом экономика страдала от ограниченности внутреннего рынка сбыта, что требовало от производителей больших оборотных средств и подпитывания их дешевыми европейскими кредитами. Когда в 1899 году в Европе разразился финансовый кризис и были повышены кредитные ставки европейских банков, начались сбои в российской финансовой системе. Частные российские банки потребовали у отечественных предпринимателей досрочного возврата кредитов, подняли цену кредитов, сократили учет векселей. Российские акции сильно потеряли в цене. Разразился экономический кризис, на почве которого выросли потрясения первой русской революции.

Главная проблема состояла в том, что в одних направлениях Россия была на уровне развитых стран, а в других находилась на три столетия позади. И, соответственно, эти направления, выраженные в экономике и традициях, порождали людей с различными и часто противоположными интересами и психологией. Представим, что средневековый рыцарь в латах стал бы диктовать свои требования инженерам Тульского оружейного завода, где делались первоклассные винтовки. Трудно представить? Но к началу века в политической верхушке было множество таких «рыцарей», которые видели залог будущего в сохранении традиций самодержавия. И при этом нельзя сказать, что они были недоумками или дремучими невеждами. Как раз наоборот, образованные аристократы, почитающие кодекс чести, в нравственном и культурном отношении были выше оппонентов. То, что Европа давно оставила в прошлом, запечатлев в образе Дон Кихота, Россия только-только начала осмысливать талантами Антона Чехова и Ивана Бунина. Русский «Вишневый сад» еще стоял в полном цвету, прекрасный, экономически малоуместный

и ожидающий перестройки на прибыльные дачные участки.

По сравнению с образованным обществом крестьяне были «второй Россией». Они платили налоги, поставляли в армию новобранцев, были наивны в отношении многих вопросов современности, однако обладали могучей силой, которая называлась общиной. В Европе она давно распалась, но у нас суровость климата и скудность почв вынуждали крестьянские семьи жить в крайнем напряжении сил и ради выживания и облегчения участи кооперироваться с соседями. Но как могла страна успешно развиваться, если почти 85 процентов ее населения были в своих правах ограничены общинными порядками? Наступало время, когда требовалось освободить крестьян от этой полузависимости. Как подступиться к этому, никто не знал. Немецкий канцлер О. Бисмарк говорил, что «вся сила России в общинном землепользовании», философ К. Л. Кавелин считал общину «страховым учреждением» от «безземелья и бездомности», при этом так характеризовал качественный состав сельского населения: «Огромная, несметная масса мужиков, не знающих грамоте, не имеющая даже зачатков религиозного и нравственного наставления».

Вспомним о климатических и культурных основах исторического процесса. Россия — северная страна с крайне суровым климатом и преобладанием скудных и болотистых почв. (Не случайно Громыко обостренно любил тепло: еще подростком он гонял плоты по реке и сильно замерзал.) В Западной Европе сельскохозяйственные работы возможны в течение 8—10 месяцев, а в России природа отводила на это 4—5,5 месяца. На протяжении веков совокупный прибавочный продукт здесь был минимален. Там, где европейские элиты могли позволить себе договорные отношения и, соответственно, более или менее свободное экономическое развитие индивидуумов, русские были вынуждены действовать по принципу «в одиночку не выжить» и подчинить все права политической элиты царской власти. Поэтому жесткая централизация московских царей была не случайным выбором.

А как же Канада, самая северная страна Запада? Ведь она успешно развивается на фундаменте либерального индивидуализма. Но это популярное сравнение не вполне корректно. На самом деле южная граница Канады по географической широте соответствует Крыму и северному Причерноморью. 90 процентов канадцев проживает в 300-километровой зоне вдоль южной границы. Здесь же расположены все крупные города страны. Северный край этой зоны находится на широте 52 градуса (на уровне украинского Чернигова), а

дальше городов нет, одни поселки. В России же совсем иная картина, Москва стоит на 400 километров севернее Чернигова, и она далеко не самый северный российский город. Что касается Скандинавии, то ее обогревает Гольфстрим, а значит, ее тоже нельзя сравнивать с Россией.

Так что наш герой был воспитан в традиционной коллективистской традиции, и это важно для понимания его судьбы.

Крупный российский историк, академик Леонид Милов писал, что русские, обладая минимальными ресурсами, создали «великую империю» и выработали способность подниматься с колен после катастроф. При этом он сделал далекоидущий вывод о русской интеллигенции. «Весьма вероятно, что вся совокупность трагических и молчаливо героических черт бытия русского крестьянина (равно как и других земледельцев Европейской России) опосредованно способствовала становлению в XIX — начале XX в. в среде “слуг общества” того типа работника умственного труда, который стал известен как тип “русского интеллигента” с его кристальной порядочностью, с его неиссякаемым состраданием к тяжелой жизни народа»{15}.

Маркиз А. де Кюстин в своей суровой в отношении России книге приводит принципиальное замечание императора Николая I: «Расстояния — наше проклятие»{16}. Действительно, бедная экономика, огромные пространства, слабая связь с регионами, постоянная борьба с климатом — все это не позволяло власти развивать местное самоуправление и ослаблять централизацию.

Во время аграрной реформы, получившей название Столыпинской — по имени председателя Совета министров Российской империи Петра Столыпина, выявилось соотношение «индивидуалистов», пожелавших выйти из крестьянской общины, и «коллективистов», пожелавших остаться под ее защитой. В 1915 году оно составило 36,7 и 63,3 процента.

Сделаем одно примечание как повод для размышлений. Сегодня, согласно социологическим опросам, доля граждан России, считающих предпочтительной патерналистскую политику государства времен Л.И. Брежнева, равно 60 процентам{17}.

* * *

К какому слою относился Андрей Матвеевич, отец нашего героя? Отчасти к простонародной Руси, но не вполне. Он, будучи грамотным (окончил четырехклассную школу), трудолюбивым, смелым и предприимчивым человеком, рискнул уехать на

заработки за океан, в Канаду, и только полученная на лесозаготовках травма руки вынудила его вернуться домой. В конце жизни Андрей Андреевич писал о своем отношении к родному селу: «Все, что окружало Старые Громыки, я обожал: поля и леса, луга и речки». В этих словах слышится ностальгический вздох крестьянского сына.

То, что отец свободно вышел из общины и отправился в далекие края, было безусловным следствием Столыпинских реформ.

9 ноября 1906 года произошло событие, которое можно считать рубежом в истории России: был обнародован указ Николая II, подготовленный Столыпиным, освободивший крестьян от власти общины. Крестьяне могли покупать землю через Крестьянский банк по льготной цене в многолетний кредит, до 95 процентов стоимости кредита оплачивало государство. В Крестьянский банк передавались государственные земли и земли, принадлежавшие царской семье. При этом земля не продавалась ни помещикам, ни крестьянским обществам —только в личную собственность крестьян. Большинство покупателей были середняки и бедняки.

Кроме того, теперь в личном отношении крестьяне стали совершенно свободны.

Началась реформа, которая, не задевая поместных дворян, должна была наделить землей желающих расширять свое хозяйство крестьян. Ее политическую оценку дал руководитель российских большевиков Владимир Ленин: «…после “решения” аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может. Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революций в России»[{18}].

Делая ставку на «сильных хозяев», правительство не предполагало насильственного разрушения общины. Таким образом, в стране продолжали параллельно существовать два мира с различным экономическим и морально-нравственным устройством: одна треть крестьян — активные рыночники и *две* трети — их антиподы. При этом те крестьяне, которые продали свои наделы и перебрались на городские заводы и стройки, несли туда общинную психологию. Можно сказать, что под внешним покровом Столыпинской аграрной реформы Россия оставалась двуликим существом, состоящим из двух половинок. Порой различие этих частей доходило до того, что язык, на котором изъяснялись люди из простонародья, не был понятен образованным горожанам, и наоборот.

Столыпин в одном интервью говорил: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» У него были основания надеяться на то, что он проскочит между крестьянским молотом и монархической наковальней. Подтверждение этому — в начавшемся процессе адаптации общины к рыночной экономике, в развитии кооперативного движения. К 1914 году в стране были десятки тысяч кооперативов, в которых люди приобретали опыт самостоятельного ведения бизнеса, самоуправления, диалога с властями.

Первые результаты реформ были прекрасны: сельское хозяйство превратилось в доминанту экономического развития. Доход от него в 1913 году составлял 52,6 процента от общего валового дохода. В 1910 году экспорт российской пшеницы составил 36,4 процента от мирового уровня. С 1904 по 1913 год прирост промышленного производства составил 88 процентов. За это же время расходы на образование увеличились в 10 раз. Начальное образование стало доступным и обязательным, в средней школе вводилась профессиональная подготовка.

Результаты реформ оцениваются по-разному. В 1907—1917 годах из общины вышло 3,1 миллиона крестьянских хозяйств из существовавших 10,9 миллиона, то есть 28 процентов. Степень экономического успеха реформы характеризуется ростом рыночности сельского хозяйства: в 1914 году крепкие хозяева производили половину товарного хлеба. Зерновой экспорт России в 1912 году почти на 30 процентов превышал экспорт Аргентины, Канады и США вместе взятых. В целом вклады и остатки вкладов в коммерческих банках с 1908 по 1914 год выросли больше чем втрое. К 1916 году только денежные вклады крестьян составляли 2 миллиарда золотых рублей. К 1914 году в стране были большие запасы зерна, составлявшие 900 миллионов пудов.

Проблемная сторона реформ — ускоренное расслоение деревни и сильное сопротивление общины выделению самостоятельных хозяев, что приводило к скандалам, насилию и даже убийствам. Столкнулись два мироощущения: коллективизм и индивидуализм. Это обстоятельство позволяет некоторым исследователям утверждать, что Столыпин — «отец гражданской войны». Он же называл свою аграрную программу «государственным социализмом», имея в виду государственное регулирование экономики.

После указа от 9 ноября 1906 года российское общество стояло перед выбором стратегического пути — либо длительные преобразования, опирающиеся на парламентское согласование интересов, либо революционный слом государственного порядка

и утверждение социалистической доктрины, созвучной патриархальным традициям коллективизма, уравнительности, общинной справедливости.

Трагедия Столыпина (и Николая II) заключалась в отсутствии опоры в обществе. В стране фактически не было среднего класса, очевидные антибуржуазные настроения не давали правительству больших надежд быть понятым.

К 1917 году нашему герою было неполных восемь лет, когда его отец, один из пятимиллионной армии вооруженных крестьян, не желавшей больше воевать, пришел с фронта. Что маленький мальчик мог понять в происходящем катаклизме, крахе государства? Ничего. Только вынес впечатление свободы своего существования и огромной пустоты окружающего мира.

Андрей Андреевич интересовался происхождением своего рода, заглядывал далеко — вплоть до племенной жизни славян, связывая своих предков с племенем славных радимичей. Один из представителей рода, белоцерковский казачий полковник Михайло Громыко, был сподвижником гетмана Богдана Хмельницкого и погиб в 1649 году; его сын Василий ездил в Москву к царю Алексею Михайловичу посланником от гетмана, то есть исполнял дипломатическую миссию задолго до *появления* на свет своего знаменитого сородича. (Здесь автор, вопреки логике повествования, вспомнил и своих предков-казаков, заместителя командира Полтавской сотни Полтавского полка Андрея Рыбца и его брата Ивана — они, как и Михайло Громыко, внесены в Реестр войска Запорожского, подписанный по Зборовскому договору польским королем Яном Казимиром,)

Накануне Первой мировой войны историческая память русских была многослойной и противоречивой, предполагая несколько векторов развития. Раскол общества осознавался уже тогда как самая большая опасность. Поэт Александр Блок писал Константину Станиславскому 9 октября 1908 года: «Полуторастамиллионная сила пойдет на нас, сколько бы штыков мы ни выставили, какой *бы* “Великой России” (по Струве) ни воздвигли. Свято нас растопчет»[{19}].

Сам же Андрей Андреевич был поднят из глубин народной жизни мощным и страшным процессом смены политической элиты, который начался после того, как напирающие снизу на имперскую власть силы национальной буржуазии в союзе с либеральной интеллигенцией, не найдя компромисса, обрушили государство. Тут-то и вышли на свет их неожиданные наследники в лице крестьянских детей, сыновей священников, мелких предпринимателей, нижних слоев бюрократии и интеллигенции.

Глава 3.
ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ И БОРЬБА ЗА НЕФТЬ

Как созревают войны и гибнут государства

Первая мировая война была только частью глобальной планетарной войны, базовой конструкцией всех последующих больших и малых столкновений, включая прежде всего Вторую мировую и «холодную». Можно сказать, Андрей Матвеевич передал сыну эстафету, и наш герой продолжил дело, начатое другими.

* * *

В начале века, будучи «чемпионом мира» по уровню промышленного развития и обладая сильнейшей в Европе военной машиной, Германия бросала вызов мировой гегемонии Британской империи. Ей требовались новые рынки сбыта и новые источники сырья. Опоздав в колонизации стран Азии и Африки, Германия стала конкурировать с Англией и Францией.

Поэтому в апреле 1904 года английская дипломатия, всегда отличавшаяся замечательной рациональностью, начала стратегическую операцию на Европейском континенте — было подписано генеральное соглашение с Францией по комплексу спорных территорий от Ньюфаундленда до Сиама, получившее название «Согласие» (Антанта). Попытка Николая II параллельно заключить континентальный союз с германским императором Вильгельмом II и привлечь к союзу Францию была резко отклонена Парижем.

После финансового кризиса в конце 1905 года и спасительного французского займа ослабленная Россия оказалась прочно привязана к французской политике, которая рассматривала ее прежде всего как военного союзника против Германии. В 1907 году по предложению Лондона была заключена англо-русская конвенция, урегулировавшая отношения стран в Персии, Афганистане и Тибете. Это был второй шаг к втягиванию России в Антанту. Согласно конвенции, Персия разделялась на зоны влияния; российскую (северную), примыкающую к Кавказу, нейтральную (среднюю), включающую северное побережье Персидского залива, и английскую (южную), прикрывающую подступы к «жемчужине британской короны» — Индии. Афганистан признавался вне сферы российского влияния, «перестал быть полем русских интриг против Индии», но Россия сохраняла там «право голоса» в случае осложнений, затрагивающих ее интересы. Показательна точка зрения на

Афганистан начальника Генерального штаба Ф. Ф. Палицына, высказанная им во время обсуждения конвенции: «Афганистан имеет для России едва ли не самое большое значение на всем среднеазиатском театре. Новая доктрина английских военно-политических кругов, рассматривающих Среднюю Азию в качестве решающего плацдарма возможной войны с Россией, превращает страну эмира из буферного государства в британский аванпост, в огромную боевую позицию, угрожающую целостности и покою империи»{20}. (Мы будем иметь возможность вспомнить эту мысль Палицына в 1979 году, когда Советский Союз ввел войска в Афганистан.)

Впрочем, после того как после переговоров с англичанами были получены их заверения о согласии предоставить России исключительные права на проход ее военных кораблей через Проливы, Генеральный штаб снял свои возражения. Среднеазиатский театр переставал для России быть опасным, зато европейский выходил на первый план.

Англичане убедили российских дипломатов не включать пункт о Проливах в официальное соглашение, мотивировав это возможным раздражением Германии, и этот аргумент был принят Санкт-Петербургом, который, в свою очередь, стремился балансировать между европейскими центрами, сохраняя свободу рук. Таким образом, Форин Оффис, не дав письменных обязательств, формально не был ничем связан в этом вопросе и мог использовать его в следующий раз как аргумент для дипломатической торговли, что, естественно, и было исполнено во время Первой мировой войны.

В конвенции не упоминалось о персидской нефти, которую англичане получали как незапланированный приз, эта проблема встанет перед Москвой и Лондоном через 40 лет, в иное историческое время, уже при участии Андрея Андреевича.

Много ли выиграла Россия в 1907 году? Профессор международного права Московского императорского университета, советник министра иностранных дел барон Ж. Таубе в частной беседе упрекал министра С.П. Извольского: «Я нахожу в этом договоре, что вы желаете дать Англии, но не нахожу того, что она желает дать нам. Вы отказались от Афганистана, от Персидского залива, который, может быть, когда-нибудь обеспечил бы нам выход в открытое море, которого мы тщетно ищем в направлении Константинополя. Вы ничего не получили, за исключением северной Персии, где мы уже фактически являемся хозяевами»{21}.

Действительно, Россия отказывалась от перспективных «особых отношений» с Персией и Китаем в надежде на

гипотетические успехи на европейском направлении, где на нее все смотрели, мягко говоря, весьма настороженно. Это противоречило взятому Столыпиным курсу на постепенное (без потрясений и войн) укрепление среднеразвитой российской экономики в направлении необходимой модернизации и приближало страну к европейской войне.

Окончательный поворот в российской политике произошел после Боснийского кризиса в 1909 году, когда Австро-Венгрия при поддержке Германии ввела войска в Новобазарский санджак (турецкий район между Сербией и Черногорией), аннексировала Боснию и Герцеговину Благодаря этому центральные державы получали путь к Средиземному морю и Ближнему Востоку. Россия была вынуждена согласиться с аннексией, желая в обмен получить признание Веной своих прав в Проливах и будучи не готовой к новой войне. Министр иностранных дел Извольский пошел на неформальные переговоры с австро-венгерским коллегой А. Эренталем, дал согласие на признание Россией аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в обмен на обещание Эренталя поддержать требование России открыть Проливы для прохода русских военных судов и предоставить территориальные компенсации Сербии. Проблема Проливов как главной южной коммуникации остро встала во время Русско-японской войны, когда Черноморский флот не мог выйти на помощь эскадре адмирала Рожественского, потом почти полностью погибшей в Цусимском сражении, — союзная Японии Великобритания блокировала проход кораблей через Босфор и Дарданеллы.

Всю ответственность за согласование с другими государствами отмены положений Берлинского трактата, касающихся Проливов, Извольский взял на себя. (Напомним, что этот трактат был следствием поражения России в Крымской войне.) Однако он жестоко ошибся: Великобритания и Франция, не заинтересованные в изменении статус-кво в районе Проливов, не поддержали российского министра. Кроме того, англичане впервые поставили обязательным условием согласие Турции, чего раньше никогда и нигде не делали; впоследствии они не раз применяли подобный прием. Оказалось, что «Сердечное согласие» не отменяет приоритета государственных интересов. (Аналогичные дипломатические ошибки делались Москвой и позже, достаточно вспомнить последнего советского лидера М. С. Горбачева с его приоритетом «общечеловеческих ценностей».)

Германия же, угрожая России войной, вынудила ее признать аннексию без всякой компенсации и принудить к тому же Сербию. В Берлине даже заявляли, что наступил «самый лучший момент,

чтобы рассчитаться с русскими».

Дипломатическое поражение и публичное унижение России прямо сказались на ускорении перевооружения армии, а также на общественных настроениях в стране накануне августа 1914 года.

Громыко прекрасно помнил, что поражение Извольского окрестили «дипломатической Цусимой». Наш герой вообще отрицательно относился ко всякого рода неформальной дипломатии, считая ее неполноценной и опасной.

У России всегда были разнообразные интересы на Балканах и Средиземноморье. В то время на российское правительство оказывали давление мощные лоббистские группы — экспортеры зерна, банкиры, углепромышленники, машиностроители, судостроители, нефтепромышленники, для которых было принципиально важно получить контроль над Проливами, дающими выход в Средиземное море, и дипломатическим путем обеспечить Черное море от вхождения туда иностранных военных судов. Многие из них были связаны с французским капиталом (производство металла, добыча нефти и угля, экспорт нефти и зерна), то есть экономика тоже подталкивала правительство к активности в регионе. К примеру, в 1913 году из общего количества — 10 миллионов 670 тысяч тонн — вывезенного хлеба 7 миллионов 900 тысяч тонн, то есть более 80 процентов, экспортировалось через порты Черного и Азовского морей{22}. Среди французских предпринимателей, работающих в России, выделялись Ротшильды (банковское дело, нефть, металлургия, производство вооружений), торговцы зерном и банкиры Дрейфусы. Было бы наивно считать, что они не имели возможности влиять на российскую политическую элиту.

Экономическое, а затем и военное проникновение Германии на Балканы и Ближний Восток вызвало огромную тревогу у российских дипломатов, обоснованно считавших, что Россия окажется запертой на средиземноморском направлении. Тревога усиливалась еще и по причине укрепления взаимоотношений Германии и Турции, причем Лондон, к тому же имевший крупные военные заказы турок синдикату «Армстронг энд Виккерс», занимал, как всегда, двойственную позицию в отношении российских интересов. Оптимальным вариантом для англичан было бы взаимное истощение в войне сил Германии и России.

«Проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение всего экономического развития юга России этому государству» — так определил в письме Николаю II позицию российского МИД министр иностранных дел С. Д. Сазонов, сменивший Извольского{23}.

По предложению Сазонова Совет министров рассмотрел

возможность военного захвата Проливов, однако ни армия, ни флот к масштабной войне, которая последовала за десантной операцией, не были готовы.

Еще одно обстоятельство оказало решающее влияние на приближение мировой войны — это борьба за нефть.

О, нефть, ты — суть XX века! В апреле 1912 года по инициативе первого лорда английского адмиралтейства У. Черчилля было принято решение строить линкоры на мазутном топливе (а не на угле, как прежде). Начинался новый технологический уклад мировой цивилизации, эпоха углеводородов и борьбы за энергетическую безопасность и пути доставки нефти. Век угля и пара, в котором еще пребывала Россия, заканчивался. Символом нового времени стал автомобиль, а будущий президент Соединенных Штатов капитан Дуайт Эйзенхауэр возглавил автомобильный пробег через всю Америку, пропагандируя новый вид транспорта.

В целом же в России, как и во всех развитых странах, шел выбор направления экономического развития. Уголь или нефть? Останется ли уголь энергоносителем и в будущем? И здесь Санкт-Петербург совершил ошибку: обладая огромными запасами нефти (первое-второе место в мире по ее добыче), российское правительство продолжало делать ставку на традиционный уголь, поддерживая металлургию и угледобычу и сдерживая чрезмерным налогообложением промышленную переработку нефти{24}. Такая политика сильно затормозила переход к следующему технологическому циклу, для которого основным явлением был двигатель внутреннего сгорания.

Это решение, не исключено, принималось под давлением французских партнеров (банк «Сосьете женераль» и др.), которые владели концерном «Продуголь» (65 процентов добычи донецкого угля) и концерном «Продамет» (свыше 84 процентов производства толстого и тонкого сортового железа). К 1914 году 55 процентов российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу — на деловом языке это называется «обладание контрольного пакета».

При этом надо учесть, что экономика России являлась полем постоянного соперничества между разными группами зарубежного капитала, из которого на долю стран Антанты (Франция, Англия, Бельгия, США, Италия) приходилось 75 процентов, а на долю германских и австро-венгерских всего 20 процентов. Поэтому понятно, на чьей стороне в итоге оказалось и политическое преимущество.

Ошибку российского руководства можно назвать неосознанной, так как многоукладность отечественной

экономики, в которой технологические уклады столетней (технологическое ядро — текстильная промышленность, текстильное машиностроение, водяной двигатель и т. д.) и пятидесятилетней давности (паровой двигатель, железнодорожное строительство, машиностроение, пароходостроение, угольная промышленность, черная металлургия), «не носила воспроизводящего характера и быстро преодолевалась в результате опережающего расширения производств третьего и становления базисных технологий четвертого технологических укладов в конце XIX и начале XX века»{25}.

Экономику России уже во многом начинали определять третий технологический уклад (электротехническое и тяжелое машиностроение, производство и прокат стали, линии электропередач, неорганическая химия) и его «наследник», четвертый (автомобилестроение, тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, органическая химия, производство и переработка нефти). Ошибка российского правительства заключалась в недальновидной промышленной политике, выразившейся, например, в избыточном налоговом давлении на нефтепереработку, из-за чего выгодным было использовать нефть исключительно как топливо{26}.

* * *

Переход же британских боевых кораблей на новые двигатели дал увеличение в скорости и радиусе действия. Единственное неудобство заключалось в том, что нефть добывали не в Англии, а в Персии. А именно туда, на Ближний Восток, была нацелена германская экспансия. Поэтому чем активнее продвигались немцы на Балканах и в Турции, тем очевиднее становилась угроза английским, французским и российским интересам в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Отметим, пользуясь подходами Громыко, что борьба за нефть была одним из важнейших факторов в стратегии Гитлера во Второй мировой войне. (Борьба за ближневосточную нефть стала доминантой XX века). А что касается начала века, то Первая мировая война отразила противостояние двух технологических укладов и стала войной нефти против угля, в которой вышли победителями не Британская, не Российская и не Германская империи, а технологически более современная — Соединенные Штаты.

Мировая война стала водоразделом между историческими

временами. Ее участники планировали окончить боевые действия через несколько месяцев, однако война продлилась долгие четыре года, в течение которых были применены новые формы межгосударственной борьбы. Фактически эта индустриальная война ознаменовала изменение в содержании исторического процесса, то есть с нее и началась эпоха, именуемая XX веком. Оказалось, что эта война за передел мира будет вестись в различных формах все столетие. Как символ непрерывности будущих потрясений надо рассматривать письмо американского посла в Лондоне Пейджа президенту США в связи с началом войны. Он писал, что «вся Европа (в той мере, в какой выживет) обанкротится, а мы станем безмерно сильнее финансово и политически»{27}.

И разве не прав оказался американский посол? Зато другие были не столь прозорливы.

В сентябре 1914 года канцлер Бетман-Гольвег назвал цели Германии в войне: создание «Срединной Европы» под эгидой Германии, объединение стран германского блока в банковский и таможенный союз с Италией, Швейцарией, Бельгией, Голландией, балканскими государствами. Реализация этих задач предполагала создание общих вооруженных сил. Россию следовало отодвинуть от немецких границ, она должна вернуться к допетровским границам и от нее должны быть отчленены территории, населенные национальными меньшинствами. В 1914—1916 годах под эгидой Германии создавались многочисленные национальные бюро и комитеты. Был выработан план «Лига нерусских народов России», стимулировались центробежные тенденции и «революционизирование» России. Через Лигу оплачивалась работа некоторых журналистов стран Антанты, публиковавших выгодные для Германии статьи о России.

Планы России выглядели так. Овладение Проливами, контроль над Константинополем; присоединение турецкой Армении и Курдистана; присоединение немецкой и австрийской частей Польши и создание автономного польского государства в границах Российской империи. Великобритания и Франция должны доминировать на Западе, Россия — в Восточной Европе, а между ними — урезанная, ослабленная Германия. Российское руководство объявило, что не намерено проводить против нее внутренних подрывных действий. Австро-Венгрия теряла Боснию, Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию, которые должны были присоединиться к Сербии. Болгария должна была получить часть Македонии. Греция и Италия — разделить Южную Албанию. Англия, Франция и Япония — разделить германские колонии. Чехия должна была стать независимой. (Как видим, обе

стратегии впоследствии были осуществлены — одна в постсоветский период, другая — в советский.)

Николай II говорил: «Главное — уничтожение германского кошмара… в котором Германия держит нас уже более сорока лет. Нужно отнять у германского народа всякую возможность реванша»{28}.

Это был колоссальный геополитический план, требующий огромных перенапряжений и жертв. Было ли к ним готово население? Насколько он отвечал первоочередным задачам государственного развития? Не могла ли Россия после его реализации стать объектом конкуренции со стороны союзников, как это было перед Русско-японской войной?

Киссинджер подсчитал: «В 1849 году Россия в самом широком плане считалась сильнейшей страной Европы. Через семьдесят лет произошла гибель династии, и страна временно выбыла из числа великих держав. В промежутке между 1848 и 1914 годами Россия была вовлечена в полудюжину войн (колониальные не в счет). Таким не могла похвастаться ни одна великая держава. В каждом из этих конфликтов, за исключением интервенции в Венгрию в 1849 году, финансово-политические потери России намного превышали ожидаемые выгоды…»{29}

Продолжение этой политики, как заметил Киссинджер, было роковым и для Советского Союза, руководители которого, как в свое время и Николай II, забыли предостережение канцлера Горчакова, что для России «расширение территории есть расширение слабости».

Вообще в нашей реконструкции судьбы Громыко свое особое место — у Киссинджера. Несмотря на понятное для американского мемуариста стремление порой присочинить, чтобы постфактум казаться прозорливее, это серьезный политик, которого Андрей Андреевич уважал. Его мемуары — зеркало, отражающее многие мировые катаклизмы, в котором часто вдруг мелькнет, например, среди рассуждений о природе Первой мировой войны хотя бы вот такое умозаключение: «Советскому Союзу было бы гораздо лучше оставаться в пределах границ, сложившихся после Второй мировой войны, а с другими странами установить отношения так называемой “спутниковой орбиты”, наподобие тех, которые он поддерживал с Финляндией»{30}.

Подобным методом совмещения времен и проблем пользовался и наш герой. Правда, данное высказывание Киссинджера, как мы увидим в дальнейшем, не вполне объективно: Советский Союз пытался, но ему не дали провести политику «финляндизации».

В начале Первой мировой войны англичане гарантировали

России овладение Проливами, хотя не собирались выполнять это соглашение. (Точно так же они поступили и после Второй мировой войны, можно сказать, уже на глазах Громыко.)

Союзники были далеко не в восторге от российских планов закрепления в Средиземноморье. Поэтому сильнейший английский флот вдруг беспрепятственно пропустил в Черное море два германских крейсера «Гебен» и «Бреслау», которые, присоединившись к турецкому флоту, значительно увеличили мощь последнего и сделали его сильнее русского Черноморского флота. Таким образом, стала нереализуемой вековая мечта царского правительства овладеть столицей «Второго Рима». Россию лишали главного военного приза и оставляли ей все тяготы и жертвы как основного сухопутного оппонента германских армий. Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей признавал: «Английская политика всегда преследовала цель не допустить Россию к Константинополю и Проливам; мы боролись за это в Крымской войне… и это было основным направлением нашей политики под руководством Биконсфильда. В настоящее время Англия намерена захватить Константинополь с тем, чтобы, когда Англия и Франция с помощью России выиграют войну, Россия при наступлении мира не получила бы Константинополь»{31}.

К тому же на попытку английских и французских дипломатов склонить Петроград к сепаратному миру с Австро-Венгрией (с целью концентрации всех русских сил против Германии) Россия ответила категорическим отказом. Царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов заявил: «Австро-Венгрия должна быть расчленена»{32}.

Важнейшим обстоятельством конкуренции между союзниками явилась борьба за размещение российских военных заказов. После разрыва отношений с Германией российская промышленность должна была компенсировать выпавший импорт: по инициативе главнокомандующего российской армией великого князя Николая Николаевича зимой 1915 года в Лондоне был создан комитет по распределению военных заказов России в США во главе с главнокомандующим английскими войсками лордом Китченером и генералом Эллершоу Под гарантии английских банков заказы передавались представителю американского банковского синдиката Моргана, а тот распределял их между американскими фирмами. Англичане как посредники получали огромную выгоду.

«В результате действий лондонского комитета война для России стала непосильно дорогим удовольствием: если в 1914 году день войны стоил российской казне 9,5 млн. руб., то после

начала работы комитета эта цифра выросла до 60—65 млн. руб. Пулеметы Кольта, например, Россия вынуждена была закупать по 1250 долл. при себестоимости 200 долл. и средней рыночной цене 700 долл. То же происходило со всеми американскими товарами. За время работы комитета Китченера и Эллершоу США полностью избавились от внешних задолженностей. Общая стоимость русских заказов в Америке оценивалась в 7 млрд. руб. золотом. Чистая прибыль 50 американских компаний-лидеров, только по официальным отчетам, которые считаются сильно заниженными, составила около 3 млрд. долл… В июле 1915 года агент Министерства торговли и промышленности Медзыховский выступил в Совете министров с докладом “О вреде монопольной агентуры Моргана, что вредно бы отразилось на цене и выполнении военных заказов”. Реакции властей на этот доклад не последовало: уж слишком многие грели руки на деятельности лондонского комитета, да и ссориться с Англией было не время»[{33}].

Вообще взаимоотношения внутри Антанты для советской дипломатии стали примером фантастической рациональности западной политики. Можно утверждать, что у Сталина, Молотова и Громыко были первоклассные учителя.

Главным для Лондона было удержать Россию в войне (русский фронт оттягивал миллион немецких солдат), и настроения в ближайшем окружении русского императора в пользу сепаратного мира были безжалостно пресечены. Посчитав, что «прогерманская партия» в окружении царя может быть опасной, Секретная разведывательная служба Британии организовала убийство Григория Распутина, открыто высказывавшегося за выход из войны. Британское же посольство в Петрограде поддерживало русскую «проанглийскую партию» в подготовке Февральской революции с целью сменить Николая II на более надежного для союзников политика.

Глава 4.
ОТ ВЕРСАЛЯ ДО МЮНХЕНА

Экономика для гражданской войны

Но не Берлин и не Лондон разрушили Российскую империю, созданную Петром Великим. Это сделали русские люди, для которых государство, во многом не воспринимавшее их потребности и интересы, было чужим.

С созданием Военно-промышленного комитета (в целях добровольной «мобилизации промышленности» для нужд войны) начало реализовываться оформление параллельной власти российской буржуазии, причем не только столичной, но и провинциальной. Индустриальная война быстро делала то, что вчера казалось немыслимым. Косвенно было выражено недоверие доминировавшей петербургской финансово-промышленной группе, тесно связанной с высшей бюрократией и иностранным капиталом. С учетом десятков тысяч действующих кооперативов Союза земств и городов (Земгор) ВПК приобретал организующий гражданское общество характер. Это не могло не оказывать влияние на политические верхи и на армию. В основной массе офицеров русской армии были разночинцы и даже выходцы из крестьян, тогда как политическая верхушка государства была аристократической. В конце концов недовольство экономическим и военным управлением создавали в обществе совершенно новые связи.

Анализируя экономические причины мировой конкуренции, наш герой не преминул заметить: «Царская Россия нуждалась в займах ввиду больших платежных обязательств, которые она должна была покрывать в Англии и Франции в связи с дефицитом ее внешней торговли… В связи с войной положение еще больше осложнилось, так как до войны 45 процентов экспорта России уходило в Германию и другие страны Центральной Европы, с которыми она теперь была в состоянии войны, в то время как 90 процентов ее иностранного долга приходилось на союзные с ней государства. Это значит, что единственным для нее источником покрытия предвоенной задолженности являлись новые внешние займы»{34}.

То есть Первая мировая война явилась ловушкой для империи и, если хотите, проекцией на будущие проблемы СССР.

В Государственной думе образовался депутатский Прогрессивный блок, в который вошли около 300 депутатов из 420, а также многие члены Государственного совета. Его естественной опорой были насквозь буржуазные Военно-промышленный комитет и Союз земств и городов. Объединившаяся с умеренными фракциями, оппозиция

потребовала права формировать правительство (ответственного перед Думой, а не перед царем), то есть продолжила борьбу за государственную власть. Вместо того чтобы продолжать формирование гражданского общества, либералы двинулись в направлении дезорганизации и изоляции режима. Вокруг Прогрессивного блока стали объединяться финансисты, промышленники, либерально настроенные члены Государственного совета, министры и даже генералы. Незавершенные экономические реформы Витте — Столыпина подталкивали финансово-промышленные круги и связанные с ними широкие круги интеллигенции к давлению на власть. По сути, в их лице «либеральный Запад» (активная группа культурного населения) с нарастающей силой давил на имперскую политическую систему, желая получить часть ее властных полномочий.

В конце 1916 года созрел антиправительственный заговор, о котором его участники сочли нужным сообщить английскому посольству в Петрограде. Февральская революция, опустившая имперский занавес, была логическим завершением их действий.

После отречения императора Николая II руководство Англии и Франции фактически бросило на произвол судьбы Временное (просоциалистическое, прозападное) правительство России, когда увидело, что оно не может обеспечить боеспособности русской армии. Лондон и Париж сначала поддержали заговор генерала Л. Г. Корнилова, а после его провала не побоялись усиления радикально настроенных большевиков во главе с Лениным, полагая, что большевики недолго продержатся у власти, после чего власть гарантированно перейдет к правым. Посол Франции Ж. Нуланс 8 ноября 1917 года телеграфировал в Париж: «По мнению собеседников, успех большевиков Петрограда будет мимолетным и не продлится свыше недели, ибо войска с фронта, к которым направляется Керенский, легко их одолеют»[35].

Но в реальности было совсем не так. Исторические события всегда содержат непрогнозируемые сюжеты будущего.

После Октябрьской революции союзникам пришлось срочно менять свою стратегию. 3 декабря (по новому стилю) 1917 года английский посол Дж. Бьюкенен получил из Лондона рекомендацию о необходимости организовать на территории России «Южный блок» (Кавказ, Дон и Кубань, Украина, Румыния), что «позволило бы создать умеренно прочное правительство, которое во всяком случае при наличии у него нефти, угля и зерна поставит под контроль всю Россию».

Этот замысел (еще один «Мюнхен») был быстро реализован. 23 декабря 1917 года в Париже было подписано «Соглашение

между Англией и Францией относительно действий в южной России» о разделе страны на английскую зону (казачьи территории, Кавказ, Армения, Грузия, Курдистан) и на французскую (Бессарабия, Украина, Крым).

В принципе ничего чрезвычайного в таком решении не было. Например, еще в марте 1911 года правительство Соединенных Штатов предъявило Мексике ультиматум: «В продолжение трех месяцев подавить революцию и гарантировать безопасность иностранным капиталам, иначе войска перейдут границу и установят порядок»{36}.

* * *

Решение союзников стало основой для поддержки антибольшевистских сил на Дону, а потом и на всем Юге. Бывшие союзники первоначально не преследовали в России явные внутриполитические цели, кроме тех, которые ставила перед ними продолжающаяся война с Германией. Выход России из войны менял всю стратегию союзников, так как сто немецких дивизий, уйдя с Восточного фронта, могли решить исход войны в пользу Берлина. Если бы немцы захватили Украину и Кавказ, они бы имели большие шансы, во-первых, выйти в Персию, где находилось «нефтяное сердце» британского флота, и, во-вторых, взять под контроль всю Центральную Россию.

* * *

Здесь уместно вспомнить одно высказывание министра иностранных дел Великобритании лорда Бальфурав 1919 году: «Единственное, что меня интересует на Кавказе, — это кто контролирует дорогу, по которой качается нефть, а аборигены могут хоть разорвать друг друга на части»{37}.

3 февраля 1918 года советское правительство аннулировало внешние и внутренние долги России. Особенно пострадали интересы французов, теперь российский долг в 10,5 миллиарда франков превращался в прах. Если до этого они продолжали сотрудничество с новой властью в попытках сохранить финансовый рычаг воздействия и восстановить Восточный фронт, то отныне их политика становилась враждебной. Долг Англии составлял 600 миллионов фунтов стерлингов. Россия вышла из-под финансового контроля. У Парижа и Лондона иных средств воздействия на нее не осталось.

9 марта в Мурманском порту началась высадка английского десанта, который должен был по начальному замыслу создать основу для отпора немцам и защиты находившихся здесь огромных складов оружия и военного снаряжения, но в связи с изменением стратегии превратился в часть оккупационных сил союзников. Всего в 1918—1919 годах на Север были переброшены 29 тысяч англичан, 7,5 тысячи американцев, около тысячи канадцев. Вместе с находившимися по линии Мурманской железной дороги бывшими пленными сербами, чехо-словаками и поляками они стали опорой антисоветских белогвардейских частей. (В январе 1918 года Чехословацкий корпус — 30 тысяч человек, — вскоре ставший опорой адмирала А. Колчака в Сибири, был объявлен воинским подразделением французской армии.)

История Гражданской войны не могла не быть в поле зрения Андрея Андреевича. «Из общей суммы (американских) кредитов в 10 миллиардов долларов, ассигнованных союзникам в 1917—1918 гг., 450 млн. долларов предназначалось для Временного правительства. Подавляющая часть этих средств пошла на финансирование белогвардейских армий»[38].

Как вспоминал последний посол Российской империи (временный поверенный) в Японии Дмитрий Иванович Абрикосов, русская революция «способствовала появлению повсюду самых амбициозных планов, и можно только гадать, какие шаги предприняли бы европейские державы по разделу Российской империи, если бы не были поглощены войной с Германией. Это странный исторический парадокс, но война, которая была основной причиной появления и победы большевиков в России, спасла страну от расчленения»[39].

Кроме того, на территории России ни на один день не ослабевало соперничество ее бывших союзников. Только в Сибири и на Дальнем Востоке, где воевали белые армии адмирала А. В. Колчака, конкурировали друг с другом американцы, англичане, французы и японцы. Причем японцы руками своего ставленника атамана Семенова фактически отрезали Колчака от Владивостока и препятствовали тыловому снабжению войск Верховного правителя.

Кадровая революция снизу

Как известно, интервенция закончилась поражением белых армий и их союзников и в России утвердился коммунистический режим, была восстановлена целостность государства, началась ускоренная модернизация. Несмотря на жестокость, с которой новая власть устанавливала социальную справедливость и боролась с белогвардейцами, русское население все же предпочло большевиков. И в числе миллионов крестьянских детей Андрей Громыко, который с тринадцати лет помогал отцу рубить и сплавлять по реке лес, промокая при этом до нитки, получил шанс воспользоваться плодами революции.

Путь был один: через сельскую комсомольскую организацию, учебу, труд, веру в идеалы социальной справедливости. Сегодня это может показаться примитивным. Тогда же происходила замена правящего политического класса, потерпевшего сокрушительное поражение в лице Временного правительства, выходцами из допетровского, доимперского слоя. Для них социальные лифты были распахнуты.

Если проанализировать биографии крупнейших государственных деятелей эпохи социалистической индустриализации (В. Молотов, А. Рыков, Г. Маленков, Н. Вознесенский и ряд других), то бросается в глаза их происхождение из низов мелкого предпринимательства и ремесленников. Они в своей массе и заменили дворян и вообще «социокультурное санкт-петербургское ядро», которое не сумело сохранить имперскую государственность. Их вождь тоже происходил из этого же нижнего слоя, его отец был мелким ремесленником-предпринимателем в грузинском городке Гори, а дядья владели придорожным рестораном — все они разорились от последствий экономического кризиса конца XIX века.

Как оказался среди них крестьянский сын Громыко? Думается, в значительной степени благодаря родителям, особенно матери, Ольге Евгеньевне, которая в детстве привила ему любовь к чтению книг и открыла ему мир культуры. («Да, я любил и люблю читать. С детства, когда научился складывать из букв слова, из слов фразы. Прочитанное заставляло думать. Так научился размышлять»{40}.)

Да, любил читать, зачитывался Пушкиным, Тургеневым, Гоголем, гомеровскими «Илиадой» и «Одиссеей», гётевским «Фаустом». И еще самодеятельный театр, работа секретарем сельской комсомольской организации (в 14 лет), потом профтехшкола в Гомеле, техникум в Борисове, где вступил в

партию (в 22 года) и стал секретарем партийной ячейки, а дальше сельскохозяйственный институт в Минске, после окончания двух курсов экономического факультета переход на экстернат и работа директором школы, затем поступление в аспирантуру, перевод в Москву в Институт экономики Академии наук СССР, где директором был академик Е. С. Варга, участник социалистической революции в Венгрии.

Фантастическое перемещение из Старых Громык в столицу! Никто не заметил, что тогда этот рослый (185 сантиметров), худощавый молодой человек в перелицованном костюме стал одним из героев эпохи. Чем он выделялся в то время? Огромная работоспособность, прекрасная память, чувство ответственности, начитанность, способности к самообразованию. У него на всю *жизнь* сохранилось уважение к научной и исторической литературе, и часто, уже будучи министром, он говорил в затруднительных случаях: «Давайте проверим, что есть у историков», — и раскрывал книги Ключевского, Соловьева, Татищева, мемуары весьма уважаемого им С. Ю. Витте. При случае даже мог целыми страницами цитировать Евангелие, которое хорошо помнил со времен уроков Закона Божьего в сельской школе{41}.

В его мемуарах находим: «Тридцатые годы… Это был сложный период жизни Советской страны, народ которой строил социализм. Грандиозная мирная работа по созданию в СССР нового общества протекала, особенно во второй половине десятилетия, в напряженной международной атмосфере. В воздухе уже отчетливо пахло порохом. По всему чувствовалось, что на страну надвигались тяжелые свинцовые тучи войны. Не хотелось верить! Но дело обстояло именно так, и советские люди это понимали.

Один за другим народы, многие страны становились жертвами агрессии гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, вставших на путь развязывания второй мировой войны. С учетом такого положения Англия, Франция и США проводили политику “умиротворения” этих государств, всячески пытаясь отвести от себя острие агрессии и направить его против СССР…

Такая политика, венцом которой явился состоявшийся в сентябре 1938 года мюнхенский сговор правящих кругов Англии и Франции с германским фашизмом, не только послужила поощрением агрессоров на новые авантюры, но и обернулась прежде всего против тех, кто потворствовал им. Не прошло и года со времени сделки в Мюнхене, как пожар мировой войны перекинулся и на обе эти страны — Англия и Франция оказались

ее участниками. На глазах всего мира развалилась созданная определенными кругами стран Запада концепция, согласно которой агрессия фашизма может оставить страны Запада в стороне»{42}.

Конечно, сказано без затей, так что нам снова необходимо продолжить, с учетом того, что именно Мюнхен сказался в его судьбе решающим образом.

В ту пору Громыко было 29 лет, он занимался экономической наукой, учил английский язык, читал лекции рабочим и колхозникам, расширяя их политический кругозор. Еще он участвовал в соревнованиях по стрельбе и выполнил норму для получения престижного значка «Ворошиловский стрелок», затем прошел непростые соревнования на значок «Готов к труду и обороне», где надо было быстро бегать, далеко прыгать и метать спортивную гранату. Зачем это нужно, сегодня не все поймут. Тогда вопрос так не стоял. В воздухе отчетливо пахло военной грозой. Он даже пытался поступить в авиационное училище и стать военным летчиком, но не прошел по возрасту.

Как отличается тогдашний Андрей Андреевич от сельского комсомольского активиста! И все советское общество разительно изменилось по сравнению с двадцатыми годами.

Кончилась эпоха энергичных революционных вождей, как говорил социолог Питирим Сорокин, «людей одной идеи». После мучительной внутриэлитной борьбы за выбор направления государственного строительства сторонники мировой революции, так называемые «старые революционеры», прошедшие свои университеты в дореволюционной России и мало приспособленные к решению задач модернизации, были вынуждены уступить власть прагматикам, нацеленным на строительство социализма в одной стране. Автор оставляет в стороне подробности той невиданной бури, разрушившей тысячелетний жизненный уклад крестьянской по преимуществу страны и в результате невиданного напряжения сил, энтузиазма молодежи и жертв создавшей в СССР современную промышленность, науку, культуру. В 30-е годы СССР жил в условиях беспримерной гонки, руководствуясь директивой Сталина провести модернизацию в десять лет. («Иначе нас сомнут», — предупредил он.)

Для понимания обстановки, в которой жил наш герой, необходимо вспомнить, что коллективизация сельского хозяйства (Сталин называл ее «третьей революцией») позволила создать не только базу индустриализации, но и расколола страну. Как предупреждал знаменитый экономист Николай Кондратьев, только «здоровый рост сельского хозяйства предполагает мощное

развитие индустрии», а для успешного экономического принуждения необходимо иметь «высококультурную массу с сильным сознанием государственности, доверие к власти и готовность на самопожертвование». Были ли накануне коллективизации в 1928 году у крестьян «сильное чувство государственности», «доверие к власти» и «готовность к самопожертвованию»?

Но на кону стоял вопрос жизни и смерти социалистического государства. Идти в социализм «на крестьянской лошадке», с ежегодным приростом экономики в два процента, как предлагал оппонент Сталина Николай Бухарин, было неприемлемо. Требовалось повысить товарность сельского хозяйства, ликвидировать полуфеодальное крестьянское малоземелье и огромную перенаселенность деревни.

В 20—30-е годы власть постоянно терроризировала разные группы населения, сопротивляющегося тяготам модернизации, применяя всевозможные методы подавления. Во время нэпа ситуация стала выравниваться, а с началом ускоренной модернизации под удар попали специалисты старой школы, инженеры, ученые, офицеры императорской армии. Общую картину надо определить как вытеснение ярких носителей старой культуры и идеологии, не способных мобилизовать население на решение небывало трудных задач. Это была опасная политика, которая, с учетом идущих им на смену малообразованных энтузиастов (или карьеристов), вела к резкому упрощению элиты.

Особенную остроту репрессии приобрели во время коллективизации 20 миллионов крестьянских хозяйств, в которых 40 процентов пашни обрабатывались деревянными сохами, как при царе Горохе. Были высланы на спецпоселения семьи «кулаков» — в Казахстан, Урал, Восточную Сибирь, в 1931 году — 240 757 семей (1 158 986 человек). На новых местах высланным предстояла тяжелая работа, они были лишены избирательных прав и ограничены в передвижении. Всего же было выслано в 1932—1940 годах 2 176 600 человек, из них умерло 389 521 человек{43}. Сосланные и заключенные представляли собой дешевую и организованную рабочую силу, их направляли туда, где свободные люди не соглашались работать даже за большие деньги. Так было, например, в первый год освоения на Таймыре уникального месторождения никелевой руды, вольфрама, золота, платины и других редких металлов. Вольнонаемные работники выдержали только один летний сезон и с наступлением холодов покинули дикий Север. Когда по предложению наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе стройка была передана в ведение ОГПУ и туда были направлены заключенные, работа

закипела. Подобных ударных строек были сотни. Труд заключенных использовался на строительстве Днепрогэса, Магнитогорского металлургического комбината, Челябинского тракторного завода, на Беломорско-Балтийском канале и канале Москва — Волга, на рудниках, шахтах, золотых приисках, строительстве железных дорог, электростанций, лесоразработках, военных заводах.

Репрессии, с одной стороны, изолировали сопротивляющихся, а с другой — формировали огромные контингента рабочей силы.

Но основой режима были такие люди, как Громыко, молодежь. К середине 20-х годов она составляла почти половину населения страны, так как по уровню рождаемости СССР занимал одно из первых мест в мире. Огромный поток молодых людей, выходцев из деревни, хлынул после революции в города, преображая их социальный и культурный облик. Многие из них были неграмотны или малограмотны. (В 1926 году 43 процента населения в возрасте 9—49 лет и абсолютное большинство в старшем возрасте не умели читать и писать.) Как с такими кадрами можно было проводить модернизацию? В 1930 году руководством страны была выдвинута задача проведения «всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидации неграмотности». Вводилось обязательное начальное (четырехлетнее) обучение детей и подростков. В промышленных городах и поселках разворачивались программы всеобуча в объеме школы-семилетки, открывались фабрично-заводские школы (ФЗУ) для подготовки молодых квалифицированных рабочих. Стала действовать единая система рабочего обучения без отрыва от производства, дававшая молодежи технические знания и общее образование в объеме семилетней школы. Вводились обязательные техминимумы для рабочих ведущих профессий тяжелой, химической и угольной промышленности. Создавалась широкая сеть технического просвещения (курсы, школы, кружки). Пропагандировались знания, поднимался авторитет специалистов. Были созданы новые вузы и техникумы. В 1932 году число вузов выросло в 5,7 раза по сравнению с 1925 годом. (К концу 1937 года работало 867 научно-исследовательских институтов и их филиалов, в них работало 37 600 научных сотрудников.) К концу второй пятилетки СССР занимал первое место в мире по числу учащихся и студентов, по темпу и объему подготовки специалистов.

Идеология первопроходчества, возможность получения образования, социального роста, уверенность в завтрашнем дне — все это делало советскую молодежь главной опорой власти.

Громыко вспоминал: «Всегда требовалось продолжать работу над собой, и всегда я это ощущал. Но одно можно сказать уверенно: приобретенные ранее знания были необходимы и являлись основой для того, чтобы быть затем полезным обществу».

Философ А. А. Зиновьев, сын костромского крестьянина, в юные годы — участник Великой Отечественной войны, обобщая смысл перемен, говорил, что «войну выиграл советский десятиклассник». Создав условия для развития молодого поколения, власть в конечном счете, несмотря на огромные экономические и социальные диспропорции, обеспечила успех форсированной модернизации.

Созвучно запросам читателей героической повести «Как закалялась сталь» Николая Островского появилась целая панорама кинофильмов режиссера Григория Александрова — «Цирк», «Волга-Волга», «Веселые ребята», искрящихся простым — сегодня он кажется примитивным — юмором, показывающих успешную жизнь советских людей. Другие выдающиеся фильмы, такие как «Чапаев» братьев С. и Г. Васильевых, «Мы из Кронштадта» Е. Дзигана, «Человек с ружьем» С. Юткевича, «Земля» А. Довженко, «Семеро смелых» С. Герасимова и другие, тоже несли идею непобедимости и торжества рядового человека, выходца из социальных низов. Создавался мир новых культурных образцов, своеобразный алтарь положительных героев. Культура, литература и искусство должны были поддержать творческую энергию строителей нового общества.

В 1934 году в СССР было восстановлено преподавание истории России. Русская история перестала рассматриваться как «контрреволюционная». В 1935 году, обращаясь к военным, Сталин впервые употребил выражение «Мать-Родина». В 1935 году была создана Всероссийская Пушкинская комиссия для популяризации творчества поэта и празднования в 1937 году его 100-летнего юбилея. Александр Пушкин, еще недавно причисленный к царской («белогвардейской») культуре, вернулся на родину. Были возвращены офицерские звания в армии, восстановлены казачьи кавалерийские части, ослабела антирелигиозная пропаганда, была закрыта газета «Безбожник».

Характерно следующее высказывание в газете «Правда» (1 февраля 1936 года): «Ненависть к русскому народу включает в себя, конечно, ненависть ко всему советскому». Постепенно в *повседневную* жизнь пробились многие реалии традиционной культуры, легко занявшие привычные места в общественном сознании. В репертуаре музыкальных и хоровых коллективов появились русские народные песни и танцы, стали печататься статьи о выдающихся представителях русской культуры и науки.

В общеобразовательные школы вернулась прежняя, как в гимназиях, практика обучения и даже пятибалльная система оценок. Возвращалось и преподавание в школах истории и географии, предметов, расширяющих кругозор и определяющих мировидение.

Символическим знаком стало опубликованное 30 декабря 1935 года постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы»: отменялись все ограничения на прием, связанные с социальным происхождением абитуриентов. Десятки тысяч молодых людей освобождались от своих «родовых пятен контрреволюции» и получали все гражданские права.

И наконец, накануне 1936 года вернули рождественские елки (отныне «новогодние»), что вызвало волну горячего восторга у детей и изумление взрослой публики. Все помнили запрет 1927 года на продажу елок, тогда против них объявили комсомольский «поход».

В литературе и искусстве поощрялись и сделались главными темы и образы преданных Родине героев, дружной семьи, идеалов самоотверженной любви и исполнения долга. Государственная политика в области культуры и образования стала полностью патриотичной и не допускала даже мысли о повторении пораженческих настроений, которые были свойственны либеральной русской интеллигенции во время Первой мировой войны.

По темпам промышленного роста СССР опережал все развитые страны Запада в два-три раза. Этот рывок превратил страну в мощную индустриальную державу, овладевшую самой передовой техникой. За первые две пятилетки и три с половиной года третьей было построено и введено в действие 17 тысяч промышленных предприятий. По такому фундаментальному показателю, как производство электроэнергии, СССР опережал Англию на 121 процент (в 1928 году Советский Союз производил 31 процент электроэнергии от уровня Англии), Францию на 245 процентов (34), Германию на 132 процента (29). Советская промышленность достигла уровня индустриального развития, доступного лишь трем-четырем странам: теперь она могла выпускать абсолютно любой вид продукции.

Одновременно с трагедией миллионов традиционных людей, попавших под пресс ускоренной модернизации, вырастала новая реальность. Вступили в строй тракторные заводы в Харькове и Сталинграде, автозаводы в Москве и Нижнем Новгороде, Днепрогэс, металлургические комбинаты в Магнитогорске и Кузнецке, машиностроительные и химические заводы на Урале. 1 ноября 1932 года был создан Трест специального

машиностроения (производство танков), в том же году было выпущено 1754 танка новых проектов. Качественно обновлялась авиация. В 1932 году началось строительство Тихоокеанского флота, в 1933 году — Северного.

Однако тогда мало кто обращал внимание на то, что догоняющая модернизация по сути продолжала начатые Витте и Столыпиным преобразования, в основе которых были энергетика на угле и третий технологический цикл, тогда как на Западе энергетика базировалась на нефти и полным ходом развивался четвертый технологический цикл (неорганическая химия, нефтепереработка, двигатели внутреннего сгорания, производство товаров длительного пользования).

Версальский договор и проигравшие победители

Для того времени был характерен острый интерес молодежи к международной обстановке, а она была непредсказуемой. Англия и Франция были главными действующими фигурами в Европе и стремились удержать это положение.

Франция как одна из главных спонсоров антисоветской интервенции и польско-советской войны была для Советской России «двойной звездой». После окончания Первой мировой войны и Парижского (Версальского) мирного договора, покаравшего Германию (его жестокость была инициирована французским премьер-министром Клемансо), она стала самой сильной державой континента. Ее активность распространялась столь далеко, что вызвала опасение Лондона, всегда стремившегося к балансу сил в Европе, и, что не менее важно, противодействие Москвы. Франция продолжала поддерживать Польшу, а польское правительство вплоть до начала Второй мировой войны проводило крайне агрессивную политику в отношении СССР. (Например, в августе 1937 года польский Генеральный штаб выпустил директиву № 230/2/37, в которой указывалось, что конечной целью польской политики является уничтожение «всякой России», а в качестве одного из действенных ее инструментов названо разжигание сепаратизма на Кавказе, Украине, в Средней Азии с использованием, в частности, возможностей военной разведки{44}.)

Кроме того, в Версальском договоре был раздел «Россия и русские государства», в котором говорилось о «постоянной и неотчуждаемой независимости всех территорий», входивших ранее в состав Российской империи. Советский Союз всегда рассматривал этот раздел как откровенно враждебный, месть Запада России за то, что она вышла из Первой мировой войны.

Германия бурно восстанавливалась. Ее отношения с Советским Союзом были закреплены еще в 1922 году Рапалльским договором, в котором оба государства-изгоя отказывались от взаимных претензий и обязывались поддерживать друг друга в режиме наибольшего благоприятствования. Однако экономическое возрождение Германии привело к изменениям в ее политическом руководстве. 30 января 1933 года Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером. Немцы верили, что теперь им удастся сбросить узы Версальской системы с ее огромными репарациями и

унижением великой страны. На повестку дня встал вопрос о перевооружении армии и выработке стратегии. Войсковое управление (эта структура выполняла функции министерства обороны) получило приказ о формировании двадцать одной дивизии и создании 300-тысячной армии с тяжелой артиллерией и авиацией. В 1933 году было начато производство танков, что запрещалось по Версальскому договору. Так как договор еще действовал, первая танкостроительная программа называлась: «План выпуска тракторов для сельского хозяйства».

Придя к власти под лозунгом «Против 18 ноября» (то есть против Версальской системы), Гитлер опирался на оскорбленное национальное чувство. Именно 18 ноября 1918 года в Версале, по решению победителей, Германия была расчленена и демилитаризована. Вряд ли кто-либо из союзников понимал тогда, что в истории есть события, имеющие очень долгие и непредсказуемые последствия.

Не могли сразу понять это и в Москве, где надеялись на продолжение новым германским руководством прежних рациональных отношений. Однако Гитлер считал Россию историческим врагом. Даже не поставив в известность руководство рейхсвера, выступавшего за сохранение прежних отношений с Советским Союзом, он вступил в переговоры с главой Польши Пилсудским, чтобы заключить договор о сотрудничестве.

26 января 1934 года Германия и Польша заключили договор, что было воспринято в Москве, с учетом неприкрытого антисоветизма Варшавы, как резкое возрастание военной угрозы.

«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Судьба указует нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства», — писал Адольф Гитлер в книге «Моя борьба».

18 декабря 1933 года Германия, выйдя из Лиги Наций, потребовала отмены всех военных статей Версальского договора, введения своих войск в демилитаризованную Рейнскую зону. Со времени Парижской конференции, решение которой превратило Германию в европейское ничтожество, прошло всего 14 лет.

Тем не менее международное положение Советского Союза стабилизировалось. В ноябре 1933 года были установлены дипломатические отношения США и СССР. Основным мотивом

президента США Франклина Рузвельта было желание предотвратить развязывание войны Гитлером.

Были установлены дипломатические отношения с Румынией и Чехословакией, странами, входящими в так называемую профранцузскую Малую Антанту, Венгрией, Болгарией, Албанией. СССР был принят в Лигу Наций и стал постоянным членом ее Совета, что свидетельствовало о возвращении Советскому государству статуса великой державы.

Кремль выдвинул идею создать европейскую систему взаимной безопасности, чтобы гарантировать себя от неожиданностей со стороны Германии.

К середине 1936 года мало кто в Европе сомневался, что Версальская система не удержит мир от грядущего передела. На часах западных политиков начался обратный отсчет времени: как только Германия выстроит оборонительный рубеж на границе с Францией и обеспечит, по выражению Уинстона Черчилля, защиту своей «парадной двери», она двинется на Юг и Восток.

Однако в 1936 году произошло много событий, разрушивших этот план. Одно из них — победа на парламентских выборах в Испании Народного фронта, в который входили левые партии, включая коммунистическую и протроцкистско-марксистско-ленинскую рабочую (ПОУМ), и еще восстание генерала Франко против республиканского правительства.

Война в Испании как прообраз Второй мировой

СССР был поставлен перед трудным выбором. С одной стороны, вмешательство в испанскую войну привело бы к обострению отношений с Англией и Францией, но, с другой, уклониться — означало утратить влияние в Коминтерне.

Поэтому по решению Профинтерна, состоявшегося в Праге 26 июля 1936 года, стали создаваться интернациональные бригады добровольцев.

Возможно, Советский Союз ограничился бы только посылкой интербригад, но воюющие стороны обратились за помощью, республиканцы — к новому правительству Франции Леона Блюма (Народный фронт), а франкисты — к Гитлеру и Муссолини.

Франция отреагировала мгновенно: 2 августа ее правительство обратилось к заинтересованным государствам Европы и США с целью заключить соглашение о невмешательстве. СССР принял это предложение. Тогда отношение Сталина вполне полно выражалось в директиве секретариата ИККИ в адрес ЦК компартии Испании: «Не забегать вперед, не сходить с позиций демократического режима и не выходить за рамки борьбы за подлинно демократическую республику»[45],

(Подобную «демократическую» перспективу он видел и после 1945 года, в форме «финляндизации», но — не вышло.)

Практически вся либеральная интеллигенция Запада воспринимала завязывающуюся в Испании борьбу как общую войну против фашизма, а в СССР видела, несмотря ни на что, единственную организованную антифашистскую силу. Такие известные люди, как физик Альберт Эйнштейн, художник Анри Матисс, писатели Эрнест Хемингуэй и Антуан де Сент-Экзюпери и многие другие, выступили в защиту республиканской Испании.

24 октября 1936 года Гитлер и Муссолини, уже объединенные операцией в Испании, объявили *6* создании «оси Берлин — Рим». 15 ноября в Берлине министры иностранных дел Германии и Японии, Нейрат и Муякодзи, подписали «Антикоминтерновский пакт». В течение одного месяца сложился военный союз, мощь которого трудно было недооценить. Гитлер заявил, что теперь Германия и Италия могут победить не только Россию, но и Великобританию.

Западные страны, прежде всего Англия, посчитали более приемлемым договариваться с Гитлером и Муссолини и не позволить СССР усиливаться в Средиземноморье. Поэтому идея

Москвы создать европейскую систему взаимной безопасности оказывалась фантомом. Эта система теперь должна была создаваться с заменой СССР новым игроком — гитлеровской Германией.

В 1938 году в мире сложилась неразрешимая ситуация. В ее основании лежали противоречия между несколькими центрами силы, из которых Германия и Япония, обладавшие недостаточными сырьевыми ресурсами, были нацелены на экспансию, а Англия, Франция, США и СССР были озабочены прежде всего сохранением стабильности.

В известном смысле повторялся сценарий, приведший к Первой мировой. При этом нужно вспомнить, что тогда у России не было прямой заинтересованности вступать в войну, она была втянута в нее, следуя прежде всего стратегии Парижа и Лондона сохранять баланс сил путем организации соответствующих коалиций.

Война в Испании обрушила надежды СССР создать Восточный пакт в Европе, центром которого были бы Париж и Москва.

Республиканская Испания была обречена. Это обстоятельство укрепляло позиции Германии, которая стала вести открытую подготовку к отделению от Чехословакии Судетской области, населенной немцами (3,5 миллиона человек).

* * *

Чехословакия была детищем Версальской системы; кроме земель с чешским и словацким населением, она включала в себя также земли со смешанным, в значительной степени — немецким населением. (Согласно первой переписи 1921 года, в составе населения Чехословакии 23,4 процента были немцы, 5,6 процента — венгры, 3,5 процента — украинцы, 1,4 процента — евреи и 0,5 процента — поляки.)

Гарантом «Версаля» была сильная Франция, создатель Малой Антанты (Чехословакия, Румыния, Югославия — тогда Королевство СХС), которая фактически отрезала Германию от Балкан и Средиземноморья, а также охраняла от внешних поползновений единственные в Европе нефтяные промыслы в Плоешти (Румыния). В 1935 году Чехословакия при поддержке Парижа заключила с СССР договор о взаимопомощи в случае агрессии третьей страны (помощь также была обусловлена вступлением Франции в войну на стороне жертвы агрессии). Таким образом, французская зона безопасности становилась огромной.

Именно этот договор мог стать противовесом Мюнхенскому соглашению, но не стал, ибо Франция заблудилась в двух альтернативах, оказалась участницей и одного, и другого договора, а они противоречили друг другу

Что касается судьбы нашего героя, то крушение Восточного пакта вкупе с традиционно «антантовским антигерманизмом» наркома иностранных дел СССР Литвинова вскоре прямо подтолкнет его к дипломатической карьере.

Почему СССР не заступился за Чехословакию?

Мюнхен был обратной стороной «версальской медали»: там было решено, что во имя европейского мира необходимо скорректировать границы Чехословакии.

Из рассекреченных документов видно, как Англия и Франция добивались от Чехословакии согласия на уступки Германии. В те дни постоянный секретарь Форин Оффис Александр Кадоган сформулировал в своем дневнике принцип британской политики: «Чехословакия не стоит шпор даже одного британского гренадера».

Требования к Чехословакии заключались в следующем:

Судетская область прямо передается Германии без всякого плебисцита;

передаче подлежат районы, в которых немцев более 50 процентов;

должен быть создан «международный орган», который будет уполномочен корректировать государственные границы и обмен населения (не был создан);

расторгаются ныне существующие международные договоры Чехословакии; они заменяются «общей гарантией».

А что же СССР? Советский Союз, имея договор с Чехословакией, мог выполнить свои обязательства при определенных условиях. Первым являлась помощь Франции, вторым — было необходимо согласие Польши и Румынии на пропуск советских войск, так как Советский Союз не имел общей границы с Чехословакией. Наконец, для советской помощи на основании Устава Лиги Наций необходима была соответствующая просьба Чехословакии.

12 мая 1938 года в Женеве во время встречи с министром иностранных дел Франции Боннэ нарком иностранных дел СССР Литвинов предложил начать переговоры между советским и французским генеральными штабами по техническим вопросам, включая вопросы о пропуске советских войск через Румынию и Польшу. Однако ответа на это предложение так и не поступило.

В середине мая генеральный секретарь Коммунистической партии Чехословакии Клемент Готвальд посетил президента Чехословакии Эдуарда Бенеша и сообщил ему о следующем: в беседе с Готвальдом Сталин ясно и определенно заявил о готовности Советского Союза оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если Франция этого не сделает,

а Польша и Румыния откажутся пропустить советские войска. При этом Сталин заметил, что данный вопрос будет иметь силу только при одном условии: если сама Чехословакия станет защищаться и попросит о советской помощи.

26 июня 1938 года Главный военный совет Красной армии принял постановление преобразовать Киевский и Белорусский военные округа (находившиеся ближе всех к территории Чехословакии) в Особые военные округа. В соответствии с приказом народного комиссара обороны Ворошилова в Киевском особом военном округе началось срочное формирование четырех крупных армейских групп, а в Белорусском округе — двух армейских групп. Был определен срок окончания этих мер — 1 сентября 1938 года. Армейские группы включали в свой состав по нескольку стрелковых дивизий, танковые бригады, артиллерийские, авиационные части и другие войска обеспечения. Одновременно формировались кавалерийские группы.

19 сентября 1938 года в телеграмме полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в народный комиссариат иностранных дел говорилось о позиции Бенеша: «Сегодня Бенеш срочно вызвал меня к себе и сообщил, что получил совместное англо-французское предложение о решении судето-немецкого вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляют больше 50 процентов населения. Остальные округа получат частичную автономию. Границы устанавливаются международной комиссией. Новые границы гарантируются всеми соседями, а также Францией и Англией, в связи с чем аннулируются ныне действующие международные договоры Чехословакии. Предложение сопровождалось подчеркиванием, что уже простая задержка чехословацкого правительства с ответом может привести к роковым последствиям. Бенеш отмечает, что при этом не было сказано прямо, что в случае отказа Чехословакии принять такое решение Франция и Англия отказались бы помогать Чехословакии против агрессора, однако Бенеш допускает и такую возможность. Несмотря на это, Бенеш заявляет, что Чехословакии не останется никакого другого выхода, как защищаться при всех условиях. Правительство уже решило, что изложенное англо-французское предложение совершенно неприемлемо»[{46}].

* * *

Советское правительство 20 сентября 1938 года дало

указание своему послу С. Александровскому сообщить президенту Чехословакии *Э,* Бенешу следующее: «1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ».

Это сообщение было немедленно передано по телефону Бенешу — в тот момент, когда правительство Чехословакии на своем заседании обсуждало ответ на англо-французский ультиматум от 19 сентября.

Заручившись поддержкой СССР, чехословацкое правительство Михала Годжи отклонило англо-французскую ноту от 19 сентября.

21 сентября Народный комиссариат обороны направил в Киевский особый военный округ директиву в которой предлагалось выдвинуть к государственной границе две армейские группы.

Такой поворот событий не устраивал Лондон. Еще в апреле 1938 года английский премьер Н. Чемберлен признался: «Было бы несчастьем, если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи».

В ночь с 20 на 21 сентября 1938 года французский и английский посланники в Праге В. де Лакруа и Б. Ньютон предупредили президента Бенеша, что в случае отказа уступить Судеты Гитлеру Париж и Лондон откажутся признать Чехословакию жертвой агрессии и на их помощь Прага может не рассчитывать{47}.

* * *

Министр иностранных дел Чехословакии Камил Крофта в телеграмме, адресованной чехословацким миссиям за границей, сообщил, что, ввиду ультимативного вмешательства Лондона и Парижа и оказавшись в полном одиночестве, чехословацкое правительство «будет вынуждено подчиниться непреодолимому давлению».

Препятствием было отсутствие границы между ЧСР и СССР. Войти в Чехословакию Красная армия могла только через Польшу или Румынию. Близость военных действий осознавали в Главном штабе чехословацкой армии. Его начальник генерал Людвиг Крейчи 29 сентября (накануне подписания Мюнхенского договора) предупредил по телефону нового главу правительства (кабинет Годжи тремя днями ранее ушел в отставку) генерала Яна

Сырового: «В соответствии с конституцией без согласия парламента нельзя идти на территориальные уступки кому бы то ни было. Это надо иметь в виду и заявить союзникам, что наш солдат не сдаст укрепления, и никакие приказы не заставят его это сделать. Это движение стихийное, и подавить его можно лишь путем насилия, что могло бы привести к непредвиденным результатам. Еще до окончания конференции мы добьемся такого положения, что сможем успешно защищаться. Собственно говоря, силы равны, а на нашей стороне стойкость и моральный дух, каких не имеет ни одна армия… Ведь мы не Эфиопия, у нас сильная армия, которая в состоянии выдержать удар со стороны немцев».

28 сентября Гитлер объявил о мобилизации германской армии с 14.00 в случае отказа Чехословакии и Британии принять его требования от 22 сентября 1938 года.

28 сентября нарком обороны СССР Ворошилов на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР сделал доклад, сообщив, что советская сторона намерена поднять 30 сентября в помощь Чехословакии 246 бомбардировщиков и 302 истребителя «И-16». 29 сентября нарком отдал приказ о приведении в двухдневную боевую готовность авиационных, танковых и пехотных соединений западных военных округов. В Вооруженные силы было дополнительно призвано 330 тысяч резервистов. То есть Москва в дипломатическом и военном отношении сделала все возможное, чтобы мирными (!) средствами показать свое серьезное отношение к проблеме.

Правительство Сырового объявило всеобщую мобилизацию, было призвано до 1 миллиона человек.

Вооруженные силы сторон на 30 сентября 1938 года находились в таком соотношении.

Германия: 35 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных, 4 легких, 3 горнострелковых дивизий, 1 кавалерийская бригада (1,8 миллиона человек, 720 танков, 2400 самолетов);

ЧСР —37 дивизий (1,6 миллиона человек, 469 танков, 718 самолетов);

СССР — 1 эшелон: пехотных дивизий — 30, кавалерийских дивизий—10, танковых корпусов—1, танковых бригад — 7 (1750 самолетов), II эшелон: пд — 30, кд — 6, тк — 2, тбр — 15 (690 самолетов).

Далее события приобрели неожиданное направление. В телеграмме полномочного представителя СССР в ЧСР С. Александровского в НКИД СССР от 1 октября говорилось: «Из кругов министерства иностранных дел я узнал, что в Мюнхене чехословацкие наблюдатели выразили Чемберлену свое

недоумение, почему он подсказал Чехословакии мобилизацию, а также публично заявил в достаточно ясной форме, что Англия и Франция совместно с СССР выступят против Германии, если Гитлер применит силу для решения судетского вопроса, а теперь открыто пожертвовал всеми интересами Чехословакии и требует отвода и демобилизации только что мобилизованной армии. Чемберлен ответил с циничной откровенностью, что все это не принималось им всерьез, а было лишь маневром для оказания давления на Гитлера, другими словами, это был контрблеф Чемберлена… В Мюнхене обращение с чехословацкими наблюдателями было грубо издевательским».

Чехословакия все же пыталась организовать сопротивление. 28 сентября ее правительство было готово защищать страну всеми располагаемыми военными средствами. Британский военный атташе, съездивший в приграничные районы, где была развернута отмобилизованная чехословацкая армия, нашел, что у войск были уверенность в себе, хорошее командование и оснащение. Мобилизация, объявленная вечером 23 сентября, была завершена.

28 сентября Бенеш попросил прямой советской помощи в случае войны, хотя бы авиационной. В 19.25 в резиденции президента встретились Бенеш, премьер-министр генерал Сыровый, 18 министров и 11 представителей разных политических партий. Депутат от Республиканской партии Рудольф Беран спросил Сырового, есть ли у чехословацкой армии «соглашение с российской армией», и если да, то «с какими силами и когда она вмешается». Сыровый ответил, что «нет конкретного соглашения с Россией; мы говорили только об их немедленной воздушной помощи. Пехота требует долгого времени; поэтому мы всегда рассчитывали на быстрое вмешательство Франции и Англии».

Встреча закончилась в 21.45 безрезультатно. Приблизительно в то же время Бенеш получил сообщение от чехословацкого посла в Москве З. Фирлингера, который сообщил ответ советского Наркоминдела (МИД): если Гитлер нападет на Чехословакию, «процедура в Женеве может быть короткой, как только будут найдены державы, готовые противостоять агрессору».

Можно понять, добавил Фирлингер, что советское правительство колебалось и колеблется вступить в конфликт без западных держав. Одностороннее советское вмешательство в чехословацкую войну с Третьим рейхом создаст «еще одну Испанию», «со всеми ужасными последствиями для всей Европы и, особенно, для Чехословакии».

Это означало, что руководство СССР дезавуировало свои обещания военной помощи. Образ Испании был злободневен. Там

республиканцы, поддерживаемые СССР, терпели поражение от франкистов, которых прямо поддерживали Германия и Италия, а правительства Англии и Франции занимали выжидательную позицию, опасаясь резкого усиления СССР в Средиземноморье. Вмешавшись в войну на стороне Чехословакии, Москва оказалась бы в одиночестве против всего западного мира.

В итоге Сталин предпочел отступить, сославшись на условия союзного договора.

30 сентября, после получения условий Мюнхенского соглашения, министр Крофта объявил Ньютону и де Лакруа, что Чехословакия принимает диктат.

В этот же день в Мюнхене Гитлер, Муссолини, Даладье и Чемберлен подписали соглашение, по которому Чехословакию обязывали в период с 1 по 10 октября очистить Судетскую область со всеми укреплениями, сооружениями, путями сообщений, фабриками и запасами оружия, а также в течение трех месяцев удовлетворить территориальные претензии Венгрии и Польши. Оставшаяся часть территории Чехословакии получала гарантию неприкосновенности со стороны четырех держав — участниц Мюнхенского соглашения.

В 2 часа 15 минут свои подписи под соглашением поставили представители Чехословакии.

Теперь об угрозах Чехословакии со стороны Польши. 23 сентября Москва предупредила Варшаву о том, что вступление ее войск в ЧСР приведет к денонсации польско-советского договора 1932 года о ненападении. В тот же день поляки ответили: «Меры, принимаемые в связи с обороной Польского государства, зависят исключительно от правительства Польской республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения».

25 сентября в Париже на встрече послов Польши и США польский дипломат Лукашевич не исключил возможность «русской атаки» на Польшу. Он пообещал, что в течение трех месяцев Германия и Польша обратят Красную армию в «дикое бегство».

30 сентября в 23 часа 40 минут польский посланник в Праге вручил ультиматум министру иностранных дел ЧСР Камилу Крофте. Варшава требовала до полудня 1 октября начать поэтапную передачу Польше Тешинской области и в течение десяти дней завершить ее.

Поляки были готовы к силовой акции. 21 сентября 1938 года маршал Э. Рыдз-Смиглы издал приказ о формировании отдельной оперативной группы «Силезия» («Шльонск»), перед которой ставилась задача достичь состояния боевой готовности к 1 октября. На завершающем этапе формирования в группу входили

28 236 человек рядовых, 6208 младших командиров, 1522 офицера, 112 танков, 707 грузовых автомобилей, 8731 лошадь, 176 радиостанций, 459 мотоциклов.

Параллельно шла подготовка и к проведению диверсий на территории ЧСР. 15 сентября в Катовице для координации действий подпольщиков прибыл чиновник польского МИД В. Залеский. 23 сентября был издан приказ о начале ведения диверсионной деятельности. Схема действий краевых отрядов была следующей: они пересекали границу, нападали на посты чешской армии, жандармерии, школы, вокзалы, почты, а затем возвращались назад. Характер деятельности территориальных групп зависел оттого, получили ли они оружие… Если группа не имела оружия, ее члены громили полицейские участки, школы, взрывали в кинотеатрах петарды и т. д. После получения оружия характер деятельности менялся: совершались нападения на чешских жандармов, военные посты, уничтожались общественные и государственные здания.

Далее события развивались так. 22 сентября польское и венгерское правительства предъявили Праге ультиматум с требованием о передаче Польше и Венгрии территорий, на которых проживали польские и венгерские национальные меньшинства. «Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства», — прокомментировал поведение Варшавы Уинстон Черчилль.

В итоге Польша прирезала к своей территории Тешинскую и Фриштатскую области в Силезии, не подозревая, что вскоре и ее ждет оккупация.

6 ноября часть чехословацкой территории в Закарпатской Украине захватили венгры, опираясь на решение Первого Венского арбитража министров иностранных дел Германии и Италии.

Обратим внимание на такой факт: госсекретарь США Корделл Хэлл заявил, что результаты Мюнхенской конференции вызывают «всеобщее чувство облегчения». В то время руководство США проводило политику изоляционизма, предпочитая не вмешиваться в европейские конфликты. (13 октября было заключено соглашение нефтяной компании «Стандарт ойл» с концерном «И. Г. Фарбенидустри» о создании американо-германского общества по производству синтетического бензина.)

10 декабря, уже после Мюнхена, посланник ЧСР во Франции Штефан Осуский констатировал перемену в позиции гарантов территориальной целостности страны: «Относительно Франции считаю своим долгом обратить внимание на то, что… здесь выработалось такое отношение к Чехословакии, словно она уже

стала колонией Германии. Подобные настроения существуют также в Англии и Америке… В этих обстоятельствах самым решительным образом советую, чтобы чехословацкое правительство поторопилось с переговорами с Германией и Италией о гарантии чехословацких границ. Мы уже потеряли много времени, положение для нас ухудшилось и постоянно ухудшается. И теперь стало ясно: если в скором времени не будет организована гарантия чехословацких границ, то вся идея международных гарантий этих границ отпадет».

Идея международных гарантий новых границ республики окончательно отпала очень скоро — в марте 1939 года, когда Гитлер оккупировал оставшуюся часть Чехословакии.

Что же произошло? Почему все же СССР резко изменил свои планы и отказался защищать Чехословакию в новых условиях? И самое главное, располагал ли он иными вариантами действий?

Ответы можно увидеть в следующих документах.

Дневниковая запись, сделанная министром иностранных дел Франции Ж. Боннэ:

«27 сентября 1938 г.

Совет министров, утро 27 сентября. Затяжные прения. Указываю, что, начиная с июня месяца, мы дважды предупреждали чехов, что ни в коем случае не сможем вступить в войну и что поддержим их только дипломатическим путем, самое же большое — мобилизацией нескольких контингентов.

Никогда дипломатическая ситуация не складывалась хуже, чем сейчас, а у нас к тому же нет авиации. На наземном театре военных действий Англия не может оказать нам сейчас сколько-нибудь серьезную помощь; ее авиация едва становится на ноги. Всеобщая мобилизация имела бы смысл только в случае решимости участвовать в военных действиях».

То есть надежд на Францию, сильнейшую военную державу Европы, не осталось ни малейших.

Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР:

«1 октября 1938 г.

Гусарек сообщил мне дополнительно, что на заседании совета министров было ясно и точно сформулировано также такое утверждение: в Мюнхене Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, что в данной ситуации большую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны. Следовательно, это убеждение явилось не формальным, но фактическим основанием

для создания блока четырех против СССР. Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого начнется война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой. Возможно, что СССР и победит, но Чехословакия так или иначе будет сметена и будет вычеркнута с карты Европы. Эти утверждения сыграли большую роль в деле принятия правительством прямого решения. Массы спонтанно вышли на улицу, однако общее настроение подавленное. Акты сопротивления завтра вполне возможны, но, пожалуй, как акты отчаяния»[48].

* * *

Вот что произошло: на СССР надвигалась война в совершенно иных условиях, без союзников. В итоге Кремль сделал реалистичный и не оставивший надежд Чехословакии вывод: «война со всей Европой» неприемлема. Правда, в официальной пропаганде Москвы указывалась иная причина, по которой не были начаты военные действия: якобы руководство Чехословакии и лично президент Бенеш не осмелились начать сопротивление.

Глава 5.
МОБИЛИЗОВАННЫЙ НА ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Перемены в НКИД и Громыко

Одновременно с европейскими заботами СССР на Дальнем Востоке возник вооруженный конфликт с Японией у озера Хасан (29 июля — 11 августа 1938 года; намек на угрозу для СССР войны на два фронта), который завершился победой советской стороны.

Выступая на открывшемся 10 марта 1939 года XVIII съезде партии с отчетным докладом ЦК, Сталин сказал: «Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на огромной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система построенного так называемого мирного режима».

События нарастали. 15 марта 1939 года Германия ввела свои войска в Прагу. 21 марта Берлин потребовал у Варшавы Гданьск (Данциг), отошедший ей по Версальскому договору. 22 марта немцы оккупировали литовский порт Мемель (Клайпеду) и с моря угрожали Данцигу. В конце марта в Балтийском море прошли маневры германского флота. Обеспокоенная Москва предложила Финляндии обмен пяти Аландских островов на обширную лесную зону вдоль карельской границы, чтобы обеспечить себе контроль морских рубежей на ленинградском направлении. Финны отказались.

23 марта Германия вынудила Румынию подписать соглашение, которое гарантировало ей (и ее танковым дивизиям) получение нефти. 7 апреля Италия захватила Албанию.

23 марта Генеральный штаб РККА направил во все военные округа директиву о порядке усиления и развертывания войск в зависимости от состояния международной обстановки.

* * *

В этой обстановке надломленного мира СССР не имел ни одного союзника, но в действиях англичан вдруг произошла перемена, они словно очнулись. Усиление немцев и итальянцев в Средиземноморье заставило вспомнить о необходимости защищать свои интересы на нефтеносном Ближнем Востоке, куда теперь Берлин и Рим явно устремили свои стратегические взгляды.

Но, как ни странно это звучит, именно эти обстоятельства радикально повлияли на судьбу Андрея Андреевича. Его можно

назвать «сыном Мюнхена» или, если это кому-то не нравится, «мобилизованным на Вторую мировую войну», что в общем одно и то же.

«В начале 1939 года меня пригласили в комиссию ЦК партии, подбиравшую из числа коммунистов новых работников, которые могли бы быть направлены на внешнеполитическую, дипломатическую работу»{49}. Председательствовали в комиссии В. М. Молотов, председатель Совнаркома и вскоре нарком иностранных дел, и Г М. Маленков, секретарь ЦК партии и заведующий Управлением кадров ЦК. Громыко им понравился. Особое впечатление произвело то, что он владел английским языком и свободно читал англоязычных авторов.

В связи с радикальными изменениями в политике Кремля и переориентации на сотрудничество с Германией в советском дипломатическом ведомстве происходили кадровые перестановки.

3 мая 1939 года одновременно с назначением Громыко В.М. Молотов сменил М.М. Литвинова (Макс Баллах) на посту наркома иностранных дел. Литвинов принадлежал к «старым большевикам», ориентировался на США и Англию и поэтому в новых обстоятельствах был неприемлем. Часто в качестве одной из причин указывают на еврейское происхождение Литвинова, которое якобы могло служить препятствием для отношений с Германией. Однако в НКИД осталось немало евреев, в том числе на высших должностях, поэтому обстоятельства отставки надо усматривать именно в политическом направлении. НКВД арестовал некоторых заместителей наркома и заведующих отделами Наркомата (разумеется, не для ублажения Гитлера), однако Литвинова не тронули, он был переведен на должность заместителя наркома. «Литвинов не обеспечил проведение партийной линии в наркомате в вопросе о подборе и воспитании кадров, НКИД не был вполне большевистским, т. к. товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей», — говорил Молотов. Добавим и то, о чем потом говорил в мемуарах Громыко: «Должен подтвердить справедливость того, что Молотов оказывал на Сталина заметное влияние».

Перемены в НКИД идейно чем-то походили на изменения в российском МИД, когда министра К. В. Нессельроде сменил А. М. Горчаков.

Это произошло после поражения в России в Крымской войне (1853—1856), во время которой Россия пыталась укрепить свои позиции на Ближнем Востоке для экономически обусловленной потребности выйти на восточные рынки. (В связи с

промышленной революцией в Европе, в результате которой российская экономика стала терять внешние рынки, требовалось найти новые.)

Война произошла в результате внешнеполитической ошибки Нессельроде, сделавшего неверный прогноз реакции ведущих европейских стран на возможную войну России против Турции. На стороне Турции тогда выступили Англия и Франция, а Австрия, которую русские спасли от революции 1849 года, не объявив России войны, помогала западным державам и пыталась привлечь на свою сторону Пруссию. Горчаков был послом в Вене и сделал все, чтобы Пруссия осталась нейтральной. В декабре 1854 года послы всех воюющих держав и Австрии собрались на конференцию, где Россию представлял Горчаков. Чтобы смягчить жесткие требования держав, он начал тайные переговоры с графом Морни, доверенным лицом Наполеона III.

И здесь разыгралась драма, достаточно часто встречающаяся в истории отечественной дипломатии. Узнав о переговорах Горчакова, австрийцы напрямую обратились в Петербург к Александру II, не знавшему тонкостей переговоров, и добились от него принятия своих условий, так называемых «пяти пунктов». (Кстати, Громыко очень настороженно относился ко всякого рода «тайным каналам».) Горчаков был уверен, что без вмешательства царя переговоры с Францией позволили бы заключить мир на более выгодных условиях. На Парижском конгрессе, завершившем свою работу 18 (30) марта 1856 года, Россия подписала договор, зафиксировавший ее поражение. Самым тяжелым условием Парижского мира была статья о нейтрализации Черного моря — России запрещалось иметь там военный флот и строить прибрежные оборонительные сооружения.

После поражения в Крымской войне началось для России новое время, наиболее рельефно запечатленное в Великих реформах Александра II и освобождении крестьян, Министерство иностранных дел возглавил Горчаков. Новое направление внешней политики было обосновано министром в докладе Александру II и изложено в циркуляре от 21 августа 1856 года. В нем подчеркивалось желание российского правительства посвятить «преимущественную заботливость» внутренним делам, распространяя свою деятельность за пределы империи, «лишь когда того безусловно потребуют положительные пользы России». Тогда Горчаков произнес свою знаменитую фразу: «Говорят, Россия сердится. Нет, Россия не сердится, а сосредоточивается». Сам Горчаков в отчете о работе министерства за 1856 год объяснял это так: «Россия мысленно сосредоточивалась не из чувства задетого самолюбия, а с осознанием силы и своих

подлинных интересов. Однако она не отказывалась ни от попечения о своем достоинстве, ни от ранга, принадлежавшего ей среди великих держав Европы». Более того, новая политика рационального расходования сил не исключала новых союзов, но только тогда, когда «собственные национальные интересы этого не предпишут». Этот принцип отныне касался и Священного союза, доселе непоколебимого приоритета в министерстве Нессельроде. Горчаков первым в своих депешах стал употреблять выражение: «государь и Россия». «До меня, — говорил Горчаков, — для Европы не существовало другого понятия по отношению к нашему Отечеству, как только “император”. Мы знаем только одного царя, говорил мой предместник: нам дела нет до России».

Данная аналогия, несмотря на ее условность, иллюстрирует и новую обстановку в советском НКИД: Литвинов — как Нессельроде, Молотов — как Горчаков.

В мае 1939 года одновременно со сменой руководства НКИД Громыко стал заведующим Отделом американских стран комиссариата. Почему сразу так высоко? Репрессии вычистили старые кадры? Разумеется, так. Процесс смены элит шел повсеместно. На руководящие посты выдвигались получившие образование в советских вузах молодые специалисты, среди которых были будущие руководители государства: Леонид Брежнев, Алексей Косыгин, Дмитрий Устинов, Николай Вознесенский, Николай Байбаков, многие руководители наркоматов и заводов. Громыко стал одним из них. Если бы он оказался неумелым или тупым, никто даже и не узнал бы о его существовании и прозябал бы наш герой где-нибудь в далекой провинции.

В преддверии большой войны Кремль искал оптимальный кадровый состав, который должен был соответствовать общей ситуации в советской элите: в 1937 году 80—93 процента руководящих постов в партии занимали люди, вступившие в РКП(б) после 1924 года, то есть «советский человек» давно вытеснил «имперского».

Что же касается взаимоотношений нового наркома и Андрея Андреевича, то, по свидетельству помощника Л.И. Брежнева по внешнеполитическим делам Александрова-Агентова, они сложились хорошо. «С подчиненными… Молотов бывал груб и резок, хотя в общем по-своему справедлив. Больше всего ненавидел подхалимство. Импонирующих ему работников выделял со свойственной ему суховатой сдержанностью. Один из его помощников как-то сказал мне: “Ты знаешь, Вячеслав Михайлович нередко разносит в пух и прах за какие-нибудь ошибки докладывающих ему заведующих отделами и даже своих

заместителей, но я ни разу не слышал, чтобы он повысил голос на Громыко. Самое большое, если скажет: “А вот как товарищ Громыко мог такое пропустить, я не понимаю”. Видимо, тут было какое-то созвучие характеров»{50}.

Вспоминая Первую мировую войну

Приближалось повторение, точнее — продолжение Первой мировой войны. Англия ввела воинскую повинность, дала Польше, Румынии и Греции гарантии защиты в случае нападения Германии. При этом английские дипломаты делали отчаянную попытку сберечь свою страну от войны: рекомендовали полякам вернуть Данциг немцам и предлагали Берлину огромные кредиты до миллиарда фунтов стерлингов ради того, чтобы Гитлер «повернулся лицом к Востоку».

Как вспоминал Павел Судоплатов, обстановка в самой Германии была двойственной: руководство вермахта было категорически против войны на два фронта; к тому же британское правительство рассматривало возможность тайного соглашения с Гитлером «для оказания ему поддержки в военной конфронтации с Советским Союзом».

Москва оказалась перед сложнейшей проблемой.

Ее требовалось разрешить во что бы то ни стало.

«Стратегической целью советского руководства было избежать любой ценой войны на два фронта — на Дальнем Востоке и в Европе. Такая линия дипломатических отношений, не привязанная к идеологическим соображениям, установилась еще с 20-х годов, когда Советский Союз осуществлял экономическое сотрудничество и поддерживал нормальные отношения с Италией после прихода к власти в 1922 году фашистского режима Бенито Муссолини. Кремлевское руководство было готово к компромиссам с любым режимом при условии, что это гарантировало стабильность Советскому Союзу. Для Сталина и его окружения воплощение в жизнь их геополитических устремлений преобразовать Советский Союз в мощнейшую державу мира всегда было приоритетом» *(Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 2001. С. 146).

Только поняв эту государственную задачу, практически не отличающуюся от геополитических установок дипломатии Российской империи, можно разобраться в тех хитросплетениях.

14 апреля нарком иностранных дел Литвинов предпринял последнюю попытку вернуться к идее коллективной безопасности и предложил Лондону и Парижу начать переговоры о заключении пакта о взаимопомощи против агрессии в Европе.

В тот же день советское посольство обратилось в МИД Германии с предложением начать переговоры об улучшении советско-германских отношений.

17 апреля 1939 года СССР предложил Англии и Франции заключить трехсторонний договор о взаимопомощи, военные гарантии которого охватывали бы Восточную Европу от Балтики до Черного моря. Ответ был отрицательным.

В начале мая Молотов сменил Литвинова.

Тогда последовало еще одно предложение. В проекте соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученном наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции 2 июня 1939 года, прямо говорилось, что в случае агрессии «европейской державы» против «Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии» Великобритания, Франция и СССР «обязываются защищать эти страны»[51].

Черчилль, предвидевший неизбежную войну Англии с немцами, так прокомментировал создавшееся положение: «Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три прибалтийских государства — Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь.

Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать замыслам Гитлера в Восточной Европе. Пока еще возможно сплотить все государства и народы от Балтики до Черного моря в единый прочный фронт против преступления или вторжения. Если подобный фронт был бы создан со всей искренностью при помощи решительных и действенных военных соглашений, то, в сочетании с мощью западных держав, он мог бы противопоставить Гитлеру, Герингу, Гиммлеру, Риббентропу, Геббельсу и компании такие силы, которым германский народ не захочет бросить вызов».

Все же, вступив по настоянию Франции в переговоры с Советским Союзом о взаимной защите от агрессии, англичане не продемонстрировали желания, чтобы они закончились результативно. Они хотели использовать факт переговоров для оказания воздействия на Берлин. К тому же Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия не собирались пропускать советские войска в Западную Европу, без чего антигитлеровский договор оказывался пустышкой[52].

С конца мая германский Генеральный штаб стал разрабатывать план нападения на Польшу. Переговоры английских и французских генералов в Москве сильно

беспокоили Берлин, и Гитлер вопреки ожиданиям Лондона решил перед польской операцией обезопасить себя со стороны СССР, чтобы не повторилась блокада времен Первой мировой войны.

Так возникла идея, вскоре получившая воплощение в советско-германском договоре (пакт Молотова — Риббентропа). Особым секретным протоколом были определены зоны интересов обоих государств. К советской были отнесены Восточная Польша (Западная Украина и Западная Белоруссия), Бессарабия, Финляндия, Эстония, Латвия.

Это был советский контр-Мюнхен, потрясший Запад.

«В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной».

Эта оценка будущего участника антигитлеровской «Большой тройки» (Рузвельт — Сталин — Черчилль) показывает глубокий раскол в западной картине мира после Мюнхена{53}.

Секретные протоколы не были изобретением Москвы и Берлина. В 1935 году был подписан секретный итало-франко-английский (после чего Италия смогла захватить Абиссинию), в 1939 году — англо-польский, в котором оговаривались сферы влияния. Подписав с Германией протоколы, СССР ограничивал продвижение германских войск к советским границам.

Последней попыткой Лондона мирными средствами удержать Гитлера от нападения было подтверждение 25 августа гарантий защиты Польши, что было не более чем военно-дипломатическим блефом.

1 сентября 1939 года Германия все же напала на Польшу, началась мировая война.

Немцы применили ошеломляющую тактику ведения боевых действий: массированными авиационными ударами разгромлены польские аэродромы вместе с самолетами, а полученное господство в воздухе поддержано прорывами танковых дивизий на большую глубину с обходами узлов сопротивления, которые оставлялись наступающей пехоте. За восемь дней немецкие танки

вышли к Варшаве.

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, но военных действий фактически не вели. Немцы назвали ее «сидячей войной».

17 октября после взятия немцами Варшавы советские войска заняли территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, населенную преимущественно украинцами и белорусами, которую СССР утратил в ходе советско-польской войны 1920 года. Теперь войска СССР и Германии сошлись вплотную.

Глава 6.
СТАЛИН: «ТОВАРИЩ ГРОМЫКО, ИМЕЕТСЯ В ВИДУ ПОСЛАТЬ ВАС НА РАБОТУ В ПОСОЛЬСТВО СССР В США В КАЧЕСТВЕ СОВЕТНИКА»

Война как новая ступень в карьере

Громыко начал свою новую работу со знакомства с послом США Л. Штейнгардтом, о котором потом писал, что его деятельность «заметной пользы развитию советско-американских отношений не принесла». Мы же добавим, что и не могла принести, так как Вашингтон еще не определился в отношении своего участия в надвигающейся европейской войне.

Советский полпред в США К. А. Уманский сообщал Молотову, что новый американский посол — мелкобуржуазный эгоист и бывший активный сионист, а его жена «буржуазна до мозга костей». Сам же посол был в ужасе от советской действительности и писал своим коллегам: «Нужно здесь пожить, чтобы понять, что значит работать в условиях, когда все шиворот-навыворот по сравнению с миром, к которому мы с вами привыкли; этики и морали в нашем понимании здесь просто не существует». Или: «Они понимают только один язык, язык превосходящей силы, и если эту силу не применять, то они будут поступать по-своему».

В свою очередь, Громыко 1 сентября 1939 года писал Молотову, что Штейнгардт занимает «жесткую и даже строптивую позицию». Однако на календаре стояла роковая дата, и в Вашингтоне уже задумывались о новой роли Москвы.

Когда две колониальные империи, Великобритания и Франция, объявили войну Германии, «забыв» об активных действиях, снова выплыли тени прошлого.

Как подчеркнул бывший советский посол в ФРГ Валентин Фалин, стратегические аналогии прослеживаются в более ранних высказываниях Черчилля о планах Англии в августе 1914 года. «В записях его беседы с внуком Бисмарка (20.10.1930 г.) мы читаем: вместо того, чтобы сосредоточить все силы на разгроме России, немцы затеяли войну на два фронта, спутав Лондону карты. Англичане, пояснил Черчилль, имели в виду удержать Францию от активных действий против рейха. Не правда ли, перед нами призрак “странной войны” 1939—1941 гг.?»{54}

* * *

17 сентября 1939 года в СССР была объявлена всеобщая воинская повинность, после чего армия стала быстро переформировываться с территориальных и кадрированных подразделений в массовую.

Советское руководство прогнозировало, что война с

Германией начнется примерно в 1942 году, и в соответствии с этим планировало подготовку. Положение было в чем-то сходно с 1911 годом, когда Россия начала программу перевооружения, рассчитанную до 1917 года, а на самом же деле Первая мировая война началась гораздо раньше.

Правительства прибалтийских республик в этом сложнейшем положении еще пытались остаться в стороне от надвигающейся грозы, ввели законы о нейтралитете и предложили Москве переговоры о расширении товарооборота. Однако уже вступала в силу логика военной необходимости: под угрозой военного вторжения они были вынуждены уступить напору Советского Союза.

С Эстонией, а потом с Латвией были подписаны договоры о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавшие ввод 25-тысячных военных группировок. 2 октября 1939 года на переговорах в Кремле Сталин прямо заявил министру иностранных дел Латвии В. Мунтерсу: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся… если не мы, то немцы могут вас оккупировать, но мы не желаем злоупотреблять… Нам нужны Лиепая и Вентспилс…»{55}

Правда, после ввода войск советское руководство проводило политику невмешательства во внутренние дела прибалтийских республик, что объясняется нежеланием обострять отношения с Лондоном и Парижем и неопределенностью военной ситуации в Европе.

В этой обстановке наш герой непременно попадал в набирающий грозную силу мировой поток. Ему пришлось готовить материалы (по американскому направлению) для доклада Молотова о внешней политике правительства на внеочередной (пятой) сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года, и в новой картине мира Андрею Громыко виделось много трудностей и испытаний.

Анализ Молотова был суров, а местами даже вызывающе дерзок.

«Британская империя, население которой достигает 47 миллионов, владеет колониями с населением в 480 миллионов человек. Колониальная империя Франции, население которой не превышает 42 миллионов, охватывает 70 миллионов жителей во французских колониях. Владение этими колониями, дающее возможность эксплуатировать сотни миллионов людей, является основой мирового господства Англии и Франции. Страх перед германскими притязаниями на эти колониальные владения — вот в чем подоплека теперешней войны Англии и Франции против Германии, которая серьезно усилилась за последнее время в

результате развала Версальского договора. Опасения за потерю мирового господства диктуют правящим кругам Англии и Франции политику разжигания войны против Германии…

Отношения Германии с другими западноевропейскими буржуазными государствами за последние два десятилетия определялись прежде всего стремлением Германии разбить путы Версальского договора, творцами которого были Англия и Франция при активном участии Соединенных Штатов Америки. Это, в конечном счете, и привело к теперешней войне в Европе.

Отношения Советского Союза с Германией строились на другой основе, не имеющей ничего общего с интересами увековечения послевоенной Версальской системы. Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе. Было бы смешно думать, что Германию можно “просто вывести из строя” и скинуть со счетов. Державы, лелеющие эту глупую и опасную мечту, не учитывают печального опыта Версаля, не отдают себе отчета в возросшей мощи Германии и не понимают того, что попытка повторить Версаль при нынешней международной обстановке, в корне отличающейся от обстановки 1914 года, — может кончиться для них крахом.

Мы неуклонно стремились к улучшению отношений с Германией и всемерно приветствовали такого рода стремления в самой Германии. Теперь наши отношения с Германским государством построены на базе дружественных отношений, на готовности поддерживать стремления Германии к миру и, вместе с тем, на желании всемерно содействовать развитию советско-германских хозяйственных отношений ко взаимной выгоде обоих государств. Надо специально отметить, что происшедшие в советско-германских отношениях изменения в политической области создали благоприятные предпосылки для развития советско-германских хозяйственных отношений. Последние хозяйственные переговоры Германской делегации в Москве и происходящие в данный момент переговоры Советской хозяйственной делегации в Германии подготовляют широкую базу для развития товарооборота между Советским Союзом и Германией…»{56}

Дальше Молотов сказал о том, что Советский Союз заключил пакты взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой, включая и военную помощь друг другу в случае нападения на кого-либо из них. «Создание этих советских военно-морских баз и аэродромов на территории Эстонии, Латвии и Литвы и ввод некоторого количества красноармейских частей для охраны этих баз и аэродромов обеспечивают надежную опору обороны не только для

Советского Союза, но и для самих прибалтийских государств и, тем самым, служат делу сохранения мира, в котором заинтересованы наши народы». Министр особо отметил, что «болтовня о советизации прибалтийских стран выгодна только нашим общим врагам и всяким антисоветским провокаторам…».

Еще Молотов сказал о взаимоотношениях с Финляндией, Турцией и Японией. С финнами Москва хотела договориться о безопасности Ленинграда и обмене территориями, с Турцией — о безопасности в зоне Черноморских проливов, с Японией (после успешных боев на Халхин-Голе) — о мирной границе. Министр сказал и о письме президента Ф. Рузвельта председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину (номинальному главе СССР), в котором высказывалась надежда на сохранение Советским Союзом дружественных отношений с Финляндией. Затем привел ответ Калинина, в котором говорилось, что Соединенные Штаты, в свою очередь, должны обратить свое внимание на зависимые от них латиноамериканские страны.

То есть Молотов «с пролетарской прямотой» указал президенту, чтобы тот не лез не в свои дела.

В целом из доклада главы правительства и наркома было ясно, что СССР создает по периметру границ зону безопасности. Защита от кого? От «колониальных империй»? Непохоже.

А что касается Американского отдела, то Громыко мог быть доволен: его работу не оставили без внимания.

В своих мемуарах он подчеркивал: «Для советских дипломатов непреложной заповедью является указание Ленина о том, что к дипломатической борьбе надо подходить как к одному из самых сложных видов политической борьбы. Здесь совершенно нетерпимы любые проявления поверхностности, пренебрежения конкретными условиями момента и обстановки»[{57}].

* * *

Сегодня нам известно многое, чего не знали тогда советские дипломаты. Например, не знали такой информации. Решающий момент в сближении Латвии с Третьим рейхом пришелся на лето 1939 года, когда 7 июня в Берлине министры иностранных дел Германии, Латвии и Эстонии Риббентроп, Мунтерс и Сельтер подписали пакты о ненападении сроком на 10 лет, которые сопровождались секретными статьями. Германским историком Рольфом Аманном найден внутренний меморандум шефа немецкой Службы новостей для заграницы Дертингера от 8 июня

1939 года, в котором говорится о том, что «Эстония и Латвия согласились с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР»{58}.

Так что далеко не оптимистичной была советская внешнеполитическая реальность.

* * *

И тут Громыко вызвали в Кремль, к Сталину.

«И вот я в кабинете у Сталина. Спокойная строгая обстановка. Все настраивало только на деловой лад. Небольшой письменный стол, за которым он работал, когда оставался в кабинете один. И стол побольше — для совещаний. За ним в последующем я буду сидеть много раз. Здесь обычно проводились заседания, в том числе и Политбюро.

Сталин сидел за этим вторым столом. Сбоку за этим же столом находился Молотов, тогдашний народный комиссар иностранных дел, с которым я уже встречался в наркомате.

Сталин, а затем Молотов поздоровались со мной. Разговор начал Сталин:

— Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в посольство СССР в США в качестве советника.

Откровенно говоря, меня несколько удивило это решение, хотя уже тогда считалось, что дипломаты, как и военные, должны быть готовы к неожиданным перемещениям. Недаром ходило выражение: “Дипломаты как солдаты”.

Сталин кратко, как он это хорошо умел делать, назвал области, которым следовало бы придать особое значение в советско-американских отношениях.

— С такой крупной страной, как Соединенные Штаты Америки, — говорил он, — Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учетом возрастания фашистской угрозы.

Тут Сталин дал некоторые советы по конкретным вопросам. Я их воспринял с большим удовлетворением.

Молотов при этом подавал реплики, поддерживая мысли Сталина.

— Вас мы хотим направить в США не на месяц и, возможно, не на год, — добавил Сталин и внимательно посмотрел на меня.

Сразу же он поинтересовался:

— А в каких вы отношениях с английским языком? Я ответил:

— Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, хотя

процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует не обходимая разговорная практика.

И тут Сталин дал совет, который меня несколько озадачил, одновременно развеселил и, что главное, помог быть мне менее скованным в разговоре. Он сказал:

— А почему бы вам временами не захаживать в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на чистом английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром многие русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу для совершенствования знаний иностранного языка»[{59}].

Наш герой не написал, что ему предстояло большое испытание, от которого зависело многое не только в его личной судьбе.

Напутствуя его, Сталин сказал: «Надо укрепить связи со Штатами. В будущем они войдут в войну. Должны будете их подталкивать» (Р. А. Сергеев в интервью автору).

Посол в Штатах Уманский, бывший к тому же резидентом советской разведки, уже не подходил для своей роли. Он привык действовать в «революционном духе», высокомерно и грубо, как «матрос из Кронштадта», хотя времена изменились. К примеру, он так «вправлял мозги» заместителю госсекретаря Веллису: «Соединенные Штаты должны приветствовать советские действия, благодаря которым предупреждено укрепление фашизма в трех прибалтийских республиках, а многострадальные народы этих стран смогли встать под защиту советского государства».

Государственный секретарь К. Хэлл называл Уманского «ходячим оскорблением». Рузвельт избегал контактировать с советским полпредом.

Теперь требовались более дипломатичные аргументы. После вступления в войну Англии и Франции Соединенные Штаты, которые высились за ними за океаном, превращались в возможного главного бенефициара войны, как это уже было во время Первой мировой войны. Вспомним высказывание посла Пейджа в начале той войны.

Сталин, который тоже предполагал отсиживаться в стороне максимально долго, должен был подпереть Уманского крепким человеком. И лучше было бы не ошибиться в таком человеке!

И вот Громыко появился в здании советского посольства на 16-й улице в Вашингтоне — полная противоположность Уманскому, выходцу из состоятельной еврейской семьи, знавшему три языка, с 1918 года работавшему в НКИД, «человеку Литвинова». То, как Громыко приняли, не стало достоянием истории. Можно только догадываться, что приняли не очень

радушно. Во всяком случае, у него на всю жизнь сохранилось прохладное отношение к «литвиновским». Хотя и тех можно понять: представьте, что вы опытный профессионал, и вам то ли для подстраховки, то ли на замену присылается вчерашний провинциал, разговаривающий с белорусским акцентом, ученый-аграрий с поддержкой Молотова, к тому же со специфическим сардоническим юмором. В общем, большой подарок от великого вождя!

У нашего героя к тому времени были жена Лидия Дмитриевна и двое детей, семилетний Анатолий и двухлетняя Эмилия. И больше из близких — никого. На долгие годы.

В предвоенной картине мира свое место занимает «малая война» с Финляндией, начавшаяся в конце ноября 1939 года. Она продолжалась три месяца и закончилась в середине марта 1940 года, в результате чего СССР получил Карельский перешеек и побережье Ладожского озера.

Реакция Вашингтона, Лондона и Парижа на военную акцию СССР была отрицательной, но все же различной. Французы были наиболее активны, планировали десантную операцию в районе Петсамо, посылку военной эскадры в Черное море и бомбардировку Батуми и Баку. Они вместе с англичанами решили поставить в Хельсинки 50 истребителей. Французский генштаб прогнозировал, что операция на Черном море «может решающим образом ослабить военную и экономическую мощь Советского Союза и даже привести к крушению всей советской системы». Похоже, что в Париже и Лондоне забыли, что у них идет война не с Москвой, а с Германией. Они же инициировали 14 декабря 1939 года исключение СССР из Лиги Наций.

Действие США были более спокойными. Когда по поручению Рузвельта посол Штейнгардт выразил протест, президент получил публичную отповедь от Молотова: «Прежде чем вмешиваться в отношения Советского Союза с Финляндией, которая давно получила свободу и независимость от России, Рузвельту следует обуздать американский империализм на Филиппинах и Кубе». Рузвельт, однако, сдержался. Было введено «моральное эмбарго» на советские сделки с американскими компаниями в сфере аэронавтики. Им было запрещено торговать с СССР. Кроме того, было сокращено число советских инженеров, которым разрешалось посещать американские заводы, был ограничен американский импорт в СССР, прекращены поставки нефтеперерабатывающего оборудования, ряда важнейших типов станков, алюминия и молибдена. Надо полагать, для советского посольства наступили не самые спокойные дни, но общая обстановка настолько быстро менялась, что финскую проблему

быстро затмил успех вермахта. Громыко же приобрел новый опыт, так как посла Уманского официальный Вашингтон терпеть не мог. Впоследствии Андрей Андреевич очень обтекаемо описал эту проблему «Убежден, что Уманский являлся опытным дипломатом и обладал незаурядными способностями. Однако, видимо, у него явно не хватило опыта в области ведения конкретных переговоров с представителями другого государства»{60}.

Снова нефть

Тем временем на Западном фронте англичане и французы повели «правильную войну» в духе стратегий Первой мировой войны. Англичане, высадив во Франции 150-тысячный экспедиционный корпус, вместе с французами усиленно укрепляли «линию Мажино» и сооружали новые укрепления. При этом английский флот вел активные боевые действия, обеспечивая блокаду германского побережья. Главное стратегическое сырье Германии, железная руда и нефть, находилось под постоянным прицелом англичан. Казалось, повторяется история двадцатишестилетней давности: на всех морях, от Баренцева до Средиземного, Германию ограничивала английская блокада.

В апреле 1940 года немцы быстро захватили Данию и Норвегию и получили стратегическое преимущество в борьбе за Атлантику. Это привело к отставке правительства в Лондоне, которое должно было ответить за Мюнхен. Премьер-министром стал Черчилль, который считал союз с Москвой неизменным условием победы над Германией.

10 мая 1940 года немецкие танковые дивизии вырвались к проливу Ламанш. 14 июня немцы были в Париже. 22 июня было подписано перемирие — в Компьенском лесу, в том же вагоне, в котором в 1918 году французский маршал Фонт принял капитуляцию Германии, по условиям которой она потеряла седьмую часть территории и 10 процентов населения. Отмщение свершилось.

Крушение французской армии, считавшейся сильнейшей в Европе, вывело Германию к Средиземному морю, и теперь весь континент был в ее тисках.

Гитлер должен был всерьез задуматься о завершении стратегии и захвате Северной Африки и Ближнего Востока, где находилось «нефтяное сердце» англичан. Однако он предпочел, так и не дождавшись от Черчилля согласия на мир, начать операцию «Морской лев», чтобы добить Британию. Военный историк называет невзятие Северной Африки «самой гибельной стратегической ошибкой из всех совершенных им во время войны»{61}. В Берлине, казалось, на время забыли, что для англичан потеря нефтяных месторождений была бы смертельной.

Кроме того, захват немцами африканского побережья и Ближнего Востока поставил бы СССР в крайне трудное положение из-за угрозы его главному нефтяному району на Кавказе.

Отметим, что положение с нефтью и бензином в самой

Германии еще было натянутым, но не критическим. Немалую роль в этом сыграло производство синтетического бензина из угля. К 1940 году производство синтетического топлива резко увеличилось и достигло 72 тысяч баррелей в день (46 процентов поставок нефти в Германию), причем около 95 процентов всего немецкого авиационного бензина было получено из угля{62}.

В своей экономической стратегии Гитлер «был одержим нефтью» и, как показал в мае 1945 года на допросе германский министр военной промышленности и вооружений Альберт Шпеер, «потребность в нефти была одним из основных мотивов при принятии решения о вторжении в Россию». Почему же Гитлер не рванулся через Африку в Ирак, малопонятно. Правда, согласно сообщениям советской военной разведки, весной 1941 года им планировался десант в Ирак (до двух парашютных дивизий), но время уже было упущено.

В целом более прагматичная политика Рузвельта по отношению к Советскому Союзу, давшая некоторый кратковременный сбой в связи с Финской войной, снова возобладала. А после вступления немцев во Францию и захвата японцами французских колоний в Индокитае США стали демонстрировать расположение к СССР. Даже ввод Красной армии в Прибалтику и Бессарабию не изменил этой позиции.

* * *

Молниеносное поражение Франции летом 1940 года явилось для советского руководства тяжелым ударом. Сталин прогнозировал, что будет новая мировая война за передел колоний и рынки, которая обойдет СССР. Но вышло совсем не так, как в августе 1914 года, когда заведенная на блицкриг кайзеровская военная машина завязла во французских полях навечно. Танковые удары вермахта рождали новое стратегическое состояние Европы, где у Германии больше не оставалось противников. Англия? А что она может на своих островах?

К середине июня 1940 года вермахт начал переброску войск в Восточную Пруссию и Польшу, и Москва должна была реагировать на изменившееся стратегическое положение. Соответственно, прибалтийские республики оказались на разрыве: их должны были занять либо вермахт, либо Красная армия. Заняла Красная армия. «Если в период “странной войны” независимая Прибалтика вполне соответствовала советским намерениям, то победы Германии на Западе позволяли окончательно решить прибалтийскую проблему»{63}.

16 июля 1940 года Гитлер приказал начальнику Генерального штаба Кейтелю и начальнику своего собственного штаба генералу Йодлю готовить десантную операцию, чтобы «ликвидировать английскую метрополию как базу ведения войны против Германии».

У англичан было в два раза меньше истребителей, но благодаря использованию технической новинки — радиолокаторов — они могли сосредоточивать против атакующих немцев превосходящие силы. Вдобавок британский истребитель «спитфайр» набирал высоту быстрее германского «мессершмитта», что было важным преимуществом в индивидуальном бою. С 10 июля по 31 октября 1940 года англичане уничтожили 1733 германских самолета.

Стойкость британцев в небе привела Гитлера к мысли, что у них тайное соглашение с Россией, и он стал вынашивать мысль, что сначала надо уничтожить Советский Союз и одновременно взять его нефтяные месторождения.

К этому времени СССР осуществил две молниеносные кампании: 17 июня советские части, согласно правительственным соглашениям, вошли в Литву, 21 июля — в Латвию и Эстонию. 27 июля, не встречая сопротивления румынских войск, заняли Бессарабию.

И хотя эти территории входили в советскую зону интересов, Гитлер был сильно обеспокоен — особенно приближением советских войск к румынским нефтепромыслам в Плоешти, поставки из которых имели решающее значение в нефтяном импорте Германии. Россия явно продвигалась к Балканам, где традиционно обладала сильными позициями.

27 сентября 1940 года Германия, Италия и Япония заключили Тройственный пакт. Согласно ему Европа должна была стать сферой господства Германии и Италии, а «великое восточно-азиатское пространство» — сферой господства Японии.

Все три державы обязывались поддерживать друг друга «всеми политическими, экономическими и военными средствами» в случае нападения на одну из них «какой-либо державы, которая в настоящий момент не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте». Отмечалось, что пакт «никоим образом не затрагивает политического статута, существующего… между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом».

Вскоре Берлин обратился к Москве «с коварным предложением»: совместно с Германией, Италией и Японией произвести «размежевание их интересов». Германское правительство пригласило Молотова для переговоров, похожих на «новый Мюнхен».

США и Великобритания — от финансовой войны к союзничеству во имя победы США

Теперь от Северного до Черного моря сильнейшие континентальные державы вошли в соприкосновение. Но, войдя в Бессарабию, Красная армия оказалась в шаге от Плоешти и могла в удобный момент нанести по нефтепромыслам авиационный удар. Поскольку подобная цель была и у англичан, Гитлер связал обе угрозы как результат тайного сговора Сталина и Черчилля. Не случайно Гитлер так сказал Муссолини о ситуации с румынской нефтью: «Само существование нашего блока зависит от этих месторождений». Он посчитал, что отныне только нападение на СССР может гарантировать безопасность Плоешти.

Черчилль, выступая по радио после подписания пакта Молотова — Риббентропа, сказал, что ключ к действиям России — это ее «национальные интересы». Он словно окинул мысленным взглядом карту и уточнил: «И не в интересах безопасности России будет, если Германия утвердится на берегах Черного моря или захватит балканские государства и покорит славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы жизненным историческим интересам России»{64}.

Он не сказал одной важной вещи: Средиземноморье и Проливы всегда были британской зоной интересов, и борьба за них вызвала по меньшей мере три мировые войны — Восточную (Крымскую), Русско-турецкую 1877—1878 годов и Первую мировую. Не имеет значения, что первые две назывались по-другому; их суть составила борьба Лондона с Россией в этой зоне.

Положение Лондона не назовешь легким, однако Черчилль отверг предложения Гитлера о мире под эгидой Германии, надеясь на США, СССР и стойкость британцев. Решимость Черчилля бороться была им проявлена в критический момент, когда Германия потребовала у правительства побежденной Франции ее флот. Если бы эти корабли были присоединены к германским (прибавим к ним флот Италии), то Англии грозила бы еще одна страшная опасность. Англичане предложили французскому правительству Петена передать флот им. Французы отказались, не веря в способность англичан успешно защищаться. Тогда Черчилль приказал захватить корабли силой или потопить их. Это и было сделано. В результате бо́льшая часть была захвачена, один линкор был взорван, один выбросился на берег, один — поврежден, один ушел. «Стало ясно, что английский военный кабинет ничего не страшится и ни перед чем не

остановится»{65}.

* * *

18 сентября 1940 года Тимошенко представил Сталину доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг».. В войне на два фронта против СССР могло быть выставлено 280—290 дивизий, 11 750 танков, 30 тысяч полевых орудий, 18 тысяч самолетов. Главный удар Германии предполагался из Восточной Пруссии через Литву на Ригу, Ковно, Двинск, Полоцк или на Ковно, Вильно и далее на Минск.

Одновременно предполагался германский удар из Польши в тыл советской Львовской группировке и овладение Западной Украиной.

Гитлер вначале так и планировал нападение на СССР.

По сравнению с августом 1939 года ситуация резко изменилась.

12 ноября 1940 года в США начался иной отсчет времени: военно-морской министр адмирал Старк подал президенту Рузвельту меморандум, в котором предупреждал, что в случае весьма возможного поражения Англии США придется воевать со всем миром, который будет подчинен Германии. Старк считал, что США должны защитить Британию, пусть даже ценой участия американских войск в сражениях в Европе. Идеи меморандума стали доктриной Рузвельта, он осознал, что надо действовать вопреки изоляционистским настроениям населения. (В феврале 1941 года опросы общественного мнения показали, что *88* процентов американцев были против участия США в европейской войне.)

Американцы вообще смотрели на Европу и Британскую империю очень настороженно. К 1928 году США по объему промышленного производства превзошли всю Западную Европу. «Монополистический капитал США не только продолжал закреплять позиции, отвоеванные у Англии, Германии, Франции, Голландии, Бельгии в годы первой мировой войны, но и стал вытеснять монополии этих стран из районов, являвшихся прежде их сферами влияния»{66}.

Лондон на протяжении почти двух десятилетий сопротивлялся экспансии доллара (выражение Громыко) в свою экономическую зону. Это была настоящая финансовая война на выживание. В сентябре 1931 года был отменен золотой стандарт фунта стерлингов, фунт был девальвирован на треть, что

повысило конкурентоспособность английских товаров. Кроме того, в том же году был образован «стерлинговый блок» из 25 государств, куда вошли британские колонии и доминионы (за исключением Канады) и страны Скандинавии, Прибалтики, Голландия, Португалия, Аргентина, Бразилия и другие. Его участники хранили валютные резервы в Лондоне и девальвировали национальные валюты одновременно с фунтом стерлингов. Валютная зависимость побуждала эти страны увеличивать продажу товаров (прежде всего продовольствия и сырья) в Англию и одновременно стимулировала закупки изделий английской промышленности. Фунт стерлингов даже в условиях отмены его золотого стандарта продолжал обслуживать почти половину мирового товарооборота.

Подчеркнем, что Англия целиком зависела от внешних рынков нефти, хлопка, каучука, цветных и редких металлов. Она жила буквально за счет своей колониальной империи и зависимых стран, покрывая постоянное отрицательное сальдо торгового баланса доходами от экспорта капитала. Однако падение поступлений доходов в период экономического кризиса 1929—1933 годов и сокращение экспорта привело к тому, что в 1937 году отрицательное сальдо было не только в торговом, но и в платежном балансах. Предпринимаемые меры для расширения вывоза, переход от свободной торговли к политике протекционизма, направленной против США и Германии, помогли, несмотря на наступление нового экономического кризиса в 1937 году, восстановить и несколько увеличить промышленное производство к началу Второй мировой войны.

Поэтому, если смотреть только с позиций американской экономики, война Германии с Англией была выгодна США. Но геополитика взывала к иным оценкам.

* * *

Сталин тоже задумывался о составе будущей антигитлеровской коалиции.

Летом 1940 года академик Е. С. Варга, бывший начальник Громыко в Институте экономики, направил ему письмо, в котором писал о прекращении англо-американских противоречий в связи с падением Франции и перспективном выступлении США и Великобритании против держав «оси». По сути, Варга излагал то же, что и Старк Рузвельту.

Вот что Сталин ответил академику:

«Тов. Варга!

Ваше толкование совершенно правильно. Мысль о том, что англо-американские противоречия являются основными в области международных отношений, относится к тому периоду, когда Германия, поверженная в прах и обескровленная после поражения в первой империалистической войне, не могла быть принята в расчет как конкретная сила против Англии или Америки. В этот период на арене остались две главные силы — США и Англия, противоречия между которыми являлись ввиду этого основным фактором международного положения.

Дело, однако, изменилось в корне после того, как Германия разбила Францию и получила в свои руки почти все ресурсы европейского континента, а Англия лишилась Франции. Теперь блок Германии, Италии и Японии угрожает не только Англии, ной США.

Ввиду этого блок между Англией и США представляет естественный результат такого оборота международных дел.

С ком. приветом И. Сталин. 12.IX.40 г»[{67}].

* * *

Показательно, что и в Москве, и в Вашингтоне угадали будущее.

Это означало, помимо всего прочего, и грядущие перемены в судьбе Громыко. Он мог стать «главным послом» Сталина.

Правда, для этого должно было произойти важнейшее событие — провал переговоров в Берлине Молотова и Гитлера, последней советской надежды договориться.

Перед этим 23 сентября немцы в обмен на поставки оружия получили право ввести войска в Финляндию, а 10 октября 1940 года ввели войска в Румынию. Теперь Дунай, европейская транспортная артерия, становился «немецкой рекой», а Проливы и советские нефтяные промыслы на Кавказе оказывались под угрозой. На придунайской территории немцы завершили развертывание 15—17 дивизий и готовили прорыв на Балканский полуостров, чтобы превратить его в плацдарм против Турции и английских колоний.

Таким образом, с флангов европейского театра военных действий над СССР нависали части вермахта. У Москвы началась новая головная боль.

Молотов против Гитлера

Во время советско-германских переговоров, состоявшихся в Берлине 12—13 ноября 1940 года, Гитлер на двух встречах с Молотовым предпринял попытку, как он потом говорил, приложить «все усилия к тому, чтобы втянуть Россию в великую комбинацию против Англии». Он руководствовался классическим принципом дипломатии: создавать противовесы своим главным противникам. Фюрер попытался «развести» Сталина и Черчилля, повторив Мюнхен в новом варианте и предложив Молотову свободу рук в направлении Индийского океана, то есть английских колоний. Подобными комбинациями пестрит история мировой дипломатии. Вспомним об участии английского посла в организации убийства Павла I для организации коалиции против наполеоновской Франции, о формировании Францией антисоветской политики Польши, о поддержке Сталиным антияпонской борьбы Чан Кайши и Мао Цзэдуна, о чем поговорим чуть позже.

На переговорах в Берлине Молотов руководствовался следующей директивой Сталина: требовать установления советского контроля над устьем Дуная, участия СССР в решении «судьбы Турции» (Проливы!), консультаций по будущему Венгрии, Румынии и Югославии. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, устье Дуная. Главный пункт директивы: Болгария должна войти в сферу интересов СССР с правом размещения там советских войск. Английской темы в указаниях Сталина не было, так как она была его отдельной козырной картой.

Но Гитлер мало что предложил в ответ. Он обещал добиться советско-японского договора о ненападении, убеждал, что на Балканах «Германия не имеет никаких интересов», — и больше ничего. Молотов дал понять, что это его не устраивает. Переговоры закончились ничем, если не считать подписания дополнительного протокола к секретным протоколам пакта Молотова — Риббентропа, касающегося территории Литвы.

Молотовский стиль ведения переговоров стал для НКИД образцом для подражания. В этом смысле Молотова можно назвать учителем Громыко. Вспоминает сын Андрея Андреевича: «Отец мне как-то сказал — все наши успехи на переговорах, приведших к заключению важных международных договоров и соглашений, объясняются тем, что я был убежденно тверд и даже непреклонен, в особенности, когда видел, что со мной, а значит, и с Советским Союзом, разговаривают с позиции силы или играют в “кошки-мышки”. Я никогда не лебезил перед западниками и,

скажу тебе откровенно, после того как меня били по одной щеке, вторую не подставлял. Более тою, действовал так, чтобы и моему не в меру строптивому оппоненту было несладко» (Ан. А. Громыко — в интервью автору).

Оценивая переговоры Молотова в Берлине, Громыко назвал антианглийское предложение Гитлера «провокацией», повторяя, должно быть, исходившую от наркома формулу. Да, Гитлер явно провоцировал Москву, но ведь на то и существуют дипломатия и дипломаты, чтобы разбираться в тонкостях международной игры.

В сообщении об итогах этих переговоров, направленном советскому полпреду в Лондоне 17 ноября 1940 года, нарком писал: «Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помощь и в этом деле. Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой и, во-вторых, режим в Проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными»{68}.

17 ноября 1940 года посол СССР И. М. Майский довел до Черчилля, что Советский Союз не станет взаимодействовать с Германией на Ближнем и Среднем Востоке. Это был очень важный для Лондона сигнал.

Неизбежность войны не означает, что она случится завтра

25 ноября после обсуждения в Кремле итогов переговоров Берлину было послано сообщение (а вдруг одумаются?), что СССР готов принять проект пакта об экономическом и политическом сотрудничестве четырех государств на условиях, которые должны быть закреплены в секретных протоколах. И повторялись уже известные предложения о Финляндии, Румынии, Болгарии, Босфоре; зона к югу от линии Баку — Батум в сторону Персидского залива должна быть признана центром «территориальных устремлений Советского Союза».

Сталин решил добиться максимально возможного, пользуясь погруженностью Германии в войну с Англией. Если бы у него получилось, СССР обеспечил бы от Баренцева до Черного моря и Кавказа гарантированную линию обороны.

В итоге, отказавшись «загребать жар» для Гитлера и отстаивая свою позицию, Сталин (никак того не желая) убедил его, что без СССР Германия не может получить полный контроль над Средиземным морем, Ближним и Средним Востоком, что ключ лежит в кармане Сталина и что без разгрома СССР Германия не решит глобальной задачи мирового господства.

18 декабря канцлер утвердил Директиву № 21 (план «Барбаросса»): нападение на СССР предусматривалось на 16 мая 1941 года. Молниеносным ударом он должен быть повержен.

Начиная с этого времени Сталин стал получать десятки сообщений о войне с Германией и различные указания на ее сроки. Он понимал, что под многими может быть реальная основа, но еще он знал, что Англии жизненно необходимо, чтобы Советский Союз как можно быстрее начал военные действия против Германии.

Но Сталин хотел действовать как Рузвельт — готовиться и ждать. Ему не было жалко Англии, как и Англии не было жаль СССР, жестокость борьбы за мировые ресурсы была предельно обнажена.

Из дальнейших действий Кремля видно, что советское руководство твердо отстаивало свои позиции. К тому же из Вашингтона был получен сигнал: в январе 1941 года Рузвельт снял «моральное эмбарго».

17 января 1941 года Москва вновь заявила Берлину, что Советский Союз считает восточную часть Балканского полуострова зоной своей безопасности и не может быть

безучастным к событиям в этом районе.

24 марта СССР взял обязательство оказать поддержку Турции в случае, если она подвергнется агрессии.

5 апреля заключен договор о дружбе и ненападении с Югославией (после совершенного там военного переворота и за сутки до начала германской агрессии против Белграда).

13 апреля СССР и Япония заключили договор о нейтралитете.

* * *

(В послесталинской историографии утвердилось мнение о том, что советское руководство сознательно закрывало глаза на нарастающие угрозы со стороны Германии. Громыко же считал иначе: «Агрессивные замыслы гитлеровской клики и ее намерение напасть на Советский Союз были очевидны для Советского правительства и руководства Советских Вооруженных сил. Однако был допущен просчет в определении сроков этого нападения. И. В. Сталин ошибочно полагал, что в ближайшее время Гитлер не решится нарушить договор о ненападении, если ему не дать для этого предлога…

Отсрочка вовлечения СССР во Вторую мировую войну дала время для дальнейшего укрепления обороноспособности страны, для развития военно-промышленной базы, для перестройки работы оборонной промышленности с учетом все более явственно надвигавшейся военной опасности, для дальнейшего повышения боевой готовности вооруженных сил. Однако некоторые вопросы, связанные с обороной страны, решить не удалось. Многие из намеченных мероприятий из-за недостатка средств и времени не были осуществлены до конца.

Не менее важный выигрыш был для СССР и с внешнеполитической точки зрения. К моменту гитлеровского нападения на Советский Союз его международное положение, равно как и вся международная обстановка, изменилось кардинальным образом. Стране Советов удалось не только покончить с внешнеполитической изоляцией, в которой она оказалась в результате мюнхенского сговора Англии и Франции с фашистскими государствами, но и разрушить мюнхенский антисоветский фронт.

Англия теперь воевала с Германией, а империалистические противоречия между США, с одной стороны, Германией и Японией, — с другой, настолько обострились, что возможность сговора правительств США и Англии с фашистскими агрессорами становилась нереальной. Создавались объективные предпосылки

для объединения в антифашистскую коалицию крупнейших государств мира — СССР, США и Англии»[{69}].)

Другими словами, со времен Мюнхена внешнеполитическая ситуация изменилась радикально.

18 апреля 1941 года при встрече с заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским британский посол Стаффорд Криппс вручил памятную записку, в которой давалось понять, что выбор Лондоном вариантов ближайшего будущего зависит от позиции Советского Союза. Предупреждалось, что в Англии имеются влиятельные силы, по-прежнему делающие ставку на заключение мира с Гитлером, восстановление прежнего положения в Западной Европе, согласие с расширением германского продвижения в восточном направлении. Указывалось, что и в Соединенных Штатах есть сторонники этого варианта. В записке без дипломатических оговорок заявлялось, что безопасность СССР «не представляет собой прямого интереса для правительства Великобритании» по сравнению с безопасностью Франции и некоторых других западноевропейских стран.

Далее в британском документе рассматривались возможности: либо Германия может не прибегать к агрессии, либо нападает на Советский Союз.

«Что касается первого варианта, то правительство Великобритании было бы, очевидно, поставлено перед необходимостью усилить свою блокаду везде, где это представляется возможным. При втором варианте у нас был бы обоюдный интерес… и в этом случае правительство Великобритании, исходя из своих собственных интересов, стремилось бы по мере сил помешать Гитлеру в достижении его целей… Мы приложили бы поэтому все старания, чтобы оказать содействие Советскому Союзу в его борьбе, причем помощь давалась бы нами в экономическом смысле или другими практическими способами, например координированной воздушной активностью…» В заключение в памятной записке указывалось, что если события пойдут по второму варианту, то следовало бы приступить к улучшению отношений между Англией и СССР, что «послужило бы на пользу и той и другой стороне»[{70}].

* * *

5 мая начальник Разведывательного управления Генштаба Красной армии Голиков передал Сталину спецсообщение, из

которого следовало, что Германия готовит военное вторжение в пределы СССР. «За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий»{71}.

6 мая Сталин стал председателем Совнаркома, что свидетельствовало о крайней обеспокоенности советского руководства создавшейся обстановкой и необходимости концентрации власти в одних руках. Молотов стал первым заместителем председателя правительства и сохранил пост наркома иностранных дел.

В мае 1941 года Сталин написал Георгию Димитрову письмо, из которого видна идейная основа будущей войны: «Нужно сочетать идеи здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на тот национализм… Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия»{72}.

14 мая 1941 года Гитлер направил Сталину личное письмо. Оно в дипломатической практике не имеет прецедентов. «Я пишу это письмо в момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно достичь долговременного мира в Европе — не только для нас, но и для будущих поколений без окончательного крушения Англии и разрушения ее как государства. Как Вы хорошо знаете, я уже давно принял решение осуществить ряд военных мер с целью достичь этой цели. Чем ближе час решающей битвы, тем значительнее число стоящих передо мной проблем. Для массы германского народа ни одна война не является популярной, а особенно война против Англии, потому что германский народ считает англичан братским народом, а войну между нами — трагическим событием. Не скрою от Вас, что я думал подобным же образом и несколько раз предлагал Англии условия мира. Однако оскорбительные ответы на мои предложения и расширяющаяся экспансия англичан в области военных операций — с явным желанием втянуть весь мир в войну убедили меня в том, что нет пути выхода из этой ситуации, кроме вторжения на Британские острова.

Английская разведка самым хитрым образом начала использовать концепцию “братоубийственной войны” для своих целей, используя ее в своей пропаганде — и не без успеха. Оппозиция моему решению стала расти во многих элементах германского общества, включая представителей высокопоставленных кругов. Вы наверняка знаете, что один из

моих заместителей, герр Гесс, в припадке безумия вылетел в Лондон, чтобы пробудить в англичанах чувство единства. По моей информации, подобные настроения разделяют несколько генералов моей армии, особенно те, у которых в Англии имеются родственники.

Эти обстоятельства требуют особых мер. Чтобы организовать войска вдали от английских глаз и в связи с недавними операциями на Балканах, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположено у границ Советского Союза. Возможно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами.

Хочу заверить Вас — и даю слово чести, что это неправда…

В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений. Ввиду значительной концентрации войск, эти эпизоды могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым.

Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идет о времени более месяца. Начиная, примерно, с 15—20 июня я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своем долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Стало почти невозможно избежать провокации моих генералов. Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы можем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы…

Ожидаю встречи в июле. Искренне Ваш,

Адольф Гитлер»[{73}].

Хочешь мира — готовься к войне, или Скрытые мобилизации

22 июня Германия напала на Советский Союз, что изменило весь мир и судьбы сотен миллионов людей, в том числе и судьбу Громыко, Теперь он должен был, как находившийся в запасе солдат, выступить на передовую.

В нашу задачу не входит описание военных сражений, однако общий контур противостояния необходимо очертить.

В марте 1941 года Совнарком принял решение о переводе промышленности на выпуск военной продукции по плану военного времени.

В мае 1941 года Генштаб направил в приграничные округа директивы, которые оказали важнейшее влияние на весь ход военной кампании 1941 года. Предусматривалась вероятность отступления вглубь страны, а на случай вынужденного отхода — подготовка к эвакуации промышленных предприятий, государственных учреждений, складов и т. д. Определялись три рубежа обороны: фронтовой — по границе, стратегический — по линии Западная Двина, Днепр (Нарва, Сольцы, Великие Луки, Конотоп), государственный (Осташков, Сычевка, Ельня, Почеп, Рославль, Трубчевск). На основании директив Генштаба округа должны были в кратчайший срок, с 20 по 30 мая, представить на утверждение оперативные планы обороны. Фактически это было началом скрытой мобилизации. В мае—июне из тыловых округов — Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского на стратегический рубеж обороны перебазировали несколько армий и корпусов. Всего на западном направлении было 170 дивизий, 57 из них прикрывали границу. Заглядывая вперед, где курится кровавый дым первых месяцев войны, надо сказать, что 28 дивизий не вышли из окружений, 70 дивизий понесли тяжелые потери, но более 70 кадровых дивизий вместе с вновь собранными (всего более 200 дивизий) сорвали решающий этап плана «Барбаросса» — «воспрепятствовать своевременному отходу боеспособных сил противника и уничтожить их западнее линии Днепр — Двина».

При этом учитывалось, что в 1939—1940 годах линия обороны была выдвинута на запад в Прибалтике, Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии. Представим, что советские границы остались на линии 1939 года, что удар немцев в июне 1941 года не задержан на целую неделю в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине. Румынские войска,

соответственно, тоже не задержаны в Бессарабии.

Отсутствие у обороняющейся стороны этой недели позволило бы немцам быстрее захватить Киев и Смоленск, опередить советское командование, которое не успело бы подтянуть резервы для обороны Москвы. Не исключено, что Москву и Ленинград пришлось бы сдать. Соответственно, немцы смогли бы перебросить с Восточного фронта несколько десятков дивизий для высадки в Англии и прорыва через Египет к нефтяным месторождениям Ближнего Востока и Баку.

Что было бы, если бы нефть оказалась в руках Германии, трудно представить, так как, судя по высказываниям фюрера, именно Ирак, Иран и Баку были энергетической целью его стратегии.

Британское правительство эвакуировалось бы в Канаду. На сколько лет затянулась бы в таком случае война, одному Богу известно. К тому же вполне вероятно, что немецкие физики успели бы сделать атомную бомбу.

Если суммировать все меры, принятые СССР к 22 июня 1941 года, то получится следующая картина:

«Версии просчета Сталина в сроках вероятного нападения Германии на СССР как главной причины наших неудач сопутствует утверждение, что наши войска в 1941 году, до войны, не уступали вермахту в умении воевать, в профессионализме и, если бы их вовремя привели в боевую готовность, они успешно отразили бы нападение агрессоров.

Под боеготовностью при этом понимают только способность войск занять по тревоге рубежи развертывания, упуская главную составляющую боеготовности — умение успешно выполнить боевую задачу по отражению внезапного нападения, которое при таком умении армии и не будет внезапным.

Главным “доказательством” неприведения наших войск в боевую готовность перед агрессией многие считают сам факт их поражений, хотя прямой связи тут нет. Вместо нечетких голословных утверждений, что войска не приводились в боеготовность, пора бы определить конкретный перечень главных мер, которые надо было осуществить для достижения требуемой готовности перед войной. И выявить, какие из них были проведены в жизнь до войны, вовремя; что не было сделано и как это повлияло на исход первых сражений.

В 1935—1941 годах руководством СССР был проведен ряд крупных мер по повышению боеготовности Советских Вооруженных Сил:

1) перевод Красной Армии в 1935—1939 годах на кадровую основу;

2) введение всеобщей воинской обязанности в 1939 году;

3) создание и развертывание серийного производства нового поколения танков и самолетов в 1939—1941 годах, до войны;

4) стратегическое мобилизационное развертывание Вооруженных Сил в 1939—1941 годах из армии мирного времени в армию военного времени (до войны!), с 98 дивизий до 303 дивизий;

5) создание и сосредоточение на западных границах в 1939—1941 годах армий прикрытия невиданной в истории человечества для мирного времени численности в 186 дивизий, с учетом 16 дивизий второго стратегического эшелона, прибывших в армии прикрытия до войны;

6) подготовка Западного ТВД к войне — аэродромы, укрепрайоны, дороги.

В апреле—июне 1941 года, с нарастанием угрозы войны, были приняты дополнительные срочные меры по повышению боеготовности, включавшие:

призыв в апреле — мае 793 тысяч резервистов для пополнения войск западных военных округов почти до штатов военного времени;

Директива Начальника Генштаба от 14 апреля о срочном приведении в боеготовность всех долговременных огневых сооружений, укрепленных районов с установкой в них оружия полевых войск при отсутствии табельного;

скрытая переброска с 13 мая из внутренних округов войск второго стратегического эшелона в западные округа с приведением их при этом в боеготовность — 7 армий, 66 дивизий (16, 19, 20, 22, 24 и 28-я армии, 41-й стрелковый, 21-й и 23-й механизированные корпуса);

приведение в боеготовность 63 дивизий резервов западных округов и выдвижение их ночными маршами, скрытно, с 12 июня в состав армий прикрытия этих округов (Директива НКО от 12.06.41);

приведение в боеготовность и скрытый вывод под видом учений в места сосредоточения 52 дивизий второго эшелона армии прикрытия из мест постоянной дислокации (Приказ НКО от 16.06.41);

вывод дивизий первого эшелона армий прикрытия в укрепрайоны по телеграмме Начальника Генштаба от 10.06.41 и указанию Наркома Обороны от 11.06.41 — с начала июня;

приведение всех войск ПрибОВО и ОдВО в готовность 18-21.06.41;

создание с *апреля* 1941 года командных пунктов и занятие их 18—21 июня срочно сформированными фронтовыми

управлениями;

создание группы армий СМ. Буденного на линии Днепра 21.06.41;

досрочный выпуск по Приказу НКО от 14 мая изо всех училищ и направление выпускников в западные приграничные округа;

Приказ НКО№ 0367 от 27.12.40 и его повторение 19.06.41 о рассредоточении и маскировке самолетов и т. п.;

Направление зам. наркома обороны генерала К. А. Мерецкова И. В. Сталиным в ЗапОВО и ПрибОВО для проверки боеготовности ВВС округов 14.06.41;

издание Директивы НКО и Ставки *(№* 1) о приведении в боеготовность войск западных военных округов (подписана 21.06.41 в 22.00, так как С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков уже в 22.20 вышли от Сталина, получив одобрение им этой Директивы, отправив ее с Н. Ф. Ватутиным на узел связи Генштаба).

Всего в боевую готовность до нападения немцев были приведены, таким образом, 225 из 237 дивизий Красной Армии, предназначенных для войны против Германии и ее союзников планам обороны.

Не были проведены в жизнь до войны только две важные меры — всеобщая мобилизация в стране и ввод войск в предполье укрепрайонов.

Стратегическое мобилизационное развертывание Красной Армии до войны в армию военного времени (5,4 млн. чел.), создание огромных армий прикрытия, скрытая мобилизация дополнительно 793 тыс. запасных и др. позволили осуществить практически большую часть мер, предусмотренных всеобщей мобилизацией, в силу чего надобность в проведении ее до войны отпала. Уже в мирное время были сформированы все 303 дивизии, запланированные для войны. Было сделано все главное, что страна должна была и могла сделать для успешного отражения надвигавшейся агрессии, если не затрагивать вопроса о качестве наших войск в сравнении с гитлеровскими. Фактически с марта 1941 г. происходило встречное стратегическое сосредоточение и развертывание вооруженных сил Германии для агрессии и частей Красной Армии — для ее отражения.

Фактически сейчас просчетом в вероятных сроках нападения немцев называют совсем другое — решение Сталина, несмотря на очевидную неизбежность агрессии Германии в июне 1941 года, не объявлять всеобщую мобилизацию и не вводить войска в предполье укрепрайонов до нападения немцев, считая проведенные весной 1941 года мероприятия вполне

достаточными, а армии прикрытия в 186 дивизий — способными отразить любое внезапное нападение Германии и ее союзников!

Это не просчёт в сроках, а сознательное, учитывающее все плюсы и минусы решение. Ошибся при этом Сталин в одном: переоценил боеспособность наших войск, выглядевших по числу дивизий и боевой техники значительно сильнее вермахта, это был главный и единственный просчет Сталина (и НКО также).

Просчета в предвидении вероятного направления главного удара вермахта также не было, а было решение Сталина, допуская возможность главного удара немцев в Белоруссии, сосредоточить наши главные силы на Украине, считая, что в Белоруссии 44 советских дивизий хватит для успешной обороны против 50 дивизий немцев. А ответный удар нам выгоднее наносить с Украины — на Краков… Тут опять просчет в боеспособности наших войск, *и* только.

Версия о поражении наших войск именно в первый день войны более чем легенда. Фактически первым ударом войск агрессора 22 июня подверглись лишь 30 дивизий первого эшелона армий прикрытия от Балтики до Карпат из 237 дивизий западных приграничных округов и второго стратегического эшелона. Трагедия поражения главных сил трех особых военных округов (118 дивизий) произошла не 22 июня, а позже, во время встречных сражений 24—30 июня 1941 года между новой и старой границами <…>

Мнение, что репрессированные высшие командиры были лучшими, а в армии остались худшие, — бездоказательно. Лучшие из репрессированных (М. Н. Тухачевский и др.) нередко в печати сравниваются с худшими из оставшихся, не исследован вопрос — какой опыт современной войны (кроме Гражданской) мог получить наш высший комсостав 30-х годов (в том числе репрессированные), служа с окончания Гражданской войны до 1937 года в нашей малочисленной, отсталой тогда территориально-кадровой армии, в которой кадровых дивизий было два десятка (26 процентов) на двадцать военных округов (во внутренних округах их не было вообще), армейских управлений не существовало с 1920 по 1939 год, крупные маневры начали проводиться только в 1935—37 годы и т. п. Недаром 120 наших военачальников ездили в Германию учиться военному делу в 20—30-х годах.

А идеи, связанные с именем Тухачевского, не были отвергнуты, как пишут, они не всегда оправданно внедрялись в армию перед войной, отражались в уставах. В частности:

идея “ответного удара” стала стержнем плана войны вместо более подходящей для нашей армии идеи стратегической

обороны;

теории глубокого боя и операции заслонили для нашей армии вопросы обороны, маневренной войны, встречных операций и др.;

идея создания армий прикрытия была с большим размахом воплощена в жизнь, что спасло нас в 1941 году.

Последствия репрессий 1937—38 годов против комсостава были частично преодолены к лету 1941 года, поэтому их нельзя отнести к главным причинам неудач нашей армии в начале войны.

Беда в том, что Красная Армия так и не успела стать кадровой ни в 1936, ни к 1939, ни к июню 1941 года. С 1935 года она развивалась экстенсивно, увеличивалась в 5 раз — но все в ущерб качеству, прежде всего офицерского и сержантского составов.

Советское военное руководство, готовясь к войне с Германией, усиленно добивалось к 1941 году количественного превосходства над вермахтом, особенно в танках и самолетах, но для него оставалось тайной многократное отставание Красной Армии от немецкой в качестве войск, штабов, комсостава всех степеней, особенно младшего.

Войска были плохо обучены методам современной войны, слабо сколочены, недостаточно организованы. На низком уровне находились радиосвязь, управление, взаимодействие, разведка, тактика…

…Переход армии на кадровую основу, увеличение ее численности в 5 раз в 1939 году и реорганизации 1940—41 годов обострили дефицит комсостава и ухудшили его качество.

Действительной главной причиной поражения наших войск летом 1941 года была неготовность Красной Армии вести современную маневренную войну с противником, имевшим богатейший опыт в ней и отличную подготовку именно к такой быстротечной войне. Наши Вооруженные Силы не умели реализовать огромный технический и людской потенциал, превосходящий к началу войны потенциал агрессоров. Причиной такого отставания нашей армии является полный провал в 1930—1937 годах заблаговременной подготовки командных кадров технического звена для многократного увеличения (развертывания) Вооруженных Сил перед войной. Спешные, авральные меры 1939—1941 годов, и особенно весной 1941 года, не могли выправить это положение»[{74}].

* * *

Итак, Сталин не успел полностью решить поставленную им в 1931 году задачу — за десять лет догнать западные страны, «пробежав» путь, на который у них «ушло сто лет». В результате догоняющей модернизации низкого передела экономика не достигла должного уровня четвертого технологического цикла, о чем свидетельствовала хотя бы катастрофическая нехватка в ВВС высокооктанового бензина. В такой ситуации и люди тоже могли рассматриваться как «природный ресурс».

Итак, с одной стороны — великие достижения, с другой — огромные проблемы. Вот основные, относящиеся к стратегическому планированию; незавершенный переход Вооруженных сил на кадровую основу, консервативные представления о начальном периоде войны как о месяце отмобилизовывания и сосредоточения войск накануне стратегических сражений, недооценка боевого опыта вермахта (его опыт польской, французской, югославской, греческой кампаний), отсутствие у Генштаба завершенного и утвержденного Совнаркомом оперативного и мобилизационного плана, отсутствие у Наркомата обороны единого органа управления тылом.

Разведка, как писал П. Судоплатов, совершила «роковую ошибку», не спрогнозировав «блицкриг».

Советский Союз в июне 1941 года был похож на богатыря, который только пробудился по тревоге.

К тому же обратим внимание и на внешне малозаметное обстоятельство: качество населения, его культурный уровень. Как можно было за столь короткое время перестроить его культурный код и воспитать в тех, кто разрушал имперскую петровскую государственность, в их детях — новое видение мира и новую идентичность?

Да, «советские десятиклассники» победили в той войне, но и погибли почти все.

32-летний Андрей Громыко, если бы не стал дипломатом, тоже должен был пасть на поле боя, как пали его братья, офицеры Алексей и Федор, дядья по материнской линии Федор и Матвей, брат жены Аркадий.

До конца своих дней наш герой жил с чувством невозвратной потери. Он был советским человеком, понимал ход истории и закономерность социалистической революции, реалистически оценивал огромную роль Сталина, но… Но боль утрат всегда была в его сердце. Война стала величайшим событием в его жизни.

Глава 7.
ЗАРОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНОЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Начало «Большой тройки»

Вечером 22 июня Черчилль, для которого весть о немецкой агрессии означала наконец-таки появление союзника в Москве, выступил по радио с речью: «Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги… Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы…»{75}

* * *

Не называя Рузвельта, Черчилль тем не менее давал знать, что говорит и от имени Соединенных Штатов.

Консолидация сил происходила и у другой стороны. 25 июня 1941 года на вопрос советского полпреда о позиции Японии в отношении советско-германской войны министр иностранных дел Мацуока заявил, что «основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы». Поэтому на дальневосточных рубежах оставалось 30—40 советских дивизий.

26 июня Молотов направил послу в США Уманскому распоряжение: «Вам следует немедленно пойти к Рузвельту или Хэллу и запросить, каково отношение американского правительства к этой войне и к СССР. Вопросов о помощи сейчас не следует ставить».

Однако Рузвельт уже высказался в поддержку СССР. Он разморозил 40 миллионов долларов советских фондов, дав ясно понять, что оказание эффективной американской помощи России

возможно лишь в случае длительного сопротивления СССР фашистской агрессии, — во всяком случае, он не имеет представления о текущих нуждах русских. Также он воздержался от применения закона о нейтралитете против России.

* * *

Громыко воспринял заявление Рузвельта о поддержке СССР как свою победу. Антигитлеровская коалиция стала складываться.

Правда, многие в США и Англии считали, что СССР долго не продержится. Так думал и посол Штейнгардт. Характерно для многих в американской верхушке высказывание сенатора Г. Трумэна, будущего президента США, которое привел Громыко в своей книге «Внешняя экспансия капитала»: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше». Но обвинять Трумэна вряд ли стоит, так как весь мир мыслил в категориях «реальной политики».

Теперь надо было ждать, когда в боевые действия вступят Соединенные Штаты, население которых в ту пору в подавляющем большинстве по-прежнему было настроено изоляционистски.

Пожалуй, ключевым действующим лицом в первые дни войны явился помощник президента, его личный друг Гарри Гопкинс, который, будучи в Лондоне, по собственной инициативе прилетел в СССР, чтобы понять, долго ли продержатся русские.

* * *

12 июля Молотов и английский посол С. Криппс подписали соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Налаживалось сотрудничество со странами антигитлеровской коалиции, восстанавливались дипломатические отношения с правительствами оккупированных фашистской Германией европейских государств, находившимися в эмиграции в Лондоне. Молотов сообщил послу СССР в Турции С. Виноградову, что советское правительство согласно установить официальные отношения еде Голлем как руководителем «Свободной Франции».

18 июля 1941 года было подписано советско-чехословацкое соглашение. В то время как Англия и Франция, вступив в войну,

не отменили своих признаний захвата Чехословакии Германией, «Советский Союз, — писал Бенеш в своих воспоминаниях, — который с самого начала так решительно выступил против Мюнхена и с такой решительностью выступил против событий 15 марта 1939 года, в этот ответственный момент нанес смертельный удар Мюнхену и всем его последствиям, так как вполне решительно, без всяких ограничений и условий, снова признал республику в ее домюнхенском статуте»{76}.

30 июля 1941 года было заключено такое же советско-польское соглашение. Помимо обязательств, аналогичных советско-английским, эти соглашения содержали также согласие СССР на формирование на его территории национальных чехословацких и польских воинских частей для борьбы против Германии.

* * *

28 июля Гопкинс, которому Черчилль в Лондоне высказал надежду на то, чтобы русские продержались хотя бы до зимы, прибыл в Москву. Что он увидел и узнал?

Сопротивление под Смоленском, жертвенные, без артиллерийского и авиационного обеспечения, контратаки советских дивизий, контрудар 21-й армии генерала Ф. И. Кузнецова и упорная оборона других армий задержали наступление немцев. Вечный ресурс русских — решение нерешаемых задач за счет колоссального перенапряжения и жертвенности — проявился здесь во всей полноте.

Еще во время игры в германском Генштабе по плану «Барбаросса» в декабре 1940 года рассматривался вариант, когда группа армий «Центр» опережает группу «Юг», и тогда командующий «Юга» просил командующего «Центра» повернуть войска на юг. В июле 1941 года эта ситуация воплотилась на практике. Для того чтобы обеспечить захват Москвы, Гитлеру надо было взять Киев.

Маршал Василевский называл Смоленское сражение, которое «включало в себя целую серию ожесточенных операций, проходивших с переменным успехом», «отличнейшей» школой «для советского бойца и командира, до Верховного главнокомандования включительно». «Задержка наступления врага на главном — московском направлении явилась для нас крупным стратегическим успехом»{77}.

Ценой потери Смоленска 16 июля, частичного окружения частей 20-й и 16-й армий было выиграно время. А поскольку,

несмотря на быстрые скорости германских танковых групп, советская система успевала сделать за каждые сутки больше, чем германская, СССР становился сильнее, а Германия слабее. К тому же к середине июля 1941 года вермахт потерял свыше 441 тысячи человек, половину танков и около 1300 самолетов{78}.

Конечно, советские потери были значительнее: к началу июля в полосе Западного фронта из 44 дивизий 24 полностью погибли, остальные потеряли от 30 до 90 процентов личного состава. Общие потери были такими: 418 тысяч человек, 4799 танков, 1777 самолетов, 9427 орудий и минометов. Кроме того, немцы захватили 1766 вагонов боеприпасов, 17,5 тысячи тонн горючего{79}.

Но после Смоленского сражения немцы все же не добились стратегического успеха. Другими словами, советские войска вцепились с южного фланга в группу армий «Центр», и их потребовалось разбить, отложив наступление на Москву.

На Ленинградском направлении инициативу перехватили советские войска. Ожесточенные бои 41-го танкового корпуса немцев на Луге с тремя ленинградскими пролетарскими дивизиями (то есть ополчением) задержали наступление противника почти на четыре недели. 41-й германский корпус отступил, едва не будучи разгромлен. Вслед за ним отступил 56-й корпус.

* * *

Сталин встретился с Гопкинсом. Американец задал конкретные вопросы: каковы непосредственные потребности России? Что ей понадобится для долговременной войны? Кроме того, он намекнул, что Рузвельт хотел бы видеть советским послом нового человека, с которым у него давно сложились доверительные отношения.

Сталин ответил: непосредственно необходимы зенитная артиллерия, тяжелые пулеметы, винтовки, высокооктановый авиационный бензин и алюминий для строительства самолетов. Так, накануне войны, в 1941 году потребность Советского государства в авиационном топливе Б-78 была удовлетворена всего лишь на 4 процента{80}.

Вечером они оба стали свидетелями воздушного боя в темном московском небе, когда советские зенитчики сбили два немецких самолета.

В американской документальной литературе эти переговоры отражены в полной мере. «После переговоров с Молотовым и

британским послом Криппсом Гопкинс снова встретился со Сталиным. Президент, сказал он Сталину, хотел бы знать мнение советского лидера о войне. Сталин сообщил, что в начале вторжения германская армия на русском фронте насчитывала 175 дивизий. Теперь их число увеличилось до 232, но немцы могут довести его до 300 дивизий. «…Мистер Сталин заявил, что он сможет мобилизовать 350 дивизий и будет держать их под ружьем до того времени, когда начнется весенняя кампания в мае 1942 года».

Сталин продолжал говорить: о необходимости закалить свои войска в боях, чтобы они поняли, что немцы не супермены; о том, как стойко сражаются русские в окружении и далеко в тылу у немцев; о своем впечатлении, что натиск немцев несколько ослаб; о качественном отличии (крайне подробно) танков и самолетов противоборствующих сторон; о том, что Красная армия не считает опасными для себя финские, румынские, итальянские и все другие дивизии, кроме немецких. В конце беседы он попросил Гопкинса передать президенту нижеследующее личное послание:

«…Величайшая слабость Гитлера состоит в массах порабощенных народов, которые ненавидят его, и в аморальных методах его правления». Эти народы могут почерпнуть воодушевление и моральную силу, необходимую для сопротивления Гитлеру, только из одного источника, и это Соединенные Штаты. Он констатировал, что влияние в мире президента и правительства США колоссально.

Соединенные Штаты неизбежно, продолжал Сталин, «сойдутся в конечном счете с Гитлером на каком-нибудь поле брани. Мощь Германии настолько велика, что даже при способности России защитить себя сокрушить немецкую военную машину очень трудно и объединенными силами Англии, и России. Он сказал, что одолеть Гитлера, и, возможно, без единого выстрела, могло бы только одно — заявление, что Соединенные Штаты намерены присоединиться к войне против Германии. Война, по его мнению, предстоит ожесточенная и, видимо, долгая; что, если мы объявим войну, американский народ проявит настойчивость в том, чтобы его армия сразилась с немецкой. Сталин хотел, чтобы Гопкинс передал президенту: он будет приветствовать американские войска на любом участке русского фронта под полным командованием военачальников США». Последнее предложение — поразительная уступка правителя России.

Позднее Гопкинс вспоминал, что в беседе Сталин не допустил ни одного лишнего слова, жеста или манерности. «Это напоминало разговор с абсолютно отлаженным механизмом,

интеллектуальной машиной. Иосиф Сталин знал, чего хочет сам, чего хочет Россия, и полагал, что это известно собеседнику…»{81}

На вторую встречу с Гопкинсом в качестве переводчика Сталин вызвал Литвинова, которого Рузвельт и Гопкинс неплохо знали. Эта крошечная деталь должна была сигнализировать Рузвельту о многом.

31 июля перед отлетом из Москвы Гопкинс на пресс-конференции заявил, что он по поручению Рузвельта сообщил Сталину: «Тот, кто сражается против Гитлера, является правой стороной в этом конфликте… США намерены оказать помощь этой стороне».

«Я глубоко уверен в этом фронте, писал Гопкинс Рузвельту из Москвы, моральный дух населения необычайно высок. Здесь существует твердая решимость победить»{82}.

В результате переговоров Гопкинса Рузвельт получил информацию, совпадавшую с его ожиданиями: Советский Союз не сдастся. Гопкинс же стал координатором всей помощи СССР по ленд-лизу и главным союзником СССР в администрации президента, что всегда подчеркивал и Громыко.

Вслед за переговорами Гопкинса практически мгновенно, 2 августа, состоялся обмен нотами между СССР и США о продлении на год советско-американского торгового соглашения и об экономическом содействии со стороны США Советскому Союзу в войне против фашистской Германии.

15 августа 1941 года Сталин получил письмо, подписанное Рузвельтом и Черчиллем:

«Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того, чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем.

Мы должны теперь обратить наше внимание на рассмотрение политики, рассчитанной на более длительное время, ибо предстоит еще пройти большой и трудный путь до того, как будет достигнута та полная победа, без которой наши усилия и жертвы были бы напрасными.

Война идет на многих фронтах, и, до того, как она окончится, могут возникнуть еще новые боевые фронты. Наши ресурсы хотя и огромны, тем не менее, они ограничены, и речь должна идти о том, где и когда эти ресурсы могут быть наилучшим образом

использованы в целях максимального содействия нашим общим усилиям. Это относится равным образом как к военному снаряжению, так и к сырью.

Потребности и нужды Ваших и наших вооруженных сил могут быть определены лишь в свете полной осведомленности о многих фактах, которые должны быть учтены в принимаемых нами решениях. Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить совещание в Москве, на которое мы послали бы высокопоставленных представителей, которые могли бы обсудить эти вопросы непосредственно с Вами. Если предложение о таком совещании встретит Ваше одобрение, то мы хотим поставить Вас в известность, что впредь до принятия этим совещанием решений мы будем продолжать по возможности быстрее отправлять Вам снабжение и материалы.

Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления.

Франклин Д. Рузвельт,

Уинстон С. Черчилль»[{83}].

В письме было сказано о возможности открытия второго фронта («новые боевые фронты»).

* * *

А что же сам Андрей Андреевич? Именно на него легли все заботы по организации экономического взаимодействия с американцами. Например, в начале сентября он встречался с заместителем министра финансов США Г. Д. Уайтом и получил от него очень важное свидетельство: «Несмотря на то, что мощь Германии велика, администрация США питает больше надежд на ваш успех, чем рядовые граждане»[{84}].

Некоторое представление о других его заботах дает описание занятий его супруги: «Хорошо ли, худо ли, но когда началась Великая Отечественная война, то Лидия Дмитриевна по зову сердца немало поработала по организации различных концертов, сбор средств от которых шел в фонд помощи раненым воинам Красной Армии. Конечно, делать это оказалось возможным при помощи наших друзей и в условиях благоприятной для того времени атмосферы»[{85}].

Да, конфиденциальные переговоры с политиками, чиновниками, бизнесменами, военными, составление отчетов для Москвы и еще много рутинной работы — эти повседневные дела нашего героя не назовешь ни выдающимися, ни героическими. Вот один из документов о его работе. «Перемены в настроениях ощущались повсеместно и во всех слоях американского общества, снизу доверху. Митинги солидарности с воюющими против нацистской Германии Советским Союзом и Англией собирали десятки тысяч людей. 28 октября 1941 г. временный поверенный в делах СССР в США А. А. Громыко сообщал в НКИД СССР: “Митинг, созванный вчера в Нью-Йорке комитетом медицинской помощи Красной Армии “Рашен уор рилиф”, прошел с очень большим подъемом. Самый большой в Нью-Йорке зал, вмещающий до 25 тыс. человек, был переполнен. Много желающих не смогли попасть на митинг ввиду отсутствия мест. Список ораторов и содержание речей переданы ТАСС. С замечательной речью выступил Джозеф Дэвис (бывший американский посол в Москве). Довольно серым и не привлекавшим внимания было выступление Уолтера Дюранти.

К концу митинга выступил лорд Галифакс… Ему досталось немало. Со всех углов неслись крики: “Почему не открываете второй фронт?” и “Почему не открываете новый фронт?”»{86}.

* * *

Лорд Галифакс — один из идейных вдохновителей «Мюнхена», ему и пришлось повертеться ужом. Именно Галифакс в начале февраля 1941 года пенял госсекретарю Хэллу, что Штаты продают СССР слишком много товаров, но эти замечания не нашли понимания у президента Рузвельта, который уже не исключал нападения Германии на Советский Союз.

Настроение 25-тысячного митинга, о котором сообщал Громыко, было далеко не мелочью ни для него самого, ни для Сталина, ни для Рузвельта. Уманского в Вашингтоне уже не было, его отозвали, так как в новых условиях послом должен был стать известный американцам Литвинов. Да, тот самый, которого два года назад сковырнули с поста наркома за его англо-американские привязанности, теперь понадобился. Это помимо всего прочего означало, что в плане личных отношений нашему герою должно было стать не слишком комфортно.

По поводу психологического комфорта так и получилось. Старые кадровики МИД рассказывали, что Литвинов нелицеприятно отзывался об Андрее Андреевиче, и в архиве МИД

хранилась данная им убийственная характеристика (потом исчезнувшая), в которой как отрицательный пример приводился факт, что Громыко на своем рабочем месте стриг ногти большими канцелярскими ножницами, кроме того, «выглядит неопрятно, английский язык знает слабо»{87}. Деталь с ножницами сама по себе забавная и отдает колоритом гоголевской повести «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Однако они были очень разными, Андрей Андреевич и Максим Максимович. Конечно, шла страшная война, надо было исполнять свой долг там, куда их обоих послал великий вождь, и все же — дипломаты тоже люди…

Заговорив о личном, скажем и то, что Литвинов так никогда и не простил унижения ни Сталину, ни Молотову. В 1941 году его приняли в официальном Вашингтоне как старого доброго знакомого, помня, что именно он в 1933 году открывал дипломатические отношения Союза со Штатами и как тепло его принимал тогда президент Рузвельт. Он ощутил себя здесь командующим важнейшим фронтом Второй мировой войны. А что Громыко? Мальчишка. Об особой роли Громыко в части переговоров по ленд-лизу Литвинов вряд ли много думал, считая их техническими, а не политическими.

В своих воспоминаниях наш герой счел нужным остановиться на литвиновском самочувствии. «Во время пребывания Молотова с визитом в Вашингтоне в июне 1942 года мое внимание привлек разговор Литвинова с Молотовым, состоявшийся в машине, когда мы втроем ездили в Аппалачские горы…

Речь зашла тогда также и об оценке политики Англии и Франции накануне Второй мировой войны. Молотов высказался об этой политике резко, заявив, что фактически эти две страны подталкивали Гитлера на развязывание войны против Советского Союза. Иначе говоря, он высказал то мнение, которого придерживались ЦК партии и Советское правительство, о чем неоднократно заявлялось на весь мир.

Литвинов выразил несогласие с такой квалификацией политики Англии и Франции.

Этот крутой разговор возвращал собеседников, по существу, к решению об освобождении Литвинова от обязанностей народного комиссара иностранных дел СССР в 1939 году.

Я удивился тому упорству, с которым Литвинов в разговоре пытался выгораживать позицию Англии и Франции, отказавшихся дать совместно с Советским Союзом твердый отпор Гитлеру еще до того, как тот предпринял роковой прыжок — напал на Советский Союз. Несмотря на то, что Литвинов был освобожден от поста наркома иностранных дел СССР за его ошибочную

позицию, в особенности в оценке политики Англии и Франции, тем не менее он почему-то продолжал подчеркнуто демонстрировать свои взгляды перед Молотовым, а тем самым, конечно, и перед Сталиным.

Странно было слушать человека, который не замечал Мюнхена и всех его последствий, того Мюнхена, который осудили наша партия, правительство и весь советский народ и который до настоящего времени продолжает оставаться символом вероломства во внешних делах государств.

Я не сомневался, что по возвращении в Москву Молотов доложит Сталину об этом диспуте в автомашине. Также не сомневался и в том, что уже только из-за одного этого факта перспектива работы Литвинова в США в качестве посла может потускнеть.

Так оно и произошло»{88}.

* * *

Как свидетельствуют ближайшие сотрудники Громыко, «Молотов и Литвинов не переносили друг друга». Более того, Литвинов в ежегодных характеристиках сотрудников посольства оценил Громыко с большим размахом: «К дипломатической службе не подходит»{89}.

Впрочем, в трагических обстоятельствах 1941 года все эти «страсти» не имели большого значения.

Зарождение американоцентричного мира

12 августа произошло событие, повернувшее ход истории XX века. Предварим рассказ о нем напоминанием, что президент Вильсон в сентябре 1919 года признал, что Первая мировая была для США «промышленной и коммерческой войной». Не забывал об этом и Рузвельт.

Итак, на борту английского линкора «Принц Уэльский» в бухте Арджентии (остров Ньюфаундленд) президент США и премьер-министр Великобритании приняли декларацию (Атлантическая хартия), в которой были изложены цели войны с фашистскими государствами. 24 сентября 1941 года Советский Союз присоединился к Атлантической хартии. Особенное значение имел пункт 4 этого документа, согласно которому Британская империя фактически уступала мировое лидерство Соединенным Штатам.

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ

Президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт и премьер-министр Черчилль у представляющий правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать некоторые общие принципы национальной политики их стран — принципы, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира.

1) США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

2) Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.

3) Они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

4) Соблюдая должным образом свои существующие обязательства, они будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран.

5) Они стремятся добиться полного сотрудничества между

всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение.

6) После окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

7) Такой мир должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам.

8) Они считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Черчилль и Рузвельт считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Англия и США будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчат миролюбивым народам избавление от бремени вооружения.

* * *

Сын президента Рузвельта был свидетелем подписания Хартии и горячих споров Черчилля с президентом о судьбе Британской империи.

«Черчилль встал и расхаживал по каюте, ораторствуя и жестикулируя. Наконец он остановился перед отцом, помолчал секунду, а затем, потрясая коротким, толстым указательным пальцем перед самым его носом, воскликнул:

— Господин президент, мне кажется, что вы пытаетесь покончить с Британской империей. Это видно из всего хода ваших мыслей об устройстве мира в послевоенное время. Но несмотря на это, — он взмахнул указательным пальцем, — несмотря на это, мы знаем, что вы — единственная наша надежда. И вы, — голос его драматически дрогнул, — вы знаете, что мы это знаем. Вы знаете, что мы знаем, что без Америки нашей империи не устоять.

Со стороны Черчилля это было признанием, что мир может быть завоеван только на основе условий, поставленных Соединенными Штатами Америки. И, сказав это, он тем самым

признал, что английской колониальной политике пришел конец, точно так же, как и попыткам Англии занять господствующее положение в мировой торговле и ее стремлению стравить между собой СССР и США.

И всему этому действительно пришел бы конец, если бы отец был жив»[{90}].

* * *

Одной из первых совместных союзнических акций было решение Москвы и Лондона ввести 25 августа войска в Иран для защиты ближневосточных коммуникаций и ресурсов. Это случилось после отказа шаха уменьшить численность германской колонии (16 сентября Реза Пехлеви отрекся от престола в пользу своего сына Мухаммеда Реза Пехлеви). Здесь необходимо уточнить, что американское руководство первоначально не соглашалось с военной операцией в Иране, поскольку уже тогда имело далекоидущие планы в этом регионе, но, взвесив реальную угрозу захвата немцами Ирана, сняло возражения.

Решение напоминало англо-российское соглашение 1907 года о разделе сфер влияния в Персии и в Азии. И вообще военное мировое противостояние по сути являлось продолжением Первой мировой войны — те же противники, те же стратегические задачи. И те же противоречия внутри союзного лагеря. (И, заглядывая вперед, тот же конфликт на этой территории после войны.)

Союзники вырывают Иран у Германии

В конце июля на Закавказском фронте и в пограничных войсках была объявлена повышенная боевая готовность. С 25 июля до 5 августа шли последние уточнения деталей наступательной операции. Был утвержден план оккупации городов и населенных пунктов, захвата и уничтожения промышленных и военных объектов. 20 августа все документы, касающиеся наступления, были отправлены по назначению с пометкой «совершенно секретно». По решению Государственного Комитета Обороны советские войска в 2 часа ночи 25 августа приступили к осуществлению военной операции. С 5 до 7 часов утра по всей линии от Нахичевани до южного побережья Каспия пограничные войска СССР, 44-я и 47-я армии, Каспийский флот, 8-й Закавказский авиакорпус, 132-я Евлахская авиадивизия начали боевые действия в Южном Азербайджане и на юге Каспия. Была отрезана связь иранской армии с тылом, в течение полутора часов, с 5.00 до 6.30, сопротивление передовых постов иранской армии было сломлено. Только в отдельных местах сопротивление продолжалось до 13 часов дня. Вопреки приказу Реза-шаха об оказании сопротивления, солдаты и офицеры беспорядочно покидали позиции, бросая оружие и технику. 28 августа иранская армия официально прекратила сопротивление. Советские войска заняли Южный Азербайджан, Гилян, Мазандаран и Хорасан.

Английская армия своими 12 индийскими дивизиями вышла на линию Кирман-шах, Абадан, Хоррамабад, Меджиди-Сулейманийе, Хормуз, Бендер Дейлим. 27 августа правительство Ирана ушло в отставку. На следующий *день* меджлис утвердил состав нового правительства, а также утвердил решение правительства о прекращении сопротивления.

Эта военная операция фактически прошла незамеченной на фоне тяжелейших сражений на советско-германском фронте, но благодаря ей был создан важнейший коммуникационный коридор, по которому через весь Иран можно было поставлять в СССР оружие и оборудование, поступающие по ленд-лизу. Об энергетической важности иранской нефти мы и не говорим. Кстати, после мая 1945 года именно в Иране разыгралась иная драма, в которой по разные стороны оказались бывшие союзники и в которой принял участие и Громыко.

Южное направление, Кавказ и Ближний Восток постоянно были в зоне повышенного внимания Кремля (особенно летом 1942 года, когда немцы рвались к советским нефтепромыслам на Северном Кавказе и в Баку).

Для того чтобы предотвратить участие Турции в войне на стороне Германии, в августе 1941 года вдоль советско-турецкой границы была дислоцирована 45-я армия, а вдоль ирано-турецкой — кавалерийский корпус, усиленный стрелковой дивизией и танковой бригадой. Все эти войска были крайне необходимы в Центральной России, — но надо было держать южный фланг, как и дальневосточный — против Японии. С учетом этих обстоятельств Советский Союз держал круговую оборону.

В сентябре 1941 года к Атлантической хартии присоединился и Советский Союз с оговоркой, что ее принципы должны «сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими обстоятельствами той или другой страны». Бесспорно, это решение Кремля соотносилось со стратегическим замыслом Вашингтона о переделе колониальной системы и стремлением не отстать в этом от американцев.

Разумеется, заявление президента Рузвельта о том, что «защита Ирана является для США стратегической задачей», прозвучало для Лондона весьма тревожно.

Вскоре в иранской армии, жандармерии и полиции появились американские советники. «Главным управляющим финансами» стал экономический советник Госдепа США Артур Мильспо, получивший «полномочия в делах приобретения и распределения… всех сырьевых и производимых товаров, их экспорт и импорт; …право выдавать лицензии на производство и продажу». Забегая вперед укажем, что к середине 1943 года в Иране был принят закон о предоставлении чрезвычайных полномочий А. Мильспо, гарантировавший беспошлинный ввоз американских товаров в Иран. Но главной экономической задачей американцев было добиться концессий на разведку и добычу нефти, поэтому старое соперничество с англичанами перешло на новый уровень.

* * *

К сентябрю 1941 года концентрация сил антигитлеровской коалиции стала еще заметнее. 11 сентября, воспользовавшись инцидентом в Северо-Западной Атлантике (в нем участвовали германская подводная лодка и американский эсминец «Гриер»), Рузвельт выступил по радио с заявлением об изменении политики США «в водах, которые мы рассматриваем как исключительно важные для нашей обороны». Американские корабли и самолеты получили приказ без предупреждения атаковать германские и итальянские суда, главное же — им разрешалось конвоировать

суда других стран. Фактически началась необъявленная война против Германии в Атлантике.

Как само собой разумеющееся были восприняты распространение на СССР закона о ленд-лизе и «модификация» закона о нейтралитете, фактически означавшая его отмену.

Однако на советско-германском фронте положение все больше ухудшалось. 19 сентября немцы вошли в Киев, две советские армии были окружены в районе Умани, еще пять — восточнее Киева. С разгромом Юго-Западного фронта открывался путь на Москву с юга. Наступал «последний парад».

Создан мощный фронт свободолюбивых народов

В эти дни (29 сентября — 1 октября) началось Московское совещание представителей Советского Союза (Молотов), США (А. Гарриман) и Великобритании (В. Бивербрук). Иностранные гости с трудом сдерживали тревогу.

Много лет спустя Гарриман в беседе с переводчиком Сталина Валентином Бережковым вспоминал: «Мы с лордом Бивербруком, хоть внешне и сохраняли бодрый вид, шли к Сталину в подавленном настроении. Наши военные эксперты обрисовали сложившееся положение в самых черных красках. Майор Итон, наш военный атташе, твердил: Россия обречена, Красная Армия деморализована поражениями, нет ни малейшей возможности отстоять Москву. О каких поставках в СССР стратегического сырья и боевой техники вести речь, если все это попадет к немцам? Атташе даже заявил: “Если ваша миссия хотя бы на несколько дней задержится в Москве, не исключено, что вы будете пленены вместе с русскими…”

Но в ходе переговоров Сталин сам сделал детальный и правдивый военный обзор. Был абсолютно спокоен. Вел переговоры неторопливо и обстоятельно, как будто у него масса свободного времени. Не скрывая трудностей с производством вооружения, попросил в первую очередь поставлять танки, во вторую — противотанковые орудия, а уж затем — самолеты, объяснив, что их выпуск уже налаживается. Сказал: хотелось бы получить и “джипы”. Мы были озадачены. Еще более удивило нас, когда Сталин стал разъяснять, какое сырье, оборудование уже сейчас необходимо поставлять вам, чтобы в 42-м году пустить такие-то заводы.

Когда же Сталин посоветовал англо-американской миссии поехать в военные госпитали, побеседовать с ранеными командирами и красноармейцами, Гарриману стало стыдно за свое паническое настроение. А предложение посетить Большой театр, съездить с ним на концерт! А банкет, который вождь устроил в Кремле! Мы, признался Гарриман, думали: русским в столице уже и есть-то нечего!

Общение со Сталиным, поездки по прифронтовой Москве убедили союзников в том, что Россия выстоит, немцы не смогут поставить русских на колени. В итоге все важные соглашения с союзниками заключили в рекордно короткие сроки»{91}.

В результате Московского совещания был подписан протокол,

определивший на период с 1 октября 1941-го по 30 июня 1942 года месячные квоты американских и английских поставок Советскому Союзу вооружения, промышленного оборудования и продовольствия (ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, автомобили и пр.), а также встречных поставок некоторых товаров и сырья из СССР в США и Англию для нужд их военного производства (станки, зенитные пушки, амуниция, оборудование для военных заводов, драгоценные металлы, сырье, марганец, хром, платина).

Выступая на заключительном заседании, Молотов сказал, что «отныне создан мощный фронт свободолюбивых народов во главе с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки».

Итоги Московского совещания были очень важны для шатающегося от тяжести немецких ударов Советского Союза.

* * *

«По американским официальным данным, из США в СССР за все время войны было отправлено 14 450 самолетов и около 7 тыс. танков. Основной поток американских поставок СССР пришелся на 1943—1944 гг., т. е. на то время, когда силами Советского Союза уже был достигнут коренной перелом в войне. Между тем советская промышленность в течение трех последних лет Великой Отечественной войны выпускала более 30 тыс. танков и самоходных орудий и до 40 тыс. самолетов ежегодно. Все поставки промышленных товаров со стороны союзников составили всего 4 процента советской промышленной продукции. В решающих битвах под Москвой и Сталинградом ленд-лиз практически не имел значения»{92}.

Едва ли в военные годы Андрей Андреевич так холодно оценивал помощь по ленд-лизу. На его позднейшие оценки явное влияние оказывала «холодная война».

По другим данным (с учетом английских поставок), на сумму 10 миллиардов долларов было поставлено 22 тысячи самолетов, 13 тысяч танков, 9,6 тысячи орудий, 44,6 тысячи металлообрабатывающих станков, 517,5 тысячи тонн цветных металлов, 1800 паровозов, 11,3 тысячи железнодорожных платформ, 427 тысяч автомобилей, авиабензин, трубы для газопроводов и нефтепроводов, оборудование для нефтеперегонных заводов и т. д., что, по американским данным, составило 7 процентов промышленной продукции СССР в годы войны{93}.

Для сравнения: советская промышленность в течение трех последних лет Великой Отечественной войны выпускала более 30 тысяч танков и самоходных орудий и до 40 тысяч самолетов ежегодно.

(В самый тяжелый период войны, с октября 1941 года по 30 июня 1942 года, Советский Союз получил весьма незначительную помощь в технике: 900 бомбардировщиков, 900 истребителей, 1125 средних и столько же легких танков, 85 тысяч грузовых машин и т. д. Основной объем поставок — авиационный бензин.)

Здесь необходимо подчеркнуть, что, по признанию самого Сталина, без поставок по ленд-лизу «мы не выиграли бы войны».

А в советском посольстве в Вашингтоне за экономику войны отвечал не кто иной, как Андрей Андреевич. Именно тогда его знакомство с президентом Рузвельтом окрасилось теплым чувством. Вот как он вспоминал об этом:

«В напряженных условиях военного времени и через советское посольство в Вашингтоне осуществлялась систематическая связь, шел активный обмен посланиями между руководителями СССР и США. Это явление было новым. Ничего подобного не было ранее в отношениях между двумя странами.

По документам, которыми обменивались столицы обеих стран и которые теперь опубликованы, можно отчетливо представить, насколько жизненно важными были вопросы, поднимавшиеся и согласовывавшиеся в этой переписке.

Как правило, при получении письма от Сталина в адрес Рузвельта в советское посольство в Вашингтоне на 16-й стрит к послу приезжал военный помощник президента генерал Эдвин Уотсон. Об этом было условлено с Рузвельтом. Все делалось срочно и архисрочно. Несрочных вопросов тогда почти не было. Получив от меня, тогда еще поверенного в делах, послание Сталина, генерал немедленно доставлял его президенту. На это уходило не более пятнадцати — двадцати минут, а иногда и меньше.

Однажды в беседе со мной Рузвельт в шутку заметил:

— Уотсон, наверное, не дает вам покоя своими частыми визитами?

Я ответил:

— Господин президент, мы рады этим визитам, и, кроме то го, в Москве ведь проделывается то же самое, только в обрат ном порядке, при передаче ваших посланий Сталину.

На беседах с Рузвельтом всегда обсуждались вопросы, касавшиеся существа проблем того времени. И прежде всего главный — как ускорить достижение победы над гитлеровской Германией»{94}.

* * *

Две мировые войны, в которых участвовала Россия, были для нее совершенно разными явлениями, о чем не могли не знать ни в Москве, ни в Вашингтоне, ни в Лондоне, ни в Берлине, ни в Токио. Авторитет советских дипломатов и, в частности, самого Громыко опирался не только и не столько на их профессионализм. Как сказал в интервью автору этой книги Е.М. Примаков, рассказывая об Андрее Андреевиче, «дипломатия может многое, но далеко не все».

Без сравнения военно-промышленных основ Российской империи и Советского Союза невозможно понять происходящее. Если сравнить итоги модернизации начала века (периода Витте — Столыпина) с итогами советской индустриализации, то в обоих случаях они прошли проверку на прочность в мировых войнах с одним и тем же противником. Результаты сравнения общеизвестны.

В декабре 1941 года в ходе Второй мировой наступил первый перелом. Красная армия, прижатая к стенам Москвы и готовая к уличным боям, перешла в наступление и отбросила немцев на 200—300 километров. 7 декабря японский флот атаковал американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор на острове Оаху (Гавайи) в Тихом океане, и США стали участником непосредственных боевых действий; вслед за этим Германия объявила войну Штатам. Исторический круг, берущий начало с конкуренции великих держав накануне Первой мировой войны, совершил второй виток.

Нападению японцев на американскую базу сопутствовало одно важное обстоятельство: англичане, располагающие японскими шифровальными кодами, знали о готовящемся нападении, однако Черчилль не сообщил об этом союзникам, желая, видимо, любой ценой вовлечь США в войну{95}.

Япония обеспечивала только 7 процентов своих потребностей в нефти, остальное импортировалось. Ее стратегическое стремление на юг в сторону Ост-Индии ограничивалось американской политикой «открытых дверей». То есть в открытой конкуренции Япония была бессильна что-либо изменить. Отсюда вытекало для нее ужасное противоречие: ее промышленность, армия и флот снабжались в основном американской нефтью, но, чтобы развиваться, ей требовалось найти способ выиграть у непобедимой Америки. И японцы решили сильным ударом нанести США поражение в Тихоокеанском регионе, чтобы вызвать шок и за это время укрепиться, получив доступ к нефти. Это был тот же блицкриг, что и в Германии, и он также был обречен на

неудачу.

Как писал генерал Э. Роммель, безуспешно пытавшийся прорваться из Северной Африки на Ближний Восток: «Битвы ведутся и выигрываются квартирмейстерами еще до того, как начнется стрельба».

Вечером 11 декабря Сталин в кремлевском кабинете с нетерпением ждал сообщения из НКИД о выступлении Гитлера по радио. Должно быть, он испытывал те же чувства, что и Черчилль, когда узнал о нападении Германии на СССР. Теперь антигитлеровская коалиция окончательно сложилась. Но его еще интересовало, нападет ли Япония на СССР Это нападение ожидалось давно, но откладывалось, так как сопротивление Красной армии не ослабевало.

Немцы же поторапливали японцев.

«10 июля, то есть в разгар немецкого наступления на советском фронте, министр иностранных дел Германии Риббентроп направил немецкому послу в Токио следующую телеграмму: “Поскольку Россия, как об этом сообщает из Москвы японский посол, фактически находится на краю катастрофы… просто невозможно, чтобы Япония, как только она будет готова к этому в военном отношении, не решила проблемы Владивостока и сибирского пространства. Я прошу вас использовать все находящиеся в вашем распоряжении средства, чтобы побудить Японию как можно скорее выступить войной против России, ибо чем скорее это произойдет, тем лучше. Естественная цель должна и впредь заключаться в том, чтобы Япония и мы до наступления зимы подали друг другу руку на Транссибирской магистрали”»{96}.

Когда стало понятно, что Япония не нападет на СССР, напряжение в Кремле спало. Победа под Москвой отдалась на дальневосточных рубежах.

* * *

Новый, 1942 год в Вашингтоне встретили по-особому. Вечером 1 января в кабинете президента собрались Рузвельт, Черчилль, Литвинов и Т.-В. Сунн, посол Китая. Перед ними на столе лежал документ, имеющий два значения — первое было очевидно, второе — понятно не многим.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Совместная Декларация Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Австралии, Бельгии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Чехословакии, Доминиканской республики, Эль-Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Индии, Люксембурга, Нидерландов, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южной Африки, Югославии,

Правительства, подписавшие документ, поддерживая в целом цели и принципы, изложенные в Совместной Декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 14 августа 1941 года, известной как Атлантическая хартия; будучи убежденными в необходимости полной победы над врагами для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы, для обеспечения прав человека и справедливости в своих собственных и других странах; будучи убежденными, что ведут совместную борьбу против жестоких и свирепых сил, стремящихся поработить мир, заявляют:

7. Каждое правительство обязуется использовать все свои ресурсы, военные и экономические, в борьбе против государств — членов Пакта трех держав 1940 года и его сторонников, с которыми данное правительство находится в состоянии войны,

2. Каждое правительство обязуется сотрудничать с правительствами, подписавшими документ, и не заключать с врагами соглашений о прекращении огня или мире,

К вышеупомянутой декларации могут присоединиться другие страны, которые оказывают или могут оказать материальную поддержку и внести другой вклад в борьбу за победу над гитлеризмом.

Составлено в Вашингтоне 1 января 1942 года.

Неявное значение документа заключалось в том, что Атлантическая хартия с ее 4-м пунктом приобретала общемировое значение. Победа над Германией была лишь вопросом времени, а новый мировой порядок под эгидой Соединенных Штатов уже начал складываться. Поэтому не имели большого значение заявления Черчилля, что он не собирается «председательствовать при развале Британской империи», — развал старого мирового порядка шел полным ходом. То, что для англичанина было развалом, для американца являлось продолжающейся с начала века реорганизацией, в которой его союзником стал не кто иной, как советский диктатор.

Еще в июне 1941 года Рузвельт называл Гитлера и Сталина одинаково — «диктаторами», правда, уточняя, что первый представляет угрозу для США, а второй — нет. Теперь же

большевизм и диктаторство «дядюшки Джо», как за глаза называли его Рузвельт и Черчилль, не имели большого значения. Главным было: разбить Германию и создать новый миропорядок.

Конечно, Рузвельт при всей его прозорливости не мог знать, что после победы весь мир будет перекроен и обретет неведомые качества — во многом благодаря России.

На протяжении многих веков Россия находилась между двух центров силы, Запада и Востока, и постоянно в организацию ее будущего вмешивались половцы, хазары, византийцы, монголы, немцы, поляки, шведы, французы, англичане. В ее истории есть эпизоды прямого участия иностранцев в заговорах против верховной власти, но ничем радикальным они не заканчивались. Поэтому намерения Рузвельта надолго оставить советского вождя в младших партнерах могли и не осуществиться. По поводу советского руководителя основатель венской экономической школы Йозеф Шумпетер высказался так: «Безличные или объективные факторы — все были против России. Даже ее огромная армия была не просто продуктом огромного населения и богатой экономики, но результатом деятельности одного человека, которому удалось держать это население в состоянии крайней бедности и страха и мобилизовать все силы слаборазвитого и порочного промышленного аппарата на цели войны. Но и этого было бы недостаточно. Те, кому не понять, как переплетаются удача и гениальность, конечно, укажут на счастливые случаи в длинной цепи событий, вершиной которых стал колоссальный успех. Но эта цепь событий содержит столько же, если не больше, отчаянных ситуаций, во время которых большевистский режим имел все шансы погибнуть.

Политический гений состоит прежде всего в способности эксплуатировать благоприятные возможности и нейтрализовать неблагоприятные события настолько полно, что в итоге поверхностный наблюдатель заметит только первые. Рассматривая события, начиная с первого мастерского хода — “взаимопонимания” с Германией, — мы узнаем почерк мастера. Действительно, Сталин никогда не встречался с человеком равных с ним способностей. Но это только еще раз говорит в пользу той философии истории, которая оставляет достаточно места для учета качеств действующих лиц, а в данном случае — личных качеств лидера»[97].

Кстати, Громыко считал, что Сталин был лидером в «Большой тройке», что неудивительно, учитывая мощь Красной армии и роль Союза в разгроме Германии[98].

Андрей Андреевич тоже присутствовал при подписании Декларации Объединенных Наций. Его роль, разумеется, пока

была не главной, но и не второстепенной.

Глава 8. «БОЛЬШАЯ ТРОЙКА» ГЛАЗАМИ ГРОМЫКО

Взгляд нашего героя на историю рельефно выделен в его описаниях Сталина, Рузвельта, Черчилля. Понятно, что наибольшее внимание уделено личности советского руководителя. В этом очерке, разумеется, проступает сам Громыко.

«Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль.

Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в себе и тысячу загадок…

Сталин имел обыкновение, выступая, скажем, с упреком по адресу того или иного зарубежного деятеля или в полемике с ним, смотреть на него пристально, не отводя глаз в течение какого-то времени. И надо сказать, объект его внимания чувствовал *себя в* эти минуты неуютно. Шипы этого *взгляда* пронизывали.

Когда Сталин говорил сидя, он мог слегка менять положение, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда мог легким движением руки подчеркнуть мысль, которую хотел выделить, хотя в целом на жесты был очень скуп. В редких случаях повышал голос. Он вообще говорил тихо, ровно, как бы приглушенно. Впрочем, там, где он беседовал или выступал, всегда стояла абсолютная тишина, сколько бы людей ни присутствовало. Это помогало ему быть самим собой.

Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное,

нестандартностью мышления.

Что касается зарубежных деятелей, то следует добавить, что Сталин их не особенно баловал своим вниманием. Уже только поэтому увидеть и услышать Сталина считалось у них крупным событием.

В движениях Сталин *всегда* проявлял неторопливость, Я никогда не видел, чтобы он, скажем, заметно прибавил шаг, куда-то спешил. Иногда предполагали, что с учетом обстановки Сталин должен поскорее провести то или иное совещание, быстрее говорить или торопить других, чтобы сэкономить время. Но этого на моих глазах никогда не было.

Очень часто на заседаниях с небольшим числом участников, на которых иногда присутствовали также товарищи, вызванные на доклад, Сталин медленно расхаживал по кабинету. Ходил и одновременно слушал выступающих или высказывал свои мысли. Проходил несколько шагов, приостанавливался, глядел на докладчика, на присутствующих, иногда приближался к ним, пытаясь уловить их реакцию, и опять принимался ходить.

Затем он направлялся к столу, садился на место председательствующего. Присаживался на несколько минут. Были и такие моменты. Наступала пауза. Это значит, он ожидал, какое впечатление на участников произведет то, о чем идет речь. Либо сам спрашивал:

— Что вы думаете?

…Обращало на себя внимание то, что Сталин не носил с собой никогда никаких папок с бумагами. Так он появлялся на заседаниях, на любых совещаниях, которые проводил. Так приходил и на международные встречи — в ходе конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Не видел я никогда в его руках на таких заседаниях ни карандаша, ни ручки. Он на виду не вел никаких записей.

Любые необходимые материалы у него, как правило, находились под рукой, в его кабинете. Работал Сталин и по ночам. С ночной работой он был даже более дружен, чем с дневной.

Приходил он на совещания или на заседания международных конференций подготовленным. Когда делегация вместе с ним шла на заседание, то всегда знала, о чем он будет говорить. От Советского Союза почти всегда выступал только он. Во внешних делах его главной опорой был В. М. Молотов. Если нужно, в определенный момент Сталин, склонившись над столом, советовался с кем-либо из членов делегации и потом высказывал свое мнение…

Однажды разговор зашел о бессмысленности упорства

гитлеровского командования и сопротивления немцев в конце войны, когда дело фашизма уже было проиграно, только слепые не могли этого видеть. Говорили об этом несколько человек. Сталин внимательно всех выслушал, а потом, как будто подводя итог услышанному по этому вопросу, сказал сам:

— Все это так. Я согласен с вами. Но в то же время нельзя не отметить одно характерное для немцев качество, которое они уже не раз демонстрировали в войнах, — упорство, стой кость немецкого солдата.

Тут же он высказал и такую мысль:

— История говорит о том, что самый стойкий солдат — это русский; на втором месте по стойкости находятся немцы; на третьем месте…

Несколько секунд он помолчал и добавил:

— …поляки, польские солдаты, да, поляки.

Товарищи, участвовавшие в заседании, согласились с тем, что эта характеристика справедлива. На меня лично она произвела большое впечатление. Немецкая армия, по существу, уже была разгромлена, потерпела в войне сокрушительное поражение. Казалось бы, эту армию агрессора, армию насильников, грабителей и палачей он должен был охарактеризовать в самых резких выражениях и с точки зрения личностных качеств солдата. Между тем Сталин дал немецкому солдату оценку в историческом плане, основываясь на фактах, оставив эмоции в стороне.

Сталин относился к той категории людей, которые никогда не позволяли тревоге, вызванной теми или иными неудачами на фронте, заслонить трезвый учет обстановки, веру в силы и возможности партии коммунистов, народа, его Вооруженных сил. Патриотизм советских людей, их священный гнев в отношении фашистских захватчиков вселяли в партию, ее Центральный Комитет, в Сталина уверенность в конечной победе над врагом. Без этого победа не стала бы возможной.

Позже выяснилось, что напряжение и колоссальные трудности военного времени не могли не подточить физические силы Сталина. И приходится лишь удивляться тому, что, несмотря на работу, которая, конечно, изнуряла его, Сталин дожил до Победы…

Бросалось в глаза, что он почти всегда внешне выглядел усталым. Не раз приходилось видеть его шагающим по кремлевским коридорам. Ему шла маршальская форма, безукоризненно сшитая, и чувствовалось, что она ему нравилась. Если же он надевал не военную форму, то носил полувоенную-полугражданскую одежду. Небрежность в одежде, неопрятность

ему не были свойственны…

Что касается литературы, то могу определенно утверждать, что Сталин читал много. Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил, в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Труднее мне говорить о его знаниях в области иностранной литературы. Но, судя по моим некоторым наблюдениям, Сталин был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Гиде Мопассана — и последнего очень хвалил, — а также с произведениями многих других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник.

Одним словом, Сталин был образованным человеком, и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько дала работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль.

Вместе с тем решительно утверждаю, что Сталин не обладал качествами ученого. Он был организатором и практиком, природа наделила его этими способностями. А опыт им был приобретен трагически дорогой ценой в процессе почти тридцатилетней деятельности. Массовая гибель безвинных советских людей в период культа личности Сталина уже сама по себе никогда не может быть забыта, тем более прощена.

В манере поведения Сталина справедливо отмечали неброскую корректность. Он не допускал панибратства, хлопанья по плечу, которое иной раз считается признаком добродушия, общительности и снисходительности. Даже в гневе — а мне приходилось наблюдать и это — Сталин обычно не выходил за рамки допустимого. Избегал он и нецензурных выражений…

Не помню случая, чтобы Сталин прослушал или недостаточно точно понял какое-то существенное высказывание своих партнеров по конференции (Ялтинской). Он на лету ловил смысл их слов. Его внимание, память, казалось, если употребить сравнение сегодняшнего дня, как электронно-вычислительная машина, ничего не пропускали. Во время заседаний в Ливадийском дворце я, возможно, яснее, чем когда-либо раньше, понял, какими незаурядными качествами обладал этот человек…

Личность Сталина вызывает и будет на протяжении десятилетий, а возможно, столетий вызывать разные суждения, в том числе противоречивые. Человек большого масштаба, он, несомненно, явление в истории…

Но видеть лишь положительное в Сталине было бы неправильным и глубоко ошибочным. Сталин еще и глубоко противоречивая, трагически противоречивая личность…

С одной стороны, сильного интеллекта, железной воли революционер, руководитель с непреклонной решимостью добиться победы над опасным и сильным врагом, с умением в годы войны находить взаимопонимание с союзниками, отстаивать достойное для страны место в послевоенном мире.

С другой стороны, человек жестокий, коварный, не считающий количества жертв, принесенных им во имя достижения поставленной цели, творивший чудовищный произвол, который привел к гибели множества советских людей, — таков был результат культа его личности. Страна и народ, конечно, никогда не смогут простить ему этих беззаконий — массового истребления коммунистов и беспартийных, не имевших за собой никакой вины, бывших патриотами, преданными делу социализма»[{99}].

* * *

Вот так представлен нашим героем один из великих деятелей XX века. Громыко еще коротко сказал о позитивной роли XX съезда КПСС, на котором был осужден «культ личности» Сталина. Более глубоких оценок Андрей Андреевич не сделал.

Зато его соратник по американскому направлению, посол СССР в Штатах Анатолий Добрынин, в своих мемуарах заметил: «В целом Сталин благоволил к Громыко и считался с его мнением. Громыко, отличавшийся крайней сдержанностью, уже после смерти Сталина в редких частных беседах говорил о Сталине с заметным восхищением»[{100}].

* * *

Однако и к Рузвельту Громыгко относился тепло и с большим уважением, порой — с сочувствием. Конечно, общаться с неизлечимо больным инвалидом, каким был президент, без сочувствия было невозможно. Красивый, высокий, умный, обаятельный и с парализованными ногами — вот как выглядел Рузвельт.

«В то же время, беседуя с Рузвельтом, если внимательно к нему приглядеться — а я такую возможность имел на протяжении почти пятилетнего знакомства, — можно было уловить в его

глазах, выражении лица налет грусти. Улыбка, иногда веселость в поведении президента казались скорее следствием каких-то внутренних усилий, призванных скрыть, а может быть, в какой-то мере и подавить тоску, таящуюся где-то в глубине души. Причиной тому служил тяжкий недуг.

Еще в 1921 году Рузвельта постигло несчастье. Он перенес болезнь, лишившую его ноги подвижности. Случилось это, когда Рузвельт отдыхал летом вместе с семьей на острове Кампобелло в штате Мэн. Однажды, вернувшись после купания в океане домой, он почувствовал недомогание и сильный озноб. Наутро у него поднялась температура. Отнялась левая, а через два дня и правая нога.

Вызванный из Нью-Йорка профессор констатировал, что у Рузвельта редкое среди взрослых инфекционное заболевание — полиомиелит (детский паралич), который получил тогда распространение в США. Через некоторое время врачи заявили, что они бессильны улучшить его состояние, и Рузвельт понял, что тяжелые последствия этого недуга он будет ощущать всю жизнь.

Однако Рузвельт и не помышлял сдаваться. Благодаря недюжинной воле он развил в своем характере качества, которые позволяли ему, особенно во время публичных выступлений, выглядеть бодрым, волевым и даже здоровым человеком.

Рузвельту много приходилось публично выступать и перед различными аудиториями, и по телевидению — его первое обращение к зрителям с голубого экрана состоялось в 1938 году, еще до того, как в 1941 году в США начался регулярный выход в эфир телевизионных передач. Традиционными были также получасовые радиообращения президента к американцам из Овального кабинета Белого дома — так называемые «Беседы у камина», которые он проводил несколько раз в году. Рузвельт умел мобилизовать необходимый резерв своей воли и сил, для того чтобы выглядеть хорошо. И ему в этом сопутствовал успех…

Следует сказать и о том, как вел себя Рузвельт, участвуя в переговорах, и прежде всего, конечно, на Тегеранской и Крымской конференциях руководителей трех союзных держав — СССР, США и Англии. Основываясь на собственных наблюдениях за президентом во время Крымской конференции, должен подчеркнуть, что он проявлял стойкую выдержку, стремился даже в самые напряженные моменты работы этой конференции привносить в атмосферу переговоров нотки примирения и деловитости.

В этом смысле американский президент определенно в лучшую сторону отличался от английского премьер-министра Черчилля. Вообще они были людьми во многом разными и по

характеру, и по темпераменту Известно, что на конференциях в Тегеране и Ялте Черчилль не раз приходил в состояние раздражения при обсуждении тех или иных вопросов, хотя и старался оставаться перед собеседниками в рамках общепринятых норм. Таким он предстает и перед читателем в своих мемуарах.

По манере ведения дискуссии Рузвельт скорее приближался к Сталину. У последнего слова никогда не обгоняли мысль, чего нельзя сказать о Черчилле, который подчас не мог сладить с эмоциями, давал волю чувствам. В такие моменты президент США пытался разрядить обстановку, примирить спорящих, пуская в оборот соответствующие слова и фразы.

Понятно, речь тут не идет о какой-то чрезмерной уступчивости Рузвельта. Он также настойчиво отстаивал интересы США, добивался возможного, но делал это тоньше и тактичнее Черчилля.

Нелишне напомнить, что Рузвельт, как представитель класса буржуазии, выражал, конечно, ее интересы. Однако он принадлежал к тем кругам правящего класса Америки, которые более трезво подходили к оценке международной обстановки и к вопросам развития советско-американских отношений. Ведь это же не простая случайность, что именно при нем в 1933 году Советский Союз и Соединенные Штаты Америки установили дипломатические отношения.

То, что Рузвельт сумел в период войны немало сделать для укрепления доверия между Вашингтоном и Москвой, сознавал и ценил гигантский, по его определению, вклад СССР в битву с фашизмом, причем не боясь об этом сказать открыто, лишь подчеркивает его реализм как политического деятеля.

Говоря о встречах американского президента с представителями Советского Союза, следует иметь в виду, что характер и атмосфера этих встреч представляли собой явление особое. Несмотря на ограничительные рамки в отношениях СССР и США, связанные с коренным различием в их общественном строе, оставалось довольно широкое поле для достижения взаимопонимания между ними по проблемам, которые затрагивали общие интересы в борьбе против фашизма, в деле налаживания и развития сотрудничества этих великих держав.

Для тех вашингтонских деятелей, которые забывают это, вовсе не мешало бы обратиться к опыту, накопленному в советско-американских связях, когда у руля политики в Вашингтоне стоял президент Франклин Делано Рузвельт…

Бросалось в глаза, что Рузвельт и Черчилль неодинаково реагируют на заявления Сталина: спокойно и с пониманием — Рузвельт и со строгим выражением лица, а то и с выражением

плохо скрываемого недовольства — Черчилль. Английский премьер пытался не показывать свои чувства, но его переживания выдавали… сигары. Их он выкуривал в моменты напряжения и волнения гораздо больше, чем в спокойной обстановке. Количество окурков его сигар находилось в прямой зависимости от атмосферы, создававшейся на том или ином заседании. И все это замечали. Даже подтрунивали по этому поводу над ним за глаза.

Справедливость требует отметить, что Сталин не скрывал своего расположения к Рузвельту, чего нельзя было сказать о его отношении к английскому премьеру. В какой-то степени это объяснялось сочувствием Рузвельту ввиду его болезни. Однако я и другие советские товарищи были убеждены — и имели на то основание — в том, что более важную роль в формировании такого отношения играло известное различие в политических позициях Рузвельта и Черчилля»{101}.

* * *

Очевидно, в плане личных контактов президента и советского посла сыграла свою роль свойственная им обоим склонность к юмору. («Он любил шутку… Рузвельту нравилось, когда и его собеседник оживлял свои высказывания шуткой либо ироническими замечаниями, если они, конечно, не относились к самому президенту».)

По признанию нашего героя, роль американского президента была выдающейся. «Если бы не было Рузвельта в канун войны, когда СССР нормализовал отношения с США, если бы его не было и в тяжелые годы войны, то положение оказалось бы совсем иное. Это относится и к подведению итогов самой тяжелой и кровопролитной в истории войны, поскольку основы послевоенного устройства закладывались еще на конференциях в Тегеране и Ялте с участием президента Рузвельта»{102}.

Андрей Андреевич дипломатично ушел от более глубоких оценок американского президента, его выдающейся роли в укреплении мирового лидерства Соединенных Штатов. Рузвельт при всей его дальновидности был игроком своей, а не советской, английской или французской команды.

Вот иной взгляд на Рузвельта, и не сказать, что он необъективный.

«Его “новый курс” имел целью одно — содействовать укреплению американского капитализма. Эта сущность Рузвельта как государственного деятеля проявлялась и в его

внешнеполитических акциях. Вступив в военный союз с Советской страной во имя победы над общим врагом, Рузвельт в главных вопросах того времени проводил курс, отвечавший глобальным интересам американского империализма. Стоит в этой связи привести выдержку из книги сына президента — Эллиота Рузвельта “Его глазами”. В ней воспроизводятся следующие слова, характеризующие позицию президента Рузвельта и понимание им роли, которую должны были сыграть Соединенные Штаты во второй мировой войне. Президент говорил своему сыну:

— Ты представь себе, что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамье. В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и в меньшей степени англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент… Я думаю, что момент будет выбран правильно…»{103}

Думается, Громыко потому не дал полной оценки личности Рузвельта, что главный сюжет кроется в действиях президента во время мирового экономического кризиса 30-х годов, когда тот применил методы государственного регулирования экономики, подобные тем, которые применялись в СССР. Слишком хвалить американцев во время «холодной войны» не было принято. А на самом деле Рузвельт действовал по рекомендациям экономиста Дж. М. Кейнса, стимулировал деловую активность путем снижения цены банковского кредита, увеличения инвестиций в экономику, роста объема общественных работ, регулирования военных расходов. Если для решения общегосударственных задач требовалось пожертвовать интересами частных лиц, Рузвельт шел на это. Например, были переселены жители речных долин, где стали строить электростанции. А граждане США японского происхождения (110—130 тысяч человек) во время войны были интернированы и помещены в особые лагеря. По некоторым данным, за несколько часов до атаки японского флота на базу в Пёрл-Харборе Рузвельт получил сообщение разведки о готовящемся нападении и не стал предупреждать военных, так как считал более важным не превентивные меры, а эмоциональный шок в Штатах после японской агрессии, который переломил бы изоляционизм американцев и позволил президенту беспрепятственно проводить линию на завоевание лидерства. Понесенные жертвы, по его мнению, были приемлемой ценой процветания страны. Когда его обвиняли в национализме (было и такое), он отвечал, что «готов менять взгляды каждый день», лишь бы приносить пользу своему народу.

«Политике Рузвельта по отношению к Советскому Союзу, часто критикуемой после 1945 года, не было альтернативы. Ему

нужен был Советский Союз, потому что Рузвельт должен был вести и выиграть американскую войну т. е. с беспримерным применением техники и относительно незначительными жертвами. США нужны были русские солдаты, чтобы победить немецкие и японские войска. За каждого американца, погибшего в войне, умерло 15 немцев, 53 русских. Уже в 1942 году Рузвельт знал, “что русская армия убьет больше людей держав 'оси' и уничтожит больше военной техники, чем все 25 объединенных наций вместе”. Из этого вытекал неизбежный вывод, что мощь и влияние Советского Союза после совместной победы будет несравнимо больше, чем в 1939 году. Никто не мог помешать тому, чтобы победа во Второй мировой войне сделала из Советского Союза евроазиатскую мировую державу, и, как следствие, после самой убийственной войны в истории мир будет зависеть от сотрудничества с Советским Союзом. От этой логики власти нельзя было уйти, что Рузвельт и Черчилль понимали со всей ясностью. Но в начале этой причинной цепочки стоял Гитлер»[{104}].

* * *

К Черчиллю Андрей Андреевич относился без особых симпатий и не посвятил ему отдельной главы в своих мемуарах. Это не случайно, так как на протяжении всей войны политика английского премьера была нацелена на создание Советскому Союзу максимальных трудностей в укреплении позиций в Европе. Можно сказать, что британский премьер смирился с глобальным американским лидерством, но стремился сохранить английское влияние на континенте (в отсутствие конкуренции со стороны Германии и Франции).

Конечно, он не мог хладнокровно «председательствовать» на процессе исторического поражения Британской империи. Это был человек огромных способностей, воли и темперамента. По его представлениям, Германия должна была быть расчлененной, Франция низведена до положения младшего партнера, Польша укреплена как противовес Советскому Союзу, а СССР остановлен на своей западной границе (желательно на рубежах 1939 года).

Черчилль явно не изжил воспоминаний о «предательском» (как считали в Лондоне и Париже) выходе России из Антанты в 1917 году и поражении поддерживаемых английским правительством и им лично белогвардейских армий во время Гражданской войны.

В июле 1919 года на сделанный в английском парламенте

запрос военный министр Черчилль дал следующее разъяснение: «Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина… Я отвечу парламенту с полной откровенностью. Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участие в этом постыдном договоре, и они восстали против правительства, его подписавшего.

…Они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили нашу блокаду.

…Таким образом, восточный фронт нами был восстановлен не на Висле, а там, где германцы искали продовольствие. Что же случилось затем? Большевизм хотел силой оружия принудить восставшие против него окраины, сопротивлявшиеся ему по нашему наущению»{105}.

Он был прямым потомком герцога Мальборо, его отец был лордом, депутатом палаты общин, канцлером казначейства. Черчилль окончил Королевское военное училище в Сандхёрсте, участвовал в боевых действиях в Судане и в Англо-бурской войне, командовал батальоном шотландских стрелков во время Первой мировой войны, был морским министром, министром внутренних дел, министром снабжения, военным министром. Он был классическим английским джентльменом, уверенным в том, что именно Британия должна править миром.

О своих дипломатических принципах он как-то высказался; «Было бы просто катастрофичным, если бы мы твердо соблюдали все свои соглашения»{106} *.

В этом смысле Рузвельт тоже был его противником, хотя они были людьми одной культуры. Сталин же был, по его словам, «противоестественным человеком». Впрочем, американский президент хорошо понимал мотивацию союзника и не собирался ослаблять своей антиколониалистской линии, ставя подножки английскому участнику антигитлеровской коалиции.

Глава 9.
АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Час Громыко приближается

После Московского сражения Москва прямо поставила перед союзниками вопрос об открытии второго фронта.

Об усилиях и подходе советника посольства для налаживания союзнических советско-американских отношений свидетельствует пространное письмо Громыко Молотову от 14 августа 1942 года (по-видимому, через голову посла Литвинова). Он писал, что, «несмотря на требования миллионов американцев открыть второй фронт в Европе в 1942 году, нет признаков того, что правительство США серьезно готовится к этому». Далее Громыко докладывал наркому, что «среди командного состава армии США сильны антисоветские настроения. Подавляющее большинство генералов питало надежду, и еще сейчас ее не оставило, на истощение и гитлеровской армии, и Советского Союза… Еще хуже (куда уж хуже!) настроения среди командного состава флота США».

Письмо советника посольства было резко раскритиковано в американском отделе Наркоминдела. В аннотации на этот документ говорилось, что «тов. Громыко, делая очень ответственные заявления, не подкрепляет эти заявления фактами»{107}.

Литвинов в отличие от Громыко был настроен в отношении американцев гораздо более мягко, что в конце концов и послужило главной причиной его смещения.

Если предположить, что второй фронт союзники открыли бы в 1942 году, как и намечалось первоначально, то Литвинов остался бы послом. А нашего героя ждала бы иная судьба.

Но союзники не были готовы оказать максимальное содействие Красной армии, и не мог Литвинов перепрыгнуть через себя. Поэтому час Громыко приближался.

* * *

К лету 1942 года было понятно, что Германия сохранила военную мощь и что предстоящая летняя кампания может стать решающей. В этой обстановке Москве надо было добиться от союзников ясности с открытием в Европе второго фронта. Вечером 19 мая с подмосковного аэродрома Раменское на бомбардировщике ТБ-7 вылетел в направлении на Англию Молотов. Предстояли встречи с Черчиллем, а потом полет в США на переговоры с Рузвельтом. Маршрут был долгий, 20 тысяч

километров, с пересечением линии фронта. После десятичасового перелета самолет благополучно приземлился в Англии. Начались трудные переговоры, которыми руководил непосредственно Сталин, с ним Молотов сносился по всем важным вопросам. Эти вопросы были такие: подписание договора о совместной борьбе с Германией (как обязательное условие Москвы — признание Лондоном довоенных границ СССР), открытие второго фронта и военные поставки.

Англичане не захотели закреплять в договоре западные советские границы, предложив свой вариант — без этого условия. Молотов счел такой документ «пустой декларацией, в которой СССР не нуждается», — так он сообщил Сталину

Однако тот рассудил иначе: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»{108}.

Телеграмма Сталина отправлена 24 мая. К этому времени положение на фронте становилось критическим, под Харьковом советские войска неожиданно потерпели сокрушительное поражение. Тем не менее слова «будем решать силой» говорят о многом.

Немцы наступали, у Ставки фронтовых резервов не было. Германские войска прорвали оборону на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов. К середине июня они стремительно шли к Волге и Кавказу, заняли весь Донбасс, Ростовскую область, выходили к Кавказу 7 июля они подошли к Воронежу, 17-го — к Сталинграду.

В Сталинграде решался вопрос, как заметил генерал Макартур, смогут ли немцы вести войну с союзниками еще десять лет.

Действительно, если бы удалось захватить Кавказ, нефтепромыслы Грозного и Баку и перекрыть Волгу, по которой, кроме нефти, шли грузы из Ирана, немцы могли бы перейти к стратегии на истощение. Они получили бы новые экономические возможности, смогли бы выстроить оборону на севере и перейти к освоению захваченных территорий.

* * *

Черчилль понимал, что в военном отношении Сталин

является наиглавнейшим партнером, так как, если бы рухнул Советский Союз, следующей была бы Англия. И, понимая это и желая Москве выстоять, он, скажем прямо, не хотел ее победы и послевоенного усиления. В этом смысле помощь Сталину в перспективе оборачивалась против Англии. Поэтому ключевой вопрос открытия второго фронта вылился в ряд тягучих конфликтов, когда стремление поддержать союзника равнялось желанию послать его подальше. Здесь все трое проявили себя выдающимися игроками.

27 мая 1942 года Молотов прилетел в США для переговоров, главной темой которых было открытие второго фронта.

Рузвельт имел с ним четыре продолжительные встречи и прямо высказал свою позицию: высадка крупного десанта из Англии на побережье Франции может состояться в 1943 году, но он, президент, призывает своих генералов начать операцию в 1942 году силами 6— 10 дивизий, не боясь потерять 100—120 тысяч человек.

Молотов стал убеждать собеседника в огромном значении такой операции: она вынудила бы немцев снять с Восточного фронта 40 дивизий, что привело бы к полному разгрому Германии уже в 1942 году либо чуть позднее.

Гопкинс и американские военные считали, что десант состоится в 1942 году. Однако у Черчилля было иное мнение: он хотел, чтобы СССР принял помощь на вполне определенных условиях. Эта позиция оказала на Рузвельта решающее влияние.

«Ставка на то, что в случае высадки в 1942 году англичане выделят основную массу наземных сил, обрекало Вашингтон на приспособление к Лондону Американцы же были готовы к вторжению во Францию с Британских островов без англичан. При неудаче президент подставил бы бока атакам всех противников и почти неизбежно навлек поражение на свою партию на промежуточных выборах в Конгресс в 1942 году»{109}.

Англичане предлагали высадку в Северной Африке, что подразумевало окружение Германии и взятие ее измором. В этой стратегии измору подвергался *бы* и истекающий кровью Советский Союз, что в сумме полностью отвечало их вековой политике и сделало бы Великобританию главной силой в Европе.

Конечно, действия Черчилля не были направлены на нанесение какого-либо ущерба СССР — они были направлены во благо Англии.

В этой ситуации решающее слово принадлежало Америке. Ее военные были склонны обойтись без англичан и переключить активные военные действия исключительно на Японию, оставляя таким образом Лондон под постоянной угрозой германского

вторжения. Американское военное министерство и штаб армии считали главной задачей военную победу, а не британские интересы. Рузвельт даже согласился внести в коммюнике пункт о достижении полной договоренности «в отношении задач создания второго фронта в Европе в 1942 году», однако вскоре Черчилль, поддержав это коммюнике, внес в него дополнение: «Заранее нельзя сказать, окажется ли данная операция возможной, когда придет момент ее осуществления.

Поэтому мы не можем дать обещания в этом деле, однако, если такая операция будет признана нами разумной и правильной, мы без промедления реализуем ее на практике»{110}.

В итоге Рузвельт нехотя согласился с планом Черчилля. Операция высадки союзных войск через Ламанш откладывалась на год.

Молотову слабым утешением был тост Рузвельта, который тот поднял за Сталина — «за великого человека нашего времени».

В принципе президент и премьер накануне Сталинградской битвы не слишком верили в успех Красной армии. Их менее крупная операция в Северной Африке (она получила название «Торч») была выгодна только им, она значительно ограничивала возможности немцев в Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

В мае 1942 года армия генерала Роммеля, куда входили германские и итальянские войска, возобновила наступление вдоль североафриканского побережья с целью захвата военно-морской базы Александрия и Суэцкого канала. В июне она достигла населенного пункта Эль-Аламейн в 70 километрах от Александрии. Над главной транспортной и энергетической артерией Англии нависла смертельная угроза, сравнимая с угрозой взятия Сталинграда.

Командующий английскими войсками генерал Окинлек на запрос из Лондона прямо ответил: «Нашей армии любителей приходится сражаться против армии профессионалов»{111}.

Гигантские клещи одновременно охватывали позиции союзников.

К этой картине надо добавить огромный успех немцев в морской войне: в 1942 году германские субмарины уничтожили 1020 торговых судов союзников, что в три раза больше, чем в 1941 году. «В июне 1942 г. союзники теряли по кораблю каждые четыре часа, причем количество немецких подводных лодок увеличивалось. В течение 1942 г. Германия потеряла 66 и построила 238 новых подводных лодок»{112}.

Да, приходилось признать: Молотову не удалось решить проблемы второго фронта. Кроме того, он посчитал, что советский посол в силу своих особых отношений с американской

администрацией не может решительно требовать открыть военные действия в Европе. *И* принял решение: Литвинова заменить более твердым и принципиальным человеком.

Таким человеком был Громыко.

Формальное оформление этого решения состоялось только в 1943 году, но после отъезда Молотова из Вашингтона Громыко получил возможность обращаться к наркому напрямую, минуя Литвинова.

Наш герой был назначен полномочным послом после того, как в начале июня правительства Англии и США официально сообщили своему советскому союзнику, что и в 1943 году англо-американского десанта в Западную Европу не будет и что высадка в Нормандии произойдет только весной 1944 года.

Казалось, уже почти все ясно, Советский Союз переломил ход войны победой в Сталинградском сражении, — но снова союзники отказывались выполнить свои обещания.

Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем

Это повторное нарушение принятого Лондоном и Вашингтоном обязательства вызвало возмущение в Москве. Советскому Союзу предстояло еще целый год нести колоссальные жертвы, без надежды на маленькую передышку. И будет ли в 1944 году действительно открыт второй фронт — неизвестно.

В личном и секретном послании И. В. Сталина президенту Рузвельту, отправленном из Москвы 11 июня 1943 года, говорилось:

«Ваше послание, в котором Вы сообщаете о принятых Вами и г. Черчиллем некоторых решениях по вопросам стратегии, получил 4 июня. Благодарю за сообщение.

Как видно из Вашего сообщения, эти решения находятся в противоречии с теми решениями, которые были приняты Вами и г. Черчиллем в начале этого года, о сроках открытия второго фронта в Западной Европе…

Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет Советскую Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий.

Что касается Советского Правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»[{113}].

Послание, которое глава советского правительства отправил 24 июня 1943 года Черчиллю, было еще более резким:

«Мне вполне понятна сложность организации англо-американского вторжения в Западную Европу, в частности организации переброски войск через Канал, — писал И. В. Сталин. — …Из Ваших сообщений прошлого и этого года я вынес уверенность, что Вы и Президент отдавали себе полный отчет в

трудностях организации такой операции и что соответствующая подготовка этого вторжения Вами совместно с Президентом ведется с полным учетом этих трудностей и со всем необходимым напряжением сил и средств. Еще в прошлом году Вы сообщили, что вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году…

В начале нынешнего года Вы от своего имени и от имени Президента дважды сообщали о Ваших решениях по вопросу о вторжении англо-американских войск в Западную Европу с целью “отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта”. При этом Вы ставили задачей поставить Германию на колени уже в 1943 году и определяли срок вторжения не позже сентября месяца…

В следующем Вашем послании, полученном мною 12 февраля сего года, Вы, уточняя принятые Вами и Президентом сроки вторжения в Западную Европу, писали:

“Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь”.

В феврале, когда Вы писали об этих Ваших планах и сроках вторжения в Западную Европу, трудности этой операции были более значительными, чем теперь. С тех пор немцы потерпели не одно поражение: они были отброшены на юге нашими войсками и потерпели здесь немалый урон; они были разбиты и изгнаны из Северной Африки англо-американскими войсками, в подводной войне немцы также попали в более трудное положение, чем когда-либо раньше, а превосходство англо-американских сил значительно возросло; известно также, что американцы и англичане достигли господства своей авиации в Европе, а военный и транспортный морской флот возросли в своей мощи.

Таким образом, условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились.

После всего этого Советское Правительство не могло предполагать, что Британское и Американское Правительства изменят принятое в начале этого года решение о вторжении в Западную Европу в этом году Напротив, Советское Правительство имело все основания считать, что англо-американское решение будет реализовано, что должная подготовка ведется и второй

фронт в Западной Европе будет, наконец, открыт в 1943 году.

Поэтому, когда Вы теперь пишете, что “Россия не получила бы помощи, если бы мы бросили сотню тысяч человек через Канал в гибельное наступление”, то мне остается напомнить Вам о следующем. Во-первых, о Вашем же собственном меморандуме от июня месяца прошлого года, когда Вы заявляли о подготовке к вторжению не одной сотни тысяч человек, а о количестве англо-американских войск свыше 1 миллиона человек уже в начале операции. Во-вторых, о Вашем февральском послании, в котором говорилось о больших подготовительных мероприятиях к вторжению в Западную Европу в августе — сентябре этого года, чем, очевидно, предусматривалась операция отнюдь не с одной сотней тысяч человек, а с достаточным количеством войск.

Когда же Вы теперь заявляете: “Я не могу представить себе, каким образом крупное британское поражение и кровопролитие помогло бы советским армиям”, то не ясно ли, что такого рода заявление в отношении Советского Союза не имеет под собой никакой почвы и находится в прямом противоречии с указанными выше другими Вашими ответственными решениями о проводимых широких и энергичных англо-американских мероприятиях по организации вторжения в этом году, от которого и должен зависеть полный успех этой операции.

Нечего и говорить, что Советское Правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага.

Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»{114}.

В итоге этих тяжелых объяснений с союзниками Сталин принял решение заменить послов в Вашингтоне и Лондоне, «двух людей, которые нравились западным руководителям, потому что имели космополитические убеждения и репутацию сторонников союзнических отношений»{115}. На языке дипломатии это означало высокую степень недовольства.

В Вашингтоне послом стал наш герой, в Лондоне — Ф. Т. Гусев.

«Громыко мог решительно и твердо вести переговоры, не прислушиваясь к аргументам другой стороны»{116}.

* * *

Показательно, что Рузвельт все понял и, в свою очередь, несколько дней не принимал нового посла, отвечая таким образом на резкую критику московского союзника, которого же сам называл «великим человеком нашего времени».

Черчилль тоже долго уклонялся от встречи с Гусевым. Их первый разговор касался резкой реакции Сталина; премьер-министр, пробежав текст письма советского руководителя, неожиданно отказался принимать его, отбросил через стол. Тогда Гусев вернул письмо, встал и пошел к выходу Что сделал Черчилль? Он догнал его и сунул письмо ему в карман! Тогда Гусев снова положил письмо на стол{117}.

Эта сцена была наполнена внутренней иронией. Создавалось впечатление, что это было заколдованное письмо, избавившись от которого можно было избавиться и от проблемы.

Глава 10.
ТЕГЕРАН

Резервная позиция союзников на случай большого усиления СССР

Надо полагать, с этих случаев и берет начало сама идея «холодной войны». После побед под Сталинградом и Курском СССР превращался во вторую державу мира, это вызвало огромную тревогу.

20 августа 1943 года в Квебеке встретились Рузвельт и Черчилль. Рассматривались варианты действий, вплоть до возможного заключения сепаратного мира с Германией. Согласно анализу Валентина Фалина, одного из ближайших сотрудников Громыко, на той конференции были приняты важные решения.

«Рузвельт сказал, когда обсуждались планы о выходе из антигитлеровской коалиции, что он все это уже слышал, и он в это не верит, поэтому требуются параллельные действия. Эти параллельные действия нашли свое выражение в двух планах. Один назывался “Оверлорд” — это подготовка высадки десанта на побережье Северной Франции, и второй назывался план “Рэнкин”.

Этот план предполагал, что если Германия внезапно капитулирует (а после Сталинграда и на фоне поражения на Курской дуге в Германии очень активизировались силы антигитлеровские в двух вариантах. Одни готовы были капитулировать перед Западом, другие готовы были капитулировать перед Советским Союзом), так вот, если возьмут верх те, которые готовы капитулировать перед Западом, эти силы окажут американцам и британцам содействие по установлению контроля специальными силами над Парижем, Брюсселем, Гаагой, Берлином, всеми крупными городами Германии, Варшавой, Прагой, Бухарестом, Будапештом, финнами, Белградом. То есть, будут сброшены десанты там, они установят там свою администрацию и все прочее, а для нас война кончится в лучшем случае на Висле. Вот такой план “Рэнкин”. Он осуществлялся до конца войны, я вам хочу сказать, как параллельный план… Всегда держались силы, готовые эти операции произвести по захвату столиц названных и не названных.

И, если этого не случилось, то причины здесь следующие. После поражения на Курской дуге война приняла свою внутреннюю динамику. Второй фронт нам уже в военном отношении не был нужен. Уже было всем ясно, в том числе Рузвельту, что Советский Союз в состоянии в одиночку нанести

поражение Германии. Второй фронт нужен был Соединенным Штатам для того, чтобы обустроить выгодные послевоенные позиции по контролю над Европой, над Германией, и через Европу и Германию над остальным миром для того, чтобы козыри приобрести в послевоенном, как считали, торге с Советским Союзом. Это первое.

Второе. Получалось, что брала верх как бы школа Рузвельта, который считал, что сотрудничество с нами военного периода должно найти продолжение в сотрудничестве с Советским Союзом после войны. Без этого сотрудничества, полагал Рузвельт, мир будет обречен на гонку вооружений. Гонка вооружений, по мысли Рузвельта, была несовместима со здоровой мировой экономикой. Нужно было создать, как он выражался, конструкцию четырех полицейских. Это четыре державы — Соединенные Штаты, СССР, Великобритания и Китай. Они одни должны были сохранить определенные вооруженные силы, все остальные должны были быть разоружены. Как побежденные, так и агрессоры. Как и победители, Франция, Польша и т. д. Но это нужно было сделать по согласованию с Советским Союзом.

И на этом фоне Московская конференция министров иностранных дел, октябрь 43-го года, и особенно Тегеран, ноябрь —декабрь 43-го года, приобретали исключительно важное значение. Готовясь к этой конференции, Рузвельт столкнулся с таким фактом. Его дезинформировали не только англичане, но и собственные дипломаты и военные. Американский военный атташе информировал, что Сталин якобы склоняется к британскому варианту высадки на Балканах. Когда Рузвельт этот вопрос перед Сталиным поставил в Тегеране, Сталин сказал — Балканы для нас вообще не играют никакой роли, это вообще второстепенный в данной ситуации вопрос. Если вы хотите внести решающий вклад в скорое поражение Германии, вы должны высаживаться на севере Франции.

С моей точки зрения, Тегеранская конференция чрезвычайно важна еще и в таком аспекте. Она определила не только межу между англичанами и американцами. Американцы сказали: мы на этой пуповине британской висеть дальше не можем и не будем. Если англичане не готовы участвовать в открытии второго фронта во Франции, мы этот фронт без англичан откроем»{118}.

Тегеранская конференция как союз Рузвельта и Сталина против Черчилля

Следующий этап нашей истории — встреча Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране в конце 1943 года. Громыко на ней не было, но именно там Сталин сказал Рузвельту, что доволен работой советского посла. Нет, советский руководитель не упускал возможности показать, что был прав, назначая нашего героя. И Рузвельт в ответ только кивнул головой, согласившись с мнением Сталина. Теперь скрытый спор по поводу Громыко отошел в прошлое, и надо было, пока не поздно, заняться урегулированием возможных послевоенных противоречий, которые, как все понимали, приближались с той скоростью, с какой продвигалась на запад Красная армия.

* * *

Первоначально в планах Рузвельта местом встречи (причем без Черчилля) фигурировала Аляска, однако Сталин не хотел уезжать из Москвы столь далеко. 25 октября 1943 года он принял в Кремле Государственного секретаря США К. Хэлла и министра иностранных дел Великобритании А. Идена. Сталин предложил, что, быть может, следовало бы отложить встречу руководителей трех держав хотя бы до весны. Все понимали, что оттяжка переговоров еще больше осложнит ситуацию.

Первым возразил Хэлл, заявив, что, по мнению Рузвельта, сейчас самое подходящее время для встречи, так как если она не состоится, народы союзных стран будут глубоко разочарованы. Встреча должна закрепить единство трех великих держав, это обеспечит дальнейшее сотрудничество в войне и в послевоенный период.

Более того, продолжал Хэлл, существует опасность, что если ждать окончания войны, то «народы во всех демократических странах разбредутся в разные стороны, разногласия их усилятся», чем «воспользуются различные элементы и отдельные представители общественных групп, также и некоторые личности».

Все было высказано достаточно откровенно: у Москвы не было лучшего союзника, чем Рузвельт, поэтому нечего ждать, что его возможные преемники будут проводить такой же курс.

Но у Сталина на первом плане стояли военные проблемы, в

том числе и открытие второго фронта. Он ничего не обещал, только заметил, что внимательно изучит этот вопрос.

Хэлл понял и заметил, что, «хотя он и президент Рузвельт считают такую встречу важной, они, конечно, понимают, что приоритет должен быть отдан задачам ведения войны». Однако он настаивал, чтобы на данной конференции была подписана Декларация четырех.

Сталин снова сказал, что подумает. Он понимает необходимость встречи трех лидеров, но все его внимание сосредоточено на фронтах, где Красная армия проводит важные операции. По его мнению, необходимо использовать возможность нанести серьезное поражение германским армиям. Соотношение сил сейчас в пользу Красной армии, у нее есть резервы для ведения долговременных операций, а у немцев их уже нет.

Другими словами, он показывал, что без решения главной для СССР проблемы — «избавиться на длительное время от германской угрозы» — ему будет трудно говорить об ином.

Чего же хотели союзники? Ни более ни менее, как создать в Центральной и Восточной Европе федерации малых и средних государств. Однако Молотов отверг эту идею, она напоминала о «санитарном кордоне» 20—30-х годов, запирающем СССР.

* * *

30 октября гостей пригласили в Кремль на торжественный обед. Здесь Сталин преподнес американцам приятный сюрприз, благодаря чему получил весомое преимущество на будущих переговорах «Большой тройки». Вот как вспоминал об этом переводчик Сталина:

«Собеседники немного помолчали, занятые каждый своими мыслями. Тут я заметил, что Сталин наклонился в мою сторону за спиной Хэлла и манит меня пальцем, Я перегнулся поближе, и он чуть слышно произнес:

— Слушайте меня внимательно. Переведите Хэллу дословно следующее: Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Пусть Хэлл передаст это президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать это в секрете. И вы сами говорите потише, чтобы никто не слышал. Поняли?

— Понял, товарищ Сталин, — ответил я шепотом.

Пока я переводил слова Сталина, стараясь с предельной

точностью воспроизвести их на английском языке, Сталин глядел в упор на Хэлла и время от времени кивал головой в подтверждение.

Видно было, что Хэлл чрезвычайно взволнован тем, что услышал. Американцы давно ждали этого момента. Теперь правительство США получило от главы Советского правительства официальное заявление по столь важному для Вашингтона вопросу, конечно, в строго конфиденциальном порядке…

Это сообщение прямо-таки преобразило Хэлла.

В своих мемуарах Хэлл рассказал, что на рассвете, заехав в “Спасо-хауз” по пути в Центральный аэропорт, он успел составить президенту Рузвельту телеграмму, разделив ее из предосторожности на две части. Первая часть была отправлена шифром военно-морского флота, вторая — армейским шифром. Американцы опасались, что какой-то из этих кодов раскрыт вражеской контрразведкой.

Текст телеграммы был уже после войны опубликован госдепартаментом США. Вот как выглядела эта депеша, отправленная посольством США из Москвы с двухдневной задержкой (возможно, американцы боялись посылать телеграмму, пока Хэлл не доберется до безопасного места):

“Секретно. Срочно Москва, 2 ноября 1943 г.

Строго секретно только президенту от Хэлла, Лицом, пользующимся наибольшей властью, мне передано в строгой тайне сообщение для вас лично. В сообщении содержится обещание выступить и помочь нанести поражение врагу. Дополнение в другой шифровке”.

Вторая половина телеграммы, отправленная, как уже сказано, другим шифром, гласила:

“Секретно Москва, 2 ноября 1943 г.

Без номера. Строго секретно только президенту от Хэлла. На Дальнем Востоке после поражения Германии (этим заканчивается сообщение, содержащееся в другой шифровке). Прошу радировать подтверждение получения мне в Каир”.

Одновременно Хэлл отправил и вторую телеграмму, где речь шла о перспективе встречи Сталина с Рузвельтом и Черчиллем. Хэлл информировал президента, что Сталин совершенно твердо решил не ехать в Басру. Поэтому Хэлл советовал Рузвельту еще раз рассмотреть вопрос о Тегеране, ибо согласие на проведение конференции в этом городе представляет единственный шанс для встречи.

Телеграмма Хэлла, видимо, сыграла свою роль, так как вскоре президент Рузвельт дал согласие на встречу в иранской столице»{119}.

* * *

Каковы были среднесрочные планы Москвы? Оставляя в стороне будущее Германии, вопросы о репарациях и военных базах союзников, это было:

дружественные СССР (некоммунистические) правительства Финляндии, Польши;

доступ к южным морям, к Черноморским проливам, обеспечение безопасности по всей западной границе.

Вопросы коммунистической идеологии вообще отодвигались на второй план. Сталин распустил Коминтерн и восстановил патриаршество в Русской православной церкви, был избран патриарх, церковная организация получила невиданную поддержку государства.

В ответ Рузвельт пошел на удивительный шаг. Для демонстрации своей искренности он сообщил Сталину, что согласен признать западные границы СССР 1941 года, включая прибалтийские страны. Таким образом, проблема во взаимоотношениях СССР и союзников, которая должна была быть предметом ожесточенного торга, разрешалась на дружественной основе.

* * *

Первый акт драмы под названием «Встречи Большой тройки» состоялся на конференции в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 года. Ей предшествовала каирская встреча двух западных лидеров и Чан Кайши. В Каире Черчилль остался самим собой, попытался договориться с президентом о согласованных действиях на переговорах с «дядюшкой Джо», но Рузвельт уклонился от этого, чтобы не вызвать подозрений московского партнера. Конечно, Черчилль понимал, что президент задумал что-то свое и не хочет раскрывать карты.

В Тегеране Сталин приготовил Рузвельту уникальный прием, в чем отчасти ему посодействовала германская разведка, готовившая здесь операцию по уничтожению или захвату всей «тройки». Операцией руководил диверсант Отто Скорцени, именно он освободил смещенного и арестованного Муссолини и вывез его в Германию. Однако в Иране Скорцени повезло меньше, его группа была разгромлена советской разведкой, а ему удалось уйти.

Захваченных немецких агентов Сталин предъявил Рузвельту и Черчиллю и предложил президенту расположиться не в

американском посольстве, которое было в километре от советского и английского, а в огромном советском (бывшем имперском), охранявшемся тремя кольцами пехоты и танков и граничившем с английским. Черчилль поддержал Сталина, и Рузвельт согласился. Между английским и советским посольствами соорудили брезентовый коридор, скрывший от посторонних глаз все перемещения лидеров.

Американцам выделили много больших помещений, заранее оснащенных звукозаписывающей аппаратурой. Но не стоит преувеличивать роль микрофонов и магнитофонов, так как успех советской дипломатии в Тегеране был обеспечен благодаря совпадению интересов Москвы и Вашингтона. Президент и вождь считали, что десанту через Ламанш (операция «Оверлорд») нет альтернативы на Средиземноморском театре. Рузвельт проникся к Сталину симпатией и называл его своим сотрудникам «человеком, высеченным из гранита»[120].

Сын Лаврентия Берии Серго, девятнадцатилетний лейтенант, принимал участие в обеспечении технической операции. Он свидетельствует, что Сталин ежедневно час-полтора изучал материалы прослушивания и даже спрашивал у лейтенанта, знавшего английский язык, что тот слышит в интонациях Рузвельта или Черчилля, готовы ли они к уступкам по обсуждаемым вопросам.

В первый день переговоров Рузвельт заявил, что любая операция в восточной части Средиземного моря нежелательна, так как оттянет начало «Оверлорда». То есть Черчилль остался в одиночестве.

После обеда он предложил обсудить «польский вопрос», сказав, в частности, что «сильная Польша» необходима для европейского оркестра. Черчилль предложил традиционную английскую политику выстраивания балансов на континенте. Поскольку Германия подлежала расчленению, Франция тоже выпадала из центров силы, оставалась только Польша (подобно тому как в 1920 году Франция создавала Великую Польшу против Германии и Советской России).

Состоялся оживленный и местами очень едкий обмен мнениями. Англичане предложили западную границу Польши провести по реке Одер, то есть с захватом немецкой территории. Сталин не возражал, так как понимал, что таким образом будет компенсирована отходящая к СССР другая территория по «линии Керзона».

Здесь Идеи спросил: «Означает ли это линию Молотов — Риббентроп?»

Сталин, поняв, что ему хотят навесить обвинение, спокойно

ответил: «Называйте это как хотите!»

Молотов назвал эту линию «линией Керзона», но Идеи снова возразил, что «имеются существенные различия».

Черчилль взял карту и показал по ней «линию Керзона» и фактическую границу 1939 года.

Иден прокомментировал: южная часть «линии Керзона» никогда не была точно определена. То есть у СССР отнимали Львов!

Американцы тоже достали свою карту, все встали и начали ее рассматривать.

Иден уточнил: «линия Керзона» должна пройти восточнее Львова.

Именно здесь прозвучал знаменитый обмен репликами.

«Львов никогда не был русским городом», — сказал Черчилль, адресуясь уже к истории Российской империи, когда действительно этот город входил в Австро-Венгрию.

«А Варшава — была», — ответил Сталин, и все поняли, на что он намекает.

Молотов принес свою карту и копию радиограммы Керзона 1920 года с предложением установить границу между Россией и Польшей по этническому принципу, в ней перечислялись названия населенных пунктов.

Черчилль сказал, что не намерен «поднимать шум из-за Львова», и, получив новое подтверждение Сталина о польской границе по Одеру, успокоился.

Вопрос о финской границе обсуждался менее горячо. Черчилль опасался, что русские присоединят всю Финляндию, однако Сталин уверил его, что не собирается этого делать, «если только финны не вынудят его сделать это».

Сталин не собирался отказываться от требования компенсаций за военный ущерб, Черчилль же всячески отговаривал его от этого.

Коснулись территориального вопроса. И здесь Сталин ничего не собирался уступать, но согласился взять северную область Петсамо (Печенга) взамен балтийского острова Ханко.

«Справедливый обмен», — заметил Рузвельт, который был явно на стороне Сталина, так как, верный своей стратегии, хотел прежде всего не позволить Черчиллю захватить европейское лидерство.

Здесь случился еще один обмен «боевыми» репликами. Черчилль сказал, что «мы не хотим оказывать какого бы то ни было нажима на Россию».

В конце концов Сталину надоело явное стремление Черчилля помешать его планам, и он пригрозил, что если финны не смогут

выплатить оговоренную контрибуцию, он займет один из районов страны до тех пор, пока они ее не выплатят.

Тогда Черчилль заметил, что есть «более важные вещи, о которых следует подумать». Он имел в виду майскую операцию «Оверлорд». Неужели англичанин мог ее торпедировать?

Сталин, когда увидел, что Черчилль снова начинает повторять доводы о трудностях десантной операции в Ламанше, предложил ему обдумать возможную реакцию Красной армии. В этом случае «русским очень трудно будет продолжить войну», так как армия устала, у нее может возникнуть «чувство одиночества».

Это был удар страшной силы. Союзники действительно опасались, что Москва заключит с Берлином сепаратный мир, повторив финал Первой мировой войны.

Черчилль поспешил заверить собеседника, что операция «Оверлорд» состоится.

* * *

Вот как воспринимал происходящее сам Рузвельт (в пересказе его сына):

«— Знаешь, Эллиот, в одном отношении эти пленарные заседания поразительны. Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные…

— Но он этого не сказал?

— Конечно, нет. А когда Дядя Джо говорил о преимуществах вторжения на западе с военной точки зрения и о нецелесообразности распыления наших сил, он тоже все время имел в виду и политические последствия. Я в этом уверен, хотя он об этом не сказал ни слова.

Отец снова лег и замолчал.

— Я не думаю… — начал я нерешительно. — Что?

— Я хочу сказать, что Черчилль… словом, он не…

— Ты думаешь, что он, быть может, прав? И, быть может, нам действительно было бы целесообразно нанести удар и на Балканах?

— Ну…

— Эллиот, наши начальники штабов убеждены в одном: чтобы истребить как можно больше немцев, потеряв при этом

возможно меньше американских солдат, надо подготовить одно крупное вторжение и ударить по немцам всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. Мне это кажется разумным. Того же мнения и Дядя Джо и все наши генералы. И они придерживались этого мнения всегда, с самого начала войны. Пожалуй, даже раньше, с тех самых пор, как наш отдел оперативного планирования впервые начал размышлять о том, что нужно будет делать, если начнется война. Представителям Красной Армии это тоже кажется разумным. Так обстоит дело. Таков кратчайший путь к победе. Вот и все. На беду, премьер-министр слишком много думает о том, что будет после войны и в каком положении очутится тогда Англия. Он смертельно боится чрезмерного усиления русских. Может быть, русские и укрепят свои позиции в Европе, но будет ли это плохо, зависит от многих обстоятельств. Я уверен в одном: если путь к скорейшей победе ценой минимальных потерь со стороны американцев лежит на западе, и только на западе, и нам нет нужды понапрасну жертвовать своими десантными судами, людьми и техникой для операций в районе Балкан, — а наши начальники штабов убеждены в этом, — то больше не о чем и говорить.

Отец хмуро усмехнулся.

— Я не вижу оснований рисковать жизнью американских солдат ради защиты реальных или воображаемых интересов Англии на европейском континенте. Мы ведем войну, и наша задача выиграть ее как можно скорее и без авантюр. Я думаю, я надеюсь, Черчилль понял, что наше мнение именно таково и что оно не изменится»[{121}].

Кроме того, Рузвельт в доверительном разговоре со Сталиным сказал, что после войны американские войска будут выведены из Европы. Это означало, что Советский Союз мог получить здесь доминирующую позицию.

У американцев зато имелось оружие посильнее пехоты и танков. Обратим внимание на один вывод Громыко: «Промышленное производство США в период с 1939 по 1944 год выросло на 120 процентов. Чистая прибыль за годы войны достигла 57 млрд. долл.».[{122}]

* * *

Против американской промышленной мощи, обернутой в мягкую перчатку Рузвельта, британский премьер был бессилен. Сталина президент рассматривал как более удобного партнера.

Разумеется, Черчилль не был бы Черчиллем, если бы не

попытался все же добиться своей цели — вторжения через Балканы.

«Условия, на которые ссылался Черчилль, определяли, в каком случае высадка через Ламанш может быть успешной: во Франции к моменту вторжения должно находиться не более 12 германских мобильных дивизий, в течение 60 дней немцы не должны иметь возможности перебросить во Францию для пополнения своих войск более 15 дивизий.

Напоминая об этих условиях, Черчилль дал понять, что при определенных обстоятельствах операция “Оверлорд” вообще может оказаться под вопросом. В итоге после долгих дебатов проблема “Оверлорда” снова оказалась в тупике. Казалось, что продолжать переговоры вообще бессмысленно.

Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал:

— Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте…

Черчилль заерзал в кресле, покраснел и невнятно пробурчал, что его “не так поняли”.

Чтобы как-то разрядить атмосферу, Рузвельт примирительным тоном сказал:

— Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы пре рвать наше заседание, чтобы присутствовать на обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин…»{123}

* * *

Итоги Тегеранской конференции были превосходны:

«Оверлорд» предполагалось начать не позднее мая 1944 года;

подтверждались западные границы с Польшей, Румынией и вхождение прибалтийских республик в состав СССР;

признавалась советско-финляндская граница 1940 года;

признавалось, что Восточная Пруссия (Кенигсберг) войдет в состав СССР.

СССР взял обязательство через три месяца после окончания войны с Германией начать военные действия против Японии. За это Сталин потребовал взамен как минимум отмены Портсмутского договора 1905 года, что означало возвращение СССР южной части Сахалина, Курильских островов и преимущественных прав в Китае, — всего того, что потеряла Россия в Русско-японской войне 1904—1905 годов;

Было согласовано создание Организации Объединенных Наций, в которой СССР должен был участвовать в руководящем

органе.

Что касается вопроса о расчленении Германии на ряд малых государств, что предлагали Рузвельт и Черчилль, то Сталин отнесся к этому очень скептически.

В общем, торг состоялся.

Рузвельт обеспечил доминирование Соединенных Штатов на просторах бывших колониальных владений Англии, Франции, Голландии. Если учесть проамериканизм Чан Кайши, то после войны весь мир должен был управляться Америкой и ее младшими партнерами, СССР и Великобританией. Поэтому, когда говорят, что Сталин в Тегеране одержат дипломатическую победу, равную Сталинградской, не учитывается долговременный стратегический выигрыш США.

Видимо, с учетом этой перспективы он пообещал Сталину «предоставить Советскому Союзу после нашей совместной победы над державами оси кредит в несколько миллиардов долларов».

Сталин вежливо поблагодарил и сказал, что Советский Союз понес в войне огромный ущерб, и «мы, естественно, приветствуем помощь такой богатой страны, как Соединенные Штаты, если, конечно, она будет сопровождаться приемлемыми условиями». (Сюжет с многомиллиардным кредитом еще всплывет в послевоенной дипломатии, но уже в виде внешней экспансии американского капитала.)

Даже здесь, в минуту общего умиротворения результатами конференции, Сталин не позволил себе расслабиться. Думается, он поэтому похвалил и Громыко, который к тому же участвовал в подготовке конференции.

* * *

В коммюнике по результатам Тегеранской конференции говорилось:

«…Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к

сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мирную семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушить их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

Рузвельт

Сталин

Черчилль

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года».

* * *

Разумеется, в иранской столице не всплыла тема ближневосточных ресурсов, хотя все имели в виду ее, а Рузвельт даже встретился с молодым шахом Мохаммедом Реза Пехлеви и высказал своим приближенным недовольство имперской политикой Лондона в этом регионе. Была также согласована декларация, гарантировавшая суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана. Руководители «Большой тройки» обязались предоставлять Ирану экономическую помощь как во время войны, так и после ее завершения. А кто мог щедрее всех оказывать помощь?

Еще в июне 1943 года на совещании в Белом доме министры: внутренних дел (и координатор нефтяной промышленности) Гарольд Икес, военный — Генри Стимсон, военно-морского флота — Франк Нокс и будущий госсекретарь, сенатор Джеймс Бирнс — «с тревогой рассмотрели проблемы быстро сокращающихся внутренних запасов» и согласились, что правительству необходимо «принять долевое участие в высшей степени важных нефтяных месторождениях Саудовской Аравии».

Глава 11.
АМЕРИКАНЦЫ ЗАГЛЯДЫВАЮТСЯ НА БЛИЖНЕВОСТОЧНУЮ НЕФТЬ

После Тегерана нефтяная тема еще больше актуализировалась.

«18 февраля 1944 года британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс почти два часа спорил с заместителем государственного секретаря Самнером Уэллсом о нефти и ее будущем. Позже Галифакс в телеграмме, посланной в Лондон, сообщил, что “отношение американцев к нам шокирует”. Галифакс был так расстроен дискуссией в Государственном департаменте, что немедленно потребовал личной встречи с президентом. Рузвельт принял его в тот же самый вечер в Белом доме. Их беседа сосредоточилась на Ближнем Востоке. Пытаясь смягчить опасения и неудовольствие Галифакса, Рузвельт показал послу схему раздела по Ближнему Востоку. “Персидская нефть ваша, — сказал он послу. — Нефть Ирака и Кувейта мы поделим. Что касается нефти Саудовской Аравии, она наша”»{124}.

В скором будущем одной из главных задач внешней политики Вашингтона стало «обеспечение приобретения нефтяных владений Соединенных Штатов за рубежом», а также защита имеющихся владений в районе Персидского залива.

А что же Москва? Было бы ошибкой считать, что советское руководство останется безучастным к данной проблеме. Так оно и было. В соперничестве США и Великобритании в этом регионе появился новый конкурент. В марте 1944 года Сталин дал указание готовить переговоры по поводу разведки нефти и получения концессии в Северном Иране. «В справке, подготовленной Л.П. Берия 16 августа 1944 года для Сталина и Молотова, указывалось, что англичане и американцы ведут тайную работу с целью пресечения возможности получения Советским Союзом нефтяной концессии в Северном Иране. Учитывая это, Советское руководство дало команду на активизацию деятельности в этом направлении. Результатом этого решения была миссия советской делегации под руководством заместителя Наркома иностранных дел С. Кавтарадзе в Тегеран в сентябре 1944 года»{125}.

Неожиданно от правительства шаха Москва получила ответ, что рассмотрение предложения о предоставлении концессии на месторождения (Гилян, Мазандаран и др.) откладывается до окончания войны. Оказалось, что здесь явное преимущество за американцами.

Тогда же Молотов ознакомил Сталина с запиской своего заместителя И. Майского (от 10 января 1944 года) «По вопросам

будущего мира и послевоенного устройства». В ней внешнеполитические задачи СССР формулировались так:

«Для того, чтобы набросать хотя бы общую схему желательных условий будущего мира, необходимо прежде всего ясно сформулировать ту конкретную цель, к которой при этом стремишься, ибо цель в очень значительной степени определяет собой средства. Мне представляется, что нашей конкретной целью при построении будущего мира и послевоенного порядка должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира, по крайней мере, в Европе и в Азии. Что понимать под выражением “длительный срок”? Я понимаю под этим выражением срок, достаточный для того, чтобы:

а) СССР успел стать столь могущественным, что ему уже больше не могла бы быть страшна никакая агрессия в Европе или в Азии. Более того, чтобы ни одной державе или комбинации держав в Европе или в Азии даже и в голову не могло прийти такое намерение.

б) Европа, по крайней мере, континентальная Европа успела стать социалистической, исключая, таким образом, самую возможность возникновения войн в данной части света.

Как этот “длительный срок” можно выразить в конкретных цифрах? Гадать о будущем, конечно, очень трудно, и ручаться за какое-либо вполне точное число лет никто не возьмется. Однако мой приблизительный расчет сводится к следующему: если допустить, что СССР понадобится около 10-ти лет для залечивания ран, нанесенных ему войной, то “длительный срок” безопасности и мира, к которому нам следует стремиться при ликвидации нынешней войны, должен составить минимум 30, максимум 50 лет. Грубо говоря, речь идет о жизни двух поколений…

Для достижения вышеуказанной цели необходимо прежде всего, чтобы СССР вышел из нынешней войны с выгодными стратегическими границами. В основу этих границ должны быть положены границы СССР в 1941 году. Это не исключает, конечно, возможности частичной модификации данных границ (например, с Польшей, с Румынией, с Финляндией и т. п.) в зависимости от нашей выгоды или необходимости считаться с политикой США и Англии. Но основой все-таки должны быть границы 1941 года. Однако к этим границам должны быть сделаны следующие поправки:

а) Район Петсамо должен быть включен в состав СССР.

б) Южный Сахалин, которым в настоящее время владеет Япония, должен быть возвращен СССР.

в) Цепь Курильских островов, которая отгораживает СССР от Тихого океана, должна перейти к нам. Получение Южного Сахалина и Курильских островов отнюдь не обязательно связано с вовлечением СССР в войну с Японией, но подробнее этого вопроса я коснусь ниже (см. раздел “Япония”),

г) При всяких условиях (даже в случае модификации границ с Польшей или Румынией) должна быть обеспечена общая граница СССР с Чехословакией.

Далее необходимы следующие мероприятия, имеющие тесное отношение к границам СССР:

д) Между СССР, с одной стороны, Финляндией и Румынией, с другой, должны быть заключены на длительный срок пак ты взаимопомощи с предоставлением СССР на территории названных стран необходимого количества баз — военных, воздушных и морских. Кроме того, СССР должен быть связан с Финляндией и Румынией системой железных и шоссейных дорог, важных стратегически и экономически.

е) СССР должно быть гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому заливу. С этой целью (а также из других соображений) англо-советско-иранский договор 1942 г. должен быть сохранен с те ми изменениями, которые будут вызываться переходом от войны к миру…»

Также предлагалось:

«Должно быть обращено особое внимание на освоение северного Ирана с помощью целого ряда экономических, культурных и политических мероприятий (советские больницы, советские школы для иранцев, советские кинокартины, советские театры, посылка иранской молодежи для обучения в СССР, изучение русского языка в иранских школах, советская помощь в организации иранских вооруженных сил и т. п.)».

Что касается перспектив Соединенных Штатов, то они в записке НКИД выглядели впечатляющими:

«После разгрома Германии и Японии, при наличии относительно слабых Франции и Италии, в мире останется четыре действительно великих державы — СССР, США, Англия, Китай, из которых последняя (Китай) в течение жизни ближайшего поколения, судя по всем данным, будет числиться великой державой только номинально. Таким образом, руководящая роль в области мировой политики окажется в руках СССР, США и Англии, и от характера отношений между этими тремя державами будет в огромной степени зависеть ход событий.

Какова будет вероятная позиция США после войны, в особенности в первый послевоенный период? Все говорит за то,

что США явятся в этот период твердыней в высшей степени динамического империализма, который будет энергично стремиться к широкой экспансии в различных концах мира — в Америке и в Азии, в Австралии и в Африке. Эта экспансия не минует, вероятно, и Европы, хотя здесь она должна будет принять формы несколько иные, чем в других местах. Само собой разумеется, что американская экспансия будет экспансией нового типа: ее оружием будет не столько территориальная аннексия (хотя в известных случаях и она не исключена), сколько финансово-экономическая аннексия. Уже сейчас такая тенденция вполне отчетливо намечается в колониальном вопросе, в области гражданской авиации, в сфере торгового судоходства после войны. Ведь США выйдут из нынешней борьбы с величайшими в мире торговым и воздушным флотами и с почти безграничными техническими возможностями их дальнейшего увеличения. Война способствовала сильному росту производственной мощности США вообще — это значит, что после войны они в гораздо большей степени, чем до войны, будут заинтересованы в расширении своей внешней торговли, в нахождении новых и выгодных рынков. Не случайно уже сейчас американцы стараются пустить корни в Западной и Северной Африке, в Аравии, в Иране. Особенно большие надежды они связывают с Китаем. С приходом к власти республиканцев, что рано или поздно неизбежно, империалистическая политика США примет гораздо более откровенный и циничный характер, чем это возможно при Рузвельте. И, поскольку пока не видно симптомов, говорящих о возможности нарастания в США сильной внутренней оппозиции против такой политики, всем другим нациям пяти континентов придется весьма серьезно учитывать империалистические тенденции Америки как важнейший фактор послевоенной международной ситуации»[{126}]. Многие предложения из этой записки были реализованы и, в частности, «освоение северного Ирана с помощью целого ряда экономических, культурных и политических мероприятий». Как мы увидим, сразу после окончания войны полномасштабное «освоение» началось. Оно же вызвало первый послевоенный мировой конфликт.

Глава 12.
ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ — ВЕРШИНА ВОЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ СССР

Громыко не поддается доводам Рузвельта

После Тегерана авторитет Громыко значительно вырос. Посол словно демонстрировал успешность сталинской кадровой политики, в результате которой была сделана ставка на выросшую в советское время молодежь.

Следующая возложенная на него дипломатическая задача заключалась в согласовании принципов управления Организацией Объединенных Наций, а конкретно — в принятии западными странами предложенного Москвой принципа единогласного голосования, или, говоря другими словами, права вето. Таким образом Советский Союз мог обеспечить, находясь в явном меньшинстве, защиту своих прав.

На совещании по организации ООН в предместье Вашингтона Думбартон-Оксе Громыко был главой советской делегации и отстаивал эту позицию бескомпромиссно. Он отверг намерение американской делегации, предложившей, что стороне, вовлеченной в спор с большой или малой страной, не разрешается голосовать по данному вопросу Вслед за этим он вынес на обсуждение требование, чтобы в ООН были представлены все 16 советских республик.

«Боже мой!» — воскликнул Рузвельт, когда ему доложили об этом. Биограф Рузвельта так описал данный эпизод:

«Он попросил помощника государственного секретаря сообщить Громыко, что подобное предложение (названное во избежание огласки «Х-проблема») уничтожит шансы одобрить идею создания новых Объединенных Наций сенатом или американцами. Фактически предложение о включении в глобальную организацию шестнадцати республик с правом голоса казалось Рузвельту столь абсурдным, что он рассчитывал отговорить от него Сталина. Другая трудность — в вето: чем больше против него возражали англичане и американцы, тем упорнее Громыко настаивал. Стеттиниус, убежденный, что вопрос о войне имеет решающее значение для всего предприятия, решил задействовать последнее средство: согласен ли президент поговорить с Громыко? Не обидится ли Громыко, спросил помощника государственного секретаря Рузвельт, если президент примет его в своей спальне?

Стеттиниус полагал, что это произведет на посла большое впечатление.

На следующее утро состоялась необычная встреча между президентом, в своем старом халате, и молодым, черноволосым, представительным послом. После непринужденного разговора

Рузвельт обратился к главной теме, заметив, что по существующей в его стране традиции мужья и жены, переживающие размолвку, могут изложить свое дело, но не голосовать по нему. Он долго рассуждал о традиционных американских концепциях справедливой игры. Громыко был любезен, но неуступчив. Тогда Рузвельт предложил послать Сталину телеграмму с изложением доводов американской стороны. Это ваше право, заметил Громыко. Президент направил маршалу дружелюбную, тщательно сформулированную телеграмму. Почти через неделю пришел ответ. Единогласное голосование “Большой четверки” провозглашалось основой взаимопонимания. Это предполагало также исключить всякую почву для недоверия между великими державами. Сталин указывал, что не может игнорировать определенные абсурдные предубеждения, существовавшие в отношении СССР.

Итак, тупик в решении вопросов сохранения мира возникает в то время, когда советские и англо-американские войска близки к победе. Русские все еще настаивали на своих шестнадцати голосах. Встреча в Думбартон-Оксе завершилась радушным согласием на создание новой международной организации, но окрасилась мрачным чувством уныния в отношении способности великих держав упорядочить свои отношения»{127}.

Рузвельт понимал, что без Советского Союза создаваемая организация не будет эффективной, поэтому как бы ни хотелось соглашаться с этим, право вето осталось в проекте устава. В принципе все правительства были настроены создать новую систему международных отношений, способную предотвратить будущие войны и конфликты, и стремились достичь этого еще до победы, когда упоение достигнутым и собственной мощью станет препятствием к миротворчеству.

На приеме делегаций Рузвельт, в частности, сказал: «На вас возложена огромная ответственность. В известной мере это предварительная ответственность, но мы извлекаем уроки из опыта, и я надеюсь, что при разработке планов будущего мира мы установим такое же добровольное сотрудничество и единство действий, какого мы достигли в деле ведения войны. Это совершенно замечательный факт, что мы вели эту войну с таким великим единодушием. Я думаю, что тут многое зависело от личностей. В 1941 году в период разработки Атлантической хартии, например, я плохо знал мистера Черчилля. Я встречался с ним один или два раза, совершенно неофициально, в период Первой мировой войны. Но в Северной Атлантике, после трех-четырех дней, проведенных вместе, мы очень понравились друг другу Я узнал его, и он узнал меня. Другими словами, мы

сошлись. Позднее мистер Молотов приехал сюда, и мы провели вместе много времени. Затем в следующем году в Тегеране маршал Сталин и я узнали друг друга. У нас создались великолепные отношения. Мы сломали лед, если когда-либо он существовал, и с тех пор уже нет никакого льда…

Мы должны не только заключить мир, но прочный мир, такой мир, при котором крупные страны будут действовать в унисон, предотвращая войны с помощью применения силы. Мы должны быть друзьями, совещаться друг с другом — это источник познания друг друга. Я надеюсь, что этого можно будет достигнуть, ибо такой дух уже был проявлен прежде, когда мы взялись совместно за достижение победы в войне. Но этот дух мы узнали лишь в последние несколько лет. Это нечто новое — близкие отношения между Британской империей и Соединенными Штатами. Великая дружба между русским народом и американским народом — это тоже новое. Мы должны сохранить дружбу, и, распространив этот дух на весь мир, мы добьемся периода мира для наших внуков. Все, что я могу сделать, — это пожелать вам успеха в великой задаче, за разрешение которой мы взялись. Это не будет последней задачей, но, во всяком случае, она даст нам основу для достижения той цели, к которой стремилось человечество на протяжении многих сотен лет»{128}.

Почему советская делегация предложила включить в состав организации все 16 республик? Для того чтобы как-то уравновесить доминионы Британской империи. В конце концов было согласовано участие двух крупнейших советских республик — Украины и Белоруссии.

В Совет Безопасности ООН было решено в качестве постоянных членов ввести США, СССР, Великобританию, Китай и Францию.

Что же касается права вето, то Андрей Андреевич расшифровывал его как формулу равновесия, нацеленную на достижение компромисса. И он был прав.

Конференция в Думбартон-Оксе была для него первой ступенью к международному признанию. Когда же на конференции в Сан-Франциско он подписал от имени СССР устав ООН, он одним этим вошел в историю. Впрочем, до той поры должны было случиться еще немало больших событий.

* * *

Следующим этапом была Ялтинская (Крымская) конференция

руководителей антигитлеровской коалиции в феврале 1945 года. Громыко принял в ней непосредственное участие и получил символическую эстафету из рук Сталина и Молотова.

«Большая тройка» еще держала в своих руках все ключи от будущего, но с приближением победы на историческую арену выходили новые силы. Президент Рузвельт, назвавший в начале войны Черчилля «идеальным премьером военного времени», отказал ему в послевоенном политическом будущем. Так же можно было сказать и о самом Рузвельте, и о Сталине.

Да, их историческое время быстро таяло. Понимали ли они это, или же им только казалось, что впереди еще необозримое пространство, не столь уж важно. Главное, они чувствовали свою ответственность в обеспечении благополучия своих стран.

Ялтинская конференция — вершина военной дипломатии СССР

Обстановка для СССР складывалась благоприятно. Красная армия находилась в 70 километрах от Берлина, американцы не собирались активно вмешиваться в восточноевропейские дела, общественное настроение в подавляющем числе освобожденных от немецкой оккупации стран сочувственно относилось к Советскому Союзу.

В раскладе политических сил в США созрели перемены. За годы войны экономика сильно выросла во всех секторах. Великий кризис, давший Рузвельту социальную базу для реформ, давно ушел в прошлое. На первое место выдвинулся консерватизм, за которым стоял успешный крупный бизнес.

В октябре 1944 года, незадолго до Ялты, Гопкинс в беседе с Громыко сказал, что между Рузвельтом и Сталиным, когда они встретятся, не будет «различий во мнениях».

В ноябре 1944 года на очередных президентских выборах вновь победил Рузвельт, который был вынужден взять вице-президентом вместо либерально и просоветски настроенного Уоллеса консервативного Гарри Трумэна. К тому же возглавляемая Рузвельтом демократическая партия потеряла часть мест в конгрессе, среди проигравших конгрессменов большинство были либералами, симпатизировавшими СССР.

Если учесть, что США уже подошли вплотную к созданию атомной бомбы, то можно сказать, что в подземных пластах истории, где и вызревает будущее, уже была записана матрица второй половины XX века.

Не случайно в начале Ялтинской конференции Сталин спросил у Громыко о прочности политической позиции Рузвельта.

Посол ответил: «Конкурента у Рузвельта как президента сейчас нет. Он себя чувствует прочно».

Советская делегация в Ялте располагала глубокими аналитическими материалами. «Накануне Ялтинской конференции под председательством вначале Голикова, а затем Берия, состоялось самое длительное за всю войну совещание руководителей разведки Наркомата обороны, Военно-морского Флота и НКВД и НКГБ. Главный вопрос — оценка потенциальных возможностей германских вооруженных сил к дальнейшему сопротивлению союзникам — был рассмотрен в течение двух дней. Наши прогнозы о том, что война в Европе продлится не более трех месяцев ввиду нехватки у немцев топлива и

боеприпасов, оказались правильными. Последний, третий день работы совещания был посвящен сопоставлению имевшихся материалов о политических целях и намерениях американцев и англичан на Ялтинской конференции. Все мы согласились с тем, что и Рузвельт, и Черчилль не смогут противодействовать линии нашей делегации на укрепление позиций СССР в Восточной Европе.

Мы исходили из достоверной информации о том, что американцы и англичане займут гибкую позицию и пойдут на уступки ввиду заинтересованности быстрейшего вступления Советского Союза в войну с Японией. Прогноз НКВД и военной разведки о низкой способности японцев противостоять мощным ударам наших подвижных соединений в обход укрепленных районов, построенных японцами вдоль советской границы, подтвердился в августе 1945 года. Однако мы не предвидели, несмотря на подробные данные о завершении работ по атомной бомбе, что американцы применят ядерное оружие против Японии»{129}.

По свидетельству генерала Судоплатова, руководство разведки не видело перспектив социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Такая перспектива была только у Югославии, где И. Тито и компартия опирались на «реальную военную силу». В первых же странах аналитики Лубянки надеялись увидеть только дружественные Советскому Союзу правительства и не более того.

Накануне конференции Сталин имел полное представление о позиции союзников в отношении Восточной Европы. Согласованной и четкой позиции у них не было. Они просто хотели возвращения в Польшу и Чехословакию эмигрантских правительств, находившихся в Лондоне. Для Сталина, который считал главным критерием будущего польского правительства обеспечение безопасности СССР, возвращение непримиримых «лондонцев» было неприемлемо. Тем не менее он был готов предоставить им несколько важных постов в новом коалиционном правительстве.

«Данные военной разведки и наши собственные указывали на то, что американцы открыты для компромисса, так что гибкость нашей позиции могла обеспечить приемлемое для советской стороны разделение сфер влияния в Восточной Европе и на Дальнем Востоке… В период, предшествовавший Ялтинской конференции, Красная Армия вела активные боевые действия против немцев и смогла освободить значительную часть польской территории. Благоприятный для нас поворот политической ситуации во всех восточноевропейских странах предугадать было

весьма нетрудно — особенно там, где компартии играли активную роль в комитетах национального спасения, бывших де-факто временными правительствами, находившимися под нашим влиянием и отчасти контролем.

Мы вполне могли проявить гибкость и согласиться на проведение демократических выборов, поскольку правительства в изгнании ничего не могли противопоставить нашему влиянию»[130].

Подчеркнем: изменения в позиции Кремля и ликвидация коалиционных правительств в Восточной Европе были вызваны последующими событиями, а в начале 1945 года Сталин их не предвидел.

В январе 1945 года пробился на поверхность еще один росток конфликта: англичане воспрепятствовали попытке СССР добиться в Иране от шахского правительства права на разведку и разработку нефтяных месторождений в северных провинциях. Из этого отказа еще нельзя было сделать вывод, что вскоре союзники могут использовать экономические рычаги воздействия на Москву. Но звонок прозвенел.

4—11 февраля в крымском курортном городе Ялта в дворцовом комплексе императора Николая II прошла встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля. Надо было договориться о послевоенной жизни.

Они, конечно, не могли знать, что через два месяца Рузвельт умрет и что вообще их эпоха заканчивается. Они были детьми XIX века, который породил стремительное развитие производства, социалистическую мечту о справедливом мироустройстве, а также две мировые войны.

Рузвельт надеялся, что создаваемая по его воле Организация Объединенных Наций станет центром справедливого управления конфликтным миром под эгидой США. Он считал, что его дружеские личные отношения со Сталиным позволят влиять на политику СССР и трансформировать ее.

В январе во время неожиданного немецкого наступления в Арденнах, сильно потрепавшего союзников, Сталин, откликаясь на просьбу Рузвельта, ускорил движение Красной армии и поэтому в Ялте ожидал благодарности. На первом заседании он прямо сказал, что советское наступление было исполнением морального долга перед союзниками.

Они обсудили все, что считали нужным. Так, было заявлено, что их цель — «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира». Было решено разоружить и распустить все германские вооруженные

силы, уничтожить германский генеральный штаб, ликвидировать или взять под контроль военную промышленность. Военные преступники должны были предстать перед судом. Германию ждала длительная оккупация, Берлин разделялся на оккупационные зоны.

Правда, что касается разделения Германии на зоны, то здесь у Сталина были иные соображения: он не хотел этого.

Вскоре Сталин решил, что советским интересам больше отвечает существование немецкого государства, подобного Веймарской республике: «В марте 1945 года Ф. Гусев получил указания де-факто снять вопрос о расчленении Германии с повестки дня, Сталин пришел к решению, что советским интересам, не без учета известных Москве планов США на послевоенный период, больше отвечало бы существование единого, демократического немецкого государства с социально-экономическим строем типа Веймарской республики. В архиве МИД СССР хранились материалы о встрече Сталина с членами комиссии Литвинова, где это было соответственно отражено»{131}.

Сталин предложил общую сумму репараций в 20 миллиардов долларов, половину ее должен был получить Советский Союз. Он назвал ущерб от немецкого нашествия, причиненный СССР, в 679 миллиардов рублей, или 128 миллиардов долларов. Американцы согласились с предложенной им суммой репараций, но англичане возразили. Рузвельта репарации как будто не интересовали, он лишь заметил, что в США изымут все германские активы, хранившиеся там в банках и акциях. (Впоследствии американцы расширили это требование и изъяли германские патенты на научные открытия.)

Впрочем, от внимания Громыко не ускользнула такая подробность.

«При обсуждении на конференции вопроса о репарациях каждый из трех глав делегаций высказывался по нескольку раз. Меньше всех говорил президент. Сделав заявление, которое представляло известный жест в пользу Советского Союза, он тем не менее не назвал конкретных цифр, которые могли бы быть рассмотрены. Рузвельт также избегал прямой полемики с Черчиллем, а тот не желал делать даже символических намеков на возможность репараций для СССР.

Когда позиции участников по обсуждаемому вопросу стали проясняться, Сталин наклонился ко мне и вполголоса спросил:

— Как все-таки понять Рузвельта, он действительно не разделяет позиции Черчилля или это тактика?

Вопрос нелегкий. Я дал такой ответ:

— Разница между ними есть, но настораживает то, что

президент уж очень корректен в отношении премьер-министра Англии. А ведь он с соблюдением той же корректности мог бы и поднажать на Черчилля, чего, однако, не делал. Едва ли это случайно.

Моя оценка, видимо, не расходилась с мнением Сталина. Когда участники заседания уже покидали зал заседаний, Сталин, поднимаясь со стула, негромко, как бы сам себе, сказал:

— Не исключено, что США и Англия распределили роли между собой»[{132}].

* * *

Конференция приняла Декларацию об освобожденной Европе на принципах Атлантической хартии, которая поддерживала «право всех народов на выбор формы своего правления», обязывала «Большую тройку» оказывать содействие в проведении свободных выборов и предусматривала, что три правительства создадут совместный механизм для реализации этих целей.

Сталин чувствовал себя уверенно. Он позволял себе поддразнивать Черчилля, предсказывая, что Египет может потребовать возвращения Суэцкого канала. Заявлял, что в Москве не могут забыть, как по инициативе Франции и Англии Лига Наций во время Советско-финляндской войны исключила из организации СССР, начала против него пропагандистскую кампанию. Рузвельт особо не вмешивался, лишь порой замечал, что единство «Большой тройки» — краеугольный камень международного устройства. примирительная позиция Рузвельта, во-вторых, полученная из разведки информация, что американское руководство не выработало ясного плана действий в Восточной Европе.

Дискуссия о будущем Польши показала это. В конце концов союзники согласились на проведение советско-польской границы по «линии Керзона», приращение польских территорий за счет германских, а также на то, чтобы действующее в Польше Временное правительство («люблинцы») было «реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы» после консультаций союзников с польскими политическими деятелями.

Здесь уместно сказать, что вскоре разногласия из-за Польши обострились. На освобожденной польской территории происходили столкновения, стало действовать подполье Армии крайовой, начался террор против Красной армии и

военнослужащих Армии людовой.

Польское эмигрантское правительство в Лондоне предложило установить новую границу Польши, которая должна была «включить в себя Восточную Пруссию, Данциг, регион Оппельна, регион Грюнберга на левом берегу Одера, а на севере весь правый берег Одера, включая Штеттин»{133}.

Черчилль выступил против такого переноса западной границы, понимая, что таким образом СССР закрепится в Западной Украине. «Было бы жаль, — сказал он, — так закармливать польского гуся немецкой едой, чтобы у него случилось несварение»{134}.

Сталин в этом споре высказался так: «Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти нашего государства», потому что «Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию»{135}.

И только во второй половине июня 1945 года, уже после смерти Рузвельта и накануне Потсдамской конференции, был согласован состав коалиционного правительства Польши. От «лондонцев» в него вошли трое во главе со Станиславом Миколайчиком, который получил пост первого вице-премьера, от «внутренней оппозиции» — двое. После этого правительство Польши признали в Вашингтоне и Лондоне.

«Польская проблема» имела для будущего Европы огромное значение с учетом географического положения, величины территории и численности населения этой страны. Не забылось и то, что в 20—30-е годы Речь Посполитая была недружественным к Советскому Союзу государством, что она участвовала в послемюнхенском расчленении Чехословакии.

Кстати, после Тегеранской конференции Эдуард Бенеш, президент Чехословакии в изгнании, подписал в Москве советско-чехословацкий договор о союзных отношениях и признании недействующим Мюнхенского соглашения. Также был обсужден вопрос об участии коммунистов в коалиционном правительстве Чехословакии. Данный опыт американский посол в СССР Аверелл Гарриман предложил использовать и при создании польского правительства.

Но не только Польша была важна для западных союзников. В октябре 1944 года на переговорах в Кремле Черчилль предложил Сталину договориться о разделе Восточной и Юго-Восточной Европы между СССР и Англией. Для британского премьера в тот момент главным вопросом была вовсе не Польша, а признание за Великобританией преимущественных прав в Греции и вообще в Средиземноморье. В этом как нельзя ярче выразилась идея послевоенного мира, она заключалась в разделе сфер влияния.

Характерно, что, «получив Грецию», англичанин попытался сорвать советские планы относительно Польши. Вскоре это вызвало у Сталина ощущение, что его предали в этом вопросе.

* * *

Решения Ялтинской конференции стали ключом, закрывшим идею «санитарного кордона» и открывшим «зону безопасности СССР в Восточной Европе». Кроме того, Сталин развеял сомнение Черчилля в том, будет ли Германия иметь будущее. Он сказал, что Германия «будет иметь будущее».

Не получилось изменить договор Монтрё об условиях прохода судов через Черноморские проливы, но в целом советская делегация была удовлетворена. СССР сохранял довоенные границы, становился мощным европейским игроком, добился вхождения в ООН двух своих республик, Украины и Белоруссии, а еще — обеспечил право вето в Совете Безопасности ООН. Было согласовано с Рузвельтом возвращение Советскому Союзу тех позиций на Дальнем Востоке, какие имела Россия в 1904 году. Это — передача в аренду военно-морской базы в Порт-Артуре, восстановление прав на КВЖД и ЮМЖД, возвращение Южного Сахалина и Курильских островов. СССР должен был получить влияние в Маньчжурии, что было важно еще и потому, что там находилась опорная база Красного Китая, воевавшего с националистическим Китаем (Мао Цзэдун — против Чан Кайши).

Сталин подтвердил обязательство через два-три месяца после победы над Германией начать войну с Японией.

В заключенных секретных протоколах спецслужбам союзников поручалось оказывать содействие зарубежным партнерам в поиске и выдаче нацистских преступников. СССР согласовал выдачу всего командного состава армии Власова, сформированной немцами из советских военнопленных.

Кроме того, Черчилль и Сталин дали друг другу очень высокие оценки, хотя не прекращали борьбы на политическом поле.

Черчилль вспоминал: «В этот вечер мы все вместе обедали со Сталиным в Юсуповском дворце. Речи, произносившиеся за обедом, были записаны и могут быть приведены здесь. Между прочим, я сказал: “Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветистым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и

большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народов Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно.

Я шагаю по этому миру с большой смелостью и надеждой, когда осознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру".

Сталин ответил мне лестными словами. Он сказал: "Я провозглашаю тост за лидера Британской империи, за самого мужественного из всех премьер-министров мира, сочетающего в себе политический опыт и военное руководство, за человека, который в момент, когда вся Европа была готова пасть ниц перед Гитлером, заявил, что Англия не дрогнет и будет сражаться против Германии одна, даже без союзников. Даже если нынешние и возможные союзники покинут ее, — сказал он, — она будет продолжать сражаться. За здоровье человека, который может родиться лишь раз в столетие и который мужественно поднял знамя Великобритании. Я сказал то, что чувствую, то, что у меня на душе, и то, в чем я уверен"»[136].

«Вот что еще сказал Сталин: "Я говорю… как старый человек; вот почему я говорю так много. Но я хочу выпить за наш союз, за то, чтобы он не утратил своего интимного характера, свободного выражения взглядов. В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды. Я знаю, что некоторым кругам это замечание покажется наивным.

В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: "А почему бы мне не обмануть моего союзника?" Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уже легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны.

…За группу деятелей, которых признают только во время войны и о чьих услугах быстро забывают после войны. Пока идет война, этих людей любят и встречают с уважением не только им подобные, но также и женщины. После войны их престиж падает, а женщины поворачиваются к ним спиной.

Я поднимаю бокал за военных руководителей".

Он не питал никаких иллюзий относительно предстоявших

нам трудностей»[137].

Биограф Рузвельта отметил в прощальном обеде еще одну подробность, которая стала весьма существенной через несколько лет.

«Итак, ко времени заключительного обеда в Ялте 10 февраля 1945 года Большая тройка договорилась по многим вопросам. Черчилль с удовольствием председательствовал на этом мероприятии в своей вилле — приемный зал тщательно проверен и поставлен красноармейцами под усиленную охрану, перед тем, как прибыл Сталин. Премьер-министр предложил выпить за короля, президента и председателя Совета министров СССР. В ответ Рузвельт рассказал об эпизоде, относящемся к 1933 году, когда его жена приехала в провинциальный городок на открытие школы. В помещении класса висела географическая карта с большим белым пятном на месте Советского Союза. Учитель сообщил первой леди, что ему запрещено говорить об этом месте. Тогда президент решил начать переговоры с целью установить с Москвой дипломатические отношения.

После ряда тостов рассказал другую историю, которая проиллюстрировала, как трудно не расстаться с расовыми, религиозными и любыми другими предубеждениями, когда люди хорошо знают друг друга. Сталин согласился с этим. Черчилль и Сталин принялись обсуждать британскую политику. Маршал считал, что его британский друг победит на следующих выборах, потому что лейбористы не смогут сформировать правительство, а Черчилль стал левее социалистов. Черчилль заметил, что политическая задача Сталина гораздо легче — в стране только одна партия. Маршал согласился. Переключившись на другие темы, Сталин заметил, что еврейская проблема очень сложна. Он пытался создать национальный очаг для евреев в сельской местности, но они пробыли там всего два или три года, а затем разбежались по городам.

Президент сказал, что является сионистом, и спросил, не таков ли и Сталин. Маршал ответил, что в принципе он сионист, но здесь много трудностей»[138].

Этот как будто ни к чему не обязывающий обмен репликами высвечивал большую проблему, которая в L948 году была решена созданием государства Израиль на Ближнем Востоке, где пересеклись интересы всех трех держав.

Чтобы понять реальное соотношение сил в Европе в конце войны, приведем анализ американского посла Дж. Кеннана, одного из лучших внешнеполитических аналитиков США. В 1945 году он подчеркнул следующие положения:

«1. Русские не смогут успешно сохранять свою гегемонию на

всех территориях Восточной Европы, попавших под их контроль, без помощи Запада. Не имея ее, они утратят часть своих политических позиций.

2. Полноценное сотрудничество с Россией, которого ожидает наш народ, вовсе не является существенным условием сохранения мира во всем мире, поскольку существует реальное соотношение сил и раздел сфер влияния.

3. У Москвы нет оснований для дальнейшей военной экспансии в глубь Европы. Опасность для Запада представляет не угроза русского снабжения, а коммунистические партии в западных странах, а также иллюзорные надежды и страхи, присущие западному общественному мнению»[{139}].

В дальнейшем эти тезисы станут основой «теории сдерживания», которая легла в основу политики президента Трумэна. Ялта Ялтой, но новое расположение фигур на доске диктовало новую стратегию. Когда через много лет Государственный секретарь США Генри Киссинджер выразил мнение, что «Ялта стала символом позора с точки зрения формирования облика послевоенного мира»[{140}], его устами говорило уже другое историческое время. Окажись он в команде Рузвельта в Ялте в феврале 1945 года, когда двенадцатимиллионная Красная армия стояла у ворот Берлина, он бы думал и говорил по-другому.

* * *

12 апреля, менее чем за месяц до капитуляции Германии, скоропостижно скончался президент Рузвельт. «Большая тройка» перестала существовать. Черчилль и Сталин были потрясены, словно с ними случился удар. Когда посол Гарриман приехал в Кремль, Сталин взял его за руку и долго держал, не проронив ни слова. Слова были не нужны. Он понимал, что финальная часть борьбы будет гораздо тяжелее, чем он предполагал: его главный союзник покинул поле брани.

В телеграмме соболезнования Сталин нашел точные слова, выразившие его отношение к покойному президенту:

«№291
Отправлено 13 апреля 1945 года.
ПРЕЗИДЕНТУ ТРУМЭНУ
Вашингтон.
От имени Советского Правительства и от себя лично выражаю глубокое соболезнование Правительству

Соединенных Штатов Америки по случаю безвременной кончины Президента Рузвельта. Американский народ и Объединенные Нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны. Правительство Советского Союза выражает свое искреннее сочувствие американскому народу в его тяжелой утрате и свою уверенность, что политика сотрудничества между великими державами, взявшими на себя основное бремя войны против общего врага, будет укрепляться и впредь.

И. СТАЛИН».

В конце апреля Молотов, прилетевший в США, в присутствии Громыко имел очень неприятную встречу с президентом Трумэном. Президент США прямо заявил, что «Сталин должен держать слово» и что Америка больше не будет «ездить по улице с односторонним движением». Он потребовал соблюдения Ялтинских соглашений, в том числе по Польше, и сказал, что Польша — символ будущего американо-советского сотрудничества.

Новый президент сильно отличался от покойного. С 1940 года он возглавил чрезвычайный комитет сената по исследованию программы вооружения федерального правительства, контролировал всю военную деятельность. Международного опыта он не имел.

Заняв Белый дом, Трумэн принял рекомендации посла Гарримана об ужесточении отношений с Советским Союзом, чье присутствие в Европе тот называл «новым нашествием варваров». Гарриман убедил Трумэна, что «русские нуждаются в американской помощи для послевоенного восстановления», поэтому можно без серьезного риска занять «жесткие» позиции по всем важнейшим вопросам.

Президент ответил, что не боится русских и будет с ними «твердым, но справедливым». Громыко описал встречу с президентом как трудную.

«Трумэн подчеркнуто пытался обострить встречу. По всему ощущалось, что он не вполне доволен решениями Ялты в отношении ООН и некоторых принципов деятельности этой организации. Президент проявлял какую-то петушиную драчливость, придираясь чуть ли не к каждому высказыванию с советской стороны о значении будущей всемирной организации и о задаче не допустить новой агрессии со стороны Германии. Чувствовалось, что Трумэн пружину уже натянул»{141}.

Позднее Гарриман назвал эту встречу «началом холодной войны».

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в атомной лаборатории в Лос-Аламосе американские ученые успешно осуществили расщепление урана и туда уже было доставлено двадцать два фунта обогащенного урана. Подготовка к испытанию первой атомной бомбы завершалась. Поэтому необходимость участия СССР в войне с Японией теперь снижалась. Новые технологии вставали поперек пути могучим сухопутным советским войскам, и только неуверенность военных в эффективности ядерного оружия все же не позволяла отказываться от участия Красной армии в операциях на Дальнем Востоке. Не случайно, отмечал Громыко, американский президент старался всячески оттянуть проведение встречи в верхах в Потсдаме, чтобы она совпала с испытаниями бомбы. По предложению Трумэна начало встречи перенесли с июня на июль.

Глава 13.
ПОТСДАМ

Потсдамская конференция — тень плана «Рэнкин»

Обстановка после капитуляции Германии стала меняться с невообразимой быстротой, словно над миром неслась новая буря. Сталин из донесений разведки знал, что его друг Черчилль готов тут же начать третью мировую войну. Трудно поверить? «Однако у медали имелась обратная сторона. Еще не была побеждена Япония. Атомная бомба еще не родилась. Мир был в смятении. Основа связи — общая опасность, объединившая великих союзников, — исчезла мгновенно. В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага»[142].

9 мая Черчилль написал главнокомандующему союзными войсками в Европе генералу Дуайту Эйзенхауэру, что не следует уничтожать немецкие самолеты, они еще могут пригодиться. Еще раньше он телеграфировал английскому фельдмаршалу Монтгомери, что следует собирать и складировать немецкое оружие.

12 мая британский премьер написал Трумэну: «1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы. Согласно прежним решениям, наши армии, по-видимому, также заметно сократятся. Канадская армия наверняка будет отозвана. Французы слабы, и с ними трудно иметь дело. Каждый может понять, что через очень короткий промежуток времени наша вооруженная мощь на континенте исчезнет, не считая умеренных сил, необходимых для сдерживания Германии.

2. А тем временем, как насчет России? Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — и способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская еще не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас,

возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200—300 дивизий?

3. Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоеванный американскими армиями между Эйзенахом и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель — когда американцы отступят — оккупирован русскими силами. Генералу Эйзенхауэру придется принять все возможные меры для того, чтобы предотвратить новое бегство огромных масс германского населения на Запад при этом гигантском продвижении московитов в центр Европы. И тогда занавес снова опустится очень намного, если не целиком. И, таким образом, широкая полоса оккупированной русскими территории протяжением во много сот миль отрежет нас от Польши.

4. Тем временем внимание наших народов будет отвлечено навязыванием сурового обращения с Германией, которая разорена и повержена, и весьма в скором времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана.

5. Безусловно, сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией или выяснить наши с ней отношения, прежде чем мы смертельно ослабим наши армии или уйдем в свои зоны оккупации. Это может быть сделано только путем личной встречи. Я буду чрезвычайно благодарен Вам за высказанное Вами мнение и совет. Конечно, мы можем прийти к мнению, что Россия будет вести себя безупречно, и это, несомненно, наиболее удобный выход. Короче говоря, с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией прежде, чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы»[143].

Черчилль был против отвода далеко продвинувшихся в Германии американских войск, так как это означало бы распространение русского господства еще на 120 миль на фронте протяжением 300—400 миль.

12 мая 1945 года был утвержден окончательный вариант плана «Немыслимое», в котором рассматривалась перспектива ведения военных действий против СССР в Европе (10 германских и 47 американских и английских дивизий). Английские военные сделали отрицательный вывод: в этом случае перевес Красной армии над английской был бы подавляющим, в четыре раза — в пехоте, в два — в бронетанковых войсках. Кроме того,

указывалось, что начнется «тотальная война с Россией» с непредсказуемым результатом.

Американцы тоже проанализировали результаты возможного военного столкновения с СССР, и Комитет по стратегическим вопросам при Объединенном комитете начальников штабов Великобритании и США пришел к выводу, что ни США, ни СССР не смогут нанести друг другу поражения. К тому же надо учесть особую атмосферу, царившую тогда в странах-победительницах.

Значит, военное давление отпадало.

Тем не менее Черчилль дает указание британским вооруженным силам об отмене демобилизации ВВС и приостановке демобилизации в сухопутных войсках.

Однако руководство лейбористской партии отвергло его предложение сохранить коалицию до победы над Японией и решило проводить парламентские выборы. Они были назначены на 5 июля, подведение их итогов — на 26 июля.

Черчилль был уверен в своей победе.

Тем временем началась подготовка к встрече «Большой тройки» в Потсдаме, и на предложение английского премьера не выводить американские войска из советской зоны оккупации до начала встречи Трумэн ответил, что это невозможно, так как причинит ущерб «нашим отношениям с Советским Союзом».

Явно недружественным актом нового президента по отношению к советскому союзнику было подписание им 8 мая 1945 года приказа о резком сокращении поставок в Советский Союз по ленд-лизу. Сделано это было не только без предварительной консультации с Москвой, но к тому же еще и самым вызывающим образом. Уже на следующий день после подписания приказа были даны указания прекратить в американских портах погрузку материалов для СССР, а суда, которые находились в пути, получили распоряжение возвратиться из открытого моря в Соединенные Штаты. Это была явная попытка извлечь политические уступки путем экономического давления. Президенту настоятельно советовали отменить свой приказ, и спустя некоторое время он это сделал. Но советско-американским отношениям уже был нанесен существенный ущерб, и в Москве не могли не зарегистрировать этот факт.

Когда в конце мая в Москву прибыл Гопкинс, чтобы уладить отношения, Сталин сказал ему: «Та манера, в которой все это было сделано, очень неловка и груба. Если решение было сделано для того, чтобы оказать давление на Россию, то это было коренной ошибкой. Я должен сказать господину Гопкинсу откровенно, что если к русским будут относиться искренне, на дружеской основе, то очень многое может быть сделано, но

репрессии в любой форме приведут лишь к прямо противоположному результату»[144].

Когда Гопкинс успокаивал Сталина, в Сан-Франциско происходило событие, которое стало величественным памятником Победе и всей деятельности «Большой тройки» — учредительная сессия Организации Объединенных Наций. Первоначально советскую делегацию возглавлял Молотов, потом он улетел, передав полномочия главы Громыко.

25 июня делегаты собрались на пленарное заседание в зале Оперного театра в Сан-Франциско. Председательствующий — лорд Галифакс — представил собранию окончательный проект Устава. «Мы никогда в жизни не примем, — сказал он, — более важного решения».

Ввиду глобальности события он предложил отступить от обычного способа голосования поднятием рук, и, когда началось голосование, все делегаты встали и продолжали стоять. Так же встали все присутствовавшие: служебный персонал, представители прессы и около трех тысяч посетителей. Казалось, все население планеты объединено единым чувством. Вот председатель объявил, что Устав единогласно принят, и зал возликовал волнами оваций.

На следующий день в аудитории Дома ветеранов делегаты один за другим подходили к большому круглому столу, на котором лежало два исторических документа: Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. За каждым делегатом, на фоне ярких красок расположенных полукругом флагов пятидесяти наций, стояли другие члены делегаций. При ослепляющем свете мощных прожекторов каждый делегат ставил свою подпись.

Громыко считал учреждение ООН одним из главных событий своей жизни. «Все, что принуждает к компромиссу — это хорошо, — говорил он. — Ведь даже в семейной жизни необходимо находить компромиссные решения. То же самое относится и к международному сообществу. Нельзя допустить, чтобы проблемы решались с помощью силы»[145] *.

Любопытно, что в Сан-Франциско Громыко познакомился с молодым журналистом, ветераном войны Джоном Кеннеди, который брал у него интервью.

Андрей Андреевич стал первым представителем СССР в ООН. Вскоре его деятельность была отмечена: журнал «Тайм» писал: «Как постоянный представитель Советского Союза в Совете Безопасности Громыко делает свою работу на уровне умопомрачительной компетентности».

После Сан-Франциско ему предстояло участвовать в

последнем заседании «Большой тройки» в Потсдаме.

17 июля 1945 года конференция глав правительств открылась в пригороде Берлина Потсдаме. Эта дата как будто бы нейтральна, но на самом деле она находится по другую сторону, в новой исторической эпохе. День назад прошло успешное испытание атомной бомбы.

Черчилль знал о готовящемся взрыве, «который дал возможность закончить Вторую мировую войну и, пожалуй, многое другое». Он дал согласие использовать новое оружие против Японии еще 4 июля. Теперь же он понимал, что отныне Запад больше не зависит от Сталина на завершающей фазе войны с Японией. Если до испытания атомной бомбы расчеты показывали, что для победы надо отдать миллион американских солдат и полмиллиона англичских или позвать на помощь Красную армию, то теперь атомная бомбардировка решала все проблемы.

Сталин лишался главного козыря, благодаря которому имел преимущество в Тегеране и Ялте. Конечно, у американцев было всего две атомные бомбы, а японские войска занимали огромный регион, который невозможно было поразить этими страшилами, но все понимали, что ситуация меняется.

Тем не менее победители находились в столице поверженного врага и по-прежнему были союзниками.

Молотов и Громыко часто ездили в одной машине со Сталиным, который расспрашивал посла о Трумэне, «о настроениях американских политических кругов и прочего».

Андрей Андреевич вспоминал об этом так. «Вначале я даже чувствовал известную неловкость, особенно когда Сталин садился в своей автомашине на откидное сиденье, а мы с Молотовым — на главные места. Но потом я понял, что Сталину просто нравилось это место, поскольку оно находилось в середине машины и его здесь меньше трясло. А он тряски не любил»{146}.

О первой встрече со Сталиным Трумэн в своем дневнике, в частности, писал: «На меня особое впечатление произвели его глаза, выражение его лица… Он смотрел мне прямо в глаза, когда говорил. Он был в хорошем расположении духа, он был чрезвычайно вежлив. Он произвел на меня большое впечатление, и я решил говорить с ним напрямик».

* * *

«Все мы, советские представители, вглядывались в Трумэна. Ведь с ним, после того как он стал президентом, не приходилось

еще на высшем уровне обсуждать принципиальные вопросы, хотя обмен посланиями между Трумэном и Сталиным уже имел место. Мы старались понять, чем он дышит, каковы цели Вашингтона в делах Европы, особенно касающихся Германии, и в международной политике в целом.

Наше общее мнение состояло в том, что Трумэн прибыл в Потсдам, поставив перед собой задачу — поменьше идти навстречу СССР и побольше оставлять возможностей для того, чтобы пристегнуть Германию к экономике Запада. Через эту призму он, судя по всему, оценивал и значение возможных договоренностей в Потсдаме.

Само собой понятно, что Черчилль был его надежным и уже испытанным союзником в этом отношении. Трумэн в некоторых вопросах “подправлял” Рузвельта, который, по его мнению, в Крыму проявил в отношении предложения Сталина о репарациях с Германии чересчур большое понимание советской позиции. Поправки эти свелись к тому, что вопрос о репарациях с западных зон оккупации Германии, то есть самых индустриальных, так и остался нерешенным»[{147}].

Первым пунктом была судьба Германии. Напомним, что согласно Ялтинским соглашениям она должна быть расчленена. Но теперь против этого выступал Сталин. Расчленение официально не произошло, однако Германия была разделена на зоны оккупации, Франция тоже получила свою долю за счет английской и американской — и в самом Берлине.

Сталин внес в повестку дня конференции вопросы о репарациях, разделе германского флота, о восстановлении дипломатических отношений со странами — союзницами Германии, но порвавшими с ней после освобождения (Болгария, Венгрия, Финляндия, Румыния), о ликвидации польского эмигрантского правительства в связи с созданием Польского правительства национального единства, о режиме Франко в Испании, о судьбе подмандатных территорий и бывших колоний, о передаче СССР Кенигсберга, о Проливах.

Он вел себя уверенно, шутил, был находчив. Как писал Черчилль, «его легкая дружелюбная манера держаться была в высшей степени приятной». Однако в полемике с Трумэном, Черчиллем и (после победы лейбористов на выборах) с Клементом Эттли Сталин был неподражаем. Главное, он чувствовал себя полностью свободным.

Как только он видел, что союзники подставляются, он ловил их на противоречиях, окрашивая это иронией. Ему удалось добиться признания правительств Болгарии, Румынии, Венгрии, Финляндии, против чего возражали союзники, «прицепив» этот

вопрос к их предложению признать правительство Италии и принять ее в ООН. На возражения, что в этих четырех странах еще не проведены демократические выборы, что с ними не заключены мирные договоры, он ответил: а разве с Италией по-другому? Не признаете «наших», не признаем и «ваших».

Порой он выставлял Черчилля смешным. Например, на заседании 22 июля, когда зашел разговор о колониальных владениях Италии в Триполитании, между Сталиным, Черчиллем и Трумэном случилась острая пикировка.

«Черчилль. Конечно, возможно иметь обмен мнениями по любому вопросу, но если окажется, что стороны разошлись в своих взглядах, то результатом будет только то, что мы имели приятное обсуждение. Мне кажется, что вопрос о мандатах был решен в Сан-Франциско… но не более того. Так как вопрос об опеке находится в руках международной организации, я сомневаюсь в желательности обмена мнениями по этому вопросу здесь…

Сталин. Из печати, например, известно, что г-н Идеи, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? *(Смех.)*…

Черчилль. Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

Сталин. А Берлин взяла Красная Армия. *(Смех.)*

Черчилль. Я хочу закончить свое заявление… Я имею в виду следующие итальянские колонии: Итальянское Сомали, Эритрея, Киренаика и Триполи, которые мы завоевали одни в очень трудных условиях…

Теперь относительно заявления, сделанного Иденом в парламенте, в котором он сказал, что Италия потеряла свои колонии… Это не исключает обсуждения во время подготовки мирного договора с Италией, вопроса о том, не следует ли вернуть Италии часть ее бывших колоний. Я не поддерживаю такое предложение, но мы не возражаем против обсуждения… В настоящее время все эти колонии находятся в наших руках. Кто хочет их иметь? Если есть за этим столом претенденты на эти колонии, было бы хорошо, чтобы они высказались.

Трумэн. Нам они не нужны. Мы имеем у себя достаточное количество бедных итальянцев, которых нужно кормить.

Черчилль. Мы рассматривали вопрос о том, не подойдут ли некоторые из этих колоний для расселения евреев. Но мы считаем, что для евреев там не было бы удобно поселиться.

Конечно, мы имеем большие интересы на Средиземном море

и всякое изменение статус-кво в этом районе потребовало бы от нас долгого и тщательного изучения.

Мы не вполне понимаем, чего хотят наши русские союзники»[148].

После поражения Италии союзники договорились разделить поровну ее флот, а также лишить ее колоний. США не возражали, чтобы Триполитания (нынешняя Ливия) стала подмандатной территорией, управляемой СССР, — это было зафиксировано в переписке Громыко с Э. Стеттиниусом в июне 1945 года, то есть накануне конференции.

Кроме того, Советский Союз обозначил свои интересы в Турции (Проливы, возвращение городов Карс и Ардаган) и создание военных баз в Норвегии (острова Шпицберген и Медвежий), Дании (остров Борнхольм, где в тот момент стояли советские войска).

При этом Сталин понимал, что все это не уступят, но был предмет для дипломатического торга.

О вопросах репараций, обеспечения западной границы Польши, получения третьей части германского флота, неизбежности наказания для главных нацистских преступников он говорил откровенно и твердо.

Но не стоит думать, что он чувствовал себя всесильным. Это далеко не так. Например, ему пришлось уступить в требовании 30 процентов германского золотого запаса, который был захвачен союзниками. Правда, он за свой отказ выторговал увеличение репараций, но обмен был явно неравноценным. Не смог он добиться и пересмотра конвенции Монтрё, определявшей режим судоходства в Черноморских проливах, и устройства советской военной базы рядом с ними. Хотя Черчилль обещал Сталину поддержку в этом вопросе, союзники фактически провели его, записав в протокол как обязательное условие — согласование с турецким правительством.

Особый день в Потсдамской конференции — 21 июля. Именно тогда американцы получили развернутый доклад об испытании бомбы.

Вот как описала этот момент дочь президента — Маргарет Трумэн в объемистой книге, посвященной политической карьере своего отца: «В разгар этой сложной борьбы пришел подробный отчет об атомном взрыве на военно-воздушной базе Аламогордо… Это доложил президенту в 15 часов военный министр Стимсон. Отец пригласил к себе государственного секретаря Бирнса. Взволнованным голосом Стимсон прочел сообщение о взрыве, проведенном 16 июля 1945 г. Стимсон отметил в своем дневнике, что Трумэн был “сильно возбужден”,

услышав подробности взрыва, и сказал, что “все это дает ему совершенно новое положение на конференции”… Это дало возможность моему отцу вести переговоры более смело и решительно… Сцена была расчищена для жесткого торга в Потсдаме».

Известие об успешном испытании атомной бомбы и о ее разрушительной силе окрылило Трумэна. Роберт Мэрфи записал в мемуарах: «Когда Трумэн председательствовал на четвертом пленарном заседании, мы заметили перемену в поведении президента. Он казался гораздо более уверенным в себе, более склонным к активному участию в дискуссии, к оспариванию некоторых заявлений Сталина. Было очевидно, что что-то случилось. Именно в тот день Трумэн выдвинул возражения против отделения восточных земель Германии и передачи их Польше»[149].

Безусловно, Сталин был потрясен, хотя и не подал виду, когда Трумэн сообщил ему, что Америка располагает новой бомбой «исключительной силы». Значит, снова предстояла изматывающая гонка. Только-только Советский Союз мучительно набирал силу, как вдруг на него сваливается новая напасть! Опять надо было забыть о всяком покое и напрягать силы. «Иначе нас сомнут».

После этой новости Советский Союз бросил все силы на атомный проект, буквально оголяя гражданские отрасли промышленности и сельское хозяйство.

Еще одно важное решение было принято Сталиным в Потсдаме. Оно касалось создания новой мировой финансовой системы, в которой СССР должен был принимать полноправное участие.

В июне 1944 года представитель СССР подписал документы Бреттон-Вудской финансовой конференции (в том числе уставы Международного валютного фонда и Всемирного банка), детища Рузвельта, который хотел создать новую мировую финансовую систему. Американская инициатива привлечь СССР к созданию послевоенного финансово-экономического порядка имела все шансы завершиться геополитическим примирением с СССР В этом плане оба лидера могли договориться. Во всяком случае, Рузвельт считал вполне реальным движение Советского Союза по пути «демократического социализма».

Но в Потсдаме Сталин почувствовал, что из рузвельтовской идеи ничего не получится: Запад экономически задавит СССР.

В Потсдаме Трумэн переиначил идею своего предшественника (создать международную валютную систему как аналог коллективного Совета Безопасности ООН, где у СССР были

бы реальные права) на сугубо американское управление международными финансами. Германское золото, которое бесцеремонно увели от советских претензий, объявив, что оно принадлежало оккупированным странам, а не Германии, должно было пойти на укрепление Международного валютного фонда, Всемирного банка и «международного доллара».

Созданные для реализации этого плана МВФ и ВБ должны были получить все «бесхозное» золото мира: «нацистское», «еврейское», свергнутых монархов Италии и Югославии, а также и «царское золото» (свыше трех тысяч тонн), отправленное Николаем II для закупки оружия в США, Англию и Францию, хотя к осени 1917 года Россия получила из заказанного объема всего на четверть стоимости отгруженного золота.

По решению Бреттон-Вудской конференции для ключевой мировой валюты, каковой стал доллар США, был установлен золотой стандарт: 35 долларов за тройскую унцию. В результате США получили валютную гегемонию, оттеснив своего ослабевшего конкурента — Великобританию. В середине XX века США принадлежало 70 процентов всего мирового запаса золота. Доллар стал базой валютных паритетов, преобладающим средством международных расчетов, валютных интервенций и резервных активов.

Советский Союз в МВФ входить отказался.

* * *

В Потсдаме позиции Громыко еще более укрепились, Сталин и Молотов оценили его по достоинству. Одна из встреч с ними, как вспоминал Андрей Андреевич, «врезалась в память». Она касалась вопроса о репарациях, в подготовке которого Громыко и посол СССР в Англии Гусев были заняты еще с Ялты.

Сталин, в частности, сказал:

«— Позиция Англии, да, по существу, и США по этому вопросу является несправедливой, аморальной. Так не ведут себя настоящие союзники.

Если бы США и Англия даже согласились на возмещение Советскому Союзу хотя бы части нанесенного ущерба, то все равно Советский Союз был бы обделен. И обделен потому, что с германской территории, оккупированной англо-американскими войсками, уже усиленно вывозится лучшее оборудование в США. Прежде всего это относится к оборудованию с соответствующей документацией из разного рода технических лабораторий, которых на территории Германии было довольно много. Позиция

Англии и США по этому вопросу бесчестная. Не знаю, как отнесся бы Рузвельт к этому вопросу, если бы он был жив. Но что касается Трумэна, то по всему видно — понятие справедливости во всем этом важном деле ему незнакомо. Тем не менее вопрос о репарациях должен быть обсужден в Потсдаме. Он является принципиальным…

Из слов Сталина и всех участников данной встречи было видно, что надежды на благоприятный исход обсуждения в Потсдаме вопроса о германских репарациях нет. Но на обсуждение советская делегация все же нацеливалась, хотя чувствовалось, что оно, видимо, будет безрезультатным. Так впоследствии и получилось.

Затем в беседе Сталин затронул вопрос, который, собственно говоря, являлся основным на той встрече.

— Наши союзники сообщили нам, — сказал он, — что США являются обладателями нового оружия — атомного. Я разговаривал с Курчатовым сразу после того, как Трумэн сказал о том, что в США проведено успешное испытание нового оружия. Надо полагать, что в недалеком будущем мы также будем иметь такое оружие. Но факт его появления ко многому обязывает государства — обладателей этого оружия. Первый вопрос, который в связи с этим возникает, — должны ли страны, обладающие этим видом оружия, просто соревноваться в его производстве и стараться один другого обогнать? А может, они должны искать такое решение, которое означало бы запрещение производства и применения этого оружия? Сейчас трудно сказать, что это должно быть за соглашение между странами. Но ясно только одно, что оно должно разрешать использование атомной энергии только для мирных целей. Конечно, этого вопроса я с Курчатовым не касался. Это уже больше вопрос политики, чем техники и науки.

Мы с огромным интересом выслушали комментарий Сталина. Он бросал взгляд вперед. Фактически именно по этому вопросу на политической арене будет развертываться борьба со включением в нее Организации Объединенных Наций, которая в скором времени создаст специальную комиссию при Совете Безопасности. Комиссии будет поручено рассмотреть все политические аспекты проблемы и сделать все возможное для достижения договоренностей между государствами, которые будут располагать атомным оружием…

Как бы возвращаясь к этому вопросу, Сталин сказал:

— Наверно, Вашингтон и Лондон надеются, что мы не скоро сможем смастерить огромную бомбу. А они тем временем будут, пользуясь монополией США, а фактически Англии и США,

навязывать нам свои планы как в вопросах оружия, так и в вопросах положения в Европе и в мире в целом. Нет, такого не будет!

Когда позже я взвешивал сказанное Сталиным на этой встрече, то неизменно приходил к выводу, что говорил он хотя и вроде бы между прочим, но так, что впоследствии сказанное им стало костяком нашей позиции по вопросу о ядерном оружии на долгие годы»[{150}].

* * *

На конференции происходило немало острых споров по многим вопросам, но в целом в итоге дискуссий и обмена мнениями были приняты важные позитивные решения. Был учрежден Совет министров иностранных дел (СМИД); участники встречи согласовали политические и экономические принципы по обращению с Германией в начальный контрольный период; достигли договоренности о репарациях, о германском военно-морском и торговом флоте, о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района, о предании суду военных преступников. Были согласованы заявления об Австрии, Польше, о заключении мирных договоров, приеме новых членов в Организацию Объединенных Наций, о подопечных территориях и т. д. В официальном сообщении об итогах встречи говорилось, что конференция «укрепила связи между тремя Правительствами и расширила рамки их сотрудничества и понимания». Было заявлено, что правительства и народы трех держав — участниц конференции «вместе с другими Объединенными Нациями обеспечат создание справедливого и прочного мира».

6 и 9 августа были подвергнуты атомной бомбардировке японские города Хиросима и Нагасаки, предпринятой США для устрашения противника. СССР 8 августа объявил войну Японии. 10 августа Токио объявил о готовности капитулировать, 14 августа — о безоговорочной капитуляции. (Безоговорочная капитуляция юридически означает уничтожение всех прежних государственных институтов, прекращение всех прежних международных договоров и т. д. Поэтому попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны со ссылками на довоенные соглашения, в том числе и по территориальным вопросам, юридически безосновательны.) 15 августа Япония подписала перемирие с США, Англией, Китаем. В это время части Красной армии продолжали военные действия, чтобы обеспечить занятие Ляодунского полуострова, где размещались Порт-Артур и порт

Дальний, Южный Сахалин и Курильские острова.

На этом фоне выделяется один эпизод сотрудничества СССР и США. 11 августа в 2 часа ночи английского посла Кларка-Керра и американского — Гарримана пригласили к Молотову. Советский министр сообщил им, что согласен с предложением США относительно демократизации Японии после окончания войны, и высказал мнение, чтобы у союзников было два верховных главнокомандующих — генерал Макартур и маршал Василевский. На это Гарриман твердо ответил, что США воюют с Японией четыре года, а СССР — два дня и что верховным будет только американец.

Американцы не собирались допускать союзника в Японию. Ранее согласованный с американцами советский десант на Хоккайдо был в последний момент ими отменен, хотя в Москве уже планировали включить этот остров в свою зону оккупации. Возражение Гарримана против совместного с разделением на зоны управления (по примеру Германии) побежденной Японией показало Сталину, что Трумэн начал реализовьтвать не осуществленную в войне с немцами тенденцию: максимально отодвинуть Советский Союз от победных завоеваний.

11 августа, в день встречи Молотова с Гарриманом, Трумэн распорядился сразу же после капитуляции Японии занять порт Дальний. Впрочем, когда американские морские пехотинцы добрались до Дальнего, они увидели там советских солдат.

Вскоре Трумэн в категоричной форме потребовал от Сталина предоставить право базирования американских ВВС на Курильских островах. Наш герой был возмущен. Он ответил, что так разговаривают с побежденной страной, но Советский Союз не побежден.

Глава 14.
СДЕРЖИВАНИЕ И НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

США начинают политику сдерживания СССР

6 декабря 1945 года произошло событие, окончательно определившее историческое поражение Великобритании и торжество США, — было заключено американо-английское финансовое соглашение, в результате чего Лондон получал 3,75 миллиарда «связанного» кредита. Наш герой дал ему такую оценку: «Это соглашение, заключенное после прекращения американских поставок Англии по ленд-лизу, является показателем того, как монополии США использовали экономические затруднения Англии, чтобы навязать ей кабальный заем и еще больше укрепить свои международные позиции за счет ослабления своего партнера по войне.

Сама Англия не располагала долларовыми запасами для оплаты американского импорта, а английский экспорт в США способен был покрыть лишь незначительную часть английской задолженности в платежном балансе США. Это было связано с тем, что Англия, во-первых, не могла продавать Соединенным Штатам многие товары, конкурировавшие с американскими, ввиду высоких американских таможенных пошлин и, во-вторых, не могла перестроить быстро свою промышленность, которая в период войны в основном обслуживала военные нужды…

Положение Англии осложнялось и тем, что она была вовсе не свободна в выборе товаров на американском рынке. Важнейших видов оборудования для тяжелой, особенно угольной, промышленности ей так и не удалось закупить ни на этот заем, ни на последующие. Большая часть займа расходовалась на покупку навязанных по условиям соглашения товаров, в сбыте которых были заинтересованы американские фирмы и корпорации»[{151}].

Спустя два месяца в Москве случилось другое событие, вызвавшее жесткую реакцию в Вашингтоне.

* * *

9 февраля 1946 года Сталин выступил в Большом театре с речью, посвященной его выдвижению кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Это было сугубо внутреннее послание, в нем подводился итог важнейшему периоду истории и ставились задачи будущего развития. Но все же за океаном почувствовали в

ней угрозу

Сталин начал с того, что объяснил причину возникновения войн в капиталистическом мире. «Развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперед, а через кризисы и военные катастрофы», идет борьба за сырье и рынки сбыта, которая циклично обостряется.

Он сказал, что «война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю», что «победил наш советский общественный строй… и доказал свою полную жизнеспособность».

Его вывод: СССР прочен, как никогда.

Говоря о несоциалистической части мира, Сталин указал на возможность избегнуть военных катастроф в случае периодического «перераспределения сырья и рынков сбыта между странами сообразно с их экономическим весом в порядке принятия согласованных и мирных решений». Он подчеркнул, что «это невозможно осуществить при нынешних капиталистических условиях развития мирового хозяйства», что было его ошибкой и показывало, что он мыслит довоенными категориями периодических мировых кризисов, завершающихся войнами.

Затем были приведены данные экономического роста страны. Ставя задачи на будущее, Сталин сказал, что в ближайшие три пятилетки надо поднять уровень экономики втрое по сравнению с 1940 годом. «Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей»{152}.

В США эта речь была воспринята двойственно: большинство посчитало, что «это объявление третьей мировой войны», хотя информированные специалисты знали, что это вовсе не так. Но дело было не в информированности, а в том, что Советский Союз не собирался идти по пути Англии.

В начале февраля 1946 года в американской печати началось раскручивание «дела Гузенко». Журналист Дрю Пирсон предъявил обвинение в двуличии, подрывной и шпионской деятельности «небольшой милитаристской группировки на самом верху России, которая, очевидно, намерена подмять не только Иран, Турцию и Балканы, но, возможно, добиваться доминирующего положения в других частях мира»{153}. Шпионское дело приобрело скандальную публичность.

В это же время, 22 февраля, временный поверенный в делах США в Москве Джордж Кеннан направил в Госдепартамент аналитическую записку, которая вошла в историю как «Длинная телеграмма». Документ не содержал откровений, в нем с предельной четкостью была определена перспектива неизбежного противостояния США и СССР. Страница военного союзничества

должна быть решительно перевернута, все попытки СССР укрепить свои позиции в мире должны быть отвергнуты политикой сдерживания, иллюзии сотрудничества и компромисса должны быть отброшены. Причем, подчеркивает Кеннан, СССР можно сдерживать, «не прибегая к крупному военному конфликту».

Критика внутренней политики СССР, высказанная американским дипломатом, заслуживает внимания. «Во-первых, Советский Союз в отличие от гитлеровской Германии не привержен к схематичности и авантюризму, действуя не по раз и навсегда разработанным планам. Он не идет на необоснованные риски. Невосприимчивый к логике вещей, он признает логику силы. Исходя из этого, он может отойти назад — что обычно и делал, когда в каком-то пункте сталкивался с ожесточенным сопротивлением. Поэтому, когда ему становилось известно, что противник обладает достаточными силами и готов применить их на деле, он редко бросался в безрассудную атаку. В связи с этим, если та или иная ситуация поддается решению, нет никакой необходимости затрагивать вопросы престижа.

Во-вторых, Советы — не слабаки, когда выступают против всего западного мира. Поэтому их успех или неуспех будет зависеть от степени сплоченности, решительности и энергии, с которыми выступит западный мир. А на этот фактор мы сами сможем повлиять.

В-третьих, советская система, как форма внутригосударственной власти, еще до конца не изучена. Сейчас необходимо убедиться, что она хорошо выжила в результате успешной передачи власти от одного лица (или группы лиц) другому. Смерть Ленина стала первым этапом в этой цепи и привела к разорению государства в течение целых 15 лет. Смерть Сталина — второй этап. Но это еще не окончательное испытание для страны. Советская внутренняя система будет теперь во многом зависеть от результатов недавней территориальной экспансии и целой серии дополнительных накладок, с которыми в свое время приходилось иметь дело царизму. У нас есть доказательства, что основная масса российского народа со времен Гражданской войны еще не была эмоционально так далека от доктрины коммунистической партии, как ныне. В России партия стала крупнейшим, а в настоящий момент и высшим аппаратом диктаторского администрирования, превратившись в то же время в источник эмоционального вдохновения. Поэтому внутренняя крепость и постоянство движения не могут рассматриваться как гарантированные.

В-четвертых, вся советская пропаганда вне сферы советской

безопасности носит в основном негативный и разрушительный характер. Поэтому борьба с ней не составит большого труда при наличии конструктивной и осмысленной программы»{154}.

Заметим, что в этой записке важное место занимает проблема передачи власти после ухода Сталина, то есть возможная борьба за пост лидера, которая, вероятно, будет сопровождаться потрясениями в государстве.

Почему «Длинная телеграмма» была востребована в Белом доме, нетрудно понять: ее идеи расчищали путь для будущего.

Сталин в речи 9 февраля поставил задачу новой индустриализации и самообороны, а Кеннан ответил: не уступать нигде.

Необъявленная война за иранскую нефть

Наступивший мир был совсем не таким, каким его ожидали увидеть советские победители. Сталину пришлось маневрировать в попытке сохранить лицо и отступать. Его главная идея — иметь на западных границах страны с дружественными правительствами, а также свободный выход к южным морям — постоянно оспаривалась.

Еще в январе 1945 года (до Ялтинской конференции) СССР попытался заключить с правительством Ирана договор на право разведки и разработки нефтяных месторождений в северных провинциях, иранском Азербайджане. Черчилль был категорически против: намерение Москвы воскресило борьбу начала века России и Британской империи в этом регионе, закончившуюся тогда разделением интересов двух государств в Персии. Сейчас же Англия не собиралась допускать русских к «своей» нефти. Госдепартамент США тоже выступил против экономического проникновения СССР в этот регион. Однако Рузвельт не стал принимать никаких мер, так как Иран пока не слишком интересовал Штаты. Дело отложили до более подходящего случая.

В сентябре 1945 года, после охлаждения в Потсдаме, Москва предприняла превентивные меры по обеспечению своих интересов в регионе. Недавно образованная при содействии СССР Демократическая партия Азербайджана потребовала от шахского правительства предоставить Южному Азербайджану, входившему в Иран, национально-культурную автономию, а затем объявила о ее создании.

Поставив на шахматном поле Ирана эти новые фигуры, Сталин ответил англо-американскому альянсу, контролировавшему нефтяные запасы Ближнего Востока, и параллельно создал основания для новой игры в Восточной Европе.

Основания для такой комбинации были. На территории Южного Азербайджана запрещался азербайджанский язык, не признавались азербайджанская история и культура, что вызывало недовольство местного населения. Ввод в 1941 году советских войск, освобождение политзаключенных, выпуск газеты на азербайджанском языке оказали серьезное влияние на общественное мнение. Пример советского Азербайджана в области науки, образования, культуры и экономики стал манящим на фоне разрухи и нищеты по ту сторону Аракса.

В ноябре 1945 года были проведены выборы в Национальный

меджлис Южного Азербайджана, а в следующем месяце — сформировано правительство провозглашенной Демократической Республики Азербайджан (ДРА). 5 февраля 1946 года на базе частей 77-й советской дивизии была создана армия ДРА. Были отпечатаны деньги ДРА, азербайджанский язык объявлен государственным.

Также получил развитие и «курдский фактор». 22 января 1946 года была провозглашена Курдская Народная Республика, ее вооруженные силы возглавил Мустафа Барзани. Как вспоминал Серго Берия, курдам было передано огромное количество оружия, отдельные отряды получили спецподготовку в Азербайджане и Грузии.

По словам С. Берии, ранее курдов для осуществления давления на Ближнем и Среднем Востоке использовали англичане, имевшие в национальных курдских группах в Траке, Иране и Турции свою разведывательную агентуру.

Современный азербайджанский историк Джамиль Гасанлы так показывает тогдашнюю ситуацию на южных границах СССР.

«Роберт Россоу, занимавший в те дни пост консула США в Тебризе, десять лет спустя в журнале “Мидл Ист” (“Средний Восток”) опубликовал статью “Битва за Азербайджан — 1946”, которая начиналась словами: “ Можно с уверенностью сказать, что холодная война началась 4 марта 1946 года. В этот день 15 советских бронебригад вошли в Азербайджанскую провинцию на северо-западе Ирана и от Ирано-Турецкой границы стали продвигаться к центру. Еще одна армия, в таком же количестве и качестве, из Болгарии направилась к Европейским границам Турции. Движение тяжелой бронетехники сопровождалось дипломатическим давлением на Анкару и Тегеран, а также беспорядками в Греции, Азербайджане, Иранском Курдистане.

Можно выделить две фазы советского наступления. Первая фаза предполагала покорение Турции, выход на берега Средиземного моря, к Суэцкому каналу, к нефтяным залежам Персидского залива и сближение с Индией. В случае срыва этого плана Советы приступали ко второй фазе, избрав мишенью Иран. Как видно, оба этапа предусматривали оккупацию Азербайджана, которая сопровождалась девятимесячной кампанией. Битва за Азербайджан сопровождалась боями за высоту Ванкер, за Балл Ран, за берег Марны, состоявшиеся без единого выстрела. Эти события до сих пор остаются наименее понятными и неисследованными в истории холодной войны. Несмотря на то, что основные исторические факты и события известны, но стратегические и тактические тонкости вопроса все еще не разработаны”.

2 марта 1946 года ознаменовалось важным событием в истории международных отношений. В этот день Советский Союз, следуя международным обязательствам, должен был вывести войска из Ирана. Однако ТАСС сообщил, что СССР выведет войска только из Мешхеда, Шахруда и Семнана, а в других районах войска останутся вплоть до полного выяснения ситуации. По выражению Р. Россоу, 2 марта приближалось, а в стане советских войск не было никакого движения, и в этот день и люди, и лошади спокойно спали. Однако 3 марта советские войска неожиданно стали покидать Тебриз. В первые часы находящийся в Тебризе дипкорпус был в растерянности и не понимал, что происходит. Было ясно лишь то, что войска в полной военной выкладке движутся не в сторону советской границы. Следящий за развитием событий Россоу направил госсекретарю США тревожную и совершенно секретную телеграмму: “Советская тяжелая техника в количестве 450 грузовиков 3 марта отбыла из Тебриза в направлении Тегерана. Двигавшиеся в этом же направлении 20 танков и 100 грузовиков достигли Бостанабада. Две артиллерийские батареи с полным боекомплектом вышли сегодня из Тебриза в Маранд. Неизвестно, свернут ли они на Хой, Ризаийу, Маку или Джульфу. Из Махабада передают, что на днях курды начнут военные действия на турецком направлении. Два дня назад разведка донесла о наличии советских кавалерийских частей на границе с Ираком и о 9 танках, двигавшихся к перекрестку дорог у Мараги”. В то же время Россоу докладывал Бирнсу о том, что начиная с 3 марта от советских границ к Тебризу движутся войска.

О прибытии в Тебриз новых советских войск Тегеранские власти узнали поздно»[155].

В это время премьер-министр Ирана Ахмед Кавад вел переговоры в Москве, надеясь «проскочить» между близким северным соседом и далекими англосаксами.

4 марта было объявлено об автономии курдов в южной части Турции. Как свидетельствовал генерал Судоплатов, «с помощью курдов мы могли надолго вывести из строя нефтепромыслы в Ираке (Мосул), продукцией которых снабжались англо-американские подразделения на Ближнем Востоке и в Средиземноморье».

Тогда же Грузия официально заявила о претензиях на Каре и Ардаган, включая Трабзонский залив и 200 километров черноморского побережья. Две советские армейские группировки на двух флангах Турции подкрепляли дипломатическое давление. Многовековое стремление Москвы к Средиземному морю и Проливам обрело реальные очертания. 4 марта Трумэн направил

письмо Сталину с целью прояснить обстановку.

5 марта Черчилль выступил с речью «Мускулы мира» в Вестминстерском колледже американского города Фултон (штат Миссури) в присутствии президента Трумэна. Это был как раз нужный формат послания «городу и миру».

Он сказал о «железном занавесе», протянувшемся «через весь континент от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море».

Черчилль заявил, что ни в коем случае не надо раскрывать России секрет атомного оружия, и даже взывал к довоенному опыту умиротворения Гитлера, чтобы не допустить «повторения подобной катастрофы». «От Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море над Европой опущен железный занавес. Все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы хранятся по ту сторону этого занавеса. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и проживающее на тех землях население попали в сферу влияния Советов, и в той или иной степени подчиняются Советам и находятся под усиливающимся контролем Москвы. Турция и Иран, под давлением Московского правительства и тяжестью претензий к ним, пришли в страшное волнение». Главное в этой речи заключалось в следующем: «Общаясь в годы войны с нашими русскими друзьями и союзниками, я пришел к выводу, что больше всего они восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную. Поэтому мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил, или, как ее еще называют, доктрины политического равновесия между государствами. Мы не можем и не должны строить свою политику, исходя из минимального преимущества и тем самым провоцируя кого бы то ни было помериться с нами силами»{156}.

Американский кредит был дополнительным стимулом для Черчилля защищать британские интересы на Ближнем Востоке.

13 марта в газете «Правда» было опубликовано интервью Сталина. «Установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР» — так он определил суть речи англичанина. Советский руководитель посчитал необходимым снова указать на политику СССР в странах Восточной Европы, отвергая обвинение в экспансии: «Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу». Это означало, что он еще на что-то надеялся.

6 марта командующий Прибалтийским военным округом Иван Баграмян с группой высокопоставленных советских

командиров прибыл в Тебриз. Одновременно командующий Советской Южной группой маршал Федор Толбухин был направлен в Болгарию для руководства военными частями, сконцентрированными на европейских границах Турции.

Позднее Россоу писал, что за этот период из Советского Союза прибыли по крайней мере 500 танков, необходимое оборудование и запчасти, а также 15 бригад. Эти силы были разделены на три штурмовые и одну запасную части.

На совещании в Государственном департаменте Дж. Бирнс оценил положение как катастрофическое: «Теперь мы будем вынуждены отдать им обе нефтяные бочки».

У американцев не было военных сил для противостояния, поэтому было принято решение воздействовать на Москву через ООН.

Трумэн дал секретный приказ командующим сухопутными, морскими и воздушными силами привести войска в полную боевую готовность. Самый мощный авианосец «Миссури» был направлен в Проливы якобы для того, чтобы доставить в Стамбул тело скончавшегося в Вашингтоне посла Турции.

Тем временем Тегеран охватила паника. Шах Реза Пехлеви заявил послу США Мюррею о возможности просоветского восстания в столице.

14 марта временный поверенный в делах СССР в Тегеране А. Якубов встретился с премьер-министром Кавамом и дал понять, что располагает информацией о том, что Иран собирается обратиться в Совет Безопасности с жалобой на СССР. Он предупредил, что эта жалоба дорого обойдется Ирану, и посоветовал не делать рискованных шагов.

Тем не менее по настойчивой рекомендации Государственного департамента США Иран обратился в Совет Безопасности.

Как пишет Д. Гасанлы, начиная с 14 марта советская правительственная газета «Известия» напечатала три большие статьи Н. Алексеева под общим заглавием «Иранский вопрос». Первая статья называлась «Захватнические планы иранских реакционеров». В ней речь шла о требованиях, выдвинутых Иранской делегацией на Парижской мирной конференции 1919 года в отношении южных территорий бывшей Российской империи. Известно, что Иран желал включить в свой состав территорию Кавказа южнее Дербента, земли Туркестана южнее Амударьи и превратить Каспий в Иранское море. Все это требует от Советского Союза быть бдительным и внимательно следить за мероприятиями иранских правящих кругов и их внешнеполитическими планами.

Вторая статья называлась «Иностранные концессии в Иране». По мнению автора, Россия отказалась 26 февраля 1921 года от царских привилегий на месторождения нефти, железную дорогу и др. лишь с тем условием, что иранское правительство не передаст «эти привилегии в собственность, распоряжение и использование какой-либо третьей стране или ее граждан. В статье указывалось, что за последние 25 лет Иран неоднократно пытался нарушить это обязательство. В качестве примера приводились случаи с американской «Стандарт ойл» на севере Ирана в ноябре 1921 года, с американской корпорацией «Синклер» в 1923 году, предоставление 500 тысяч квадратных километров корпорации «Делавер» на востоке и северо-востоке Ирана в 1937 году, а в 1939 году — голландской «Алгемеен Эксплоратсие Мачапай». В статье наибольшее внимание уделялось анализу «Англо-Иранской нефтяной компании», добывшей в 1945 году 17 миллионов тонн нефти и сохраняющей нефтяную монополию с помощью иранских правящих кругов. Н. Алексеев писал: «Иранские государственные деятели заявляют, что концессия “Англо-Иранской нефтяной компании” была предоставлена давно, еще в “доконституционный период” и что в настоящее время Иран отказывает в концессиях иностранным фирмам. На протяжении 1944 года иранское правительство вело переговоры с представителями американских и английских фирм о предоставлении им новых нефтяных и рудных концессий в Иране, причем в принципе иранское правительство соглашалось на предоставление им этих концессий. Таким образом, иранские правящие круги не пожелали считаться с интересами Советского Союза в данном вопросе и поставили Советский Союз в положение дискриминируемой стороны».

Третья статья называлась «Вторая мировая война и политика иранских реакционеров» и была написана в еще более непримиримом тоне. Здесь перечислялись многочисленные факты сотрудничества иранских правительственных кругов с Германией в годы Второй мировой войны. По поводу азербайджанского вопроса газета «Известия» писала: «Особого подъема демократическое движение достигло в Иранском Азербайджане, население которого в течение длительного периода подвергалось не только политическому, но и национальному угнетению, жестоким репрессиям и гонениям. Поэтому в Азербайджане движение за реформы вылилось в борьбу за национальную автономию в рамках иранского государства и привело уже к осуществлению ряда национально-демократических преобразований в соответствии с коренными интересами местного азербайджанского населения.

Совершенно очевидно, что продолжение политики реакционных кругов в Иране может привести лишь к дальнейшему обострению положения в стране».

* * *

18 марта Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли принял иранского посла Гусейна Ала, который передал обращение Ирана и просьбу вынести на обсуждение в Совете Безопасности вопрос об ирано-советских противоречиях.

Здесь в событиях был вынужден принять активное участие и наш герой.

Андрей Громыко 19 марта направил Трюгве Ли просьбу перенести обсуждение вопроса с 25 марта на 10 апреля. Однако представители США и Великобритании Э. Стеттиниус и А. Кадоган не согласились с переносом. Они «косвенно связали вопрос о признании советских сателлитов с выводом советских войск из Ирана»{157}.

20 марта премьер-министр Ирана Кавам принял нового посла СССР в Тегеране Ивана Садчикова, который предложил вывод войск взамен предоставления СССР нефтяной концессии в Северном Иране. Кавам считал, что можно договориться с СССР о нефти в Северном Иране, однако в Вашингтоне это не одобряли.

22 марта Громыко заявил журналистам, что заседание Совета Безопасности ООН должно быть отложено именно в интересах Ирана, ибо поспешность в этом вопросе может осложнить ситуацию.

Посол Мюррей писал в Государственный департамент, что «план Кавама подготовлен в лучших персидских традициях, т. е. содержит намерение обойти и обмануть справедливость».

24 марта И. Садчиков встретился с Кавамом, вручил ему письменные предложения по азербайджанскому вопросу и сделал устные предложения по нефтяной концессии. В тот же день Советский Союз принял решение о выводе войск.

Что же произошло? У историков нет единого ответа, но большинство склоняется к тому, что 21 марта Трумэн направил Сталину ультиматум, в котором заявил, что если в срок от одной до шести недель советские войска не будут эвакуированы, то «США вновь вернутся в Иран».

По версии, высказанной сенатором Генри Джексоном в январе 1980 года после ввода советских войск в Афганистан, в марте 1946 года Трумэн вызвал к себе посла Громыко и заявил, что если в течение 48 часов Красная армия не покинет Иран, то

США применят против СССР атомную бомбу.

Однако в архивах Государственного департамента и министерства обороны на этот счет ничего не найдено.

* * *

Последнее столкновение в ООН произошло 27 марта, когда Громыко демонстративно покинул заседание Совета Безопасности во время выступления Бирнса, который назвал «империалистической» советскую политику в Иране.

Тем не менее в Тегеране было принято соглашение: сроком на 50 лет создавалось совместное советско-иранское общество по разведыванию и разработке нефтеносных районов Северного Ирана в равных долях участия. Проект договора должен был утверждаться в меджлисе. Население Южного Азербайджана получало ряд гарантий в области местного управления, языка и культуры.

Впрочем, были еще обстоятельства, которые находились вне ирано-советского конфликта. Советскому Союзу было необходимо добиться от Запада признания прокоммунистических правительств в Болгарии и Румынии, в чем он был заинтересован больше, чем в иранской нефти. Восточная Европа была приоритетом Москвы.

Вскоре меджлис отказался ратифицировать договор о создании ирано-советского нефтяного общества, а затем аннулировал и советско-иранское нефтяное соглашение. В то же время были предоставлены концессии американским нефтяным компаниям. В декабре 1946 года иранское правительство ввело армейские части в азербайджанские и курдские районы и ликвидировало очаги сепаратизма.

На этом первое противостояние «холодной войны» закончилось, Советский Союз был вытеснен из Ирана, ничего не добился в Турции, так и не вернув позиций, которыми когда-то обладала здесь Российская империя. Но идея проникновения на Средний и Ближний Восток не исчезла и проявилась в поддержке нового государства Израиль, новой попытке вытеснить Англию с Ближнего Востока.

Глава 15.
У СТАЛИНА БЫЛО ДВА РАЗНЫХ ПЛАНА НА ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Как создавалась социалистическая система

После Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, а также после встречи Сталина и Черчилля в Москве (октябрь 1944 года), на которой были очерчены контуры раздела сфер влияния в Восточной Европе, союзники входили в новую геополитическую реальность. Военное присутствие обеспечивало СССР прочные позиции, но плачевное экономическое положение диктовало поиск компромиссов. Сталин предполагал получить гарантии советского влияния в Восточной Европе и сохранить союзнические отношения с Западом. Однако отказ от роли младшего партнера Запада неизбежно должен был привести к пересмотру первоначальных планов политического устройства Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии. А планы были прямо-таки удивительные.

Будет ошибкой считать, что Сталин с самого начала думал, что Восточная Европа должна стать коммунистической, и прикрывал свои замыслы игрой в демократию. На самом деле главной его идеей было создание коалиционных правительств с «целью проведения необходимых реформ в интересах не только рабочего класса, но и других слоев населения». Об этом он говорил 24 мая 1946 года на встрече с польской правительственной делегацией во главе с президентом Польши Б. Берутом и премьер-министром Э. Осубка-Моравским: «Каков характер строя, установившегося в Польше после ее освобождения?.. Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, — это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя»[158].

В воспоминаниях Громыко, как писал Георгий Корниенко, однозначно говорится о том, что советское руководство и лично Сталин придавали вопросам организации послевоенного мира «исключительное значение».

«Я специально интересовался этим у Громыко, и он подробно рассказывал, какие строгие и вместе с тем конструктивные наказы давал Хозяин ему в 1944 году перед конференцией в Думбартон-Оксе, где вырабатывался Устав ООН. Исходя из этого, а также из других моментов, обсуждавшихся в связи с подготовкой и ходом Ялтинской конференции, у Громыко, по его словам, сложилось твердое убеждение, что Сталин в ту пору был определенно настроен на длительное послевоенное сотрудничество с Западом, и прежде всего с США. В частности,

когда в советском руководстве обсуждалась позиция СССР относительно местонахождения штаб-квартиры ООН, Сталин, высказавшись за ее пребывание в США, а не в Европе, аргументировал это целесообразностью активного участия США в мировых делах и нежелательностью повторения в этом отношении истории с Лигой Наций, к созданию которой США приложили свою руку, а затем остались вне этой организации.

Кстати, все это совпадает во многом с впечатлениями, которые вынес из бесед со Сталиным Идеи. Как он рассказывал Гопкинсу, по его мнению, у Сталина было два разных плана на послевоенный период: один из них, более предпочтительный для СССР, основывался на предположении, что США и Великобритания будут продолжать сотрудничать с Советским Союзом, а второй — на предположении, что США после окончания войны отойдут от европейских дел. Предпочтительность для Сталина первого варианта Иден усматривал в том, что сам Сталин “не был готов *к* последствиям установления Россией контроля над европейскими делами”.

То, что до определенного момента, наступившего уже после смены президента США, Сталин исходил из предпочтительности сохранения сотрудничества с западными державами, подтверждается практическими действиями СССР в восточноевропейских странах по мере их освобождения советскими войсками. Хотя Москвой, конечно, предпринимались шаги по установлению в них режимов, которые были бы дружественными по отношению к СССР (о чем Сталин, как мы помним, заранее предупреждал союзников), но, вопреки сформировавшемуся впоследствии стереотипному представлению, никакой торопливости в “советизации” этих стран первоначально не проявлялось. Скажем, выборы, состоявшиеся в 1945 году в Болгарии и Венгрии — в условиях пребывания и там, и там советских войск, — принесли успех силам противоположной политической ориентации»[{159}].

Есть и другие доказательства, что в 1945— 1946 годах Москва не планировала создание в Центральной и Восточной Европе прокоммунистических режимов. В одном из интервью бывший посол СССР в ФРГ Валентин Фалин так охарактеризовал тогдашнюю ситуацию: «Обратимся к блокнотам Вальтера Пика, в которых он фиксировал соображения Сталина по ходу бесед, состоявшихся у них с 1945 по 1952 годы. На что упирал Сталин? “Никаких попыток создать на территории Восточной Германии мини Советский Союз, никаких социалистических реформ, ваша задача — довести до конца буржуазную революцию, начатую в Германии в 1848 году и прерванную сначала Бисмарком, а затем

Гитлером”».

В противодействии сепаратистским тенденциям, которые насаждались и стимулировались Францией, Англией и США, Сталин видел основу для консолидации антифашистских сил разной политической окраски.

Раскол Германии противоречил стратегическим интересам СССР — он вел к монополии США на мировом рынке. И в Потсдаме Сталин предложил: будет единая демократическая Германия, будут общегерманские партии и профсоюзы, общегерманская печать, общегерманская церковь — и католическая, и протестантская. Ответ: американцы — против политического единства, американцы, англичане и французы против общегерманских партий, профсоюзов, СМИ. В 1946 году СССР предложил провести в Германии свободные выборы, создать национальное правительство, заключить с ним мирный договор и за год-два вывести все оккупационные войска. Против — все. Маршалл, госсекретарь США, заявил: «У нас нет оснований доверять демократической воле немецкого народа. Мирный договор будет выработан без немцев и продиктован им, когда Вашингтон сочтет это нужным. Мы пропишем им те условия, которые будем считать нужными».

Фалин писал: «Я прочел все меморандумы Совета национальной безопасности США тех лет и могу доказать документально: пытаясь с ними договориться, мы попусту теряли время — Вашингтон не устраивал сам факт существования СССР. Джозеф Грю, друг Рузвельта, и. о. госсекретаря США, 19 мая 1945-го пишет Трумэну: “Если есть что-то в мире неотвратимое, это война между США и Советским Союзом. Гораздо надежнее иметь столкновение прежде, чем Россия восстановит разрушенную войной экономику и обратит свои людские и природные ресурсы в политический и военный потенциал”. А Трумэн сразу после Потсдама поручает Эйзенхауэру готовить операцию “Тоталити” и в последнюю декаду августа появляются перечень 15 советских городов, первоочередных целей и оценка — с учетом опыта Хиросимы и Нагасаки — числа атомных зарядов, потребных для их уничтожения. Планов ядерной войны против СССР с 1945 по 1949 год было не меньше шестнадцати, список целей разросся с 15 до 200, число бомб перевалило за 300».

Явно в меньшинстве оказались американские «диссиденты», мнение которых выразил вице-президент (до 1944 года), министр торговли Генри А.Уоллес в своей речи в сентябре 1946 года, после которой и был уволен президентом Трумэном. «С нашей стороны, — говорил он, — мы должны признать, что политические дела в Восточной Европе касаются нас не больше,

чем Россию — политические дела в Латинской Америке, Западной Европе и в самих Соединенных Штатах… Нравится нам это или нет, но русские постараются сделать социалистической свою сферу влияния точно так же, как мы стараемся сделать демократической свою сферу влияния… Русские имеют не больше оснований возбуждать политическую активность местных коммунистов в Западной Европе, Латинской Америке и Соединенных Штатах, чем мы оснований вмешиваться в политическую жизнь Восточной Европы и России»{160}.

* * *

В начале 1948 года югославским коммунистам в Кремле по секрету сказали, что советские ученые уже создали атомную бомбу, более мощную, чем американская. Работа в этом направлении шла ураганными темпами. Уже 25 декабря 1946 года в лаборатории № 2 на окраине Москвы был пущен урано-графитовый ядерный реактор, на котором была получена ядерная реакция.

Впоследствии Громыко высказал глубокое соображение по поводу применения американцами атомных зарядов в августе 1946 года против Японии. Несмотря на явное военное преимущество, полученное ими после бомбардировок городов Хиросима и Нагасаки, в стратегическом плане они, сами того не желая, дали мощный толчок к созданию советского ядерного оружия.

Сталин знал: в 1949 году бомба будет. Но что такое единственная бомба, если у Трумэна она давно есть и не одна, вкупе с бомбардировщиками, способными доставить ее в СССР. А при этом американский президент до сих пор не решился нанести удар по СССР.

Сталин был уверен, что одной бомбы для победы недостаточно. В 1948 году он не побоялся обострить конфликт до предела и начать блокаду Берлина, хотя на первый взгляд никакой логики в его действиях не было: только что он прекратил помощь греческим республиканцам.

На самом же деле его расчеты опирались на вполне адекватную оценку ситуации. Во-первых, в ноябре состоятся президентские выборы в США, внимание Белого дома отвлечено. Во-вторых, он располагал донесениями разведки, из которых следовало, что вплоть до середины 1950-х годов США не будут располагать в нужном количестве ядерными зарядами, способными нанести решающий урон военно-промышленному

потенциалу СССР и, что крайне важно, — достаточными для ведения боевых действий одновременно в Европе и на Дальнем Востоке. Российское пространство здесь, как и всегда, оказывалось мощным оружием Москвы.

Знание о небольшом объеме ядерных запасов позволило Сталину начать острую игру на обоих флангах, западном и восточном, где в Китае шла гражданская война между Гоминьданом и коммунистами.

Одной из Ялтинских договоренностей было решение рассматривать режим Чан Кайши как буфер между северо-востоком Азии, где были сильные позиции СССР, и зоной влияния США в Тихоокеанском бассейне. Сталин обещал не поддерживать китайских коммунистов в их борьбе против гоминьдановцев. Внешне это выглядело как уступка американцам, но на самом деле он не намеревался прекращать помощь Мао Цзэдуну. Напомним, что в феврале 1945 года, когда ялтинский воздух был пронизан весной и близкой победой, Сталин и Рузвельт надеялись на длительное сотрудничество и поэтому гасили возможные противоречия. При более глубоком анализе становилось ясно, что Сталин фактически повторял свой китайский опыт 1927 года, когда рекомендовал слабой тогда КПК пойти на союз с Чан Кайши. 14 августа 1945 года, сразу после объявления войны Японии, был заключен договор о дружбе и союзе СССР и гоминьдановского Китая. Из него следовало, что Москва не вмешивается во внутренние дела соседа. При этом СССР получил право на военно-морскую базу в Порт-Артуре, на порт в Даляне, на совместное управление Китайской Чанчуньской железной дорогой (КВЖД и ЮМЖД) и на ведение бизнеса в Китае. Однако Маньчжурия, где находились советские войска, служила базой для Китайской народно-освободительной армии.

«Пакс Американа» и создание социалистического лагеря

«В сентябре и октябре 1945 года принимаются решения, программировавшие вооруженные силы США на “нанесение первыми удара по источнику угрозы нападения”. При этом особый упор делался на внезапность превентивного удара как “единственной гарантии успеха”, на “мгновенный парализующий удар”. В ноябре штабы выдают “исследовательский” документ, в котором назывались 20 советских городов как возможные цели атомного нападения. Не обязательно в ответ на предполагавшееся нападение СССР. Первый удар замышлялся также при обнаружении “признаков обретения врагом способности в процессе его промышленного и научного развития атаковать Соединенные Штаты или обороняться против нашего (американского) нападения”.

Тогда же, в конце 1945 года, стартовало систематическое разведывание советской территории авиацией США. Поначалу самолеты проникали в наше воздушное пространство, включая район Москвы, без опознавательных знаков, затем они летали какое-то время под британским флагом. 50 лет спустя руководитель аэрофотосъемок откровенно признал, что без этого вопиющего нарушения международного права американские планы ведения войны против СССР не стоили бы бумаги, на которой они написаны. Отвечая на вопрос, а проводил ли Советский Союз авиаразведку территории Соединенных Штатов, генерал дал краткий и ясный ответ — не проводил.

Вот в такой атмосфере в декабре 1945 года в Москве состоялось Совещание министров иностранных дел четырех держав. В рамках этой встречи госсекретарь США Бирнс имел продолжительную беседу со Сталиным. Вернувшись в Штаты, Бирнс выступил 30 декабря с обращением к своим соотечественникам. После переговоров в Москве, сказал он, он больше, чем когда-либо до сих пор, уверен в возможности “мира, который основывается на справедливости и мудрости”.

Бирнса вызвал к себе Трумэн. 5 января 1946 года между президентом и госсекретарем состоялся “разговор по принципам”. Нам компромиссы не нужны, подчеркнул Трумэн, у нас свои задачи, свои цели, и нужно твердо вести линию на “пакс Американа”. Собственно, 5 января 1946 года и есть, хотя и условная, дата провозглашения “холодной войны”. Возможно, не лишне добавить, как Трумэн интерпретировал этот род занятий.

По его словам, “холодная война” — эта та же война, которая ведется другими средствами»[161].

Сталин всячески избегал повода для конфликта с США, удовлетворяясь на тот момент контролем над Северной Маньчжурией. Под давлением американцев в марте — мае 1946 года из Китая были выведены части Красной армии, а американцы свои войска там оставили, в том числе в Пекине. За 1945—1946 годы объем американской помощи Чан Кайши составил 6 миллиардов долларов[162]. В конце июня 1946 года войска Гоминьдана начали широкое наступление на «северные территории», и коммунисты утратили значительную часть занимаемых позиций. Однако помощь из Москвы помогла отбить наступление и сохранить маньчжурскую базу, которая стала основой для разгрома Чан Кайши. Война вступила в решающую фазу.

Подчеркнем, что еще в конце октября 1945 года на Чукотский полуостров был переведен из Южной Германии 126-й горнострелковый корпус, а в 1946 году там была размещена 14-я десантная армия под командованием генерала Николая Олешева. «Армия имела стратегическую задачу: если американцы совершат на нас атомное нападение, она высаживается на Аляску, идет по побережью и развивает наступление на США»[163].

* * *

23 февраля 1948 года началась Лондонская конференция, в которой участвовали США, Англия, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург. Будущее Германии решалось без участия СССР, что стало подтверждением окончательности происходящего расхождения. По результатам конференции было решено создать новую валютную систему западных зон оккупации Германии. Отсюда был всего один шаг до воссоздания проамериканского германского государства.

Зимой 1947/48 года начался кризис в Чехословакии, где из-за неурожая 1947 года было получено всего две трети среднегодового сбора зерновых и менее половины — картофеля. Прага обратилась за помощью к США, но американский посол прямо предложил изменить внешнеполитический курс страны. К. Готвальд обратился в Москву и получил продовольствие. Как говорил чехословацкий министр внешней торговли Рипка об американцах: «Эти идиоты в Вашингтоне привели нас прямо в сталинский лагерь»[164].

В 1947—1948 годах в Западной Европе прошло несколько

крупных забастовок, организованных компартиями.

Спасая Чехословакию от голода, Сталин шел на укрепление советских позиций в этой стране с либеральным социал-демократическим правительством. Такое государство его в принципе устраивало, но теперь, когда Запад стал быстро восстанавливать экономику своих трех оккупационных зон Германии, все дальше отходить от идеи устройства демократической нейтральной Германии, приходилось менять стратегию.

Сталин принял решение: президент Бенеш, с которым у него были установлены дружеские союзнические отношения, теперь должен уйти, а президентом стать коммунист Готвальд.

25 февраля было сформировано коммунистическое правительство. Передача власти произошла почти безболезненно, если не считать самоубийства министра иностранных дел Яна Масарика. 10 марта он выбросился из окна.

В ответ американское военное командование 12 марта приказало проверить планы мобилизации. 13 марта в США было решено ввести воинскую повинность и усилить охрану атомных арсеналов. Военный министр Ройол предупредил Трумэна, что в случае войны американские войска в Европе и на Японских островах будут уничтожены.

В начале марта советская военная администрация стала выборочно ограничивать проезд союзников в берлинские западные зоны оккупации. Началась блокада. Выяснилось, что никаких юридических прав на передвижение по советской зоне (кроме как в воздушных коридорах) у бывших союзников не имеется.

Как раз под «зонтиком» берлинской блокады, отвлекающей внимание противников, Мао Цзэдун и Сталин осуществили в Китае решающий удар по проамериканскому режиму Чан Кайши. После поражения в Иране Москва, в нарушение Ялтинских соглашений, активизировалась на Дальнем Востоке.

Перекрыв в Берлине железные и автомобильные дороги, а также отключив электричество, советская администрация перевела тлеющий конфликт в опасную стадию.

Американцы стали снабжать Западный Берлин всеми имеющимися транспортными самолетами, а 29 июня англичане разрешили им перебазировать на Британские острова 60 бомбардировщиков Б-29, способных нести атомные бомбы. Еще один отряд бомбардировщиков прибыл на Окинаву. На флангах СССР обозначилась атомная угроза.

Дело явно зашло далеко. В мае — июле 1948 года Объединенный комитет начальников штабов провел штабную

игру «Пэдрон», были проанализированы возможные действия между СССР и США в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке в течение двух первых недель конфликта. Выводы американских штабистов были неутешительны. Советские войска быстро захватывают Берлин и Вену, выходят к Рейну, успешно действуют в Иране и Корее, а советские союзники — в Греции, советские десанты занимают район Нома на Аляске. Только в одном пункте на Аляске, в районе Фэрбэнкса и Анкориджа американцы отбивают десанты. Выяснялось, что у советских войск будет подавляющее превосходство в воздухе. На совещании в министерстве обороны США начальник штаба ВВС Х. Вандерберг признал, что у него нет полной уверенности в эффективности атомной бомбардировки советской территории.

Сталин располагал информацией разведки, что «американский ядерный арсенал был слишком мал для начала большой войны против СССР»[165].

Вдобавок к этому ему поступали сведения, что в Берлине французская администрация не верила в возможность американцев долгое время снабжать Западный Берлин по воздуху, англичане тоже сомневались в этом.

Советская военная администрация в Берлине уверяла Москву, что операция американских ВВС обречена на провал и что Запад пойдет на уступки. При этом Сталин не захотел прислушиваться к сообщениям о неэффективности блокады, которые исходили от «кембриджской пятерки» из Вашингтона и Лондона (Д. Маклейн, Г. Берджесс, К. Филби, Э. Блант, Дж. Керн кросс) и других источников. Как ни странно, Сталину даже не доложили об очень важном сигнале из Лондона: министр иностранных дел Э. Бевин заявил, что «если мы сейчас не займем твердой позиции, наше положение в Европе станет безнадежным». Это донесение было направлено только Молотову и его заместителю по Комитету информации В.А. Зорину. О нем знал и Громыко. «Подобным же образом советское политическое руководство было лишено достоверной информации и об успешном решении проблемы снабжения Берлина по воздуху»[166].

Но будет ошибкой считать, что Сталин даже сейчас был настроен на военную конфронтацию в Европе. Здесь, в ее центре, он хотел только возвращения статус-кво, то есть совместного управления Германией посредством старого «четырехстороннего соглашения». Встретившись в конце июля 1948 года с американским послом У. Смитом, он сказал, в чем главный смысл происходящего: бывшие союзники хотят восстановить Германию, и теперь в мире будут две Германии. В его словах сквозила тревога о возрождении государства, которое дважды наносило

России огромный ущерб. В 1948 году Советский Союз заключил с рядом восточноевропейских стран договоры о сотрудничестве и взаимопомощи, создавая оборону от возможной агрессии.

Блокада Берлина продолжалась до мая 1949 года, хотя уже гораздо раньше стало ясно, что американцы выстояли и отныне их участие в европейских делах делается постоянным. Трумэн отказался от идеи Рузвельта вывести войска из Европы и принял решение оставить их на постоянное базирование. Франция, колеблющаяся и опасающаяся возрождения Германии, теперь тоже была привязана к нарождающемуся западному военному блоку.

В Берлине Сталин проиграл. С единой нейтральной Германией, как он задумывал, ничего не вышло. На президентских выборах в США Трумэн одержал безоговорочную победу: после Чехословакии и Берлина прорузвельтовского курса больше не могло и быть.

* * *

СССР проигрывал и в экономическом противостоянии. Рассчитывая на послевоенный экономический кризис производства и сбыта, как это было после Первой мировой войны и что в конце концов привело к предпосылкам Второй мировой, советское руководство совершало стратегическую ошибку, приведшую в конце концов к *печальным* результатам. Ожидая разрушительного кризиса на Западе, Кремль надеялся сохранить приемлемый баланс сил в Европе, сохранить свои позиции как возможного союзника одной из сторон мирового конфликта — ведь в начале 40-х годов именно так и произошло. Но его ожидания не оправдались.

Неудивительно, что внутренняя жизнь СССР сделалась еще суровее, так как возникшие было надежды оказались миражами. На 12-миллиардную американскую помощь Европе по «плану Маршалла» (из них 9 миллиардов выделялось Западной Германии) Советский Союз мог ответить только усилением идеологической и политической борьбы.

* * *

4 марта 1947 года в Дюнкерке был подписан договор о взаимопомощи между Англией и Францией, возрождающий воспоминание об Антанте. Он был направлен против возможной

агрессии Германии, которая на тот момент была разделена на оккупационные зоны и не имела государственности. Вскоре поняв, что германская опасность эфемерна, англичане выступили инициаторами создания в Европе военно-политического блока, направленного против СССР.

Зимой 1946/47 года в Европе происходили потрясающие события, значение которых для будущего еще трудно было оценить. Зима была жестокая, в Англии, обогреваемой Гольфстримом, где в домах не существовало центрального отопления, река Темза замерзла до самого Виндзора. Острая нехватка угля привела к энергетическому кризису.

«По всей Британии угля было настолько мало, что пришлось закрыть электростанции, а подача электроэнергии промышленности сильно сократилась либо прекратилась вообще. Безработица выросла в шесть раз, а британское промышленное производство натри недели практически остановилось — к такому результату не могли привести даже немецкие бомбежки.

Неожиданный дефицит энергии привел к осознанию предела нищеты, до которого опустилась Британия в результате войны. Ее имперская роль оказалась неподъемным грузом»{167}.

Во всей Европе не хватало продуктов питания, сырья, валютных запасов, чтобы импортировать необходимые товары. Европа застыла, и это могло привести к мировому экономическому кризису.

Великобритания, чтобы выжить, пошла на беспрецедентные шаги: она стала сбрасывать со своего государственного корабля неподъемные «имперские грузы». Студеным февралем 1947 года лейбористское правительство Эттли объявило, что предоставит независимость Индии, а проблему Палестины, где евреи и арабы вошли в неразрешимый конфликт, передаст на рассмотрение ООН. Также было передано в Вашингтон, что больше нет возможности поддерживать экономику Греции и, следовательно, на США ложится ответственность за Средиземноморье, Ближний и Средний Восток. Сжатие Британской империи приводило Америку в зоны бывшего английского влияния и еще обширнее делало соприкосновение двух мировых гигантов.

Это продолжилось и в Иране, нефтепромыслы которого были главным украшением «Англо-иранской нефтяной компании». После ухода отсюда советских войск прокоммунистическая партия ТУДЕ организовала массовые политические акции для давления на тегеранское правительство; во время всеобщей забастовки и демонстрации на английском нефтеперерабатывающем комплексе в Абадане были убиты несколько человек. Англия никак не могла уйти отсюда, но и

удержаться вряд ли могла.

Должно быть, в Кремле считали, что напряжение достигло кульминации.

Однако Великобритания предпочла и здесь поделиться и извернулась, пригласив в Иран американские компании «Джерси» и «Сокони». Пробоина, которая могла потопить корабль, была закрыта.

Правда, это еще не ликвидировало европейскую экономическую катастрофу.

Однако «хищники с Уолл-стрит» придумали гениальный способ остановить кризис и укрепить американское присутствие. Суть способа в июне 1947 года изложил Государственный секретарь США Джордж Маршалл на церемонии присуждения ученых степеней в Гарвардском университете. Он предложил кредитовать Западную Европу, то есть дать ей взаймы достаточно валютных ресурсов и тем самым решить сразу несколько проблем: остановить распад, обеспечить сбыт американских товаров и услуг, ослабить коммунистическое влияние. США приобретали Западную Европу точно так же, как только что приобрели Англию.

Эта идея получила название «план Маршалла». В процессе реализации она привела еще и к падению роли прокоммунистических шахтерских профсоюзов, так как дефицит угля был восполнен дешевой нефтью. Хорошо организованные шахтеры, способные угрожать правительствам, были отодвинуты на обочину политики. Постепенно основанная на угле европейская экономика переходила на нефть. И с этого момента, после синхронизации европейской потребности в нефти и подъема добычи нефти на Ближнем и Среднем Востоке, на Западе начался новый отсчет времени.

Продолжилась, как сказано в монографии Громыко, внешняя экспансия. «Экспансионистский характер американо-английского финансового соглашения от 6 декабря 1945 г». — так названа одна из глав его монографии. И эта формула отнюдь не преувеличение. Американцы по-настоящему проутюжили союзников!

«Это соглашение, заключенное после прекращения американских поставок Англии по ленд-лизу, является показателем того, как монополии США использовали экономические затруднения Англии, чтобы навязать ей кабальный заем и еще больше укрепить свои международные позиции за счет ослабления своего партнера по войне…

Сама Англия не располагала долларовыми запасами для оплаты американского импорта, а английский экспорт в США

способен был покрыть лишь незначительную часть английской задолженности в платежном балансе США. Это было связано с тем, что Англия, во-первых, не могла продавать Соединенным Штатам многие товары, конкурировавшие с американскими, ввиду высоких американских таможенных пошлин и, во-вторых, не могла перестроить быстро свою промышленность, которая в период войны в основном обслуживала военные нужды»[168].

И Андрей Андреевич дотошно анализирует условия этого займа (3,75 миллиарда долларов), который был «связанным»:

«Положение Англии осложнялось и тем, что она была вовсе не свободна в выборе товаров на американском рынке. Важнейших видов оборудования для тяжелой, особенно угольной, промышленности ей так и не удалось закупить ни на этот заем, ни на последующие. Большая часть займа расходовалась на покупку навязанных по условиям соглашения товаров, в сбыте которых были заинтересованы американские фирмы и корпорации»[169].

Кроме того, в условиях соглашения было оговорено, что Англия не может получать долгосрочных займов от стран Британского содружества на более льготных условиях, чем условия «настоящего кредита».

Громыко припечатывает: «Это было одно из наиболее унизительных для Англии условий соглашения»[170].

Лондон обязался также ратифицировать Бреттон-Вудское соглашение о создании Международного банка реконструкции и развития и Международного валютного фонда.

«Бреттон-Вудское соглашение лишило Англию права изменять паритет фунта стерлингов по отношению к доллару без санкции фонда, а в действительности без санкции Соединенных Штатов. Оно дало также США возможность концентрировать в своих руках все большие запасы золота по ранее установленной выгодной для них цене. Это явилось ударом не только по Англии, но и по всей Британской империи, учитывая, что некоторые доминионы (прежде всего Южно-Африканский союз) занимали видное место в добыче золота.

Обязавшись поддержать американский план создания международной торговой организации, английское правительство тем самым дало возможность США осуществить дальнейшее продвижение в страны стерлинговой зоны. Заем тем самым был использован американскими монополиями для того, чтобы заставить Англию смягчить так называемую систему имперских преференций (предпочтительных тарифов) и открыть еще более широкий доступ для экспорта своих товаров и капитала в страны стерлинговой зоны»[171].

Таким образом, была окончательно обрушена таможенная крепость Англии, которой она защищалась от иностранной конкуренции, «прежде всего со стороны США, Германии и Японии».

(Если бы Громыко знал, что такая же судьба была уготована и Берлинской стене! Описав глобальное наступление американского капитала, Андрей Андреевич как будто остановился в шаге от страшных для будущего СССР выводов.

Дальнейшие сведения о том, что американцы, сразу повысив цены на импортируемые Лондоном товары, только на этом заработали свыше четверти всей суммы займа — 28 процентов, — уже не производят такого впечатления, как предвидение будущего краха советских позиций в Европе.)

Однако то, что последовало за кредитом для Англии, было просто невероятно! Мы имеем в виду «план Маршалла», программу широкой экономической помощи США для послевоенной Европы, который в общих чертах повторил и расширил стратегию того кредита. Безусловно, американцы имели право заявлять, что помощь, предоставляемая ими в рамках плана, восстанавливает экономику европейцев, возрождает свободную конкуренцию, расширяет экономические связи в западном мире. О другой стороне медали они предпочитали не распространяться. «Связанные» американские кредиты обеспечивали в Европе рынок для американских товаров и «ограждали США от конкуренции соответствующих товаров страны-получателя и т. п., не говоря уже о политических и военно-стратегических выгодах, которые США получили в обмен на помощь».

«Говоря о “плане Маршалла”, необходимо подчеркнуть, что особую роль он должен был сыграть и на деле сыграл в навязывании Западной Европе политики гонки вооружений. Важное значение придавалось восстановлению германского милитаризма. Уже 25 июня 1947 года, т. е. через 20 дней после выступления бывшего государственного секретаря Джорджа Маршалла в Гарвардском университете, где он изложил в общих чертах упомянутый план, его бывший заместитель, а в последующем также государственный секретарь США Д. Ачесон заявил в комиссии по кредитам палаты представителей о том, что американское правительство рассматривает задачу восстановления германского производства (а по существу германского военно-промышленного потенциала) в качестве основы “плана Маршалла”»{172}!

Несмотря на условности советского политического языка («восстановление германского милитаризма» и т. д.), Громыко

доводит свой экономический анализ до логического завершения: «в то время, как страны-получатели американской “помощи” обязывались закупать товары, не находившие сбыта в США, их собственным товарам, как и прежде, был фактически прегражден доступ на американский рынок при помощи высоких таможенных барьеров».

В январе 1947 года американская и английская оккупационные зоны в Германии были объединены в единую экономическую территорию «Бизония».

17 февраля 1947 года на русском языке на территорию СССР начала вещание американская радиостанция «Голос Америки». (С апреля 1946 года вещала Русская служба Би-би-си.)

18 марта 1947 года была обнародована «доктрина Трумэна». Выступая в конгрессе США, президент сказал, что над Грецией и Турцией нависла коммунистическая опасность. Трумэн призвал конгресс выделить на военную помощь этим странам 250 и 150 миллионов долларов соответственно. Теперь главной целью внешней политики Вашингтона становилась «защита свободы и демократии». Трумэн, кроме того, сказал, что страны Восточной Европы «захвачены» СССР.

Москва действительно в этих странах стала резко выруливать в свою сторону, сметая с пути демократическую оппозицию, которую еще вчера воспринимала спокойно.

В Польше, Болгарии, Румынии, Венгрии оппозиция вытеснялась из правящих коалиций при помощи политического давления, шантажа, арестов. Линию на форсированную советизацию Восточной Европы, неожиданно взятую Москвой, надо также связывать с благоприятным прогнозом Кремля в связи с экономическим кризисом.

27 июня в Париже началось совещание министров иностранных дел Франции, Великобритании и СССР для обсуждения «плана Маршалла». Сначала Москва приняла идею американской помощи позитивно, но вскоре разобралась, что придется открыть внутренний рынок американцам, платить политическими уступками и отказом от Восточной Европы. (Советский разведчик Г. Берджесс сообщил в Москву, что приглашение СССР в «план Маршалла» носило чисто пропагандистский характер и не подразумевало выделения кредитов. К тому же план отменял репарации — важный источник советского восстановления.)

Советское посольство в Вашингтоне направило в Москву свой анализ, в котором указывалось, что план «вместо прежних разрозненных действий, направленных к экономическому и политическому подчинению европейских стран американскому

капиталу и созданию антисоветских группировок предусматривает более обширную акцию, имея в виду решить проблему более эффективным способом».

9 и 10 июля отказались от участия в Парижском экономическом совещании восемь стран, где советское влияние было доминирующим: Албания, Болгария, Румыния, Венгрия, Польша, Финляндия, Югославия. Правительство Чехословакии, включая коммунистов, первоначально приняло решение об участии в плане Маршалла, но после встречи со Сталиным в ночь с 9 на 10 июля тоже отказалось.

12—15 июля 1947 года в Париже на конференции 16 западноевропейских государств (Великобритания, Франция, Австрия, Бельгия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Швейцария, Швеция) был принят план Маршалла и учреждена Организация европейского экономического сотрудничества.

* * *

В сентябре был создан Коминформ (Информационное бюро коммунистических партий) для координации действий европейских компартий. Сталину ежедневно докладывали о ходе совещания, в работе которого участвовали Жданов, Маленков и Суслов. «План Маршалла» был назван «кабальным». Как говорилось в докладе Жданова, «компартии не должны бояться заявлять полным голосом, что они поддерживают миролюбивую и демократическую политику Москвы, не должны бояться заявлять, что политика Советского Союза соответствует интересам других миролюбивых народов»{173}.

Подчеркнем, что не имеющий атомной бомбы Советский Союз не поддавался атомным страхам. 17 сентября 1946 года в одном из принципиальных заявлений по поводу атомной бомбы Сталин сказал московскому корреспонденту английской газеты «Санди тайме» Александру Верту, что не существует опасности «новой войны». («Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб».)

Глава 16.
ИЗРАИЛЬ КАК СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

22 октября 1946 года иранский меджлис отказался ратифицировать договор с СССР о разведке и добыче нефти, были казнены руководители азербайджанской и курдской автономий. Тогда же дипломатическая активность СССР распространилась на соседний район Ближнего Востока.

29 ноября 1947 года решением Генеральной Ассамблеи ООН принята резолюция о прекращении британского мандата и создании на территории Палестины независимых арабского и еврейского государств. Все три делегации — СССР, УССР и БССР — проголосовали в ее поддержку В выступлении Громыко прозвучала принципиальная поддержка Израиля, еврейского государства, ликвидированного еще при римском императоре Тите. Он «раскрыл глаза» делегатам на то, что США озабочены «нефтью, а не судьбами народов». Вскоре из Чехословакии началась поставка оружия еврейским боевым организациям, включая истребители, что помогло создать армию Израиля. Чехословацкие инструкторы обучали летчиков, танкистов, десантников. Например, как стало известно из недавно рассекреченных документов британской разведки, будущий израильский премьер-министр и лауреат Нобелевской премии Менахем Бегин возглавлял боевые организации «Бейтар» и «Эцель», которые вели вооруженную борьбу с англичанами, получал помощь от советских спецслужб «для борьбы с английским империализмом»[{174}]. Москва надеялась, что возрожденное государство, против возникновения которого выступал Лондон, опирающийся на арабских шейхов, позволит ей укрепиться на Ближнем Востоке. В противостоянии Лондону Вашингтон тоже поддержал израильтян. А через Громыко израильтяне в США адресовали в Москву свои просьбы о поставках оружия.

Предыстория отношений Москвы и Тель-Авива такова. В марте 1945 года заместитель министра иностранных дел СССР Сергей Кавтарадзе представил Молотову записку с обоснованием открытия советского консульства в Палестине. В ней говорилось, что «Палестина расположена на линии важных мировых коммуникаций», через нее должны пройти новые нефтепроводы английских и американских нефтяных гигантов[{175}].

Прорыв в этот важнейший регион Кремлем совершался как антибританская акция. Вполне очевидно, что и Вашингтон, даже в

условиях единства «фултоновской позиции», был заинтересован в ослаблении ближневосточного влияния Лондона. (С возникновением в США в 1944 году «Совета по делам еврейских беженцев» по всему Ближнему Востоку стали фиксироваться антибританские террористические акции.) В этом интересы США и СССР сошлись. Но для уверенного вступления на Землю обетованную Москва выдвинула идею создания еврейского государства. Как писал руководитель советской внешней разведки Павел Судоплатов, параллельно стала создаваться агентурная сеть в Палестине и готовиться диверсии против английских организаций в регионе.

Как следствие, с начала 1947 года «палестинский вопрос» оказался в центре внимания ООН. Лондон выступил с инициативой раздела Палестины на еврейский, арабский и британский (с Иерусалимом) секторы с сохранением верховного контроля Англии в течение следующих четырех лет. Что, естественно, не было одобрено ни Вашингтоном, ни Москвой. На специальной сессии Генеральной Ассамблеи (апрель) Кремль официально предложил либо создать «единое арабско-еврейское государство», либо разделить Палестину на две независимые демократические страны — арабское и еврейское. Через образованную специальную комиссию было проведено решение о приемлемости второго варианта»{176}.

Однако к осени 1948 года ситуация резко изменилась: Израиль перешел в зону влияния Вашингтона. Так, нефтеперерабатывающие заводы, принадлежащие частным компаниям США, Франции и Великобритании, оставались во владении прежних хозяев. Кроме того, Тель-Авив пошел на учреждение предусматривавшей участие США и Великобритании согласительной комиссии по определению границ Израиля, что свидетельствовало о новом внешнеполитическом курсе Израиля. И хотя жилье многих израильтян еще украшали портреты Сталина, новое поражение СССР в этом регионе становилось очевидным.

В этой ближневосточной драме, где как стратегические составляющие участвовали целые народы, которых и переселяли, и втягивали в стратегические конфликты, пострадает и сын Громыко Анатолий. Летом 1948 года советский теплоход «Победа» вышел из Нью-Йорка курсом на Одессу, в числе пассажиров была и девушка-подросток Клавдия, первая любовь Анатолия, ехавшая вместе с родителями. В Александрии (Египет) на борт были приняты армяне-репатрианты, следующие в Батуми, куда все благополучно прибыли 31 августа. На следующий день теплоход направился в Одессу, но до Одессы не дошел —

случился страшный пожар. Погибли 42 человека, среди которых — китайский маршал Фэн Юйсян и его дочь. Умерла от сильных ожогов и та юная девушка. Сгорела и большая библиотека Громыко, находившаяся в багаже на «Победе». Хотя официальной версией пожара явилось загорание кинопленки, существует и другая — о причастности к трагедии западных агентов, находившихся среди репатриантов.

Глава 17.
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ БЛОКИ И РАКЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Создание структур противостояния

Экономическое и военное преимущество США было бесспорным. Одним из возможных вариантов его реализации был следующий анализ, содержащийся в Директиве 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 года, более известной как «План Аллена Даллеса»:

«Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придутся по вкусу Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть, что это их, а не наше дело…

Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это.

Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля. Мы должны прежде всего исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения…

Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим.

Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т. д.) с тем, чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира.

Все условия должны быть жесткими и явно унизительными

для этого коммунистического режима.

Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи. Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления.

Мы слишком натерпелись в минувшие 15 лет, действуя как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны…»{177}

В феврале 1949 года после перемирия Израиля с Египтом, чуть позже — с Ливаном и Трансиорданией была обеспечена «нефтяная безопасность» для Запада.

4 апреля 1949 года был подписан Североатлантический договор (США, Канада, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Исландия, Норвегия, Дания, Италия, Португалия). Договор гарантировал оказание взаимной помощи в случае агрессии, в целом образование НАТО базировалось на «доктрине Трумэна» (противодействие советской угрозе).

7 октября 1949 года в советской зоне оккупации была про возглашена Германская Демократическая Республика (ГДР).

После этого образование противостоящих друг другу лагерей встало на прочную основу.

Французы, опасавшиеся бесконтрольной эволюции западногерманской промышленности, в 1950 году выступили инициаторами создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), которое уже в наше время трансформировалось в Европейский союз. Были ликвидированы таможенные пошлины, введен единый тариф на перевозки. К ЕОУС присоединились Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург. Вслед за этим было образовано Европейское оборонительное сообщество. В сентябре того же года на Нью-Йоркском совещании министров иностранных дел США, Англии и Франции было принято решение о ремилитаризации Западной Германии и интеграции ее вооруженных сил в оборонительную систему Запада.

Оценка Москвы была однозначной. В октябре 1950 года в Пражском заявлении министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, ГДР, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии говорилось, что ЕОУС создано для возрождения военной промышленности Западной Германии «в целях подготовки новой войны в Европе и приспособления западногерманской экономики к планам англо-американского военного блока».

В марте 1950 года Совет национальной безопасности США

директивой СНБ-68 рекомендовал правительству жестко сдерживать коммунизм во всем мире; указывалось, что Советский Союз более склонен к вовлечению в «лоскутную агрессию», нежели в тотальную войну, и любая неудача США при оказании отпора может привести к порочному кругу принятия слишком нерешительных и запоздалых мер и «постепенной потере позиций под силовым нажимом».

Чем же ответила Москва? По итогам 1948 года валовая продукция промышленности СССР составила 118 процентов от уровня 1940 года. Это было достигнуто за счет возвращения к довоенным, мобилизационным методам и беспрецедентного налогового давления на крестьян. Даже соратники вождя (Молотов, А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский) пытались доказать, что необходимо оставлять деревне больше средств, но всегда натыкались на жесткие возражения Сталина. Москва усилила внешнеполитическую деятельность в европейском направлении, где определялось дальнейшее развитие мировых процессов. В январе 1949 года под патронажем Москвы был создан Совет экономической взаимопомощи (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Чехословакия), явившийся первым шагом к политическому единству европейского социалистического лагеря. Тогда же СССР предложил заключить Пакт мира между пятью великими державами, но Запад не откликнулся.

В марте 1950 года было принято постановление Совета министров СССР, согласно которому советская национальная валюта стала исчисляться не на основе американского доллара, а на золотой основе. Советский Союз и его союзники вышли из мировой финансовой системы и стали независимы от политики Федеральной резервной системы США. Это «тихое» решение сильнее любых бомбовых ударов свидетельствовало, что в мире идет беспощадная борьба. Москва стала создавать свою экономическую систему.

В июле 1951 года США, Англия и Франция заявили о прекращении состояния войны с Германией.

В 1951 году был создан военный блок АНЗЮС в составе Австралии, Новой Зеландии, США. (В 1954 году к ним присоединились Пакистан, Филиппины, Таиланд, Великобритания, Франция. Блок стал называться СЕАТО. В 1955 году был создан Багдадский пакт в составе Великобритании, Турции, Ирака, Ирана. Таким образом, в Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке были сформированы оборонительные рубежи Запада.)

Ракетная техника, первые шаги

Параллельно восстановлению экономики велась напряженная работа не только над ядерным оружием, но и над ракетной техникой. 13 мая 1946 года было принято секретное постановление Совета министров СССР «Вопросы реактивного вооружения». Был создан Специальный комитет по реактивной технике при Совете министров СССР, его возглавил Маленков, заместителем был назначен Д.Ф. Устинов. В постановлении планировалась организация научно-исследовательских и экспериментальных работ в области ракетостроения, создавались научно-исследовательские институты, конструкторские бюро и полигоны, выделялись особые фонды для снабжения научных работников продовольственными товарами. Министерству высшего образования поручалось организовать подготовку специалистов по реактивной технике. Была предусмотрена закупка за границей оборудования и приборов на два миллиона долларов. 20 июня 1946 года министр авиационной промышленности М.В. Хруничев докладывал Сталину о возможности создания космической ракеты за два года. Однако Сталин никакого решения не принял, но через несколько лет, за 20 дней до своей смерти, подписал постановление правительства о начале работ над ракетой Р-7, которая в 1961 году вывела на околоземную орбиту первого космонавта мира Юрия Гагарина.

7 января 1946 года Сталин провел совещание с большой группой ученых-физиков по атомному проекту. Эти работы курировал Берия. Были использованы все возможности государства для создания ученым и инженерам необходимых условий.

Кроме того, над добычей ядерных секретов активно работала советская разведка, дополняя интенсивный труд ученых, начавшийся еще с «урановой экспедиции» академика Вернадского. 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне была испытана первая плутониевая бомба. От августа 1942 года прошло всего семь лет. Атомная монополия США закончилась, что имело огромные последствия.

Глава 18.
КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

Внутренние противоречия в социалистическом блоке

Социалистический лагерь во главе с Советским Союзом возник не как рецидив мировой революции, а как защитная реакция Москвы на стремление Запада вернуть ее к положению, которое занимала Российская империя накануне Первой мировой войны, и жесткую защиту Западом своих геополитических интересов. Разные по истории, культуре, религии страны оказались под советским патронажем. Но здесь нигде не было возможным повторение советского опыта. Польша, например, избежала коллективизации сельского хозяйства, и ее экономика была симбиозом государственной и частной собственности. Отношение к религии в восточноевропейских странах также было гораздо терпимее.

Обратим внимание на одну попытку гармонизировать социальные отношения в Польше, предпринятую по рекомендации Советского Союза. Возвратившиеся в Польшу десятки тысяч польских евреев, спасенных Москвой от уничтожения, должны были стать, по мысли Сталина, опорой польской прокоммунистической власти. На фоне большого влияния католической церкви и непрекращающейся вооруженной борьбы ориентированных на Запад местных националистических объединений такое решение казалось рациональным. Евреям предоставлялись политические и экономические преференции, что не могло не вызвать раздражения поляков, называвших такую политику «жидокоммуной». В 1948 году значительная часть польских евреев, воодушевленных идеей строительства социалистического Израиля, эмигрировала в Палестину, где они стали членами социалистической партии.

Социалистический лагерь был пронизан внутренними конфликтами, самый крупный из которых вырвался наружу в 1948 году. Иосип Броз Тито, руководитель Югославии, страны, располагающей сильной армией, не согласился безоговорочно исполнять указания Кремля. В его планы входило образование восточноевропейской федерации, что создало бы фактически второй коммунистический центр в Европе и ослабило международное влияние СССР. Это вызвало возмущение советского руководства. Еще одно проявление Тито самостоятельности — военная помощь греческим коммунистам в партизанской борьбе с прозападным режимом — вызвало новое возражение Москвы, Согласно договоренности Сталина и

Черчилля в 1944 году, Греция, несмотря на сильные позиции греческих коммунистов, оставалась в зоне влияния Запада. У СССР не было сил для конфронтации с бывшими союзниками по столь широкому фронту.

1 марта 1948 года на расширенном заседании политбюро ЦК КПЮ было заявлено, что СССР не считается с интересами Югославии и других стран «народной демократии», стремится оказать на них давление и навязать свою политику.

Советское руководство ответило обвинениями в оппортунизме, антисоветизме, ревизии основных положений марксизма-ленинизма. Вскоре наступил полный разрыв. Югославия, оставаясь коммунистическим государством, вышла из социалистического лагеря. Это была к тому же и ощутимая утрата геополитических позиций на Балканах и в Средиземноморье.

* * *

1949 год был отмечен событиями, показавшими миру силу СССР, — успешные испытания советской атомной бомбы, провозглашение Китайской Народной Республики. Но при этом происходила дальнейшая консолидация Запада — образованы Федеративная Республика Германия и НАТО, на что Москва ответила созданием Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Германской Демократической Республики. Пришел конец надеждам на то, что Германия будет нейтральной, а это означало, что СССР должен принять на себя новые расходы.

Китаю был предоставлен кредит в 300 миллионов долларов под один процент годовых сроком на десять лет. СССР обязался поставить оборудование и материалы для электростанций, машиностроительных и металлургических заводов, угольных шахт, железнодорожного и автомобильного транспорта — всего 50 базовых промышленных предприятий. Льготные условия кредита были беспрецедентны; странам «Восточного блока» предоставлялись кредиты под два процента годовых. По сути, Москва взяла на себя большие обязательства. Несмотря на их тяжесть, Сталин считал, что всемерная поддержка Китая — единственный для СССР путь в мировой политике. При этом он категорически отказался захватывать Тайвань, на чем настаивал Мао Цзэдун.

В Москве отнюдь не романтизировали китайских коммунистов. Так, в 1945 году советский уполномоченный П.П. Власов (псевдоним Владимиров) сообщал: «Мао хочет, чтобы в дальнейшем история писалась так, как он ее трактует… Мао

превозносят, как земного владыку, безгрешного, мудрого и всемогущего»[178].

При этом советское руководство действовало осторожно и для мягкого контроля китайцев добилось от них согласия создавать в Китае совместные предприятия. К Договору о дружбе и сотрудничестве прилагались секретные соглашения, согласно которым СССР получал привилегии в Северо-Восточном Китае и Синьцзяне. Создавались четыре акционерных общества со смешанным капиталом (50 на 50 процентов) по добыче цветных и редких металлов, нефти, строительству морских судов и в области гражданской авиации, руководство в которых принадлежало советским представителям.

Почему в Синьцзяне? Синьцзян с китайского переводится как «Новые границы», а старое его название — Уйгурия. Здесь находятся знаменитые Джунгарские ворота, узкий проход шириной в десять километров в горах, через который проходил Великий шелковый путь и через который из Азии шли волны завоевателей. Здесь находятся тибетские перевалы, проходит путь в Китай, Монголию и Индию. Именно поэтому Сталин хотел держать Синьцзян под контролем. (Сегодня Синьцзян-Уйгурский район является одним из главных «нефтяных полей» Китая. Разведанные запасы нефти автономного района составляют 21 миллиард тонн (30 процентов всех запасов Китая), газа— 1,1 триллиона кубометров (34 процента запасов всей страны); здесь ежегодно добывается около 30 миллионов тонн нефти и 22 миллиарда кубометров газа.)

Советско-китайские договоренности определили многое в судьбах мира и прежде всего Советского Союза. Как вспоминал посол СССР в КНР А.И. Елизаветин, после заключения советско-китайского договора 14 августа 1945 года Чан Кайши «выражал готовность пойти даже на более широкое сотрудничество, чем это предусматривалось упомянутым договором и соглашениями, имея в виду долговременное использование Китайской-Чанчуньской железной дороги, военно-морской базы Порт-Артур, крупнейшего на Тихом океане незамерзающего порта Дальний. Правительство Чан Кайши выражало готовность передать в собственность нашей стране половину промышленных предприятий Маньчжурии в знак благодарности Советскому Союзу за помощь Китаю в борьбе против японской агрессии. Выражалась также готовность отвести в одностороннем порядке китайские войска от границ с СССР Правительство Чан Кайши предлагало также осуществить самые широкие планы советско-китайского сотрудничества в *Синьцзяне,* заверяя, что в этой граничащей с СССР провинции «будут только китайско-советские

отношения и никаких других»[179].

Посол Елизаветин не учитывал одного обстоятельства, которое раскрыл Чан Кайши в своих мемуарах: первоначально Сталин стремился создать нейтральный Китай с коалиционным правительством, в результате чего «Советский Союз установил бы контроль над всем Китаем путем его “мирной трансформации”»[180].

Впрочем, неизвестно, как в случае успеха этого плана развивался бы Китай. Чан Кайши не пошел на политический союз с коммунистами, и Сталин предпочел иметь дело с Мао Цзэдуном, опасаясь, что связанное тесным сотрудничеством с Соединенными Штатами гоминьдановское правительство «откроет» Китай, в особенности его северные районы, граничащие с СССР, для широкого проникновения американцев под флагом «равного доступа к ресурсам и торговле». Исходя из соображения безопасности, Москва передала Маньчжурию и все вооружение японской Квантунской армии китайским коммунистам, предопределив их победу и создание единого китайского государства.

Впоследствии в Кремле поняли, что «китайская проблема» была решена не вполне правильно.

При внешней лояльности СССР Пекин был самостоятелен, осознавая свою мощь, и Сталин опасался появления в Китае «своего Тито». Он отверг все попытки Мао Цзэдуна захватить Тайвань, не желая втягиваться в вооруженный конфликт с Соединенными Штатами. В дальнейшем взаимоотношения двух социалистических гигантов перешли в прямое геополитическое противостояние.

В целом объединение, именуемое социалистическим лагерем, в своей основе опиралось на идеологический фундамент, не имея прочной историко-культурной, цивилизационной базы. Это означало, что в случае ослабления военного присутствия и экономических дотаций межгосударственный союз утратит свое единство. Можно сказать, что в тот момент, когда под внешним давлением рухнул первоначальный план Сталина о создании несоциалистической, а народно-демократической Восточной Европы, Советский Союз принял на свои плечи крайне тяжкую ношу.

Корейская война

После образования в 1949 году КНР в декабре того же года в Юго-Восточной Азии стали происходить дальнейшие перемены, которые привели к перегруппировке противостоящих друг другу сил. США очертили свой новый «периметр безопасности» в Тихоокеанском регионе, включив в него Японию и Филиппины и исключив Южную Корею и Тайвань. Таким образом, Корея, разделенная на две части — проамериканскую Южную и коммунистическую Северную, оказывалась вне контроля Вашингтона.

Особенность момента заключалась в том, что и Сеулу, и Пхеньяну нужна была война. Сеулу — для того, чтобы задержать выводимые американские войска, Пхеньяну — чтобы укрепить положение правящей группы и получить помощь Москвы.

Свои интересы в регионе имели СССР и Китай. Причем перед советским руководством встала новая проблема обеспечения безопасности после того, как американские ВВС в марте 1949 года освоили технологию дозаправки в воздухе и их бомбардировщики получили возможность преодолевать в беспосадочных полетах всю советскую территорию и наносить ядерные удары в любых районах Советского Союза.

Сталин был готов поддержать северных корейцев в локальном конфликте, чтобы отвлечь США от европейских дел, но главную его тяжесть возложить на КНР. В крайнем случае он допускал риск «большой войны», считая, что Запад пока не готов к ней.

Война началась 25 июня 1950 года с атаки северян. За неделю боев они заняли значительную территорию противника, в том числе Сеул. В ответ решением Совета Безопасности ООН был сформирован международный военный контингент семнадцати стран, в котором две трети составляли американские войска. СССР как постоянный член Совета Безопасности ООН был не в состоянии использовать право вето, так как, протестуя против неприятия КНР в члены ООН (был принят Тайвань), нерасчетливо приостановил свое участие в работе ООН.

Громыко к тому времени уже был заместителем министра иностранных дел, и ему тоже пришлось заниматься войной.

В его воспоминаниях это показано так.

«Немедленно созвали Совет Безопасности для рассмотрения сложившейся ситуации. За сутки до его заседания в Москве решался вопрос, какую позицию следует занять на нем советскому представителю. То, что он должен сурово осудить

агрессию и политику США как соучастника агрессии, ни у кого не вызывало сомнения. Но нужно было определиться: должен ли советский представитель принимать участие в заседании, созванном в связи с провокационным и даже оскорбительным по своему тону письмом, с которым США обратились в Совет Безопасности и в котором излагалась ложная версия о войне.

Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я.А. Малика, позвонил вечером мне:

— Товарищ Громыко, какую, по вашему мнению, в данном случае следует дать директиву?

Я сказал:

— Министерством иностранных дел, товарищ Сталин, уже подготовлена на ваше утверждение директива, суть которой сводится, во-первых, к решительному отклонению упреков по адресу КНДР и Советского Союза и к столь же решительному обвинению США в соучастии в развязывании агрессии против КНДР Во-вторых, в случае, если в Совет Безопасности будет внесено предложение о принятии решения, направленного против КНДР либо против этой страны и СССР, Малик должен применить право вето и не допустить принятия такого решения.

Сказав это, я ждал реакции Сталина. Он заявил:

— По моему мнению, советскому представителю не следу ет принимать участия в заседании Совета Безопасности.

Тут же он в жестких выражениях высказался по адресу Вашингтона за его враждебное к нашей стране и КНДР письмо Совету Безопасности.

Мне пришлось обратить внимание Сталина на важное обстоятельство:

— В отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение, вплоть до посылки в Южную Корею войск из других стран под личиной “войск ООН”.

Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Я почувствовал, что менять свою точку зрения он не собирается.

Затем Сталин фактически продиктовал директиву, хотя обычно он прибегал к такому способу редко. Текст директивы подготовили минут через сорок и направили нашему представителю в Совете Безопасности.

Как известно, случилось то, о чем я предупреждал Сталина. Совет принял решение, навязанное Вашингтоном, а на воинские контингенты разных стран, направленные в Южную Корею, приклеили этикетку “войск ООН”. Конечно, в этом случае Сталин не лучшим образом рассчитал свой шаг, явно продиктованный эмоциями. Казалось бы, это не соответствовало складу его ума.

Но так было»[181].

Думается, из этого случая Громыко извлек серьезный урок: эмоциональное и в своей основе пропагандистское решение Сталина привело к ослаблению реального положения СССР, позволило США сформировать военную коалицию.

Вмешательство американцев привело к отступлению северокорейских войск. В октябре американцы вышли в отдельных местах на границу с Китаем. 20 октября Пхеньян пал.

Однако 19 октября началось выдвижение на территорию КНДР двух армейских групп китайских народных добровольцев (КНД) — тридцати пехотных и четырех артиллерийских дивизий. Китайские войска, невзирая на огромные потери, остановили наступление противника. Перевес в технике и особенно в авиации был на стороне американцев и южан, но по морально-боевому духу КНД намного превосходили их. В условиях гористой местности и наступившей зимы соотношение сил сложилось не в пользу американцев. В этой обстановке командующий войсками ООН американский генерал Д. Макартур потребовал от Вашингтона развернуть полномасштабную войну против Китая, не останавливаясь перед применением атомного оружия. И президент Трумэн поддержал было его, что вызвало в Европе шок. В конце концов США, однако, не решились на эскалацию конфликта, опасаясь вмешательства СССР и ответных ядерных бомбардировок. Впоследствии Трумэн вспоминал: «Если бы мы решили распространить войну на Китай, то должны были ожидать возмездия. Пекин и Москва как идеологически, так и в соответствии с договорами являлись союзниками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были бы ожидать русского вмешательства…

На Востоке мы бы стерли с лица земли великолепные китайские города, убив 25 миллионов невинных женщин, детей и других гражданских лиц. А у нас на руках была бы третья мировая война и никаких союзников. А под русским контролем оказалась бы вся Центральная Европа, возможно еще Турция, Греция, Италия, Северная Африка и богатейшие районы Ближнего Востока… Я просто не мог начать третью мировую войну»[182].

В этой обстановке, грозившей превращением локального конфликта в мировую войну, Москва и Вашингтон проявили сдержанность. Столкновение главных противников происходило только в воздушных боях.

В небе Кореи произошли сотни боев, самый масштабный случился 12 апреля 1951 года при отражении массового налета американской авиации на железнодорожный мост через реку Ялу (Ялуцзян) у деревни Сингисю, единственной железнодорожной

линии, по которой шло снабжение войск в Корее. В нем участвовали около сорока бомбардировщиков Б-29, истребители Ф-80, Ф-84 («Сейбр» — «сабля») — всего свыше ста машин. Для отражения этого налета с аэродрома Андунь поднялись 44 реактивных истребителя МиГ-15. Согласно подтвержденным результатам боя, было сбито 13 Б-29 (три из них предположительно), четыре Ф-84 и один Ф-86 (предположительно). Это был очень чувствительный удар, в результате которого стало ясно, что попытка авиационного нападения на СССР будет отражена с неприемлемыми для США потерями.

Соотношение потерь в воздушных боях было следующим.

На 311 советских МиГ-17 приходится безвозвратных потерь американских (ооновских) самолетов:

F-86 «Сейбр» — не менее 180;

F4U «Корсар», F-94 «Старфайр», Б-26 «Мародер», Б-45 «Торнадо», F9F «Пантера», F-51 «Мустанг» — не менее 30;

B-29 — не менее 40;

F-8 «Метеор» — не менее 5;

F-80 и F-84 — не менее 91.

Итого — 346 самолетов. (Потери авиации ООН даны без учета потерь от действий китайских и корейских летчиков.)

* * *

После интенсивных боев, завершившихся с перевесом советской авиации, военные действия на суше закончились возвращением сторон к линии раздела Севера и Юга по 38-й параллели.

Итогом конфликта стало отсутствие «большой войны», так как и Москва, и Вашингтон, испытав друг друга в очень дозированном конфликте, предпочли отложить горячее выяснение отношений на будущее.

Корейская война имела и очень неблагоприятные для СССР последствия. От нее больше всех выиграл Китай: благодаря советской помощи он создал современную армию, что вскоре позволило ему выйти из-под контроля и стать конкурентом Москвы.

В Европе продолжилась консолидация, началось создание объединенных вооруженных сил НАТО под командованием генерала Д. Эйзенхауэра.

ФРГ уже в 1950 году достигла довоенного уровня промышленного производства (в сопоставимых территориальных

пределах). Укрепилась позиция консерваторов во главе с К. Аденауэром, который считал, что в случае поражения Запада в Корее начнется силовое решение германского вопроса, советские войска войдут в Италию и Францию, где их поддержат коммунисты; в итоге Москва будет обладать военным и экономическим потенциалом всей Европы. Кстати, ФРГ тоже приняла участие в войне, направив в Корею военный госпиталь.

Насколько был прав в своих прогнозах Аденауэр, повторявший основные тезисы Директивы СНБ-68?

Вот оценка того документа Георгия Корниенко: «Указанный концептуальный порок документа СНБ-68 (приписывание Советскому государству планов установления своего господства над миром) в практическом плане существенно усугублялся допущенным его авторами весьма серьезным искажением действительного положения вещей чисто фактического порядка.

В подкрепление своего тезиса о наличии у Советского Союза планов установления господства над миром, а для начала над Евразией, авторы документа утверждали, будто в 1950 году Советский Союз обладал способностью захватить континентальную часть Западной Европы, выйти к нефтеносным районам Ближнего и Среднего Востока, а также нанести ядерные удары по США и Канаде, не говоря уж о Британских островах. Более того, для пущей убедительности в документе утверждалось, что даже если бы США первыми нанесли мощный ядерный удар по Советскому Союзу (а такой способностью США реально обладали), то якобы и после этого “Кремль был бы способен использовать контролируемые им силы для установления господства над большей частью или всей Евразией”.

Все это не было просто преувеличением. Это в корне не соответствовало действительности. Когда я поинтересовался мнением руководителей Генерального штаба Вооруженных Сил СССР об указанной оценке авторами документа (после опубликования его полного текста в 1975 г.) советских военных способностей в 1950 году, они назвали ее заведомо ложной, смехотворной. Они не могли поверить, что их коллеги из Объединенного комитета начальников штабов США, на которых имелась ссылка в документе, всерьез могли столь сильно переоценивать реальные возможности Советских Вооруженных Сил того времени.

Между тем именно из этой ложной посылки вытекала главная рекомендация авторов документа СНБ-68 — насчет необходимости форсированного всеобъемлющего наращивания военной мощи США и их союзников. Фальсифицируя оценку соотношения военных сил по состоянию на 1950 год, составители

документа руководствовались целью, как это позже признал тогдашний госсекретарь Дин Ачесон, “так поразить коллективный разум высшего руководства”, чтобы президент не только смог принять решение, но чтобы это решение было претворено в жизнь».

Корейская война была первой горячей войной Запада и Востока, которую по включенности в нее многих стран можно считать прообразом мировой войны. Теперь все внимание противников снова обратилось к Европе. Каждая из сторон занималась укреплением своих зон в Германии: для Советского Союза сохранение контроля над восточноевропейским пространством, как и для США — западноевропейским, стало частью военной доктрины.

Глава 19.
БЕРЛИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Интрига в МИД против Громыко

Наш герой в 1949 году был назначен первым заместителем министра иностранных дел и вернулся в Москву. Не все его ждали, а кое-кто вообще воспринимал весьма ревниво. А.Я. Вышинский, ставший в 1949 году министром иностранных дел, имел все основания для этого, глядя, как часто Сталин обращался лично к Громыко по вопросам взаимоотношений с Соединенными Штатами. Впрочем, он напрасно волновался, ибо у Громыко не было склонности к интригам, он был к Вышинскому лоялен.

В феврале 1950 года Громыко совершил ошибку: завизировал без консультации с Кремлем межгосударственное соглашение с КНР о соотношении рубля и юаня. Узнав об этом, Сталин возмутился, поскольку экономические связи с Китаем находились под его особым вниманием. Почему никогда не нарушавший указаний Громыко нарушил собственные же правила, было непонятно. Конечно, его торопили из Госплана и Министерства финансов, так как именно он курировал китайское направление, но тем не менее обычно он выдерживал и не такое давление…

На заседании Политбюро Сталин распорядился снять Громыко с должности первого заместителя министра и отправить — нет, не в ссылку, а послом в Лондон.

В МИД многие не без оснований считали, что Громыко подставил Вышинский, такое мнение высказывал, в частности, Р.А. Сергеев в интервью автору. Во всяком случае, никого из Госплана и Министерства финансов не наказали.

Сам же Андрей Андреевич, когда у него появилась возможность «подставить» Вышинского перед Сталиным, не стал этого делать.

Восстание в Берлине 17 июня 1953 года

В начале войны лидеры «Большой тройки» были единодушны во взглядах на будущее Германии — она должна была быть расчленена на несколько слабых государств (вплоть до их полной «аграризации»). Однако уже в 1942 году Сталин дважды высказался по этому вопросу совсем в ином плане: «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается» (23 февраля); «У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию… У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить всякую организованную военную силу в Германии, ибо любой грамотный человек поймет, что это не только невозможно в отношении Германии, как и в отношении России, но и нецелесообразно с точки зрения победителя» (6 ноября).

Еще не завершилось Сталинградское сражение, а Москва уже определила направление, в котором советская политика следовала вплоть до последних дней СССР. Эту политику можно определить как противостояние с англосаксонским Западом в борьбе за мирную и лояльную к Москве Европу

На Тегеранской конференции в 1943 году американцы предлагали разделить Германию на пять автономных образований: Пруссия, Ганновер и Северная Германия, Гессен-Дармштадт, Гессен-Кассель и район Южного Рейна (Бавария, Баден и Вюртемберг). В особые территории предлагалось выделить районы Кильского канала и Гамбурга, Рур и Саар, установив над ними контроль держав-победительниц или международной организации. Сталин отверг этот план.

Он был готов к широкому обсуждению проблем с западными партнерами, ориентируясь прежде всего на интересы Советского Союза в Европе. «Но, — писал В.М. Фалин, — два требования оставались для Москвы недискутабельными: границы и неучастие Германии не в какой-то теоретической будущей войне против СССР, а в реальности ведшейся и для успокоения именовавшейся “холодной”».

Показательно, что сразу после окончания военных действий советское руководство с некоторой тревогой отмечало, что немецкие коммунисты «склонны к крайностям», имея в виду стремление немецких товарищей быстро советизировать управление восточной зоны оккупации. Именно так писал Л. Берии генерал И. Серов 9 июля 1945 года и отмечал, что «тов. Ульбрихт обещал нам дать правильную установку членам

компартии в этих вопросах…»[183].

Вполне понятно, что страна с разрушенным хозяйством, каким был в то время Союз, прежде всего нуждалась в восстановлении экономики (и репарациях), а также в обеспечении собственной безопасности и недопущения германо-американского альянса (реализации в новом виде плана Черчилля «Немыслимое»). Ради этого идеологию можно было отодвинуть на задний план. Единство нейтральной Германии — вот что тогда было главным для советской дипломатии в 1945—1949 годах.

Эту геополитическую практику Москва начала осуществлять еще до Победы. Так, 6 апреля 1948 года в Москве был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией.

Как вспоминал один из главных советников Леонида Брежнева Андрей Александров-Агентов: «Инициатива его заключения принадлежала Сталину — это был очень умный и своевременный шаг. Он сделал возможным преодоление за довольно короткий период порожденных двумя недавними войнами вполне понятных взаимных чувств недоверия, подозрительности и неприязни между народами обеих стран… Это был в общем действительно равноправный и справедливый договор. Президент Паасикиви и его правительство проявили достаточно государственной мудрости и дальновидности, чтобы принять его таким, каким он был предложен, даже если у финнов, может быть, и не вызывало особого энтузиазма включение в текст договора пункта о “взаимной помощи” в военном плане. Стороны обязывались сотрудничать при отражении военного нападения “Германии и любого союзного с ней государства” на Финляндию или на Советский Союз через территорию Финляндии. В Хельсинки, конечно, понимали, что подобный пункт был минимальной уступкой со стороны Финляндии, неизбежной в послевоенной обстановке. К тому же финнам удалось получить своего рода “компенсацию” — признание Советским Союзом в том же договоре “стремления Финляндии оставаться в стороне от противоречий великих держав”. То есть это было все-таки признанием своего рода нейтралитета Финляндии (хотя и небезоговорочного), что для финнов, конечно, было немаловажно в условиях разгоревшейся уже тогда “холодной войны” между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции»[184].

Показательно, что еще в 1944 году, подписывая мирное соглашение с Финляндией, союзницей гитлеровской Германии, Сталин решил не оккупировать эту страну, надеясь на послевоенное сотрудничество с Рузвельтом. Тогда еще трудно было представить, что после смерти Рузвельта и капитуляции

Германии международная обстановка полностью изменится и станет чем-то напоминать «военную тревогу 1927 года», когда Кремль опасался нападения как со стороны европейских стран, так и Японии.

Но в 1948 году советское руководство обеспечило свои северные границы. Впоследствии идеологию советско-финляндского договора Москва многократно пыталась воплотить в своих западногерманских проектах, ведя невидимые дипломатические войны с Соединенными Штатами за Европу. В этой борьбе главными игроками, безусловно, были не только первые лица СССР — Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Горбачев, но и Берия, Молотов, Громыко, Андропов (в должности председателя КГБ), маршалы и высшие руководители военно-промышленного комплекса, прежде всего Устинов.

Даже образование Германской Демократической Республики первоначально рассматривалось Москвой как явление временное. В поздравительной телеграмме восточногерманскому руководству Сталин счел нужным подчеркнуть необходимость существования единой, независимой, демократической, миролюбивой Германии. Яснее не скажешь.

Но возникновение двух германских государств превратилось уже независимо от воли Москвы и Вашингтона в самостоятельный фактор мировой политики с иными геополитическими интересами, а также устремлениями их правящих элит. Разумеется, в случае объединения Германии никто не мог бы гарантировать им сохранение властных полномочий.

Отметим еще одно обстоятельство — резкое различие в качестве этих элит. В 1945 году будущий канцлер ФРГ Конрад Аденауэр предложил верховному главнокомандующему союзными войсками Дуайту Эйзенхауэру (будущему президенту США) провести денацификацию, устранив идеологический раскол в германском обществе. В американской зоне оккупации при населении 15,5 миллиона человек заполнили анкеты 12 миллионов. Виновными в сознательной нацистской деятельности был признан 0,1 процента, то есть 12 тысяч человек. В общем, западногерманская политическая и экономическая верхушка (кроме явных нацистов) сохранила свои позиции.

Ничего не вышло из усилий СССР сохранить демилитаризованную единую Германию. Имея большие экономические интересы в своей зоне оккупации, Советский Союз по репарационным соглашениям начал вывозить оттуда значительные объемы оборудования — целые технологические линии производства (оптика, радиотехника, металлообработка и др.), а также использовал немецких специалистов в атомной

области и ракетостроении. Создав в своей зоне советско-германские предприятия, работавшие на советскую экономику, Москва со своей стороны подтвердила отделение Восточной Германии от Западной. Правда, в отличие от СССР американцы предпочли вывезти не оборудование, а лицензии на новые технологии и заодно — выдающегося специалиста в области ракетостроения Вернера фон Брауна.

После Лондонской сессии СМИД в конце 1947 года, на которой обнаружилась пропасть, разделяющая союзников по германскому вопросу, западные державы вопреки Потсдамским соглашениям взяли курс на создание самостоятельного западногерманского государства.

10 марта 1952 года СССР в ноте союзникам предложил принять основы мирного договора с Германией при равноправном участии Германии в лице общегерманского правительства. Вслед за этим 9 апреля было предложено державам-победительницам безотлагательно рассмотреть вопрос о проведении свободных выборов во всей Германии под контролем (внимание!) комиссии, образованной всеми державами-победительницами, на чем ранее упорно настаивали США и их союзники. Все это вызвало во всей Германии колоссальное смущение — в руководстве ГДР обеспокоились самим существованием ГДР, а в ФРГ значительная часть политической элиты требовала от западных государств немедленно вступить в переговоры с СССР.

Но было уже поздно. «Холодная война» была в разгаре, и опыт нейтрализации Финляндии (договор 1948 года) не мог быть использован. Не будем забывать, что шла корейская война, и мирные переговоры на ее европейском фланге воспринимались как изощренный пропагандистский маневр. К тому же Аденауэр был уверен, что нейтрализованная Германия, лишенная военного прикрытия Запада, превратится в слабое второстепенное государство и будет втянута в советскую зону влияния. Если бы тогда состоялись общегерманские выборы, победу, скорее всего, одержали бы социал-демократы, а не консервативная Христианско-демократическая партия Аденауэра. И Германия могла пойти по другому пути. (Эта возможность впоследствии на протяжении десятилетий будоражила дипломатов Москвы и Вашингтона, будучи опорой различных комбинаций.)

Поэтому закрепление германского раздела было для Запада единственным решением. В ответной ноте Москве было выдвинуто неприемлемое условие: будущее немецкое правительство самостоятельно решит, в какие союзы ему входить.

К тому же ни Аденауэр, ни Вальтер Ульбрихт отнюдь не горели желанием искать счастья в неизвестном будущем. Если

добавить к этому, что в ГДР прокомментировали предложение Москвы в духе построения социализма советского образца, то даже западногерманские социал-демократы не захотели рисковать.

О развитии обстановки в Западной Германии и планах ее руководства советская разведка в апреле 1952 года информировала Сталина, отметив, что в узком кругу руководства ХДС (в то время — правящей партии ФРГ) Аденауэр заявил: «Мы не признаем Потсдамскую декларацию, мы стремимся к европейскому единству и добьемся его. Это создаст противовес, который окажет сильное влияние на Восточную Европу Россия не посмеет начать войну»{185}.

Таким образом, отпал вопрос об объединении и нейтрализации Германии. Открылась новая страница в советской дипломатии: поняв, что военная интеграция Западной Германии с бывшими союзниками неизбежна, Сталин направил все силы на укрепление Восточной Германии. Создание в ГДР собственной боеспособной армии должно было выравнять позиции противоборствующих сторон.

26 мая 1952 года был заключен Боннский договор, а на следующий день — Парижский, которые легализовали создание в ФРГ армии и ее военный союз с западными державами. При этом было оговорено пребывание союзных войск в ФРГ.

В феврале 1953 года Государственный секретарь США Дж. Даллес заявил в Бонне: «С СССР можно разговаривать только с позиции силы».

И только тогда последовало одобрение Кремлем курса на строительство социализма в Восточной Германии, что фактически означало отступление Сталина от проводимой им политики и, наоборот, торжество восточногерманских коммунистов.

После смерти Сталина Москва сделала попытку переиграть ситуацию заново: предложила, что парламенты ГДР и ФРГ образуют Временное общегерманское правительство, которое осуществит «национальное воссоединение Германии на демократических и мирных началах путем подготовки и проведения свободных общегерманских выборов без иностранного вмешательства». Временное правительство должно было представлять страну на четырехсторонних переговорах о заключении мирного договора. В случае возражений со стороны западных держав против образования такого органа Москва предлагала провести референдум во всей Германии по этому вопросу.

5 мая 1953 года, вдень рождения Карла Маркса, председатель Госсовета ГДР Вальтер Ульбрихт заявил, что ГДР вступила в

новый этап: народно-демократическое государство теперь выполняет функции диктатуры пролетариата, «происходит переход к строительству основ социализма». Это означало усиление «революционного нажима» на население, и без того недовольного ухудшением снабжения, вытеснением частного сектора торговли, ускоренной кооперацией крестьянских хозяйств и повышением норм выработки на производстве.

Именно тогда у двух членов правящего после смерти Сталина триумвирата (Маленкова и Берии) созрело предложение вообще отказаться от строительства социализма в ГДР и «сдать» ее на максимально выгодных условиях, но Хрущев, Молотов и другие члены Президиума ЦК его отвергли, посчитав, что это будет капитуляцией перед Западом, А проблема слишком высоких затрат на удержание позиций в Европе осталась.

После энергичной инициативы Ульбрихта в Москве решили, что тот все же заходит слишком далеко, и советский МИД направил в Президиум ЦК КПСС записку с соответствующими рекомендациями. Однако указания Кремля не смогли предотвратить народного протеста, который пришлось подавлять при помощи танков. (Впереди были протесты в Польше, Венгрии и Чехословакии.)

* * *

В июле 1952 года на II конференции Социалистической единой партии Германии ее генеральный секретарь Вальтер Ульбрихт провозгласил курс на «планомерное строительство социализма», что сводилось к последовательной советизации восточногерманского строя: мерам против мелких собственников и частной торговли, массовой национализации предприятий. Стала быстро развиваться тяжелая промышленность, что привело к серьезному дефициту продовольствия и потребительских товаров. Наконец, было объявлено о создании Народной армии, и милитаризация, соединенная с репарациями, тяжело сказывалась на бюджете страны: военные расходы составляли 11 процентов бюджета, а вместе с репарациями — 20 процентов непроизводительных трат. В такой ситуации происходило массовое бегство жителей в западную зону, прежде всего высококвалифицированных кадров — «утечка мозгов» (только в марте 1953 года бежало 50 тысяч человек). В апреле 1953 года, за два месяца до восстания, произошло повышение цен на общественный транспорт, одежду, обувь, хлебопродукты, мясо и содержащие сахар продукты.

15 мая советское МВД вручило руководству ГДР меморандум с требованием прекращения коллективизации и ослабления репрессий. 3 июня руководители ГДР были вызваны в Москву, по возвращении из которой провозгласили «Новый курс», публично признали, что в прошлом совершались ошибки, для улучшения снабжения населения наметили замедление темпов развития тяжелой промышленности, отменили ряд мер экономического характера, вызвавших резкое недовольство населения.

В то же время не было отменено ранее принятое решение ЦК СЕПГ «о повышении норм выработки для рабочих в целях борьбы с экономическими трудностями».

15 июня в Берлине среди строителей на Сталин-аллее начались первые забастовки, которые 16 июня переросли в демонстрации. 17 июня 1953 года в ГДР начались волнения, которые были названы «июньской революцией». Утром в тот день забастовка была уже всеобщей. Рабочие колоннами направлялись в центр города. К полудню численность манифестантов в городе достигла 150 тысяч человек. Всего в республике в протестных выступлениях участвовало 470 тысяч человек. Лозунгами манифестантов были: «Долой правительство! Долой Народную полицию!», «Мы не хотим быть рабами, мы хотим быть свободными!». Были разгромлены пограничные знаки и сооружения на границах советского и западного секторов города. Толпа громила полицейские участки, здания партийных и государственных органов и газетные киоски, продававшие коммунистическую прессу. Участники волнений уничтожали символы коммунистической власти — флаги, плакаты, портреты. Были осаждены полицейские казармы; восставшие также попытались освободить заключенных из тюрьмы. Дом Министерств был разгромлен; оттуда толпа двинулась к театру Фридрих-штадтпалас, где шло заседание актива СЕПГ, и партийное руководство спешно эвакуировалось под защиту советских войск в Карлсхорст. Протестующие сожгли здание таможенной службы ГДР, захватили здание ЦК СЕПГ, Дом правительства, штаб-квартиру Национального фронта, Центральный совет профсоюзов, Общество германо-советской дружбы. Захватывались тюрьмы и полицейские участки. Фактически гражданская власть в советской оккупационной зоне рухнула.

Волнения перекинулись на всю Восточную Германию. В индустриальных центрах стихийно возникали забастовочные комитеты и советы рабочих, бравшие в свои руки власть на предприятиях.

Правительство ГДР обратилось к СССР за вооруженной

поддержкой. Принципиальное решение о вооруженном вмешательстве было принято в Москве уже вечером 16 июня. В Берлин срочно вылетел министр внутренних дел СССР Берия.

Около полудня 17 июня против протестующих были выдвинуты полиция и советские танки. Демонстранты кидали в танки камнями и пытались повредить их радиоантенны. Толпа не расходилась, и советские войска открыли огонь. В 13.00 было объявлено чрезвычайное положение. Столкновения между советскими войсками и участниками волнений и стрельба продолжались до вечера. На следующее утро вновь были попытки демонстраций, но они жестко пресекались. Официальные власти ГДР оценили число участников движения в 300 тысяч. В других источниках число бастующих рабочих оценивается примерно в 500 тысяч, а общее число участников демонстраций — в 3—4 миллиона из 18 миллионов населения и 5,5 миллиона рабочих. По официальным данным, было убито 17 и ранено 166 функционеров СЕПГ.

Как вспоминал Молотов, в этой обстановке ему понадобилась помощь нашего героя: «Я вызвал на воскресенье к себе Громыко. Тогда у меня было два заместителя — Громыко и Кузнецов Василий, который сейчас в президиуме Верховного Совета. Я вызвал Громыко, как более опытного в делах. Мыс ним обсудили вопрос, выработали предложение вместе, письменно; смысл такой, что в ГДР делать… И вот мы в своем МИДовском проекте записали: “не проводить форсированную политику строительства социализма в ГДР”»[186].

После событий 17 июня 1953 года, в ход которых вмешивались и западные спецслужбы, окончательно закрылся вопрос об объединении Германии.

В июле по рекомендации советского руководства *прошел* пленум ЦК СЕПГ, который наметил программу повышения жизненного уровня населения и осудил курс на ускоренное строительство социализма. В августе в Москве было объявлено, что прекращается дальнейшее взимание репараций с Германии, ГДР передаются 33 крупных предприятия, ранее перешедших к СССР в порядке репараций, и сокращается размер платежей ГДР на содержание советских войск в Германии[187].

События в ГДР стали первым сигналом Кремлю о необходимости искать новые методы в отношениях с европейскими союзниками, что обеспечение геополитических позиций — сложная и дорогостоящая вещь.

Вслед за восточногерманским конфликтом в конце 1953 года возникла проблема в Чехословакии, где, как сообщал советский посол, росло недовольство населения, были крупные перебои в

снабжении продовольствием и углем, бросались в глаза факты коррупции чиновников. И снова по предложению МИД (Молотова) Президиуму ЦК компартии Чехословакии было направлено письмо Президиума ЦК КПСС, в котором говорилось о немедленном устранении данных проблем и о воспитании партийных и государственных кадров «в духе высокой ответственности перед народом и внимательного отношения к его повседневным нуждам».

Но могли огромный социалистический блок реально обеспечить провозглашаемую его коммунистическими партиями заботу о благосостоянии населения и одновременно с этим добиваться стратегической безопасности?

Глава 20.
«ЕСЛИ МЫ ИМ УСТУПИМ, ТО ПРОКЛЯТЫ БУДЕМ ВСЕМИ ЗАМУЧЕННЫМИ И УБИТЫМИ»

Новая советская реальность. Хрущев и Аденауэр

Надо было пересматривать старые сталинские подходы, базировавшиеся на ожидании, что западный мир расколется от нового мирового кризиса. Если смотреть сквозь призму новой реальности, то появление во главе Советского Союза такого неординарного и противоречивого политика, как Никита Хрущев, было закономерным.

«Суть новой стратегии состояла из трех основных элементов: максимально укрепить и сплотить вокруг Советского Союза страны народной демократии Восточной и Центральной Европы, создать, где возможно, нейтральную “прокладку” между двумя противостоящими друг другу военно-политическими блоками и постепенно налаживать экономические и иные более или менее нормальные формы мирного сотрудничества со странами НАТО. Стратегия, как видим, не агрессивная, а скорее оборонительная»{188}.

Впрочем, эта новизна была весьма относительной, так как если оглянуться в прошлое, то увидим такую же многовековую оборонительную стратегию и Сталина, и Николая II, и Александра III, да и всех почти без исключения русских царей и императоров. В том числе радикального реформатора Петра, создавшего Российскую империю.

Хотя весьма сомнительно, что Хрущев хорошо знал работы Карла Маркса, тем не менее приведем одно умозаключение из работы классика «Разоблачение дипломатической истории XVIII века»: «Владения царя были невероятно обширны. Весь народ зависел от его прихотей, все до одного были его настоящими рабами, и одного его словесного приказа было достаточно, чтобы все богатства страны стали его собственностью. Однако, несмотря на огромную территорию, продукция страны никак не соответствовала ее размерам. Каждый вассал имел ружье и по зову должен был стать солдатом. Но настоящих солдат среди них не было, не было и людей, сведущих в военном деле. И хотя в распоряжении царя находились все их богатства, у них не было значительной торговли и имелось мало наличных денег, вследствие чего, когда он собрал все, что мог, его казна была совершенно пуста. Не располагая ни средствами для содержания солдат, ни армией, обученной военному искусству, он имел мало возможностей удовлетворить эти оба естественные желания»{189}.

Конечно, Хрущев — это не Петр Великий, прорубивший «окно

в Европу» и перевернувший Московское царство. Однако Никита Сергеевич, как и Петр, получил от предшествующего периода государственное управление, экономику и кадры, отвечавшие только тому времени и мало готовые к переменам. Эпоха великого Сталина с ее грандиозной победительностью кончилась. Перед новым руководством стояла проблема: как перед лицом гораздо более сильного геополитического противника сохранить достигнутое и мирно развиваться? На новую войну и мобилизацию сил не было.

Поэтому Хрущев (как чуть раньше Маленков и Берия) стал открещиваться от страшной тени вождя, показывая всему миру, что Советский Союз вступил на новый путь.

«У меня руки по локоть в крови», — признался в конце жизни уже отстраненный от власти Хрущев, предполагая скорую встречу с Вечностью. Но кто из его поколения советских руководителей был в белоснежных ризах?

Мировая обстановка после смерти Сталина предлагала Кремлю скудный выбор — либо согласиться на почетную капитуляцию перед Западом, либо доказать ему свою жизнеспособность на пути мирного развития.

Практически сразу же после смерти Сталина Корейская война закончилась.

17 января 1954 года Громыко направил Молотову записку с проектом «Основных принципов договора между европейскими государствами о коллективной безопасности в Европе» (в нем содержался и пункт о нейтралитете обоих германских государств и включении на этой основе СССР в НАТО). Через три недели на Берлинском совещании министров иностранных дел держав-победительниц советская делегация внесла этот проект на рассмотрение участников, предложив созвать общеевропейскую конференцию. «Так в международное общение послевоенного времени была введена идея европейской коллективной безопасности» *(Р.А. Сергеев)*.

Одновременно было выдвинуто предложение о членстве СССР в НАТО.

Оба предложения были отклонены.

Тогда 31 марта Москва нотами трем западным державам снова вносит проект договора о европейской безопасности с некоторыми поправками, среди которых — согласие на участие США в договоре. Повторяет и предложение о членстве СССР в НАТО.

Снова последовал отказ. Запад продолжил создавать Европейское оборонительное сообщество с участием ФРГ.

* * *

Как когда-то Петр Столыпин, проводивший в условиях революционной смуты свою аграрную реформу, «держал в одной руке плуг, а в другой — пулемет» (выражение Василия Шульгина), так и Хрущев должен был в одной руке держать хлеб и станки, а в другой — атомную бомбу и ракеты. При этом увеличение груза в одной руке сразу приводило к его уменьшению в другой.

Важнейшим из первых внешнеполитических решений того времени было создание военно-политического союза восточноевропейских стран. В начале мая 1955 года ФРГ становится членом НАТО. 14 мая 1955 года создана Организация Варшавского договора (ОВД), в которую вошли все союзники СССР в Европе. С этого момента оба блока начали сложное взаимодействие, ограниченное взаимным страхом перед ядерным апокалипсисом, начиная от идеологического давления и заканчивая локальными конфликтами.

Параллельно Советский Союз сделал неожиданный и сильный дипломатический маневр, обеспечивший СССР укрепление безопасности в Центральной Европе. Вопреки намерениям западных держав сохранить раздел оккупированной Австрии на зоны влияния и включить ее западную зону в североатлантическую военную структуру Москва начала с австрийским руководством переговоры о нейтральном статусе этой республики. На переговорах в Москве, которые с советской стороны вели Молотов и Микоян, а с австрийской — канцлер Рааб и вице-канцлер Шерф, были оперативно рассмотрены и согласованы все важнейшие вопросы будущего государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии, включая гарантии недопущения аншлюса (присоединения к Германии), строгого соблюдения нейтралитета Австрии, а также решения ряда проблем экономических взаимоотношений между СССР и Австрией. Советское руководство согласилось, чтобы оккупационные войска всех четырех держав были выведены из Австрии после вступления в силу Государственного договора, не позднее 31 декабря 1955 года.

«Проекты документов о нейтральной Австрии были разработаны в Москве столь тщательно, что на согласовании их с державами Запада (оказавшимся в довольно неловком положении, как они сами признавали) много времени не потребовалось. 15 мая 1955 года министры иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Австрии подписали в Вене в

торжественной обстановке Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии»[{190}].

В общем, на небольшом кусочке европейского пространства Хрущеву удалось повторить финляндский вариант. Неспроста после переговоров с австрийцами на банкете в Большом Кремлевском дворце захмелевший Никита Сергеевич, обняв христианского демократа Рааба и социалиста Шерфа, окликнул фотокорреспондентов: «Смотрите, я одной рукой обнимаю социализм, а другой — капитализм».

К сожалению, этот успех был настолько же велик, насколько велика была Альпийская республика.

Прибавим в актив налаживание отношений с Югославией, куда Хрущев направился в мае того же года, чтобы восстановить дружественные связи с маршалом Тито, испорченные при Сталине. Правда, союзнические отношения, какие были в годы войны, уже нельзя было вернуть.

Итак, Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, а также Финляндия, Австрия, Югославия — вот пространство безопасности, отгораживавшее Советский Союз от западного мира. Опираясь на него, можно было попробовать договориться.

Однако о чем же договариваться?

После образования ОВД попытка была повторена в мае 1955 года на совещании руководителей СССР, США, Англии и Франции в Женеве, где Хрущев предложил поэтапное создание системы общеевропейской безопасности, что позволило бы начать сближение германских государств. И эта попытка не прошла. Зачем сильнейшей стороне, которая считала, что объединенная Германия должна войти в НАТО, надо разрыхлять свои прочные позиции? Больше, чем обещания «гарантий безопасности» в случае объединения, Москва не услышала.

Зато с 29 октября по 3 ноября 1954 года в Лондоне прошла конференция девяти государств: Англии, Франции, Италии, стран Бенилюкса, ФРГ, США и Канады. Обсуждался вопрос о западногерманском суверенитете и создании армии ФРГ в рамках НАТО. И тут проявилась стародавняя настороженность Франции, ее представитель открыто высказал недоверие западным немцам и возразил против их приема в НАТО; при этом предложил ограничить немцев в производстве вооружений. Поэтому Аденауэру пришлось заявлять, что ФРГ откажется от производства атомного, химического и бактериологического оружия, а также некоторых видов тяжелого вооружения. В результате заключенный в марте 1948 года Брюссельский договор между Францией, Великобританией и странами Бенилюкса

трансформировался в Западноевропейский союз с вхождением в него ФРГ и Италии, который и должен был стать каркасом европейской интеграции. Было решено отменить Оккупационный статут и ликвидировать союзническую Верховную комиссию в Германии. ФРГ получила право сформировать 12 дивизий, военно-воздушные силы в составе 1350 самолетов и военно-морские силы в виде небольших соединений.

Надежды Москвы на единую нейтральную Германию и гарантию послевоенных границ теперь стали совсем ничтожными.

К тому же Аденауэр добился, что представители трех оккупационных государств заявили, что признают правительство ФРГ единственно законным и будут постоянно стремиться к воссоединению Германии в условиях свободы. Это означало объявление ГДР вне западной картины мира и неприкрытое намерение ее поглотить.

На встрече с Аденауэром Государственный секретарь США Дж. Даллес подчеркнул, что «русские хотят передышки в холодной войне», но они ее получат только в обмен на серьезные уступки, в том числе и по германскому вопросу. (Эту мысль надо запомнить, ею всегда руководствовался Вашингтон вплоть до последних дней существования Советского Союза; и ее, кстати, никогда не забывал Громыко.)

В конце октября 1954 года в Париже Совет НАТО пригласил ФРГ как равноправного партнера вступить в Североатлантический блок. Теперь ей разрешалось проведение ядерных исследований и использование в мирных целях атомной энергии, производство всех видов вооружений, кроме дальней бомбардировочной авиации.

Дипломатические попытки Советского Союза воспрепятствовать ратификации Парижских соглашений (и даже денонсация заключенного в 1944 году франко-советского договора о дружбе) ни к чему не привели. Протесты западногерманских социал-демократов — тоже.

5 мая 1955 года в столице ФРГ Бонне канцлер Аденауэр поднял на мачте перед дворцом Шаумбург государственный германский флаг и объявил, что оккупация страны закончилась, отныне Федеративная Республика — независимое государство.

* * *

Через месяц после вступления ФРГ в НАТО Москва пригласила Аденауэра посетить СССР для переговоров о нормализации отношений. В середине июня 1955 года канцлер

прилетел в Вашингтон для консультаций. В беседе с президентом Эйзенхауэром и Государственным секретарем Даллесом он так раскрыл свое видение ситуации: «Позиции России ослаблены, ибо ее теперешние руководители взялись сразу за слишком многое; подъем промышленности и сельского хозяйства, гонка вооружений, помощь развивающимся странам. Россия нуждается в передышке. Необходимо воспользоваться этим и ослабить русское давление на западный мир. Нельзя идти ни на какую уступку Москве без ответных политических уступок с ее стороны»{191}.

Его точка зрения совпадала с американской: Запад должен сохранять силу и сплоченность, чтобы продиктовать свои условия. То есть за этой формулировкой скрывался план организовать постепенное поражение СССР и вынудить советское руководство осознать неизбежность победы Запада.

Как бы там ни было, в Москве должны были учитывать, что существование противостоящих друг другу военно-политических блоков может привести к началу военных действий. Поэтому забота о безопасности подталкивала Москву скорее заключить дипломатические отношения с Западной Германией.

«На первом плане было желание советских лидеров минимизировать последствия вхождения ФРГ в НАТО, достигнув тем самым определенной разрядки в международных отношениях. Это позволило бы Советскому Союзу направить свои силы и на решение внутренних проблем, накопившихся после войны. Не случайно наряду с установлением дипломатических отношений Федеративной Республике Германии было предложено установить торговые отношения.

Предложив канцлеру ФРГ установить дипломатические отношения, Советский Союз поставил его в довольно сложную ситуацию. Аденауэру было трудно не принять приглашение, учитывая *большие надежды,* которые возлагала немецкая общественность на эти переговоры. Политика безоговорочной ориентации на Запад и отрицания любого компромисса с СССР, проводимая канцлером, начала вызывать недовольство»{192}.

8 сентября 1955 года канцлер был в Москве. В аэропорту Внуково его встречали председатель Совета министров СССР Николай Булганин, министр иностранных дел Молотов и первый заместитель министра Громыко. На следующий день в роскошном доме приемов МИД на улице Алексея Толстого начались официальные переговоры, во время которых выявились расхождения во взглядах участников. Советские руководители предложили установить дипломатические отношения без всяких условий, немцы — установить отношения после возврата

военнопленных и создания основы для предстоящей конференции министров иностранных дел четырех держав по германскому вопросу.

Хрущев вел себя раскованно, часто шутил и смеялся, Молотов сохранял невозмутимость, но наиболее мрачным казался Громыко. Возможно, тени двух его погибших братьев явились ему в этот час.

(Память о братьях никогда не оставляла нашего героя. Когда умер последний брат, Дмитрий, тоже участник войны, Андрей Андреевич, придя с кладбища, в глубокой печали признался сыну Анатолию: «Сколько, Толя, немцы у нас порушили, живых людей превратили в скелеты, угробили Алексея и Федора. Мать мою еле от них спасли. Ты представляешь, какая сейчас у нас была бы большая семья, скольких Громыко не родилось. Так по всей моей родине, Гомелыцине. Я не сумасшедший, чтобы менять итоги войны. Если мы им уступим, то прокляты будем всеми замученными и убитыми. Когда я веду переговоры с немцами, то, случается, слышу за спиной шепот: “Не уступи, Андрей, не уступи, это не твое, а наше”»{193}.)

На второй *день* переговоров страсти вырвались наружу. Булганин заметил, что в Советском Союзе нет военнопленных, а есть только военные преступники, отбывающие наказания за военные преступления.

Один из членов немецкой делегации сказал о насилиях советских солдат на территории Германии в конце войны. В ответ Хрущев, у которого погиб на войне старший сын Леонид, вспылил и напомнил, кто напал на Советский Союз в 1941 году и что советские солдаты в 45-м добивали врага и не совершали никаких преступлений. Вопрос о воссоединении Германии, подчеркнул он, не может решиться, если Германия окажется в НАТО и усилит ее. От возбуждения он потерял над собой контроль и погрозил Аденауэру кулаком.

Тогда канцлер встал и тоже показал кулак.

Со стороны это могло показаться забавным, если бы речь не шла о войне и мире.

Вскоре Хрущев успокоился и даже извинился. Переговоры так и продолжались — то в эмоциональном напряжении, то в деловом тоне.

Аденауэр, вспомнив пакт Молотова — Риббентропа и намекнув на Мюнхенский договор, даже сказал: «Мы — несчастные наследники Гитлера. Наша задача — восстановить страну и доверие к ней других государств, в том числе и ваше».

Впрочем, после этого он добавил, что Россия — огромная страна, но она очень отстала, поэтому лучше попытаться ужиться

друг с другом и сотрудничать.

На третий день встретились в подмосковных Горках, где беседы уже проходили в дружественной обстановке. Тот день запомнился доверительной просьбой Хрущева помочь справиться с китайцами и американцами. Канцлер был очень удивлен и мягко отклонил ее. Подумал ли он о Рапалло и многих других аспектах германо-российских отношений, включая решающую роль России в объединении германских княжеств во времена Бисмарка? (Наверное, многие российские политики не раз размышляли о последствиях того объединения.)

Однако просьба Хрущева, несмотря на ее неожиданность, была далеко не случайной, хотя ни канцлер, ни первый секретарь ЦК КПСС не могли предвидеть будущее значение американо-китайских отношений и их роль в ослаблении военно-политических позиций СССР

Дальше все шло без особых отклонений от программы визита — балет «Ромео и Джульетта» в Большом театре, традиционное застолье с горой закусок и морем выпивки, посещение канцлером католического храма, прогулка по Кремлю и осмотр картин русских художников в Третьяковской галерее.

Встретившись с послами США, Англии и Франции, канцлер услышал, что они не поддерживают установление дипломатических отношений ФРГ и СССР.

На очередной встрече с Хрущевым спор о судьбе военнопленных завел переговоры в тупик. Советский лидер заявил, что не приемлет ультиматума и откладывает установление дипотношений до более благоприятного случая.

Немцы были разочарованы. Они вне срока заказали самолет и засобирались домой. Оставался еще один пункт программы — прием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Булганин, выбрав момент, отвел Аденауэра в сторону и предложил написать письмо на его имя о согласии установить дипломатические отношения. Он дал слово, что через неделю все военнопленные будут отпущены. Через минуту Хрущев подтвердил это.

Поразмыслив, канцлер согласился.

Он написал нужное письмо, правда, особо оговорил, что установление отношений не означает признание правительством ФРГ нынешних границ, они должны быть определены мирным договором. Таким образом, послевоенные границы Польши, Чехословакии и СССР (Восточная Пруссия) оказывались как будто в тумане, из которого даже выступали очертания послемюнхенского передела Европы. Аденауэр рассматривал Ялтинские и Потсдамские соглашения, на которых зиждилось

послевоенное мировое устройство, как временные. Значит, новый передел мира в любой момент мог стать реальностью.

Хрущеву пришлось проглотить эту пилюлю. Бонн по-прежнему не признавал ГДР и считал, что только ФРГ представляет всех немцев.

Это был холодный мир. Спустя несколько дней в Москву прибыла делегация ГДР во главе с Вальтером Ульбрихтом, был подписан договор, согласно которому республика стала обладать полным суверенитетом и правом самостоятельно строить отношения с ФРГ Властям ГДР передавались контроль и охрана границ. Советская сторона оставляла за собой только контроль за передвижением воинского персонала и грузов гарнизонов США, Англии и Франции, расположенных в Западном Берлине. Пост советского Верховного комиссара был упразднен, его функции по поддержанию контактов с представителями западных держав был передан советскому послу в ГДР. (Через 30 лет, когда новое поколение восточногерманских руководителей начнет самостоятельную игру с Бонном, в результате чего советские позиции будут ослаблены, эта щедрость Хрущева была оценена как ошибочная; западные державы отнеслись к ФРГ гораздо более рационально.)

С Ульбрихтом Хрущев был близко знаком еще со Сталинградского фронта, где немецкий коминтерновец вел радиопропаганду на гитлеровские войска и вечером после работы иногда шутливо говорил Никите Сергеевичу: «Сегодня я заработал себе обед».

В общем, война еще обжигала всех, она была ближе, чем отдаленное будущее, где, возможно, коммунизм вообще восторжествует во всем мире.

Через неделю эшелоны с военнопленными немцами стали прибывать в Германию. Для тех людей война закончилась только сейчас, но вот что поразительно: подавляющее большинство пленных сохранили к России теплые чувства, что, как мы увидим, сыграет свою роль и в дальнейшей истории российско-германских отношений.

А пока германская проблема (и шире — проблема ослабления военного противостояния в Европе) оставалась неразрешимой, что влекло за собой усиление влияния США на все европейские дела и вынуждало СССР расходовать дополнительные ресурсы на оборону.

Аденауэр скептически оценивал Хрущева: «Он плохо осведомлен о положении дел на Западе, ибо получает неверную информацию от своих послов. Ни один диктатор не терпит сообщений, не укладывающихся в его линию. А Хрущев считает,

что капиталистические страны неукоснительно идут к гибели. С диктаторами невозможно добиться никаких договоренностей. Они откажутся от любых обязательств, как только таковые будут мешать осуществлению их целей. Компромисс для них возможен лишь с точки зрения собственной полезности, интересы других им безразличны. Хрущев — жестокий лихач. С ним не придут серьезные и глубокие перемены в международной жизни.

Сравните Хрущева с президентом Эйзенхауэром. Американец — приличный человек, прямолинейный и простой солдат. Хрущев — обманщик, разбойник, у которого нет никаких моральных устоев. Если Эйзенхауэр примет Хрущева за порядочного человека, он совершит ошибку, за которую придется дорого заплатить. С Хрущевым можно иметь дело, только не отходя от кассы. У него нельзя брать никаких векселей. Он говорит много и часто необдуманно. По одному и тому же делу может сказать сегодня одно, а завтра — другое. Его нельзя оценивать мерками западного государственного деятеля, тщательно обдумывающего каждое слово»{194}.

Эта адресованная западным СМИ оценка во многом была несправедлива и несла конфронтационный заряд, так как канцлер прежде всего опасался, что Эйзенхауэр пойдет навстречу Москве и согласится на вывод всех войск из Германии, что сразу превратит ФРГ во второстепенное государство. Действительно, президент США допускал создание контролируемой нейтральной зоны в Европе, против чего возражала практически вся политическая американская элита.

Глава 21.
ВЕНГЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ, СУЭЦКИЙ КРИЗИС

Что же касается «мерок западного деятеля», то, действительно, Хрущев никак под них не подходил. Порой его заносило так, что окружавшие были в ужасе. Показанный Аденауэру кулак о многом говорил.

Для Громыко поведение Хрущева было непредсказуемо. Например, во время поездки Никиты Сергеевича в США в 1960 году на сессию Генеральной Ассамблеи ООН произошел такой казус. Машина, в которой сидели Хрущев, Громыко и переводчик Виктор Суходрев, проезжала по одной из улиц, где велась большая стройка. Громыко заметил: «Смотрите, как интересно строят. И быстро, и грязи нет, и улицу не перекрывают».

«Никита Сергеевич вгляделся и отрезал:

— Ну и дураки! Неэффективно это, медленно, для строителей неудобно. Только время теряют. Мы так строить не будем. Стройка так стройка! Надо все огородить, перекрыть, стройматериалы завезти, чтобы все под рукой было. Тогда и будет быстро и хорошо»[{195}].

После этого экспрессивного ответа Громыко «сразу притих и больше не сказал ни единого слова».

Случалось, Хрущев отказывался принимать подаваемые Громыко записки («Выбрось их в корзину») и с ходу предлагал свои идеи. Министр иностранных дел был для него не более чем исполнителем.

Тем не менее германский вопрос требовал каких-то новых действий. Запад не соглашался с выводом всех оккупационных войск из Западного Берлина, не соглашался и с созданием Германской конфедерации.

* * *

Один из поступков буквально потряс Громыко, хотя и он сам был втянут в шутовское представление. Вот как он рассказывал сыну об этом: «Ты представляешь, выступает, да не кто-либо, а лощеный Макмиллан, премьер-министр Великобритании. Так как это было в разгар “холодной войны”, делает выпады в наш адрес. Ну, я бы сказал, работает обычная ооновская кухня, со всеми ее политическими, дипломатическими и пропагандистскими приемами. Я сижу и думаю, как на эти выпады при случае, в ходе дебатов, ответить. Неожиданно сидевший рядом со мной Никита Сергеевич наклоняется и, как я сначала подумал, что-то ищет под

столом. Я даже чуть отодвинулся, чтобы ему не мешать. И вдруг вижу — вытаскивает ботинок и начинает колотить им по поверхности стола. Откровенно говоря, первая мысль была, что Хрущеву дурно. Но через мгновение я понял, что наш лидер протестует таким образом, стремится поставить Макмиллана в неловкое положение. Я весь напрягся и против своей воли стал стучать по столу кулаками — ведь надо же было как-то поддержать главу советской делегации. В сторону Хрущева не смотрел, мне было неловко. Ситуация складывалась действительно комическая.

Десятки делегатов смотрели в нашу сторону, но никто даже не улыбался. А сидевший впереди испанец не выдержал, обернулся и буквально прошипел: “Вы нам не нравитесь… Вы нам не нравитесь”. Честно скажу, мне эта ситуация тоже более чем не нравилась. Серьезная дипломатия не допускает шутовства. А ведь Хрущев вел себя как настоящий шут.

— Этот эпизод войдет в анналы ООН, о нем никогда не забудут, — сказал я и добавил: — И ведь что удивительно, можно произнести десятки умных и даже блестящих речей, но оратора через десятилетия, может, никто и не вспомнит, башмак Хрущева не забудут.

— Лучше быть забытым, чем прослыть дураком, — сказал отец»[196].

Обострение «холодной войны». Венгерское восстание, Суэцкий кризис

После XX съезда КПСС ситуация в странах социалистического лагеря стала быстро накаляться. Развенчание Сталина было сигналом к освобождению от тотальности советского образца государственности. В июне 1956 года под лозунгом «Хлеб и свобода» начались волнения в польском городе Познани, подавленные с привлечением армии. Свыше пятидесяти человек было убито.

Но еще более серьезные потрясения начались в октябре в Венгрии. Имея пример независимой политики Тито и обнадеженная секретным антисталинским докладом Хрущева, венгерская партийная молодежь выступила за либерализацию режима. 23 октября в Будапеште началась стотысячная демонстрация. Демонстранты требовали отставки правительства и партийного руководства. Они пытались прорваться к радиостанции, чтобы вести прямую трансляцию митинга. В других городах страны тоже начались волнения. Сотрудники венгерской госбезопасности, защищая радиостанцию, открыли огонь. Демонстранты ответили стрельбой. Началось вооруженное восстание. На следующий день в Будапешт были введены советские танки, но это только разожгло сопротивление. Советское руководство оказалось перед выбором — оккупировать Венгрию или смириться с поражением. Советское руководство опубликовало заявление, в котором признавались «серьезные ошибки» и «нарушение принципа равенства в отношениях с социалистическими странами». Однако это не помогло. Восставшие захватили здание горкома партии в Будапеште и повесили на уличных фонарях несколько офицеров безопасности. Для советского руководства наступил час роковых решений.

Положение усугубилось тем, что 29 октября в ответ на национализацию Египтом Суэцкого канала начались военные действия Англии, Франции и Израиля против Египта. В Москве увидели в этом связь с венгерскими событиями и содрогнулись перед перспективой тотального поражения. За Венгрией могли последовать другие социалистические страны. Тито не скрывал своих надежд экспортировать свой вариант социализма в Польшу и Венгрию.

31 октября Хрущев отдал приказ навести порядок в Венгрии с применением вооруженных сил. Мао Цзэдун сообщил в Москву, что поддерживает силовое решение. Через несколько дней

венгерское восстание было подавлено.

Но это была сомнительная победа, за ней потом последовали подобные — ввод войск в Чехословакию в 1968 году и в Афганистан в 1979 году.

Параллельно венгерским событиям крайне обострилось положение на Ближнем Востоке в ноябре 1956 года, где президент Египта Гамаль Абдель Насер национализировал Суэцкий канал, по которому проходило две трети ввозимой в Европу нефти. Вместо того чтобы договориться с египтянами о финансовых условиях сотрудничества, правительства Англии, Франции и Израиля организовали интервенцию, не поставив в известность старшего союзника.

Советский Союз поставлял оружие египтянам, пытался перехватить стратегическую инициативу в этой стране, воспользовавшись отказом США выдать Каиру кредит для постройки Асуанской плотины на Ниле. Видимо, в Лондоне, Париже и Тель-Авиве посчитали, что Соединенные Штаты воспримут их военную операцию позитивно. Однако они не учли, что в Америке проходила предвыборная президентская кампания, и Эйзенхауэр пришел в бешенство, когда узнал об этой военной акции. Канал египтяне заблокировали десятками затопленных барж со щебнем, доставка нефти в Европу прекратилась, и к тому же Соединенные Штаты, которые вовсе не горели желанием усиливать в регионе позиции европейцев, отказались помочь союзникам поставками своей нефти, на что те очень надеялись.

«Я склоняюсь к мнению, — саркастически заметил Эйзенхауэр своим помощникам, — что те, кто затеял эту операцию, должны быть предоставлены самим себе в деле решения своих нефтяных проблем, так сказать, покипеть в своей собственной нефти».

Англичане и французы быстро утратили воинственность, когда столкнулись с удушающей нехваткой нефти. В результате агрессоры ушли, Насер остался, США окончательно утвердили свое первенство на Ближнем Востоке, а Советский Союз все-таки просунул ногу в захлопывающуюся дверь (после провалов в Иране и Израиле).

Активность в Египте (Хрущев пригрозил Англии и Франции войной вплоть до применения ядерного оружия), разумеется, привела к усилению «холодной войны».

После венгерских событий для Советского Союза наступило новое время — возникли и все более углублялись проблемы внутри социалистического лагеря, к которым добавились ухудшающиеся отношения с Китаем. Пекин не скрывал недовольства хрущевской политикой десталинизации, назвал ее

«отброшенным мечом». Мао Цзэдун говорил: «Сталина можно было критиковать, но не убивать».

Как ни странно, по мысли китайский лидер почти полностью повторил слова де Голля о Сталине, сказанные в марте 1953 года: «Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел “приручать” своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено…»

Постепенно растущая напряженность привела в конце концов к открытой вражде Москвы и Пекина. Стремление Хрущева к разрядке (СССР не выдерживал экономического противостояния с Западом) и ограничению распространения атомного оружия вызывало сопротивление Мао Цзэдуна, который видел в этом попытку урезать самостоятельность Китая. Еще в сентябре 1954 года, то есть уже после смерти Сталина, Хрущев прибыл в Китай с официальным визитом, чтобы укрепить свой авторитет в международном коммунистическом движении, в чем он тогда весьма нуждался. Был подписан целый ряд соглашений: выделялся новый кредит на 520 миллионов инвалютных рублей, расширялась помощь в строительстве 141 промышленного предприятия, китайцам возвращались военные базы в Порт-Артуре, ликвидировались совместные предприятия, создания которых так добивался Сталин. Кроме того, Хрущев дал согласие помочь в создании ядерного оружия и подготовке ученых-атомщиков. Позже Хрущев говорил о своих тогдашних ощущениях: конфликт с Китаем неизбежен.

В середине ноября 1956 года на 2-м пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун открыто критиковал тезис Хрущева о возможности мирного перехода от капитализма к социализму: если можно взять власть парламентским путем, то другим странам «не надо учиться у Октябрьской революции», «с открытием этой двери, ленинизм уже в основном отброшен». Мао называл Хрущева «слабым политиком», слишком простодушным.

С полной очевидностью обнаружилось даже не расхождение во взглядах, а настоящий разрыв — китайские руководители, которым еще предстояло провести ускоренную модернизацию, были готовы на любые жертвы, а советские руководители, уже прошедшие этот путь и уцелевшие, должны были вести свою уже урбанизированную страну иным путем.

Летом 1959 года СССР прервал сотрудничество с Китаем в ядерной области, на следующий год были отозваны оттуда все специалисты и технический персонал. Китайцы уже прямо

называли политику Хрущева «авантюристической» и «капитулянтской» и потребовали пересмотреть границы, «навязанные Китаю неравноправными договорами российских царей». Также резко обострились отношения СССР с Албанией и Румынией, руководство которых поддержало Китай.

Как отнесся к этому конфликту Громыко? Он считал, что Хрущев сделал много ошибок в отношениях с Китаем и что не надо было горячо и бездумно рвать буквально выстраданные в 20—40-е годы отношения тесного сотрудничества.

В ноябре 1958 года Хрущев неожиданно выступил с инициативой заключения странами-победительницами мирного договора с двумя германскими государствами — ФРГ и ГДР — при одновременном придании Западному Берлину статуса «вольного города». Г. Корниенко вспоминал: «В октябре 1958 года в связи с обострением ситуации вокруг китайских прибрежных островов Куэмой и Мацзу, удерживавшихся Тайванем при поддержке США, Джон Фостер Даллес сделал заявление в том смысле, что США не остановятся перед применением силы, чтобы воспрепятствовать захвату Пекином этих островов, точно так же как в Европе западные державы никогда не отдадут Москве Западный Берлин. Г.М. Пушкин, в то время заведующий Отделом информации ЦК КПСС, рассказывал: когда он привлек внимание Хрущева к этому заявлению Даллеса, чтобы предостеречь от опрометчивых шагов в отношении Западного Берлина, реакция была совершенно противоположной. Хрущев разразился тирадой примерно следующего содержания: ишь, как расхрабрился Даллес, ну и пусть китайцы «чикаются со своими говенными островами», а нам пора показать Даллесу «кузькину мать» в Берлине. И. далее последовало указание ускорить подготовку германского пакета предложений.

Поскольку западные державы заняли резко отрицательную позицию в отношении выдвинутых Хрущевым предложений по Германии, он периодически грозил, что в этом случае Советский Союз один заключит мирный договор с ГДР, а это будет означать прекращение оккупационного режима и в Западном Берлине, находившемся на ее территории; соответственно, после этого западным державам придется договариваться о доступе в Западный Берлин непосредственно с правительством ГДР.

Однако проект провозглашения Западного Берлина вольным городом был чреват непредсказуемыми последствиями: попытки силой воспрепятствовать военным перевозкам в Западный Берлин могли вызвать вооруженный конфликт. Эти соображения Громыко Хрущевым были отвергнуты.

«Руководители США не такие идиоты, чтобы ставить себя под

удар из-за Западного Берлина, — уверенно заявил Хрущев. — Если бы мы даже силой выпроводили их из города, войны американцы не развязали»{197}.

Нота с ультимативным требованием в течение полугода превратить Западный Берлин в вольный город была отправлена 27 ноября 1958 года.

Особенность и даже трагический оттенок этому событию придавало одно обстоятельство, выявленное несколько позже молодым сотрудником МИД Фалиным.

Оказывалось, что абсолютно весь Берлин должен был находиться под советским контролем, огромные жертвы Красной армии весной 1945 года при его штурме имели стратегическое оправдание.

«Западные дипломаты ломали себе голову, почему Москва не вводит в оборот те или иные неудобные для трех держав прецеденты, документы. В 1947 году, к примеру, в документах Контрольного совета была совершена запись: Берлин является местом пребывания четырехсторонних органов и одновременно столицей советской зоны. Весь Берлин. Инициаторами записи были англичане, задумавшие пропустить щупальца в восточную часть города и, если получится, в Восточную Германию. Имейся у трех держав нечто отдаленно похожее, оправдывавшее превращение Берлина в землю ФРГ, с Советским Союзом и говорить бы не стали. Пользовались же четыре с половиной десятилетия воздушными коридорами на основании рекомендаций административного департамента, хотя они не были утверждены, как положено, Контрольным советом»{198}.

Эти записи были «открыты» Фалиным в неразобранном архиве только после 1959 года, что уже не могло исправить сложившуюся ситуацию. Узнав об этом, Громыко был поражен. Все признаки бескультурья и непрофессионализма, от которых часто страдало государство после революционной смены правящей элиты в 1917 году, были налицо.

Глава 22.
ПРОТИВОСТОЯНИЕ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ БЕСПЕРСПЕКТИВНО И ОПАСНО, НАДО ДЕЙСТВОВАТЬ ПО-ДРУГОМУ

Хрущев проучил Эйзенхауэра и сорвал переговоры

Тем не менее напор Москвы в конце концов привел к небольшим подвижкам: весной 1959 года с премьер-министром Англии Г. Макмилланом в Москве было решено, что необходимы срочные переговоры по германскому мирному договору и берлинскому вопросу.

Летом 1959 года в Женеве состоялось совещание министров иностранных дел четырех держав с участием министра иностранных дел ГДР и министра (позже спецпредставителя) ФРГ.

Правда, западные чиновники никак не хотели признавать ГДР независимым государством и называли ее «советской оккупационной зоной», в очередной раз демонстрируя юридическую шаткость советских позиций в Европе.

И все же после Женевы дело чуть продвинулось: не всем было удобно жить между двумя военно-политическими жерновами.

* * *

Далее западноберлинский конфликт стал более спокойным. В день закрытия Женевской конференции Москва резко притормозила — ультиматум фактически отозван; до тех пор, пока идут переговоры, статус города не изменится.

В июле 1959 года Хрущев пригласил президента Эйзенхауэра в Москву, надеясь, что с фронтовиком он сумеет договориться. Кроме того, в Москве состоялась американская выставка, на открытии которой присутствовал вице-президент Р. Никсон. А в сентябре Хрущев направился в Вашингтон.

«В ходе длительных бесед, проходивших, как свидетельствуют присутствовавшие, в весьма дружественном духе, Эйзенхауэр признал, что положение в Западном Берлине ненормальное, надо искать скорейший выход, тем более, что быстрое воссоединение Германии маловероятно»{199}.

Далее Хрущев закрепил успех во время официального визита во Францию в марте 1960 года, когда французский президент де Голль высказался за нерушимость послевоенных границ Германии и заявил, что между СССР и Францией нет непреодолимых противоречий по германскому вопросу

По-видимому, оставался последний шаг, который следовало

сделать в мае того же года на встрече в Париже всех четырех руководителей. И этот шаг был сделан, но только в другую сторону!

Перед той конференцией в верхах произошло событие, продемонстрировавшее советскую военно-техническую мощь, — 1 мая в районе Свердловска (ныне Екатеринбург) ракетой «земля — воздух» был сбит американский разведывательный самолет, летевший на высоте свыше 20 тысяч метров, ранее недостижимой для советских ПВО. Хрущев был в восторге.

Наверное, было бы лучше, чтобы советская ракета промахнулась, тогда бы Парижская встреча закончилась бы иначе.

В столицу Франции советская делегация прибыла в приподнятом настроении, предчувствуя дипломатический успех. Вместе с Хрущевым были Громыко, министр обороны маршал Родион Малиновский, много советников и экспертов, в том числе А. Александров-Агентов, будущий помощник Брежнева по международным делам.

И что же? Вместо лаврового венка миротворца Хрущев вдруг поднял кулак. Неожиданно он потребовал от Эйзенхауэра извинений. Несмотря на то что президент США при поддержке де Голля и Макмиллана предлагал отделить вопрос с разведывательным полетом от самой темы конференции, Никита Сергеевич требовал извинений и наказания виновных. Напрасно де Голль и Макмиллан поочередно посещали американца и русского и уговаривали начать работу, Хрущев не уступил.

Конференция была сорвана.

Громыко переживал едва ли не больше всех. Позже он скажет: «Жаждой прослыть первым дипломатом Хрущев деформировал развитие, сорвав Женевскую конференцию».

Александров-Агентов по этому поводу добавил: «Тринадцатью годами позже описываемых событий, в период переговоров американцев с Брежневым по Ближнему Востоку, у меня был в Кремле короткий разговор с Киссинджером, во время которого мы вспомнили майские события 1960 года в Париже. Киссинджер тогда сказал: “А знаете ли вы, что все, чего вы добились своими соглашениями с ФРГ и Западом в 1970— 1971 годах (признание ГДР, признание послевоенных немецких границ, берлинское урегулирование. — А.А.), вы могли иметь десятью годами ранее — в 1960 году. Я читал директивы, утвержденные для нашей делегации в Париж, и там предусматривалась возможность подобных наших уступок по всем этим вопросам”{200}.

Этот случай показал не меньше, чем забытый документ по Западному Берлину, изъяны советской дипломатии, — начиная со

Сталина и кончая последним лидером Горбачевым, вся политика, внешняя и внутренняя, сосредоточивалась в руках одного человека, которого никто не мог поправить в случае ошибки. И если Сталина, в силу его железной натуры, было трудно провести на различных хитростях, которыми полна дипломатическая практика, то другие часто заглатывали приманку.

Перед отлетом из Парижа Хрущев собрал большую пресс-конференцию и перед сотнями западных журналистов разразился эмоциональной антиамериканской речью. Услышав неодобрительное гудение, выкрики и свист, он взорвался: «Хочу сразу ответить тем, кто здесь “укает”. Меня информировали, что канцлер Аденауэр прислал агентов, не добитых под Сталинградом. Они шли тогда с уканьем. А мы им так укнули, что на три метра в землю вогнали. Так что вы укайте, да оглядывайтесь»{201}.

Аденауэр так прокомментировал выходку Хрущева: «Нам здорово повезло. Хрущев совершил большую ошибку. Он мог многого добиться от Эйзенхауэра»{202} *.

В общем, ничего, кроме эмоциональной разрядки, Хрущев не добился. Стоило ли ради этого огород городить?

Выпалив про «уканье», Хрущев, довольный, повернулся к Громыко и Малиновскому и удовлетворенно произнес: «Люблю воевать с врагами рабочего класса!» Он посчитал себя победителем и ждал от западных руководителей признания своей мощи.

«Если вы развяжете войну из-за Берлина…»

После этого контакты между США и СССР были фактически заморожены. Они возобновились только с приходом в Белый дом нового президента Джона Кеннеди.

3—4 июня 1961 года Хрущев и Кеннеди встретились в Вене. Президент признался, что именно он отдавал приказ о вторжении на Кубу в заливе Кочинос, закончившемся провалом. Но он не сказал, что готовится новая операция против Кубы под кодовым названием «Мангуст».

«На мой взгляд, в июне 1961 года Кеннеди был до крайности ограничен в поиске компромисса. Он мог бы, как говорилось советским представителям, принять к сведению заключение Советским Союзом мирного договора с ГДР при условии, что фактически подтверждались бы права трех держав в Западном Берлине. Новый президент не молился на воссоединение Германии и, как мы вычисляли, был готов втихомолку перенести эту проблему во второй эшелон»[203] **.

У Хрущева был выбор — либо небольшой компромисс по Западному Берлину, либо свобода рук для защиты интересов СССР и союзников.

Снова германский вопрос, снова Хрущев решительно говорил, что до конца года подпишет мирный договор с ГДР, а это означало, что ГДР станет контролировать Восточный Берлин и, разумеется, границы вокруг Западного. Кеннеди отвечал, что это не стыкуется со всеми послевоенными договоренностями и приведет к опасному обострению отношений.

Поняв, что договориться по германскому вопросу не удается, Хрущев сказал: «Если вы развяжете войну из-за Берлина, то уже лучше пусть сейчас будет война, чем потом, когда появятся еще более страшные виды оружия»[204].

То есть он снова стал грозить, как когда-то грозил Аденауэру кулаком.

Впрочем, Кеннеди был настроен неагрессивно, предложил договориться о мирном сосуществовании и невмешательстве в зоны влияния друг друга. Это означало, между прочим, и указание отвернуться от Кубы. Хрущев в ответ поведал своему молодому собеседнику о национально-освободительном движении, препятствовать которому никто и нигде не имеет права.

Как заметил Фалин: «По разным причинам напряженность устраивала тогда оба правительства».

Однако всего лишь напряженность, заметим мы, но никак не

война. А дело быстро скатывалось именно к обрыву. Американцы быстро увеличили группировку своих войск в Западном Берлине, армия ФРГ тоже увеличилась.

И тут вступил в действие другой фактор — побег восточногерманских немцев на Запад. Восточногерманская пропаганда, уверявшая граждан, что мирный договор вот-вот будет подписан и весь Берлин станет столицей ГДР, подняла волну бегства.

«Положение становилось отчаянным. В ряде районов ГДР не осталось ни одного врача-окулиста, отоларинголога, гинеколога. Они, как и многие высококвалифицированные технические специалисты, уходили и уходили на Запад. Неспокойно было и на предприятиях»{205}.

Ульбрихт предупредил Хрущева, что если граница будет открыта, то вскоре случится катастрофа: налицо признаки бунта. К тому же сейчас не 1953 год, не исключено вмешательство бундесвера.

И Хрущев дал согласие закрыть границу В ночь с 12 на 13 августа граница с Западным Берлином была огорожена столбами с колючей проволокой и почти сразу — бетонной стеной.

Западная сторона ответила на это длительным молчанием. У нее был незавидный выбор — вооруженное вмешательство, что при наличии огромного перевеса советских сухопутных войск и островного положения Западного Берлина было бесперспективно, или ядерная война, что еще хуже. Но, кроме того, была надежда, что Хрущев удовлетворится поддержкой восточногерманских союзников и на этом успокоится, не касаясь больше темы превращения Западного Берлина в вольный город и германского мирного договора.

Поэтому вполне объяснимы последующие заявления Кеннеди, что ответственность Запада не кончается на границах с Восточным Берлином.

Тем не менее некоторое время весы находились в очень неустойчивом положении. К тому же западноберлинская полиция получила приказ «оказывать огневую поддержку» перебежчикам из ГДР, и несколько пограничников ГДР были убиты. Это означало, что западногерманская сторона не исключает столкновения Советского Союза с тремя державами. Распаленные западноберлинцы стали нападать и на машины американской военной полиции, протестуя против бездействия американцев, а это могло привести уже к конфликту с западными военными властями. Поэтому Западноберлинский сенат был вынужден собственными силами подавить эти демонстрации.

И вот тут произошло очень важное событие — поворот в

головах правящего бургомистра Западного Берлина социал-демократа Вилли Брандта и его ближайшего сотрудника, руководителя пресс-службы сената Эгона Бара. Они решили, что лобовое противостояние с Советским Союзом бесперспективно и опасно, что надо действовать по-другому.

Тогдашний сотрудник советского посольства и впоследствии посол СССР в ФРГ Юрий Квицинский увидел в изменившейся стратегии большую опасность, «завернутую» в привлекательные обертки.

Новый план «состоял в том, чтобы перейти от политики конфронтации к политике все более широкого сотрудничества с социалистическими странами. В результате такого сотрудничества и все более расширяющегося общения населения с обеих сторон в странах социалистического лагеря должны были со временем возникнуть такие материальные и духовные запросы населения, которые правящие там режимы в силу своего характера не смогут удовлетворять. Это будет создавать, считал Бар, все более нарастающее внутреннее давление на правящие коммунистические партии. Конечная цель, по Бару, — заставить правящие коммунистические партии своими собственными руками начать демонтаж своих режимов. С помощью военной силы вопрос ликвидации социализма в Восточной Европе не поддавался решению. Его следовало решать с помощью баровской политики “поворота путем сближения”. Она, кстати, гениально корреспондировала нашим призывам к мирному существованию и мирному соревнованию с Западом. Бар как бы шел нам навстречу с распростертыми объятьями.

Надо признать, что он далеко смотрел. Опасность его замыслов тогда мало кто понял. Что за чушь, говорили у нас, КПСС сама будет демонтировать свою власть? Да не будет такого никогда в жизни. К тому же замыслы Бара в штыки встретили тогда ХДС и все окружение Аденауэра»{206}.

Насколько проработанным был план, трудно судить. Если уподобить дипломатию поединку гроссмейстеров (что вполне сравнимо по напряжению мысли и расчету многих вариантов), то, пожалуй, невозможно предвидеть финал любого, даже гениального плана. Вполне допустимо, что никакого плана на самом деле не существовало, а была стратегическая программа, нечто похожее на стратегическую «Операцию Лиотэ», нацеленную на выявление и использование трудностей и уязвимых мест Она — этот шедевр «холодной войны» — получила имя французского генерала Луи Юбера Лиотэ, командовавшего колониальными войсками в Марокко; во время одного из мучительных переходов под палящим солнцем он отдал приказание засадить края дороги

деревьями и на ответ, что деревья вырастут только через пятьдесят лет, скомандовал: тогда их надо сажать прямо сейчас!

Понятно, почему план тайных операций британской разведки МИ-6 против Советского Союза получил имя французского генерала?

Однако Брандт и Бар не имели отношения к спецслужбам, они действовали, исходя из собственного видения будущего, и то, что оно совпало с представлениями других планировщиков, свидетельствует только об одном — несмотря на грозные вооруженные силы, внутреннее положение СССР оценивалось Западом как нестабильное.

22 октября 1961 года Хрущев пригласил Громыко с несколькими сотрудниками в Кремль. Там уже были военные, министр обороны Малиновский и маршал Конев. Хрущев сообщил, что американцы собрались «пройтись танками по пограничным сооружениям ГДР», а в ответ в ГДР командируется Конев, наделенный широкими полномочиями. Если американцы выведут танки и начнут давить пограничные заслоны, то советские танки откроют по ним огонь. Задача Громыко — довести до американцев решимость советского руководства не останавливаться даже перед угрозой прямого военного противостояния.

При этом, как мы уже говорили, у обеих сторон не было никакого желания начинать войну из-за Западного Берлина. Не было, но логика глядящих друг на друга сквозь артиллерийские прицелы воинских группировок толкала к столкновению.

Громыко сумел остановить войну: было договорено с американцами, что танки поочередно начнут пятиться от роковой черты — каждая сторона отступит и наблюдает, делает ли это другая. Так и отвалились друг от друга, перепугав полмира.

В декабре того же года Аденауэру было направлено конфиденциальное письмо, в котором впервые в советской дипломатической практике высказывалась необходимость двигаться к общим человеческим целям, заменить военное соперничество экономическим соревнованием двух систем, отказаться от применения силы. (Авторство документа, одобренного Громыко и Хрущевым, принадлежало руководителю 3-го Европейского отдела советского МИД В. Фалину, который предвосхитил реалии горбачевской внешней политики.)

Как мы вскоре увидим, стратегия западногерманских социал-демократов станет успешно осуществляться при поддержке высших руководителей СССР, которые, правда, не ставили, конечно, перед собой задач ослабления своего государства. Громыко же далеко не сразу уступит давлению своих коллег,

среди которых были Брежнев и Андропов.

Именно на германском вопросе споткнется Кремль, если говорить о внешнеполитических обстоятельствах разрушения Советского Союза. Потом будут и другие вопросы, но план Бара — это был решающий момент.

Глава 23.
ВОЙНА НА ПОРОГЕ США

Тут германский вопрос вдруг получил новую окраску, ибо начался еще один кризис — Кубинский (Карибский). Ему предшествовали многие события, в результате которых начала складываться новая мировая реальность, а также усиливаться антихрущевские настроения в политической элите Советского Союза.

20 февраля 1962 года в Пентагоне был утвержден «кубинский проект», согласно которому в октябре того же года должен был свергнут режим Кастро, для чего предусматривалось использование американских вооруженных сил. Конгресс США разрешил президенту предпринимать военные действия против Кубы, если это потребуется «для защиты американских интересов».

В феврале 1962 года началось массированное развертывание на Кубе советской военной помощи. Хрущев считал, что «отдать» Кубу — «это был бы большой удар по марксистско-ленинскому учению, и это отбросит нас от латиноамериканских стран, понизит наш престиж». Ответственность за это поражение легла бы на него.

На кубинскую тревогу накладывалась еще одна. До 1962 года Хрущев постоянно заявлял об успехах в ракетостроении, о массовом производстве в СССР межконтинентальных ядерных ракет, однако на самом деле США к началу Кубинского кризиса уже имели значительное превосходство в этой сфере.

«В феврале 1962-го Макнамара сообщил сенатскому Комитету по международным отношениям, что “в случае масштабного ядерного конфликта США обладают серьезным преимуществом”, а месяц спустя президент отверг устоявшееся мнение, что “США ни за что не нанесут ядерный удар первыми… Хрущеву следует знать: если будут затронуты наши жизненные интересы, мы можем проявить инициативу”»[207].

По данным Международного института по исследованию проблем мира в Стокгольме *(Stokcholm International Peace Research Institute — SIPRI),* в 1959 году стратегические вооружения США и СССР соотносились: по носителям ядерного оружия как 1551 к 108; по количеству ядерных зарядов на них как 2496 к 283, соответственно. Причем американские ядерные средства передового базирования — авиация и ракеты — в Европе и на кораблях, достигающие территории Советского Союза, SIPRI в

расчет не брал. СССР же такими средствами не обладал.

Здесь необходимо сказать о наставлении Громыко, которое он дал в марте 1962 года новому послу в США Анатолию Добрынину: «Единственный личный совет, который я хотел бы высказать, заключается в том, чтобы вы не торопились давать каких-либо скороспелых оценок по тем или иным действиям американской администрации, даже если внешне они и могли носить какой-то сенсационный характер»{208}.

Министр намекал на взрывной характер Хрущева и предупреждал собеседника об опасности, могущей неожиданно явиться из неадекватного восприятия лидером дипломатических донесений. К тому же он не был «сторонником конфронтации с США и старался по возможности избегать их. Он ценил элементы стабильности в этих отношениях, хотя и не настаивал должным образом на своем мнении, если это расходилось с мнением напористого Хрущева. («Надо отдать должное Громыко: в частном разговоре с ним он обычно высказывал откровенно свою точку зрения, но не доводил дело до серьезного спора, тем более в присутствии других членов советского руководства»{209}.)

В общем, Хрущев и, соответственно, Громыко осенью 1962 года находились в очень трудном положении. К главной внешнеполитической проблеме, германскому вопросу, вдруг присоединилась Куба. Это напоминало ситуацию с Испанией в 1936 году, когда Сталину пришлось вопреки интересам СССР оказывать помощь республиканскому правительству и тем самым обострять отношения с Англией и Францией, ставя под удар лелеемую им систему коллективной безопасности. Точно также и Хрущев, считавший войну с Америкой недопустимой, был вынужден защищать Кубу, идя на риск прямого столкновения.

Кеннеди тоже считал бессмысленным начинать войну из-за Западного Берлина, предлагал «дать Советскому Союзу любые гарантии, что не передадим западным немцам ядерного оружия», и говорил о возможности постепенного отвода американских и советских войск из Европы. Если бы вдруг ожил Сталин, он наверняка был бы доволен. Однако идея вывода войск не вызвала одобрения в Москве, так как опасались, что это скажется «на стабильности режимов в странах Восточной Европы» *(А. Добрынин)*. Москва уже не могла превратить коммунистические правительства в странах Восточной Европы просто в демократические. Времена изменились.

В апреле 1962 года министр обороны Родион Малиновский доложил Хрущеву о преимуществе американцев в ракетной технике и о том, что они закончили размещение ядерных боеголовок «Юпитер» в Турции. Хрущев быстро сообразил, что

надо предпринимать в ответ что-то неожиданное: «А что, если запустить в штаны дяди Сэма нашего ежа?»

Он имел в виду Кубу.

«Однако Громыко, если верить его воспоминаниям, все же воспротивился: "…Завоз на Кубу наших ядерных ракет вызовет в Соединенных Штатах политический взрыв. В этом я абсолютно уверен…"»{210}.

22 октября 1962 года президент Кеннеди заявил, что Советский Союз размещает на Кубе ракетное оружие.

14 октября воздушная разведка американцев зафиксировала строительство на острове пусковых ракетных установок, которые, как определили эксперты, могли поразить Восточное побережье США, включая Вашингтон и Нью-Йорк. (Всего США располагали пятью тысячами единиц ядерного оружия, обеспеченных средствами доставки, у СССР их было всего 300 единиц.) Для Вашингтона действия Москвы были необъяснимыми. Там не могли понять, почему русские идут на огромный риск, зная о многократном превосходстве США в ракетно-ядерных вооружениях.

Кеннеди принял решение о блокаде Кубы, не исключая, впрочем, и иных действий, начиная от военного вторжения и кончая переговорами с Хрущевым по дипломатическим каналам.

Вокруг Кубы было сформировано кольцо, которое составили 25 эсминцев, два крейсера, несколько авианосцев и подводных лодок и большое число вспомогательных судов.

В это время на Кубе уже находились 42 советские ракеты СС-4, в том числе с ядерными зарядами, советская бригада численностью 40 тысяч человек и продолжался монтаж новых установок{211}.

Американские военные торопили Кеннеди дать согласие на вторжение, он, однако, тянул с ответом, не желая нападать первым и надеясь на мирные методы.

В этой истории, которая могла закончиться первой мировой атомной войной, обратим внимание на методы, которыми тогда действовало советское правительство. Оно использовало по меньшей мере три независимых друг от друга канала — по линии МИД, внешней разведки КГБ (Первое главное управление — ПГУ) и военной разведки Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба. Информация от ПГУ и ГРУ, приходившая в Москву, не попадала в МИД, не получала соответствующей аналитической обработки и оценки, а направлялась прямо Хрущеву (которого Государственный секретарь Дин Раек называл «сумасшедшим», имея в виду его непредсказуемость).

18 октября 1962 года в Овальном кабинете Белого дома состоялась встреча президента Кеннеди с Громыко и Добрыниным. Громыко отмечал, что Кеннеди и Раек напряжены; Государственный секретарь «красен, как рак». Советский министр сказал о том, что американцы напрасно так боятся Гаваны: Советский Союз ручается за то, что Кастро никому не угрожает. Согласно записям Громыко, президент охарактеризовал ситуацию как «самую опасную со времен войны» и заметил, что «не имеет представления, чем все это кончится». Он добавил, что не намерен вторгаться на Кубу и старается сдерживать тех, кто выступает за такое развитие событий.

В своих мемуарах Андрей Андреевич признался, что эта встреча была самой трудной в его дипломатической практике. Еще бы, добавим мы, ведь он знал, что на Кубе уже стоят ракеты средней дальности с ядерными боеголовками.

Тем не менее его мемуары дышат олимпийским спокойствием.

«Я отметил:

— Решение подавляющего большинства международных проблем является результатом переговоров между государствами и заявлений, в которых правительства излагают позиции по тем или иным вопросам.

Американскому президенту тем самым ясно давалось понять, что если у США есть какие-либо претензии к Кубе или Советскому Союзу, то их необходимо разрешить мирными средствами. Угрозы и шантаж в этой обстановке неуместны.

В то же время от имени советского руководства я заявил Кеннеди:

— В условиях, когда США предпринимают враждебные действия против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей в трудный для нее час помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя. Шестидесятые годы XX века — не середина XIX века, не времена раздела мира на колонии и не та пора, когда жертва агрессии могла подать свой голос только через несколько недель после нападения на нее. СССР — великая держава, и он не будет просто зрителем, когда возникает угроза развязывания большой войны в связи ли с вопросом о Кубе или в связи с положением в каком-либо другом районе мира.

Кеннеди затем сделал важное заявление:

— У моей администрации нет планов нападения на Кубу, и Советский Союз может исходить из того, что никакой угрозы Кубе не существует.

Тогда я сослался на военную акцию против Кубы на Плая-Хирон.

— Ведь это США ее организовали, — сказал я. — Это — продукт их политики.

И тут я услышал признание президента:

— Действия в районе Плая-Хирон были ошибкой. Я сдерживаю те круги, которые являются сторонниками вторжения, и стремлюсь не допустить действий, которые привели бы к войне.

— Не отрицаю, — сказал он, — что кубинский вопрос стал действительно серьезным. Неизвестно, чем все это может кончиться.

Он стал пространно рассуждать о размещаемом на Кубе советском “наступательном оружии”. Слово “ракеты” он не употреблял. Не моту объяснить, почему так поступил президент. Но тем самым он в какой-то мере облегчил мое положение. Мне не представлялось необходимым говорить прямо о ракетах.

Возле Кеннеди на столе лежала какая-то папка. Дотошные журналисты утверждают, что в ней якобы находились фотографии советских ракет на Кубе. Другие органы печати утверждали в те дни, что эти снимки находились в столе у президента. Возможно, правы те или другие. Но в течение всей нашей беседы президент эту папку не открывал и ящиков стола не выдвигал. Так что я никаких снимков в его кабинете не видел. Мне их никто не демонстрировал. И я не был за это в обиде на своего собеседника.

Однако, если бы президент в открытую заговорил о ракетах, я с готовностью ответил бы ему, как об этом было условлено еще в Москве: “Господин президент, Советский Союз доставил на Кубу небольшое количество ракет оборонительного характера. Никому и никогда они не будут угрожать”»{212}.

Но на самом деле переговоры прошли не так легко и просто. Как вспоминал Раек, Кеннеди дал Громыко «возможность признаться», но услышал «такое количество наглой лжи, какого я никогда прежде не слыхивал».

Добрынин вспоминал то, о чем Громыко не стал писать в своих мемуарах. Министр в своем донесении в Москву отмечал, что «правительство США поражено смелостью акции СССР по оказанию помощи Кубе. Оно рассуждает так: Советское правительство отдает себе отчет в том, какое большое значение американцы придают Кубе и ее положению и насколько болезненным для США является этот вопрос. Но раз СССР, зная об этом, идет на оказание такой помощи Кубе, значит, он полон решимости дать отпор в случае американского вторжения на Кубу»{213}.

Вывод Громыко: «военная авантюра США против Кубы почти

невероятна».

И что же? Читая о собственной смелости, Хрущев мог быть доволен.

Вспоминая ту встречу, наш герой счел нужным оправдаться.

«Иногда в печати проскальзывает сообщение, будто Советский Союз, решив разместить на Кубе ядерные ракеты, нарушил какие-то обещания о неразмещении своего ядерного оружия на Кубе. Это выдумка. Никакого обещания он не давал и, следовательно, не нарушал.

Вот что я мог бы сказать о тех днях с позиций сегодняшней гласности.

Вместе с тем не могу согласиться с тем мнением, что, дескать, в период кризиса перевозки советских ракет и их размещение на Кубе осуществлялись в излишне глубокой тайне. В некоторых комментариях эта тайна даже поносится, да еще и со вкусом.

Едва ли найдется много тех простоватых людей, которые считают, что Москва должна была информировать Вашингтон о своем решении пойти навстречу просьбе кубинского руководства и разместить на Кубе в целях ее обороны советские ракеты.

Подобные высказывания лишены смысла. Ими не оперировал в то время, о котором идет речь, даже Вашингтон. А не оперировал потому, что сам в аналогичных случаях не прибегал к этому никогда. Это относится и к его акциям, касающимся размещения американского ядерного оружия на территориях других государств.

Вот примеры.

Разве Соединенные Штаты Америки сообщали Советскому Союзу о работах по изготовлению атомной бомбы, даже на последней их стадии? Все эти работы были строго засекречены. Трумэн поставил Сталина в известность об их результатах только на Потсдамской конференции трех союзнических держав.

Разве создание многих сотен военных баз США на территориях других стран осуществлялось с уведомлением Советского Союза?

Когда в разговоре с государственным секретарем США Даллесом я ему сказал, что США втихую создают многие военные базы, особенно в районах, находящихся недалеко от границ Советского Союза, то он выразил по поводу этого представления даже удивление.

— Вопросы создания американских военных баз, — ответил он, — решают сами США, и только США, по своему усмотрению и по согласованию с теми соответствующими странами, на территории которых эти базы создаются.

Так продолжалось в течение многих десятков лет»[214].

Что ж, и Раек, и Громыко были по-своему правы — обе стороны улыбались друг другу, зная, что их генералы готовы к бою. Позднейшие оправдания Андрея Андреевича были вызваны обвинениями его в «неискренности» в грозные дни.

Строго говоря, как подчеркивал Корниенко, юридических оснований возражать против размещения советских ракет на Кубе у США не было. Ближайший помощник президента Тед Соренсен позже прямо говорил: в Белом доме осознавали, что «юридически Советы имели полное право сделать то, что они делали, при наличии согласия кубинского правительства».

22 октября Добрынин был приглашен к Раску Тот передал ему личное письмо Кеннеди Хрущеву, в котором, в частности, говорилось: «Я должен Вам заявить, что США полны решимости устранить эту угрозу безопасности нашему полушарию».

Дело зашло слишком далеко.

«Осторожный Громыко давно так не ошибался в своих оценках, — написал потом Добрынин, но сразу же переставил акценты. — Но главный просчет был допущен самим Хрущевым. Он не предвидел возможности внезапной резкой реакции США, и у него не было запасного сценария на такой случай. Б результате он был вынужден лихорадочно импровизировать по ходу бурных событий и оказался в опасной кризисной ситуации, которая сильно подорвала его позиции в мире и стране»[215].

На следующий день, 23 октября, Хрущев ответил Кеннеди: американская блокада Кубы характеризовалась как агрессивные действия против Кубы и СССР, выражалась надежда, что она будет отменена во избежание «катастрофических последствий для всего мира».

В тот же день, подчеркнул Добрынин, в Москве был арестован Олег Пеньковский, полковник ГРУ, давно завербованный ЦРУ и МИ-6, благодаря информации которого американцы могли определить по данным аэрофотосъемки наличие на Кубе ракет. На крайний случай у него было два кодированных телефонных сигнала: первый — в случае прямой угрозы ареста, второй — в случае немедленной угрозы войны вследствие команды о ракетном ударе по США. Располагая всего несколькими минутами перед арестом, Пеньковский послал второй сигнал.

«Несколько ответственных сотрудников ЦРУ, которые все эти годы работали с Пеньковским, немедленно доложили о его аресте (о чем им стало известно по другим каналам) директору ЦРУ Маккоуну, но умолчали о сигнале Пеньковского насчет войны. Они взяли на себя большую ответственность, но полагались на глубокое знание своего подопечного, страдавшего

преувеличенным самомнением»[216]. Впрочем, по другим данным, Пеньковский не передавал условного сигнала[217].

24 октября все американские телеканалы сообщали, как советский танкер приближается к границе блокады, установленной заявлением Белого дома, за которой военные корабли США должны были задержать его, не останавливаясь перед применением оружия. Подойдя к этой линии, танкер не замедлил хода. Вся Америка застыла в ожидании и страхе. Однако огня не последовало, и корабль прошел дальше. Но больше советские суда не пересекали этой страшной линии.

В тот же день Кеннеди направил Хрущеву письмо, в котором упрекал того за дезинформацию о якобы «оборонительном оружии» на Кубе и предлагал вернуться к «прежней ситуации».

Надо признать, президент был шокирован. Объяснение этому можно найти в воспоминаниях Георгия Корниенко: «Воздействие этого психологического фактора на Кеннеди и его команду, безусловно, было значительно усилено тем, что размещение Советским Союзом ракет на Кубе осуществлялось не в открытую, как это делали в аналогичных случаях США, а тайно. Более того, не просто без огласки, но с принятием мер дезинформационного характера, вплоть до прямого обмана, что не могло, когда обман раскрылся, не восприниматься как свидетельство наличия в этих действиях какого-то злонамеренного умысла. Для президента эта ситуация оказалась тем более невыносимой потому, что он сам и его ближайшие помощники, будучи введены в заблуждение советской стороной, до последней минуты невольно обманывали американский народ, отрицая наличие советских ракет на Кубе, как это сделал, например, в своем выступлении по телевидению М. Банди 14 октября — в тот самый день, когда в результате полета У-2 над Кубой были зафиксированы бесспорные свидетельства строительства там ракетных баз, но данные аэрофотосъемки не были еще доставлены в Вашингтон и обработаны». По мнению одного из ближайших помощников президента Соренсена, если бы ракеты размещались открыто, то США «провели бы линию на ста ракетах и с большими фанфарами заявили бы, что абсолютно не потерпим присутствия на Кубе больше ста ракет».

24 октября был отдан открытым текстом приказ президента Кеннеди о переводе Стратегического воздушного командования США (в него же входили и ракетные силы) из состояния *Defcon-3,* в которое оно, как и все другие командования вооруженных сил США, было приведено 22 октября из обычного для мирного времени состояния *Defcon-5,* в состояние *Defcon-2* (впервые за послевоенную историю), что означало полную боевую готовность,

включая готовность к ядерной войне.

Здесь начали действовать обе советские разведки. Резидент КГБ Александр Феклисов («советник Фомин») 26 октября дважды встречался с внешнеполитическим обозревателем телевизионного канала Эй-би-си Джоном Скали, имевшим тесные контакты с Дином Раском, и предупредил собеседника, что в случае агрессии против Кубы будет нанесен удар по американским войскам в Западном Берлине. Феклисов не был уполномочен высказывать такое, действовал из собственного понимания ситуации, но его слова были тотчас доведены до Белого дома. В результате Скали уполномочили передать Феклисову американские условия решения кризиса: СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН; США снимают блокаду и публично берут обязательство не вторгаться на Кубу.

Феклисов доложил об этом предложении послу Добрынину, но тот отказался подписывать телеграмму с этой информацией в Москву, ссылаясь на то, что МИД не уполномочил посольство вести переговоры. Дело в том, что Добрынин не знал о размещении ракет на Кубе, ибо эти сведения держались в строжайшей тайне; даже Громыко не счел возможным проинформировать посла.

В середине сентября ТАСС опубликовал заявление, фактически служившее «дымовой завесой»: «Советскому Союзу не требуется перемещать в какую-либо страну, например, на Кубу, имеющиеся у него средства для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства настолько мощны по своей взрывной силе, и Советский Союз располагает настолько мощными ракетоносителями для этих снарядов, что нет нужды искать место для размещения их где-то за пределами СССР».

Посольство руководствовалось этой информацией. Добрынин потом писал, что «они умышленно использовали своего посла вплоть до начала самого кризиса в целях дезориентации американской администрации в отношении намерений Москвы (хотя прямых указаний насчет дезориентации мне не давали). Такое поведение моих руководителей потрясло меня, когда я узнал о реальном положении вещей уже в ходе самого кризиса»{218}.

Заметим, что представитель ГРУ, корреспондент ТАСС в Вашингтоне Георгий Большаков, имевший тесный контакт с Робертом Кеннеди, тоже знал не больше посла.

Георгий Корниенко, бывший тогда советником-посланником, писал, что Хрущев «сильно надеялся», что Кеннеди проглотит «горькую пилюлю», ведь аналогичные по дальности американские ракеты уже были размещены в Турции, Италии и Англии.

Тогда Феклисов направил телеграмму за своей подписью начальнику внешней разведки КГБ А.М. Сахаровскому и стал ждать ответа.

В Гаване ждали бомбардировки американской авиацией с часу на час, правительство Кубы укрылось в бомбоубежище.

Сахаровский подтвердил получение телеграммы и просил повторить ее по мидовскому каналу. И снова Добрынин отказался подписывать телеграмму.

Тем не менее уже ночью 26 октября, в пятницу, от Хрущева в адрес Кеннеди поступило два послания, первое — примирительное, второе — более критическое. («Нападать на США советское руководство не собирается. Война между СССР и США была бы самоубийством. Идеологические различия должны решаться мирными средствами. Давайте нормализовывать отношения».)

Хрущев предложил размен: США обязуются не нападать на Кубу, а СССР не будет осуществлять никаких военных поставок, что в итоге приведет к устранению причины размещения на острове ракет. Американцы максимально быстро открытым текстом передали в Москву ответ президента, повторивший предложения Скали.

А ситуация предельно обострилась — в это время Кеннеди получил сообщение, что над Кубой сбит американский самолет-разведчик У-2, пилот погиб. Как заметил брат президента, министр юстиции Роберт Кеннеди, «вокруг всего человечества стягивается петля, из которой высвободиться все труднее».

27 октября днем Роберт Кеннеди приехал в советское посольство и встретился с Добрыниным. На встрече присутствовал и «советник Фомин».

По словам Феклисова, Москва до вечера молчала. Встревоженные американцы пригласили Добрынина в министерство юстиции к Роберту Кеннеди, который заявил, что если до завтрашнего дня не будут получены заверения о ликвидации ракетных баз, то «мы их снесем».

Вечером брат президента использовал еще один канал связи: встретился с Георгием Большаковым (полковником ГРУ) и повторил предложение.

Добрынин пишет, что уже утром 27 октября Кеннеди было вручено новое послание Хрущева, в котором дополнительно предлагалось вывести американские ракеты с Турции.

Поздно вечером *21* октября Добрынина пригласил Р. Кеннеди. («В кабинете был большой беспорядок. На диване валялся скомканный плед, видимо, хозяин кабинета тут же урывками спал».)

Американцы были согласны на обмен: ненападение против отмены дальнейших ракетных установок. О базах в Турции речи не шло.

Тогда Добрынин, хотя и не имел на то полномочий, спросил: а как быть с базами в Турции?

Оказалось, президент Кеннеди подготовил запасной вариант: это препятствие может быть устранено, однако с условием — без публичной огласки, так как вопрос размещения этих баз находится в компетенции НАТО.

Здесь надо обратиться к соответствующим страницам истории советской разведки. Благодаря полученному доступу к американской шифропереписке, внешней разведке стало известно, что США готовы к ликвидации советских ракет силовым путем, но в обмен на отказ от размещения этих ракет на Кубе возьмут обязательство не свергать правительство Кастро{219}.

Посол вспоминал: «В 4 часа дня 28 октября я получил срочную телеграмму от Громыко: “Немедленно свяжитесь с Р. Кеннеди и скажите ему, что Вы передали Н.С. Хрущеву содержание беседы с ним. Н.С. Хрущев прислал следующий срочный ответ: “Соображения, которые Р. Кеннеди высказал по поручению президента от 27 октября, и этот ответ будет самый положительный. Главное, что беспокоит президента — а именно вопрос о демонтаже ракетных баз на Кубе под международным контролем, — не встречает возражений и будет подробно освещен в послании Н.С. Хрущева»{220}.

После этого кризис быстро пошел на спад. И на сей раз обошлось.

Действительно, ракеты были вывезены, а в начале 1963 года без огласки были ликвидированы базы в Турции. Куба была спасена.

Нет, Хрущев все же проиграл: все видели его унижение, когда вывозились советские ракеты, о «турецком обмене» никто не знал. Это означало, что советская дипломатия понесла значительный урон.

Могло ли быть иначе или перед лицом глобальной угрозы не надо было обращать внимание на такие мелочи, как престиж государства?

Как признался спустя много лет Дин Раек, у президента Кеннеди был запасной вариант — организовать через посредство нейтральной стороны, Генерального секретаря ООН У Тана, публичный обмен заявлениями о выводе советских ракет и о ликвидации базы в Турции. Добрынин считал, что согласие на непубличное обещание убрать из Турции ракеты было «большой ошибкой Хрущева», которая впоследствии тому дорого обошлась.

Впрочем, и без этой ошибки Хрущев вряд ли бы смог удержаться у власти. Нас в данном случае больше занимает другой вопрос: если бы переговоры с Кеннеди вел «упертый Громыко», то, судя по его многолетней практике, он бы добился более приемлемого результата. А эмоциональная реакция в острых и даже кризисных ситуациях, которой отличался Никита Сергеевич и которая, как мы еще увидим, была свойственна и последнему руководителю СССР Михаилу Горбачеву, оказалась в дипломатическом отношении некачественным продуктом.

«Однако кубинский кризис имел и серьезные негативные последствия долгосрочного плана. Советское руководство не могло забыть унизительной потери своего престижа, граничившего с поражением, когда ему пришлось на глазах всего мира признать свою слабость и вывозить обратно свои ракеты с Кубы. Наш военный истеблишмент воспользовался этим для того, чтобы добиться новой программы наращивания ракетно-ядерных вооружений, что дало новый импульс гонке вооружений, которая по набиравшей силу инерции продолжалась еще почти тридцать лет, хотя и делались попытки ограничить какими-то рамками эту гонку»[221].

Что здесь можно добавить? Добрынин недоговаривает. Дело не только в аппетитах советского ВПК, а и в том, что в 1961 — 1963 годах США на глазах уходили в отрыв, совершенствуя свою ракетную технику. Советские проекты создания межконтинентальных баллистических ракет (МБР), которые курировали Дмитрий Устинов и Леонид Брежнев, только к 1970 году ликвидировали это отставание и, как говорит специалист в области разоружения Рубен Сергеев, «попутно сожрали косыгинскую экономическую реформу», на которую уже не хватило ресурсов.

В первом же своем публичном выступлении после смещения Хрущева (доклад 6 ноября 1964 года к годовщине Октябрьской революции) Брежнев сказал: «Советский Союз проводил и проводит ленинскую политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Она направлена на то, чтобы предотвратить мировую термоядерную войну, разрешать споры между государствами путем переговоров, уважать право каждого народа самому выбирать угодный ему общественный и государственный строй, самому решать вопросы внутреннего развития своей страны».

Сигнал Западу был послан.

Что касается соперничества МИД, КГБ, ГРУ и ЦК КПСС, то нам добавить нечего, оно продолжалось до самого конца существования СССР.

Глава 24.
СМЕРТЬ КЕННЕДИ, ЗАКАТ ХРУЩЕВА

Кризис подвел черту под «человечным», если позволительно так выразиться, периодом «холодной войны».

Президент Кеннеди в речи в Вашингтонском университете 10 июня 1963 года признал, что США не могут по своему усмотрению изменить окружающий мир, что надо научиться жить в согласии с ним. Он обещал считаться с интересами Советского Союза, чтобы больше не ставить Москву перед выбором — унижение или атомная война. («Если мы не можем покончить сейчас со всеми нашими разногласиями, то, по крайней мере, мы можем помочь сделать мир безопасным для разнообразия. Ибо в конечном счете самым основным связующим звеном для нас является то, что все мы живем на этой маленькой планете. Мы все дышим одним воздухом. Всех нас заботит будущее наших детей. И все мы смертны».)

По свидетельству Георгия Корниенко, вскоре последовали обнадеживающие действия Вашингтона и Москвы. Была достигнута договоренность о создании так называемой «горячей линии» между Кремлем и Белым домом — закрытой телеграфно-телетайпной линии, предназначенной для использования в чрезвычайных ситуациях. В июле, когда наметилось подписание договора о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах, рассматривались предложения заключить договоренности о замораживании, а еще лучше — о сокращении военных бюджетов, о мерах по предотвращению внезапного нападения, о сокращении иностранных войск в обоих германских государствах, о заключении пакта о ненападении между ОВД и НАТО.

Обсуждение этих вопросов состоялось во время приезда Раска в Москву в начале августа для подписания договора о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах, а затем продолжалось в ходе визита Громыко в Вашингтон в октябре 1963 года. В беседе Громыко с президентом Кеннеди 10 октября было достигнуто понимание, что в следующем, 1964 году США и СССР без какого-либо формального соглашения на этот счет, в порядке взаимного примера, заморозят свои военные расходы. В таком же порядке стороны запланировали несколько сократить свои войска в Европе. Г. Корниенко: «В тот же день за обедом в советском посольстве между Громыко и Раском состоялся разговор, который можно считать началом обмена мнениями между СССР и США по стратегическим вооружениям. Раек предложил рассмотреть

вопрос об уничтожении всех американских бомбардировщиков типа Б-47 и соответствующих советских бомбардировщиков, Громыко, со своей стороны, предложил обсудить и вопрос о ракетах. Раек подтвердил готовность США обсуждать “весь комплекс средств доставки ядерного оружия”, но начинать предлагалось с бомбардировщиков. Стороны условились продолжить обмен мнениями по этому кругу вопросов».

Кеннеди оставалось жить всего шесть недель.

Наступало другое время, которое выбрало других лидеров.

Мы не можем утверждать, насколько закономерным был уход Кеннеди и Хрущева, можем только подчеркнуть, что в истории XX века была перевернута очередная страница.

22 ноября 1963 года в Далласе был убит президент Джон Кеннеди, а 14 октября 1964 года на пленуме ЦК КПСС Никита Хрущев был отправлен в отставку («придавленный, просто раздавленный», по словам руководителя Украины Петра Шелеста). Первого сменил вице-президент Линдон Джонсон, второго — Леонид Брежнев.

Посмотрите, как сердечно, трогательно и символично прощалось «время Кеннеди» с Москвой.

В воспоминаниях Г. Корниенко это прощание передано в скорбной простоте: «Наряду с фотографией маленького Джона, отдающего честь, сохранилась у меня и фотокопия рукописного письма Жаклин Кеннеди, которое она передала через посольство Хрущеву. Ниже воспроизводится русский перевод его текста:

> “Белый дом, 1 декабря 1963 года
>
> Уважаемый г-н Председатель-Президент! Мне хотелось бы поблагодарить Вас за то, что Вы прислали г-на Микояна в качестве Вашего представителя на похороны моего мужа. Он выглядел таким расстроенным, когда подошел ко мне на прощальном приеме, и я была очень тронута. Я попыталась в тот день передать через него устное послание для Вас, но это был такой ужасный день для меня, что я не знаю, нашла ли я подходящие слова, которые имела в виду. Поэтому сейчас в одну из последних ночей моего пребывания в Белом доме, в одном из последних писем, которые я пишу на бланках Белого дома, я хотела бы изложить в письменном виде свое послание Вам. Я направляю его только потому, что знаю, сколь сильно мой муж заботился о мире и сколь важное место в этой его заботе, в его мыслях занимали отношения между Вами и ним. Он не раз цитировал в своих выступлениях Ваши слова:

“В следующей войне оставшиеся в живых будут завидовать мертвым”. Вы и он были противниками, но вы были едины в решимости не допустить, чтобы мир был взорван. Вы уважали друг друга и могли вести дела друг с другом. Я знаю, что президент Джонсон приложит все усилия к установлению таких же отношений с Вами.

Опасность, которая тревожила моего мужа, заключается в том, что войну могут начать не столько большие люди, сколько маленькие. В то время как большие люди понимают необходимость самоконтроля и сдержанности, маленькие люди иногда руководствуются страхом и гордыней. Если бы только в будущем большие люди смогли и дальше заставлять маленьких сесть за стол переговоров, прежде чем они начнут воевать. Я знаю, что президент Джонсон будет продолжать политику контроля и сдержанности и он будет нуждаться в Вашей помощи.

Я посылаю это письмо потому, что хорошо сознаю важность отношений, которые существовали между Вами и моим мужем, а также ввиду доброты, проявленной Вами и г-жой Хрущевой в Вене. Я читала, что у нее были слезы на глазах, когда она вышла из американского посольства в Москве после росписи в книге соболезнований. Поблагодарите, пожалуйста, ее за это.

Искренне,

Жаклин Кеннеди”.

По правде говоря, прочтя это письмо, в котором ясно просматривается мысль о Джонсоне как продолжателе политики Кеннеди, вначале я подумал, что это было подсказано супруге покойного президента Макджорджем Банди или еще кем-то из помощников, перешедших к Джонсону по наследству от Кеннеди. Но знакомые Жаклин, которым у меня не было оснований не верить, сказали мне, что нет, письмо было написано ею без чьей-либо подсказки.

На этом, можно сказать, закончилась кеннедиевская глава в советско-американских отношениях — не очень продолжительная, но важная и яркая, богатая событиями и впечатлениями»{222}.

Впрочем, печаль вдовьего письма — всего лишь слезинка в картине «холодной войны». Лишенный всяких сантиментов один из ее идеологов, Збигнев Бжезинекий, заметил: «Чрезвычайно важно, что несколько президентов США разделяли общее понимание длительное время нависавшей угрозы, которую

представлял собой советский коммунизм. Они удерживали советский режим от применения военной силы в целях расширения своего господства, навязывая соперничество в политической и социально-экономической сферах, где Советский Союз находился в невыгодном для себя положении. Дуайт Эйзенхауэр укрепил альянс НАТО. Джон Кеннеди решительно отразил попытки Кремля добиться стратегического прорыва как во время берлинского, так и кубинского кризисов в начале 60-х годов. Он также запустил драматическую гонку за лидерство в полете на Луну, которая отвлекла советские ресурсы и лишила Советский Союз потенциально возможного идеологического и политического триумфа»[223].

Сегодня не имеет особого значения, что оборонительные в своей основе советские действия представлены автором в ином свете: победители имеют приоритет в трактовке истории.

Отныне «холодная война» переходила из стадии быстрых решений в бесконечное стратегическое противостояние двух политических систем, окончание которого было так же незаметно, как и рост деревьев, посаженных в марокканских песках после распоряжения генерала Лиотэ.

Успокоились и страсти вокруг германского вопроса. 12 июня 1964 года был подписан договор между СССР и ГДР о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве, подтвердивший нерушимость границ ГДР. Запад воспринял это событие без напряжения.

И только с этого времени началась политическая карьера Громыко. Они с Брежневым принадлежали к новому поколению, которое было искусственно сдержано в своем росте после смерти Сталина, когда по логике исторического развития к власти в стране должна была прийти как раз их генерация, но закрепился Хрущев, отодвинув их на целых десять лет.

По сравнению с властным, неудержимым и самоуверенным Хрущевым, крестьянином по происхождению, выросшим в эпоху первой индустриализации Витте — Столыпина, Брежнев, сын рабочего-металлурга, был продуктом совсем другого времени. Он учился в классической гимназии, получил диплом инженера в годы сталинской модернизации и был ее «птенцом», как и выдвинувшиеся тогда молодые инженеры Косыгин, Устинов, Шелест, Байбаков и десятки, сотни и тысячи других людей. По натуре он был спокойным, доброжелательным и основательным. Ему, как урбанизированному человеку, была близка практика компромиссов.

За год с небольшим до отставки, 31 июля 1963 года, Хрущев, как записано в журнале учета, принимал лидера французских

социалистов Ги Молле. Гость спросил Хрущева о возможных его наследниках. И Хрущев на первое место поставил Л.И. Брежнева, которого очень хвалил, затем А.Н. Косыгина, которого хвалил за компетентность, а также Н.В. Подгорного. В действительности Брежнев стал первым секретарем ЦК КПСС (затем Генеральным секретарем), Косыгин — председателем Совета министров, Подгорный — председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Надо сказать и несколько слов об экономической и военной перестройке, начавшейся во времена Хрущева, потому что советской политической элите стало понятно, что Союз отстает от Запада все сильнее.

Обновленное общество — старые формы управления

Достижения американской экономики, которые увидел Хрущев при посещении США, низкие урожаи в СССР, сомнительный успех в освоении целины подтолкнули его к реформированию экономики: началось заимствование американских агротехнологий, в частности массовых посевов кормовой кукурузы, которая как сельскохозяйственная культура была технологична и урожайна; форсировали разведку новых месторождений нефти, в том числе в Западной Сибири; началось перевооружение армии ракетной техникой, сокращение сухопутных сил, флота, артиллерии; вертикальная (отраслевая) система управления экономики на территориальную (создавались совнархозы), что уменьшало власть партийного аппарата и формировало предпосылки организации территориально-промышленных комплексов, что получило развитие уже после смещения Хрущева. В целом народное хозяйство переходило в новый экономический уклад, четвертый, базирующийся на нефтехимии, развитии автомобильной промышленности и т. д. И вот что поразительно; Хрущев, воспитанник эпохи героической сталинской модернизации, символом которой было «Умри, но сделай!», смело шел в направлении, которое гарантированно сулило смену всего политического класса СССР, в том числе и его самого.

Однако выбор правильного направления был дискредитирован практикой, которая изобиловала чиновничьим дуроломством, массовыми приписками, неумной и неумеренной пропагандой, бездушным отношением к низовому и среднему управленческому звену, включая массово изгоняемых из армии офицеров.

Показательно, как Хрущев распоряжался секретной информацией, полученной по линии разведки. Во время поездки в США в 1959 году в беседе с представителем США в ООН Лоджем он похвастался, что читал конфиденциальные послания президента Эйзенхауэра, потом упрекнул директора ЦРУ А. Даллеса, что его сотрудники продают свои шифры КГБ, в шутку предложив объединить ради экономии денег ЦРУ и КГБ. Соответственно, американцы быстро заменили все свои шифросистемы, нанеся советской разведке значительный урон{224}.

Хрущевским реформам воспротивилась государственно-

политическая система, главный реформатор был изгнан из Кремля, и государство возглавили представители следующего поколения, которое по логике исторического развития должно было прийти к власти на десять лет раньше, сразу после смерти Сталина и которое было оттеснено мощной фигурой Никиты Сергеевича.

Так или иначе, но хрущевское десятилетие вскоре увенчалось огромным достижением: в июне 1965 года из разведочной скважины в районе озера Самотлор в Западной Сибири ударил фонтан огромной силы — более тысячи тонн нефти в сутки. В следующем году было открыто уникальное Уренгойское газовое месторождение. Получив этот геологический подарок, советская экономика стала уверенно осваиваться в четвертом цикле. Это не могло не отразиться и на советской дипломатии,

В начале 60-х годов Хрущев совершил несколько ошибок и просчетов, которые значительно ослабили его авторитет. После XX съезда он успешно прошел трудное испытание в 1957 году, отбив попытку коллег его свергнуть. В Президиуме ЦК по-прежнему большинство оставалось за «сталинской гвардией», но среди кандидатов в члены Президиума и Секретариата явное преимущество было у сторонников первого секретаря. Это равновесие было неустойчивым и должно было завершиться кризисом. Перенеся центр управления экономикой в региональные совнархозы, Хрущев ослабил централизацию государства и ее сторонников. В апреле 1957 года он выдвинул задачу, которая оказалась авантюрной и привела сельское хозяйство на грань катастрофы — «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения!». Для ее достижения требовалось увеличить продуктивность только мясной отрасли в 3,5 раза, что было просто нереально. Но идея стала воплощаться в жизнь без сопротивления членов Президиума.

* * *

К этому времени в карьере нашего героя произошло важное событие. В феврале 1957 года он стал министром. Его выдвинул Дмитрий Шепилов, перешедший с поста министра иностранных дел секретарем ЦК КПСС. О нашем герое он сказал Хрущеву так: «Это бульдог: скажешь ему — он не разожмет челюстей, пока не выполнит все в срок и точно».

Личные отношения Хрущева и Громыко были трудные. Вот как вспоминал об этом Анатолий Ковалев, бывший заместитель

министра иностранных дел: «Хрущев, особенно на первых порах, допускал грубости в отношении Громыко. Тот терпел-терпел, но не забывал. Окружение Хрущева пыталось подмять МИД под себя»[225].

Во второй половине мая между членами Президиума ЦК Молотовым, Маленковым, Кагановичем, Булганиным, Первухиным, Ворошиловым начинаются переговоры об отстранении Хрущева, которому предусматривался пост министра сельского хозяйства, министр обороны Жуков тоже в них участвовал и соглашался, что надо вообще устранить должность первого секретаря ЦК. По сути, это был заговор, подобный заговору против Берии, но без намерения физически устранить противника.

Заговорщики оказались плохими организаторами. 18 июня состоялось заседание Президиума ЦК. У оппонентов Хрущева было большинство, и они, подвергнув резкой критике его деятельность, могли бы быстро принять нужное решение. Вместо этого они вступили в полемику, уступили нажиму меньшинства и согласились перенести заседание на утро 19 июня.

На следующий день в зале уже присутствовали большинство сторонников Хрущева, кандидатов в члены Президиума, секретари ЦК. Маленков снова обвинил Хрущева в том, что он неправильно строит отношения между партией и государством, формирует свой культ личности, ошибается в лозунге «Догнать и перегнать Америку» и т. д. Неожиданно в зале появилась большая группа членов ЦК, которых ночью доставили в Москву на армейских самолетах. Среди них было много военных. Они настояли на созыве пленума ЦК и рассмотрении на нем конфликта.

Пленум собрался 22 июня, на нем выступил маршал Жуков, который сказал о причастности к массовым репрессиям Маленкова, Молотова, Кагановича, Ворошилова. Из его речи следовало, что возвращение к власти этих людей повергнет политическую элиту в новые репрессии. После горячей дискуссии победа осталась за более молодыми сторонниками Хрущева, в числе их были и Громыко, Брежнев, Полянский, Шелепин, Фурцева и другие деятели, которые вскоре заняли лидирующие позиции в политической верхушке. Наш герой в своем выступлении даже заметил, что члены антипартийной группы «не замечают, что люди выросли и буквально, и политически», имея в виду новое поколение.

Из состава Президиума вывели Маленкова, Молотова, Кагановича, из кандидатов в члены Президиума — секретаря ЦК, бывшего министра иностранных дел Д.Т. Шепилова. Булганин и

Ворошилов, признавшие свои ошибки и покаявшиеся, были оставлены в Президиуме, но лишились прежнего авторитета. Зато в составе Президиума появились Л.И. Брежнев, Е.А. Фурцева, Н.М. Шверник, М.А. Суслов, А.И. Микоян, Г.К. Жуков и другие сторонники Хрущева. В истории Советского Союза был создан прецедент решающего вмешательства бюрократического аппарата в судьбу первого лица государства. Впоследствии, почувствовав свою силу, аппарат сместит и Хрущева.

Громыко на пленуме полностью поддержал внешнеполитические инициативы Хрущева, сказав, в частности, что благодаря ему были нормализованы отношения с Западной Германией. «Не будь этого, возможно, бундесвер был бы вооружен атомным оружием. Были сорваны и во всяком случае замедлены планы развертывания западногерманской армии в значительной степени потому, что мы, учредив свое посольство, дали богатую аргументацию социал-демократической оппозиции в Западной Германии»{226}. Не пощадил Андрей Андреевич и своего «крестного отца» Молотова, сказав, что тот возражал против инициатив Хрущева. По словам Громыко, лично он «просто преклоняется» перед «огромной работой большой государственной важности» Хрущева.

Словом, наш герой закономерно был в числе победителей, что было особенно заметно на фоне провала его предшественника Шепилова, который, тоже будучи представителем молодого поколения, тем не менее поддался эмоциям и выступил против Хрущева («Хрущев надел валенки Сталина и стал в них топать»). Громыко же проявил железную выдержку.

Необходимо сказать несколько слов о Шепилове: комсомол, Московский университет, прокуратура в Якутии, аграрный Институт красной профессуры, политотдел совхоза в Сибири, Институт экономики Академии наук (в то же время, что и Громыко), доброволец в Великую Отечественную войну, член Военного совета армии, генерал-майор, заместитель начальника Главного управления пропаганды и агитации Вооруженных сил СССР, редактор газеты «Правда» по военному отделу, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК, главный редактор «Правды», министр иностранных дел, член-корреспондент Академии наук СССР, секретарь ЦК и кандидат в члены Президиума ЦК. Это биография человека того же поколения, что и Громыко, только еще более яркая. Но в МИД он оказался не на своем месте. Чего стоило только одно его выступление перед послами, в котором он объяснял им «Капитал» Маркса! То, что он вопреки логике и бюрократическим законам вдруг примкнул к «антипартийной группе» соратников Сталина,

отодвигаемых Хрущевым, характеризует его как человека, не терпящего несправедливости. А несправедливость заключалась не столько во взаимоотношениях внутри старшего поколения, а в самой фигуре первого секретаря ЦК. Никита Сергеевич, несмотря на одаренную натуру, был в международной политике опасным явлением. Вот как написал Шепилов в своих мемуарах: «Стремительная эволюция Хрущева — от мужиковатого самобичевания: “да Хрущев говна Сталина не стоит” до царственного величия — происходила на наших глазах. Он стал критиковать румынского руководителя Георгиу-Дежа, распекал албанских лидеров Энвера Ходжу и Мехмета Шеху, начал поучать умнейшего Тольятти. Но больше всего его начал раздражать со временем именно Мао Цзэдун»{227}.

Из всех хрущевских ошибок, считал Шепилов, «разрыв с Китаем был, пожалуй, наибольшим злом».

Следующим шагом, закрепившим победу Хрущева, было проведенное в октябре 1957 года увольнение Жукова с поста министра обороны и исключение его из состава Президиума и ЦК. Маршал, показав свою силу, теперь был опасен партийной верхушке. Министром обороны стал маршал Р.Т. Малиновский, имевший прочные связи с Хрущевым еще с военного времени.

Глава 25.
К ВЛАСТИ ПРИХОДИТ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Обновление советского общества

Дальнейшие события показали, что в стране нарастают противоречия и экономические трудности. Пятилетний план, утвержденный на XX съезде, оказался невыполним, но вместе с тем были и очевидные успехи — урожай 1958 года был на 30 процентов выше, чем в предыдущем году, а в начале января 1959 года запущен «Лунник-1» — первый космический аппарат на Луну, началось широкомасштабное жилищное строительство (с 1956 по 1965 год в новые квартиры, пусть и малогабаритные, вселились 108 миллионов человек). В обстановке нарастающей неопределенности в партийном аппарате и обществе Хрущев посчитал, что надо ускорить развитие и поставить перед населением крупную мобилизующую цель. В январе 1959 года состоялся внеочередной XXI съезд КПСС, на котором руководитель СССР объявил, что страна вошла в период развернутого строительства коммунизма.

Вместо старого пятилетнего плана было предложено принять новый, на семь лет. Хрущев повторил лозунг «Догнать и перегнать Америку», увеличить производство мяса в два-три раза. Он обрушился с критикой на экономистов, которые прогнозировали, что достигнуть поставленные показатели можно только через 16 лет. Ему казалось, что организационными и пропагандистскими мерами, подобно тому как это делалось в 30-е годы, можно достичь больших результатов.

Кроме того, за несколько месяцев до открытия съезда, в августе 1958 года, было принято постановление ЦК КПСС по РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Оно касалось огромного числа семей, которые держали в своих хозяйствах в тысячах маленьких городков и поселков домашний скот — коров, овец, коз. Полусельский быт позволял им поддерживать себя собственными продуктами питания. Власти ради выполнения задачи «догнать и перегнать» заставили миллионы людей отказаться от собственности и продать ее государству по назначенной цене. Было уничтожено саморегулирующееся продовольственное снабжение населения и уничтожено все частное поголовье скота. Это «раскулачивание» дало кратковременный эффект — объемы заготовок мяса значительно выросли, что позволило Хрущеву объявить на съезде о реальности принятых планов. На самом же деле «самоедский» успех привел к необратимым утратам. Освободившееся от домашнего скота и тяжелого труда по его содержанию население

быстро изменило свои привычки, отныне полагалось только на государственную торговлю. Произошел слом традиционного образа жизни свыше десяти миллионов людей. Потом эта новация распространилась и на частный скот колхозников.

Но пагубные последствия гонки за Америкой на этом не кончились, С ведома центральных органов началась кампания приписок и прямого очковтирательства в сельском хозяйстве. Во многих областях сданный скот учитывался дважды, руководителей хозяйств заставляли сдавать государству даже семенное зерно, — всё ради того, чтобы «дать» нужную цифру перевыполнения плана. Часто колхозы и совхозы покупали в государственной торговле мясо и масло и сдавали его как собственную продукцию, улучшая статистическую отчетность, но на полках магазинов ничего не прибавлялось. Административный нажим привел к разбалансированию сельскохозяйственной экономики, росту злоупотреблений, обману, возвышению беспринципных руководителей и краху тех, кто пытался донести до Центра правду.

Все попытки Хрущева добиться перелома ударными средствами приводили к новым проблемам. Понимая, что для увеличения продуктивности животноводства необходимо расширить кормовую базу, он стал рьяно пропагандировать и насаждать посевы кукурузы во всех регионах страны, даже в северных областях, что во многих случаях приводило лишь к потерям. Часто кукуруза вытесняла традиционные зерновые культуры — пшеницу и рожь.

После смещения Хрущева выяснилось, что в 1964 году среднегодовой надой молока от одной коровы сократился на 18,6 процента по сравнению с 1959 годом, поголовье коров в частных хозяйствах сократилось на 1 миллион голов, а коз и овец — почти на 7 миллионов.

С 1961 года в СССР начался продовольственный кризис. С прилавков исчезали не только мясо и молочные продукты, но и хлеб, крупы, сахар, макароны. С 1962 года начались закупки зерна за границей, в основном в США. В том же году правительство для стимулирования развития животноводства увеличило в полтора раза закупочные цены на мясо. Соответственно были увеличены розничные цены на мясо, масло, мясную продукцию. Данное обстоятельство вызвало большое недовольство населения. В начале июня 1962 года в Новочеркасске, бывшей столице Войска Донского, началось стихийное выступление рабочих Электровозостроительного завода имени Буденного, где работало 12 тысяч человек. Волнение быстро охватило весь город. Главная причина — острая

нехватка продовольствия в городе и совпавшее с повышением цен понижение на заводе расценок на производственную продукцию.

Рабочие стали самоорганизовываться, остановили проходивший пассажирский поезд, а на тепловозе кто-то написал: «Хрущева на мясо!». Протест приобрел политическую окраску, было захвачено здание горкома партии, разгромлен горотдел милиции. В Новочеркасск срочно прибыли члены Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлов (которого Хрущев видел своим преемником) и А.И. Микоян. Согласно материалам проверки Военной прокуратуры СССР (1990 год), Хрущев в телефонном разговоре с Козловым санкционировал применение оружия против участников беспорядков. После показательной расправы с бунтовщиками состоялся суд над зачинщиками, семерых приговорили к расстрелу, предъявив им неправомерное обвинение в бандитизме, что позволило применить «высшую меру наказания» (вместо обвинения в организации массовых беспорядков).

События в Новочеркасске окончательно добили авторитет Хрущева. Отныне население больше не верило ни в достижимость коммунизма, ни в разного рода программы «быстрого счастья».

7 ноября 1963 года в Сумгаите (Азербайджан) во время праздничной демонстрации произошло спонтанное выступление с забрасыванием камнями портрета Хрущева и провозглашением приветствий Сталину. Впервые образ низвергнутого вождя становился символом протеста против несправедливой власти.

* * *

Во время правления Хрущева в структуре советского общества произошли глубокие изменения — оно стало урбанистическим. Выросли сферы обслуживания, образования, науки, культуры, торговли, а также теневая экономика. Хрущев, как представитель простонародной архаики, прорвавшийся в политическую элиту в годы индустриализации, уже не отвечал требованиям времени. Урбанизированное общество ожидало появления новых руководителей во главе государства.

Вместе с тем этот противоречивый период, отмеченный величественными достижениями (космос, целина, жилищная программа) и поразительными провалами, логически завершал героический этап построения мощного государства на просторах разрушенной в 1917 году империи. Получив после смерти Сталина стимул к свободному развитию, общество стремилось продолжить движение в этом направлении, ожидая от власти

расширения прав участников экономического процесса и отдельных личностей.

Если успехи в промышленном строительстве, науке и социальной сфере были очевидны и даже впечатляли, то состояние духовной сферы характеризовалось разрывом между сложившейся в годы индустриализации и войны экономико-политической базой и растущими либеральными настроениями интеллигенции.

13 мая 1956 года на даче в писательском поселке Переделкине застрелился генеральный секретарь Союза советских писателей Александр Фадеев. В предсмертном письме руководству партии он восстал против «самодовольства нуворишей от великого ленинского учения», которые помыкают культурой: «Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократов и самым отсталым элементам народа». Писатель вспомнил и о Сталине, который хоть и был «сатрапом», но «был образован, а эти — невежды». Читать эти строки Хрущеву было особенно неприятно.

Тем не менее в 1958 году была развернута кампания против поэта Бориса Пастернака, которому была присуждена Нобелевская премия за роман «Доктор Живаго», изданный в Италии. Хрущев в фактах выпуска книги за рубежом и присуждения премии увидел вызов советским порядкам. Он понял, что это прецедент, который создает за рубежом центр влияния на советскую творческую интеллигенцию, Поэтому не имело значения, что содержание романа не было антисоветским, и если бы он *был* напечатан в Москве, не произошло бы никаких идеологических потрясений. Пастернака подвергли остракизму, исключили из Союза писателей, перестали публиковать его книги и вынудили отказаться от премии.

На этом фоне либерализм Хрущева в отношении Александра Солженицына вполне объясним: повесть «Один день Ивана Денисовича» о жизни лагерника касалась уже разоблаченного «периода культа личности» и никаких идеологических вызовов и угроз не содержала. Наоборот, ее публикация укрепляла авторитет Хрущева.

Но зато к религии руководитель СССР был беспощаден, как будто время повернуло вспять, в начало 20-х годов, когда церковь перенесла страшные гонения. Снова был возобновлен тотальный контроль за состоянием финансов церковных приходов, запрещена благотворительная деятельность духовенства, в десятки раз увеличено налогообложение. В результате многие священники просто нищенствовали, а приходы закрывались. В 1961 году суды стали осуждать священников по статьям

Уголовного кодекса. Постановлением Совета министров СССР были отменены все законодательные акты в отношении церкви, принятые в годы Великой Отечественной войны и установившие прагматические отношения с государством. Отныне Церкви была объявлена война. Поэтому в январе 1960 года на конференции советской общественности «За разоружение» в Кремле патриарх Алексий I заявил о «гонениях на церковь», что было открытым проявлением сопротивления. Столь же беспощадно проводилось подавление и других конфессий. Это неожиданно вызвало бурный рост различных религиозных сект.

В октябре 1961 года на XXII съезде КПСС была принята новая Программа партии. Утверждалось, что социализм в СССР «победил полностью и окончательно» и наступил «этап развернутого строительства коммунизма». Для достижения этой светлой цели требовалось: построить материально-техническую базу коммунизма (достичь наивысшей в мире производительности труда, выйти на первое в мире место по внутреннему валовому продукту надушу населения; обеспечить наивысший в мире жизненный уровень населения); перейти к коммунистическому самоуправлению; воспитать «нового, всесторонне развитого человека». Программа должна была быть выполнена к 1980 году.

Ее выполнение означало бы, что в Советском Союзе решена продовольственная программа, удовлетворены потребности в качественных товарах широкого потребления, каждая семья получила благоустроенную квартиру, ликвидирован тяжелый малоквалифицированный ручной труд. И самое главное, отношения между людьми стали по-настоящему братскими. Было ли всё это возможным?

Дальнейшие события показали, что Программа во многом была утопической, так как составляющая часть проекта — разоружение в мировом масштабе — оказалась несбыточной. Руководство СССР, не рассчитав своих сил, совершило стратегическую ошибку, ввязавшись в гонку вооружений, на поддержание которой уходило до половины государственного бюджета.

Кроме принятия новой Программы, на XXII съезде Хрущев вернулся к проблеме культа личности Сталина, что явилось следствием продолжающейся борьбы в руководстве страны. Стоявшая на повестке дня проблема демократизации управления экономикой и социальной сферой наталкивалась на барьеры жесткой планово-распределительной системы, уже исчерпавшей возможности экстенсивного роста.

Однако, разгромив сталинизм во второй раз, партийное

руководство не решилось на меры по преодолению разрыва между обществом и властью. Номенклатура осталась вне критики, отгороженная от реальной жизни населения своими льготами, несменяемостью, отсутствием гласности. Хотя тело Сталина было вынесено из мавзолея и перезахоронено возле Кремлевской стены (что должно было означать, что вождь выброшен из истории), в основах советского строя не произошло кардинальных перемен. Более того, атмосфера XXII съезда позиционировала Хрущева как нового вождя, — второго, более мягкого издания Сталина. Разоблачая Сталина, Хрущев не предусмотрел никаких мер, исключавших бесконтрольное принятие решений одной личностью и гарантирующих от повторения ошибок «вождя народов».

Вскоре Хрущев снова продемонстрировал двойственность своей политики. В ноябре 1962 года в Выставочном зале Манежа при осмотре работ скульпторов Хрущев выразил предельное возмущение увиденным. Он оскорблял творцов, называл их работы «дерьмом собачьим». В декабре на встрече с творческой интеллигенцией Хрущев усугубил разрыв, продолжая поносить ее за абстрактное искусство и преклонение перед Западом.

В апреле 1962 года началась разработка новой Конституции СССР, председателем Конституционной комиссии стал Хрущев. В подготовительных материалах комиссии указывалось, что одним из существенных недостатков Конституции 1936 года являлось отсутствие реальных гарантий от злоупотребления властью. В новом Основном законе следовало закрепить нормы, препятствующие повторению культа личности. Предполагалось законодательно ограничить срок пребывания у власти высших руководителей государства. Также предполагалось расширение полномочий парламента (Верховного Совета), подотчетность ему правительства, прокуратуры, Верховного суда, плановых и хозяйственных органов. Должна была обеспечиваться полная гласность в работе Советов, гарантировались права прессы. Предусматривалось расширение самостоятельности руководителей предприятий в распоряжении материальными фондами, планировании производства и т. д. Указывалось на необходимость дополнить социальные права граждан правами их участия в управлении делами страны, предприятия, колхоза, правом на критику и судебное обжалование действий должностных лиц и органов государственного управления. Поднимался вопрос ликвидации паспортной системы, введения суда присяжных, учреждения Конституционного суда. Работа над новой Конституцией свидетельствовала, что общество при Хрущеве достигло качественных изменений в своем развитии.

Политико-экономическое отступление

В программу КПСС в 1961 году был включен пункт о «нормальной рентабельности» предприятий, в том числе и промежуточных переделов, что не могло не вести к децентрализации промышленных структур, росту социальных расходов, падению темпов развития и рентабельности.

Другими словами, не имея достаточного финансового капитала, хрущевское руководство под давлением урбанизированного общества попыталось перераспределять средства в потребительский сектор, что противоречило имевшейся структуре управления экономикой.

Впрочем, Хрущев уже исчерпал свой потенциал. Символично, что он разрешил публикацию поэмы Александра Твардовского «Теркин на том свете», пафос которой направлен против советской бюрократии, и при этом был арестован и осужден «за тунеядство» поэт Иосиф Бродский, будущий нобелевский лауреат. Тогда никто не задался вопросом: может ли поэт считаться тунеядцем?

В сентябре 1964 года в газете «Известия», редактируемой зятем Хрущева Алексеем Аджубеем, появилась статья о реформе русского языка — предлагалось писать «ноч», «жури», «заец» и т. д. Поскольку сам Хрущев писал с большими орфографическими ошибками, не исключено, что идея адресовалась ему. Но она не имела последствий.

Хрущев все же пытался преодолеть свою ограниченность. Так, в сентябре 1962 года в «Правде» была напечатана статья харьковского экономиста Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия». Предлагалось внедрить в экономику рыночные принципы, сделать категорию прибыли одной из базисных. Но развивать эти идеи было суждено уже преемникам Хрущева. Фактически он возвращался к тому, чем закончил повергнутый им Маленков.

Кремлевский переворот. К власти приходит новое поколение

На этом завершился переходный послевоенный период, окончательно определились отношения бывших союзников, силовые потенциалы, и возникло понимание, что дальнейшее соперничество будет непрямой борьбой на измор. А в такой борьбе шансы Советского Союза были неизмеримо меньше. На новом историческом этапе повторялась ситуация 30-х годов: оборона на Западе и на Востоке, преодоление внутренних проблем и необходимость активной политики за рубежом. При переходе к стратегической обороне должны были произойти перемены и в советской верхушке.

Заговор против Хрущева был организован двумя группами: в первую входили Шелепин, председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный и заместитель председателя Совета министров СССР Д.С. Полянский, во вторую — «старые» партийные руководители: председатель Президиума Верховного Совета Л.И. Брежнев, члены Президиума ЦК М.А. Суслов, А.Н. Косыгин, Г.И. Воронов, секретари ЦК Ю.В. Андропов, П.Н. Демичев, Б.Н. Пономарев и др. Их поддержали военные.

В октябре 1964 года Хрущева, отдыхавшего на Черном море в Пицунде, вызвали в Москву якобы для обсуждения его предложений по сельскому хозяйству. По-видимому, он догадывался, что его ждет, но не стал сопротивляться. 14 октября на пленуме ЦК КПСС под председательством Брежнева Хрущев был отправлен в отставку. Он прожил еще немало лет и умер 11 сентября 1973 года, успев помириться с писателями и художниками, которых раньше громил; написал мемуары, которые втайне от властей как настоящий диссидент издал на Западе; и самое существенное — покаялся, сказав: «Руки у меня по локоть в крови. Это самое страшное, что у меня на душе»{228}.

Тем не менее его судьба уникальна. Бывший юный пастушок из курской деревни Калиновка стал «русским царем», проявив природную мощь, энергию и в конце концов — ограниченность того слоя населения, из которого в 20-е годы сформировалась новая советская элита, пришедшая на смену имперской. Неся в себе энергию мировой революции, Хрущев всю жизнь оставался революционером и романтиком, считая, как и Сталин, что «нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять».

Одновременно со смещением Хрущева полностью исчерпался героический период Советского Союза. Отныне начинался новый,

содержание которого заключалось в стремлении избежать назревающего внутреннего идейного и экономического кризиса и уйти от опасности войны с Западом.

В октябре 1964 года на пленуме ЦК КПСС, когда Хрущева отправили в отставку, произошел поколенческий переворот — Брежнев, Косыгин и Подгорный стали новыми руководителями страны. Соответственно, и Громыко наконец стал хозяином в МИД, больше не вздрагивая от сумбурных реакций Хрущева. Когда он вернулся в свой кабинет в министерстве, сказал заместителям: «Хрущев хотел разрушить дипломатическую службу. Не удалось. Это все позади».

В подготовленном под руководством Громыко международном разделе доклада Брежнева на торжественном заседании 6 ноября 1964 года в честь 47-й годовщины Октябрьской революции было определено главное направление — «обеспечение мирных условий для построения социализма и коммунизма, на укрепление единства и сплоченности социалистических стран, на поддержку освободительных революционных движений, на всемерное развитие солидарности и сотрудничества с независимыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки, на утверждение принципов мирного сосуществования с капиталистическими государствами, на избавление человечества от мировой войны».

Эти принципы и легли в основу советской дипломатии.

Кроме того, у Андрея Андреевича были дружеские отношения с Брежневым, он всегда был на стороне Леонида Ильича во всех внутренних конфликтах в партийно-советской верхушке. А то, что конфликты практически сразу возникли, нет никакого секрета. Сначала официально считалось, что после Хрущева к власти пришло «коллективное руководство» (так было и в первое время после смерти Сталина), но вскоре Брежнев, которого поддерживал партийный аппарат, стал оттеснять Косыгина и Подгорного.

Любопытна такая подробность взаимоотношений среди членов Политбюро. Брежнев обращается к Андропову: «Я слышал, что Подгорный и Шелест уже второй раз выезжали на охоту вместе. Как ты думаешь, что бы это могло значить? Присмотрись-ка, Юра, повнимательнее, как бы эти охотники нам неожиданных трофеев не привезли»[{229}].

Понятно, о каких «трофеях» говорил многоопытный Брежнев.

СССР — гигантская экономика, гигантские проблемы

Главной задачей нового руководства было достижение устойчивого развития. Стала закрепляться практика управления отраслями, обслуживающая «неизменный режим расширенного воспроизводства сложившихся технологических систем»{230}. Если Сталин и Хрущев, пусть и волевыми методами, добивались ускоренного развития новых технологий, то теперь эта тенденция сходила на нет. Система кредита вместо стимулирования эффективных производств, как это происходит в рыночной экономике, поддерживала старые и утратившие потенциал развития производства. Планирование экономики из мощного рычага управления всё больше превращалось в тиражирование прошлых технологических достижений, а прорывные открытия, как правило, внедрялись только в военно-промышленном комплексе и не находили применения в гражданских отраслях.

По сравнению с СССР в развитых странах Запада новые технологии, также финансируемые из государственного бюджета, быстро выходили на рынок потребительских товаров, откуда полученная прибыль возвращалась для новых научных исследований и производств. Таким образом, экономика Запада постоянно работала в инновационном режиме.

Общество положительно приняло приход к власти новой команды. В 1965 году в два раза уменьшилось число протестных «антисоветских» выступлений, антицерковное давление прекратилось. 4 октября 1965 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». С этого документа началась реформа, получившая название «косыгинской». Она предполагала: переход от административных методов ведения хозяйства к экономическим, расширение прав предприятий; увеличение объема средств, оставляемых в их распоряжении, для развития производства и поощрения работников; увязывание порядка премирования работника по его индивидуальным показателям с результатами деятельности всего предприятия; развитие прямых связей между производителями и потребителями на основе взаимной материальной ответственности; усиление роли прибыли в стимулировании работников. Основным плановым показателем стал объем реализуемой, а не валовой продукции, то есть уже недостаточно

было отправить произведенную продукцию на склад, но требовалось ее поставить потребителям и получить за нее оплату.

Это была попытка вернуться к рыночному опыту «советского госкапитализма», который был прерван в связи с ускоренной индустриализацией; попытка ликвидировать отчуждение между работником и производством.

Реформа потребовала перераспределения бюджетных средств в пользу отраслей группы «Б» для создания избытка товаров народного потребления и получения возможности вернуть в оборот средства, полученные от увеличения фондов заработной платы в отраслях группы «А». Соответственно, расширялись права хозяйственных органов и уменьшались права партийных. В перспективе реформа могла привести к перераспределению властных полномочий в политической верхушке. Советская экономика крайне нуждалась в преобразованиях: затраты энергии и сырья на единицу конечного продукта в СССР были примерно в два раза выше, чем в США; строительство промышленных предприятий в среднем велось в пять раз медленнее.

Кроме того, для развития задыхающегося сельского хозяйства требовалось либерализовать экономику, то есть в той или иной степени вернуться к рыночным принципам. В марте 1965 года пленум ЦК КПСС принял решение повысить государственные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, установить твердый план закупок на шесть лет (i 965— 1970 годы), ввести 50-процентную надбавку за сверхплановую продажу сельскохозяйственной продукции государству, увеличить капиталовложения в деревню. Село получило кредиты. В 1966—1970 годах инвестиции в сельское хозяйство выросли на 62 процента по сравнению с предыдущим пятилетием. Сельхозпроизводство выросло на 21 процент.

Были отменены налоги на частные подсобные хозяйства, в печати появились статьи об экономической целесообразности подсобных хозяйств. Правда, вернуть им прежнюю роль в общесоюзной экономике было уже невозможно.

Экономическая реформа была эффективна, объем промышленного производства в 1966—1970 годах вырос на 50 процентов, национальный доход вырос на 41 процент (против 32 процентов в предыдущем пятилетии), реальные доходы на душу населения — на 33 процента (против 19 процентов), производительность труда — на 37 процентов (против 29 процентов). Впервые темпы роста товаров народного потребления сравнялись с темпами роста производства. Было создано около 1900 крупных предприятий, и, в частности, построен Волжский автозавод в Тольятти, начавший в 1970 году массовый выпуск

легковых автомобилей «Жигули» (по лицензии итальянского «Фиата»). Начато ускоренное освоение Западносибирской нефтегазовой провинции, что в 70-е годы позволило увеличить добычу нефти в 10 раз, газа — в 16 раз.

Однако часть заработанных в результате экономической реформы денег не обеспечивалась товарами и превращалась в растущий неудовлетворенный спрос, постоянно поддерживавший дефицит товаров, спекуляцию, теневую экономику, так называемых «цеховиков». Вклады в сберкассы увеличились на 250 процентов (против 72 процентов), их доля к концу пятилетия составляла более трети розничного оборота. «Началось активное формирование так называемого денежного навеса неудовлетворенного спроса, обрушение которого знаменовало впоследствии окончательный крах советской экономики»{231}.

После 1970 года экономическая реформа пошла на спад, натолкнувшись на неразрешимые противоречия в политической системе. Для ее успешного продолжения требовалось устранить несоответствия в ценообразовании, углубить рыночные отношения. Так, при существующем ценообразовании были убыточны многие отрасли: угледобывающая, металлургическая, пищевая, мясопереработка. Повышение закупочных цен на сельхозпродукцию для поддержания бедствующего сельского хозяйства привело к крупным потерям бюджета, так как розничные цены на продукты питания остались неизменными, то есть каждый килограмм мяса или литр молока должен был дотироваться государством. Соответственно, производство этих продуктов вынужденно сдерживалось.

Однако ряд отраслей (военная промышленность, нефтяная, газовая и т. д.) были сверхприбыльны. Попытка упорядочить ценообразование окончилась неудачей, а из этого последовало свертывание всей реформы. Экономика осталась сверхцентрализованной, негибкой и неотзывчивой к новациям. Опираясь на мощь государства, она не воспринимала экономических интересов человека. Легкая промышленность так и осталась на обочине, а ценообразование — на уровне административных решений.

В марте—апреле 1966 года состоялся XXIII съезд КПСС. На нем получил поддержку поворот к хозрасчетным методам хозяйствования, отменены положения Устава КПСС, принятого на предыдущем съезде, об обязательной сменяемости части партаппарата. Президиум ЦК был переименован в Политбюро, а первый секретарь стал генеральным секретарем.

Некоторые представители интеллигенции увидели в усилении роли центральных министерств и в переименованиях

высших органов партии симптомы возвращения к сталинским методам управления. На встрече с писателем Константином Симоновым Брежневу пришлось высказаться на этот счет: «Пока я в этом кабинете (генерального секретаря), крови не будет». При этом Брежнев не допускал критических высказываний о Сталине, но и не восхвалял его; он просто избегал этой темы.

Однако руководство СССР ни тогда, ни позже не смогло преодолеть внутреннего раскола советской системы, опирающейся на принципы управления экономикой, выработанные при Сталине. Одна часть общества требовала от власти не сбрасывать со счетов всех достижений сталинского времени, а другая часть подозревала власть в желании реабилитировать свергнутого с пьедестала вождя. Это в конечном итоге привело и к идеологическим конфликтам в обществе, так как усиливающаяся централизация не нуждалась в разнообразии взглядов на развитие страны, а административный аппарат в силу своей природы не был готов отдать часть своих функций рыночным механизмам. Оказалось, что военные и внешнеполитические задачи можно решать только в рамках старой советской практики.

После хрущевской оттепели действительно наступила идеологическая «подморозка». Власть по-прежнему резко отрицательно реагировала на критику в свой адрес, строго наказывая за попытки распространять оппозиционные материалы как внутри страны, так и за рубежом. В условиях продолжающейся «холодной войны» попытки западных стран поддерживать первых советских диссидентов приводили к усилению политического давления на эти малочисленные группы, создавая этим людям ореол героев-страдальцев.

Стремление руководства СССР к политической стабильности и неумение использовать заложенный в прошлые годы теоретический и практический опыт в части применения рыночных принципов привели к стратегическим провалам в ряде направлений.

Во-первых, сверхдоходы от продажи сибирской нефти вызвали настоящую эйфорию и отрицательно повлияли на развитие высокотехнологичных производств. Ставка была сделана на закупку соответствующей продукции за границей.

Во-вторых, тысячи молодых людей с высшим образованием, которые ожидали применения своих дарований в науке и на производстве, оказались в бесперспективной зоне «вечными младшими научными сотрудниками». Правящая элита замыкалась, утрачивала творческий потенциал, главные усилия направляла на сохранение своего положения.

В-третьих, командная экономика, порождающая дефициты товаров народного потребления, способствовала возникновению и развитию подпольных производств. Из утаенных ресурсов выпускалось множество товаров: обувь, костюмы, сорочки, плащи и т. д. Таким образом, «доделывалась» незавершенная реформа. Эта теневая экономика нуждалась в своих лоббистах, экономистах, пропагандистах. Она сомкнулась с преступной средой, получила выходы в партийное руководство. Так возникло огромное явление, враждебное, по своей сути, советскому строю, но вместе с тем являющееся порождением и частью этого строя.

На долгие годы развитие СССР пошло по двум расходящимся направлениям. На первом мы видим огромные финансовые вложения в создание нескольких десятков территориально-производственных комплексов (ТПК) — в Западной Сибири (нефть и газ), Павлодарско-Экибастузский в Казахстане (уголь), Канско-Ачинский в Краснодарском крае (уголь), Саянский в Хакасии (алюминий), Братско-Усть-Илимский лесопромышленный комплекс в Иркутской области. Была построена Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, которая связала Восточную Сибирь с Дальним Востоком. Это была третья волна освоения зауральских территорий (после столыпинского переселения крестьян и сталинской индустриализации), очень важная в геополитическом и управленческом отношении. Можно сказать, решалась вечная проблема России, заполнялись пустоты на ее огромной территории и создавалась более прочная экономическая структура.

На втором направлении нарастало отчуждение общества от официальной политики и идеологии. За фасадом великих строек и военной мощи многие с тревогой видели технологическое отставание, неэффективность управления, слабость идеологии. Внешнее спокойствие будничной жизни (начиная с 1968 года против участников немногочисленных беспорядков не использовалось оружие) означало, что протесты ушли в глубину В городах стало массовым слушание западных русскоязычных станций, которые передавали информацию о реальных проблемах СССР. Особую роль стала играть художественная литература. В ней отразились острые проблемы общественного развития, на которые официальная пропаганда не давала ответов. Стала востребованной так называемая «деревенская литература», писатели Василий Белов, Борис Можаев, Владимир Солоухин, Федор Абрамов показывали жизнь деревни без прикрас, из их произведений следовало, что произошел трагический разрыв между традиционными нравственными ценностями и

официальной практикой. Другие прозаики и поэты высказывали идеи, близкие урбанизированному населению — неприкосновенность частной жизни, свобода печати и т. д. Для молодого поколения, живущего в отдельных квартирах и имеющего садовые участки, многие порядки казались нелепостью. Например, в садовых домиках официально запрещалось устанавливать печи.

Наиболее остро конфликт между личностью и государством проявился в деле Александра Солженицына. В его оценке советской индустриализации основы могущества СССР власти увидели разоблачение «неоправданных жертв, организованной государством системы подневольного труда», очернение Октябрьской революции. В ноябре 1969 года Солженицын был исключен из Союза писателей СССР, но в октябре 1970 года ему присудили Нобелевскую премию.

* * *

Тем не менее советская система была стабильной. Индустриальное общество было построено. Уровень жизни населения был достаточно высоким. Росла численность населения — в 1975 году на 1000 человек рождаемость составляла 15,7, смертность — 9,8. (Правда, уже стали намечаться демографические проблемы в связи со снижением рождаемости в европейской части страны.) Среднемесячная зарплата в 1980 году в народном хозяйстве равнялась 269 рублям. В социальном составе населения преобладали средние имущественные слои, что свойственно развитому индустриальному обществу с социальным государством. В большинстве семей к началу 80-х годов были холодильники и телевизоры. Килограммовый батон белого хлеба стоил 28 копеек. Газ, электричество, теплоснабжение жилья были дешевыми. Производство основных продуктов питания (в килокалориях на душу населения) составило в 1976—1980 годы без малого 3,5 миллиона килокалорий в год. Это наиболее высокий показатель за всю историю России. Несмотря на то, что в СССР не было голода, а обеспечение продуктами питания было намного выше уровня развивающихся стран и по некоторым показателям (яйца, молоко) превосходило США, дефицит ряда продуктов (мясо) раздражал население. На продукты питания средняя семья тратила около трети своего дохода, поэтому росли потребности в качественных товарах, которые отечественная промышленность, ориентированная с 30-х годов на выпуск валовой продукции, не

могла предоставить в нужном объеме. Таким образом, рост благосостояния выражался в отложенном спросе, порождал дефицит.

После трагедии в Новочеркасске правительство опасалось серьезно повышать розничные цены. К концу 80-х годов на поддержание розничных цен на продовольствие расходовалось 10 — 1.2 процентов ВВП, что превращало сельское хозяйство в вечно побирающегося нахлебника, лишенного перспектив самостоятельного развития, и к тому же сокращало возможность финансирования наукоемких отраслей. Проблема продовольственного обеспечения решалась через импорт фуражного зерна (для поддержания животноводства), которое приобреталось на конвертируемую валюту.

Однако непрерывное повышение мировых цен на нефть сохраняло устойчивость экономики, позволяло поддерживать промышленное строительство и социальные программы. В Кремле не хотели видеть, что СССР уже достиг пределов возможного. Проблема таилась в том, что руководство не осознало первоочередной важности постиндустриальной модернизации, продолжало вкладывать огромные средства в основные фонды явно устаревающего технологического уклада.

В советском обществе произошли глубокие изменения. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, к началу 70-х годов составляла 25 процентов, в промышленности и строительстве — 38 процентов. (В 1928 году соответственно — 80 и 8 процентов.) К началу 80-х годов городское население насчитывало более 163 миллионов человек, из которых 32,7 процента составляли специалисты с высшим и средним образованием. По данным ЮНЕСКО, уже в 1960 году СССР занимал второе-третье место в мире по интеллектуальному потенциалу. По сравнению с довоенным временем он стал совершенно новой страной.

Однако быстрая перековка сельских жителей вела к культурной и социальной маргинализации значительной их части и увеличению социальной неоднородности общества. В итоге процесса ускоренной урбанизации городская среда отличалась неполноценностью, незавершенностью, а городское население не успело приобрести таких высших качеств, как инициативность, самостоятельность мышления, творческое отношение к действительности. В опосредованной форме проявлялись потери, связанные с разгромом имперской элиты после 1917 года. Очевидно, этими процессами объясняется связь между выдающимися достижениями в индустриализации (доля СССР в мировом промышленном производстве достигла 10 процентов) и разительным отставанием в использовании вычислительной

техники, энергосберегающих технологий, создании инфраструктуры и т. д. Советская модель модернизации уже достигла своего предела и уперлась в ограничители своего развития: отсутствие демократических свобод, гражданского общества, рынка. Государственная машина стала терять скорость из-за отсутствия творческой и ответственной личности.

При этом брежневское поколение руководителей, воспитанное в годы индустриальной модернизации, быстро устаревало в социально-общественном плане. Оно воспроизводило методы управления довоенного и военного времени, когда на первом месте стояли задачи реформировать аграрную страну, обеспечить валовые показатели роста промышленности, удовлетворить главные потребности населения, создать сильную армию и мощную оборонную промышленность. Брежневские кадры почти не подвергались ротации, так как экономические и политические условия этого не требовали. Сталинские чистки и хрущевские перетряски остались в прошлом, как страшный сон. Подпирающее снизу новое поколение упиралось в отсутствие механизма обновления элиты, застывало в раздражении от неудовлетворенного карьерного роста и невостребованности. Образно говоря, система сама плодила революционеров в лице младших научных сотрудников и рядовых инженеров, образованных, умных и ненужных.

В этой обстановке огромное значение приобретало качество личности отдельного руководителя. Здесь надо искать ответ на вопрос, почему Громыко обладал высоким авторитетом, чем отличался от многих других министров.

Приближающийся кризис отразился в драматической судьбе директора одного из совхозов в Казахстане И.Н. Худенко, который в результате разрешенного эксперимента перевел свое хозяйство на полный хозрасчет и, применяя материальное стимулирование, повысил прибыльность в семь раз, а зарплату в четыре раза. Он доказывал, что внедрение его системы увеличит объем сельскохозяйственного производства в стране в четыре раза, уменьшит число занятых в сельском хозяйстве с 30 миллионов человек до 6 миллионов. Однако Худенко в 1972 году был осужден за «хищение государственной собственности» и вскоре умер в тюремной больнице. В его судьбе отразился надвигающийся кризис всей социальной системы, которая для своего дальнейшего развития должна была покушаться на свои социальные основы. (А куда надо было деть 26 миллионов человек, высвобождаемых по методу Худенко? Аналогичная по социальным последствиям Столыпинская реформа, кроме значительного укрепления сельскохозяйственного производителя,

выбросила на свободный рынок труда миллионы людей, которых не успевала использовать промышленность, что в итоге привело к огромным напряжениям в империи.)

Правящая элита, получив при Брежневе гарантию неприкосновенности, утратила стимулы дальнейшего социально-экономического развития. Вместо самоотверженной работы руководители торговались за снижение плановых заданий, заботились о собственном благополучии. Одной из важнейших (если не самой важной) целей для вступающих на профессиональную стезю молодых людей стали личная карьера, личный успех. Это означало роковой разрыв между официальной идеологией приоритетности общих целей «во имя блага советского народа» и частными устремлениями.

В декабре 1977 года была принята новая Конституция СССР. Она сменила старую, принятую при Сталине еще до войны, и создала юридический каркас состоявшихся за 40 лет социально-экономических преобразований.

В определении социальной природы государства Конституция дезавуировала положение Программы КПСС о построении к 1980 году коммунистического общества. Утверждалось: «В СССР построено развитое социалистическое общество на этом этапе, когда социализм развивается на своей собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни…» Конституция провозглашала, что «на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность — советский народ». В значительной части эти положения были декларативны.

Государство объявлялось собственником на средства производства, землю, недра, воды, леса. Допускалась «колхозно-кооперативная собственность». Выборы в органы власти (Верховный Совет СССР и другие Советы) объявлялись прямыми, равными и тайными. Если учесть, что выборы были безальтернативными, а кандидатов в депутаты выдвигали по согласованию с партийными комитетами, то очевидно, что в реальности это были закамуфлированные назначения.

Однако Конституция утверждала положение об участии трудовых коллективов «в обсуждении и решении государственных и общественных дел», о возрастании роли общественных организаций. В этом нашла отражение довольно слабая попытка создать конкуренцию партийно-государственной номенклатуре, подобная аналогичной попытке в 1936 году.

В Конституции появилась статья, закреплявшая правящее

положение КПСС и провозглашавшая ее «ядром политической системы».

Таким образом, закреплялась структура управления государством, опирающаяся на умозрительные декларативные положения. И хотя положения Конституции закрепляли социальные и юридические права личности, даже декларировали гарантии на подсобные хозяйства и отдельные квартиры, в целом Основной закон не стал работающим документом. Теория «развитого социализма» на самом деле являлась не теорией, объясняющей настоящее и прогнозирующей будущее, а продуктом пропаганды, уводящей общество от реальных проблем.

Глава 26.
СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НЕ ОТВЕЧАЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ СССР

Предыстория ОСВ-1

По мере абсолютного роста стратегического арсенала США, который вызвал ответную реакцию Советского Союза, министр обороны Роберт Макнамара стал понимать, что поддержание некоего теоретического ядерного превосходства будет все более дорогостоящим и менее рентабельным для его страны. Карибский кризис октября 1962 года показал, что угроза атомной войны, для США абстрактной и далекой, стала близкой реальностью, поставив под сомнение идею «реализуемого ядерного удара». В ноябре 1962 года в одном интервью Макнамара на вопрос, достигнет ли СССР надежной способности ответного удара, признал: «Да, конечно. Когда обе стороны приобретут гарантированную способность второго удара, мы будем иметь более стабильный баланс страха». С этой поры он стал отстаивать идею, что долговременная безопасность США могла быть надежнее обеспечена «политическими соглашениями, а не военными программами», 1963 год был ознаменован личным успехом Громыко: первым крупным соглашением в области ядерного оружия — Договором о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанным СССР, США и Великобританией. Этот договор, инициатором которого был Андрей Андреевич, и ряд других советско-американских соглашений 1963 года стали первыми признаками наступления новой реальности, в которой военно-политическая борьба стала приобретать иной вид.

При этом США наращивали ракетно-ядерную мощь, усиливали военные действия во Вьетнаме и пытались дипломатическим путем добиться более выгодных для себя позиций в переговорах по ограничению стратегических вооружений в Комитете по разоружению в Женеве.

После гибели Кеннеди президентом США стал Линдон Джонсон, который вялотекущую военную операцию во Вьетнаме превратил в большеформатную войну, что в итоге привело к ослаблению США и усилению СССР и Китая. Советский посол Добрынин подчеркнул следующее обстоятельство: «В отличие от своих предшественников Трумэна и Эйзенхауэра, которые держали военных на коротком поводке, Джонсон уверовал в их компетентность и все больше прислушивался к их советам, а также к советам тех из своего окружения, кто стоял за военное решение вьетнамского вопроса»[232].

Но война войной, тем более она была локальной и велась не в прямом столкновении сверхдержав, дипломатия дипломатией.

В 1967 году Советский Союз, Соединенные Штаты и другие страны подписали Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, приняв обязательство о неразмещении оружия массового уничтожения в открытом космосе и на небесных телах. Это была еще одна договоренность об уменьшении военного соперничества.

В сентябре 1967 года Макнамара заявил, что «сдерживание преднамеренного ядерного нападения на Соединенные Штаты и их союзников» обеспечивается поддержанием высоконадежной способности «навлечь неприемлемый ущерб на любого агрессора или агрессоров, даже после принятия на себя внезапного первого удара». Одновременно он признал: «Советский Союз с его наличными силами может эффективно уничтожить Соединенные Штаты, даже приняв на себя всю тяжесть американского первого удара». Министр обороны предложил отказаться от бессмысленной гонки вооружений и ограничить, а позднее и сократить наступательные и оборонительные ядерные силы.

Однако США к тому времени уже глубоко увязли во вьетнамской войне, а форсированная количественная и качественная гонка ракетно-ядерных вооружений 60-х годов продолжалась. Кроме того, наметившийся новый подход к проблеме ядерного оружия и безопасности был крайне противоречивым, непоследовательным и не выходил за пределы узкой группировки правящих кругов США, что и проявилось во время дискуссии вокруг нового поколения американских стратегических вооружений.

Макнамара знал, о чем говорил. В США разрабатывались две военные программы — система противоракетной обороны (ПРО) и ракеты с разделяющимися головными частями с боеголовками индивидуального наведения на цели (РГЧ) типа «МИРВ» для наступательных баллистических ракет стратегического назначения. Эффект ПРО был неясен, стоимость ее разработки была колоссальной — 15-20 миллиардов долларов. Макнамара считал, что отказ от ПРО позволит заключить соглашение с Советским Союзом по ограничению стратегических вооружений. Напротив, развертывание ПРО разрушит военный баланс, но в действительности не укрепит защиту США, так как ракеты с разделяющимися головками способны пробить любую противоракетную оборону. Поэтому принципиальное решение о конкретном типе системы ПРО откладывалось, пока не выяснится возможность соглашения с Советским Союзом об ограничении систем противоракетной обороны. Военно-промышленный комплекс США и политическое руководство Вашингтона как

будто замерли в ожидании.

Примерно такое же положение было и в Москве. Начатые еще при жизни Сталина работы по ПРО (ими руководил Сер-го Берия) продолжались, вокруг Москвы и в районе Прибалтики воздвигались противоракетные системы. А на сообщения посла Добрынина о том, что необходимо определиться в вопросе о переговорах с американцами по проблеме ПРО, советское руководство отмалчивалось. Дело в том, что Косыгин, секретарь ЦК КПСС по оборонной промышленности Устинов, председатель Военно-промышленной комиссии Смирнов выступали за развитие ПРО и считали, что американцы «могут нас обогнать», если СССР втянется в дипломатические переговоры по этой тематике.

Однако Брежнев, недавно сам курировавший ВПК, говорил, что в мыслях Макнамары есть здравое зерно и в любом случае надо находить какой-то баланс сил. Громыко тоже склонялся к идее переговоров. Отношение Брежнева к проблеме войны и мира хорошо видно в его воспоминаниях о Карибском кризисе.

«Примечателен и такой эпизод. Обсуждали в Завидове международный раздел к докладу Брежнева на XXV съезде. Он вдруг завелся. Вспомнил Хрущева, который, по его словам, оставил такое положение, что начать двигаться к миру стало, наверно, труднее, чем за десять лет до 1964 г. В Карибском деле пошел на глупую авантюру, а потом сам в штаны наложил. “Я не забуду, — говорил Брежнев, — в какой панике Никита то пошлет телеграмму Кеннеди, то “с дороги” требует задержать ее, отозвать. А все почему? Потому что хотел об…ать американцев. Помню, на Президиуме ЦК кричал: “Мы в муху попадем ракетой в Вашингтоне!” И этот дурак Фрол Козлов (при Хрущеве фактически второй секретарь ЦК) ему вторил: “Мы держим пистолет у виска американцев!” А что получилось? Позор! И чуть в ядерной войне не оказались. Сколько пришлось потом вытягивать, сколько трудов положить, чтоб поверили, что мы действительно хотим мира. Я искренне хочу мира и ни за что не отступлюсь. Можете мне поверить. Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны»{233}.

Брежнев не лукавил, он искренне хотел мира. Однако ни он, ни Громыко, ни кто-либо другой в советском руководстве не знали, что «холодная война» может закончиться только победой одной из сторон.

* * *

23 и 25 июня 1967 года в Гласборо (Нью-Джерси) состоялись

встречи между председателем Совета министров СССР Косыгиным и президентом США Джонсоном. В первый же день Макнамара заявил, что создание советской ПРО «вынудит» США усилить их наступательные ядерные силы, и предложил заключить соглашение об ограничении систем противоракетной обороны. Но советский премьер не проявил большого интереса к этому предложению. «В долгосрочном плане следует признать, что Москва допустила серьезную и дорогостоящую ошибку, не пойдя в этот момент на договоренность с США о запрещении систем ПРО»{234}.

«Дело прежде всего в том, что примерно к концу 60-х годов Советскому Союзу, благодаря громадным усилиям наших ученых, конструкторов и оборонной промышленности, созданию ряда новых типов ракет и подводных лодок — носителей ядерного оружия, новых, значительно более эффективных ядерных боеголовок, удалось ликвидировать довольно долго существовавшее отставание от США в области ядерных вооружений — и количественное, и качественное. Было достигнуто то, что получило название “ядерный паритет” между двумя сверхдержавами»{235}.

На пресс-конференции после встречи в Гласборо Косыгин счел необходимым заявить: «Нельзя рассчитывать на улучшение советско-американских отношений, пока США совершает агрессию против Вьетнама. Для того чтобы улучшить наши отношения, надо прежде всего Соединенным Штатам прекратить войну во Вьетнаме».

Другими словами, он поставил локальную проблему выше стратегической, что в целом свидетельствует о приоритетах советского руководства. Вьетнам воспринимался частью глобального мирового фронта, где «силам социализма и мира» надо было теснить «международный империализм».

Однако если мы зададимся вопросом, насколько самостоятельной была Москва во вьетнамской войне, то ответ будет неожиданным: она не была самостоятельной. Вьетнамцы вовсе не были младшими партнерами в советско-американском противостоянии, они, принимая военную и экономическую помощь Москвы, твердо вели свою дипломатию, не желая отдавать советскому руководству роль посредника в их отношениях с американцами. К тому же еще один союзник Ханоя, антисоветски настроенный Пекин, тоже был полноправным игроком в Индокитае, что вообще запутывало Кремль. (В подобном положении оказалось и американское руководство во время арабо-израильской войны 1967 года, когда Израиль добивался своих интересов, далеко не всегда считаясь с Белым

домом.)

* * *

10 октября 1966 года Громыко был принят президентом Джонсоном в Белом доме. Министр прямо сказал, что СССР готов к достижению разрядки в международных отношениях и ждет того же от США. Джонсон стал убеждать Громыко, что США не имеют «никаких опасений в отношении СССР и уверены, что не будь Вьетнама, наши отношения были бы просто отличными».

Снова Вьетнам!

Джонсон предложил использовать все влияние Москвы, чтобы привлечь Ханой к переговорам. Громыко же отвечал, что американские предварительные условия неприемлемы, так как их принятие будет означать капитуляцию. Будут ли США продолжать военные действия, будут и дальше бомбить Вьетнам? В таком случае СССР и его союзники будут во все больших масштабах помогать вьетнамцам, и тогда США и СССР все сильнее будут втягиваться в противостояние. Советский министр даже несколько пафосно воскликнул: «Неужели история уготовила США и СССР такую судьбу? Ключ к решению задачи скорейшего окончания войны находится в руках США, это зависит от вашей политики».

Приведя эти слова, посол Добрынин в своих мемуарах по этому поводу заметил: «Самым интересным было, пожалуй, то, что за требованиями Громыко о прекращении бомбардировок ДРВ у Советского правительства не было какого-нибудь продуманного плана дальнейших действий по урегулированию конфликта. Оно просто полагалось в этом на Ханой, хотя последний практически не делился с Москвой своими конкретными планами на этот счет»{236}.

Более того, не только не делился, но и умело манипулировал своими союзниками. Так, в феврале 1965 года во время пребывания во Вьетнаме советской делегации, в которую входили Косыгин, секретарь ЦК КПСС Андропов и заместитель министра обороны Главный маршал авиации К.А. Вершинин, северовьетнамцы организовали нападение на казармы американских советников в городе Плейку, что вызвало воздушный налет авиации 7-го американского флота на Северный Вьетнам. Оказавшись под «организованной» вьетнамцами бомбежкой, советские руководители на собственной шкуре убедились в необходимости усилить противовоздушную оборону ДРВ и подписали на эту тему соответствующее соглашение, чего

ранее не собирались делать[237].

К июлю 1965 года американские боевые части были полностью развернуты, в начале 1969 года они составляли 543 тысячи человек.

Здесь надо напомнить следующее. Еще 6 января 1961 года, за две недели до инаугурации Кеннеди, Хрущев объявил «национально-освободительные войны» «священными» и гарантировал поддержку Советского Союза. В сентябре 1965 года, уже при Джонсоне, министр обороны Китая Линь Бяо сказал об «окружении» западных стран при помощи революций в странах третьего мира.

И вот главная идея американской политики во Вьетнаме: «Толкование коммунистических пророчеств администрациями Кеннеди и Джонсона заставляло рассматривать Индокитай как нечто большее, чем просто одну из многочисленных битв “холодной войны”. С точки зрения политики “новых рубежей”, Индокитай являлся той самой решающей схваткой, которая позволит установить, можно ли прекратить партизанские действия и выиграть “холодную воину”»[238].

* * *

Теперь посмотрим, как определял перспективы наш герой. В январе 1967 года он внес на рассмотрение Политбюро аналитическую записку о состоянии и перспективах отношений между СССР и США. Что заботило министра?

«В целом состояние международной напряженности не отвечает государственным интересам СССР и дружественных ему стран. Строительство социализма и развитие экономики требуют поддержания мира. В обстановке разрядки легче добиваться укрепления и расширения позиций СССР в мире»[239].

Подчеркнем это умозаключение: под прикрытием «мирного сосуществования» предлагалось добиваться новых успехов. Что в этом непонятного? Может быть, это покажется коварным? Однако, как мы вскоре увидим, главный оппонент Громыко государственный секретарь США Киссинджер руководствовался точно такой же идеей.

Посол Фалин подчеркнул: «“Под прикрытием разрядки, — напишет Г. Киссинджер десятилетие спустя, — фактически продвигалась наша политика, состоявшая в том, чтобы сократить и, где возможно, устранить советское влияние на Ближнем Востоке…”

Москва на рубеже 60—70 гг. устала от напряженности. Она

искала хотя бы передышки и охотно пошла навстречу поданным из Вашингтона сигналам — ядерная катастрофа поглотит всех, ее предотвращение должно стать общей заботой двух сверхдержав. Мы соблазнились яблоком, не ведая, что в отличие от библейского оно было насквозь червивым. У американского замысла был дальнего задела умысел»[240].

Вопрос был только в том, чья «разрядка» окажется сильнее.

Далее Громыко в своей записке предлагал не зацикливаться на «однобокой постановке вопросов об империализме», различать государственные и идеологические «аспекты борьбы двух систем» и, что очень важно, «избегать создания такой внешнеполитической ситуации, при которой нам пришлось бы вести борьбу на два фронта, против КНР и США».

Кроме того, министр ставил задачу «ослабления позиций США в Западной Европе», а это, как мы увидим, будет реализовано через несколько лет заключением договора с ФРГ.

Ключевая идея Громыко: формализация в международных документах равновесия между СССР и США будет размывать роль военного фактора в Европе, ослаблять сближение США с ФРГ и Францией, а в перспективе — ослаблять и контроль США над Бонном и Парижем. «Это была громадная идея Громыко»[241].

Глава 27. ПРАЖСКАЯ ВЕСНА И «ДОКТРИНА БРЕЖНЕВА»

Наступил 1968 год. Он оказался поворотным в судьбе Советского Союза и социалистического содружества — из-за внутриполитического раскола в Чехословакии, который был нейтрализован вводом войск ОВД в эту страну События в Чехословакии были звеном в цепи подобных — июня 1953 года в ГДР, июля 1956 года в Польше, октября 1956 года в Венгрии. Можно сказать, активная часть восточноевропейского населения стала протестовать против государственного управления мобилизационного типа, сложившегося еще при Сталине. В иных исторических условиях. Варшава, Берлин, Будапешт, Прага хотели иного пути к социализму и иных отношений с Москвой.

Это в какой-то мере походило на ситуацию в ФРГ, где часть политической элиты искала выхода из мягкого полуоккупационного режима, установленного США и не позволявшего Федеративной Республике быть в полной мере независимым государством. Правда, в экономическом и морально-политическом плане этот режим был привлекательнее, чем тот, который сложился в Восточной Европе.

Показательно, что реформирование в Чехословакии началось как следствие десталинизации и либерализации в СССР. В 1965 году в ЧССР началась экономическая реформа, которая должна была объединить государственную экономику с рыночными принципами. «Программа по реформированию политической системы была более осторожной и не предполагала формирования даже ограниченного политического плюрализма в следующем десятилетии»[{242}]. Однако в результате начавшихся преобразований стал возникать перекос между ростом заработной платы и наличием товаров в торговле, что явно вело к разбалансированию экономики. Реформа стала сдерживаться. В меморандуме ЦРУ отмечалось: «Экономическое давление является одной из главных причин политических изменений в Восточной Европе»[{243}].

Кроме того, в стране назрела национальная проблема: словаки считали, что у чехов больше прав и возможностей. Еще одно обстоятельство необходимо иметь в виду: ГДР, Польша и Чехословакия с одной стороны и ФРГ — с другой были военными и геополитическими рубежами огромного европейского театра

военных действий, и за гарнизонами этих линий обороны, равно как на Ближнем Востоке и в Индокитае, стояли Москва и Вашингтон.

Могло ли руководство Советского Союза допустить, чтобы восточноевропейские рубежи вышли из-под контроля? И в состоянии ли оно было разглядеть будущие угрозы, вытекающие из собственной недальновидности?

У нас нет окончательного ответа на эти вопросы.

Но до кульминации Пражской весны, которая пришлась на август 1968 года, еще оставалось несколько месяцев.

1 июля СССР, США, Великобритания, а затем и еще 55 государств подписали один из важнейших международно-правовых документов — Договор о нераспространении ядерного оружия. В преамбуле договора подчеркивалось намерение сторон «скорее достигнуть прекращения гонки ядерных вооружений и принять меры в направлении ядерного разоружения».

Несколько ранее, в мае 1968 года, заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов в своей речи в ООН заявил о готовности советского правительства приступить к переговорам по ограничению стратегических вооружений, В июне того же года Громыко сделал предложение президенту Джонсону обсудить взаимное ограничение и сокращение ядерных вооружений наступательного и оборонительного назначения. 1 июля Джонсон заявил о согласии США начать переговоры по вопросам стратегических вооружений.

Однако 21 августа, под давлением антикоммунистической пропаганды, поднятой из-за «интернациональной помощи социалистических стран народу Чехословакии в его борьбе против контрреволюционных антисоциалистических сил», президент Джонсон отказался от переговоров. Тем не менее в США идея ограничения стратегических вооружений уже воспринималась как полезная. 15 декабря 1968 года преемник Макнамары на посту министра обороны К. Клиффорд публично выступил в пользу безотлагательного начала переговоров об ОСВ. Достижения СССР в области обороны вынуждали Вашингтон приспосабливаться к новому соотношению сил.

Итак, политики и дипломаты пытались надстроить над военными блоками некую жизнеспособную контрольную систему, призванную минимизировать риски и передающую геополитическую борьбу из рук генералов в руки Истории.

Именно в этот момент случился чехословацкий кризис, вызвав из прошлого тени Бенеша и Аллена Даллеса.

В ноябре 1967 года в Праге состоялась демонстрация студентов, потребовавших перемен в системе образования. На

собраниях в Союзе писателей высказывалось недовольство политическим курсом. И это происходило на фоне открытой критики в СМИ первого секретаря ЦК КПЧ и президента страны Антонина Новотного, которого считали наследником сталинской системы и главным тормозом на пути реформ. Москва проявила озабоченность, в декабре в Прагу прилетел Брежнев. Разговоры с членами чехословацкого руководства оставили у него впечатление, что все они включились в борьбу за власть. С раздражением он бросил: «Это ваше дело» — и уклонился от поддержки кого бы то ни было. Оказалось, что это была большая ошибка.

В январе 1968 года первым секретарем ЦК КПЧ был избран Александр Дубчек (1921 года рождения), до этого он был первым секретарем ЦК КП Словакии. В юности Дубчек 13 лет жил в Советском Союзе, во время Второй мировой войны принимал участие в Словацком национальном восстании, был дважды ранен. Еще в конце 50-х годов он потребовал освобождения арестованных в начале десятилетия чехословацких коммунистов, в числе которых был и Густав Гусак. Он был избран первым секретарем, потому что казался нейтральной фигурой в противостоянии двух группировок, консервативной и либеральной. Сразу после избрания Дубчек выступил на съезде сельскохозяйственных кооперативов, где заявил о необходимости демократизации социализма.

На первой встрече в Кремле после своего избрания он обещал Брежневу не принимать резких кадровых решений, но практически сразу же и стал назначать без согласования с Москвой новых руководителей областных партийных комитетов, министров, заведующих отделами ЦК, смещая старые кадры. Лишились должностей примерно 80 процентов руководителей райкомов и обкомов партии. То, что это задело Брежнева, посчитавшего, что Дубчек (он дружески называл его «Саша» или «Александр Степанович») отходит от «коллективной линии социалистического содружества», нуждается в объяснении. Дело в том, что компартия Чехословакии в июне 1948 года образовалась из собственно коммунистической партии и более крупной и сильной в кадровом отношении социал-демократической партии Эдуарда Бенеша. По данным, обнародованным на встрече в Москве 8 мая 1968 года руководителей КПСС, БКП, ВСРП, СЕПГ и ПОРП, в Чехословакии было около 1,5 миллиона членов партий, распущенных после 1948 года, а также реально существовал «широкий мелкобуржуазный и буржуазный фронт».

С возвышением Дубчека и отставкой Новотного социал-демократическое крыло выдвинулось на передовую позицию,

словно реализовав старую идею Сталина о приемлемости демократических режимов в Восточной Европе. Однако время уже было другим. Нереализованная тогда из-за начавшейся «холодной войны» данная идея не могла безболезненно утвердиться спустя двадцать лет, когда мир был поделен между Москвой и Вашингтоном.

В конце марта чехословацкие либералы получили явное преимущество, что выразилось в публикации 5 апреля «Программы действий КПЧ». В ней декларировались намечаемые преобразования: ликвидировать систему директивного социализма, обеспечить защиту от партийного вмешательства общественно-политических организаций, ввести контроль над органами госбезопасности, разделить законодательную и исполнительную власти, допустить существование наряду с плановой элементов рыночной экономики, ввести многопартийность. При этом не подвергались пересмотру основные принципы марксизма, международные обязательства Чехословакии в рамках ОВД и СЭВ. Эта программа во многом похожа на советскую «перестройку» времен Михаила Горбачева, случившуюся через двадцать лет.

Аналитики ЦРУ назвали ее сдержанной, реалистичной и «в некотором смысле разочаровывающей для радикальных сторонников реформ». Однако в стране быстро нарастали антикоммунистические, антисоветские и антирусские настроения. Крайне правые предполагали путем проведения ряда конституционных решений (выборов) скорое отстранение компартии от власти.

Руководство стран ОВД восприняло эти явления как угрозу развала социалистического лагеря и повторения в той или иной форме событий в Венгрии 1956 года. На встрече 8 мая в Москве польский руководитель Владислав Гомулка назвал события в Чехословакии «переходом от социализма к неокапитализму», венгерский лидер Янош Кадар выразился так: «Можно сказать, что они действуют под девизом: “Пусть мир погибнет, но восторжествует справедливость”, а первый секретарь СЕПГ Вальтер Ульбрихт назвал Дубчека “безнадежным случаем”»{244}.

Особую тревогу вызвал факт появления в районе Пльзени десяти американских танков, доставленных туда из ФРГ для съемок фильма об освобождении этого района страны войсками США в 1945 году.

В конце июля в Восточной Словакии в городке Чиерне-над-Тиссой состоялась трехдневная встреча советского и чехословацкого руководства, на которой Дубчек в личной беседе с Брежневым дал обещание провести соответствующие кадровые

изменения и прекратить антисоветскую и антисоциалистическую кампанию в СМИ. При этом советское руководство, получив заверения в верности КТТЧ социалистическому выбору, признало право ЧССР проводить реформы своим особым путем. Впрочем, этот путь вскоре привел к явному преимуществу радикально настроенных сил, которым дубчековское руководство шаг за шагом уступало позиции. 9 и 10 августа в Праге побывали И. Б, Тито и Н. Чаушеску, которые полностью поддержали руководство ЧССР и вызвали в Москве тревожные воспоминания о Малой Антанте.

В дневнике Петра Шелеста есть несколько важных свидетельств, относящихся к лету 1968 года: «13—15 августа. Проводим совещание. Присутствуют: Брежнев, Подгорный, Косыгин, Суслов, Шелест, Пономарев, Щербицкий. Вопрос весьма важный — положение в Чехословакии обострилось до крайнего предела, видны грани гражданской войны в стране. Вопрос стоит так: “кто — кого”, — либо правые элементы, имея поддержку международной реакции, завершат свое черное дело, либо прогрессивные силы отразят происки правых сил и отстоят дело социализма в Чехословакии.

КПЧ парализована, а государственный аппарат и весь строй на грани развала. Правые активизировали свою деятельность.

16 августа….Всё напряжено до крайнего предела. Если сейчас не принять самых крайних и крутых мер, можно развязать гражданскую войну в Чехословакии и потерять ее как социалистическую страну, создать чрезвычайное положение в Европе, вплоть до крупных военных столкновений, а возможно, и войны.

Не так легко было решиться пойти на крайние меры, но все уже упущено, и другого решения и выхода нет. Все понимаем, что этот шаг может быть чреват политическими и военными осложнениями»[{245}].

Обратим внимание на слова: «Не так легко было решиться пойти на крайние меры». Это означает, что решение уже принято. Что же ему предшествовало?

3 августа 19 чехословацких партийных руководителей во главе с первым секретарем ЦК Словацкой компартии Василом Биляком направили Брежневу письмо с просьбой о военной помощи и смещении Дубчека. Всё же в Москве еще надеялись, что обойдется без силовых аргументов.

12 августа на заседании Президиума ЦК КПЧ Дубчек заявил: «Если я приду к убеждению, что мы на грани контрреволюции, то сам позову советские войска»[{246}].

13 августа Брежнев имел длительный телефонный разговор с

Дубчеком, в котором многократно спрашивал, когда ЦК КПЧ начнет выполнять договоренности, принятые в Чиерне-над-Тиссой, о взятии под контроль средств массовой информации, которые вели антисоветскую пропаганду, а также будут решены «кадровые вопросы» (то есть уволены «непримиримые»), Дубчек, ссылаясь на то, что «это сложный вопрос», уходил от конкретных ответов, постоянно говоря, что «это решит пленум». В конце концов он стал раздражаться, но Брежнев по-прежнему спокойно и терпеливо вел свою линию.

«БРЕЖНЕВ. Но ты пойми, что такое положение, такое отношение к выполнению обязательств, принятых в Чиерне-над-Тиссой, создает совершенно новую ситуацию, с которой мы тоже не можем не считаться, и, очевидно, она вынуждает нас по-новому оценивать обстановку и принимать новые самостоятельные меры.

ДУБЧЕК. Тов. Брежнев, принимайте все меры, которые ваше Политбюро считает правильными.

БРЕЖНЕВ. Но если ты мне так отвечаешь, то я должен тебе сказать, Саша, что это заявление несерьезное»[{247}].

Далее Брежнев напомнил, что Дубчек и его коллеги «без нашего понуждения, совершенно по собственной воле» обещали, «что вы эти вопросы решите буквально в ближайшее время». Дубчек не мог ответить ничего определенного.

«ДУБЧЕК. Тов. Брежнев, я еще раз прошу не требовать от меня выполнения этого решения, так как изменилась обстановка.

БРЕЖНЕВ. Да я и не требую. Я только констатирую, что у вас Президиум ЦК ничем не руководит и что нам очень жаль, что мы этого не знали на Совещании в Чиерне-над-Тиссой. Мы тогда думали, что мы говорим с органом, который руководит любым вопросом в стране. А теперь получается, что мы разговаривали с органом, который ничем не руководит. Получается так, что наш разговор был несерьезным…

ДУБЧЕК. Иссякли силы, я не случайно вам сказал, что новый пленум изберет нового секретаря. Я думаю уходить с этой работы. Дорогой Леонид Ильич, я прошу меня извинить за то, что, может быть, сегодня я несколько раздраженно говорил, я очень прошу извинить меня… Я вам обещаю, тов. Брежнев, сделать все необходимое для того, чтобы выполнить нашу договоренность»[{248}].

Вскоре выяснилось, что Дубчек, несмотря на просьбу Брежнева довести содержание разговора до членов Президиума ЦК КПЧ О. Черника и В. Биляка, не сделал этого, сказав им, что разговаривал не с Брежневым, а с советским послом С.В. Червоненко. Оказалось, что разговор с Брежневым Дубчек вел в

присутствии радикально настроенного председателя Национального собрания ЧССР Й. Смрковского, что свидетельствовало о постоянном давлении на него.

Москва была встревожена и тем, что намечавшийся на сентябрь чрезвычайный съезд КПЧ приведет к руководству в партии радикально настроенную группу, а колеблющийся Дубчек будет заменен явным противником.

16 августа Дубчек позвонил Брежневу и сам попросил ввести войска{249}. Однако этот звонок не был задокументирован.

Впрочем, даже если допустить, что Фалин просто ошибается, то неоспоримым является факт, что Дубчек и его соратники «говорили о развивающейся контрреволюции и необходимости сохранения рабочей милиции (военизированные подразделения КПЧ), которую, возможно, придется задействовать; о танках и насилии они упоминали пусть как о крайнем, но, все же возможно, необходимом средстве»{250}.

Вводить или не вводить войска? На Политбюро разгорелся спор: Косыгин был против военной акции, Громыко и Андропов колебались. Брежнев тоже тянул с решением до последнего.

Как заметил Фалин Брежневу, вышедшему в соседнюю с его кабинетом комнату, «минусов будет больше». Брежнев тоже не был уверен в необходимости радикального решения.

Однако через «представителя ЦК КПСС» (это был полковник внешней разведки КГБ Елисей Синицин) был организован по аппарату закрытой связи (ВЧ) разговор Андропова и Брежнева с Густавом Гусаком, и тот подтвердил свою готовность бороться с «ревизионистами».

Сын Синицина, впоследствии ставший помощником Андропова по линии Политбюро, отмечал: «Классическим тайным каналом стала связь Андропова и Брежнева с Гусаком и Биляком в обход официальных послов, аппаратов министерства иностранных дел, отделов ЦК КПСС. Шифровки из Праги, с мнениями руководителей КПЧ по самым острым вопросам, ложились непосредственно на стол Андропова и передавались Брежневу из рук в руки»{251}.

18 августа в Москву прибыли делегации всех европейских социалистических стран, кроме Румынии. Брежнев объявил, что вводятся войска. Его поддержали, но предложили, чтобы это были войска ОВД. Встал вопрос, должны ли в их составе быть восточногерманские контингента, — что было напоминанием о Второй мировой войне. Однако Вальтер Ульбрихт настоял: «Мы ведь тоже входим в Варшавский договор». Все — Гомулка, Ульбрихт, Живков, Кадар — признали необходимость военной акции. В словах восточногерманского лидера даже прозвучал

скрытый упрек Брежневу: «Дубчек — это смесь социал-демократа и “швейковщины”. Теперь, когда время упущено, надо учитывать, что многие хорошие силы тоже подверглись правому влиянию или ушли к ним, видя нашу в прошлом никчемную игру с Дубчеком»{252}.

Однако, как заметил в декабре 1968 года маршал Гречко, «Леонид Ильич не намерен был вводить войска. По многим причинам. Тут и венгерские события. Они свежи в памяти. И риск развязывания большой войны… Но нельзя нам было терять Чехословакию!»{253}

18 августа на совещании высшего командного состава Гречко заявил: «Я только что вернулся с заседания Политбюро. Принято решение на ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Это решение будет осуществлено, даже если оно приведет к третьей мировой войне».

Впрочем, заметим, что планирование военной операции Генеральным штабом началось еще в апреле 1968 года задолго до политического решения.

В ночь с 20 на 21 августа началась операция «Дунай», в ней участвовали 30 танковых и мотострелковых дивизий (500-тысячная советская группировка и 300-тысячная, состоявшая из войск Польши, Венгрии, ГДР, Болгарии под общим командованием заместителя министра обороны СССР, генерала армии И.Г. Павловского). Всего в боевую готовность были приведены 70 дивизий ОВД и в состояние повышенной боевой готовности — советские Ракетные войска стратегического назначения.

Уже в первые часы операции были блокированы советскими спецназовцами министр обороны Чехословакии М. Дзур и его заместители. Гречко передал по телефону Павловскому, находившемуся в кабинете Дзура: «Передай Дзуру, если с их стороны будет хоть один выстрел, я его повешу на первой осине».

Чехословацкая армия осталась в казармах.

Насколько реальными были опасения, что в события могут вмешаться войска НАТО?

В центральной зоне ответственности НАТО находилось 22 дивизии, а для отражения возможного советского наступления требовалось не менее 30 дивизий. Значительная часть американского контингента была переброшена из Европы во Вьетнам{254}.

Кроме того, тогда в Западной Европе царили антимилитаристские настроения и шли бурные протесты («молодежные революции»).

Утром 20 августа посол Добрынин получил срочное указание

Громыко встретиться с президентом Джонсоном и дать соответствующие разъяснения по поводу ввода войск в Чехословакию. Первоначально хозяин Белого дома отнесся к информации очень спокойно, но буквально через несколько часов госсекретарь Раек пригласил посла и выразил «большую озабоченность». При этом были заданы вопросы: не будут ли введены войска и в Румынию или проведена какая-нибудь акция в отношении Западного Берлина?

Но в целом, как потом заметил американский посол в Москве Томпсон, «надеемся, что в Москве оценят, что мы не очень задираемся».

Во Франции генерал де Голль отнесся к известию о вводе войск ОВД в ЧССР весьма спокойно, заявив, что эта акция не нарушает принципов Ялтинской системы.

Военная операция в Чехословакии прошла образцово. Если говорить откровенно, то с точки зрения геополитики Чехословакия была второстепенной для Запада страной. Это положение чешским профессором Оскаром Крейчи объясняется так: «Главная геополитическая ось в Европе проходит по линии Париж, Рейнланд (Дюссельдорф, Зссен, Дуйсбург, Дортмунд), Берлин, Варшава, Минск, Москва. Эту ось сегодня воспроизводят важнейшие запланированные нефтепроводы, железные дороги, шоссе и т. д. Периферийная геополитическая ось проходит по линии упомянутого Рейнланда, через Мюнхен, Вену, Будапешт, Софию вплоть до турецкого Стамбула. Это та самая линия, которая в эпоху Томаша Г. Масарика характеризовала пангерманскую экспансию»{255}.

По мнению Крейчи, Запад «сдал» Чехословакию в 1938 году потому, что «геополитическая ценность Чехословакии была ниже, чем возникший тогда риск конфликта с Германией. События 1948 и 1968 гг. также показывают малую ценность территории Чехии и Словакии, их государственного режима для Запада».

Однако для Советского Союза ценность ЧССР была высочайшей.

16 октября 1968 года был подписан договор о временном пребывании в Чехословакии группы советских войск, которая получила наименование «Центральная». Единственное государство ОВД, граничившее с западными странами и до сих пор не имевшее на своей территории советских войск, перестало быть исключением. По планам советского Генерального штаба в случае столкновения с НАТО предполагалось нанесение удара тактическими ракетами с ядерными боеголовками. Поэтому присутствие советских частей в Чехословакии диктовалось еще и военно-стратегическими расчетами. Передавать же ядерное

оружие в руки чехословацких военных, согласно негласной договоренности с США о нераспространении, было невозможно. Таким образом, к идеологическим и военно-политическим обстоятельствам необходимо прибавить и чисто военные.

А что же наш герой?

Как свидетельствует один из его ближайших сотрудников: «Не похоже, чтобы Громыко был в восторге. Пропадает и его труд. Последние 10 лет уже на посту министра, сколько от него зависело и, как умел, он торил тропки от конфронтации к взаимопониманию»{256}.

При этом укажем на следующее положение, свидетельствовавшее о глубоком расколе в советской элите: «Наградил ли успех Пражской весны социализм вторым дыханием? Никто убедительно не докажет ни “да”, ни “нет”. Но доказуемо и несомненно другое — поражение Пражской весны остановило десталинизацию в Советском Союзе, во всем сообществе, именовавшем себя социалистическим, и продлило на два десятилетия существование сталинского по устройству по разрыву слова и дела, человека и власти режима»{257}.

Мы знаем, как оценивал Громыко личность Сталина. Но здесь дело не в Сталине. «Десталинизация» — это отказ от огосударствленности всех сторон жизни общества и переход от мобилизационного режима к постепенному снятию бюрократического и партийного диктата. Начнись такое в 1968 году, Советский Союз, вполне вероятно, прошел бы драматическую трансформацию гораздо более острую, чем в 1991 году.

Но еще «десталинизация» — это мощная пропагандистская стратегия Запада против Советского Союза, отождествляющая вообще весь социализм со сталинизмом и нацеленная к тому же на левые круги в Западной Европе и США, которые симпатизировали СССР в 30—40-е годы.

Показательно, что из 88 коммунистических партий мира только 10 полностью поддержали акцию. После августа 1968 года западные левые интеллектуалы стали переходить в противоположный лагерь и создавать образ «советского империализма». Равно и внутри СССР в среде интеллигенции стало нарастать скрытое отторжение режима, консолидация либеральной группы в политической верхушке.

Но с другой стороны, советский социализм не смог ответить на интеллектуальный вызов, не предложил современной культурно-политической альтернативы и в результате не обрел «второго дыхания», остался уникальным примером героического и трагического «русского коммунизма», пал, осмеиваемый

одними и оплакиваемый другими.

Наиболее прозорливые в Москве понимали, что август 68-го — это пиррова победа, за ней последуют трудные времена. Юрий Андропов в сентябре 1968 года на встрече с руководителями восточногерманских спецслужб признался: «У нас был выбор: ввод войск, который мог запятнать нашу репутацию, или невмешательство, что означало бы разрешить Чехословакии уйти со всеми последствиями этого шага для всей Восточной Европы. И это был незавидный выбор»{258}.

Тогда же была сформулирована «доктрина Брежнева». В одном из выступлений генеральный секретарь сказал, что любая попытка внутренних и внешних сил реставрировать капитализм в одной из стран социалистического содружества является проблемой не только данного народа в данной стране, а проблемой всех социалистических стран. По сути это являлось отражением одного из положений Устава НАТО о праве ее членов на военное вмешательство, если в какой-либо атлантической стране возникает угроза дестабилизации.

В «Правде» 26 сентября 1968 года была напечатана статья редактора этой газеты по отделу пропаганды С.М. Ковалева «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран», вызвавшая в Государственном департаменте США специальное обсуждение, так как в ней была выражена «новая советская доктрина». Вскоре на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Громыко в своей речи повторил данную трактовку.

Но была ли вообще возможна перспектива создать жизнеспособную модель демократического социализма во время мирового противостояния двух систем, капитализма и социализма?

В конце своей долгой жизни наш герой получил ответ на этот вопрос.

Глава 28. КОШМАР ВЬЕТНАМА

Война во Вьетнаме была продолжением Второй мировой войны как борьбы за новые источники сырья и коммуникации. До 1945 года он (и Лаос с Камбоджей) входил в колониальную систему Франции (как и весь Индокитайский полуостров), после 1940-го и до 1945 года им управляла администрация прогерманского французского правительства генерала Петена, против которой боролись вьетнамские партизаны, их поддерживали Соединенные Штаты, снабжали оружием, направляли инструкторов. Вьетнамцы же, в свою очередь, спасали американских пилотов со сбитых в японском тылу самолетов. Когда на Потсдамской конференции было решено в целях разоружения японских войск разделить Вьетнам на две части по линии 17-й параллели, Франция, которая благодаря поддержке СССР была введена в круг держав-победительниц, вернулась в свои колонии в Индокитае. Время как будто повернулось вспять.

В военном отношении карта Вьетнама выглядела так: севернее 17-й параллели — войска гоминьдановского Китая, южнее — английские и французские. В начале 1946 года англичане ушли, было восстановлено французское управление, которое опиралось на французский 35-тысячный экспедиционный корпус, куда входил и Иностранный легион, в составе которого почти половину составляли немцы, бывшие военнослужащие вермахта.

В Северном Вьетнаме все было по-другому После августовской революции 1945 года здесь была образована Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ), а после поражения Гоминьдана в континентальном Китае состоялись выборы в Национальное собрание, президентом ДРВ стал Хо Ши Мин, руководитель вьетнамских партизан, бывший член Восточного бюро Коминтерна.

После того как дипломатическая операция установить контроль над Северным Вьетнамом окончилась неудачей, Франция при военно-экономической поддержке США начала военные действия против ДРВ. Первоначально северовьетнамцы были оттеснены в горные районы и сельские местности, где продолжали борьбу Ситуация стала меняться с началом корейской войны, когда Вашингтон многократно увеличил помощь французам и направил в Индокитай военную миссию.

Вьетнамская война отразила то же соотношение сил, что и

корейская: против западных стран выступили единым фронтом СССР и Китай. Не добившись в Корее победы, американцы стали еще глубже внедряться во Вьетнам, что открыто выразил в 1953 году президент США Эйзенхауэр: «Предположим на минутку, что мы потеряли Индокитай, тогда прекратятся поставки олова и вольфрама, столь ценные для нас. Таким образом, когда Соединенные Штаты решают отпустить 400 миллионов долларов на военную помощь Франции, они не выбрасывают денег на ветер»{259}.

(В целом внешнеполитическая стратегия Эйзенхауэра была выражена им так: США невозможно вернуться в «пределы наших границ», что неизбежно привело бы «к катастрофе».)

Говоря о Вьетнаме, президент предпочел не распространяться о геополитическом значении региона, откуда, имея здесь военные базы, можно было контролировать весь Юго-Восток Азии. Но вскоре об этом было объявлено.

К концу 1953 года численность французских войск достигла 250 тысяч человек, однако французы потерпели жестокое поражение, будучи разгромленными в укрепленных позициях в долине Дьенбьенфу Обученные китайскими советниками и вооруженные советским оружием вьетнамцы показали беспримерное мужество, фантастическую выносливость, организовав вручную переноску боеприпасов и вооружения (даже в разобранном виде артиллерийских орудий). Их неожиданное нападение потрясло французские войска.

Ситуация настолько обострилась, что председатель американского объединенного комитета начальников штабов адмирал А. Рэдфорд предлагал провести атомную бомбардировку.

Однако риск лучевого и теплового поражения западных сил и угроза прямого вступления в войну СССР и Китая пресекли данный план.

В итоге французы были вынуждены уйти из Вьетнама. На Женевской конференции в 1954 году, созванной по предложению Москвы, было достигнуто соглашение о прекращении огня во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе, иностранные войска выводились оттуда. На 1956 год были намечены всеобщие выборы под международным контролем и последующее объединение Вьетнама.

Но произошло не так. В связи с реальной перспективой утратить влияние в регионе Совет национальной безопасности США под председательством президента Эйзенхауэра расценил решения Женевской конференции как неприемлемые, ведущие к захвату коммунистами всей Юго-Восточной Азии. В начале

сентября 1954 года был заключен «Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии» (СЕАТО), участниками которого стали США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины. Также был подписан «Договор о взаимной безопасности» между США и Тайванем.

Вскоре Соединенные Штаты организовали в Южном Вьетнаме военный переворот и стали оказывать поддержку новому правительству Нго Динь Дьема. Война Севера и Юга перешла в новое качество и постепенно стала одной из самых сложных проблем американского руководства.

Советский Союз не скрывал, что помогает северянам и партизанам Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, так как поддержка «войн за национальное освобождение» была одним из внешнеполитических козырей Москвы. К середине 1964 года партизаны НФОЮВ уже были хозяевами на двух третях территории страны.

Однако, несмотря на эти успехи, военно-дипломатическая реальность была для Советского Союза очень непростой. Обострение отношений с Пекином, который тоже был союзником Ханоя, вело к противоборству двух социалистических гигантов на поле битвы с их общим врагом. Москва укрепляла свои позиции в этом важном регионе и создавала здесь стратегически важный рубеж, стремясь к геополитической изоляции Китая. Вьетнамцы же старались держать нейтралитет.

В конце концов, когда благодаря комбинации Никсона — Киссинджера Пекин развернулся в сторону США, Москва потерпела крупное дипломатическое поражение и лишь отчасти сумела его компенсировать последовавшим доминированием во Вьетнаме.

Пик американского военного участия во вьетнамской войне пришелся на годы президентства Джонсона. Стратегические объекты ДРВ были подвергнуты сотням тысяч бомбардировок с целью заставить северовьетнамское руководство прекратить помощь партизанам НФО. По состоянию на 31 декабря 1968 года во Вьетнаме находилось 536 040 американских военнослужащих, чьи потери постоянно росли{260}.

В противовес действиям США во Вьетнам были направлены средства ПВО, авиация, танки и военные специалисты и инженеры. И русские и американцы стали принимать непосредственное участие в боях.

Вьетнамская война с точки зрения американских генералов

«История вторжения гражданских в область военной стратегии начинает свой отсчет после окончания Второй мировой войны. Те, кто возглавлял американские вооруженные силы, вернулись домой из Европы и с Дальнего Востока идолами — победителями, не имеющими на свой счет сомнений. В конце 40-х и в начале 50-х военное руководство Соединенных Штатов не слишком интересовалось разработкой теорий большой стратегии, и небрежение это повлекло за собой возникновение устойчивой традиции. Хотя на американской земле взросли великие стратеги — такие как Ли, Мэхэн и Макартур, — они являли собой скорее исключения из правила. Начиная с Гражданской войны в США, все войны выигрывались Америкой за счет превосходства над противником в живой силе и технике, что, понятно, снижало значение стратегической концепции. После Второй мировой некоторые офицеры обращали внимание на данный предмет, но ни одного заслуживавшего упоминания стратега в вооруженных силах США так и не появилось. Сыграло свою роль и атомное оружие, мощное настолько, что, казалось, его появление перечеркивает все существовавшие до того законы стратегии. И хотя некоторые храбрые солдаты были готовы “помериться силами” с новым чудовищем, в большинстве своем военных охватило уныние. Так, в конце сороковых и в начале пятидесятых они фактически отказались от роли разработчиков военной стратегии страны.

Пустоту начали заполнять гражданские теоретики, физики и экономисты по образованию и роду деятельности… Военный опыт у всех этих людей либо имелся незначительный, либо и вовсе отсутствовал, что сами они недостатком не считали. Они пребывали в убеждении, что атомная бомба изменила все представления о ведении боевых действий, а следовательно, полученный в прошлом опыт военного не имел большого значения… Теория “ограниченной войны” как раз и стала продуктом деятельности гражданских стратегов. Они основывались на двух посылках. Первое, США должны сдерживать натиск коммунизма, процесс распространения которого происходит за счет местных, или “туземных”, войн. Второе, необходимо избежать ядерной войны с Китаем или Советским Союзом…

До начала Корейской войны стратегия ограниченной войны

оставалась не более чем занимательной теорией для обитателей академических аудиторий, читателей эзотерических страничек, консультантов из всевозможных “мозговых центров”. События на Корейском полуострове помогли теории “поднять голову”. Война там как раз и была ограниченной войной, в результате которой удалось предотвратить распространение красной агрессии. Боевые действия в Корее высветили глубинные противоречия между военными стратегами (Макартуром) и адвокатами ограниченной войны (Трумэном и др.). Доктрина “вышла из подполья”, однако проблемы внутренней политики и эмоции помешали приступить к изучению достоинств и недостатков теории. В 1961-м Кеннеди — молодой либерал, начиненный новомодными идеями и свысока посматривавший на все старое, — с жаром взялся развивать концепцию ограниченной войны. Заняв Овальный кабинет, президент Кеннеди занялся разработкой этой концепции, находившейся в упадке в период правления Эйзенхауэра. Кеннеди наводнил Министерство иностранных дел и МО США “вундеркиндами”, ярыми приверженцами идеи ведения ограниченных войн и поддержания мирового порядка.

Таким образом, основные споры велись гражданскими и военными вокруг целей и философии программы “ROLLING THUNDER”. Гражданскую “команду”, отстаивавшую теорию градуального применения авиации против тщательно отобранных и преимущественно не имевших особого значения объектов на территории Северного Вьетнама, возглавлял помощник министра обороны по делам международной безопасности Джон Т. Макнотон. В общих чертах суть предложения сводилась к тому, чтобы “дать сигнал” Ханою: смотрите, США не собираются шутить, прекращайте-ка поддерживать Вьетконг. Такой ограниченный подход предоставлял президенту Джонсону широкую возможность маневра и давал надежду, что на первых порах Советы и “китайские товарищи” не станут горячиться и вступать в войну. К сожалению, политика градуализма способствовала тому, что в Ханое получили совсем не тот сигнал, который им “транслировали” из Соединенных Штатов, а диаметрально противоположный.

…Война на истощение требовала времени, от недостатка которого вьетнамские коммунисты не страдали и лимит которого у США (хотя их руководители и не осознавали этого в 1965 году) был весьма ограничен.

Между тем военных и гражданских советников президента разделяла не только доктрина применения авиации против Северного Вьетнама. Генералы происходили из поколения великой депрессии и были “крепкими парнями”. Представители

гражданской “команды” принадлежали к другому, послевоенному поколению, не знавшему нужды и с охотой откликавшемуся на все новое. Военные с младых лет усвоили, что война — вещь жестокая, они также твердо знали, что врага надо бить, и бить решительно, потому что не бывает войны без крови и слез. Тот же, кто пытается “сглаживать углы”, неминуемо попадает в беду. Разумеется, гражданским подобные теории представлялись чересчур упрощенными и устаревшими. Для них война во Вьетнаме являлась ограниченной войной, ведущейся для достижения ограниченных целей ограниченными же средствами. Из этого вытекало: слезы и кровь в ограниченной войне должны соответствовать ее масштабам — то есть быть минимальными.

И, наконец, обе группы советников разделяла идеологическая пропасть, навести мосты через которую почти так же трудно, как примирить представителей разных религий. Военные, консервативно мыслящие и придерживающиеся спартанских взглядов выпускники Вест-Пойнта и Аннаполиса являлись убежденными антикоммунистами, патриотами и приверженцами американских ценностей. Гражданские были “просвещенными” либералами (иные даже с уклоном в левизну), закончившими университеты “Лиги Плюща”. Они тоже считали себя патриотами, но понимали патриотизм не так, как генералы и адмиралы. Гражданские видели и хотели исправить недостатки американского образа жизни, стремились к построению “взаимозависимого мирового порядка”, где вышло бы из моды применение военной силы…

Посредине между двумя противоборствующими “фракциями” находился только один человек — президент Линдон Бэйнс Джонсон. Включившись в войну (без сомнения, вынужденно), он искал способа подстраховаться и склонялся к гражданским. Не разбиравшийся в правилах ведения военных действий, Джонсон рассматривал бомбардировки через призму внутренней американской политики, где чувствовал себя как рыба в воде. Самолеты, бомбы и разрушения являлись сами по себе лишь аргументами политики, которые, как считал Джонсон, вынудят Хо Ши Мина торговаться. Ничего удивительного, Джонсон был вознесен на вершины власти благодаря умелому использованию древнего постулата, гласившего, что каждый человек имеет свою цену, верил, что есть она и у Хо…

Трудно сказать, заставила бы Хо Ши Мина более жесткая политика США в 1965-м сесть за стол переговоров или нет, но в 1972-м интенсивные бомбардировки и минная блокада Хайфона вынудили коммунистов искать политических путей решения. Однако ситуация в 1972-м отличалась от ситуации в 1965-м,

потому трудно делать какие-то выводы. Вместе с тем Линдон Джонсон выводы делал. Несколько лет спустя он признался генералу Вестморленду, что его (Джонсона) “величайшей ошибкой было не уволить всех, за исключением, может быть, одного Дина Раска, последышей администрации Кеннеди”. Военный историк С. Л.А. Маршал сообщает: “Как говорят, в последние годы жизни LBJ (Эл Би Джей — прозвище Джонсона, происходящее от аббревиатуры его полного имени Lyndon Baines Johnson) сказал одному из своих друзей: *Я знаю, в чем заключается мой главный просчет в этой войне. Я не оказывал должного доверия военным советникам'”. Но в 1973-м было уже слишком поздно исправлять ошибки, допущенные гражданским штабом в 1965-м.

Наиболее солидный вклад внесло, конечно, телевидение. Когда дым и кровь сражений вломились с телеэкранов в мирные жилища американцев, граждане Америки оцепенели от ужаса… И, наконец, немалым по значению фактором, разъедавшим стремление американцев к победе, стал рост военных потерь во Вьетнаме…

Итак, Соединенные Штаты проиграли войну так, как и проигрываются войны, поскольку противник умело использовал превосходящую стратегию, нанося нам удары в уязвимые места на политическом и психологическом фронте и не позволяя применить к нему максимально нашу военную мощь. Мы же не смогли воспользоваться слабостями врага, поэтому на протяжении войны его сила росла, мы же становились слабее. Мы проиграли потому, что правительство США не сумело осознать и оценить стратегию революционно-освободительной войны, а следовательно, не нашло средства, способного разрушить эту стратегию»{261}.

По американским данным, за 12 лет войны (1961—1973) через Вьетнам прошли минимум 2,5 миллиона человек, 58 тысяч из них погибли, свыше 300 тысяч были ранены, около двух тысяч пропало без вести. (Во Второй мировой войне американцы на Тихоокеанском фронте потеряли убитыми 55 тысяч человек.) Война обошлась в 350 миллиардов долларов, что привело к огромному перенапряжению финансовой и экономической системы США{262}.

«Кошмар Вьетнама заключался не только в способе вступления Америки в войну, но и в самом факте этого вступления, не подкрепленном более выверенными оценками возможных издержек. Нация не должна направлять полмиллиона молодых людей на далекий континент, ставить на карту свой международный престиж и внутреннее единство собственного

народа, если ее лидеры не способны вразумительно раскрыть свои политические цели и предложить реалистическую стратегию их достижения, как это позднее сделал президент Буш по поводу войны в Заливе. Вашингтону следовало задаться двумя основными вопросами: возможно ли более или менее одновременно установить демократию и добиться военной победы? И добавить еще один, гораздо более важный: стоит ли овчинка выделки?»{263}

Можно сказать, что чем глубже увязали американцы во Вьетнаме, тем сильнее оказывалась их зависимость от решений Москвы. Для того чтобы, сохранив лицо, Вашингтон мог уйти из Индокитая, необходимо было договариваться с советским руководством.

Когда в 1972 году готовился первый визит президента Никсона в Советский Союз, Киссинджер консультировался с китайцами, и они ему сообщили, «что в нынешних военных действиях во Вьетнаме заинтересован не Пекин, а Москва, чтобы оказать на Никсона давление и взамен добиться на встрече на высшем уровне уступки в Европе и на Ближнем Востоке»{264}.

Китайцы, возможно, были бы и сами не прочь «подогреть» американцев рассказами о советских кознях, но вьетнамская проблема действительно стала для Вашингтона невыносимо мучительной.

Признание Киссинджера, полностью опровергающее выводы генерала Дэвидсона, весьма выразительно: «В период войны во Вьетнаме Америка вынуждена была смириться с существованием предела своим возможностям. На протяжении почти всей истории страны американская исключительность порождала чувство морального превосходства, подкрепляемого материальным изобилием нации. Но во Вьетнаме Америка оказалась вовлеченной в войну, ставшую морально двусмысленной, где материальное превосходство Америки в основном не имело ни малейшего отношения к делу»{265}.

Глава 29. ТАЙНЫЙ КАНАЛ АНДРОПОВА — ГРОМЫКО

Европа для России всегда была двуликим Янусом. Она поворачивалась к нам то своей прекрасной культурной стороной, то безжалостной военной агрессией. На западном направлении русские всегда оборонялись.

К середине 60-х годов в Москве стали ощущать неясную тревогу. Неурегулированность германского вопроса означала ни больше ни меньше как незавершенность войны.

«На деле же — с позиций безопасности СССР — Западная Германия становилась средоточием всех угроз. Опасностей несравнимо больших, чем обрушились на советский народ в 1941 г.…Сошлюсь на заявления министра иностранных дел ФРГ Г. Шредера, вошедшие затем в ткань дипломатических нот ФРГ 1965 г. Заявления типа: “обязательства из капитуляции 1945 года и решения Контрольного совета… отменены в ФРГ с момента (заключения) германского договора” между тремя державами (США, Великобританией, Францией) и ФРГ в 1952 г. Или “капитуляция немецкого вермахта в 1945 году (не Германии, а ее вооруженных сил! — *В.* Ф.) не означала ни в коем случае отказа немецкого народа от самообороны на вечные времена”… Вместе с тем отсутствие мирного урегулирования служило федеральному правительству ширмой для отказа от признания итогов Второй мировой войны и прежде всего границ на востоке»[{266}].

Весной 1968 года председатель КГБ СССР Юрий Андропов пригласил к себе своего сотрудника-германиста Вячеслава Кеворкова и сказал: «Мы, я имею в виду — наша страна, из-за упрямства, неповоротливости, а порой и недальновидности некоторых руководителей попали в достаточно неприятное положение, близкое к политической изоляции. Если нам в ближайшее время не удастся выкарабкаться, мы нанесем себе серьезный ущерб… Хрущев стукнул башмаком по трибуне ООН, шокировав всех, затем он постучал по пустому портфелю, заявив, что там у него суперсекретное оружие, после чего похлопал по плечу Кеннеди и уверил его, что одним ракетно-атомным ударом может уничтожить весь мир. Кому нужно было это вранье?!.. В итоге Хрущев помог американскому военно-промышленному комплексу выбить из Кеннеди деньги, которые тот иначе не выделил бы, и раскрутить на полные обороты военный маховик,

обеспечив для советских людей еще многие годы неустроенной жизни. Не достаточно ли уже прошедших после войны двадцати с лишним лет?..

Я не намерен разрушать существующие традиции, но считаю своим долгом иначе расставить акценты. Время поджогов складов и разрушения мостов позади. Настало время их наводить. Давайте сегодня проводить нашу внешнюю политику, как сказал бы Клаузевиц, “другими средствами”. С американцами это сложно, они признают только силу, а потому с нами на равных говорить не станут. Нам нужно строить свой дом в Европе, и тут без Германии не обойтись. Однако с самого начала немцам нужно объяснить, что, строя его, мы не собираемся вбивать клин между ними и союзниками»{267}.

Кого имел в виду Андропов, говоря о недальновидных руководителях? Скорее всего, членов Политбюро Николая Подгорного, Петра Шелеста, Геннадия Воронова, отличавшихся непримиримым отношением к Западу. А Громыко? Нет, Андрея Андреевича он к ним не относил.

* * *

Напомним, что в марте 1969 года отношения с Китаем дошли до точки кипения. На пограничную заставу было совершено нападение китайских пограничников, погибли несколько советских офицеров и солдат, на острове Даманском начались боевые столкновения, завершившиеся ударом ракетной артиллерии по китайской территории. Генералы предлагали Брежневу начать движение на Пекин, но генеральный секретарь отверг их планы как безумные («В Китай мы войдем, а как потом будем кормить китайцев?»),

В это время Андропов обсудил с Брежневым внешнеполитическое положение и высказался так: «Без западных немцев нам сложно будет вылезти из сложившейся ситуации».

На выборах в ФРГ в сентябре 1969 года победу одержала СДПГ, консервативная ХДС проиграла. После этого последовало письмо нового канцлера Брандта Косыгину с предложением наладить межгосударственные контакты.

По инициативе Андропова полковник Вячеслав Кеворков организовал следующую комбинацию: советский журналист Валерий Леднев через своего западногерманского коллегу Хайнца Лате, аккредитованного в СССР, вышел на статс-секретаря ведомства канцлера Эгона Бара и довел до него, что советское руководство заинтересовано в создании прямого канала связи с

Брандтом. Вскоре Андропов доложил Брежневу о согласии Брандта установить прямой канал связи с условием, чтобы он не использовался для «забивания клиньев» между ФРГ и США.

Услышав об этом условии, Брежнев засмеялся: «Юра, это он нас с Громыко спутал! У Андрея, как дипломата, задача разделять союзников…»{268}

Операция началась. Побывав в МИД, посланец Андропова узнал от заведующего 3-м Европейским отделом Фалина не слишком обнадеживающую информацию: «Сейчас у нас, в МИД, Германия не в моде. Министр смотрит, как вы знаете, на мир сквозь звездно-полосатый американский флаг. Немцы для него — приблизительно то же, что и одно из центральноафриканских племен по степени своей роли в мировой политике. Идеи, головы, деньги — все у нас направлено на США»{269}.

В конце января 1970 года на заседании Политбюро Громыко заявил, что ему мешают проводить согласованный с руководством страны внешнеполитический курс, и попросил Брежнева убрать с пути всех людей Андропова, неспособных понять, «что ключи от Германии лежат в Вашингтоне».

Министр догадывался, что осторожный и дальновидный Андропов не станет заниматься «тайным каналом» без ведома генерального секретаря, но и промолчать не счел нужным. Он не забыл, что во время Карибского кризиса тоже действовал «тайный канал» через Г Большакова (ГРУ) и Р. Кеннеди, и тот опыт нельзя было признать удачным, так как разведчик слабо ориентировался в дипломатических тонкостях отношений с Соединенными Штатами. Донесения Большакова шли прямо в ГРУ, минуя МИД, а оттуда — в Кремль, запутывая советское руководство. Поэтому Громыко не случайно потом поручил Добрынину переключить на себя связи Большакова.

Понятно, что министр не принял идеи Андропова.

«— Ты напрасно кипятишься, Андрей Андреевич, — по-отечески начал Брежнев. — Сейчас не то время, чтобы делить сферы влияния. Нам необходимо не противоборство, а сотрудничество. Поэтому сейчас было бы для всех лучше, чтобы вы с Андроповым обсудили все накопившиеся проблемы между собой и нашли, наконец, где все-таки лежат ключи от Германии»{270}.

Другими словами, генеральный секретарь велел им найти взаимопонимание.

Андропов послал к Громыко Кеворкова, чтобы тот объяснил идею тайного канала. Министр встретил посланца холодно и даже прочитал ему нотацию: «Если я вас верно понял, вы хотите втянуть меня в тайный, я подчеркиваю, тайный — сговор с

немецким руководством, при полном попустительстве которого в Германии возрождается неонацизм, преследуются прогрессивные партии, в первую очередь коммунистическая, и провозглашается идея объединения Германии за счет ГДР, как основная цель государственной политики, вы предлагаете мне вступить в тайный сговор с теми, кто уничтожил у нас двадцать миллионов людей! А вы не подумали, что скажут на это вдовы погибших?»{271}

По-видимому, это была непроизнесенная им речь на том заседании Политбюро. Но хитроумный чекист сообразил сослаться на одобрительный отзыв Брандта о Громыко и тем самым смягчил сердитого министра. Дальше Громыко разговаривал уже спокойно, а потом, когда Кеворков ушел, позвонил Андропову, и их размолвка была исчерпана.

Таким образом, тонкая игра Андропова, сумевшего сделать Брежнева своим сторонником в германском вопросе, открыла ему двери неприступного МИД. Председателю КГБ и министру пришлось стать союзниками. Кеворков же получил прямой доступ к Громыко, отныне не упускавшего из внимания функционирование канала.

«В течение десяти последующих лет, как минимум, дважды в месяц, а порой и чаще он приглашал меня для обсуждения последних новостей из Германии. Будучи больным, он несколько раз звал меня на дачу, и тогда эти обсуждения проходили на уютной веранде его загородного дома. По складу характера Громыко был чрезвычайно замкнутым во всем, что касалось его личной жизни, а потому, как объяснили мне его приближенные, приглашение на обед к нему домой являлось редким исключением. Порой мне казалось, что это была попытка сгладить впечатление от того непозволительного фарса, который он разыграл передо мной в первую нашу встречу»{272}.

Правда, манера Андрея Андреевича вести переговоры вызывала оторопь у привыкшего к другим приемам андроповского посланца. «К встрече с Громыко, как к смерти, живого человека подготовить нельзя», — счел возможным он пошутить.

Но как бы там ни было, конфиденциальные переговоры с Баром начались. Брежнев, Андропов, Громыко, каждый по-своему, выступали как миротворцы.

Но вот вопрос; был ли Громыко так уж однозначно ретроградeн в споре с Андроповым?

Фалин и Кеворков, не сомневаясь, утверждали: да, был ретроградeн, и только подключение Брежнева вынудило его принять андроповский план.

Впрочем, как свидетельствовал Александров-Агентов, «Брежнев побаивался напористости Громыко». А Черняев (из конкурирующего с МИД Международного отдела ЦК) прямо писал: «Громыко, друг Брежнева и нахал», «Громыко после Гречко самый близкий к Генеральному человек. Между ними полная доверительность»[273].

Более глубокое проникновение в проблему позволяет усомниться в бесспорности такой оценки. Вернемся в 1963 год, когда Бар, выступая в Евангелической академии в Баварии, изложил свой план действий на ближайшее будущее. Главная мысль плана заключалась в том, что необходимо переходить в отношениях с советским блоком от конфронтации к сотрудничеству. Итогом такого сотрудничества явятся новые духовные и материальные запросы населения в странах Варшавского договора, и эти запросы власти не смогут удовлетворить. В результате нарастающего внутреннего давления коммунистические режимы будут вынуждены начать демонтаж своих социально-политических систем.

Возможно, читатели, знающие, как потом развивались события, посчитают программу Бара фантастикой, сочиненной задним числом? Однако программа была реальной. Она к тому же сочеталась с политикой Москвы на мирное сосуществование и мирное состязание двух систем.

Бывший посол СССР в ФРГ и бывший заместитель министра иностранных дел Юлий Квицинский писал: «Надо сегодня признать, что он далеко смотрел. Опасность его замысла тогда мало кто понял. Что за чушь, говорили у нас, КПСС будет сама демонтировать свою власть? Да не будет этого никогда в жизни. К тому же замыслы Бара в штыки встретили тогда ХДС и все окружение Аденауэра.

Но Бар мыслил точно. И главным объектом этой стратегии вскоре стали ГДР и СССР. Почему СССР? Да потому, что, по мнению Брандта, ключ к воссоединению (Германии) всегда лежал не у китайской стены, а в Москве»[274].

И что же, зная о плане Бара, надо ли так однолинейно оценивать настороженное отношение Громыко к идее Андропова? А ключ все-таки «лежал» не в Бонне: немцы сообщали Киссинджеру о ведущихся переговорах. Наоборот, Громыко можно было лишь посочувствовать: попав между жерновов КГБ и Политбюро, он должен был найти выход из опасного положения, куда подталкивали его товарищи.

Показательно, что на Громыко пытались выйти люди из окружения Брандта (когда тот был министром иностранных дел коалиционного правительства ХДС/ХСС и СДПГ) с предложением

начать переговоры о нормализации отношений между ФРГ и Советским Союзом. Тогда Андрей Андреевич решил: не отвечать. На первый взгляд это покажется странным, но Громыко считал, что идти в тот период навстречу Брандту означало бы «только навредить СДПГ и замедлить неизбежную смену фигур на политическом Олимпе Западной Германии». То есть плод еще не созрел.

Когда же Брандт стал канцлером, можно было начинать переговоры. Но тут обострился старый идеологический спор об отношениях Москвы с европейскими социал-демократами.

«Сориентироваться на социал-демократов и чуть ли их не поддержать? Сколько обжигались на британских лейбористах, социалистах в Италии, Финляндии и пр., а тут предлагается добровольно стать партнером одного из острейших противников? Международный отдел ЦК КПСС против. Б.Н. Пономарев не скрывает своей озабоченности в беседе с Г. Аксеном, членом Политбюро ЦК СЕПГ, наверное, в расчете на то, что немецкие друзья не смолчат»{275}.

Говоря другими словами, в дипломатию грубо вторгалась коминтерновская идеология из времен мировой революции. Наш герой должен был ответить на этот вызов.

«А.А. Громыко не повергли в испуг ярлыки. Министра трудно раскачать, в чем-то убедить, но, если это удавалось, он мог проявить недюжинный характер… Он доказывал, что мы не поможем ГДР и навредим себе, если будем отказываться от реалий… Предпочтение было отдано доводам МИД. Консенсус в высшем звене сложился не сразу. Дипломатическое ведомство активно поддержал Ю.В. Андропов. Своими соображениями и весомой информацией он нейтрализовал скепсис М.А. Суслова, украинских и белорусских представителей»{276}.

В общем, переговоры с Бонном надо было начинать, только вот как — через дипломатические ведомства или по тайному каналу?

Стремление Андропова обеспечить свои позиции в глазах Брежнева, желание Брежнева укрепиться в Политбюро, где несколько влиятельных фигур *(прежде* всего Подгорный и Шелест, отчасти и Косыгин) подвергали сомнению его право на лидерство, подталкивали их получить быстрые результаты. Поэтому и возникла идея «канала».

«У нас любили тайную дипломатию до самозабвения», — вспоминал Квицинский, который расценивал нестандартные попытки решать межгосударственные проблемы критически. По его словам, наши послы в крупных странах, не зная, какая игра ведется у них за спиной, делались статистами, а

противоположная сторона получала возможность бесконтрольно «сливать» любую направленную информацию, которая не процеживалась на аналитических «фильтрах» МИД.

Бар виртуозно пользовался своим положением конфиденциального переговорщика, убеждая московских партнеров, что идти навстречу западногерманским предложениям прежде всего в их интересах. Например, пункт договора о незыблемости границ в послевоенной Европе, включая границу по Одеру — Нейсе, ставился Баром в контекст тезиса о «неприменении силы», что позволяло трактовать оный как допущение изменения границ мирным путем. Что касается формулы о «незыблемости» границ, то в немецком варианте договора говорилось только о их «ненарушении», что далеко не одно и то же. (К слову сказать, в необходимых случаях Громыко обкладывался различными словарями и дотошно выискивал значения даже одного слова, вызвавшего у него сомнения.)

Когда Громыко стал возражать, Бар заявил: если советскую сторону не удовлетворяет новая «восточная политика» социал-либералов, она может «поискать других партнеров среди более сговорчивых немцев». И даже повторил прием Аденауэра, заказав самолет для возвращения домой.

Заведующий 3-м Европейским отделом МИД В. Фалин, лично проводивший переговоры с Баром и получивший выход на генерального секретаря, обратился за поддержкой к помощникам Брежнева Александрову-Агентову и А.М. Блатову

«Они в свою очередь перепроверяют обоснованность моих суждений, общаясь с Ю.В. Андроповым. Вывод однозначен: налицо опасность неверного истолкования процессов в восточной политике ФРГ, непонимание пределов, которые ставит социал-либеральной коалиции внутренний западногерманский расклад сил. Целесообразно создать механизм подстраховки, причем неоспоримого для Громыко свойства, чтобы попытка конструктивного поворота в отношениях между СССР и ФРГ не расстроилась… Во избежание тенденциозности освещения происходившего договорились наряду с мобилизацией информационных потенциалов КГБ и Министерства обороны создать постоянный рабочий канал связи… по которому к Брежневу поступали бы сведения, почерпнутые из личных контактов с западногерманскими представителями, и соображения по ходу обмена мнениями с западными немцами с опережением на один-два темпа моих докладов министру.

Генеральный секретарь примкнул к нашему “заговору”.

Отдавал ли Громыко отчет в том, что бескомпромиссные требования нереалистичны? Судя по всему, полностью от тверди

земной он не отрывался и порой напускал на себя суровость больше для протокола. Может быть, для оправдания перед потомками»{277}.

В итоге спор о терминах закончился тем, что с согласия Бара в русском тексте договора появилось определение «нерушимость границ». В немецком осталось — «ненарушимость». Брежнев все равно был доволен и даже сказал: «Это мне и нужно было»{278}.

Особенно яростно Громыко сопротивлялся попытке Бара вставить в текст договора положение, что договор не является мирным договором и не закрывает путь к воссоединению Германии. (Появись такой тезис, он означал бы согласие Москвы на поглощение ГДР.)

Посол Фалин склонялся к тому, что ради обеспечения ратификации договора в бундестаге на такую оговорку можно пойти, но Громыко стоял как скала. Брежнев через Фалина передал, чтобы Андрей Андреевич «подумал». Услышав рекомендацию, министр ответил: «Думать никогда не возбраняется. Даже рекомендуется. Но если меня спросят, я выскажусь категорически против».

Свою позицию Андрей Андреевич отстоял, хотя шел на серьезный риск: в случае провала ратификации и последующей отставки Брандта ответственность за это легла бы на него.

Вот как он вспоминал об этом.

«Трудностей по согласованию каждой статьи договора пришлось преодолеть затем все же немало. Требовалось добиться согласия западногерманских представителей на такие формулировки, которые содержали бы четкие обязательства сторон.

Особо следует выделить трудности, возникшие при разработке статьи о нерушимости европейских границ, и значение этой статьи. Отнюдь не простым представлялся вопрос о том, что она должна означать и политически, и юридически.

Наши партнеры по переговорам всячески уходили от того, чтобы в этот вопрос вносилась полная ясность, пытались вести дело так, будто окончательное определение границ — дело будущего. Это, конечно, было решительно отклонено советской стороной. В результате они не смогли устоять перед логикой исторической справедливости, и формулировку мы согласовали.

В итоге Московский договор в указанном кардинальном вопросе предельно четок. В его статье 3 говорится: “…Союз Советских Социалистических Республик и Федеративная Республика Германия едины в признании ими того, что мир в Европе может быть сохранен только в том случае, если никто не будет посягать на современные границы.

Они берут на себя обязательство неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах;

они заявляют, что не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем;

они рассматривают как нерушимые сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего договора, в том числе линию Одер — Нейсе, которая является западной границей Польской Народной Республики, и границу между Федеративной Республикой Германией и Германской Демократической Республикой".

Каждое из приведенных положений сформулировано ясно, весомо.

Возвращаясь сегодня к тем дням, ставшим уже историей, могу сказать, что основная работа по подготовке положений договора практически протекала во время наших бесед с Баром. Именно в ходе этих бесед родилась вначале "Договоренность о намерениях", которая определила содержание шагов по закреплению территориально-политических реальностей и оздоровлению обстановки в Европе.

Итак, оставалось только все это облечь в надлежащую договорную форму. Наступила, как уже упомянуто выше, вторая стадия переговоров, уже с министром Шеелем.

Оглядываясь назад, должен сказать, что только решимость обеих сторон довести дело до успешного конца и понимание сторонами ответственности обеспечило успешное завершение работы над договором. Не будь решимости и понимания ответственности, мы бы не завершили дело, а перспектива осталась бы туманной…

В целом Московский договор составляет важнейшее звено в системе мирных отношений между европейскими странами. Он послужил энергичным стимулом для продвижения вперед дела безопасности и сотрудничества в Европе, оздоровления политического климата в мире. Душой договора является принцип нерушимости европейских границ, сложившихся в итоге Второй мировой войны…

Через короткое время после подписания Московского договора состоялась очередная встреча с министром иностранных дел ФРГ; в нее закрался и веселый момент. Вальтер Шеель, улучив свободную минутку, сказал мне:

— А знаете, господин Громыко, у меня в семье прибавление. Родилась дочь. И я назвал ее Андреа. Есть такое немецкое имя. Но в данном случае это сделано в вашу честь. Мы сговорились об

этом с женой.

Признаюсь, я несколько смутился. Но тут же решил отделаться шуткой:

— Такое решение, конечно, лежит целиком и полностью на вашей с женой ответственности. Тут стопроцентный ваш суверенитет. А в общем мне приятно было об этом услышать»[279].

Вообще его манера вести переговоры была своеобразной. Вот как описывал это его переводчик Виктор Суходрев: «Громыко обычно держался за первоначальную позицию мертвой хваткой, как бульдог, даже тогда, когда ситуация позволяла ввести в игру запасной вариант. Он, как никто другой, был упорен и даже упрям на переговорах и не шел на уступки. “Ни шагу назад” — эти слова можно, пожалуй, назвать его девизом. Андрей Андреевич предпочитал оставлять наш запасной вариант для следующего раунда переговоров, надеясь, что перед твердой и непреклонной позицией советской дипломатии противоположная сторона дрогнет и пойдет на уступки. И только когда убеждался в полной бесперспективности таких надежд, пускал в ход запасной вариант, считая необходимым, однако, еще раз согласовать его с начальством, то есть с самим генсеком»[280].

Неудивительно, что Громыко побаивались все переговорщики, причем, как отмечает Суходрев, «самого высокого уровня». Порой Андропову приходилось подключать Брежнева, чтобы смягчить жесткость Громыко. Наш герой был подобен скале.

Но вот что любопытно. По словам его сына, Андрей Андреевич расценивал свое «Нет» как призыв к приемлемому компромиссу! Мол, договаривайтесь с нами, господа оппоненты, ищите аргументы. Он же мог повторить слова Черчилля: я не лев, но мне приходилось рычать по-львиному Это отмечал и Киссинджер, сказав, что «было самоубийственно вести с ним переговоры, не освоив истории проблемы и сути вопросов».

Андрей Андреевич всегда оставался дипломатом. В речи на XXIV съезде партии Громыко раскритиковал тех, кто позволял себе провокационно заявлять, что «любое соглашение с капиталистическим государством является чуть ли не заговором».

Подписание Московского договора состоялось 12 августа 1970 года в Екатерининском зале Кремля. С советской стороны договор подписали А.Н. Косыгин и А. А Громыко, с западногерманской — Вилли Брандт и Вальтер Шеель.

Однако вскоре выяснилось, что бундестаг может и не ратифицировать этот многострадальный договор, настолько там была оппозиция восточному курсу Брандта. А срыв договора

нанес бы большой удар по авторитету Брежнева и Брандта и вообще надолго заморозил бы советско-германские отношения.

В этой связи Бар предложил отыскать в архиве советского МИД запись конфиденциальной беседы посла СССР в ФРГ А. Смирнова с канцлером Аденауэром в июне 1962 года.

Что же таилось в той записи? Оказывается, канцлер предложил Москве установить перемирие сроком на десять лет, чтобы за это время обе стороны могли наладить действительно нормальные межгосударственные отношения. Поэтому опубликовать эту запись означало бы продемонстрировать немецким оппонентам Брандта, что их критика малопродуктивна.

Казалось, идея была беспроигрышная. Доложили Громыко, он попросил доставить ему архивный документ и, прочитав, вернул его обратно. Таким образом, Брандт не получал поддержки со стороны Аденауэра. Почему же?

Громыко признал, что «нет сомнения, что опубликование этого документа в печати ослабило бы сегодня в значительной мере позиции противников Восточных договоров. Но это сегодня!.. А назавтра нам не подадут руки и впредь станут разговаривать лишь при свидетелях. И что тогда? Тогда получится, что ради сегодняшней выгоды мы разрушили нечто нерукотворное: высочайшую пирамиду доверия, которую сами же сооружали десятилетиями. И это коснется не только нас, но и следующих поколений советских дипломатов. Согласитесь, ведь мы не последние жители этой планеты. Поэтому я считаю, нам надо удержаться от сиюминутного соблазна. Я поговорил с Адроповым. Он того же мнения… После подобных публикаций оставшиеся в живых станут сторониться меня, а умершие проклянут с того света. Доверие — это высшая точка отношений между людьми»[{281}].

Реакция Бара была неожиданной: «Я очень огорчен. Но еще больше — доволен. Наши расчеты подтвердились: с вами можно иметь дело»[{282}].

Вот вам и «Господин Нет»!

Кому же он сказал «Нет»? Самому себе, отказавшись обеспечить легкий успех.

26 апреля 1972 года состоялось голосование в бундестаге по поводу доверия Брандту, оппозиции не хватило двух голосов. 23 мая президент ФРГ Хайнеманн подписал все Восточные договоры.

В конце 1973 года Брежнев встретился с Андроповым, они разговаривали четыре часа. Генеральный секретарь был доволен работой Андропова по европейским делам: «Я по твоему каналу почти пять лет напрямую и быстро с Брандтом все вопросы решаю. И никакой утечки. Не будь его, мы бы с немцами, как с

американцами, застряли на многие десятки лет. Так что поздравь себя с прекрасной идеей, а ребят с отличной работой. И скажи, чтобы темпов не сбавляли»{283}.

Брежнев так и не понял отрицательных последствий использования чекистов для прямых переговоров с государственными лидерами. Торопливость, жажда быстрого успеха, непонимание исторических взаимосвязей — все это потом прорастет во внешнеполитической деятельности Михаила Горбачева, который хотел одним махом решить все мировые проблемы.

* * *

Многолетнее скрытое соперничество с Громыко закончилось в пользу Андропова, который тогда поднялся еще на одну ступеньку по лестнице, ведущей к высшему посту в СССР. Это признал и Громыко.

В КГБ ближайшие сотрудники Андропова считали, что укреплению его положения содействовала реализация идеи переместить центр тяжести советской политики из Америки в Европу. И здесь Андропов, информировавший генерального секретаря о германских делах раньше Громыко, располагал значительным тактическим преимуществом. Правда, как мы еще увидим, Андропов, уже будучи генеральным секретарем, упустил многое, вовремя не повернувшись к Америке.

После всех приключений с Московским договором германский вопрос был одним из главных в повестке МИД, однако сам договор в Москве считали чем-то вроде священной коровы и, когда в Бонне пытались трактовать его на свой лад, предпочитали не открывать полемики. Почему? Ведь за договором стояли такие его соавторы, как Брежнев и Андропов.

ГДР против советской дипломатии

Теперь обратим внимание на Восточную Германию. Здесь очень ревниво относились к активизации Москвы в ФРГ и стремились всячески предостеречь ее, применяя, если надо, и разведывательные мероприятия. Однако не это было главное.

Гораздо важнее, что в ГДР назрела проблема смены политической верхушки, к власти рвались более молодые, которые в годы нацизма оставались в стране, пройдя подпольную борьбу и концлагеря, В отличие от коминтерновцев типа Ульбрихта для них интересы Германии были выше советских. Их можно назвать национал-коммунистами по примеру Сланского в Чехословакии, Гомулки в Польше и других восточноевропейских партийных функционеров, пострадавших в период позднего Сталина. У немцев лидером был Эрих Хонеккер, бывший молодежный руководитель.

Громыко настороженно относился к назревающему процессу кадровых перемен, но противиться естественному ходу событий в Москве не стали, так как в случае разгрома восточногерманского молодого поколения ответственность за это в глазах населения ГДР легла бы на Советский Союз.

В мае 1971 года Хонеккер стал первым секретарем ЦК СЕПГ. При нем отношения с Москвой не ухудшились, а стали как будто еще более тесными. Во внутренней политике была принята программа по улучшению материального положения населения: денежные доходы ежегодно вырастали на четыре процента, был повышен минимальный уровень зарплаты, увеличены пенсии, широко развернуто жилищное строительство и т. д. Также началось ускоренное обновление машиностроительной отрасли.

Начинания нового лидера население встретило с энтузиазмом. При этом никто не потрудился рассчитать последствия новой программы, наличие источников ее финансирования.

А ресурсы были ограниченны. Вследствие этого стал быстро расти внешний долг ГДР, что вызвало в Москве озабоченность. Однако предупреждения, идущие из советского посольства в МИД, а оттуда — в Кремль, не имели последствий. Хонеккер не захотел (или уже не мог) ограничить потребление. Он решил обратиться к международным кредитам, полагая, что сможет, увеличив экспорт восточногерманских товаров, безболезненно расплачиваться по долгам.

Но на деле вышло не так: весь доход от увеличения экспорта шел на выплату процентов кредитов. К тому же ГДР нуждалась в

таких товарах, которые ей не могли дать в соцлагере. Выход виделся один: попытаться наладить экономические отношения с ФРГ.

И оттуда на ГДР пролился золотой дождь из миллионов западногерманских марок. В конце 1974 года были приняты первые договоренности об укреплении связей ГДР и ФРГ и Западного Берлина, расширения контактов между населением обоих государств. Договоренности включали реконструкцию шоссейных дорог, уступку в пользу Западного Берлина небольших участков территории ГДР, расширение телефонных коммуникаций и т. п. ГДР собственными силами ремонтировала свои дороги, а оплачивалось это из бюджета ФРГ В планах были и новые проекты: модернизация железных дорог, строительство новых контрольно-пропускных пунктов на границе с ФРГ и расширение существующих, облегчение режима поездок из ФРГ в ГДР и посещений родственников, разрешение на отправку денежных переводов и неограниченного числа посылок. «Прежний тезис Ульбрихта о размежевании двух немецких государств был тихо похоронен»{284}.

При этом все договоренности с ФРГ состоялись без предварительных консультаций с Москвой, что вызывало все большую тревогу. Но с юридической точки зрения консультации вовсе не были обязательны, так как все свои права и прерогативы по германским делам СССР как держава-победитель передал восточным немцам, борясь за суверенитет ГДР. Подобного просчета, напомним, не сделали западные страны.

Громыко договорился с Брежневым пригласить Хонеккера в Москву и объясниться, но тот, узнав предмет разговора, предпочел прислать вместо себя секретаря ЦК СЕПГ по международным делам Г. Аксена. Громыко прямо высказал Аксену советскую точку зрения и озабоченность Генштаба по поводу ослабления безопасности ГДР Немец клялся в верности, обижался и обещал всегда координировать политику с Москвой.

Этот разговор не имел последствий, ГДР все глубже погружалась в объятия ФРГ «Постепенно западная марка становилась второй и предпочтительной валютой в ГДР, что вызывало соответствующее отношение граждан к своему государству, деньгам ГДР и производимой в ГДР продукции. Правительство ГДР наладило бойкую торговлю диссидентами, лицами, пытавшимися нелегально уйти на Запад, провалившейся агентурой ФРГ Их пачками выдворяли из республики, получая “за голову” по нескольку десятков тысяч марок. Деморализующий эффект, который порождала эта практика в “святая святых” режима Хонеккера — органах МГБ, в комментариях не

нуждается»{285}.

План Эгона Бара, сформулированный еще в 1963 году, стал реальностью. Надо ли говорить, что необходимость платить по кредитам заставляла восточногерманских руководителей перепродавать получаемые по низким ценам советские нефть, дефицитное сырье, цветные металлы? Фактически Советский Союз на глазах терял свое политическое влияние.

Однажды Хонеккер в ответ на предостережения Громыко прямо сказал, что не доводит замечания Москвы до членов Политбюро ЦК СЕПГ, чтобы «не подрывать авторитет советских товарищей». Яснее не скажешь. И Москва проглотила оскорбление.

Аналитики в МИД, Министерства обороны и КГБ предвидели наступление кризиса и даже предсказывали крах, который и случился в 1989 году, когда лишенная советской военной поддержки ГДР просто упала к ногам Бонна.

Показательно, что прогноз развития ГДР, сделанный по заказу Андропова, был настолько мрачным, что Юрий Владимирович не решился показать его Брежневу. Не то что он побоялся, просто не видел рационального выхода. СССР уже не мог взять на себя миссию ФРГ по поддержанию жизненного уровня ГДЕ И что мог предложить Андропов? Смещать Хонеккера и начинать кадровую чистку было нереально.

Красное знамя революции, на котором был призыв к социальной справедливости и пролетарскому интернационализму, еще реяло над социалистическим лагерем, но с каждым годом линяло все заметнее.

* * *

В марте 1973 года советский посол в ФРГ Фалин делился своими соображениями с заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС Черняевым о положении в ГДР. Тот отразил их в своем дневнике:

«Они (ГДР) действительно демонстрируют перед нами (СССР) самую преданную дружбу. В этих целях, помните, они предложили нам проекты полной производственной интеграции. Мы-то не нахвалимся, уши развесили. А между тем они отлично знали, что мы не в состоянии принять их “смелые интернационалистские проекты”. Обратите, между прочим, внимание: несмотря на все наши подходы, ГДРовцы упорно отказываются принять нашу систему ГОСТ и пользуются западногерманской, общерыночной системой стандартов. Вот вам

и интеграция.

Да что вы хотите! Возводить в теорию разделенность великой нации в конце XX столетия! Это ли не абсурд! Нам надо серьезно думать над “концепцией Германии”. Иначе через пяток лет мы будем иметь в ГДР такое, что оккупационных сил может не хватить»{286}.

В словах Фалина прозвучало предсказание будущего развала ОВД, а то, что партийный функционер даже не пытался возразить дипломату, свидетельствовало о глубоком пессимизме, уже укоренившемся в интеллектуальной прослойке советской элиты.

Но вот что поразительно: к моменту кризиса, когда судьбы Союза и социалистического лагеря качались на весах Истории, даже тогда события могли пойти в ином направлении, то есть катастрофа не была предопределена.

В 1974 году произошли два события, последствия которых были критическими для мировой политики. Первое касалось Вилли Брандта и привело к его отставке. Офицер восточногерманской разведки Понтер Гийом, отец которого был врачом и перед войной лечил Брандта, перешел в 1950 году в ФРГ, вступил в СДПГ, стал сотрудником ее аппарата, а в 1972 году стал личным референтом канцлера Брандта. «Доступ к секретным документам у Понтера Гийома был практически неограниченным»{287}. В апреле 1974 года Гийом был разоблачен. Это нанесло сильный удар по перспективам советско-западногерманских отношений и даже вызвало подозрение в том, что восточные немцы специально устроили провал своего агента. «Если правда, как сообщалось, что Гийом обнаружил слежку за несколько недель до ареста, то почему он не нырнул на нелегальное положение или не бежал в ГДР? Почему не было даже попытки сделать это?»{288}

Второе обстоятельство — скандал в связи с проникновением агентов ЦРУ в офис Демократической партии США, что в итоге привело к отставке президента Никсона.

Брандт и Никсон — это были невосполнимые потери для Советского Союза.

«Назовем два этих имени, и станет ясно — в их отсутствие маршруты движения мировых дел не могли не измениться. Открытым лишь оставалось — когда и как?»{289}

Глава 30. ФАКТОР СОЛЖЕНИЦЫНА

Возможно, было и третье обстоятельство — это фигура Александра Солженицына. Брандт постоянно напоминал Брежневу: «Не представляю, как будут строиться наши отношения, если с писателем Солженицыным произойдет трагедия». Андропов же, озабоченный деструктивной ролью писателя, тем не менее всячески стремился избежать репрессивного решения проблемы, надеясь, что Брежнев найдет способ заставить партийных идеологов искать компромисс с писателем. Он знал, что в противном случае решение проблемы будет переложено на КГБ и неизбежно столкнет его с интеллигенцией. С этим он не мог согласиться, так как в его плане преобразований интеллигенции отводилась главная роль. К тому же он читал произведения писателя и считал, что «патологического антисоветизма у него нет»[290].

Насколько был прав Андропов, трудно сказать. Скорее всего, он исходил не из «антисоветизма» писателя, а из политических соображений.

Вот как оценивал солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» высокопоставленный работник аппарата ЦК КПСС Черняев: «На примере Солженицына реально чувствуешь, что такое классовая ненависть и что опять (как в 1919—1921 и 1929— 1931 гг.) может произойти, если дать ей возродиться в массе. Ведь он дошел до того, что объявил власовцев — действительно, самое отвратительное и мерзкое явление войны, и не только войны — идейными героями, превозносит их службу нацизму, преклоняется перед их “подвигами” и проч».[291].

При этом надо учесть, что Черняев, кстати, добровольцем ушедший на фронт, относился к либеральному крылу аппарата.

«И все же Суслов переиграл Андропова, убедив Брежнева, что Солженицын представляет серьезную угрозу для всего советского строя, а потому и обезопасить страну от его деятельности должно специально для того существующее ведомство»[292].

Как решить проблему Солженицына, не знал никто. Приближался визит Брежнева в ФРГ, что еще больше обостряло проблему.

Кто такой Солженицын? Внук богатого землевладельца крестьянского происхождения, сын офицера-артиллериста Первой мировой войны, он должен был прожить безбедную, счастливую жизнь. А что вышло? Родился в 1918 году, когда началась

Гражданская война, и его можно назвать ее сыном. Ненависть к либералам (Февральская революция) и коммунистам (Октябрьская) обрекли Солженицына на роль монстра-разрушителя в отечественной истории. При этом он не закрывал глаза на факт участия Запада в создании революционной ситуации, а также на слабость российской политической элиты и императора Николая II.

Его идеал — земская традиция, народное самоуправление как защитника народной жизни и контролера государственной машины, отстраивание власти «снизу». Он сторонник Столыпина, противник Милюкова и Керенского, враг Ленина и Сталина, враг Советского государства.

Участник Великой Отечественной войны, офицер-артиллерист. За критические отзывы о Сталине в письмах товарищу был осужден как противник советского строя. Стал печататься при Хрущеве, его повесть «Один день Ивана Денисовича» как символ «оттепели» выдвигалась на Ленинскую премию в области литературы. Был связан с либеральными писателями, группировавшимися вокруг редакции журнала «Новый мир», который редактировал поэт Александр Твардовский. Через писателя Илью Эренбурга и его секретаря Наталью Столярову познакомился с Натальей Светловой, ставшей его женой. Столярова была дочерью Натальи Сергеевны Климовой, которая состояла членом террористической партии эсеров-максималистов, участвовала в покушении на премьер-министра России Столыпина (взрыв дачи на Аптекарском острове; погибли 25 человек, десятки ранены). Она была осуждена на каторгу, откуда бежала за границу, вышла замуж. Ее дочь, Наталья Ивановна, родилась в 1912 году в Италии. В молодости жила в Париже, встречалась с И. А, Буниным, Н.А.Бердяевым, А.Ф. Керенским, Д.С. Мережковским, П.Н. Милюковым, Б.В. Савинковым. Была подругой сына Савинкова, потом — поэта Бориса Поплавского. Окончила Сорбоннский университет. В 1934 году уехала в СССР, через три года была арестована, провела в заключении девять лет. Дочь Эренбурга, учившаяся в университете вместе со Столяровой, порекомендовала ее отцу в качестве секретаря.

Летом 1968 года Столярова познакомила Солженицына с Натальей Дмитриевной Светловой (как с его будущей «молодой энергичной помощницей»).

Светловой было 29 лет; окончила механико-математический факультет МГУ, училась в аспирантуре МГУ, была спортсменкой, альпинисткой, победительницей двух юношеских чемпионатов СССР по гребле. Ее мать была дочерью Фердинанда Юрьевича

Шенфельда (Светлов — псевдоним). До революции он был эсером, в 1918 году вступил в партию большевиков. Перед арестом в 1938 году занимал значительный пост в системе советской пропаганды — заместитель директора ТАСС. Умер в заключении.

Эта историческая линия (эсеры были люди идейные, героические, разрушительные) не случайна в судьбе Солженицына.

Как и масонская — через Игоря Кривошеина, сына Александра Васильевича Кривошеина, министра в правительствах Столыпина, В.Н. Коковцова и генерала Врангеля. И.А. Кривошеий имел несчастье вернуться после войны в СССР, *был* арестован, оказался в марфинской «шарашке». Он был масон высоких степеней. Также был масоном Вадим Андреев, сын известного писателя Вадима Андреева. Его дочь Ольга Карлайл содействовала изданию за рубежом романа «В круге первом», а его сын Александр вывез из СССР за границу рукопись «Архипелага ГУЛАГ». Также О. Карлайл активно содействовала присуждению Солженицыну Нобелевской премии. Посредством ряда представителей русской интеллигенции первой волны (почти все — масоны, а некоторые — французские дипломаты в Москве), Солженицын получал разностороннюю поддержку.

Далее надо принять во внимание, что все русские эмигрантские издательства, выпускавшие книги Солженицына, финансировались американскими спецслужбами как боевые площадки «холодной войны». При помощи Уильяма Одона, помощника военного атташе посольства США (впоследствии консультант советника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, директор Национального агентства безопасности США), была вывезена важная часть архива Солженицына.

В 1964 году Солженицын предложил писателю и бывшему зэку Варламу Шаламову совместно написать «Архипелаг ГУЛАГ», но тот потребовал гарантий, что «это не провокация КГБ и не заказ ЦРУ». Солженицын ничего не ответил. Потом Шаламов сказал: «Пешкой в игре двух разведок я быть не хочу».

Солженицын, поддерживаемый либералами в СССР и за рубежом, спецслужбами США и Франции, высказывал симпатии так называемым «славянофилам», «патриотам», группировавшимся вокруг журналов «Молодая гвардия» и «Огонек» и находившимся в жестокой полемике с либеральным «Новым миром».

Он отказывался подписывать письма в защиту Иосифа Бродского, Юлия Даниэля и Андрея Синявского, не отозвался на

призыв Андрея Сахарова поддержать арестованных диссидентов П. Григоренко и А. Марченко, не протестовал против исключения из Союза писателя Владимира Максимова.

Этот человек воспринимался на Западе как борец с советским государственным строем, как наследник русских культурных традиций. Руководство КГБ прекрасно понимало, что после идеологических провалов времен Сталина и Хрущева с Солженицыным невозможно бороться ни репрессивными методами, ни в открытой полемике. Хотя влиятельные члены Политбюро (Подгорный, Косыгин) и предлагали сослать писателя в Сибирь за полярный круг, где к нему не будет доступа иностранным корреспондентам, Андропов и его первый заместитель генерал Ф.Д. Бобков, курировавший сферу защиты конституционного строя, убеждали Брежнева действовать иными средствами. Им помогло существование тайного канала, по которому было сообщено Брандту о возможности высылки Солженицына в ФРГ Брандт сразу согласился принять писателя, и Солженицын был отправлен за границу, получив разрешение на вывоз своего огромного архива. Причем ему даже было выдано на карманные расходы 300 долларов США.

Андропов мог быть доволен таким решением, оно как будто отвечало его планам максимально дистанцироваться от карательной политики в области идеологии, но в действительности высылка Солженицына мало что изменила во внутреннем положении страны. Одним диссидентом больше, одним диссидентом меньше — велика ли разница? Но для политики «разрядки» и лично для Громыко, который был озабочен совсем иными проблемами и был далек от идеологических отделов ЦК КПСС, относительная мягкость обращения с Солженицыным казалась знаковым явлением.

Особенность момента заключалась в том, что часть советского руководства уже пришла к пониманию, что общество дозрело (перезрело) для преобразований. Как иначе можно расценить либерализм Комитета государственной безопасности?

Путь эсеров от террора против царской власти (свыше 26 тысяч террористических актов) до диссидентства включал в себя участие в свержении имперского строя, участие в первом составе советского правительства, контрреволюционную деятельность, поддержку партизанского движения против адмирала Колчака в Сибири, организацию крестьянских восстаний, в том числе самого масштабного — Тамбовского… Органы безопасности всегда беспощадно боролись со всеми проявлениями эсеровского бунтарства, и вот — смягчились. В фундаментальной основе Советского Союза что-то изменилось. К чему это должно было

привести?

Глава 31.
ВОЗВЫШЕНИЕ ГРОМЫКО

Почему Громыко поднялся выше секретаря ЦК КПСС Пономарева

Думается, далеко не случайно в конце апреля 1974 года пленум ЦК КПСС вывел из Политбюро сторонников «жесткого курса» Петра Шелеста и Геннадия Воронова, а министр обороны Гречко, председатель КГБ Андропов и министр иностранных дел Громыко стали полноправными членами высшего партийного руководства.

При этом Громыко «обскакал» курировавшего международную деятельность секретаря ЦК Б.Н. Пономарева, который был кандидатом в члены Политбюро и до этого был выше министра в партийной табели о рангах, чем немало пользовался. Они недолюбливали друг друга. К тому же Пономарев был довоенным сотрудником аппарата Коминтерна, то есть человеком иного времени.

Любопытно одно высказывание Пономарева «об упущенном шансе» совершить коммунистическую революцию в Западной Европе после 1945 года.

«Пономарев по старческому недержанию, по возрастающему почтению к “своему прошлому” иногда выдает удивительные вещи… После Второй мировой войны капитализм был в большем потрясении, чем после Первой, и революционные возможности на Западе были также много больше, тем более что компартии располагали не только оружием, но и своей армией, вышедшей из Сопротивления. Я (т. е. он — Б. Н.) говорил тогда Тольятти и Торезу, вот в этих и соседних кабинетах (повел он рукой вокруг): пойдите к Сталину, договоритесь, пора действовать… Они пошли: сначала Тольятти, потом Торез. И оба потом говорили мне: Сталин против того, чтоб сейчас идти на рожон, он против лозунгов захвата власти, он против риска новой войны — на этот раз с американцами… И они подчинились, поехали к себе и стали вести мирную работу по восстановлению экономики Италии и Франции, оба в качестве вице-премьеров. И шанс был упущен. Вот ведь, добавил Б. Н., имея в виду Сталина, — когда надо было действительно “бояться” войны и проявить бдительность против Гитлера, тогда… (что тогда?). А в этот благоприятный момент испугался американцев, которые не осмелились бы тогда воевать против нас… И намекнул: Сталин поднял перчатку “холодной войны” и повел ее сам, потому что был в ярости от того, что его снова (как и Гитлер в 1941 г.) обманули. Он, остановив революцию, действовал как честный партнер, пошел навстречу. А

ему ответили антисоветизмом и изгнанием коммунистов из правительств»[{293}].

Так что возвышение Громыко при умалении влиятельности Пономарева было не случайно.

Провал попытки Андропова установить тайный канал с Вашингтоном

Успех на немецком направлении побудил председателя КГБ повторить мероприятие и в Америке. Через своего старого знакомого еще по работе в МИД, помощника Брежнева Александрова-Агентова он довел эту идею до Леонида Ильича, а сам остался в тени. Брежнев не возразил.

На роль главного связного был выбран директор Института США и Канады Академии наук СССР, академик Георгий Арбатов, который ранее был одним из сотрудников Андропова во время его работы в ЦК КПСС. Позже именно Андропов был инициатором создания института.

Но почему-то американцы не захотели иметь дело с Арбатовым. «Госдеп поступил крайне бестактно. Он дал утечку содержания этого предложения академика Арбатова в американскую прессу. Добрынин послал по этому поводу очень резкую шифровку в МИД Громыко, которую тот, прочитав, направил срочно Брежневу и Андропову… В Москве разгорелся скандал, в котором слегка пострадали Г. Арбатов и А.М. Александров-Агентов»{294}.

Почему американцы так поступили? Ответ прост; они уже имели качественный канал связи через посла Добрынина и не хотели рисковать.

А. Черняев в своем дневнике так характеризовал Арбатова: «Делатель политики, главный источник информации для Брежнева, орудие камуфляжа истинных намерений Москвы»{295} *.

Американцы предпочли державный подход Громыко и Добрынина.

Глава 32.
АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ВОЙНЫ

Война 1967 года

Отчасти согласимся с послом Добрыниным, который считал, что «в повестке дня советско-американских отношений Ближний Восток не фигурировал постоянно, как Европа или Юго-Восточная Азия». Правда, при этом он уточнял, что это был потенциально опасный район.

На самом деле Ближний Восток и Средиземноморье всегда были в зоне особого внимания России. В Русско-турецких, Крымской, обеих мировых войнах — везде присутствовал этот вектор. По-другому и быть не могло по причине огромного геополитического и экономического значения региона, значительно усиливавшегося в связи с борьбой мировых держав за контроль над местными нефтяными месторождениями. Как говорили англичане накануне Первой мировой, «господство само по себе было главной наградой всего предприятия». Даже в самом факте дипломатического признания Советским Союзом Израильского государства был скрыт долговременный интерес Москвы к Ближнему Востоку и ее намерение потеснить западные страны. Правда, после Первой мировой политики уже мыслили свои действия не в категории «господство», а более тонко.

После Суэцкого кризиса 1956 года, который завершился военной победой Израиля и политической победой Египта, арабский мир стал объединяться. Президент Египта Гамаль Абдель Насер стал самым авторитетным лидером арабского Востока. Соответственно укрепились позиции Советского Союза, а в ближневосточной шахматной игре определились ключевые игроки — СССР и США, каждый из которых поддерживал своих союзников.

В апреле 1967 года советской разведке стало известно о возможном вторжении израильских войск на территорию Сирии, и 13 мая эта информация была передана египтянам, у которых было два варианта действий: подготовиться к обороне или нанести превентивный удар.

Однако качество переданной информации и сами основания для ее передачи были сомнительны. Так, Г. Корниенко, бывший в то время заведующим Отделом США в МИД, так описывал ситуацию:

«Нагнетание обстановки началось с того, что в начале мая 1967 года израильские официальные лица стали публично угрожать Сирии военными репрессалиями, если с сирийской территории не прекратится проникновение палестинских террористов и диверсантов в Израиль. 8 мая сирийцы

информировали египетское руководство о том, что они располагают сведениями о концентрации израильских войск на границе с Сирией для нанесения удара по ее территории. 12 мая американским агентством Юнайтед Пресс было распространено сообщение о сделанном высокопоставленным израильским деятелем (по разным данным, это был либо начальник Генерального штаба Рабин, либо начальник военной разведки Ярив) заявлении, что Израиль осуществит военную операцию “с целью свержения военного режима в Дамаске, если сирийские террористы будут продолжать диверсионные рейды в Израиль”. Как объяснял потом президент Египта Гамаль Абдель Насер, именно эта израильская угроза сыграла решающую роль в принятии египетским руководством решения перебросить войска на Синайский полуостров, чтобы в случае нападения Израиля на Сирию прийти ей на помощь в соответствии с египетско-сирийским договором о взаимной помощи от 6 ноября 1966 года. В качестве дополнительного аргумента в обоснование своего решения о переброске войск Насер ссылался впоследствии и на то, что сведения о концентрации израильских войск на сирийской границе были получены египтянами не только от сирийской, но и от советской стороны.

Действительно, как потом выяснилось, 13 мая представитель КГБ в Каире в соответствии с существовавшей практикой обмена информацией между советской и египетской разведками передал египтянам полученное им из Москвы сообщение о наличии сведений относительно концентрации израильских войск (10—12 бригад) на сирийской границе. Эти сведения, поступившие в Москву то ли из той же Сирии, то ли из Ливана, были переданы египетской разведке, повторяю, в рабочем порядке по усмотрению руководства советской разведки, без специальной на то санкции политического руководства страны.

Как объяснял позже тогдашний начальник Первого главного управления КГБ Сахаровский, уверенности в достоверности переданной египтянам информации у советских разведчиков не было (не исключено, что она могла быть подброшена самими израильтянами для запугивания Сирии), но они все же сочли необходимым поделиться ею со своими коллегами-египтянами. В глазах же египетского руководства переданная по линии разведки информация могла приобрести дополнительный вес в связи с тем, что, по египетской версии, эта информация в тот же день была доведена советским послом в Каире Пожидаевым и до сведения руководства МИД Египта. Более того, в тот же день, 13 мая, нечто подобное было сказано и заместителем министра иностранных дел СССР Семеновым членам египетской парламентской

делегации во главе с Садатом, которая находилась в Москве проездом на обратном пути из Северной Кореи. Именно эта трехкратная передача египтянам не совсем точной, как затем оказалось, информации о концентрации израильских войск вблизи Сирии преподносилась на Западе как свидетельство того, что Москва сознательно подталкивала Каир к конфронтации с Израилем.

(П. Судоплатов считал, что ошибка советской разведки сопоставима с ее просчетами в 1941 году, так как могла привести к войне СССР и США. — С *Р.)*

Между тем мне достоверно известно, что никаких указаний послу Пожидаеву из Москвы на этот счет не давалось, и если он продублировал египетскому МИД ту информацию, которую представитель КГБ передал по своей линии, о чем мог рассказать послу, то это было сделано по собственной инициативе Пожидаева. То же самое, думаю, случилось и с Семеновым, который имел обыкновение перед встречами с иностранными представителями интересоваться у “ближних соседей”… Когда 16 мая, уже после того как египетские войска начали перебрасываться на Синай, министр иностранных дел Египта Риад и военный министр Бадран обратились через советского посла с пожеланием получить из Москвы оценку положения дел на сирийской границе с Израилем. В данном им 20 мая ответе тоже упоминалось о наличии разведывательных данных о концентрации израильских войск на границе с Сирией, но подчеркивалось, что эти данные нуждаются в проверке»[{296}].

Здесь надо обратить внимание на внутреннее состояние Египта. Генералитет во главе с главнокомандующим А. Х. Амером был настроен решительно, и поэтому Насер даже опасался утратить политическое лидерство, которое вполне могло перейти к ветерану революционной борьбы Амеру. Находясь между двумя жерновами, израильской военной угрозой и своими же соратниками, Насер начал превентивные действия, чтобы не допустить агрессии Израиля. 18 мая он потребовал вывести войска ООН с линии перемирия с Израилем и берега Тиранского пролива, ввел туда (без консультаций с Москвой) египетские части и заблокировал для израильских судов выход из залива Акаба в Красное море. Однако затем давление на Насера «снизу» многократно увеличилось, население Египта, Сирии, Иордании восприняло его действия как начало «священной войны» с Израилем; кроме того, сирийское и иорданское руководство нуждалось в укреплении своих внутренних позиций, для чего лучше всего подходило проведение военной акции.

Впрочем, военная активность египтян вызвала негативную

реакцию Москвы, которая была далека от желания втянуться еще в один конфликт с Соединенными Штатами и реалистически смотрела на результаты приближающейся войны. У арабов не было никаких перспектив, так как американцы не могли согласиться с их победой над своим единственным союзником на Ближнем Востоке.

В конце мая 1967 года в Москву прилетел военный министр Египта Шамс Бадран с целью заручиться поддержкой в планируемом ударе по Израилю. Он несколько раз встречался с Косыгиным, но постоянно слышал один и тот же ответ, выработанный в ведомстве Громыко: «Мы не можем одобрить такой шаг. Если вы начнете войну, то вы будете агрессором. Советский Союз не может поддержать агрессию — это противоречит основополагающим принципам внешней политики страны». Премьер прямо указывал, что силовой акцией нельзя решить ближневосточный конфликт и что она может привести к втягиванию в войну великих держав, то есть к мировой войне. В итоге в последний день визита Бадран сообщил Косыгину, что Насер решил не начинать военных действий.

(Кстати, французы тоже посчитали необходимым предостеречь арабов и израильтян, что Париж будет считать агрессором ту сторону, которая первой начнет военные действия, а после начала войны президент де Голль заморозил контракт на поставку Тель-Авиву 50 истребителей «Мираж».)

Однако предостережения Косыгина неожиданно были дезавуированы советскими военными. Бадрана провожал министр обороны СССР Гречко и, поднимая тост «на посошок», заверил, что если Израиль нападет на Египет и США вступят в войну на его стороне, то «мы вступим в нее на вашей стороне».

Итак, с одной стороны руководство СССР официально предупреждало и Каир, и Вашингтон, и Тель-Авив об опасности развертывания конфликта, а с другой — советские разведчики, отдельные дипломаты и военные позволили себе действовать в привычных границах «холодной войны», не подозревая, что приближают, вовсе не желая того, войну горячую.

По свидетельству Корниенко, согласно заключению Пентагона и ЦРУ, Израиль был способен самостоятельно, без прямой поддержки извне, нанести поражение Египту и Сирии в течение семи-десяти дней.

Концентрация египетских войск на Синайском полуострове продолжалась. Израиль тоже привел свои вооруженные силы в состояние боевой готовности. Вслед за этим в Египте было введено военное положение, в Иордании, Ираке и Кувейте объявлена мобилизация, а из сектора Газа выведены

чрезвычайные войска ООН. Армия освобождения Палестины была поставлена под командование военного руководства Египта, Сирии, Ирака. Король Саудовской Аравии Фейсал отдал приказ вооруженным силам королевства быть готовыми к отражению израильской агрессии. Вскоре Алжир объявил о военной помощи Египту.

Войны еще не было, но все были готовы к ней. Американский 6-й флот был сосредоточен вблизи возможного района боевых действий.

В этой обстановке израильское военное руководство предприняло ряд дезинформирующих акций, которые должны были убедить арабских военных, что Тель-Авив намерен решать конфликт дипломатическими методами, и 5 июня нанесло массированный авиаудар по авиационным базам и аэродромам Египта, системе ПВО и мостам через Суэцкий канал. В течение трех часов с египетской авиацией было покончено{297}.

После авиационного удара в бой были введены танки, и через два-три дня израильские дивизии вышли к Суэцкому каналу. Так же успешно израильтяне действовали на Иорданском и Сирийском фронтах.

А теперь надо бы взглянуть на ситуацию из Вашингтона.

«Между тем настроения в Вашингтоне к концу мая 1967 года претерпели существенную трансформацию. До закрытия Египтом Тиранского пролива для израильских судов в Вашингтоне преобладала точка зрения (государственного секретаря) Раска, разделявшаяся и президентом Джонсоном, что в случае развязывания войны Израилем США окажутся в весьма затруднительном положении. Сделать то, на что в 1956 году решились Эйзенхауэр и Даллес, — открыто выступить против израильской агрессии Джонсон наверняка не сможет, так как неизбежная в этом случае утрата им поддержки еврейской общины США лишила бы его всяческих шансов на переизбрание в 1968 году, и без того серьезно подорванных войной во Вьетнаме. Поддержка же Израиля, если он первым нападет на арабов, причем без явного повода к этому с их стороны, тоже грозила бы серьезными внутриполитическими осложнениями в условиях, когда американское общество было расколото вьетнамской войной, не говоря уже о подрыве позиций США в арабском мире. Поэтому до закрытия Тиранского пролива на политическом светофоре Белого дома израильтянам виделся красный свет…

В результате во время беседы с министром иностранных дел Израиля Эбаном 26 мая Джонсон, продолжая говорить о предпочтительности мирного урегулирования конфликта из-за Тиранского пролива, вместе с тем употребил для передачи

израильскому руководству в качестве ключевой следующую формулу: “Израиль не останется в одиночестве, если он не решит действовать в одиночку”. Эта формула, подсказанная Рас-ком, который надеялся, что она должна оказать сдерживающее влияние на Тель-Авив, прозвучала в устах Джонсона достаточно двусмысленно — во всяком случае, в Тель-Авиве ее расшифровали таким образом, что у США больше нет категорических возражений против принятия Израилем самостоятельного решения о начале войны. Поскольку, однако, среди израильских руководителей возникли разные толкования формулы Джонсона, то для уточнения, означает ли она смену красного цвета если не на зеленый, то на желтый, позволяющий Израилю самому принять решение, в Вашингтон 30 мая вылетел руководитель израильской разведки Моссад генерал Эмет. Там он имел беседы с директором ЦРУ Хелмсом и министром обороны Макнамарой, а по некоторым данным — и с президентом Джонсоном. Во всяком случае, в письме Джонсона израильскому премьеру Эшколу от 3 июня содержалась следующая фраза, вписанная, как видно из сохранившегося в архиве черновика, собственноручно президентом: “Мы провели завершающий и полный обмен мнениями с генералом Эметом”. Смысл же этой фразы раскрыл сам Эмет, который по возвращении в тот же день, 3 июня, в Тель-Авив в своем докладе кабинету следующим образом суммировал суть бесед в Вашингтоне: “Мне было дано понять, что американцы благословят нас, если мы сумеем разнести Насера вдребезги”.

Из опубликованных впоследствии материалов понятно, что окончательное решение о начале войны израильский кабинет принял 4 июня, и утром 5 июня Израиль нанес сокрушительный удар по Египту. Было заведомой ложью, когда Эшкол в тот день в своем послании Косыгину утверждал, будто Израиль подвергся нападению со стороны Египта»[298].

* * *

5 июня 1967 года заработала «горячая линия» между Кремлем и Белым домом, созданная в 1963 году после Карибского кризиса. 10 июня СССР, демонстрируя поддержку арабов, разорвал дипломатические отношения с Израилем, что, как заметил Добрынин, оказалось «серьезным просчетом в контексте ближневосточного урегулирования». Тогда же Косыгин обратился по «горячей линии» к Джонсону, убеждая его потребовать от Израиля безоговорочного прекращения военных

действий в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН. Косыгин намекал, что СССР может предпринять и военные акции.

Также к берегам Египта была направлена эскадра боевых кораблей из состава Черноморского и Северного флотов (до 40 кораблей, в том числе десять подводных лодок), противостоявшие американской эскадре, в составе которой было два авианосца, два крейсера, четыре фрегата, десять эсминцев и подводные лодки.

«Горячая линия» работала, не остывая. В Вашингтоне и Москве непрерывно заседали руководители обеих стран.

Как отмечал Фалин, «СССР выступает в защиту Египта как жертвы агрессии, разрывает дипломатические отношения с Израилем, пытается через ООН немедленно прекратить военные действия. Телеграмма Насера: спасайте, предлагается установить союзные отношения, расположить советские военные базы в районе Александрии и Суэца или в любом другом месте по нашему усмотрению. Сквозная мысль — эффективная помощь нужна немедленно, завтра может быть поздно»{299}.

В это время у Насера случился инфаркт, возникла угроза потерять главного союзника Москвы на Ближнем Востоке — и вдруг со всей очевидностью стало ясно, что советская практика общения с третьим миром крайне уязвима.

На совещание в Кремле в присутствии Громыко, Гречко и начальника Генерального штаба М.В. Захарова у Брежнева вырвалось: «Не хватало еще, чтобы в Каире разгорелась борьба за власть… И мы — великие стратеги. Выбей одного человека и все насмарку. Почему американцы не останавливают израильтян? Израиль ведет и американскую войну против нас. В Суэцком канале нас уже макнули физиономией. Скоро дойдет до Нила. Сколько советников держим в египетской армии. Ни черта они не насоветовали, как не научили египтян наши училища…»{300}

(Это горькое признание, впрочем, мало что изменило, и, когда после смерти Насера египетским президентом стал Анвар Садат, позиции СССР ослабли.)

Вечером 10 июня Израиль прекратил военные действия, были подписаны соглашения о прекращении огня. Арабский мир погрузился в траур. Израильтяне захватили египетский Синай, сирийские Голанские высоты, населенный палестинцами Западный берег реки Иордан и район Газа.

Авторитет Советского Союза в Ближневосточном регионе несколько поколебался. Однако было бы ошибкой считать, что все на этом закончилось и Запад на долгие годы получил контроль над местными коммуникациями и ресурсами. Абсолютный военный победитель вскоре столкнулся с непреходящей враждебностью палестинского населения Западного берега реки

Иордан, ростом антисемитизма в арабском мире и образованием многочисленных мусульманских террористических группировок. Кроме того, в принятой Советом Безопасности ООН резолюции № 242 от 22 ноября 1967 года так излагались принципы урегулирования отношений между Израилем и арабскими государствами: недопустимость силового захвата территорий, необходимость добиваться справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, вывод израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий, прекращение всех претензий и состояния войны, уважение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех ближневосточных государств, их права жить в мире, в безопасных и признанных границах, не подвергаясь угрозам силой или ее применением, а также справедливого решения проблемы беженцев.

Соответственно, Советский Союз не покинул регион. Уже в течение четырех месяцев после окончания войны в Египет было поставлено от 180 до 200 фронтовых истребителей МиГ и примерно 200 танков, в Сирию — 50 МиГов и легкое вооружение{301}. Вооруженная борьба более низкой интенсивности продолжалась еще долгие годы, в Египет и Сирию были переброшены тысячи советских специалистов (авиация, ПВО, средства радиоэлектронной борьбы). Так, с июля 1969-го по начало августа 1970 года «при активном участии советских солдат и офицеров были сбиты 94 израильских самолета, что составляло примерно 50% от имевшихся в Израиле парка боевых машин»{302}.

Президент Насер не простил Вашингтону, что тот не остановил агрессии Израиля, подобно тому как Москва удержала египтян от превентивного удара.

Здесь надо учесть одно обстоятельство: на Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в июне 1967 года Громыко постоянно общался с арабскими представителями, разъясняя в каждом разговоре: если не будет признания Израиля и его права на безопасное существование, не быть мира в регионе.

Однако никто не мог принести оливковую ветвь туда, где все дышало жаждой мести. Египетский делегат отвечал Громыко, что «если Насер выскажется за признание Израиля, то на следующий же день будет свергнут или убит каким-нибудь фундаменталистом». И слова Громыко повисали в воздухе.

Знал ли Андрей Андреевич, что, призывая арабских союзников к умеренности, он льет воду на американскую мельницу? Ведь в итоге мирного сосуществования, которое, как он полагал, даст Союзу преимущество, Соединенные Штаты

щедро раскрывали перед третьим миром свою экономическую и политическую привлекательность, а Москва, лишенная военного влияния, отодвигалась в сторону. Когда в марте 1979 года под нажимом Киссинджера и тогдашнего президента США Б. Картера преемник Насера Анвар Садат подписал с Израилем мирный договор, то американцы гарантировали каждой стороне ежегодную финансовую помощь в размере двух миллиардов долларов{303}.

Главный оппонент советского министра подчеркивал: «Американская стратегия базировалась на предположении, что перед Советским Союзом должен быть поставлен выбор: либо отделить себя от радикальных арабских клиентов, либо смириться с сокращением влияния. В конце концов эта стратегия сократила-таки советское влияние и поместила Соединенные Штаты на передовые рубежи ближневосточной дипломатии»{304}.

А пока на Ближнем Востоке развернулась бесконечная советско-американская борьба, за которой наблюдал весь мир. Причем в европейских странах преобладали симпатии к Израилю, в мусульманских — к арабам; только одна Франция де Голля дистанцировалась от Тель-Авива.

Война 1973 года

В июне 1973 года в последний день встречи Брежнева с Никсоном в его калифорнийской резиденции Сан-Клементе, когда лидеры уже простились и разошлись отдыхать, ночью Брежнев в нарушение всех условностей протокола потребовал встречи с президентом. Очевидно, случилось что-то неожиданное. Никсона разбудили. Охваченный тревогой, он выслушал Брежнева, который сказал, что на Ближнем Востоке может скоро вспыхнуть новая война и следует предотвратить ее совместными усилиями, так как она может ударить по советско-американской разрядке. То, что генеральный секретарь мог знать о планах арабов, не вызывало сомнений. Но что еще? Никсон и Киссинджер решили, что русские таким образом пытаются навязать урегулирование на своих условиях, поэтому предупреждение Брежнева оставили без внимания{305}.

Обратим внимание на то, что в 1972 году по решению президента Садата из Египта были выведены все советские военные советники и специалисты (17 тысяч человек), что, как отметил Киссинджер, было первым успехом никсоновской стратегии. Советские позиции на Ближнем Востоке были поколеблены.

Тем не менее уже к сентябрю 1973 года король Саудовской Аравии, нефть которой являлась для США стратегическим товаром, открыто заявлял, что Штаты, если откажутся от проведения произраильской политики, могут избежать применения «нефтяного оружия».

6 октября 1973 года Египет и Сирия напали на Израиль. Как заметил нефтяной аналитик, «вся обрушившаяся громада внезапности произвела на израильтян такое же воздействие, как тридцать два года назад Пёрл-Харбор на американцев»{306}.

Положение израильтян было критическим: стокилометровую линию Барлева на восточном берегу Суэцкого канала обороняли всего две тысячи военнослужащих и 50 танков. Операция по ее прорыву была проведена молниеносно. Одновременно был нанесен массированный бомбовый удар, за первые 20 минут авиация, которой командовал будущий президент страны Хосни Мубарак, уничтожила все израильские укрепления. После разгрома израильских частей путь на Тель-Авив был открыт. Однако Садат приостановил наступление, решив в обороне перемолоть израильские войска.

На Сирийском фронте израильтяне также терпели поражение. Израиль не смог добиться в Сирии господства в воздухе, так как

там была развернута советская система ПВО, а сирийцы хорошо освоили технику пилотирования истребителей МиГ-21.

Советский Союз и США организовали воюющим сторонам поставки оружия по воздушным мостам. Причем американцы пытались сделать это тайно, чтобы сохранить лицо «честного посредника».

Военно-политическая ситуация достигла критической точки, египтяне были в шаге от триумфа. Президенты ведущих американских нефтяных компаний направили Никсону письмо, в котором предупреждали, что если Штаты расширят военную помощь Израилю, то неизбежен кризис нефтяных поставок, а после возможного ухода США с Ближнего Востока вакуум заполнят «интересы европейцев, русских и японцев».

«Израиль разгромил египетские силы и, окружив в районе Суэцкого канала одну из основных армий Египта, угрожал ей уничтожением. Причем сделано это было уже после того, как в соответствии с решением Совета безопасности ООН, где участвовали и СССР, и США, на театре военных действий должен был прекращен огонь. Израильтяне, недовольные “неполными” результатами, достигнутыми на первом этапе войны, рвались в бой и после интенсивных контактов с Вашингтоном развернули новое наступление. Возникла критическая ситуация»{307}.

В Москву прилетел Киссинджер, переговоры с ним Брежнева и Громыко ничего не дали, стало ясно, что американец тянет время, чтобы дать Израилю закрепить успех. Тогда Египет обратился в ООН с просьбой немедленно прислать на Ближний Восток американские и советские войска с миротворческой миссией. Брежнев обратился к Никсону: надо действовать незамедлительно. Особо оговаривалось, что «если вы сочтете невозможным действовать совместно с нами», то СССР примет меры «в одностороннем порядке». Сразу же были приведены в боевую готовность две дивизии ВДВ и направлены в сторону Египта несколько боевых кораблей, В ответ американцы привели в готовность свои стратегические ядерные силы.

Как свидетельствует Корниенко, заявление Брежнева было сделано для острастки, и «никакой предрешенности насчет посылки наших войск в Египет» не было.

«Если судить по мемуарам Киссинджера, Никсон в какой-то момент был даже склонен найти форму сотрудничества в связи с обращением Брежнева. Примирительная акция на Ближнем Востоке могла бы, как ему казалось, быть даже полезной ему, Никсону, лично в разгар развернувшегося “уотергейтского дела”. Но кто пришел в неописуемый ужас, так это ближайший помощник президента, в то время государственный секретарь

США Генри Киссинджер, один из многолетних вдохновителей антисоветской политики США на Ближнем Востоке… “Неужели мы годами старались ослабить советское военное присутствие в Египте только для того, чтобы помочь Советскому Союзу еще больше утвердиться там с помощью резолюции ООН?.. В конце концов главной целью нашей политики на Ближнем Востоке является ослабление роли и влияния СССР”.

Поэтому обращение Брежнева к Никсону от 24 октября привело главу американского внешнеполитического ведомства (одновременно теснейшим образом связанного и с военными, и с разведывательными кругами) в настоящую панику. Тем более что он помнил, как несколькими днями ранее Никсон сообщил ему, Киссинджеру, в Москву свою “убежденность… в том, что Советский Союз и США должны вместе использовать завершение войны для установки всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке”»{308}.

На срочном заседании в Вашингтоне госсекретарь представил обращение Брежнева как «вызов».

«Прямого советского вмешательства допустить было нельзя: оно могло перевернуть весь международный порядок. Нельзя было также и допустить, чтобы Брежнев решил, что Советский Союз может добиться преимущества над ослабленной Уотергейтом высшей исполнительной властью»{309}.

Кроме того, Киссинджер заверил посла Израиля, что предложение о совместных действиях отклонено и что США будут бороться «против одностороннего вмешательства, применив, если потребуется, силу». Были приведены в боевую готовность вооруженные силы США. Запад ощутил себя в шаге от мировой войны, а Египет отозвал свое предложение о посылке американских и советских войск, с тем чтобы заменить их международными наблюдателями ООН.

На следующий день после ночного заседания в Вашингтоне военные действия закончились. Еще через два дня, впервые за 25 лет, военные представители Израиля и Египта встретились для прямых переговоров.

3-я египетская армия избежала разгрома, а Советский Союз пока еще сохранил позиции на Ближнем Востоке.

Подчеркнем, что именно в это время советские спецслужбы стали на учебном полигоне в Туркмении готовить операцию по уничтожению израильского атомного центра Димона в пустыне Негев, через месяц она была отменена.

Итак, война закончилась победой израильтян. Почему это произошло, стало известно далеко не сразу. Только в конце 1975 года Садат в разговоре с журналистом Игорем Беляевым и

востоковедом Евгением Примаковым признал, что египтяне могли уничтожить израильскую группировку на западном берегу Суэцкого канала, у них для этого было все необходимое и двойной перевес в артиллерии и танках. Однако Садат прислушался к предупреждению Киссинджера: «Если советское оружие одержит победу над американским, то Пентагон этого никогда не простит, и наша игра с вами (по возможному урегулированию арабо-израильского конфликта) будет окончена»{310}.

«Спору нет, самое негативное воздействие на политику разрядки, отношение США и других стран НАТО к Советскому Союзу имел новый вооруженный конфликт на Ближнем Востоке. В Белом доме отлично знали, что советское руководство сделало все от него зависящее, дабы удержать А. Садата от прыжка через Суэц. Оно не убоялось даже поставить на карту сотрудничество с Египтом. А что в Вашингтоне? Нагнетали в прессе антисоветскую истерию, как если бы за всем случившимся стояла Москва, и выжидали, будучи (как и мы) уверены, что садамовская авантюра лопнет и рассчитывая на фоне омрачившихся отношений Египта с СССР разыграть гамбит с Каиром»{311}.

Вот загадки дипломатии! Германист Фалин оценивал только что закончившуюся войну чуть ли не как катастрофу разрядки: «Соглашение о предотвращении ядерной войны испустило дух при первом же перегоне»{312}.

А американист Корниенко высказывал прямо противоположное: «В целом можно говорить, что разрядка выдержала испытание ближневосточным кризисом 1973 года. Подтверждением тому были положительные итоги и визита Никсона летом 1974 года, и владивостокской встречи Брежнева и Форда в ноябре того же года»{313}.

В ЦК КПСС была иная точка зрения. «Замирение Египет — Израиль на основе Киссинджера. Нас обдурили. И немудрено: нельзя строить политику в расчете на то, что Садат и проч. представляют “национально-освободительное” движение (вернее, на то, что он будет считаться с тем, что мы его рассматриваем как представителя этого движения. На самом деле он лишь спекулирует на этом нашем “обязательстве”). Они представляют национализм, который очень легко, при обстоятельствах, может оборачиваться фашизмом. Впрочем, может, и хорошо, что так вышло: будем постепенно привыкать к тому, что действуют в мире категории, которые уже нельзя мерить аршином сталинской внешней политики. А в этом районе мы пока действуем именно так: имперская стратегия под прикрытием идеологии»{314}.

Конечно, США объявили Ближний Восток зоной своих

жизненных интересов и пригрозили применить ядерное оружие против арабских стран, если будет перекрыт «нефтяной кран», однако это был такой же блеф, как и заявление Брежнева прислать в Египет советские войска.

Более существенным было другое.

По поводу энергетического кризиса 1973 года и его последствий, подтолкнувших цены на углеводороды на невиданную высоту, можно сказать, что именно тогда мир стал переворачиваться.

Из-за больших потерь, в результате которых Израиль вчетверо увеличил свою территорию, арабы свое негодование обратили против Соединенных Штатов. Союзник Египта Саудовская Аравия применила «нефтяное оружие»: 16 октября при поддержке еще четырех государств Персидского залива король Фейсал объявил о 70-процентном повышении цены на нефть. К этому решению присоединились Иран и все арабские страны.

Но далее последовало что-то неожиданное. 19 октября по запросу президента Никсона конгресс выделил 2,2 миллиарда долларов для помощи Израилю. Арабы ответили полным эмбарго на поставки нефти за океан. В Штатах разразился топливный кризис, цены на нефть выросли в семь раз.

Что же было дальше? Недавно стала известной экономическая подоплека тайной стратегии Вашингтона.

«Никсон и его советники хорошо понимали, что решение выделить более двух миллиардов долларов помощи Израилю непременно спровоцирует арабские страны на крутые ответные меры. Поддерживая Израиль, американская администрация целенаправленно создавала условия, породившие то, что теперь считается самой что ни на есть искусной и значимой операцией экономических убийц за весь XX век»[{315}].

В Вашингтоне была принята программа действий, которая должна была вынудить страны ОПЕК переправлять свои многомиллиардные дивиденды от продажи нефти обратно в Соединенные Штаты и укрепить падающий доллар. (В 1971 году США отказались от золотого стандарта, и их валюта осталась фактически без обеспечения.)

Главные пункты этой новой «нефтяной стратегии» касались Саудовской Аравии как основного производителя нефти. Вот они: «1) вкладывать значительную часть нефтедолларов в ценные бумаги США; 2) разрешить министерству финансов США за счет многомиллиардных процентов по указанным ценным бумагам привлекать американские корпорации к европеизации страны; 3) поддерживать цены на нефть на приемлемом для корпоратократии (то есть транснациональным корпорациям. — С.

Р.) уровне. Взамен правительство США гарантировало, что королевская семья Сауд сохранит свою власть»[{316}].

В итоге произошли события вселенского масштаба. Американская валюта, надежно привязанная к нефти, стала «королем международных финансов», а Соединенные Штаты подняли свою экономическую мощь, пошатнувшуюся было после Вьетнама.

Что же касается Советского Союза, то его позиции на Ближнем Востоке стали слабеть. Через двадцать лет, уже при президентстве Рональда Рейгана, Штаты при содействии саудитов нанесут тяжелый удар по экономике Союза.

* * *

А что по этому поводу сказано у Громыко? Сказано очень много. В том числе и то, о чем нет ни слова в исследовании Перкинса.

Среди целей США в Саудовской Аравии, отмечал советский министр, была и такая: постоянная поддержка Эр-Риядом позиции США в том, что «район Персидского залива должен быть свободен от советского, китайского или другого коммунистического влияния»[{317}].

И еще. «Суть этого явления хорошо схвачена в высказывании американского политолога Р. Барнета, писавшего, что “с середины 50-х годов возник серьезный конфликт между экономическими интересами государства и интересами корпораций. Коротко говоря, стоимость содержания имперской системы стала превышать извлекаемые из нее выгоды… Исходя исключительно из экономических критериев, руководители корпораций приходят к убеждению, что достижение национальных интересов с помощью военной силы угрожает собственности и прибылям корпораций”»[{318}].

То есть Штатам требовалось найти новые методы ведения борьбы. Вьетнамский провал, антивоенные движения в самих США и Европе, экономические проблемы, а кроме того, стремление не допустить случайного возникновения ядерной войны и задача вытеснить Союз с Ближнего Востока — все это диктовало новую тактику.

Возможно, Громыко, как образованный марксист, тогда вспомнил такую мысль Карла Маркса: «Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила…»

«Нефтяной кризис» 1970-х годов, как сказано у Громыко, имел «не природные, а социальные и политические» причины, то

есть «закономерным результатом экономической эксплуатации монополиями США людских и природных ресурсов нефтедобывающих стран». И, подчеркнув это, Андрей Андреевич тотчас указал на боевые порядки Москвы: «Именно поэтому СССР и другие братские социалистические страны оказывают поддержку действиям тех стран, которые видят выход из кризиса в последовательном ограничении деятельности иностранных нефтяных компаний, несущих основную долю ответственности за его возникновение»{319}.

Далее наш герой коснулся вопроса растущих цен на нефть как следствия «неоколониалистской политики обеспечения дешевой энергии, проводившейся США и другими империалистическими государствами». И как противодействие этой политике назвал изменяющееся соотношение мировых сил в пользу социализма.

В переводе с дипломатического языка это означает, что на территории нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока шла еще одна необъявленная война Советского Союза и Запада.

Биржевые сводки отражали результаты противостояния. В 1965 году цена одной тонны легкой ближневосточной нефти составляла 13,4 доллара, в январе 1971 года — 15, 91 доллара, к 1974 году она выросла до 85,5 доллара; к концу 1977 года — до 99,65 доллара, а в конце 1981 года поднялась до отметки 250 долларов.

Что же в итоге?

Если в 1972 году арабские страны получили от продажи нефти всего 7,5 миллиарда долларов, то в 1975 году — уже 57 миллиардов долларов, а в 1980 году общий объем накоплений странами — участницами ОПЕК достиг 350 миллиардов долларов{320}.

Андрей Андреевич мог бы здесь сообщить, что так же бурно выросли нефтяные доходы Советского Союза, но данная тема не входила в его задачу.

Внутреннее положение в СССР и странах СЭВ тоже напрямую зависело от нефтяных цен.

«Мы, например, уже объявили своим социалистическим друзьям, что не сможем и впредь продавать им нефть по 16 рублей за тонну, тогда как на мировом рынке она — 80—120 рублей. Но если мы поднимем цены на нефть, потом на всякое другое сырье, то при структуре экономики братских стран, которая сложилась под нашим влиянием и давлением, эта экономика рухнет в несколько месяцев. Политические последствия от этого понятны!»{321}

* * *

«Где-то в начале 70-х годов, когда соглашение по ОСВ в основном уже было выработано, оставалось еще несколько неотрегулированных вопросов, по которым наши военные никак не хотели идти на уступки, считая, что это дало бы одностороннюю выгоду американцам.

Успехи в решении задачи создания потенциала “сдерживания” США были налицо. В начале 1970-х годов Советский Союз догнал Соединенные Штаты по количеству стратегических носителей ядерного оружия. Правда, США всё еще существенно — более чем в два раза — превосходили СССР по числу ядерных зарядов на этих средствах, однако оно больше не играло решающей роли в стратегическом взаимоотношении сторон. Сложилась принципиально новая ситуация, когда ни одна из сторон больше не могла рассчитывать на победу в ядерной войне, если, конечно, не считать победой то, что страна-агрессор была бы разрушена второй. Это заметно снизило вероятность ядерной войны и явилось важным фактором укрепления международной стабильности. В СССР это состояние называли “примерным военно-стратегическим равновесием”, или “ядерным паритетом”»{322}.

К тому времени, когда был заключен Договор по ПРО, уже действовали подписанные в течение предшествовавшего десятилетия четыре многосторонних соглашения, касающихся ядерного оружия: о запрещении ядерных взрывов в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 год), о запрещении размещать ядерное и другое оружие массового уничтожения в космосе (1967 год), о нераспространении ядерного оружия (1968 год) и о запрещении размещать ядерное и другое оружие массового уничтожения на дне морей и океанов (1971 год).

В советском руководстве не было единой точки зрения на политику «разрядки». Однажды Брежнев собрал совещание, на котором присутствовали Громыко, Гречко, Устинов, главком ВМФ С. Г Горшков и ряд других руководителей. «Разгорелся длительный пятичасовой спор: дипломаты отстаивали соглашения, но военные выступали против, не желая давать односторонних преимуществ американцам. В конце концов, Брежнев раздраженно спросил: “Ну хорошо, мы не пойдем ни на какие уступки, и соглашения не будет. Развернется дальнейшая гонка ядерных вооружений. А можете вы мне как Главнокомандующему Вооруженными Силами страны дать здесь твердую гарантию, что в случае такого поворота событий мы непременно обгоним США и соотношение сил между нами станет

более выгодным для нас, чем оно есть сейчас?" Такой гарантии никто из присутствующих дать не решился. "Так в чем же дело? — спросил Брежнев. — Почему мы должны продолжать истощать нашу экономику, непрерывно наращивая военные расходы?"

На этом дискуссия закончилась. Сопротивление военных было сломлено, и путь к соглашению расчищен. Его подписание стало одним из важнейших итогов первой встречи Брежнева и Никсона в 1972 году»{323}.

Глава 33.
КИТАЙСКАЯ ИГРА

Китай в стратегии Никсона

В марте 1969 года были пограничные бои на советско-китайской границе (остров Даманский), в мае 1969 года — на реке Уссури. Всего в 1964—1969 годах на границе было свыше четырех тысяч мелких стычек, правда, без применения оружия.

Примерно тогда Киссинджер сказал Никсону: «Мы можем получить в связи с этим большой стратегический выигрыш».

Что он имел в виду, вполне понятно. Стравить двух главных соперников было бы высшим пилотажем американской дипломатии.

«Все это, можно сказать, укладывалось в рамки не раз применявшейся в мире внешнеполитической “игры”, — писал Александров-Агентов и уточнял, что же именно в данном случае делали американцы. — Упорное и целеустремленное распространение провокационных слухов о том, что СССР якобы намерен напасть на Китай с применением ядерного оружия, нанести превентивный удар, уничтожив китайский ядерный полигон Лобнор»{324}.

Тогда в Москве никто не знал, что военный атташе при посольстве СССР в Дели, резидент ГРУ Дмитрий Поляков являлся агентом ЦРУ. Благодаря переданной им информации Вашингтон смог получить подход к Мао Цзэдуну{325}.

1 июля 1971 года Киссинджер в Пекине встретился с Чжоу Эньлаем и Мао Цзэдуном. 15 июля было объявлено, что Никсон в начале 1972 года направится с визитом в Китай. (В феврале 1972 года, выступая на банкете в Шанхае, Никсон скажет: «Наши два народа сегодня держат будущее мира в своих руках».) На переговорах с Мао Цзэдуном он задал вопрос: «Почему это Советский Союз на границе с вашей страной дислоцировал больше войск, чем на границе с Западной Европой?»{326}

Советский Союз ответил Китаю сильным геополитическим ходом: в августе 1971 года в Дели Громыко подписал договор о мире и сотрудничестве между Индией и СССР.

Кроме того, Никсону было направлено приглашение посетить Москву в мае или июне 1972 года, на которое американский президент ответил согласием. Имея в пассиве абсолютно бесперспективный военный конфликт во Вьетнаме, американцы тоже были заинтересованы договариваться. К тому же в ноябре 1971 года началась война между Индией и Пакистаном, военным союзником США, и было очевидно, что за каждым участником конфликта стоит сверхдержава.

Война началась из-за восстания в Восточном Пакистане (ныне

Бангладеш), отделенном от собственно Пакистана двумя тысячами километров индийской территории и населенном бенгальцами, родственными населению соседней индийской провинции Бенгалии. Оставляя свою колонию в 1947 году, Великобритания, руководствуясь принципами своей дипломатии («разделяй и властвуй»), «сконструировала» оставляемые территории с глубоко заложенным конфликтом. В 1971 году началось обширное восстание бенгальцев, его поддержало правительство Индии, что и привело к военным столкновениям и на границе Индии, и собственно Пакистана. Положение пакистанских войск в Восточном Пакистане было безнадежно. Но что будет дальше?

В сложившейся ситуации Вашингтон опасался мощного удара индийских войск по Пакистану. В США, как пишет Александров-Агентов, «возникла настоящая паника». Никсон обратился к Брежневу с четырьмя письмами и одним устным посланием, требуя остановить конфликт и восстановить территориальную целостность своего союзника. Брежнев отвечал в дружественном тоне, предлагая совместными усилиями убедить пакистанское руководство предоставить независимость восставшему Восточному Пакистану.

В Бенгальский залив были направлены восемь кораблей ВМФ США, включая авианосец.

Но тем временем военные действия в Восточном Пакистане закончились поражением пакистанцев, и часть проблемы отпала сама собой. Остался вопрос — начнется ли настоящая война Индии с Западным Пакистаном?

Никсон потребовал от Брежнева гарантировать, что Индия не начнет масштабных военных действий. И после консультаций с президентом Индии Индирой Ганди советский руководитель дал такую непубличную гарантию. (Советское правительство неоднократно поддерживало И. Ганди вплоть до выделения ей финансовой помощи для предвыборных мероприятий.)[{327}]

В своих мемуарах Никсон отмечал напряженность тех событий и, пожалуй, даже сгустил краски: «Используя дипломатические сигналы и закулисный нажим, мы смогли спасти Западный Пакистан от нависшей над ним угрозы индийской агрессии и господства. Мы также еще раз избежали крупной конфронтации с Советским Союзом»[{328}].

Но вот «индийская угроза» схлынула, и подготовка к встрече двух лидеров продолжилась. 20 апреля в Москву прилетел с тайным визитом Киссинджер (чтобы избежать ненужных утечек), — обсудить повестку дня для своего шефа. Он провел переговоры с Брежневым и Громыко, утрясая остающиеся разногласия по

договорам ПРО и ОСВ и ставя во главу угла вопрос о Вьетнаме, где США завязли, но еще надеялись избежать позорного поражения. Единственное, что мог предложить Брежнев, — это обещание призвать Ханой к большей сдержанности и настаивать на скорейшем возобновлении американцами мирных переговоров с ДРВ в Париже.

Американцы понимали, что Москва не способна оказать им необходимую поддержку, и поэтому прибегли к силовым доводам — 8 мая начались ожесточенные бомбардировки столицы ДРВ Ханоя, крупнейшего порта Хайфон и других пунктов управления и снабжения. Бомбардировки и минирование портов Никсон сопроводил письмом в Кремль, призывая немедленно прекратить наступление северян на юге и обещая в случае урегулирования конфликта вывести американские войска из Вьетнама через четыре месяца.

Это было отчаянное решение — попытка действовать напролом.

Брежнев в ответ потребовал прекращения бомбардировок и блокады ДРВ, но о предстоящей встрече не сказал ничего, выводя эту тему из круга обсуждаемых острых вопросов. И действительно, Москва, заинтересованная в переговорах, в неменьшей степени была заинтересована в укреплении позиций в Индокитае, тем более во Вьетнаме она испытывала сильную конкуренцию Пекина.

При этом в Вашингтоне тоже не могли не думать о вьетнамской проблеме.

«Американский народ, похоже, требовал от правительства одновременного достижения двух несовместимых друг с другом целей: им хотелось, чтобы война окончилась и чтобы Америка не капитулировала. Эти двойственные чувства разделялись также и Никсоном, и его советниками. Стремясь провести американскую политику через это море противоречий, Никсон избрал третий вариант— так называемый путь «Вьетнамизации», не потому, что он считал это блестящим выходом из положения, а потому, что согласно его суждению это был относительно безопасный способ сохранить равновесие между тремя ключевыми составляющими американского ухода Вьетнама: поддержанием морального состояния внутри Америки на должном уровне, предоставлением Сайгону честного шанса самостоятельно встать на ноги и обеспечением для Ханоя стимула к урегулированию. Поддержание всех этих трех сложносочетающихся политических факторов стало бы решающей проверкой умения США претворить в жизнь решение уйти из Вьетнама»{329}.

Брежневу стоило больших усилий удержать своих товарищей

по Политбюро от резких антиамериканских действий, к чему склонялись Шелест, Подгорный, Полянский. Если бы настроения в советском руководстве качнулись в ту сторону, разрядка, это хилое дитя враждующих родителей, была бы надолго отправлена в реанимацию. Но Брежнева поддержали Косыгин, Громыко, Суслов, Андропов.

Впрочем, Косыгин вначале предлагал нечто противоположное, что хорошо видно из дневника сотрудника Международного отдела ЦК КПСС, впоследствии помощника президента СССР М.С. Горбачева Анатолия Черняева. Вот фрагмент записи разговоров Брежнева по селектору с Косыгиным, а потом с Громыко:

«К.: Посмотри, как Никсон обнаглел. Бомбит и бомбит Вьетнам, все сильнее, сволочь. Слушай, Лень, может быть, нам и его визит отложить?

Б.: Ну что ты!

К.: А что! Бомба будет что надо. Это тебе не отсрочка с Бхутто!..

Б.: Бомба-то бомба, да кого она больше заденет!?

...

Селектор выключается.

Брежнев включает его на Громыко.

Б.: Здравствуй.

Г.: Здравствуй, как ты себя чувствуешь?

Б.: Ничего. Знаешь, мне сейчас Алексей Николаевич звонил. Предлагает отложить визит Бхутто (премьер-министр Пакистана. — *А. Ч.)*. Я тоже подумал: дел сейчас много, устал я очень, да и неясность там большая, не улеглись еще там проблемы. Рано нам посредниками выступать.

Г.: У этого Косыгина двадцать мнений на один день. А мое мнение такое: ни в коем случае нельзя откладывать визит Бхутто. Если он к нам в такой отчаянной у себя ситуации едет, значит, признает, что, если Якъя Хан (генерал, бывший президент Пакистана. — *А.* Ч.) послушал бы нас перед началом вооруженного конфликта, он бы не потерял такого куска, как Бангладеш. Значит, он понял, что лучше слушать нас. У нас сейчас очень сильные позиции во всем этом районе. А если мы оттолкнем Бхутто, то потеряем шанс быстро укреплять и расширять их дальше. Требовать же от него, чтоб он посадил генералов, просто глупо. Он всегда успеет это сделать. И не надо преувеличивать их роль. Это неправильно, будто он уже не хозяин, а полностью в руках военной хунты. Надо ковать железо, пока горячо.

Б.: Хорошо. Я поставлю этот вопрос сегодня на Политбюро.

Пожалуй, ты прав. Я-то колебнулся, потому что времени совсем нет. И из внешних дел у меня на уме два: Германия и Никсон. Брандту надо помочь. Я думаю, в речи на съезде профсоюзов “закавычить” пару абзацев в его поддержку, против аргументов оппозиции.

Г: Это было бы очень важно…

Б.: Да, я думаю об этом сказать. А ты, знаешь, Косыгин и Никсона предложил отложить. Бомба, говорит, будет.

В селекторе — затянувшееся молчание. Громыко, видимо, несколько секунд выходил из остолбенения.

Г.: Да он что?!»{330}

Кроме того, из приведенных разговоров можно понять, что в тот момент Брежнева и Громыко сильно волновала предстоящая ратификация в западногерманском бундестаге Московского договора. Если бы консервативная оппозиция провалила голосование, позиция Брежнева и Громыко тоже сильно ослабела бы. Но в Бонне договор ратифицировали.

В процессе подготовки к визиту американского президента Политбюро обсуждало и другие важные вопросы. На одном из них надо остановиться особо, так как он напрямую связан с внутренним положением СССР.

«После довольно комедийных препирательств по протокольной стороне приема Никсона Брежнев поставил вопрос, представленный Байбаковым (председатель Госплана СССР. — *А. Ч.)* и Патоличевым (министр внешней торговли СССР. — *А.* Ч.), — проект торгово-экономического соглашения с США.

Подгорный первый взял слово: “Неприлично нам ввязываться в эти сделки с газом, нефтепроводом. Будто мы Сибирь всю собираемся распродавать, да и технически выглядим беспомощно. Что, мы сами, что ли, не можем все это сделать, без иностранного капитала?!”

Брежнев пригласил Байбакова объясниться. Тот спокойно подошел к микрофону, едва сдерживая ироническую улыбку. И стал говорить, оперируя на память десятками цифр, подсчетами, сравнениями.

Нам нечем торговать за валюту, сказал он. Только лес и целлюлоза. Этого недостаточно, к тому же продаем с большим убытком для нас. Ехать на продаже золота мы тоже не можем. Да и опасно, бесперспективно в нынешней валютной ситуации.

Американцев, японцев да и других у нас интересует нефть, еще лучше — газ. Топливный баланс США будет становиться все напряженней. Импорт будет расти, причем они предпочитают получать сжиженный газ. И предлагают:

а) построить газопровод из Тюмени до Мурманска, а там —

газосжижающий завод, и на корабли;

б) построить газопровод из Вилюя через Якутск в Магадан. Нам выгоднее последнее. Через семь лет окупится. Все оборудование для строительства и эксплуатации их.

Если мы откажемся, продолжал Байбаков, мы не сможем даже подступиться к вилюйским запасам в течение по крайней мере 30 лет. Технически мы в состоянии сами проложить газопровод. Но у нас нет металла ни для труб, ни для машин, ни для оборудования»{331}.

Этот разговор на заседании Политбюро показателен: с одной стороны, Советский Союз активно противостоит Соединенным Штатам, но с другой — находится в сложном экономическом положении, которое подталкивает его к сугубо оборонительным действиям. Можно сказать, он опирается на две расползающиеся в разные стороны опоры, подобно тому что было при Сталине в 20—30-е годы. Но тогда, как ни странно, в чем-то было проще, ибо мировое соперничество США с Британской империей, а также возвышение Германии позволяли Москве успешно лавировать; сегодня же вся мощь западного мира и враждебность Китая делали позицию СССР более трудной. Ему, как всегда в российской тысячелетней истории, оставалось уповать на своих верных «друзей», армию и флот (вкупе с ракетно-ядерным оружием), и третий мир, на который никогда нельзя было до конца положиться.

Конечно, еще была коммунистическая идеология с ее возвышенными идеалами справедливости и братства, но… Это «но» возникало всегда, когда перед Громыко вставал вопрос о надежности новых союзников, которые охотно присягали на верность социализму и взамен требовали безвозвратные кредиты, оружие и военную поддержку. Как вспоминал советник нашего героя, чрезвычайный и полномочный посол СССР Ростислав Сергеев, на внутреннем совещании в МИД в 1975 году Андрей Андреевич невесело признался: «Один африканский лидер говорил нам: “Вы хотите, чтобы у меня был социализм? Хорошо. Я подпишу декрет, и через три дня у меня будет социализм”»{332}.

Другими словами, налицо был парадокс: чем сильнее становилось международное положение СССР, тем менее прочным делался его несущий каркас. Даже внутри ОВД и СЭВ экономическая политика Москвы ежегодно приносила убытки в 6—8 миллиардов долларов за счет продажи энергоносителей и сырья по заниженным ценам.

Поэтому так желанно было для Москвы замирение с Америкой, пусть хоть в малом виде.

Правда, не все это понимали. Или не хотели понимать,

закрывая глаза на реальное положение дел. Вот дневниковая запись П. Шелеста (1973 год): «“Вождь” окончательно бросился в “международную политику”, по своей политической самоуверенности он думает, что именно он вершит международные судьбы. Кто же будет заниматься внутренними делами страны? Но когда-то все равно придется держать ответ за все это, ответ по большому счету»{333}.

Это мнение руководителя Украины, бывшего директора военного авиационного завода, который видел внутренние противоречия, пожалуй, острее, чем Брежнев или Громыко. Шелеста можно назвать «ястребом» или даже «националистом», однако дело не в ярлыках, а в том, что он выражал мнение многих советских руководителей, на которых давили недовольные низы.

22 мая 1972 года в Москву прилетел Никсон. Его с почетом разместили в Кремле, в помещениях рядом с Оружейной палатой, и впервые над Кремлем поднялся флаг Соединенных Штатов, В тот же вечер, накануне торжественного банкета, Брежнев пригласил президента в свой кремлевский кабинет в здании Совета министров, где когда-то работали Сталин и Хрущев. Разговаривали с глазу на глаз в присутствии лишь одного переводчика Виктора Суходрева. Как отметил переводчик, Брежнев в начале беседы «слегка заискивал», но быстро справился с волнением и, перейдя к деловой части, объяснил, что из-за эскалации американских военных действий во Вьетнаме советскому руководству было нелегко принять решение о встрече, однако ради высших интересов СССР и ради нормализации советско-американских отношений оно все же решилось на такую встречу.

За этой строгой, но не оскорбительной формулой незримо стоял Громыко.

Дальше разговор пошел в дружеской атмосфере. «В какой-то момент Брежнев начал говорить о своем желании установить особые личные отношения с президентом США… Никсон ответил в том же ключе и напомнил об особых отношениях, сложившихся между Сталиным и Рузвельтом во время войны. Он отметил, что они благодаря своим личным взаимоотношениям могли находить решения спорных вопросов даже тогда, когда это не удавалось бюрократам»{334}.

Вызывая тени Сталина и Рузвельта, оба лидера заблуждались насчет их помощи. 1972 год ничем не походил на 1943-й (Тегеран) или 1945-й (Ялта). У них уже не было общего врага, и перед ними не стояла задача переустроить старый колониальный мир, который тогда представлял их ближайший союзник

Черчилль. Мир уже был переустроен и поделен на военные лагеря, предполья и поля сражений, а военные, оборонщики, дипломаты, разведчики и идеологи создавали новые укрепления и оружие.

Это была встреча двух немолодых людей, умудренных опытом (в том числе и военным), у которых были все основания для личной симпатии, так как они, кроме того, в данный момент ощущали колоссальную ответственность за весь человеческий род. Никсон знал, что сидящий перед ним обаятельный парень с густыми бровями контролирует огромный военный потенциал, способный уничтожить всю Америку. А Брежнев знал, что его гость является главнокомандующим вражескими армиями и руководителем самого могучего государства мира, способного испепелить его страну Как бывшие фронтовики, как отцы своих детей и деды своих внуков они улыбались друг другу, но как идеологические и геополитические противники они были настроены только на временное перемирие. Не больше.

Никсон вел в Москве переговоры четыре дня, были подписаны договоры по ограничению стратегических вооружений (ОСВ) и противоракетной обороне (ПРО), а также об охране окружающей среды, о сотрудничестве в области космических программ, о здравоохранении, предотвращении инцидентов в открытом море и воздухе. Был подписан документ «Основы взаимоотношений между СССР и США», в котором впервые был зафиксирован принцип мирного сосуществования как основа дальнейших отношений между обеими странами. Договорились, что в следующем году Брежнев совершит визит в США.

Во время переговоров генеральный секретарь много шутил. Однажды заметил, что если отношения станут хорошими, то американцам придется выделить Союзу кредиты в три-четыре миллиарда долларов сроком на 20 лет из расчета двух процентов годовых. Косыгин сразу нацелился на американский рынок алкоголя, предложил, что Советский Союз сможет поставлять в Соединенные Штаты качественную водку. Брежнев, не упустив случая, легко зацепил премьер-министра: мол, пусть тогда Косыгин и Киссинджер организуют фирму по экспорту водки.

Подчеркнем одно уже серьезное обстоятельство: Брежнев «намекнул» на важность обязательства СССР и США не применять друг против друга ядерного оружия, но Никсон уклонился от ответа.

Тем не менее в «Основах…» содержались немыслимые раньше формулировки: «Различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета,

равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»; «…СССР и США… будут делать все возможное, чтобы избегать военных конфронтации и предотвратить возникновение ядерной войны»; «Необходимыми предпосылками для поддержания и укрепления между СССР и США отношений мира являются признание равенства и отказ от применения силы или угрозы ее применения». (Идея «равной безопасности» принадлежала Громыко.)

В Москве считали «Основы…» (как и Московский договор с ФРГ) «ядром хартии мирного сосуществования», который через три года развернулся в Заключительный акт общеевропейского совещания в Хельсинки.

Затем президент побывал в Ленинграде и Киеве, и эта страница дипломатической истории была перевернута.

Вот как счел нужным отразить московскую никсониану один из ее свидетелей: «Немыслимо даже в крайне спрессованном виде передать тот поток мыслей, который возник в мировой печати в связи с этим. Я процитирую здесь заключительный абзац из выступления Никсона в конгрессе через час после его возвращения в США. “Америке представилась беспрецедентная возможность. Еще никогда не было такого времени, когда надежда была бы более оправданной, а наша самоуспокоенность более опасной. Мы положили хорошее начало.

И поскольку мы сделали первый шаг, история ныне возлагает на нас особую ответственность за доведение этого дела до конца. Мы можем использовать этот момент или упустить его, мы можем воспользоваться этой возможностью для возведения нового здания мира на земле или дать ей ускользнуть. Поэтому давайте вместе воспользуемся этим моментом, чтобы наши дети и дети повсюду на земле освободились от страха и ненависти, которые были уделом человечества на протяжении многих столетий. Тогда историки будущего, оглядываясь на 1972 год, не напишут, что это был год, когда Америка поднялась на вершину переговоров на высшем уровне, а затем вновь спустилась в долину. Они напишут, что это был год, когда Америка помогла вывести человечество из низины постоянной войны на возвышенность прочного мира”.

У нас это, разумеется, не было опубликовано. Думаю, что суть наших оценок произошедшего сводится в конечном счете к этому же. Только мы выражаемся на идеологическом языке.

Однако этот язык не случаен. Во-первых, потому, что представление о себе как об идеологической державе (части МКД, то есть международного коммунистического движения) пока еще остается элементом нашей реальной силы (мифология тоже ведь была силой в свое время). Во-вторых, потому, что от идеологии

кормится у нас огромная, многомиллионная армия людей, очень влиятельной части нашего общественного и партийного механизма, которую со счетов не скинешь. Также, как в свое время — церковь. В-третьих, за годы и десятилетия управляемой пропаганды мы в состоянии представить себе и другим то или иное политическое явление только в привычных идеологических терминах»[{335}].

А как же «олово и вольфрам Вьетнама», о которых говорил еще Эйзенхауэр, приоритеты геополитики, противостояние коммунистическому миру? Работник партийного аппарата Черняев об этом не пишет, словно этих обстоятельств не существует.

Нет, тут что-то не так. Никсон занимался чистейшей пропагандой, озабоченный предстоящими президентскими выборами и проблемой Вьетнама, а Брежнев не мог забыть противоречий в советской экономике.

Оба не хотели войны, и оба вели нескончаемую войну.

В 1972 году в Москве было признано необходимым поддерживать паритет систем противоракетной обороны и ограничение для обеих сторон количества стратегических ракет сухопутного и морского базирования (МБР и БРПЛ). Но соглашения не запрещали обеим сторонам размещать ядерное оружие за пределами собственных государственных границ; не ограничивали для обеих сторон количества стратегической авиации, способной нести ядерное оружие; не ограничивали для обеих сторон количества боеголовок и совершенствования ядерного оружия.

Не так уж и много.

Но последствия соглашений были велики, и за океаном они подняли настоящую бурю. «Что же получается? — задавались вопросом многие американские политики. — Мы признаем, что не можем победить Советский Союз и что бессильны перед его идеологической агрессией?»

Эти вопросы выходили за рамки краткосрочного планирования. Проблема переходила в область долгосрочной стратегии, где американцы были несравненно сильнее.

Вот как описывал это один из хитроумнейших творцов «разрядки»: «Теоретически на протяжении десятилетия понималось, что разрушительное действие ядерного оружия обусловливало взаимный тупик, то есть исключало победу любой ценой, и с этим соглашался любой разумный политический руководитель. Именно осознание этого факта способствовало выработке администрацией Кеннеди доктрины “гарантированного уничтожения”, согласно которой политика

устрашения базировалась на способности каждой из сторон произвести опустошение у другой.

Далекая от того, чтобы разрешить дилемму, эта стратегическая доктрина лишь ее переименовала. Национальная стратегия, полагающаяся на угрозу самоубийства, не могла рано или поздно не зайти в тупик… Пока устрашение было тождественно взаимному разрушению и уничтожению, психологическая неприязнь к ядерной войне была всеобъемлющей. Америка изготовляла оружие, предназначенное лишь для того, чтобы удержать оппонента от применения ядерного оружия, а не для существенного воздействия на исход любого предполагаемого политического кризиса. Как только такого рода понимание сути дела проникло бы в умы, “взаимно гарантированное уничтожение” подорвало бы моральный дух и разрушило бы существующие союзы. Это, а не ОСВ, представляло собой истинную ядерную дилемму.

Таким образом, дебаты по поводу ОСВ — и разрядки, — по существу, отражали неприятие мира, где смертельный идеологический конфликт уравновешивался неизбежной стратегической патовой ситуацией. Истинная схватка по поводу ОСВ имела в своей основе две совершенно различные оценки ядерного пата. Никсон и его советники сделали вывод, что какая бы из сторон ни была в состоянии бросать вызов на грани ядерной войны, ей бы со временем удалось нарастить достаточный для шантажа потенциал и проводить политику ползучего экспансионизма. Вот почему Никсон делал такой упор на сдерживании геополитической угрозы. В отсутствие способности к противодействию — способности разоружить противника при первом ударе — американская стратегическая мощь становится менее и менее пригодной для защиты заморских территорий, включая сюда, в конце концов, даже Европу»{336}.

Итак, Соединенные Штаты сознательно ослабляли свои позиции, чтобы произвести перегруппировку. Именно так: разрядка, перегруппировка, новое наступление.

Конечно, не всем было дано постичь эту загадку.

«Джордж Мини, президент АФТ — КПП, выразил те же мысли, но на непрофессиональном языке, выступая перед сенатским комитетом по иностранным делам: “Вот как Советский Союз представляет себе разрядку: детант базируется на слабости Соединенных Штатов. Разрядка означает интенсификацию идеологической войны, а также — подрыв НАТО и абсолютное советское военное преобладание над Западом. Разрядка — не что иное, как признание Западом права собственности Советского Союза на Восточную Европу Разрядка означает, наконец, вывод

американских сил из Европы”…

Я подготовил анализ, делающий упор на разрядку, в марте 1976 года, во времена администрации Форда, которая на деле следовала той же политике, что и администрация Никсона, и приобрела себе тех же противников: “Советская сила в своих составляющих неравноценна; слабости и несбывшиеся надежды советской системы вопиющи и уже четко задокументированы. Несмотря на неизбежный рост могущества, Советский Союз остается далеко позади нас и наших союзников по любой оценке обобщенного характера применительно к его могуществу в военном, экономическом и технологическом отношении; со стороны Советского Союза было бы до предела безответственно бросать вызов промышленно развитым демократическим странам. А советское общество более не изолировано от влияния и привлекательного воздействия внешнего мира и не ограждено намертво от необходимых для него внешних контактов”»{337}*.

Значит, безответственно было бросать вызов? Но что же тогда оставалось бедному Советскому Союзу, опускать руки и спокойно идти на дно? И вообще насколько безошибочным было стратегическое планирование Киссинджера?

Вот его видение будущего: «Администрация Никсона стремилась подготовить Америку к роли, новой для ее истории, но старой, как мир, для всех остальных государств: предотвратить накопление противником, казалось бы, ничтожных геополитических приобретений, которые со временем были бы способны опрокинуть равновесие сил»{338}.

А чем мог ответить противник? И мог ли?

После переговоров с Никсоном Громыко высказался сдержанно: «Было бы грубой ошибкой, если бы мы из майской встречи в Москве сделали вывод, что у нас с США все пойдет гладко — мы бы только разочаровались. Надо смотреть трезво»{339}.

Глава 34.
«ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ ТОЧНО ТАК ЖЕ ВЛИЯЮТ НА КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА, КАК НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ»

Киссинджер усиливает давление

Тем временем произошло еще два важных события, имевших большое значение. Летом 1972 года стояла страшная жара, в Подмосковье горели торфяники, во многих регионах погиб урожай зерновых, СССР закупил в США кормовое зерно на 750 миллионов долларов (для поддержания мясного животноводства).

А по решению президента Садата из Египта были выведены все советские военные советники и специалисты (17 тысяч человек), что, как отметил Киссинджер, было первым успехом никсоновской стратегии. Советские позиции на Ближнем Востоке были поколеблены.

Вскоре Киссинджер усилил давление на советские позиции в странах третьего мира. Он выдвинул идеологическое обоснование («концепцию взаимозависимости»), объясняющее руководителям этих стран, почему им надо ориентироваться на США. Согласно ей, все страны мира взаимозависимы в рамках мировой экономической системы, поэтому любые односторонние действия одной страны или группы стран вызывают изменения в положении других стран и могут подрывать систему в целом, а чтобы этого не происходило, надо учитывать интересы всех других государств, содействовать «скорее глобальным, чем узким интересам». На VII специальной сессии ООН в 1975 году в поддержку этой концепции выступили все западные страны, включая Японию. Запад убеждал развивающиеся страны в том, что, добиваясь восстановления своих прав на собственные ресурсы и защищаясь от экономической экспансии, они утратят право получать экономическую помощь и, нанося ущерб развитым странам, бьют по своим же интересам и подталкивают мир к экономической катастрофе.

Это был явный удар по политике Советского Союза, и Громыко это сразу понял. Его реакция была быстрой. В ноябре 1975 года Управление планирования внешнеэкономической политики МИД, создателем и первым руководителем которого был А.А. Солдатов, подготовило предложения по противодействию концепции, очень быстро было принято постановление ЦК КПСС по этой проблеме.

Но что дальше сделал МИД? Направил соответствующие рекомендации советским посольствам, как следует вести разъяснительную работу. О том, чтобы бросить на чаши весов дополнительные кредиты, речи не шло.

«Какие политические и иные ходы сделать? — задавался

вопросом Громыко и сам отвечал: — Ложное направление рассуждений — дать побольше кредитов. Главное — наши политические возможности».

То есть возможности СССР базировались в значительной мере на его военной мощи, праве вето в Совете Безопасности ООН и авторитете защитника «всех униженных и оскорбленных».

* * *

Хотя между 1972 годом, когда были подписаны договоры по ПРО и ОСВ-1, и 1975 годом произошло немало важных событий, мы, заглянув вперед, подчеркиваем направление деятельности главных оппонентов нашего героя.

Вот пример того, на каких непримиримых расчетах и внешне добродушных приемах велись тогда дипломатические маневры.

«В 1973 году во время визита в США Брежнев и Громыко возобновили усилия заключить договор о взаимном неприменении друг против друга ядерного оружия. Они считали, что это позволит обеспечить прочный мир, но Никсон и Киссинджер увидели в их предложении попытку вернуться к доядерному времени, когда Советский Союз в военном отношении мог доминировать в Европе, а также оказывать мощное влияние на Китай и Японию. В ответ Киссинджер выдвинул похожую, но совершенно пустую формулу, суть которой заключалась в том, что стороны соглашались, “что они будут действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способных вызвать опасное обострение их отношений, избежать военных конфронтации и чтобы исключить возникновение ядерной войны между ними и между каждой из сторон и другими странами”.

Брежнев и Громыко остались недовольными, но были вынуждены согласиться.

Однако внешне встречи Брежнева с Никсоном были очень дружественны. К тому же Леонид Ильич, ценивший женскую красоту, когда гостил в резиденции президента в Кемп-Дэвиде, мог отвлечься в компании молодой стюардессы из команды собственного самолета. У Громыко такой возможности не было»{340}.

* * *

Все ли могут Соединенные Штаты? Все ли может Советский

Союз? На эти вопросы отвечали главные дипломатические руководители этих стран. И отвечали по-разному.

Громыко: «Продвижение в советско-американских отношениях, и прежде всего по кардинальным вопросам международной безопасности, позволило с надеждой взглянуть в будущее. Приоткрылись горизонты для сотрудничества государств с различным общественным строем. Появилась известная надежда, что гонка вооружений пойдет на спад.

Однако состояние отношений между СССР и США осложнялось агрессивными действиями Вашингтона в некоторых районах мира, в первую очередь в Индокитае. Вместе с тем успехи освободительного движения индокитайских народов представляли собой убедительный аргумент в пользу того, чтобы американские руководящие круги проявили наконец здравый смысл и избавились от заблуждений прошлого, в частности от иллюзий, будто “США все могут”. Реалистически мыслящие деятели и в Соединенных Штатах начали осознавать, что это — исторический нонсенс и его давно пора отбросить.

Любой историк, в том числе и американский, при подведении баланса плюсов и минусов в политике администрации Никсона не может не учитывать того, что этот президент, по крайней мере к концу своего пребывания у власти, все же стал склоняться к пониманию бесперспективности агрессии США против вьетнамского народа и нашел в себе достаточно здравого смысла, чтобы предпринять определенные шаги к прекращению этой авантюры.

Не нам при оценке прошлого помогать Никсону набирать очки в свою пользу. Но такова объективная сторона дела. В январе 1973 года США подписали Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, в котором предусматривался вывод американских войск из Южного Вьетнама. И вскоре эти потерпевшие поражение войска получили приказ эвакуироваться. Завершение их вывода произошло уже при следующем президенте — Джеральде Форде.

Разумеется, решающее значение для победы над агрессором имела героическая борьба народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии за свою свободу и независимость. Эта борьба опиралась на братскую моральную и материальную поддержку Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Говоря об администрации Никсона, следует, однако, сказать и о том, что она и круги, служившие ей опорой, немало сделали для удушения в ряде стран законных режимов.

Ярким примером этого служит Чили, где в отношении народной власти Альенде применялись заговоры, террор, подкуп.

Скрытно и явно пускалось в ход все, чтобы добиться падения этого правительства. Так осуществлялось грубое вмешательство Вашингтона во внутренние дела Чили.

В активный союз с администрацией Никсона в действиях против режима Альенде вступила крупная монополия “Анаконда”, уже давно сдавившая цепями экономику Чили, и прежде всего ее главную отрасль, связанную с добычей медной руды и производством меди. Свое змеиное имя эта американская монополия, как никогда, оправдала участием в той сети преступных акций, к которым прибегал Вашингтон, чтобы привести к власти в Чили кровавую фашистскую клику. И ответственность за все это ложится на Никсона и его администрацию»{341}.

Киссинджер: «Эти события наводят на довольно ироничные размышления о природе уроков истории. Соединенные Штаты вошли во Вьетнам с целью поставить преграду тому, что они сочли руководимым из единого центра коммунистическим заговором, и потерпели поражение. Из этого поражения Америки Москва сделала вывод, которого опасались сторонники “теории домино”: что историческое соотношение сил сложилось в ее пользу В результате она попыталась осуществить экспансию в Йемен, Анголу, Эфиопию и, наконец, в Афганистан. Но по ходу дела она обнаружила, что политические реальности точно так же влияют на коммунистические общества, как на капиталистические. Наделе же, будучи менее эластичным, советское общество испытало перенапряжение, породившее не катарсис, как в Америке, но распад»{342}.

Громыко и Киссинджер говорят об одном и том же, но не слышат друг друга.

Одним из нюансов советско-американских контактов был эпизод во время подготовительной встречи в Женеве перед подписанием Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Уже все вопросы были согласованы, только один оставался, как заноза, никак не решаемым: премьер-министр Мальты Доминик Минтофф упорно требовал распространить действие документа на район Средиземноморья, где у нее возникли споры с Ливией по поводу шельфовых месторождений нефти. Но южное побережье Средиземного моря не относится к Европе. Стали разыскивать упрямца и не могли найти. Оказывается, он купался в море, телефонной связи нет. Что делать? Громыко смотрит на Киссинджера, Киссинджер — на Громыко. Великие державы бессильны перед крошечной Мальтой.

«И вдруг в тягостной тишине раздается басовитый с легким немецким акцентом голос Киссинджера:

— Может быть, организовать убийство?

Взрыв хохота»[{343}] *.

В конце концов проблема была решена мирным путем, но в данном случае обратим внимание на подсознательную реакцию Государственного секретаря.

Глава 35.
СТАЛЬНАЯ РУКА ДОТЯНУЛАСЬ ДО ЧУВСТВИТЕЛЬНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ АРТЕРИЙ ЗАПАДА

«Третья корзина» Хельсинкского соглашения, необъявленные войны Советского Союза в 70—80-е годы

После 1945 года Советский Союз участвовал во многих военных конфликтах — это гражданская война в Китае, корейская война, Карибский кризис, война во Вьетнаме, арабо-израильские войны, сомалийско-эфиопская война, венгерский кризис, чехословацкий кризис, бои на советско-китайской границе, война в Афганистане, гражданская война в Анголе. Это были разные по степени участия в боевых действиях акции. В большинстве случаев в регионы боевых действий посылались военные советники и поставлялось оружие. В Венгрии войска Прикарпатского военного округа подавляли восстание, в Чехословакии советские дивизии вместе с подразделениями стран Варшавского договора не имели боевых столкновений. В Анголе воевала советская бригада совместно с кубинскими частями.

Во всех случаях участие СССР в войнах и конфликтах напоминало войну в Корее, *где* главными противоборствующими сторонами были СССР и США и где они избегали вступать в прямое столкновение, делегируя это право своим союзникам. Лишь иногда случались исключения, как, например, во время кубинского кризиса, когда советской ракетой был сбит американский самолет-разведчик. Во Вьетнам советское руководство поставило ракетно-зенитные комплексы противовоздушной обороны, которые обслуживались советскими офицерами, но не стало поставлять ракеты «земля — земля», которыми можно было обстреливать американские военные корабли.

Впрочем, противники занимались тем же. Как отмечал генерал-лейтенант Виктор Стародубов, по данным института Брукингса (США), опубликованным газетой «Нью-Йорк тайме» 12 декабря 1978 года, за период с 1946 по 1975 год Соединенные Штаты 215 раз прямо или косвенно использовали военную силу и угрожали другим государствам своим вмешательством, в том числе с угрозой применения ядерного оружия.

Зачастую сильное влияние на решение Москвы оказывали ее союзники: наиболее рьяно доказывали колеблющемуся Брежневу о необходимости вводить войска в Чехословакию руководители ГДР и Польши Вальтер Ульбрихт и Владислав Гомулка. Фидель Кастро во время кубинского кризиса выступал за начало войны с США, вьетнамцы — за обострение отношений СССР и США в

интересах ДРВ. Однако Брежнев не стремился к большему обострению. После того как северовьетнамские войска в апреле 1975 года заняли Сайгон, весь Вьетнам стал социалистическим. Резко усилилось его влияние в Лаосе и Камбодже. Китайское руководство, считавшее Вьетнам своим клиентом и должником, не смогло подчинить его своим интересам и даже совершило на него военное нападение. Оно было отражено. Москва приобрела, не понеся больших затрат, значительные возможности в Индокитае. Советский ВМФ получил базы в Комрани и Донанге, что в стратегическом плане значительно усиливало позиции СССР в Тихоокеанском регионе и позволило контролировать стратегические пути из Тихого океана в Индийский, в том числе в Персидский залив.

Установились тесные отношения с руководством Индии, причем из резервного фонда Совета министров СССР Индире Ганди выделялась помощь{344}.

В это время военный потенциал Советского Союза достиг небывалого уровня, позволяя противостоять одновременно армиям США, НАТО и Китая. Советские атомные подлодки дежурили у берегов Америки и патрулировали маршруты американских танкеров с нефтью.

На этом победном фоне было осуществлено военное вмешательство в Анголе, где шла гражданская война между националистической и просоциалистической группировками. Призом в этой войне были порты на атлантическом побережье и возможность разрабатывать месторождение алмазов, но еще более важным было расширение влияния в Атлантике. В 1975—1991 годах в Анголе побывало свыше десяти тысяч военнослужащих.

Кроме того, военное присутствие СССР в Анголе, Сомали, Эфиопии, Мозамбике, Южном Йемене оказывало сильное влияние на очень чувствительный для Запада регион, в особенности на районы нефтедобычи. Можно сказать, стальная рука дотянулась до чувствительных энергетических артерий Запада.

В тот период экономика Советского Союза развивалась успешно, по темпам роста в 2,3 раза опережая американскую; если в 1950 году продукция промышленности СССР составляла 30 процентов от американской, то в 1982 году — уже свыше 80 процентов{345}.

Обстановку в мире можно было охарактеризовать универсальной формулой: необъявленные войны и мирные переговоры. Моральное и военное поражение во Вьетнаме тяжелым грузом легло на американский политический класс и, наоборот, зарядило советскую верхушку чрезмерным

оптимизмом.

В апреле 1975 года в связи с выводом американских войск из Вьетнама президент Форд был вынужден обратиться к Брежневу, чтобы советское руководство оказало воздействие на Ханой — в целях предоставления возможности беспрепятственно осуществить вывод американского персонала из Сайгона. При помощи Москвы это было осуществлено.

В декабре 1975 года Андропов обратился к руководству ДРВ с просьбой выделить десять тысяч трофейных американских автоматических винтовок с патронами для дальнейшей помощи «зарубежным компартиям и представителям национально-освободительных движений в обеспечении их оружием производства капиталистических стран». Винтовки были получены и переданы «борцам с империализмом».

В этих обстоятельствах особое значение приобретало совещание в Хельсинки.

Торжество советской дипломатии и «третья корзина»

1 августа 1975 года в Хельсинки 53 государства, включая СССР, США, страны НАТО и Варшавского договора, подписали Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе. Фактически это был «мирный договор» (еще можно сказать, соглашение о вооруженном нейтралитете) между противоборствующими лагерями. Это событие, как принято считать, было вершиной в разрядке международной напряженности. И одновременно миной замедленного действия для СССР.

Мина называлась «третья корзина», то есть раздел, посвященный правам человека. Первые «корзины» — политическая и экономическая — не вызывали особых вопросов. А по поводу этой Громыко очень сильно сомневался и возражал.

«Спорили до тех пор, пока Киссинджер, с присущим ему прагматизмом (на грани цинизма), не заявил:

— Господин Громыко, что мы с вами спорим о каких-то тонкостях и нюансах! Ведь всем и так ясно, что Советский Союз никогда не поступится своими интересами, что бы в этот документ ни записали»{346}.

Вообще Киссинджер умел угадать настроение оппонентов. Корниенко отмечал: «Хитроумный Киссинджер, быстро распознав психологию наших лидеров, нередко пытался “пудрить им мозги” — говорил то, что им хотелось бы услышать, но что на деле ни к чему не обязывало американскую сторону (потом в своих мемуарах он будет похваляться этим)».

Запад наконец-то признал сложившиеся в Европе границы и политическую реальность, но взамен добился, что в акт были включены статьи о защите прав человека, свободе информации и передвижения. Возможность проверки выполнения этих статей (и апелляция к Западу) дала в руки советских диссидентов мощное легальное оружие: образовавшиеся группы правозащитников непрерывно требовали исполнения Хельсинкских соглашений. Если власти видели в них «пятую колонну» и «агентов ЦРУ», то для Запада их деятельность давала надежду на мирные перемены внутри СССР.

Вопрос «третьей корзины» решался на заседании Политбюро.

Как вспоминал Добрынин, многие члены Политбюро считали неприемлемым принятие международных обязательств по вопросам, которые до сих пор Москвой рассматривались как

чисто внутренние. «В конце концов, на заключительном заседании в Политбюро восторжествовала “компромиссная” точка зрения Громыко. Его аргументация сводилась к следующему. Главным вопросом для СССР является признание послевоенных границ и сложившейся политической карты Европы. Такое признание было бы большой политической и пропагандистской победой СССР. Кроме того, открывались пути для разнообразного сотрудничества и переговоров по разным вопросам с западными участниками совещания в Хельсинки. Что касается гуманитарных вопросов, то урегулирование степени их выполнения по конкретным делам, говорил Громыко, все равно оставалось бы в руках Советского правительства. “Мы хозяева в собственном доме”. Короче, заранее негласно признавалась возможность игнорирования отдельных гуманитарных обязательств»{347}.

Между тем не все было так просто.

«Размягчение общества особенно обозначилось после 1975 года, когда подписали Хельсинкский документ, и там была “третья корзина” — “права человека”. Бывший директор ЦРУ Гейтс сказал, что начало разрушения СССР надо отсчитывать именно с 1975 года»{348}.

И что же Громыко? Выходит, он совершил роковую ошибку?

Думается, Громыко был прав, обеспечивая прежде всего территориальное и политическое равновесие государства и откладывая «права человека» в дальний угол, оставляя их партийным идеологам.

Заключив «европейский мир», советская дипломатия надеялась, что отныне западноевропейские государства, получив гарантии безопасности, смогут вести более независимую от Вашингтона политику.

Показательно, что в США развернулась острая критика президента Форда за то, что он подписал Хельсинкские соглашения, санкционировав тем самым «Ялтинский раздел Европы» и советское господство в Восточной Европе.

Мао Цзэдун тоже резко критиковал участие США в данном соглашении, оценивал его как большую уступку Советскому Союзу на европейском направлении. Также он был против намечавшегося визита Форда в СССР.

Выходит, ни одна из сторон в долгосрочной перспективе не видела возможности дестабилизации СССР.

Оценка председателя КГБ Крючкова относится не к Громыко, не к Киссинджеру, а к более поздним деятелям, прежде всего — Горбачеву, который нарушил главное правило дипломатии: межгосударственные компромиссы достижимы, когда у сторон имеются более сильные аргументы, чем благодушные обещания и

простодушная доверчивость.

Насколько опасны были антисоветские настроения внутри СССР? Согласно записке Андропова в Политбюро в декабре 1975 года, за прошедшие десять лет за антисоветскую деятельность было арестовано около 1500 человек, но было 68 тысяч «профилактированных», то есть тех, кого вызывали в КГБ и предупреждали «о недопустимости» их деятельности. Также было раскрыто свыше 1800 антисоветских групп и организаций. По мнению Андропова, в Советском Союзе были сотни тысяч людей, которые либо действовали, либо были готовы действовать против советской власти. Соответственно, «третья корзина» приоткрывала им путь к легальной протестной деятельности, что в политической системе Советского Союза не предусматривалось.

У будущего много вариантов

Как дипломаты планируют свои переговоры? Это вопрос вопросов. И ответить на него проще всего, показав один из таких планов.

С начала Второй мировой войны Совет по внешнеэкономическим сношениям (СВС) и Государственный департамент США разрабатывали тему «Изучение интересов Америки в военное и мирное время». 22 августа 1941 года СВС провел заседание: «Вопросы американской политики, касающейся нацистско-большевистской войны», направления анализа были следующие:

«Если большевистский режим сохранится:

А) Станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера.

Б) Должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией и Россией путем создания независимых от них обеих буферных государств.

В) В случае нападения Японии на Приморье, должны ли тогда США вмешаться путем интервенции на Дальнем Востоке.

Если большевистский режим падет:

А) Должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России.

Б) Должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение народов для создания буферной зоны между Германией и Россией.

Если после большевистского режима будет установлен режим сотрудничества с Германией:

А) Должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транссибирской железной дорогой.

Б) Должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония)»{349}.

Поразительно, какой большой разброс вариантов! И как изумительно рационально, без всякого морализаторства поставлены вопросы, словно сформулировал их Николо Макиавелли.

Финальное фронтовое сражение Брежнева

После отставки Никсона новый президент Форд сразу заявил Киссинджеру, что будет продолжать готовить соглашение с Советским Союзом по ограничению стратегических вооружений.

Здесь вклинились другие проблемы, в том числе вопрос о свободе выезда евреев из СССР и увязка его с вопросом о предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле и кредитах. Советское руководство не собиралось вести разговор о квотах на эмиграцию, считая это своим внутренним делом, но американская сторона, учитывая сильную проеврейскую оппозицию в конгрессе, считала иначе. В конце концов это противоречие приведет к принятию конгрессом «поправки Джексона—Вэника», блокирующей предоставление режима наибольшего благоприятствования.

Форд говорил, что «ценит устоявшуюся прочную концепцию Киссинджера о первостепенном значении для США отношений с Советским Союзом». О том, что тот всегда руководствовался стремлением, как отмечал Добрынин, «изолировать или исключить — по возможности без лишнего шума — Советский Союз из процесса ближневосточного урегулирования», президент, понятно, предпочитал не упоминать.

Впрочем, речь шла о разоружении. Здесь расхождения тоже были серьезные: американцы не соглашались учитывать в общем балансе ядерные средства Англии и Франции и настаивали на включение в новое соглашение ограничений на советские тяжелые межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) наземного базирования, в частности, запрета на оснащение их разделяющимися головками индивидуального наведения (РГЧ ИН).

При этом структура вооружений обеих стран была различной: у нас — ракеты наземного базирования с большим забрасываемым весом боеголовок, у американцев — «триада» (базирование на земле, в море и в воздухе) стратегических ракет с разделяющимися боеголовками повышенной точности, которых у СССР было гораздо меньше.

Встреча Брежнева и Форда состоялась 23—24 ноября 1974 года на окраине морозного и заснеженного Владивостока в специальном поезде генерального секретаря. Леонид Ильич был уже болен, но держался, несмотря на случившийся тогда спазм сосудов головного мозга. Вопреки совету врачей отложить переговоры он настоял на их продолжении. Упускать шанс договориться с американцами он не хотел.

Главным компромиссом встречи во Владивостоке было согласие Брежнева не учитывать американские ядерные средства передового базирования и ядерные средства Англии и Франции. В ответ США сняли требование об ограничениях на советские тяжелые ракеты и на их оснащение РГЧ ИН, что компенсировало советской стороне уступку. То есть в Европе оба блока не сдвинулись с места.

Надо учесть, что с середины 70-х годов в СССР осуществлялось с десяток новейших, очень затратных военно-технических программ. Советник Брежнева Александров-Агентов вспоминал, что советские военные ничего не хотели уступать.

«Л.И. Брежнев рассказывал мне, как он пробивал Владивостокскую договоренность с Дж. Фордом об основах ОСВ-2. Против постоянного урегулирования, не включившего в себя средства передового базирования, выступали советские военные. Американские ракеты и самолеты, расположенные на базах вокруг СССР, выполняли стратегические задачи и обладали признаками (короткое подлетное время, точность, способность поражать цель с высот ниже радарной видимости) оружия первого удара. Советскому Союзу, аргументировали военные специалисты, навязывается договор, который закрепит превосходство США.

При рассмотрении этого вопроса на заседании Политбюро министр обороны А.А. Гречко прилюдно обвинил генерального секретаря, который выступил в пользу ОСВ-2, бравшего проблему военных баз в скобки, в предательстве интересов страны. Если подобный договор будет заключен, то военные снимают с себя ответственность за безопасность СССР, заявил министр…

В ноябре 1974 года Политбюро не дало генсекретарю полномочий на договоренность с Дж. Фордом. Встречаться можно, но лишь чтобы переубедить президента США… Как передают очевидцы, Брежнев около часа объяснялся с Москвой (из Владивостока). Частично на простонародном наречии. Сорвал голос. Раскипятился почти до апоплексического удара. Согласие “в принципе” вырвал. Так или иначе. Это было его финальное фронтовое сражение»{350}.

После телефонного разговора с Косыгиным, Устиновым и Андроповым, которые поддержали его, он вышел победителем из спора. На его стороне оказались самые влиятельные члены Политбюро, включая Громыко.

Вернувшись в Вашингтон, Форд заявил, что встреча прошла «очень, очень хорошо».

Она действительно считается успешной и даже наивысшей точкой советско-американского сотрудничества за весь период

президентства Форда. В январе 1975 года сенат США принял резолюцию в ее поддержку, несколько позже ее одобрила и палата представителей.

После встречи во Владивостоке активно пошла работа над подготовкой нового соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений. Его планировалось подписать во время визита Брежнева в США в конце 1975 года. Но визит не состоялся.

Глава 36.
СОВЕТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В АФРИКЕ

Паритет для слабаков!

Не все было гладко в Вашингтоне. Против соглашения выступили представители правого крыла республиканской партии во главе с Рональдом Рейганом. Как отметил Добрынин, раньше американцы знали только о своем ядерном доминировании, а договоренности о паритете вызвали у них большое беспокойство, которое надо было учитывать обеим партиям ввиду приближающихся президентских выборов.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство.

Вот что вспоминал генерал В. Стародубов, главный переговорщик по разоруженческим вопросам от Министерства обороны: «Военно-промышленные круги были настроены против каких-либо серьезных ограничений крылатых ракет большой дальности, которые привлекали не только высокой боевой эффективностью, но и большим объемом заказов…

Противники разрядки обвиняли Форда в мягкотелости по отношению к Советскому Союзу. Форд оправдывался. 1 марта он публично заявил, что «отказывается от слова “разрядка” и заменяет его понятием “с позиции силы”. После этого против договора с СССР по ОСВ стали выступать не только организовавшиеся в “коалицию” и в “комитет” противники разрядки, не входившие в администрацию, но и влиятельные представители самой администрации, в том числе министр обороны Д. Рамсфелд. Завершения разработки договора об ОСВ в 1976 году не получилось. Администрация Форда к этому больше не стремилась…

Зигзаги политики Форда и его окружения не привели республиканцев к успеху на выборах в ноябре 1976 года и в то же время помешали сделать важный шаг к обузданию гонки стратегических вооружений. Форд уступил свое президентское кресло в Белом доме Джимми Картеру — человеку, который Москве до этого был мало известен. Было неясно, как он поведет себя в отношении дальнейших переговоров в области ОСВ»{351}.

В декабре 1975 года конгресс принял «поправку Джексона—Вэника», в соответствии с которой режим наибольшего благоприятствования в торговле и кредитах связывался с требованием об изменении эмиграционной политики СССР. В ответ Брежнев направил Форду возмущенное письмо, отвергая вмешательство. Дальнейшие события происходили на фоне разгоравшейся предвыборной борьбы, в которой правые круги обвиняли Форда в «чрезмерной уступчивости» Москве, а либеральные — в забвении «моральной стороны», «прав

человека». Форд отреагировал на это, отказавшись от термина «разрядка», заявил «о недопустимости односторонней разрядки», дающей Москве преимущество, особенно в третьем мире.

Тем не менее контакты по поводу разоружения не прерывались. Советское правительство демонстрировало готовность к новым договоренностям по разоружению. Осенью 1976 года СССР внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «О заключении Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях». Предлагалось добиваться полного запрещения ядерного оружия, укрепления режима его нераспространения, сокращения обычных вооружений, а также — созвать всемирную конференцию по разоружению или специальную сессию Генеральной Ассамблеи. Вопрос о разоружении ставился и на конференции стран — участниц СБСЕ в Белграде в ноябре 1977-го — марте 1978 года. В 1978 году Советский Союз выступил с инициативой провести переговоры пяти ядерных держав о возможности полного исключения ядерного оружия из их арсеналов.

Ангольский сюжет

В бывшей португальской колонии соперничали три основные политические группировки: МПЛА, пользовавшаяся поддержкой Советского Союза и Кубы; ФНЛА, пользовавшийся поддержкой США и КНР, и УНИТА, пользовавшаяся поддержкой ЮАР На встрече в Алворе (Португалия) в январе 1975 года было подписано соглашение, по которому должно было быть создано коалиционное переходное правительство на период до проведения в стране выборов. МПЛА имела все шансы получить преимущественное влияние в этом правительстве и победить на последующих выборах. Поэтому соглашение было сорвано. Как подтвердилось в ходе расследования конгресса США, по предложению возглавлявшейся Киссинджером межведомственной группы по тайным операциям Совет национальной безопасности США уже через три недели после Алворского соглашения принял решение оказать широкую финансовую и военную помощь ФНЛА. В стране началась гражданская война. В августе 1975 года в Анголу выдвинулись южноафриканские войска, УНИТА начала наступление на столицу страны — Луанду, где сконцентрировались силы МПЛА. Через три недели в Луанде высадились кубинские войска, а затем и советские. Вашингтон отреагировал заявлением, что Москва нарушает «правила разрядки». Киссинджер — Громыко: «…если это будет продолжаться, то прогресс в разрядке может быть отброшен назад». Советско-американские отношения обострились, застопорились переговоры по стратегическим вооружениям. Затем был отложен визит Брежнева в США (он так и не состоялся).

«Вообще же ангольский эпизод в том, что касается Советского Союза, может служить яркой иллюстрацией, во-первых, того, к каким печальным последствиям подчас приводили наличие двух начал — государственного и идеологического — в советской внешней политике и связанная с этим ведомственная неразбериха, а во-вторых, того, насколько ошибочными бывали представления на Западе о “кознях” Москвы. Когда в Анголе вслед за получением ею независимости стала разгораться гражданская война, спровоцированная действиями США, руководством МИДа совместно с Министерством обороны и КГБ была подготовлена и представлена в ЦК КПСС за подписями Громыко, Гречко и Андропова записка с соображениями о линии поведения СССР в создавшейся ситуации. В записке с приведением соответствующей аргументации предлагалось

оказывать МПЛА всяческую политическую и определенную материальную помощь, но ни в коем случае не ввязываться в гражданскую войну в Анголе в военном плане. Политбюро целиком одобрило эти предложения»{352}.

Казалось бы, все решено. Но, несмотря на явное торжество здравого смысла, вдруг «стальная рука» сама по себе начинает сжиматься. Следует разворот в привычном направлении. Вот как развивались события.

«Однако буквально несколько дней спустя Международный отдел ЦК КПСС, получив по своим каналам просьбу руководства МПЛА о поставках оружия, подготовил предложения об удовлетворении этой просьбы. Когда записка в ЦК, содержавшая эти предложения и уже подписанная не только Пономаревым, но и Гречко и Андроповым, поступила на подпись Громыко, все мои попытки отговорить его от ее подписания, поскольку она противоречила недавно принятому решению, не увенчались успехом. Не желая конфликтовать со своими коллегами, Громыко после некоторых колебаний все же поставил свою подпись, сославшись на то, что речь шла о небольших масштабах поставок оружия. Но начало было положено. За этим по мере расширения гражданской войны последовали, конечно, новые просьбы от МПЛА и наши новые поставки. Каждый раз это мотивировалось, разумеется, нашим интернациональным долгом и доводами о том, что США тоже оказывали военную помощь противостоявшим МПЛА группировкам. Последнее было, несомненно, верно, но это еще не означало, что наше собственное все большее вовлечение в гражданскую войну в Анголе — в виде поставок оружия и посылки военных специалистов — отвечало государственным интересам Советского Союза. Резко возросшие поставки в Анголу советского оружия и военной техники после прибытия туда кубинских войск однозначно расценивались в Вашингтоне и в целом на Западе, да и многими у нас в стране, как бесспорное доказательство того, что и сами кубинские войска были направлены туда по наущению Москвы»{353}.

Откуда взялись кубинские десантники? Что за дежавю Карибского кризиса в Африке? Какая тень Хрущева направила их туда?

Первый заместитель Громыко был просто поражен, когда узнал о кубинцах. «Однажды мое внимание привлекла телеграмма советского посла в Гвинее, в которой среди прочего упоминалось, что, по словам его кубинского коллеги, там на следующий день начнут делать технические посадки самолеты с кубинскими войсками, направляющимися в Анголу. Я тут же пошел с этой телеграммой к Громыко, для которого новость тоже

явилась полной неожиданностью. Он при мне позвонил Гречко и Андропову — тем ничего не было известно. Все трое сошлись во мнении, что посылка кубинских войск в Анголу будет опрометчивым шагом как с точки зрения осложнения общей международной обстановки, так и с точки зрения нового обострения ситуации вокруг Кубы, поскольку такой шаг неизбежно вызовет резко отрицательную реакцию со стороны США»{354}.

А что дальше? Дальше заработала бюрократическая машина. Подготовлена записка в ЦК КПСС с предложением обратиться к Фиделю Кастро с рекомендацией воздержаться от посылки войск. Текст телеграммы Кастро рассматривается в Политбюро, потом отправляется в Гавану. Но поздно. Самолеты с десантниками уже над Атлантикой.

На Смоленской площади не знали, что делать.

«То, что Кастро предпринял такой шаг без консультаций с советским руководством, можно было понять — он поступил так потому, что не хотел нарваться на отрицательную реакцию Москвы (впоследствии он сам заявил об этом публично). Но совсем было непонятно, как могло случиться, что при наличии большого числа советских военных представителей и специалистов на Кубе наше Министерство обороны оказалось в неведении о готовившейся операции по переброске кубинских войск в Анголу. Я прямо задал такой вопрос моим коллегам в Генеральном штабе. Их ответ: советским военным представителям на Кубе, как потом выяснилось, было известно о готовившейся операции, а некоторые наши специалисты даже имели техническое касательство к ней, но все они считали само собой разумеющимся, что направление кубинских войск в Анголу было согласовано между Гаваной и Москвой на политическом уровне, и поэтому не стали сообщать о происходящем по своим каналам. Между прочим, когда я однажды рассказал эту историю бывшему министру обороны США Роберту Макнамаре, он отнесся к ней с доверием, заметив со смехом, что такое вполне могло случиться и в его ведомстве. Так или иначе, советское руководство оказалось перед свершившимся фактом — кубинские войска находились в Анголе. И опять сработал рефлекс интернационального долга, тем более что этому предшествовала вооруженная интервенция в Анголу со стороны Южно-Африканской Республики, фактически поддержанная, если не организованная, Соединенными Штатами. В этих условиях Советскому Союзу уклониться от оказания военной помощи МПЛА, в том числе путем снабжения оружием кубинских войск, считалось невозможным»{355}.

Вскоре военно-морские базы Анголы поступили в распоряжение советской оперативной эскадры, аэродромы — в распоряжение стратегической, разведывательной, транспортной и противолодочной авиации. Для создания национальной ангольской армии туда прибыли тысячи советских военных советников. Кроме СССР, оружие в страну поставляли Югославия, ГДР, Алжир. Всего с 1975 по 1991 год там бывало около 11 тысяч советских военнослужащих, не считая тысяч моряков, в том числе и морских пехотинцев, которые находились в заходивших в порты Анголы боевых кораблях{356}.

В общем, Ангола торпедировала «разрядку». Американцы прервали переговоры по подготовке Договора ОСВ-2 на основе Владивостокской договоренности Брежнева — Форда и свернули экономические контакты с Советским Союзом, отказались от отмены «поправки Джексона—Вэника» и совместной разработки ресурсов Сибири. Форд стал определять взаимоотношения с Советским Союзом как «мир, основанный на силе», что в принципе отвечало сути, но выпячивало как раз не «мир», а «силу».

Глава 37.
«БОЛЬШАЯ КРЕМЛЕВСКАЯ ТРОЙКА

Триумвират в Кремле. Тень глобального поражения

Куда двигался СССР, становясь все более мощной державой и уже задыхаясь от своей силы? Вот вопрос, который возникал каждый раз перед Андроповым, Устиновым (секретарь ЦК КПСС по оборонной промышленности) и Громыко. Эти три человека при «позднем Брежневе» постепенно становились очень влиятельной группой в кремлевском руководстве. Их связывало многое — они принадлежали к одному поколению, получили образование в период индустриализации (даже руководили первичными комсомольскими организациями), сделали важнейшие карьерные шаги накануне Второй мировой войны, принимали активное участие в укреплении позиций СССР после войны.

Показательно, что сводки 16-го управления КГБ (перехват и дешифровка сообщений дипломатических представительств зарубежных стран) получали только шесть человек — Брежнев, Андропов, Громыко, Кириленко, Суслов, Устинов{357}.

Устинов был до мозга костей «оборонщик», руководил всей оборонной промышленностью во время Второй мировой войны, был лидером директоров военно-промышленного комплекса, самой авторитетной и влиятельной группы в советской экономике. К концу 80-х годов предприятия ВПК производили до 25 процентов внутреннего валового продукта, на их базе велось 75 процентов всех научных исследований и опытно-конструкторских работ{358}.

Все трое входили в ближний круг Брежнева, который несколько лет сам курировал оборонную промышленность.

Андропов среди них был самым информированным и тонким политиком, поставившим перед собой цель стать преемником Брежнева. Хотя эта цель никогда не была озвучена, все его действия указывают на ее существование. Андропов даже одно время заведовал 4-м европейским отделом в МИД (Югославия, Болгария, Албания, Венгрия, Румыния, Греция), где близко познакомился с Громыко, был послом в Венгрии во время восстания в 1956 году и впоследствии поддерживал «венгерский опыт», заключавшийся в постепенной либерализации экономики в рамках устойчивого политического режима.

Вот как характеризовал Юрия Владимировича Александров-Агентов: «…Он был определенным сторонником мирного сосуществования с Западом, нахождения с ним возможных компромиссов и более четким сторонником гибкости, в том числе

и на переговорах по разоружению, чем, например, Громыко. С другой стороны, Андропов всегда был и оставался убежденным приверженцем классового подхода к международным делам и совершенно чужд методов уговоров и односторонних уступок, применявшихся временами Хрущевым. И уж тем более он был чужд концепциям сближения двух противоположных общественных систем, стирания граней между ними в духе последующей политики Горбачева. Также где речь шла о защите того, что он понимал как коренные интересы социализма и союза социалистических стран, Андропов мог выступать в числе инициаторов и проводников самых жестких и репрессивных мер — от Венгрии до Чехословакии и затем, к сожалению, также Афганистана»[359].

Эти люди не хотели третьей мировой войны, но и не были пацифистами, шарахающимися от упоминания о военных угрозах. Они принимали решение о вводе войск в Афганистан в декабре 1979 года, после чего вообще рухнула так тщательно выстраиваемая политика взаимоприемлемых отношений с Западом.

Можно ли считать, что именно они, герои своего времени, поднявшие страну на невиданную высоту, своими действиями обрушили ее в историческое небытие?

В 1976 году Брежнев перенес второй инфаркт, после которого стал быстро терять рабочую форму. Он попросился в отставку, однако она была отвергнута, так как могла привести к переменам в руководстве. Реальное управление перешло к группе министра обороны Устинова, председателя КГБ Андропова и министра иностранных дел Громыко. Управляемость государства упала. Многочисленные отраслевые министерства, которых поддерживали отраслевые секретари ЦК, отраслевые отделы ЦК и отделы Совета министров, отстаивали свои интересы. Им противостояли в Госплане СССР только двое — председатель Госплана и заведующий Сводным отделом. Кризис управления нарастал вплоть до конца существования СССР. Послехрущевский курс советской верхушки на стабилизацию обернулся «правлением несменяемых старцев».

Ослабление управления и доминирование отраслевых интересов не могли не сказаться и на качестве научно-технического развития. «Нередко вопросы не решались по причине обычной косности и рутины, присущих процессу разработки и передачи в военную сферу новейших технологий. Из-за ведомственной неразберихи и нездоровой конкуренции в 1982 году по существу было сорвано оснащение советской противоракетной обороны вычислительным комплексом

“Эльбрус”. Несмотря на то, что Военно-промышленная комиссия при Президиуме Совета Министров СССР напрямую занималась внедрением в производство передовых технологий, член “девятки” — Минрадиопром — неудовлетворительно взаимодействовал с разработчиками программного обеспечения для “Эльбруса”»{360}.

В этот период авторитет и влиятельность Громыко достигли максимальной величины. Некоторые аналитики даже высказывали предположение, что он стремился занять высший пост в государстве. Однако это было не так. На эту тему однажды Андрей Андреевич разговаривал с сыном и довольно просто объяснил ему свои соображения на этот счет: «Мог ли я стать генеральным секретарем партии? Нет, не мог. За мной не было такой силы, как партаппарат, КГБ или армия»{361}.

Но зато в Министерстве иностранных дел Андрей Андреевич не имел конкурентов: «В МИДе только один хозяин. Это я»{362}.

Он реально оценивал свое положение. Но вот вопрос: а вообще-то были у них хоть какие-то конкуренты?

Андропов, Устинов и Громыко считали, что Брежнев должен оставаться на посту генерального секретаря, несмотря на то, что он дважды просился в отставку Они не желали неизбежных в таком случае кадровых перемен, тем более что неизвестно, кто из возможных претендентов занял бы олимп. В числе неподходящих значились «второй» секретарь ЦК А.П. Кириленко, украинский лидер В.В. Щербицкий, первый секретарь Московского горкома партии В.В. Гришин, заведующий Общим отделом ЦК и секретарь ЦК К.У. Черненко.

Мог ли Советский Союз не погибнуть? Его распад не был предопределен, но путь спасения заключался в изменении стратегии. Даже престарелый Брежнев в узком кругу говорил, что «уже 30—40 лет империализм другой, а мы все ведем свою политику, будто ничего не меняется». Но нельзя сказать, что руководство было полностью невосприимчиво к переменам. Во время чехословацкого кризиса 1968 года, афганского (1979), польского (1980) в Политбюро и Генштабе высказывались мнения о непродуктивности жестких методов управления. Также было понимание, что СССР «взять Польшу на иждивение не может». Колоссальная нагрузка военных расходов уже осознавалась как неприемлемая. Огромная советская экономика (вторая в мире) могла осуществлять любые великие проекты, но вошла в противоречие с потребностями изменившегося общества. То, что оно выросло на основе достижений советского социализма, делало дальнейшее развитие драматическим: ему следовало отвергнуть своего родителя. Великая революция, создав великое

государство, продолжала воздействовать на массы, утверждая державное и даже мессианское мироощущение. С другой стороны, повседневная жизнь с ее постоянными нехватками, лживостью пропаганды, ненужными ограничениями и жертвами била по этому миропониманию и требовала нового. Старая, сложившаяся при Сталине, система экономических связей, созданная в период индустриализации, изжила себя. Но, как и в 30-е годы, по-прежнему царили валовые показатели, оплата труда зависела от выполнения объемов добытого угля или сваренного металла, а интеллектуальная и научная деятельность не входили в систему оценок трудовой деятельности человека. Ученых могли щедро наградить, могли силой принудить к активной работе, но не случайно Сталин лично занимался в «ручном режиме» вопросами научно-технического развития страны; внятного метода стимулирования интеллектуальной элиты не существовало. В конце концов, требования научно-технического развития поставили перед руководством вопрос о пересмотре старых показателей эффективности. Как заинтересовать образованных, творчески активных людей, чей труд в целом оценивался низко, работать с полной отдачей?

В течение многих лет в Советском Союзе росли формы общественного потребления — бесплатное жилье, здравоохранение, образование, дешевая электроэнергетика и т. д. К 80-м годам их объем в потребительской корзине превысил 50 процентов. Наступил предел разумности такого потребления: больше половины произведенного национального дохода распределялось бесплатно. Это означало, что заработная плата перестала быть основным мерилом жизненного уровня. Люди утрачивали стимул хорошо работать. Такая практика в первую очередь била по наиболее способным и активным. Поэтому уже в последующие годы брежневского периода в Госплане созрело понимание, что от уравнительной системы оплаты труда необходимо переходить к дифференцированной, а также в дополнение к государственному сектору создать частный. Предлагалось разрешить создание частных предприятий прежде всего «в сфере услуг и торговли, легкой промышленности, в передовых ресурсосберегающих отраслях, тесно связанных с научно-техническим прогрессом. Здесь новый сектор путем конкуренции быстро вытеснил бы нерентабельные госпредприятия»{363}.

Первый шаг в этом направлении был сделан в июле 1982 года, когда Брежнев подписал постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о введении новых цен на хлеб. С 15 января 1983 года вдвое повышалась цена на хлеб и вдвое же увеличивались

все зарплаты в стране. Из этого следовало, что население ничего не теряло, но более высокооплачиваемые фактически получали бы значительную прибавку. К тому же дотационное зерновое производство становилось рентабельным и должно было вытянуть и мясо-молочную отрасль. Активно отстаивал это постановление М.С. Горбачев, бывший тогда секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

Но этот план безболезненного постепенного реформирования экономики не был принят, его отверг сам Горбачев.

10 ноября 1982 года умер Брежнев. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран 68-летний Андропов, который победил в конкуренции с 71-летним К.У. Черненко, ближайшим и доверенным сотрудником Брежнева. Горбачев, демонстрируя Андропову свою лояльность, посоветовал отложить повышение «хлебных» цен, чтобы не связывать начало деятельности со столь радикальной реформой. «Он, конечно, не мог думать в 1982 году, что собственными руками подрубает будущую перестройку»{364}.

Интеллигенция раскололась

Особенно остро общественные противоречия отражались в среде интеллигенции и выплескивались в художественной литературе. Именно она несла функцию осмысления и критику недостатков, что часто наталкивалось на цензурные препятствия. По сути, вся литература в той или иной степени была инакомыслящей. Особенно это проявилось в так называемой «деревенской прозе» (Василий Белов, Валентин Распутин, Борис Можаев, Владимир Крупин, а также Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Сергей Залыгин). Она заявила о катастрофическом положении русского деревенского населения, которое понесло невосполнимые потери во время коллективизации, войны и последующих преобразований. Литература взывала к власти: созданный экономический и бюрократический порядок губителен, потенциал народа находится на пределе. И хотя они не обращались к Западу, убедительность критики не становилась меньше. Именно их поддерживал Александр Солженицын. Но всех «деревенщиков» не вышлешь за границу, как выслали его.

Многие понимали, что сдвинулись фундаментальные основы. Литературные критики отмечали, что «исчезло из художественной литературы «строительство коммунизма», «руководящая роль партии» — вообще сфера культуры и идеологии словно раскололась.

Интеллигенция была разделена на «почвенников» (славянофилов) и «западников», которые, отличаясь по взглядам, тем не менее, все были критически настроены к режиму. В политическом руководстве тоже выражались эти настроения, причем к «западникам» там относились гораздо теплее, часто привлекая их для контактов с западной интеллигенцией. «Почвенники» же во внешнеполитических делах были практически бесполезны.

Думается, не случайно КГБ и лично Андропов очень настороженно относились к последним, называя их «русистами» и считая, что их критика государственных порядков несет в себе опасность консолидации русского населения и ослабления многонационального Советского государства, в котором Российская Федерация выступала экономическим донором для союзных республик.

Раскол среди интеллигенции подрывал сакральные устои Советского Союза. Каждая из сторон считала себя хранителем государственной «чаши Грааля», а на самом деле начатая еще при Петре I модернизация теперь, уже в коммунистической оболочке,

снова напоролась на сопротивление. Стихотворение поэта Станислава Куняева (родился в 1932 году) «Размышления на старом Арбате» дышит отрицанием революционного прошлого и оставляет впечатление идейного краха советского общества:

Ах, Арбат, мой Арбат, ты — моя религия…

(Из популярной песенки)

Где вы, несчастные дети Арбата?
Кто виноват? Или Что виновато?..
Жили на дачах и в особняках —
Только обжили дворянскую мебель:
Время сломалось, и канули в небыль…
Как объяснить? Не умею никак…
  Сын за отца не ответчик, и всё же
  Тот, кто готовит кровавое ложе,
  Некогда должен запачкаться сам…
  Ежели кто на крови поскользнулся
  Или на лесоповале очнулся,
  Пусть принесет благодарность отцам.
Наша возникшая разом элита,
Грозного времени нервная свита,
Как вам в двадцатые годы спалось?
Вы танцевали танго и чарльстоны, —
Чтоб не слыхать беломорские стоны
Там, где трещала крестьянская кость.
  Знать не желают арбатские души,
  Как умирают в Нарыме от стужи
  Русский священник и нищий кулак…
  Старый Арбат переходит в наследство
  Детям…
  На Волге идет людоедство,
  На Соловках расцветает Гулаг.
Дети Арбата свободою дышат
И ни проклятий, ни стонов не слышат,
Любят чекистов и славят Вождя,
Благо, пока что петух их не клюнул,
Благо, из них ни один не подумал,
Что с ними станет лет семь погодя.
  Скоро на полную мощность машина
  Выйдет, и в этом, наверно, причина,
  Что неожиданен будет итог…

Кронос, что делаешь? Это же дети —
Семя твое! Упаси их от смерти!..
Но глух и нем древнегреческий рок.
Попировали маленько — и хватит.
Вам ли не знать, что история катит
Не по коврам, а по хрупким костям.
Славно и весело вы погостили
И растворились в просторах России,
Дачи оставили новым гостям.
Всё начиналось с детей Николая…
Что бормотали они, умирая
В смрадном подвале? Все те же слова,
Что и несчастные дети Арбата…
Что нам считаться! Судьба виновата.
Не за что, а воздается сполна.
Чадо Арбата! Ты злобою дышишь,
Но на грузинское имя не спишешь
Каждую чистку и каждую пядь —
Ведь от Подвала в Ипатьевском Доме
и до барака в Республике Коми,
Как говорится, рукою подать.
Тетка моя Магадан оттрубила,
Видела, как принимала могила
Дочку наркома и внучку Шкуро.
Всё, что виновно, и всё, что невинно,
Всё в мерзлоту опустили взаимно,
Всё перемолото — зло и добро.
Верили: строится прочное дело
Лишь на крови. Но кровища истлела,
И потянулся по воздуху смрад,
И происходит ошибка большая —
Ежели кровь не своя, а чужая…
Так опустел предвоенный Арбат.
Новое время шумит на Арбате,
Всюду художники, как на Монмартре,
Льются напитки, готовится снедь…
Я прохожу по Арбату бесстрастно,
Радуюсь, что беззаботно и праздно
Можно на древние стены смотреть.
Помнишь, Арбат, социальные страсти,
Хмель беззаконья, агонию власти,
Храм, что взорвали детишки твои,
Чтоб для сотрудника и для поэта
Выстроить дом с магазином «Диета»,

Вот уж поистине храм на крови…
Радуюсь, что не возрос на Арбате,
Что обошло мою душу проклятье,
Радуюсь, что моя Родина — Русь —
Вся: от Калуги и аж до Камчатки,
Что не арбатских страстей отпечатки
В сердце, а великорусская грусть!..

В подтексте этого стихотворения содержался явный намек на «профессиональных революционеров», «возникшую разом элиту», чьи прозападно настроенные потомки критически относились к советским порядкам. Морально-политический кризис прорастал все выше и выше.

Когда в 1972 году первый заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлев (будущий член Политбюро при Горбачеве) опубликовал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма» («против национализма и активизировавшегося великорусского шовинизма», как потом объяснил директор Института США и Канады Георгий Арбатов{365}), в которой громил писателей-почвенников с позиций коммунистической идеологии и интернационализма, он выполнял заказ либеральной части политического руководства. Статья вызвала резкую реакцию оппонентов. Михаил Шолохов, автор эпопеи «Тихий Дон» и нобелевский лауреат, написал письмо Брежневу, защищая русскую культуру от нападок «интернационалиста» Яковлева, чем поставил Леонида Ильича в неловкое положение. Яковлева из аппарата ЦК убрали, «сослали» послом в Канаду. Против этого назначения Громыко не возражал, хотя предпочитал бы видеть в Торонто карьерного дипломата.

В целом обстановка в стране в период, когда велась политика «разрядки», далеко не способствовала укреплению позиций СССР в мире. Вот как оценивалась обстановка в среде либерального крыла партийного аппарата: «Идеология все более явно становилась жертвой безвыходного экономического застоя. В качестве квазирелигии внутри она была мертва. Никто не верил в ее догмы, сверху донизу. Официальная идеология (как теория) впервые натолкнулась на внутреннюю оппозицию, которую нельзя было уже задавить по-сталински. Появились Сахаров и диссидентское движение, которое критиковало и осуждало советскую власть, апеллируя к ее собственным законам и программным установкам. Государственный de facto антисемитизм выплеснулся наружу вместе с “еврейским вопросом”, подрывая в корне интернационалистскую целостность

советской идеологии. Евреи, которые были самым активным этническим слоем в революции и становлении советского государства, воспользовавшись укреплением Израиля как международной величины, потребовали свободы выезда. И побежали бывшие большевики, их дети и внуки из своей оскорбившей их и неблагодарной Родины.

Утратила свою роль советская социалистическая идеология и как всемирный (экспансионистский по сути) фактор. Знаменитая формула Энрико Берлингуэра — "импульс Октябрьской революции иссяк" — точно отражала ситуацию. Коммунистические партии, имевшие какую-то социальную базу у себя в стране, начали вырываться из-под патерналистской крыши КПСС на путях "еврокоммунизма". Малые, ничтожные у себя партии, целиком материально зависимые от нас, тоже отторгали советский образец для своих стран. СССР перестал быть символом надежды и вдохновения, источником энтузиазма. Но без СССР и против СССР компартии были обречены. И поневоле сохраняли верность пролетарскому интернационализму…

Положение СССР как одной из двух сверхдержав вошло в явное противоречие с его претензией быть центром мирового социализма. Брежнев, окончательно утвердившись в качестве неоспоримого лидера и не будучи по натуре человеком злобным, агрессивным, сознавал свою ответственность за недопущение ядерной войны. Для него "мирное сосуществование" стало "реаль-политик". Соответственно, он и действовал, предпочтя разрядку на главном фронте "холодной войны" — в Европе и при тушении региональных конфликтов (даже вместе с США) в третьем мире; начал поиск подходов к нормализации с Китаем.

Арабско-израильская война 1973 года нанесла непоправимый удар по ореолу национально-освободительного движения. Впервые и в народе, и в правящих кругах почувствовали, что оно для нас не опора, а представляет нахлебников, которые к тому же могут втянуть нас в большие неприятности при решении главной, жизненной внешней задачи — не допустить мировой войны.

В социалистическом лагере, в нашей внешней империи, неблагополучие ощущалось все заметнее. Вопреки ожиданиям интервенция в Чехословакии не укрепила социалистическую систему, а стала дополнительным источником ее разложения.

Бремя подпитки приличного жизненного уровня в странах-союзниках становилось все тяжелее для советского народа. Привязка экономического развития этих стран к советскому рынку и советская модель промышленного развития вызывали там все большее недовольство. Сервилизм и холуйство в правящем слое государств-сателлитов все больше отрывали там

власть от народа, где зрели антисоветские настроения, мощно подпитываемые западной пропагандой.

Можно сказать, что социалистический лагерь тоже существовал с этого времени скорее по инерции, чем на основе взаимной заинтересованности. Реализму Брежнева противостоял, и все более нагло, напор со стороны его окружения — идеологов и охранителей, олицетворяемых Сусловым и Андроповым. Он отмахивался от них в главном, внешнеполитическом, его деле. Во всем остальном уступал или проявлял безразличие, хотя иногда и “поправлял” (в отношениях с художественной интеллигенцией и с западными коммунистами).

По мере развития болезни и старения в самой личности Генсека стали отчетливее проступать отрицательные черты. Непомерное тщеславие делало его часто смешным, абсолютная власть атрофировала самоконтроль. Снижалась дееспособность, физическое ослабление замыкало в режиме — чтоб “поменьше беспокоили”.

Это было на руку охранителям и идеологам, которые и определяли общественную атмосферу Она становилась все более мрачной, безысходной. “Творческая интеллигенция” либо показывала кукиш в кармане, либо искала пристанище в вечных истинах любви и повседневных забот, либо убаюкивала себя и публику напоминаниями о благородстве и героизме отцов и дедов в далеком и близком прошлом.

В аппаратах власти (не знаю, как в государственном, но в главном его аппарате, в ЦК, в некоторых его отделах, особенно в Международном) образовался круг людей, которые, соблюдая “правила игры” и смыкаясь с наиболее просвещенной и вольнодумной частью ученых в гуманитарных институтах Академии наук, в редакциях газет и журналов, все больше проникались чувством собственной ответственности за страну.

Внутренне, духовно и нравственно (на уровне культуры) они уже отделили себя от начальства. Оно было им чуждо и неприятно даже по-человечески, в обычном общении. Однако и они продолжали жить по инерции. Пытались что-то подправлять, что-то улучшить, что-то навязать с помощью стилистики (будучи спичрайтерами и советниками) в духе “реаль-политик” и здравого смысла. Но не шли “на разрыв”, не зная сами выхода и повязанные привычкой, бытом, интеллигентскими сомнениями во всем и вся.

Но именно в это время в их среде исподволь начало формироваться ядро кадров будущей перестройки»{366}.

Однако если поглядеть на западный мир, то там тоже происходило что-то необычайное. Экономический и

политический кризис 70-х годов с его молодежными революциями, когда казалось, что еще немного и наступит социализм, привел к тамошней «перестройке», которая должна была предотвратить сплочение рабочего класса с интеллигенцией и студенчеством: были сделаны огромные уступки профсоюзам, был стимулирован спрос — повышались зарплаты и социальные пособия, сильно снизилась оплата высшего образования, стала развиваться ипотека и началось массовое строительство жилья. Как отмечал профессор социологии Северо-Западного университета (США, Чикаго) Георгий Дерлугьян, «революция 1968 года была первой не по Карлу Марксу, а по Максу Веберу: у нее не было ясного политического посыла, она была направлена против фигуры начальника, вождя и босса, против бюрократии как таковой — и капиталистической, и социалистической»{367}.

Вслед за этим стала меняться социальная структура западного общества, в профсоюзы, коммунистические и социалистические партии влились массы молодых интеллигентов, революционность как таковая сменилась борьбой за права личности, то есть ушла в частности.

Этот процесс не мог не отразиться и на Советском Союзе, прежде всего на той небольшой, но очень влиятельной части интеллигенции, которая была связана с Западом; затем — через «еврокоммунизм» западных коммунистических партий — и на часть политической верхушки, а дальше, через новые стандарты культуры — и на студенческую молодежь. Можно сказать, эпоха вальса и танго была смещена «ливерпульской четверкой», ставшей символом мировых перемен.

Вспомним Шекспира («Гамлет, принц датский»):

> *Розенкранц.* Кончина короля
> Не просто смерть. Она уносит в бездну
> Всех близстоящих. Это — колесо,
> Торчащее у края горной кручи,
> К которому приделан целый лес
> Зубцов и перемычек. Эти зубья
> Всех раньше, если рухнет колесо,
> На части разлетятся. Вздох владыки
> Во всех в ответ рождает стон великий.

В данном случае «кончина короля» — это конец эпохи модерна, последним героем которого был Сталин{368}.

Понимал ли суть изменений Станислав Куняев или он как поэт просто уловил раскол в глубине советского общества, но факт был неоспорим: гранитная основа треснула. Не случайно

именно тогда в СССР был напечатан ранее непубликуемый роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором главным сюжетообразующим действием было появление в Москве дьявола.

Кстати сказать, Громыко, прекрасно знавшему мировую классику, роман не понравился.

Почему не понравился — легко понять.

Глава 38.
ВАШИНГТОН НА ПЕРЕПУТЬЕ

«Речь идет о вещах слишком серьезных…»

Сменивший Форда президент Джеймс Картер намеревался продолжить переговоры с Москвой, правда, как он заметил, он «не может быть связан предыдущими переговорами».

Киссинджер ушел в отставку. Государственным секретарем стал Сайрус Вэнс, а помощником президента по национальной безопасности, курирующим все спецслужбы, — Збигнев Бжезинский. Первый склонялся к приоритету взаимного сотрудничества с Советским Союзом, второй — к глобальной борьбе.

Одно из первых писем Картера, однако, сразу определило его видение взаимоотношений: отнюдь не в рамках Владивостокских договоренностей.

В частности, он предлагал оставить за рамками Договора ОСВ-2 для последующих переговоров крылатые ракеты большой дальности, «то есть, по сути дела, США хотели развязать себе руки для гонки стратегических вооружений на новом направлении, где, как и в большинстве других случаев, они были в то время впереди СССР»[{369}]. Кроме того, Картер претендовал на публичное обсуждение вопроса о правах человека в СССР, что неизбежно повысило бы уровень враждебности в американских СМИ. К тому же президент направил открытое письмо А.Д. Сахарову, знаменитому советскому физику, открыто критикующему советскую власть с правозащитных позиций.

Брежнев, который считал договоренности с Фордом высшим достижением своей дипломатии, был оскорблен. Выходило, что предыдущие пять лет напряженных переговоров, которые сопровождались горячими спорами в Кремле, прошли впустую. Его ответ носил твердый и даже острый характер: «Мы не хотели бы, чтобы испытывалось наше терпение в ведении любых дел международной политики, в том числе и в вопросах советско-американских отношений. Так вести дела с СССР нельзя… Я не подбирал округлых формулировок, хотя, быть может, они были бы и приятнее. Речь идет о вещах слишком серьезных, чтобы оставлять место для каких-то двусмысленностей и недоговоренности»[{370}].

В тексте письма виден стиль Громыко.

К тому же если вспомнить разногласия в Политбюро накануне Владивостока, то «зигзаги» американцев явно ослабляли брежневскую группу.

Вэнс прилетел в Москву, и Брежнев добавил: если хотите вновь обсуждать уже решенные вопросы, тогда мы тоже вернемся

к вопросам американских ракет передового базирования в Европе и ядерного оружия у Франции и Британии.

Картер, как пишет Добрынин, был «обижен и разгневан». Дальнейшие переговоры шли трудно, словно спотыкаясь на каждом шагу.

Вашингтон периодически предпринимал попытки увязывать проблемы согласования уровней вооружений с действиями Советского Союза в Анголе, Эфиопии, Южном Йемене и т. д. Как вспоминал Вэнс, «некоторые политические советники президента под предлогом необходимости обезопасить его от критики справа рекомендовали, чтобы мы сознательно тормозили переговоры и ужесточали наши позиции…».

Явный намек на Бжезинского.

Тем не менее в конце сентября 1977 года прошли переговоры Громыко с Картером и Вэнсом, во время которых президент уступил аргументации советского министра и снял предложение о сокращении советских тяжелых ракет. Также было решено продлить действие соглашения ОСВ-1, срок которого истекал 3 октября.

Картер не мог обойти молчанием «права человека» и натолкнулся на непреклонность Громыко: это внутренняя проблема СССР. Тогда президент заговорил об арестованном диссиденте Анатолии Щаранском.

«— Кто такой Щаранский? — невозмутимо спросил Громыко. — И почему мы должны обсуждать его на высшем уровне?

Картер даже несколько растерялся.

— Вы не слышали о Щаранском? — изумленно переспросил он.

— Нет, — с прежней невозмутимостью ответил Громыко. Картер не знал, что еще сказать, и прекратил разговор на эту тему.

Я, должен признаться, про себя даже подумал: “Как ловко умеет вести разговор на деликатные темы наш министр!”

Позже, когда мы с ним сели в машину, чтобы уехать из Белого дома в посольство, Громыко наклонился ко мне и тихо спросил: “Кто такой Щаранский?”

Настал мой черед удивляться. Выяснилось, что он действительно толком не знаком “с делом Щаранского”, поскольку дал указание своим помощникам вообще не показывать ему материалы на такие “вздорные темы”»[{371}].

Несмотря на легкую иронию посла, эпизод весьма выразительный: министр был занят государственной политикой, а диссидентами занимались другие ведомства.

В мемуарах Громыко эпизод отражен с древнеримским

спокойствием. Министр попросту закрыл тему, сказав президенту:

«— Не пора ли отказаться от подобных приемов как непродуктивных?

На этом тогда дискуссия о правах осужденного преступника и закончилась»{372}.

Тогда же, в октябре 1977 года, благодаря усилиям Громыко и Вэнса, удалось сделать, казалось бы, невозможное: были выработаны и согласованы принципы совместных и параллельных действий СССР и США, направленных на урегулирование проблем на Ближнем Востоке. В совместном заявлении говорилось, «что в рамках всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы должны быть решены все конкретные вопросы урегулирования, в том числе такие ключевые, как вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 года, палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа, прекращение состояния войны и установление нормальных мирных отношений на основе взаимного признания принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости». Обе стороны выступали гарантами «достижения справедливого политического урегулирования на Ближнем Востоке и ликвидации взрывоопасной ситуации в этом районе мира».

Но этому соглашению не суждена была долгая и счастливая жизнь. Почему? Причина вполне понятна. Отказываясь от прежних позиций, проарабской и произраильской, Москва и Вашингтон ставили и своих клиентов в положение выбора. Неудивительно, что произраильское лобби в США торпедировало это соглашение, с чем Картер был вынужден согласиться. Более того, вскоре президент выступил инициатором и главным участником сепаратных переговоров между Садатом и Бегином, в результате чего позиции Советского Союза в регионе были обрушены. Садат совершил визит в Тель-Авив, признав преимущество Израиля, а затем был вынужден обратиться с просьбой к правительству США организовать его личную охрану.

Кстати, Картер и Бжезинский предлагали советскому правительству восстановить дипломатические отношения с Израилем, чтобы снизить уровень антисоветизма в США, который раздувался произраильскими кругами, считавшими, что чем уровень напряжения выше, тем будет больше американская помощь Израилю. Восстановление дипломатических отношений изменило бы настроения в США.

Однако в Москве Громыко и Суслов не заботились о резервной позиции, считали, что обмен посольствами произойдет только после того, как Израиль уйдет с оккупированных арабских

территорий. Брежнев же не говорил ни да, ни нет.

И в Москве, и в Вашингтоне была в чем-то сходная ситуация: одна группа была настроена на сотрудничество, другая — на соперничество.

Вообще складывалось впечатление, что американская администрация обостряет «холодную войну», а Кремль ей помогает, вмешиваясь в локальные конфликты и угрожая нефтяным коммуникациям между Ближним Востоком, США и Европой (в Анголе, в районе Африканского Рога, где советская и кубинская бригады воевали на стороне промарксистского режима в Эфиопии). 17 марта Картер выступил с речью в университете Уэйк Форест с заявлением о «зловещей склонности СССР» к использованию своей военной мощи для вмешательства в конфликты в третьем мире и, в связи с этим, о «важной переоценке» военной стратегии США. Был окончательно закрыт вопрос о предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования, запрещены поставки в СССР некоторых видов электронного и нефтегазового оборудования. В октябре 1978 года было принято решение об усилении контроля за экспортом в СССР и дружественные ему страны. В результате был создан Координационный комитет НАТО по контролю за торговлей со странами социализма (КОКОМ).

Явное ухудшение советско-американских отношений встревожило многих на Западе, так как предотвращение ядерной войны не могло заслоняться «правами человека». Кампания Картера, по замечанию французского президента Жискара д'Эстена, «подорвала процесс разрядки».

Однако все же переговоры по разоружению не прерывались, несмотря на многие препятствия. Одним из них был розыгрыш «китайской карты», то есть установление дипломатических отношений США и Китая, которое произошло на фоне деклараций китайского лидера Дэн Сяопина об угрозе советского гегемонизма и советских долгосрочных планов окружения и даже войны с Китаем. Затем вьетнамцы, не поставив Москву в известность, ввели войска в Кампучию. Вслед за этим китайские войска вторглись во Вьетнам, где потерпели поражение. Особое раздражение в Москве вызвал Кемп-Дэвидский договор между Египтом и Израилем, который продемонстрировал, помимо всего прочего, уязвимость советской позиции односторонней ставки на арабов, которые зачастую просто манипулировали поддержкой Советского Союза.

Впрочем, трудно представить, какие шаги могла бы здесь предпринять советская дипломатия. Попытаться стать младшим партнером США на Ближнем Востоке? Было ли такое возможно?

Последующая попытка Михаила Горбачева быстро и дружественно войти в американскую систему мироустройства закончилась для Советского Союза плачевно, потому что ему как второй сверхдержаве не было там места.

На исторической развилке Вашингтон и Москва должны были сделать выбор между сотрудничеством и сохранением достаточного оборонного потенциала и соперничеством под видом сотрудничества с последующим решающим ослаблением партнера. Подчеркнем: ослаблением, а не уничтожением.

«Политика разрядки, которую проводил Киссинджер, должна была привести СССР к ослаблению до определенного предела. Хаос в СССР им не был нужен»{373}.

Но если при Никсоне и Форде конструктивность советско-американских отношений была очевидна, то при Картере уже было иное — конкуренция между его ближайшими советниками, Вэнсом и Бжезинским, завершалась торжеством последнего.

Что же это за явление — Збигнев Бжезинский?

Этнический поляк. Его отец, участник советско-польской войны 1920 года, перед войной служил послом в СССР, был принципиальным противником военного сотрудничества СССР и Польши против Германии. Иногда это называется основной причиной антисоветизма Бжезинского, хотя на самом деле это не главное. Также не главное то, что Бжезинский был женат на племяннице чехословацкого президента Э. Бенеша, который был вынужден оставить свой пост в 1948 году. Личные обстоятельства — всего лишь слабый фон деятельности данной личности. Мало ли было антисоветчиков в США, но ведь большинство так и остались невостребованными историей.

Впрочем, во время Пражской весны Бжезинский был в Чехословакии, на что обратил внимание В. Ульбрихт во время совещания руководителей соцстран в Варшаве в июле 1968 года: «В самом центре Праги, перед исключительным кругом партии (КПЧ) Бжезинский выступает, клевещет на Польшу, говорит, что Польша проводит антисоциалистическую политику, клевещет на Советский Союз…»{374}

Чем же выделился этот профессор Гарвардского университета? После волнений в Польше и восстания в Венгрии в 1956 году он пришел к выводу, что Восточная Европа, даже будучи частью социалистического лагеря, сохраняет большой антисоветский потенциал и ее пространство нельзя воспринимать как нечто однородное с Советским Союзом. В известном смысле он стал теоретическим продолжателем идей А. Даллеса о восточноевропейском национал-коммунизме. Идея Бжезинского: поскольку не имеет перспективы военное противостояние с ядерной сверхдержавой, с Советским Союзом, надо бороться путем постепенного обрушения его экономической мощи, идеологических и государственных основ. Если хотите, назовите это новой «Операцией Лиотэ».

При этом он подтолкнул администрацию укреплять отношения с государствами в чувствительных регионах для США, где у них были геополитические или ресурсные интересы, чтобы отрезать СССР от возможности через них влиять на Вашингтон. Выразительный пример такой политики — нормализация отношений между Израилем и Египтом.

Именно Бжезинский перевел в новое качество морально-психологические связи Белого дома и Кремля, когда была

отвергнута практика негласных договоренностей о невмешательстве во внутренние дела друг друга и стала оказываться открытая поддержка советским и восточноевропейским диссидентам.

Что же касается разрядки и разоружения, Бжезинский подходил к этим вопросам совершенно иначе, чем Киссинджер: за внешней оболочкой разрядки следовало не прекращать гонку вооружения, истощая ресурсы Советского Союза и не позволяя ему дальнейшее продвижение в странах третьего мира. Сквозь призму этой стратегии он рассматривал и нормализацию отношений с Китаем, и параллельно с этим — обострение советско-китайских отношений.

Кстати, внешнеэкономические связи СССР с третьим миром были весьма содержательными. «Средняя эффективность импорта из развивающихся стран превысила в 1983 году 250 процентов. Таким образом, на один рубль внутренних затрат бюджет получал 2,5 рубля, а из некоторых стран этот процент был еще выше»{375}.

Советский Союз активно проникал в страны третьего мира, действуя экономическими методами. Пользуясь терминологией Громыко, можно говорить о «внешнеэкономической экспансии рубля».

* * *

Когда в Иране победила исламская революция, Бжезинский в качестве противовеса клерикалам имама Хомейни форсировал начало ирано-иракской войны. Здесь надо вспомнить события августа 1953 года, когда пользовавшийся огромной популярностью премьер-министр Ирана Мохаммед Мосаддык, национализировавший активы английской нефтяной компании «Бритиш петролеум», был свергнут в результате операции «Аякс», проведенной под руководством агента ЦРУ Кермита Рузвельта-младшего (внука Теодора Рузвельта), и во главе страны снова стал шах Мохаммед Реза Пехлеви. На сей раз иранскому режиму противостоял режим Саддама Хусейна, который благодаря поддержке США получил от Саудовской Аравии и Кувейта кредиты на 50 миллиардов долларов. Война длилась долго, с 1980 по 1988 год, и унесла с обеих сторон около миллиона жизней. В ее результате США еще заметнее укрепились в регионе, но и СССР, продававший оружие Ираку, там остался.

Тем не менее не стоит преувеличивать значение идей профессора в мировой политике. Оно было немалым, но не решающим. Главным была сама логика противостояния двух

самых мощных государств мира, он ее понял лучше других.

Еще 17 января 1961 года президент Эйзенхауэр, навсегда покидая Белый дом, высказал в прощальной речи следующее предостережение: «Те, кто работает в правительственных органах, должны уберечь себя от неправомочного влияния, осознанного или нет, со стороны военно-промышленного комплекса. Риск пагубного усиления этой незаконной власти существует сейчас и сохранится в будущем.

Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы давление этого блока угрожало нашим свободам или демократическим процессам. Ничто не должно рассматриваться нами как раз и навсегда достигнутое. Лишь бдительность и сознательность гражданского общества способны ограничить влияние гигантской военно-промышленной машины на наши мирные цели и методы. Только в условиях такого равновесия могут процветать безопасность и свобода»{376}.

В этом споре президента и профессора последний оказался дальновиднее и прагматичнее.

* * *

В Советском Союзе происходило то же самое, причем самым мощным «ястребом» был руководитель советского военно-промышленного комплекса, несгибаемый, аскетичный Устинов, один из триумвирата. Дмитрий Федорович безжалостно пресекал попытки сократить финансирование армии и оборонной промышленности, устранял с политической арены своих оппонентов. Так, был переведен на работу в Госплан секретарь ЦК КПСС по оборонной промышленности Яков Рябов, принадлежавший к влиятельной свердловской группировке в руководстве страны, которую возглавлял доверенный человек Брежнева Андрей Кириленко. Рябов провинился тем, что поставил под сомнение чрезмерный рост военных расходов и в декабре 1978 года внес в Политбюро предложение сократить поставку военной техники Министерству обороны на 8 миллиардов рублей. Предварительно он согласовал записку с Сусловым, но натолкнулся на отчаянные возражения Устинова. Дело закончилось тем, что Суслов вернул Рябову записку со словами: «Товарищ Рябов, предложение правильное. Вы над этим продолжайте работать, но рассматривать этот вопрос на Политбюро сейчас несвоевременно»{377}.

Примерно так же в 1947 году складывался конфликт Устинова и первого секретаря Московского горкома партии Г.М.

Попова, который хотел перевести на выпуск гусеничных тракторов два оборонных завода. Попытка Попова прижать наркома по партийной линии закончилась вмешательством Сталина, вставшего на сторону Устинова, которого называл «главным инженером страны».

В начале брежневского правления под напором Устинова был смещен первый секретарь Московского горкома партии Н.Г. Егорычев: за критику неудовлетворительного состояния системы противовоздушной обороны Москвы.

Именно Устинов в конце 80-х годов «пробил» решение вооружать армию артиллерийскими ядерными снарядами, что было очень затратно и просто нецелесообразно. Министр среднего машиностроения Е.П. Славский, под началом которого находилась вся ракетно-ядерная промышленность, называл это решение «бредом сивой кобылы».

Словом, Устинов, постоянно выступающий за многомиллиардные затраты и, что просто разоряло страну, за равновеликий ответ Соединенным Штатам, был авторитетом для Брежнева, несмотря на то, что тот же Славский считал министра обороны мыслящим «категориями Отечественной войны».

А что же делал в ответ на это Громыко?

Андрей Андреевич не собирался вторгаться в чужой огород. Более того, он знал, что СССР должен иметь сильные позиции, иначе никто не будет с ним считаться.

Что касается самой сути ведущейся «холодной войны», то ее размах и вместе с тем сдержанность описаны Бжезинским так: «Каждый из противников распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом, оправдывающим в глазах каждого из них необходимые шаги и укрепившим их убежденность в неизбежной победе. Каждый из соперников явно господствовал внутри своего собственного пространства… Комбинация глобального геополитического размаха и провозглашаемая универсальность соревнующихся между собой догм придавали соперничеству беспрецедентную мощь. Однако дополнительный фактор, тоже наполненный глобальной подоплекой, делал соперничество действительно уникальным. Появление ядерного оружия означало, что грядущая война классического типа между двумя главными соперниками не только приведет к их взаимному уничтожению, но и может иметь последствия для значительной части человечества. Интенсивность конфликта, таким образом, сдерживалась проявляемой со стороны обоих противников чрезвычайной выдержкой»{378}.

Отсюда, собственно, понятно, почему в июле 1979 года было

заключено соглашение по ОСВ-2 и почему оно все же не было ратифицировано конгрессом США.

«Об ожесточенности того сопротивления Договору ОСВ-2, которое приходилось преодолевать президенту Картеру, может свидетельствовать заявление, сделанное сенатором Джексоном накануне отлета президента в Вену для встречи с Брежневым и подписания Договора ОСВ-2. Он уподобил эту поездку Картера поездке Чемберлена в Мюнхен в 1938 году для встречи с Гитлером и подписания Мюнхенского соглашения. (Это Брежнев — Гитлер? — *С. Р.)* О том, насколько болезненно воспринял Картер это сравнение, говорит такая деталь. По прибытии в Вену, где в это время моросил дождь, Картер категорически запретил своему охраннику раскрыть над ним зонт, чтобы не дать повода для злословия, имея в виду обошедшую в свое время мир фотографию Чемберлена с зонтом в Мюнхене. Но, так или иначе, в июле 1979 года в Вене Договор ОСВ-2 был подписан. По тем временам это был существенный шаг в деле ограничения вооружений и разоружения. Он не только устанавливал определенные количественные ограничения на все виды стратегических наступательных вооружений, но и предусматривал некоторое их сокращение, а также ряд запретов на новые их типы и определенные пределы для модернизации прежних типов. Был намечен и путь для дальнейших, более радикальных шагов в этой области»[{379}].

Весь мир обошли кадры хроники, как Картер обнимает Брежнева, и они неожиданно для всех целуются. Величественность минуты вдруг затмила требования геополитики и идеологии.

Вот как видел картину наш герой:

«Церемония происходит в Редутном зале дворца. Оба руководителя делегаций берут ручки, присаживаются поудобнее и ставят свои подписи.

Не успели они еще привстать, как я задаю министру обороны СССР Дмитрию Федоровичу Устинову — мы стоим чуть сбоку — вопрос:

— Как думаешь, расцелуются или нет?

— Нет, — слышу в ответ, — незачем целоваться.

— Не уверен, — ответил я. — Хотя согласен, необязательно прибегать к этому жесту.

Но нас обоих в общем приятно удивила инициатива, которую проявил Картер. Договор скрепился поцелуем — в зале раздались аплодисменты»[{380}].

* * *

А дальше все покатилось по проторенной колее: резкая критика Картером нарушения прав человека в СССР, кампания в прессе, попытка связать ратификацию договора ОСВ-2 с внутренними проблемами Москвы. 12 декабря 1979 года Картер заявил, что военный бюджет 1981 финансового года будет на 5 процентов больше бюджета 1980 года в реальном исчислении. В тот же день на сессии Совета НАТО но инициативе США было принято так называемое «двойное решение», санкционирующее размещение 572 американских ракет средней дальности в Европе. Таким образом, был нарушен еще не ратифицированный договор ОСВ-2: новые РСД могли наносить ядерные удары по советским объектам до рубежа Волги, что значительно усиливало военно-стратегический потенциал США и опрокидывало согласованный в ходе переговоров ОСВ-2 стратегический баланс. Показательно, что и другие советско-американские переговоры в области разоружения — о полном прекращении ядерных испытаний, об отказе от антиспутникового оружия, об ограничении военной деятельности в Индийском океане, об ограничении поставок оружия странам третьего мира — все они под разными предлогами были свернуты американской стороной тоже еще до ввода советских войск в Афганистан.

Конечно, война есть война, но в вопросе о РСД советские руководители могли при помощи европейцев удержать американцев. Вообще история размещения американских РСД в Европе — это многосерийная история, в которой каждая сторона по-своему права.

Советский сюжет: в 1976 году было принято решение заменить устаревшие ракеты СС-4 и СС-5 на жидком топливе новыми СС-20. Учтем, что США постоянно имели явное преимущество в межконтинентальных средствах доставки ядерного оружия. Поэтому Устинову, гордившемуся новыми ракетами, не составило труда убедить Политбюро пойти на обновление, которое и началось в 1976 году без всякого уведомления оппонентов.

Американский сюжет: когда в 1979 году американцы убедили партнеров по НАТО о размещении своих РСД, в Москве были озадачены и раздражены: евроракеты фактически становились равными стратегическим, за 8—10 минут они могли накрыть советские объекты до Волги.

Здесь следует вспомнить, что во время второго визита Брежнева в ФРГ (май 1978 года) советский посол Фалин пытался поставить перед ним вопрос о минимизации размещения новых ракет. Этого хотел и канцлер ФРГ Шмидт, но США, Англия и Франция в принципе были против переговоров по оружию

средней дальности.

Глава 39.
ТОРЖЕСТВО ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Громыко уступает Устинову

Надо было срочно предпринимать ответные меры. Но какие? Добрынин тоже считал, что в промежуток между 1976 и 1979 годами можно было найти приемлемое решение о взаимном ограничении или низком уровне данных ракет. Тем более в Европе население бурно протестовало против нового витка гонки вооружений, делающего его заложником противостояния сверхдержав.

«В 1979 г. президент США Дж. Картер поставил вместе с Брежневым подпись под договором ОСВ-2, загодя зная, что США не введут его в силу. Иначе зачем было президенту тут же объявлять, что ОСВ-2 не повлияет на американские планы модернизации, особенно систем средней дальности. Что он имел в виду? Торпедировать ОСВ-3? Факт остается фактом — большинство военных программ США, легализованных при Р. Рейгане, зачиналось в президентство Дж. Картера»{381}.

Летом 1979 года канцлер Шмидт, летевший из Бонна в Токио, сделал в Москве незапланированную остановку и встретился с Косыгиным, чтобы сообщить, что еще можно достичь компромисса. Для этого требовалось, чтобы СССР показал, что не будет развертывать больше ракет СС-20 (в пересчете на боеголовки), чем было на старых комплексах, тогда можно договориться о неразмещении новых американских РСД.

Как свидетельствует посол Олег Гриневский, «подвижной грунтовой комплекс “Пионер” или РСД-10, известный на Западе как СС-20, это была современная ракета с тремя разделяющимися головками дальностью полета 600—5000 километров с прекрасными боевыми и техническими характеристиками». Но насколько нужно было с военно-политической точки зрения их массированное размещение с учетом, что главным средством сдерживания стали межконтинентальные ракеты, тяжелые бомбардировщики и ракеты на подводных лодках?

В 1978 году началось массовое развертывание этих ракет в европейской части Советского Союза на позициях, занимаемых ранее устаревшими жидкостными ракетами СС-4 и СС-5. Их появление вызвало волну страха в Западной Европе. Не находили объяснения, почему Советский Союз развертывает ракеты в таком большом количестве.

Европейцы исходили из того, что в условиях глобального сдерживания новые ракеты не улучшат безопасность Москвы и что усиление нацеленных на них РСД несет угрозу прежде всего им. В Вашингтоне тоже не исключали, что Советский Союз

готовится к ядерной войне в Европе.

Европейский сюжет глазами американцев: европейцы опасались, что СССР мощными ракетами средней дальности может стереть с лица земли их страны, а Соединенные Штаты могут не рискнуть ответить ядерным контрударом. Поэтому европейцы способны уступить советской угрозе и пойти по пути «финляндизации». Евроракеты США, как признался Бжезинский Добрынину, — это не только военное решение, но и в большей степени политическое.

Косыгин на ближайшем заседании Политбюро доложил об идее Шмидта и пригласил «подумать над этим предложением». Все молчали. Тогда, не дожидаясь, когда выскажутся все члены Политбюро, слово попросил замминистра иностранных дел Г.М. Корниенко. Он вспоминал об этом так: «Суть сказанного мною состояла в том, что зондаж со стороны Шмидта представляет реальный шанс найти приемлемый для нас компромисс. Для этого необходимо скорректировать наши планы в сторону некоторого сокращения намеченного ранее к развертыванию количества ракет СС-20, что, на мой взгляд, не нанесло бы ущерба нашей безопасности»{382}.

Сразу возразил Устинов: «Ишь, чего захотели, раскрой им наши планы, да еще скорректируй их! А кто даст гарантию, что они после этого откажутся от своих планов?»

Брежнев посмотрел на Громыко, ожидая его реакции. Как писал Корниенко, накануне министр не был против предложения Шмидта. Но на Политбюро Громыко промолчал, не желая сталкиваться с Устиновым.

Гриневский, опытный переговорщик по разоруженческой проблематике, заключил: «Так советской политикой был упущен шанс урегулировать вопрос о ракетах средней дальности. Их размещение продолжалось такими темпами, будто Советский Союз действительно собирается выиграть войну в Европе. К концу 1983 года там было уже 243 ракеты СС-20.

Я попросил начальника Генерального штаба маршала Огаркова разъяснить мне, зачем нужно создавать эту новую мощную ракетно-ядерную группировку в Европе, когда у нас и так достаточно средств, чтобы ликвидировать любую угрозу, исходящую от НАТО. Он посмотрел на меня с сожалением и сказал:

— Посчитай с карандашом, сколько носителей ядерного оружия размещено в Западной Европе, которые направлены против нас. Это не только американское тактическое ядерное оружие “поля боя”, но и ядерные средства Англии и Франции, американские бомбардировщики Ф-111 в Англии, все, что летает

и плавает в воздушном пространстве и в морях, прилегающих к Европе. Паритет должен сохраняться не только на глобальном, но и на региональном уровне. Американская концепция гибкого реагирования не исключает ведения локальных войн, в том числе и в Европе.

— Николай Васильевич, — спросил я, — неужели Вы верите в возможность локальной войны в Европе, да еще с применением ядерного оружия?

— Лично я не верю. Но я обязан быть готовым к ней, какую бы форму она ни приняла. Особенно если американцы говорят о такой войне»{383}.

Об Устинове и новых трехзарядных ракетах Александров-Агентов писал так: «Он и другие члены нашего руководства искренне считали, что развертывание этих ракет (СС-20) решало наконец долгую и трудную для Советского Союза проблему обороны от окружавших наши границы почти по всему их периметру американских военных баз и подводных лодок, снабженных ядерным оружием…

При этом с мнением Устинова всегда очень считались и Громыко, и Андропов… Брежнев не просто доверял Дмитрию Федоровичу Устинову как товарищу по работе, но и любил его как близкого друга»{384}.

* * *

13 декабря 1979 года, то есть за две недели до ввода советских войск в Афганистан, Картер односторонне объявил обширные районы мира сферой «американских жизненных интересов» и о создании новых военных программ независимо от результативности ведущихся переговоров по разоружению. Короче говоря, обе стороны уперлись.

Глава 40.
АФГАНИСТАН: ГРОМЫКО ДОЖАЛИ

Существующий миропорядок взорван

Две тяжелейшие проблемы надо было преодолеть Москве — кризис в Польше и в Афганистане. В это время военный потенциал Советского Союза достиг небывалого уровня, позволяя противостоять одновременно армиям США, НАТО и Китая. Советские атомные подлодки дежурили у берегов Америки.

При этом страна с трудом выдерживала предельные нагрузки на экономику. Вмешательство в Афганистане было обусловлено несколькими обстоятельствами. Существенно, что совершившая государственный переворот Народно-демократическая партия Афганистана объявила о своей марксистской ориентации. Дальше произошло быстрое накопление угроз. Исламское руководство Ирана заявило о стремлении распространить свое влияние на всю мусульманскую Азию, включая республики СССР и Афганистан. Американские военные базы были выведены из Ирана, их планировалось разместить в Пакистане и Афганистане. Советская разведка в Иране предпринимала тайные действия по окончательному вытеснению американцев из страны. США ввели в Персидский залив военный флот. Совет НАТО принял решение о размещении в Европе ракет средней дальности «Круз» и «Першинг-2». Китай после поражения в тридцатидневной войне с Вьетнамом в феврале — марте 1979 года в апреле того же года объявил об отказе от советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, который был подписан в феврале 1950 года. Москва правильно связала розыгрыш «китайской карты» Вашингтоном (визит Бжезинского в Пекин в мае 1978 года и визит Дэн Сяопина в США в январе 1979 года) с нападением Китая на Вьетнам. Кроме того, советские переговоры с Китаем о нормализации отношений и пограничных спорах закончились провалом.

Тем не менее 1 апреля 1979 года в ЦК была внесена записка за подписями Громыко, Андропова, Устинова и Пономарева, в которой говорилось: советские войска в Афганистан посылать не следует. Главную смысловую нагрузку в записке несли следующие два положения, сформулированные Корниенко и Ахромеевым: «Ясно, что в силу внутренней природы антиправительственной оппозиции в Афганистане использование советских войск для подавления афганской контрреволюции нанесло бы серьезный ущерб международному авторитету СССР и отбросило бы назад процесс разоружения. Кроме того, использование советских войск показало бы слабость правительства Тараки и расширило бы масштабы

контрреволюции как внутренней, так и внешней, подняло бы на значительно более высокий уровень наступление антиправительственных сил»{385}.

Политбюро согласилось с этими доводами.

Решение о вводе войск принимали очень трудно, так как было понимание, что идут на риск разрыва переговоров с Вашингтоном по ограничению стратегических вооружений, ухудшения отношений со странами третьего мира, европейскими коммунистическими партиями и Китаем. Однако этим соображениям противостояла развивающаяся геополитическая борьба на Востоке. Также надо принять к сведению, что учитывалась вероятность размещения американцами ракет «Першинг-2» в Афганистане, а на азиатском направлении СССР не был защищен противоракетной обороной — сразу стали бы уязвимыми многие стратегические объекты. В том числе космодром «Байконур».

В начале декабря 1979 года Андропов в секретной записке Брежневу предостерег, что, если Советский Союз не вмешается, произойдет потеря позиции и афганский вакуум заполнят Соединенные Штаты.

В этой обстановке советское руководство решило противопоставить всем угрозам военное решение в Афганистане. Первоначально постановление Политбюро подписали Андропов, Устинов и Громыко. При этом высшие советские военные чины были против ввода войск. (Через афганскую войну за десять лет прошло 620 тысяч советских воинов, из них 53,7 тысячи было ранено, 14,5 тысячи убито.)

Кто был инициатором ввода войск, до сих пор точно не известно. Корниенко вспоминал, что Громыко, по его признанию, дожали Устинов и Андропов. Значит, они?

«По правде говоря, поначалу я грешил на Андропова, но ставшие известными мне позже дополнительные свидетельства позволяют предположить, что “а” в этом прискорбном деле было сказано, пожалуй, все-таки Устиновым. Толчком к перемене им своей прежней точки зрения послужили ввод осенью 1979 года американских военных кораблей в Персидский залив и поступавшая информация о подготовке к возможному вторжению американцев в Иран, что грозило бы существенно изменить военно-стратегическую ситуацию в регионе в ущерб интересам Советского Союза. Если США позволяют себе такое за десятки тысяч километров от своей территории и в непосредственной близости от границ СССР, то почему мы должны бояться защитить свои позиции в соседнем нам Афганистане? — так примерно рассуждал Устинов. Что же касается Андропова, бывшего в то

время председателем КГБ СССР, то он пошел на поводу у своего аппарата, преувеличивавшего, с одной стороны, опасность для СССР пребывания у власти в Афганистане Амина, которого стали изображать американским агентом, а с другой — возможности СССР по изменению ситуации там в желательном для него плане. О существовании таких настроений и представлений в аппарате КГБ мне было известно»{386}.

Существующий миропорядок был взорван, Запад ощутил угрозу своим нефтяным интересам на Ближнем Востоке и морским коммуникациям. Новые позиции советских войск позволяли оказывать давление на Иран и Пакистан, угрожать ВМС США в Индийском океане и проходящим через Ормузский пролив маршрутам поставок нефти. В январе 1980 года в ежегодном послании конгрессу Картер заявил: «Любая попытка внешних сил установить контроль в Персидском заливе будет рассматриваться как посягательство на важные интересы США, и такое посягательство будет отражено путем использования всех необходимых средств, включая военную силу»{387}.

За Афганистаном встали грозные тени Истории: соперничество Российской империи и Великобритании в Средней Азии и на Памире, попытка прорыва Германии и Австро-Венгрии на Балканы и Персию накануне Первой мировой войны, борьба России за Проливы, «нефтяная стратегия» Гитлера, Сталинградская битва и битва при Эль-Аламейне, соперничество США и Великобритании на Ближнем Востоке, иранский кризис 1946 года, арабо-израильские войны. Неожиданно обнажился весь главный конфликтный потенциал XX века. Москва никак не прогнозировала такого, рассматривая ввод войск как локальную операцию.

Социалистические страны Восточной Европы отнеслись к вводу войск очень сдержанно.

Вмешавшись в гражданскую войну в сопредельной стране, советское руководство не предполагало, что этот периферийный конфликт окажется мировым событием «холодной войны». Традиционное афганское общество отвергало местных модернизаторов, опирающихся на чужеземную армию, и начало вооруженное сопротивление. Оно шло под флагом исламизма, к тому же вносило дестабилизацию и в советские среднеазиатские республики. Войска были втянуты в боевые действия с моджахедами в горной местности, к чему они были мало приспособлены. Непрерывная помощь моджахедам шла из США, Пакистана, Китая, Ирана. Война, которой не было внятного объяснения, пожирала или делала калеками тысячи советских парней и стала формировать протестные настроения.

Абстрактные призывы Кремля о солидарности с афганским народом не работали.

Показательно, что в мае 1980 года Политбюро приняло постановление «Об указании послам СССР в развивающихся странах о работе по разоблачению проимпериалистического курса Пекина», а в октябре того же года еще одно — «О проведении дополнительной работы в целях противодействия американо-китайскому военному сотрудничеству». В этих документах тревога Москвы по поводу военного строительства в Китае прочитывалась невооруженным глазом.

После того как США стали поставлять моджахедам переносные ракетно-зенитные комплексы «Стингер», обстановка еще более обострилась. Именно тогда как союзник США появился бен Ладен, впоследствии непримиримый враг Америки. Война стала затяжной.

Как вспоминал Евгений Примаков, Громыко, очень обеспокоенный ситуацией, пригласил его как востоковеда выступить с докладом перед членами коллегии МИД, где будущий министр иностранных дел России откровенно сказал, что не видит в Афганистане революционной ситуации, поэтому вмешательство бесперспективно. Громыко озадаченно спросил: «Нельзя ли решить дело кавалерийской атакой?» Примаков ответил: «Можно. Если есть поддержка народа и сильный карательный аппарат. Ничего этого там нет». Присутствующие неодобрительно зашумели, но Громыко не поддержал недовольных коллег. «Он максимально уважительно отнесся к моему мнению, хотя оно противоречило официальной установке. Может, он получил подтверждение своим сомнениям»{388}.

Раскол по афганскому вопросу фактически означал, что советское руководство заблудилось в тупике. Идеологи ЦК КПСС Суслов и Пономарев выступали за строительство в стране социализма по советскому образцу, военные — на силовые методы, Громыко и его первый заместитель Георгий Корниенко предпочитали бы не вмешиваться во внутренние дела Афганистана, оказывать ему экономическую помощь и выстроить дружественные отношения, как с Финляндией.

Должно быть, поэтому лекция Примакова с пониманием была воспринята Андреем Андреевичем. К тому же по инициативе МИД была развернута «бешеная кампания» оправдания этой акции, направленная на снижение международной волны возмущения.

Но кроме морального ущерба были и иные потери. «Картер лишил нас 17 млн. тонн зерна (в Москве сразу же исчезли мука и макароны), запретил всякий прочий экспорт, закрыл всякие переговоры и визиты, потребовал отмены Олимпиады (сегодня

НОК США согласился с мнением Картера… Что теперь скажет МОК?). Тэтчер проделала с нами то же самое. Португалия запретила нам ловлю рыбы в ее 200-мильной зоне, как и США — у себя, снизив нам квоту вылова с 450 000 до 75 000 тонн. Это же проделали Канада и Австралия. Почти все страны Запада (за исключением Франции) сократили уровень и объем всяких обменов и визитов. Запрещены всякие планировавшиеся выставки и гастроли (“Эрмитажа” — в США, Большого — в Норвегию и проч.). Австралия закрыла заход нашим антарктическим судам в ее порты. Вчера нас осудила Исламская конференция (т. е. все мусульманские государства, кроме Сирии, Ливии, Алжира и самого Афганистана), проходившая в Исламабаде.

Нас осудили Европарламент, социал-демократические партии, профсоюзные центры. Новая Зеландия выслала нашего посла Софийского, обвинив его в передаче денег ПСЕНЗ (наши друзья). А что делается в печати, на теле- и радио — трудно было даже вообразить, позорят и топчут нас самым беспардонным образом.

Банки закрыли нам кредиты. У меня был случайный разговор с зам. председателя Госбанка Ивановым. Он рассказал, что не только американские, но и другие банки либо начисто отказываются давать взаймы на оплату прежних долгов (благодаря чему мы уже много лет выходили из положения), либо почти на $^1/_3$ взвинчивают проценты»{389}.

Кроме этих напастей, из-за резкого сокращения зернового импорта в СССР снизилось производство водки («жидкой валюты»), отчего государственный бюджет недополучил 14 миллиардов рублей.

* * *

25 июля 1980 года Картер подписал директиву № 59, в которой говорилось о подготовке США к «длительной, но ограниченной ядерной войне». Вслед за ней новые директивы указывали, куда надлежит перемещаться военным и гражданским руководителям в период военного кризиса, где расположены убежища, какие частные компании и средства связи будут мобилизованы и т. д.

Тогда же в Москве стало известно, что возникла угроза высадки амфибийных сил американской 3-й дивизии морской пехоты в Пакистане для поддержки моджахедов. Чтобы сорвать этот десант в Индийский океан, был спешно направлен атомный подводный крейсер К-122 с крылатыми ракетами{390}.

Словом, стало не до разрядки.

Конгресс США прервал процедуру ратификации договора ОСВ-2. Было заявлено, что это сделано по причине действий СССР в Афганистане. Однако потом выяснилось, что причина была иной — представители администрации нового президента Рональда Рейгана признали, что причиной отказа от ратификации договора ОСВ-2 был вовсе не Афганистан. В мае 1981 года, уже при Рейгане, Государственный секретарь США Александр Хейг, выступая в сенатской комиссии по ассигнованиям, заявил, что причиной замораживания Соединенными Штатами договора является отнюдь не ввод советского воинского контингента в Афганистан, а существо документа.

Глава 41.
БЖЕЗИНСКИЙ: «СЛЕДУЕТ РАЗЖИГАТЬ В ПОЛЯКАХ АНТИСОВЕТСКИЕ И АНТИРУССКИЕ НАСТРОЕНИЯ»

Польский кризис

Вслед за Афганистаном еще более серьезный кризис разразился в Польше, где начался резкий экономический спад. Он был вызван неспособностью Варшавы оплачивать огромные западные кредиты, взятые для технологического перевооружения промышленности (в 1981 году — 25 миллиардов долларов). При этом власти повышали зарплату и уровень социальных благ и старались не замечать дисбаланса в сторону потребления. Польские товары не смогли в должной степени конкурировать на зарубежных рынках, проценты по обслуживанию долгов сравнялись с доходами от экспорта, но внешне казалось, что страна процветает. У Советского Союза не было возможности закрыть эту финансовую дыру.

Тогда польское руководство стало действовать согласно экономической логике и вопреки социальному договору с населением: максимально увеличило экспорт, оголив внутренний рынок, затем повысило розничные цены, что вызвало забастовки рабочих. Цены вернули назад, фактически признав поражение. Власть пребывала в растерянности, не имея, кроме репрессивных, других средств диалога. Но применять оружие против своих граждан уже было исторически несостоятельно. Стали проводиться выборочные аресты зачинщиков. Здесь играли решающую роль два фактора: состояние польского общества и воздействие Запада. В известном смысле произошло возвращение 1944 года, когда в Польше, занятой Красной армией, шла борьба между прозападными «лондонцами» и просоветскими «люблинцами», а если брать шире, между сторонниками буржуазно-демократической традиции и коммунистами. Но поскольку тогда обошлось без гражданской войны, католическая церковь сохранила свои позиции и сельское хозяйство осталось частным, польское общество было гораздо более консолидированным, чем советское. Рабочим стали помогать интеллигенты-оппозиционеры, некогда исключенные из Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Экономическому протесту был придан политический вектор. «Голодающим» родственникам стали широким потоком идти продовольственные посылки, компьютеры и множительная техника от польской диаспоры в США.

Избрание в 1979 году папой римским польского кардинала Кароля Войтылы сильно повлияло на моральное состояние поляков. Нового папу администрация Картера подключила к решению своих задач, к нему приехала мать Картера и передала

просьбу сына усилить борьбу с коммунизмом. В 1978 году Бжезинский подготовил специальный доклад, в котором предложил новый метод борьбы с коммунизмом. Он планировал усилить зависимость Польши от Запада в области финансов, экономики, снабжения продовольствием. В частности, рекомендовалось: «Следует разжигать в поляках антисоветские и антирусские настроения… На политических руководителей следует влиять таким образом, чтобы они заняли умеренную позицию в отношении диссидентов и выработали приемлемый вариант диалога с общественностью». Бжезинский прямо заявлял о необходимости «дестабилизации обстановки в Польше».

В течение нескольких лет обстановка в стране ухудшалась. Действия оппозиции ужесточались, были созданы полуподпольные «свободные профсоюзы».

Новая попытка правительства укрепить экономику и повысить цены обернулась новыми забастовками. В августе 1980 года был создан Межзаводской забастовочный комитет во главе с электриком Лехом Валенсой. Число бастующих достигло 600 тысяч. Властям были предъявлены политические требования о гарантиях права на забастовку, свободы печати, обеспечения прав священнослужителей на свободный доступ к СМИ, освобождение политзаключенных и т. д. Был создан профсоюз «Солидарность», который получил официальную регистрацию и стал массовым. Москва увидела в происходящем угрозу дестабилизации социалистического лагеря. В Польше быстро назрело гражданское противостояние. Советское руководство рассматривало возможность использования армии, но от такого решения его удерживало опасение, что польская армия не останется в казармах. В это время СССР оказал Польше большую помощь: 4,35 миллиарда долларов в 1980 году и 5,59 миллиарда долларов в 1981 году.

В обстановке растущей в мировой экономике «стагфляции» стала быстро расти стоимость кредитов, условия кредитования резко ухудшились. «Для Восточной Европы сочетание долгового кризиса и стабилизации нефтяных цен оказалось роковым. Советский Союз, получая меньше средств за свое топливо на Западе, начинал требовать более высокой оплаты своих поставок от партнеров по СЭВ. Запад, в свою очередь, требовал более высоких процентов за предоставленные кредиты… К началу 1980-х годов цены на топливо для стран СЭВ приблизились к мировым»[391].

Проблема уже переросла из экономической в политическую. «Солидарность» потребовала введения на предприятиях самоуправления и выборности директоров. Около миллиона

рядовых членов ПОРП вступило в профсоюз, руководство партии было растеряно. В феврале премьер-министром был назначен генерал Войцех Ярузельский, участник Второй мировой войны, министр национальной обороны. Он попытался ликвидировать дисбаланс в экономике повышением цен на продовольствие, электроэнергию и уголь, что вызвало новые протесты. Стало очевидно, что экономические меры, диктуемые обстановкой, будут и впредь отвергаться обществом, которое больше не доверяло власти. Произошла смена руководства партии, первым секретарем стал Ярузельский. 13 декабря 1981 года было введено военное положение, руководители оппозиции арестованы, забастовки подавлялись силой. Однако на одном из заседаний Комиссии Политбюро по Польше ее председатель Суслов объявил: «Пусть даже в Польше к власти придут социал-демократы, будем с ними работать, но войска не введем»{392}.

Через две недели президент США Р. Рейган обвинил СССР в политическом кризисе в Польше и объявил об экономических санкциях: были прекращены поставки труб и компрессорных установок для газопровода Уренгой — Помары — Ужгород — Западная Европа, отказано в закупке зерна, прекращена выдача лицензий на продажу электронно-вычислительной техники и т. д. По прогнозам ЦРУ, блокада должна была сорвать получение СССР до 15 миллиардов долларов годовой прибыли от экспорта газа.

В конце 1981 года на пленуме Итальянской коммунистической партии, одной из самых крупных в Европе, было принято постановление, осуждающее введение в Польше военного положения и *по* сути подводившее итоги советского проекта: революционный импульс Октябрьской революции иссяк, СССР и социалистические страны утратили способность к развитию. Это звучало как приговор, но на самом деле положение еще можно было исправить.

Изменение советской экономической стратегии

Все ли было благополучно в экономике СССР? В 80-е годы сильно изменилось качество советского экспорта. В 1970 году доля машин и оборудования составляла в нем 21,5 процента, а к 1987 году она упала до 15,5 процента, зато в импорте их доля выросла с 35,6 до 41,4 процента. При этом экспорт углеводородов вырос с 15,6 до 46,5 процента{393}.

Теперь освоение нефтегазовых месторождений в значительной мере велось за счет западных кредитов и технологий и предназначалось не на потребление отечественной промышленности, а на экспорт.

Зарубежные кредиты шли на закупку оборудования для добывающей промышленности, за которые расплачивались по компенсационной схеме добытыми ресурсами. Соответственно проблемы развития машиностроения были отодвинуты на второй план, и советская экономика все глубже погружалась в сырьевую нишу. При этом пострадало развитие инфраструктуры. «Накопление диспропорций в народном хозяйстве превысило возможности их компенсации за счет наращивания экспорта энергетического сырья»{394}.

Когда к началу 80-х годов на Западе началась «стагфляция» и стоимость кредитов стала расти, а при этом цены на энергоносители не повышались, СССР уже не смог поддерживать страны Восточной Европы поставками дешевого сырья. Поэтому Москва была вынуждена согласиться на разламывающую рамки СЭВ экономическую самостоятельность союзников, которая в результате вела и к все большей политической самостоятельности. С середины 70-х годов страны Восточной Европы потребляли все больше и больше продукции западногерманских и французских компаний.

Так за торможением технологической модернизации на советском горизонте замаячили неожиданные угрозы.

К тому же западная экономика переходила в новый, пятый, технологический цикл, который характеризуется развитием электронной промышленности, компьютеризацией, телекоммуникациями, информационными услугами, новыми видами связи. Соответственно изменялась и политика правящего класса: либеральная модель, основанная на теории Дж. М. Кейнса (госрегулирование рынка, социальные гарантии работникам, высокие налоги на прибыль), уходила в прошлое. Новые

технологии позволяли переносить промышленное производство в страны третьего мира, рассредоточивать его, контролируя при этом весь процесс управления. Капитализм становился глобальным, освобождался от необходимости следовать либеральной социальной политике и приобретал жесткие черты «тэтчеризма» и «рейганомики». Укрепившись внутренне, Запад (США) получил новые возможности в ведении «холодной войны».

Глава 42.
МОСКВА НЕ ЗАМЕТИЛА, ЧТО ВРЕМЕНА ИЗМЕНИЛИСЬ

Глобальное противоборство

Если посмотреть на советско-американские отношения как на театральную пьесу, то у простодушного зрителя сложится впечатление, что на сцене действуют шизофреники, которые убеждают друг друга в своем миролюбии, а на деле пакостят всюду, где только могут. Грубо сказано? Тем не менее в Москве утверждали, что «разрядка есть форма классовой борьбы», а в Вашингтоне — что разрядка должна укрепить мировое лидерство США. Обе стороны действительно хотели уменьшить ядерную угрозу, но снижать собственную экономическую и военную активность нигде не собирались. По сути, разрядка была только отдельным актом в «холодной войне», прекращать которую никто не хотел.

Достигнув военно-стратегического паритета с Соединенными Штатами, Советский Союз продолжал наступление. После поражения в Индокитае Америке пришлось изыскивать новые средства сохранить свои мировые позиции и авторитет. СССР после крайне рискованных действий Хрущева тоже надо было действовать более осмотрительно.

Период президентства Никсона — Форда — Картера можно назвать обоюдным поиском приемлемого будущего. И логично, что, как только Америка оправилась от поражения, а Советский Союз утратил темп развития, тонкая дипломатия Киссинджера отошла в прошлое и сменилась жесткой дипломатией Бжезинского, Картер был промежуточной фигурой на стыке двух времен, одной рукой он еще поддерживал разрядку, а другой наносил разящие удары.

Советский Союз тоже особо не церемонился, оперируя в Анголе, Эфиопии, Сомали, Йемене, Мозамбике, Афганистане. Показательно, что в советском политическом и военном руководстве возрастало влияние бюрократии, не имевшей настоящего военного опыта и действовавшей в манихейском, черно-белом измерении «холодной войны».

Но Москва не заметила, что времена изменились.

Могла ли она это заметить?

Катастрофа не была предопределена. Почему не была? Ответ на вопрос был дан Михаилу Горбачеву, последнему советскому руководителю, он им не воспользовался.

Еще одно обстоятельство воспрепятствовало советскому руководству адекватно реагировать на перемены — это задержка в смене политических поколений, которая началась при Хрущеве и продолжилась после него, вплоть до «гонки на лафетах», то есть

торжественных похорон Брежнева, Андропова и Черненко.

Появление на политической арене Рейгана так объяснено в совместной записке Устинова, Андропова и Громыко в Политбюро от 12 мая 1982 года (в ответ на появление в марте 1982 года президентской директивы СНБ-32 о возможности затяжной ядерной войны с СССР, подрыв советских позиций в Восточной Европе и фактически отказ от Ялтинских соглашений): «… господствует мотив, что СССР должен быть оттеснен с занимаемых позиций на международной арене и фактически перестать быть великой мировой державой. Такой статус Рейган хотел бы оставить только за США».

Что касается переговоров о разоружении, то американцы требовали непропорционально большого сокращения, на две трети, главного советского арсенала — тяжелых ракет,

С избранием Рейгана противостояние приобрело еще и характер экономической войны. «В конце 1981 г. в НАТО держат совет: где дополнительно навязать социалистическим странам гонку вооружений, чтобы окончательно расстроить их экономику. Сошлись на том, что самой многообещающей может быть “модернизация” обычных вооружений в Европе. Она требует в 5—7 раз больше средств, чем гонка в ядерной области»[{395}].

А именно поворот к разрушению советской экономики оказался самым грозным. Была ли вовремя замечена эта угроза?

В Москве считали, что феномен бывшего голливудского актера Рейгана, ставшего президентом, должен рассматриваться как историческая случайность, не более того. В мемуарах Добрынина проскальзывает эта усмешка: «Известный американский историк и дипломат Джордж Кеннан как-то мне сказал, что окружение Рейгана “удивительное по своей тупости” и кичится тем, что в отличие от прежних администраций “каждый день дает бой Советскому Союзу”».

Однако дело было не в тупости, а в полном изменении стратегии. Для администрации Рейгана исследовательский центр «Фонд наследия» разработал стратегический план «Доктрина освобождения», который президент называл своей настольной книгой. В нем СССР был представлен империей, образованной «по расходящимся от центра к периферии четырем концентрическим кругам»: первый — советские национальные республики, второй — вошедшие в состав СССР накануне 1941 года Прибалтика и Молдавия, третий — страны Восточной Европы, «захваченные у Японии Курильские острова» и Куба, четвертый — Вьетнам, Южный Йемен, Мозамбик, Ангола, Лаос, Камбоджа, Эфиопия, Никарагуа, Афганистан. По каждому из кругов предлагалось выработать соответствующую политику, имея в виду

окончательный демонтаж советской империи.

«Надо отдать должное администрации Рейгана — она рубит топором и экспансионистские империалистические цели своей политики предпочитает не камуфлировать»{396}.

В целом это можно назвать американским «планом Барбаросса», которому Москве следовало срочно противопоставить что-то неординарное. Но — что? Новый пакт Молотова — Риббентропа?

Как ни фантастически это звучит, но, видимо, надо было изобрести нечто подобное, — новый пакт, учитывая стремление западноевропейских стран, уже экономически тесно связанных с Москвой, избежать участи оставаться заложниками надвигающейся ядерной войны между сверхдержавами. «Новая Антанта», опирающаяся на растущие экономические связи СССР с Западной Германией и Францией, на сотрудничество с социал-демократическими партиями этих стран?

Гражданская война в США и дипломатическое использование силы Россией

Вообще же фантастических примеров Громыко знал немало. Один из них относится ко временам гражданской войны в США, когда в единый узел переплелись интересы ведущих европейских государств.

30 декабря 1862 года Линкольн подписал «Прокламацию об освобождении», свободными объявлялись рабы в Конфедерации южных штатов. Для подавления сепаратизма южан велась морская блокада портов южных штатов, которая перекрыла торговлю Юга с Европой. Это ударило по Англии, где без американского хлопка разорялась текстильная промышленность, сотни тысяч людей остались без работы. Англия и Франция собирались официально признать Конфедерацию независимой. Английское правительство признало за рабовладельческой Конфедерацией статус воюющей стороны, поставляло мятежникам оружие и продовольствие; на английских верфях строились военные корабли для южан. Построенный англичанами крейсер «Алабама» потопил 65 торговых судов северян.

Однако Россия, недавно пережившая Крымскую войну (против Англии и Франции), осенью 1963 года направила эскадры к Сан-Франциско и Нью-Йорку с инструкциями на случай войны с Англией. Российская военно-морская дипломатия была эффективной: благодаря появлению на Тихом океане эскадры контр-адмирала А.А. Попова Лондон не решился вмешиваться в войну, блокада продолжилась, в результате чего южане столкнулись с огромными проблемами. В ответ на эту помощь Вашингтон поддержал Россию в польском вопросе.

Франция тоже предприняла чисто шахматную комбинацию на отвлечение. Планируя создать «Латинскую империю» в Северной Америке, правительство Наполеона III вмешалось в гражданскую войну в Мексике, высадив там свои войска.

Но союз США и России оказался прочнее.

Андрей Андреевич знал много таких сюжетов.

В конце XX века эта подлинная история уже казалась художественной литературой. Однако постоянно изменяющиеся интересы мировых держав оставались реальностью.

Глава 43.
ЮРИЙ АНДРОПОВ — БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Андропов против Рейгана

Как известно, сразу после смерти Брежнева Андропов разговаривал с Громыко и согласился занять пост генерального секретаря при условии поддержки других членов Политбюро. Громыко переговорил с Устиновым и Черненко, и было условлено, что именно Черненко выдвинет кандидатуру Андропова на заседании Политбюро.

По воспоминаниям Корниенко, Андропов не планировал становиться, как Брежнев, еще и председателем Президиума Верховного Совета СССР Пост главы СССР он предпочитал «предоставить Громыко, тем более что последний того желал». Однако некоторые другие члены Политбюро, прежде всего Устинов, считали по-другому. Поэтому предполагалось одновременно с избранием Громыко председателем Президиума Верховного Совета назначить Устинова председателем Совета министров вместо Н.А. Тихонова. Впрочем, Андропов не решился (видимо, воспротивился Черненко) сразу менять Тихонова, а Андрей Андреевич получил должность первого заместителя председателя правительства.

Андропов отличался от коллег по Политбюро более широким взглядом на внутренние и мировые проблемы. До и во время войны он работал в Карелии, где находился под патронажем видного деятеля Коминтерна О.В. Куусинена, впоследствии члена Президиума ЦК КПСС. Затем работал в МИД заведующим 4-м Европейским отделом. В сентябре 1953 года, передавая дела М.В. Зимянину, Андропов не скрывал облегчения: «Миша, это не отдел, а сумасшедший дом. Ни сна, ни покоя!» В 1956 году он был послом в Венгрии, где при его участии было подавлено восстание, поддержал последующую постепенную либерализацию венгерской экономики через рыночные реформы. После Венгрии перешел в ЦК КПСС заведующим Отделом социалистических стран и секретарем ЦК КПСС. В 1967 году возглавил КГБ СССР, в мае 1982-го после смерти Суслова стал «вторым» секретарем ЦК КПСС, что на пленуме ЦК было воспринято с энтузиазмом. Партийная элита поняла, что Брежнев видит в Андропове преемника. Характерно, что среди членов Политбюро только один Андропов рекомендовал снизить пафосную пропаганду успехов советской экономики.

О характере взаимоотношений в руководстве партии некоторое представление дают материалы секретаря ЦК КПСС Михаила Зимянина, предоставленные автору его сыном Владимиром Зимяниным. Вспоминая весну 1983 года, М.

Зимянин записал в дневнике; «Тогда Андропов сказал, что намеревается ввести меня в Политбюро ЦК, но при условии определенных изменений в моем поведении. Он говорил об этом не раз… Я отклонил его предложение».

Что же смущало Андропова?

«В апреле 1983 года состоялась последняя беседа с глазу на глаз двух старых друзей — Михаила Васильевича и Юрия Владимировича.

Поначалу Андропов был настроен благодушно.

— Готовься, Миша. После Пленума ЦК получишь сусловское наследство. Поработаем вместе. Хочу тебе сказать, что можешь рассчитывать на поддержку Алиева. Ты знаешь, он ведет в Совмине транспорт и социальную сферу, следовательно, на нем и вопросы культуры…

— Юрий Владимирович, — не сдержавшись, прервал Генерального секретаря Зимянин, — при всем моем уважении к Гейдару Алиевичу… Скажи мне, разумно ли было поручать ему, выходцу из Закавказья, вопросы русской культуры?!

Наступила гнетущая пауза, которую нарушил Андропов.

— Поговорим о другом, Михаил Васильевич, — тихо произнес он, глядя куда-то в сторону, — вы отвечаете за идеологию, за ее чистоту. Не пора ли призвать к порядку наших зарвавшихся русистов?

— Русистами, Юрий Владимирович, как я понимаю, называют на Западе специалистов по русскому языку и литературе, — негромко, но твердо сказал Зимянин. — Если вы имеете в виду известных историков и литераторов патриотического направления, “славянофилов”, как их весьма условно именуют некоторые наши коллеги, то хочу вам доложить, что заниматься их перевоспитанием и уж тем более подвергать их преследованиям или каким-либо наказаниям я не намерен. И вам искренне не советую этим заниматься.

Испытующе глянув на Зимянина, Андропов молча поднялся из-за стола, давая понять, что разговор закончен.

Избрание Михаила Васильевича в Политбюро не состоялось…

Вечером 21 ноября 1983 года на служебной даче М.В. Зимянина раздался звонок телефона кремлевской связи.

— Миша, — услышал Зимянин тихий тонкий голос Андропова, — звоню, чтобы поздравить тебя с днем рождения. Здоровья тебе, пожить подольше.

Андропов говорил медленно, с трудом, тяжело дыша: “Миша, если сможешь, прости меня…” В трубке послышались частые гудки»{397}.

Андропов руководствовался только собственным пониманием

государственных задач, никакие «национальные интересы» он не принимал во внимание. Именно он был в начале 70-х годов инициатором возмещения эмигрирующими в Израиль советскими евреями расходов за их учебу в вузах. Громыко был против, понимая, что такое решение обернется внешнеполитическими потерями, но Андропов своего добился. Потом, правда, когда он увидел, что Громыко оказался прав, исполнение решения было не отменено, но как бы «забыто».

* * *

Андропов начал с того, что были уволены знаковые фигуры предыдущего периода, «неприкасаемые» из окружения Брежнева (член Политбюро и секретарь ЦК КПСС А.П. Кириленко, секретарь ЦК КПСС по организационной работе И.В. Капитонов, министр внутренних дел Н.А. Щелоков, многие региональные руководители и др.); в центральном руководстве появились новые фигуры: стал секретарем ЦК по оборонной промышленности Г.В. Романов (составивший конкуренцию почти монопольно руководившему Вооруженными силами и ВПК Устинову), назначен первым заместителем председателя правительства Г.А. Алиев (бывший первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана), стал секретарем ЦК по оргработе Е.К. Лигачев, переведенный из сибирского Томска, где много лет был первым секретарем обкома, секретарем ЦК по экономике стал Н.И. Рыжков, ранее генеральный директор Уралмаша и затем — заместитель председателя Госплана СССР. Громыко получил кабинет в Кремле, став еще и первым заместителем председателя Совета министров. (Характерно, что уже тогда обострились отношения внутри политической верхушки. Так, Устинов в сентябре 1984 года неожиданно убрал маршала Н.В. Огаркова с поста начальника Генерального штаба за то, что тот стал поддерживать Романова.)

В сфере управления Андропов предпринял попытку разделить компетенции ЦК КПСС и правительства, чтобы «избежать дублирования», то есть устранить управленческую раздвоенность руководства, повысить ответственность партийного и государственного аппаратов. Ему принадлежит идея подготовки экономических реформ, отказа от доминирования валового подхода и превалирования ведомственных интересов. В основу реформ он ставил ускоренное развитие высокотехнологичной промышленности. И самое главное — разрабатывать программу реформ он поручил Горбачеву и Рыжкову, отодвинув

«брежневских отраслевиков» во главе с председателем правительства Тихоновым. Именно Андропов заложил основы будущей «перестройки» и смены поколений в верхушке.

В СМИ стала регулярно появляться информация о деятельности Политбюро, чего не было никогда ранее, а также публикации об уголовных делах против коррупционеров. Внимание Андропова коснулось даже строительства дач номенклатурных работников. Были проведены показательные судебные разбирательства против коррумпированных узбекских руководителей, против ряда директоров крупнейших московских магазинов и руководителей торговли; первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов застрелился. При этом Андропов показывал населению, что будет стимулировать частную инициативу В августе 1983 года «Правда» в передовой (то есть директивной) статье выступила за развитие личных подсобных хозяйств, которые теперь оценивались как серьезное подспорье семейным бюджетам и источником получения молодежью трудовых навыков.

Пограничной службе было предписано предотвращать проникновение в СССР печатных работ и магнитофонных записей, «способных нанести ущерб моральному состоянию населения»; было принято постановление ЦК КПСС «об укреплении трудовой дисциплины»; начата показательная борьба с так называемой «русской партией» — организована кампания критики статьи Михаила Лобанова «Освобождение» о романе писателя Михаила Алексеева «Драчуны», посвященного голоду 30-х годов, и одновременно с этим начата операция КГБ по искоренению коррупции в Узбекистане.

Укрепляя порядок, Андропов планировал в дальнейшем либерализацию в сторону рыночных реформ, что уже было начато в Китае. С января 1984 года стартовала реформа в виде эксперимента в пяти министерствах, повышающего роль экономических рычагов. (Рыжков потом вспоминал, что «умный Громыко» симпатизировал «нашей команде», то есть прежде всего ему самому и Горбачеву.) Следующей акцией нового руководителя стало ужесточение дисциплинарных наказаний за пьянство на производстве и отлучки с предприятия в рабочее время; за выпуск бракованной продукции стали штрафовать.

* * *

Показателен разговор на заседании Политбюро 12 июля 1983 года, коснувшийся оценок знаковых фигур недавнего прошлого.

Он был начат сообщением Черненко о вручении партбилета Молотову, восстановленному в КПСС, после чего встал вопрос о восстановлении в партии и других членов неудавшегося антихрущевского заговора 1957 года — Кагановича и Маленкова. Обсуждение показало много интересного.

Устинов; «Скажу прямо, что если бы не Хрущев, то решение об исключении этих людей из партии принято не было бы. Вообще не было бы тех вопиющих безобразий, которые допустил Хрущев по отношению к Сталину. Сталин, что бы там ни говорилось, — это наша история. Ни один враг не нанес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина».

Тихонов: «Он (Хрущев) нас, нашу политику запачкал и очернил в глазах всего мира».

Чебриков: «При Хрущеве ряд лиц был вообще незаконно реабилитирован. Возьмите, например, Солженицына».

Горбачев: «Что касается Маленкова и Кагановича, я бы тоже выступил за восстановление их в партии».

Устинов: «Не секрет, что западники нас никогда не любили. Но Хрущев им дал в руки такие аргументы, такой материал, который нас опорочил на долгие годы».

Громыко: «Фактически благодаря этому родился еврокоммунизм».

Тихонов: «А что он сделал с нашей экономикой!»

Горбачев: «А с партией, разделив ее на промышленные и сельские партийные организации!»

Черненко: «Я думаю, что по этим вопросам мы пока ограничимся обменом мнениями»{398}.

Как мы помним, в 1957 году Громыко выступал против Молотова, в поддержку Хрущева. Что же изменилось с тех пор? А изменилось многое: советское общество стало иным, оно ожидало от политической верхушки каких-то новых решений. Каких именно, в Политбюро не слишком представляли. Даже самый молодой из них Горбачев еще не отличался от ветеранов.

Показательно, как отреагировал Молотов на возвышение Андропова: «Я считаю, что за последнюю пару лет большим достижением для нас, коммунистов, стало появление двух человек. Во-первых, Андропов. Это для меня неожиданность, потому что я в кадрах, в частности, большевистских кадрах, разбирался неплохо. Громыко — мой выдвиженец, оказался на месте. Андропов — это первая неожиданность, но приятная неожиданность. Оказывается, в политике он твердый человек, с кругозором. Надежный человек. По-видимому, он здорово вырос

за годы работы. Оказался вполне надежным. И у меня был на месте. 07.11.1983»[399] *.

Конечно, можно посчитать, что сталинское поколение в лице Молотова благословляло новое руководство. Наверное, это так. Но на что благословляло? На постепенные реформы?

В это время за рубежом происходили события, которые трудно назвать обнадеживающими. В марте 1982 года Рейган подписал секретную директиву по национальной безопасности «NSDD-32», которая предписывала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе с применением тайных мер. В ноябре 1982 года появилась директива об экономической войне против СССР, для чего следовало обрушить мировые цены на нефть, воспрепятствовать поставке новых технологий, предоставлению дешевых кредитов, а также помешать строительству газопровода из Западной Сибири в Европу

Осуществление этого замысла задевало интересы западноевропейских компаний и вызвало возражения западноевропейских руководителей Г. Шмидта, Ф. Миттерана, М. Тэтчер, У. Пальме. Кроме того, европейские банки продолжали предоставлять кредиты СССР под низкие проценты. Для того чтобы заставить союзников подчиниться, Белому дому пришлось пригрозить закрыть для их компаний весь американский рынок. Тем не менее европейцы в конце концов все-таки заставили Рейгана отступить.

Реакция Москвы была внешне сдержанной, это видно по следующему высказыванию Громыко: «Соединенные Штаты пустили вход все доступные им средства — экономические, политические, дипломатические, чтобы заставить западноевропейские страны отказаться от проекта поставок советского газа в обмен на продажу труб… Говоря об обреченности такого курса, Л.И. Брежнев заметил: «Советский Союз — страна большая, с мощной экономикой и богатыми ресурсами. А социалистическое содружество в целом — и того больше. Так что мы уж как-нибудь пережили бы, пусть в этом ни у кого не будет сомнений. А вот среди тех стран, которых Вашингтон именует своими союзниками, многие гораздо больше зависят от внешней торговли во всем своем развитии. Так что неизвестно, по чьим интересам больше бьет политика ковбойских наскоков на междундродную торговлю и нормальные экономические связи»[400].

Американскому эмбарго на строительство газопровода сопутствовал один выразительный эпизод. Так, в Донбассе, в городе Харцызске, на трубном заводе, где впервые в Европе создавался законченный цикл производства изолированных труб

большого диаметра для газопроводов, неожиданно уехали специалисты из ФРГ. Это был вызов. Тогда под руководством председателя горисполкома Владимира Лунева, который взял огромную ответственность на себя, был успешно завершен монтаж нового оборудования и проведены пробные пуски. После этого немецкие коллеги вернулись на завод.

В январе 1983 года была принята директива СНБ-75, в которой было сформулировано, что целью является не сосуществование с СССР, а трансформация советской системы.

В январе 1983 года была принята директива президента Рейгана о дополнительном финансировании оппозиционного движения в Восточной Европе. В июле 1983 года в результате экономического давления США военное положение в Польше было отменено, политзаключенные амнистированы, оппозиция стала быстро расширять свое влияние.

В начале марта 1983 года Рейган объявил Советский Союз «империей зла», а его руководство — «средоточием зла в современном мире». Совет национальной безопасности США принял решение об изменении советской внутренней системы и о ведении экономической войны.

В конце марта 1983 года в нарушение договора о противоракетной обороне (ПРО) Рейган объявил о программе Стратегической оборонной инициативы (СОИ), прозванной программой «звездных войн», что должно было привести к использованию противоракетного оружия в космосе. При этом декларировалось, что программа вернет США утраченное абсолютное военное преимущество, что изменит «ход человеческой истории». В Москве это решение вызвало огромную тревогу, подобную периоду американской атомной монополии.

Киссинджер подчеркивал, что СОИ опрокидывала с огромными жертвами созданный военный паритет: «Как минимум, провозглашение Рейганом программы СОИ уведомило советское руководство, что гонка вооружений, которую они столь отчаянно начали в 60-е годы, либо полностью поглотит их ресурсы, либо приведет к американскому стратегическому прорыву»{401}.

Американцы также воспрепятствовали афгано-пакистанским переговорам, не позволив облегчить положение кабульского правительства. Было решено вообще обессилить СССР в третьем мире, а Афганистан превратить в «советский Вьетнам», резко активизировав военно-техническую помощь моджахедам. При содействии пакистанских спецслужб стали готовиться террористические акты на советской территории вдоль афганской границы. В Китае на границе с СССР были установлены посты

электронной разведки США.

Специальным решением Рейгана, принятым в конце марта, американским военным кораблям в Тихом океане было разрешено плавать и проводить учения в непосредственной близости от границ СССР — ближе, чем когда-либо раньше. Вскоре в районе Камчатки и Курильских островов появились три авианосных соединения ВМС США — 40 боевых кораблей с приданными им бомбардировщиками Б-52, разведывательно-командным самолетом типа «Авакс» и истребителями Ф-15. Американские ударные подводные лодки и самолеты противолодочной авиации впервые начали действовать в районе обычного патрулирования советских подводных лодок. Участились случаи нарушения американскими военными кораблями и самолетами территориальных вод и воздушного пространства СССР.

Такова была обстановка накануне трагедии с южнокорейским пассажирским самолетом.

В ночь на 1 сентября 1983 года произошло событие, которое сильно осложнило положение советского руководства и потрясло мир, — советский истребитель сбил над Сахалином самолет, который, беспрецедентно отклонившись от маршрута на 600 километров, пролетел над военными объектами СССР и не отвечал на запросы советских ПВО.

Советское руководство полет южнокорейского Боинга-747 над запретной зоной в воздушном пространстве СССР обоснованно считало разведывательным, однако вместо открытого объявления всех обстоятельств предпочло все замалчивать. Когда же перед лицом неоспоримых доказательств оно было вынуждено признать факт трагедии, то уже было поздно доказывать разведывательный характер полета.

Корниенко писал, что эта трагедия сопоставима с берлинским кризисом 1961 года и Карибским кризисом 1962 года. Решение замалчивать факт уничтожения самолета было принято после дискуссии между Громыко, Андроповым и Устиновым, инициатором которой выступил Корниенко, присутствовавший утром 1 сентября на совещании в Генеральном штабе и знавший все детали; «Я твердо считал, что мы, сознавая свою правоту, тем более должны были как можно скорее поведать миру о случившемся все, что нам было известно, выразив одновременно сожаление по поводу гибели ни в чем не повинных людей, ставших, как мы считали, жертвой чьего-то злого умысла. Между тем, вернувшись из Генерального штаба в МИД и доложив Громыко об обстоятельствах происшедшего, я получил от него поручение принять участие в подготовке сообщения ТАСС, смысл

которого сводился бы к тому, что нам ничего не известно о судьбе пропавшего южнокорейского самолета. Я попытался убедить Громыко в неразумности и пагубности такой линии поведения, но мои рассуждения были пресечены с ссылкой на то, что характер подобного сообщения уже согласован маршалом Устиновым с Ю.В. Андроповым. Поскольку я продолжал упорствовать, Громыко в итоге бросил: “Можете сами переговорить с Юрием Владимировичем”. Я позвонил Андропову в больницу, где он в те дни находился, и из разговора с ним понял: сам он склонен действовать предельно честно, хотя убежден в том, что история с южнокорейским самолетом — “козни Рейгана”. Сославшись на то, что против признания нашей причастности к гибели самолета “категорически возражает Дмитрий” (т. е. Устинов), Андропов тем не менее тут же, не отключая линию, по которой шел наш разговор, соединился по другому каналу с Устиновым и стал пересказывать ему приведенные мною аргументы. Но тот, не особенно стесняясь в выражениях по моему адресу (весь их разговор был слышен мне), посоветовал Андропову не беспокоиться, сказав в заключение: “Все будет в порядке, никто никогда ничего не докажет”. Закончив разговор с Устиновым словами: “Вы там, в Политбюро, все-таки еще посоветуйтесь, взвесьте все”, — Андропов предложил мне тоже быть на заседании и изложить свои сомнения. При нынешних радиотехнических и прочих возможностях, заметил я, наивно рассчитывать на то, что “никто ничего не докажет”, как полагает Устинов. Но Андропов завершил разговор: “Вот ты все это скажи на заседании”. Чувствовалось, что ему основательно неможется.

Однако на заседании Политбюро, которое вел Черненко, мое выступление прозвучало гласом вопиющего в пустыне — никто не стал спорить с Устиновым. В результате спустя более суток после случившегося было опубликовано следующее несуразное сообщение ТАСС: “В ночь с 31 августа на 1 сентября с. г. самолет неустановленной принадлежности со стороны Тихого океана вошел в воздушное пространство Советского Союза над полуостровом Камчатка, затем вторично нарушил воздушное пространство СССР над островом Сахалин. При этом самолет летел без аэронавигационных огней, на запросы не отвечал и в связь с радиодиспетчерской службой не вступал. Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря”»{402}.

Через несколько дней вышедший из больницы Андропов

сказал находившемуся в Москве Добрынину все, что думал «о тупоголовых генералах, поставивших наши отношения с США, столь трудно налаживаемые, на грань полного разрыва».

Когда советские генералы на пресс-конференции привели убедительные доводы в пользу своей версии, никто в мире не стал их слушать.

(В 1993 году по указанию президента России Б.Н. Ельцина были переданы в ИКАО все материалы и документы о гибели корейского самолета, и эта международная организация официально объявила, что снимает все обвинения с Советского Союза, которые выдвигались рейгановской администрацией.)

На фоне трагедии с пассажирским самолетом присуждение Нобелевской премии мира руководителю польского профсоюза «Солидарность» Леху Валенсе стало еще одним ударом по Москве.

Положение становилось все тревожнее. 2— 11 ноября НАТО провело крупное командное учение «Эйбл Арчер-83», в ответ на которое советское командование, опасаясь ядерного удара, задействовало через все зарубежные резидентуры внешней разведки операцию РАЯН (ракетно-ядерное нападение), приготовившись отражать удар. Причем советские дипломатические миссии о ней не были проинформированы.

В Мадриде на встрече с Громыко Государственный секретарь Шульц пытался навязать обсуждение темы о правах человека и об инциденте с самолетом, что не входило в повестку дня. Обычно уравновешенный Андрей Андреевич швырнул свои очки на стол, да так сильно, что чуть не разбил их.

В своих мемуарах он об очках не сказал ни слова, ограничившись таким замечанием:

«Затем я изложил нашу позицию по кардинальным вопросам ядерных вооружений. Отметил при этом:

— Утверждения, будто вопрос о самолете является проблемой номер один, надуманны. В действительности проблема номер один, которой живет весь мир, — предотвращение ядерной войны. И едва ли найдется хоть один американец, если, конечно, он в своем уме, который не считает, что именно это — наиболее острая общечеловеческая задача»[{403}].

Советско-американские отношения крайне обострились. 28 сентября 1983 года было опубликовано заявление Андропова, которое носило характер жесткой отповеди. Он обвинил США в провокации с корейским самолетом для нагнетаний «безудержной», «беспрецедентной» гонки вооружений, заявил, что СССР не будет закрывать глаза на то, что объявлен «крестовый поход» против социализма как общественной системы. Были

прерваны ведущиеся в Женеве переговоры о размещении в Европе ракет средней дальности и объявлено, что новые советские ракеты СС-20 будут размещены в ответ на размещение в Западной Германии ракет «Першинг-2». Советский Союз направил к тихоокеанскому и атлантическому побережьям США стратегические атомные подводные лодки — каждая с 16 ядерными ракетами, способными достичь целей за 6— 8 секунд (как и «Першинги-2»).

Кроме этого, существовал еще и тайный план ответных действий, который был разработан под контролем Устинова: размещение советских РС-20 на Чукотке, откуда они накрывали всю территорию Аляски и северо-западную часть Канады. Для этого там была размещена 99-я мотострелковая дивизия (как 14-я армия генерала Олешева в 1946 году), чтобы под ее прикрытием монтировать грозные установки с коротким подлетным временем, по сути, зеркально повторяя угрозы размещаемых в Европе «Першингов-2». Однако в декабре 1984 года умер Устинов, и план быстро свернули.

Впрочем, у военных существовал еще один план, который можно назвать так: «1941 год не должен повториться». Маршал Огарков признавался Гриневскому: «Мы не собираемся дожидаться, когда на нас нападут, как это было в 1941 году Мы сами начнем наступление, если нас вынудят к этому и мы обнаружим первые признаки начала ядерного нападения НАТО. Мы вправе назвать это нашим ответным ударом, не дожидаясь, когда противник начнет забрасывать нас ракетами. Поэтому на наших военных учениях мы отрабатываем наступательные операции… мы нанесем десятки, а если надо, то и сотню ядерных ударов. Цель — взломать глубоко эшелонированную оборону НАТО на глубине 50—100 километров вдоль линии фронта. После этого пойдут танки — ударные армейские группы пяти фронтов начнут наступление на Западную Германию. В течение 13—15 дней наши войска должны занять территорию Западной Германии, Дании, Голландии, Бельгии и выйти на границу с Францией. Там происходит перегруппировка войск и, если Европа еще будет в состоянии сопротивляться, начинается второй этап операции силами двух вновь созданных фронтов. Один наносит удар в направлении Нормандии, другой — выходит к границе с Испанией. На эту операцию по выводу Франции из войны отводится 30—35 дней…»{404}

И хотя начальник Генерального штаба, как и должно военному человеку, верил в победу СССР в ядерной войне, было не очень понятно, как жить после такой победы?

Разумеется, Громыко знал о плане опережающего удара, но

вел переговоры, утверждая, что Советский Союз не намерен нападать первым. На первый взгляд это никак не стыковалось — превентивное нападение и заверения в мирных намерениях.

Но подчеркнем: помня трагедию 1941 года, в Кремле могли отдать роковой приказ только в случае первых признаков ядерного нападения на Советский Союз. И, как говорил Андрей Андреевич, за дипломатией должна стоять сила.

Как ни парадоксально, в это время Рейган обращался к Андропову с личными письмами, предлагая встретиться. Однако Андропов, по воспоминаниям Александрова-Агентова, воспринимал их «как проявление лицемерия и желание запутать, сбить с толку руководство СССР».

В конце сентября Громыко встречался с Рейганом, тот сказал поразительные вещи: Соединенные Штаты признают Советский Союз как сверхдержаву, у них нет желания изменить его социальный строй, «давайте вместе управлять миром»{405}.

Андрей Андреевич считал, что это было «окном возможностей», хотя Политбюро сочло это «предвыборным трюком» американцев, которые захотели перед президентскими выборами сыграть на мирной тематике. Так ли это было на самом деле, уже невозможно понять.

Генеральный секретарь знал о тяжести ситуации, но был уверен в способности государства и общества успешно выйти из нее. Он считал главными две проблемы, решив которые Советский Союз должен был преодолеть опасный поворот: подъем производительности труда и создание условий для научно-технических достижений. Кроме того, Андропов осознавал, что развитию СССР препятствует косность существующей идеологической практики, которая опирается на довоенные теоретические постулаты.

О реальном положении страны, каким его видел Андропов, дает представление запись Гриневского о встрече с ним 16 декабря 1983 года. Андропов, которому жить оставалось меньше двух месяцев, находился в больнице. Он предупредил посла, уезжавшего в Стокгольм на переговоры по разоружению:«Международная обстановка перенапряжена. Пожалуй, впервые после Карибского кризиса Соединенные Штаты и Советский Союз уперлись лбами. Они хотят нарушить сложившийся стратегический паритет и создать возможность нанесения первого обезоруживающего удара. А мы… — он опять замолчал, — экономика наша в плачевном состоянии — ей нужно придать мощное ускорение, но наши руки связаны афганской войной. Американцы же делают все, чтобы не выпустить нас из Афганистана… Нам не удалось помешать размещению их средних

ракет в Европе. Тут нужно честно признать — мы проиграли. Теперь Стокгольм. Американцы там будут исполнять песенку на мотив “Все хорошо, прекрасная маркиза”, а вас заставят подпевать. Так что вам ни на шаг нельзя ни в чем уступать. Это будет выглядеть как наше поражение.

Нам остается одно, — продолжал он ровным, без эмоций, голосом, — как в XIX веке после Крымской войны бросить лозунг — “Россия сосредоточивается” и набирать силу. Будем сильными — нас будут уважать и про права человека не вспомнят. Не будем сильными — все развалится”»[406].

Однако Андропову суждено было мало сделать. Он был тяжело болен и не располагал необходимым запасом времени, к тому же в Политбюро не было единства. С Андроповым конкурировал «второй» секретарь ЦК Черненко, тоже пожилой и больной человек. Чтобы укрепить свои позиции, Андропов приблизил к себе секретаря ЦК по вопросам сельского хозяйства М.С. Горбачева, самого молодого члена Политбюро.

Существует версия и о карьерных устремлениях Андрея Андреевича. Ее высказал Александров-Агентов: «В ожидании кончины Андропова Громыко нацелился на пост Генерального секретаря. Устинов и другие поставили ему заслон из умирающего Черненко — лучше никакой Генеральный секретарь, чем Громыко…»[407]

Впрочем, эта версия крайне сомнительна.

9 февраля 1984 года Андропов скончался от острой почечной недостаточности. 13 февраля генеральным секретарем был избран Черненко, сделавший свою карьеру в партийном аппарате и всегда обеспечивавший интересы Брежнева. Этот опытный, умный и осторожный администратор был болен астмой и рассматривался как переходная фигура. При нем продолжилась андроповская линия на обновление руководства, был сменен 81 областной партийный руководитель.

* * *

20 декабря 1984 года умер Устинов, самый влиятельный член советского руководства. Из «большой тройки» остался один Громыко.

10 марта 1985 года умер Черненко.

«Гонки на лафетах» по Красной площади закончились.

Глава 44.
ГРОМЫКО ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ И ДЕЛАЕТ СТАВКУ НА ГОРБАЧЕВА

«Заговор академиков»

Что же тогда собой представлял советский ареопаг? На пост генерального секретаря могли претендовать несколько членов Политбюро: «второй» секретарь ЦК Горбачев, секретарь ЦК по оборонной промышленности Г.В. Романов, секретарь Московского горкома партии В.В. Гришин, первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий. Громыко не претендовал, но мог сыграть решающую роль как старейшина.

Реальная борьба за роль преемника велась между 54-летним Горбачевым, он представлял партаппарат, и 62-летним Романовым, курировавшим военно-промышленный комплекс. Когда говорят, что выбор молодого по сравнению со «старцами» Горбачева был предопределен, в этом есть либо непонимание ситуации, либо лукавство. Романов тоже был далеко не старик. Он обладал огромным опытом, был участником Великой Отечественной войны, кораблестроителем, конструктором, прошел все ступени партийной работы, начиная с низовой должности секретаря заводской партийной организации. В 1983 году по решению Андропова стал секретарем ЦК и курировал отделы административный (армия, КГБ, МВД), оборонной промышленности, промышленности. Не исключено, что Андропов рассматривал его как своего преемника. В бытность Романова первым секретарем Ленинградского обкома партии распространился слух, что его дочь праздновала свою свадьбу в Эрмитаже и при этом был разбит драгоценный царский сервиз; на самом же деле свадьбу отмечали в узком кругу на государственной даче Романова. Однако слух имел широкое распространение и даже как достоверная информация распространялся западными СМИ, что придало ему черты достоверности. Кремль легко мог его опровергнуть, но когда руководство КГБ поставило этот вопрос перед Сусловым, тот ответил: «Мы Романова ни в чем не обвиняем, нам опровергать нечего»[{408}].

Таким образом, главный идеолог не захотел защищать репутацию руководителя крупнейшей (после Москвы) партийной организации. Почему так вышло, остается только гадать. Но Суслов уже перешел в мир иной и мог повлиять на расклад сил в Политбюро только как воспоминание. Равно как и Устинов, который при жизни ревниво относился к волевому Романову, воспротивившись его выдвижению на пост «второго» секретаря, поддержав более покладистого и удобного Горбачева.

В декабре 1984 года Горбачев во главе официальной

делегации был в Англии, встречался с премьер-министром Маргарет Тэтчер, на которую неожиданно произвел впечатление тем, что не был похож на других советских руководителей. Незадолго до этой встречи Тэтчер провела в загородном поместье Чеккерс специальные слушания, на которых был сделан вывод, что Советский Союз не может вложить огромные средства в собственную программу СОИ. Горбачев показался ей раскованным, он даже позволил себе не посетить могилу Карла Маркса. Тэтчер позднее заявила журналистам: «Это человек, с которым можно вести переговоры и договариваться»[409]. Но о чем договариваться, она не сказала. Через неделю после встречи с Горбачевым она уже обсуждала в Кемп-Дэвиде с Рейганом программу СОИ и участие в ней британского ВПК. Идею СОИ она вообще считала главной составляющей победы Запада в «холодной войне».

Естественно, Горбачев ничего этого не знал, у него были другие проблемы.

К началу 1985 года состав членов и кандидатов в члены Политбюро, избранных пленумом ЦК в марте 1981 года, сильно поредел: умерли М.А. Суслов, Л.И. Брежнев, Т.Я. Киселев,

А. Я. Пельше, Ш. Р. Рашидов, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, отправлен на пенсию А.П. Кириленко. Вот те, кто остался и должен был предложить кандидатуру на пост генерального секретаря: первый заместитель председателя Совета министров СССР Г.А. Алиев, председатель Совета министров РСФСР В. И. Воротников; «второй» секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, первый секретарь МГК КПСС В.В. Гришин, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев, секретарь ЦК КПСС Г В. Романов, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М.А. Соломенцев, председатель Совета министров СССР Н.А. Тихонов, первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий. Кандидаты в члены Политбюро и «простые» секретари ЦК имели совещательный голос.

Как писал Валерий Легостаев, помощник секретаря ЦК по организационной работе Е.К. Лигачева, «если теперь посмотреть на эти десять фамилий с точки зрения их отношения к кандидатуре М.С. Горбачева, то картина складывается, предположительно, такая. Трое — Тихонов, Романов и Гришин — определились еще в феврале 1984 г., не проявив в общем-то радости по поводу выдвижения М.С. Горбачева на вторую ступень в партии. Двое — Кунаев и Щербицкий, судя по всему, также не являлись сторонниками М.С. Горбачева. Во всяком случае, решающее заседание Политбюро после кончины К. У Черненко,

на котором председательствовал сам М.С. Горбачев, постарались провести без их участия. Наконец, представители новой, так сказать, андроповской волны в Политбюро — Алиев, Воротников, Соломенцев — склонялись в пользу М.С. Горбачева, усматривая в его восхождении определенные политические шансы и для себя»{410}.

Как видим, расклад сил неопределенный, многое зависело от закулисной борьбы и позиции Громыко.

О Громыко у Горбачева сказано весьма холодно: «Да и у Громыко по отношению ко мне появились какие-то новые, ревнивые нотки, особенно после моей поездки в Великобританию. Еще Андропов, как бы в качестве дани своему другу и партнеру, чтобы как-то его ублажить, сделал Андрея Андреевича первым заместителем председателя Совета министров СССР. Тогда Громыко занял кабинет в Кремле, сохраняя резиденцию на Смоленской площади. В окружении Андропова начали поговаривать о неуемном стремлении Андрея Андреевича к власти, о его большом тщеславии…

Оказавшись де-факто у руководства Политбюро и Секретариата, я не допускал бесконтрольности за деятельностью МИД. Потом мне стало известно, что вдруг заработал механизм по налаживанию взаимопонимания между мною и Громыко. Включились в это дело сын Громыко, Анатолий, и Крючков. Обо всем мне рассказал Александр Яковлев, бывший с Крючковым в близких отношениях. Громыко, реагируя на их соображения, вроде бы задумался и кое-что переосмыслил»{411}.

Горбачев хорошо помнил критические отзывы Громыко на его «чересчур саморекламное» поведение во время визита в Англию в 1984 году и строгое внушение советским послам, которые сообщили в Москву о благоприятных откликах в западных столицах на ту поездку.

Однако расклад сил в Политбюро и партийном аппарате все же был в пользу Горбачева, по сути он был единственным представителем молодого поколения, который мог продолжить начатое Андроповым.

Мощную закулисную деятельность в поддержку Горбачева развернул Лигачев, в чьих руках были сосредоточены все каналы воздействия на региональные организации. Кроме того, на первое заседание Политбюро не были вызваны в Москву находившийся в США Щербицкий, в прибалтийской Паланге — Романов, в Алма-Ате — Кунаев. С их доставкой в столицу произошла необъяснимая задержка.

Легостаев так писал о действиях аппарата ЦК в те дни: «По единой команде буквально за несколько часов вся колоссальная

держава, раскинувшаяся на территории в 22 с лишним миллиона квадратных километров, была оповещена о происшедшем событии; тут же были отмобилизованы все службы обеспечения политической стабильности страны в кризисные моменты; все, кому надлежало срочно прибыть в Москву, получили соответствующие директивы»{412}.

Теперь вернемся к Андрею Андреевичу. О чем думал он тогда? Его ближайших соратников уже не было рядом, международное положение не радовало, экономика страны переживала большие трудности. Кроме того, он не мог не думать о своем возрасте. Да, жизнь прожита, дети выросли. Остается помочь идущим следом принять и удержать колоссальную ношу. Итак, Романов или Горбачев?

Имея в виду международную обстановку, надо было учитывать и способность будущего лидера уметь договариваться с Западом.

Надо вспомнить и о роковой задержке смены политических поколений в советском руководстве. Она обнаружилась еще при Сталине, который хотел, но не смог и не успел организовать передачу власти представителю следующего поколения. Хрущев фактически занял место, которое по исторической логике должно было достаться Брежневу (Устинову или кому-то другому из их поколения). Когда государство возглавил Брежнев, он убрал с политической арены следующее молодое поколение (А.Н. Шелепин и другие так называемые «комсомольцы»). Когда брежневское поколение полностью выработалось, то оказалось, что выбирать особо-то и не из кого.

К тому же сформированная по номенклатурно-бюрократическому принципу элита была разделена на группы интересов, самой значительной из которых были региональные партийные руководители, превосходящие по влиятельности отраслевых. После того как исчерпалась сталинская мобилизационная модель модернизации и иссякла брежневская «стабильность», руководство оказалось перед неразрешимой проблемой: наследник мобилизационной линии Романов казался опаснее играющего под «своего парня» агрария, о котором, впрочем, из-за его некоторых непродуманных инициатив и поверхностных суждений многие члены ЦК отзывались далеко не лучшим образом.

В ту пору сын министра, Анатолий Андреевич, работал директором академического Института Африки. В один из зимних дней 1984 года в его кабинете раздался звонок телефона правительственной связи, звонил коллега — директор Института востоковедения Примаков. Договорились прогуляться вдоль

заснеженных Патриарших прудов. Во время встречи Примаков неожиданно спросил, будет ли Андрей Андреевич бороться за пост генерального секретаря. Сын не знал, что ответить, но с этой минуты министр постепенно был втянут в предвыборную интригу.

В конце недели в личной беседе Анатолий Андреевич прямо передал отцу опасения некоторых академиков (Примаков, Велихов) и свои собственные: «Академическая среда отражает настроения в обществе. Все боятся появления противозаконного режима, преследующего людей по доносам»{413}.

Надо понимать, опасения касались Романова.

На вопрос о собственных перспективах Громыко ответил: «Не за горами мое 80-летие. После перенесенного, как мне сказали, “легкого инфаркта”, да еще при аневризме, да еще операции на предстательной железе, думать о такой ноше, как секретарство, было бы безумием… Остаются Гришин, Романов, Горбачев. Вот они и будут претендовать»{414}.

Впоследствии он горько пожалел, что не «думал о секретарстве».

Еще Андрей Андреевич очень высоко отозвался об Алиеве как о порядочном человеке и сильном руководителе. Он знал и то, что сразу после войны Гейдар Алиевич, будучи офицером внешней разведки, работал в Иране во время борьбы СССР за нефтяные концессии и проявил себя очень достойно.

Психологическое состояние министра сын передал достаточно убедительно. «Тщеславие и капризы, пустозвонство и надменность, а главное, лицемерие — все это надо было отбросить в сторону с одной целью — спасти корабль. Сделать это можно было только с помощью решительных неординарных шагов, оперевшись на молодые кадры в партии и государстве. Андрей Громыко мучительно шел к этому решению»{415}.

Анатолий Андреевич встретился с директором Института мировой экономики А.Н. Яковлевым, который после десятилетней службы послом в Канаде вернулся в столицу и был одним из близких Горбачеву людей. Оба договорились содействовать в поддержке Горбачева. Яковлев подвел итог договоренности: «Анатолий Андреевич, перспектива одна — кого на Политбюро Громыко выдвинет, тот и будет следующим генсеком».

Кстати, Андропов имел основания относиться к Яковлеву с подозрением и однажды, как вспоминал Александров-Агентов, сказал: «Назад, в аппарат ЦК, ему пути нет!» Однако после смерти Андропова ситуация в Кремле изменилась, Яковлева стал поддерживать начальник внешней разведки, выдвиженец Андропова Крючков{416}.

Затем Анатолий Андреевич снова встретился с отцом, тот снова пожаловался на возраст и признался, что решил переходить на более спокойную работу.

Тогда сын спросил: «Почему бы не дать знать через Яковлева Горбачеву, что тебя устроит пост председателя Президиума Верховного Совета СССР?»

Так наметилось взаимодействие: Громыко выдвигает Горбачева, а Горбачев потом предлагает кандидатуру Громыко. Похоже на пошлый обмен услугами, не более того. Однако в действительности решалась судьба страны. Советский Союз был настолько милитаризован, что, казалось, малейший дополнительный груз будет смертельным. На общество давила усталость от милитаристской политики Устинова, от необъявленных войн, от перенапряжения экономики, от заскорузлой пропаганды.

Анатолий Андреевич передал Яковлеву, что Громыко выдвинет Горбачева, тот заверил, что Горбачев поддержит Громыко. В тайных переговорах участвовал и начальник внешней разведки В. Крючков, за которым стоял и председатель КГБ В. Чебриков.

Как свидетельствовал Яковлев, состоялась и личная встреча главных фигурантов{417}.

Таким образом, «заговор академиков» состоялся. Он действительно был заговором одной части политической элиты против другой, но едва бы реализовался, если бы урбанизированное советское общество к тому времени не выступало за перемены.

На следующий день после смерти Черненко, 11 марта, за двадцать минут до заседания Политбюро, Горбачев и Громыко встретились и условились о сценарии. На заседании, захватив инициативу, первым выступил Громыко, выдвинув кандидатуру Горбачева. Никто не осмелился возразить, боясь в случае избрания Горбачева оказаться в проигрыше. Патриарха поддержал Чебриков, выдвиженец Андропова, что со всей очевидностью демонстрировало серьезную подготовленность горбачевской группировки. Дело было сделано.

Один из ближайших соратников Горбачева на первом этапе, Николай Рыжков, вспоминал: «Это была, как я считаю, важная личная победа Егора Лигачева, заранее проговорившего все варианты едва ли не со всеми, кому предстояло поднять руку — за или против — нашего лидера»{418}.

12 марта, теперь уже на пленуме ЦК, снова первым выступил Громыко.

«Его небольшое выступление с рекомендацией М.С. Горбачеву

было эмоциональным, энергичным и для того времени новаторским, проникнутым чувством глубокой личной симпатии к человеку, которого ему было поручено представить пленуму. Оно было хорошо встречено участниками заседания. Однако если попытаться проанализировать речь А. А. Громыко в содержательном плане, то легко видятся ее слабые стороны. Всего четыре строки занял рассказ об “огромном опыте партийной работы” кандидата: вначале в масштабе края, а потом здесь, в центре, в Центральном Комитете, сначала секретарем, потом членом Политбюро. Он вел Секретариат, как известно. Он председательствовал также на заседаниях Политбюро в отсутствие Константина Устиновича Черненко. Вот, собственно, и все. Обращает на себя внимание, что оратор не счел возможным обмолвиться хотя бы словом о той сфере деятельности М.С. Горбачева, которой тот посвятил почти все свои трудовые годы, а именно — о его деятельности по руководству сельским хозяйством. Также ни слова не было сказано о тех конкретных результатах, которых добивался кандидат в лидеры партии и страны на тех участках, которые ему довелось возглавлять.

Вместо этого А.А. Громыко, с мастерством знающего свое дело дипломата, сосредоточивался на описании личных качеств М.С. Горбачева. Он говорил, что это человек принципов, сильных убеждений; что он всегда умеет находить такие решения, которые отвечают линии партии; что он очень хорошо и быстро схватывает суть процессов, которые происходят внутри нашей страны; что этот человек умеет аналитически подходить к проблемам; что у него партийный подход к людям. Был сделан также намек, что избрание Михаила Сергеевича позволит сохранить единство Центрального Комитета и Политбюро, к вящему огорчению наших политических противников за рубежом»[{419}].

Пленум избрал Горбачева генеральным секретарем. Лигачев, Чебриков и Рыжков стали членами Политбюро, сразу установив в нем численный перевес сторонников Горбачева.

Помощник Лигачева не преувеличивал, выступление Громыко действительно было пропагандистским и вовсе не аналитическим. Да и нечего было анализировать: провинциальный партийный руководитель, каким был Горбачев, отличался молодостью, работоспособностью, энергией, внешней скромностью, здоровьем. И общество с ликованием восприняло нового лидера, который в считаные недели стал кумиром.

Романов, который в содержательном плане был сильнее, практически не имел шансов: он принадлежал к уходящему поколению. Через три месяца Горбачев отправил соперника на пенсию «по состоянию здоровья», начав таким образом

радикальную чистку высшего руководства.

Думал ли о себе Андрей Андреевич, что он тоже в любом случае будет вскоре вытеснен из внешней политики, станет декоративной фигурой, а потом и вовсе уйдет на пенсию?

Он сделал все, что было в его силах и что диктовалось условиями времени. На нем лежали не только достижения уходящей эпохи, но и ее грехи — в том числе и ненахождение достойного выхода из противостояния со всем миром — Америкой, Европой, Китаем.

Андрей Андреевич не знал, что во время пленума Горбачев встречался с Добрыниным и не скрывал от посла, что «недоволен консервативным и догматическим подходом Громыко к кардинальным вопросам внешней политики СССР, в частности, на американском направлении»{420}.

Сильным мира сего редко удается уловить момент перехода настоящего времени в прошедшее. Новое время просто накрывает их вдруг нагрянувшей волной и утаскивает с пьедестала куда-то в исторические архивы, иногда предоставляя возможность поразмыслить о собственных ошибках, человеческой неблагодарности и железном ходе Истории.

Однако, кроме личных качеств и управленческого опыта нового генерального секретаря, который работал только в комсомольских и партийных органах, были и иные обстоятельства, определяющие положение этого человека как «орудия истории». На одно из них обратил внимание философ Александр Зиновьев, указав на самое слабое место в системе власти в СССР, заключавшееся в фигуре генерального секретаря ЦК КПСС: «Проведите своего человека в Генсеки, т. е. захватите эту ключевую позицию, и вы захватите все советское общество. Генсек развалит Политбюро и с его помощью весь ЦК. Это приведет к распаду всего аппарата КПСС. Распад КПСС приведет к распаду всей системы государственности, а развал последней — к развалу всей страны. Так уж этот социальный организм устроен!»{421}

Нет, Горбачев, разумеется, не был прислан в Москву из Лондона или Вашингтона, он был продуктом советского исторического процесса. Возможно, не магистрального направления, а ответвления.

Видимо, не случайно в ноябре 1991 года, менее чем за месяц до своей отставки с поста президента СССР, Горбачев «назвал себя диссидентом с 1953 г».{422}.

Обвал

Продолжалась направленная против экономики СССР операция, проводимая неутомимым директором ЦРУ Уильямом Колби, который, получив полную поддержку Рейгана, вел конструктивные переговоры с финансистами, нефтяниками, руководителями западноевропейских и ближневосточных стран, ближайшим окружением папы римского, создавал невидимую экономическую и политическую реальность. Для проникновения в среду польской оппозиции были задействованы возможности Ватикана и израильской разведки.

В 1985 году в Институте системного анализа Академии наук СССР по заданию КГБ был подготовлен доклад «На пороге третьего тысячелетия (Глобальные проблемы развития СССР)», в котором были представлены результаты компьютерного моделирования мирового развития на период 1980—2000 годов и далее. В отличие от зарубежных прогнозов, которые предсказывали благополучное существование СССР в XXI веке, данный доклад называл временной отрезок «1990—2000» кризисным в связи с падениями темпов экономического роста (до двух процентов в год), увеличением стоимости добываемых энергоресурсов и низким качеством научно-технического развития; СССР не мог обеспечивать свой импорт зерна за счет увеличения экспорта энергоресурсов. Следовательно, иссякал источник на дотации из бюджета РСФСР союзным республикам (50 миллиардов долларов), а также на поддержку стран социалистического лагеря и развитие ВПК. Разработчики доклада представили сценарий ускоренного развития СССР, при котором темпы роста поднимались до 5,5 процента в год. Для этого требовалось провести реформы хозяйственного механизма, введения конкуренции и рыночного регулирования экономики. Показательно было положение науки. С одной стороны, она достигла небывалой высоты в сфере военной техники, а с другой — слабая исследовательская база гражданских научных институтов и нацеленность промышленности на плановое воспроизводство уже достигнутых результатов создавали трагический разрыв между возможностями интеллектуального слоя и ограниченностью системы. К тому же низкий покупательный уровень населения и неспособность власти изменить уравнительный порядок оплаты труда препятствовали развитию спроса на технологические новинки.

Когда в середине 1980-х годов в СССР на Горьковский автомобильный завод, который в 30-е годы был построен по

образу завода «Ривер Руж» в Детройте, были приглашены инженеры фирмы «Форд», они обнаружили, что некоторое оборудование сохранилось со времен первой пятилетки, а общая планировка и управленческая структура завода оставались такими же, как на «Ривер Руж» 50 лет назад. При этом автомобили завода пользовались устойчивым спросом, а у директората не было стимулов совершенствовать продукцию.

Вспоминается анекдот 70-х годов. В гостинице «Националь» в центре Москвы один японец слышит громкие крики, раздающиеся из соседнего номера. Он интересуется у горничной:

— Что случилось?

— Это с Владивостоком разговаривают.

— Неужели нельзя позвонить? — спрашивает японец. Это к вопросу о тогдашней проводной связи. Например, к 1998 году в России на одну телефонную линию приходилось шесть потребителей (общее количество телефонных линий чуть больше 25 миллионов), тогда как в США — 1,5 (182 миллиона). При этом еще в 1957 году советский инженер Л.И. Куприянович создал первый носимый мобильный телефон ЛК-1 весом 3 килограмма, радиусом действия 20—30 километров и временем работы без смены батарей 20—30 часов и базовую станцию к нему. Через год он создал опытные образцы компактных мобильных телефонов весом 500 граммов и размерами с папиросную коробку. В 1958 году в СССР началось создание системы автомобильных телефонов «Алтай», которыми были оснащены спецслужбы и государственные органы. Но широкого распространения система мобильной связи не получила{423}. Эффект от автоматизации и внедрения новой техники в СССР был заметно ниже, чем на Западе в значительной мере потому, что была крайне низкой оплата труда квалифицированных рабочих (почти такой же, как и у неквалифицированных), предприятия не были заинтересованы в модернизации производства. Дешевле было использовать механические станки, чем автоматизированные системы{424}.

Например, изобретенный в СССР метод непрерывной разливки стали действовал только на 13 процентах заводов, а в Японии, купившей лицензию, — на 75 процентах.

Кроме того, опережая западные страны по важнейшим экономическим показателям (производство электроэнергии, цемента, выплавка стали и т. д.), Советский Союз отставал в технологическом отношении. Эмбарго Рейгана на импорт технологий было не случайным. К тому же экономические реформы в СССР практически не задели систему управления, породив при этом в среде интеллигенции широкие реформаторские ожидания и сомнения в базовых

социалистических ценностях.

«В начале 1985 года тайная экономическая война против Кремля начинала приносить плоды. Ожидаемые кредиты, твердая валюта и технологии с Запада почти не поступали. Принципиально важное для получения твердой валюты строительство сибирского газопровода двигалось вперед, но размах его был уменьшен вдвое, а срок окончания отодвинут на два года. Хотя американские санкции были отменены, они сумели вызвать принципиальные нарушения в сроках строительства… В 1980 году предполагалось, что газопровод, вероятно, принесет от 8 до 10 миллиардов долларов в твердой валюте ежегодно, уже начиная с 1985 года, и от 15 до 30 миллиардов долларов — в девяностые годы, когда найдутся получатели для второй очереди (в зависимости от цен на нефть). Но из-за непримиримой позиции президента Рейгана второй очереди не будет, а в результате санкций Москва в самой трудной экономической ситуации должна ждать еще два года поступлений в твердой валюте. Кроме того, она уже потеряла от 15 до 20 миллиардов из-за срыва первой очереди»{425}.

Всего от внешнеэкономической деятельности СССР получал около 32 миллиардов долларов в год, военная операция в Афганистане отнимала до 3 миллиардов долларов, помощь Польше — минимум 2 миллиарда, а там еще Сирия, Куба, Вьетнам… Вскоре должны были последовать новые тяжелые удары, о которых в Москве еще не знали.

Американцы предполагали, что при Горбачеве советская политика должна измениться и что он будет вынужден начинать диалог на новых условиях, а пока, как сказал Рейган, он не собирался «отказываться ни от одной из наших операций».

Что касается Кремля, то в 1985 году у Горбачева и его окружения «незыблемость и прогрессивность социалистического строя не подвергалась сомнению»{426}.

Рыжков, будущий председатель правительства СССР, оценивал ситуацию как кризисную: «В 1982 году рост реальных доходов населения — впервые после войны! — скатился до нуля. Нужно было, не мешкая, решать, что делать немедленно, как наскоро залатать дыры и, главное, какими путями, какими способами вести народное хозяйство дальше, вернее, выводить его, вытягивать из болота»{427}.

В августе 1985 года советской экономике был нанесен спланированный удар: под давлением Соединенных Штатов Саудовская Аравия резко увеличила производство нефти, обрушив тем самым мировые цены. В ноябре 1985 года цена одного барреля сырой нефти составляла 30 долларов, а спустя

пять месяцев — 12 долларов. Понижение цены каждого барреля на один доллар обходилось бюджету СССР в один миллиард долларов. В итоге только на разнице цен исчезло 18 миллиардов долларов. Еще раз была подтверждена истина: сырьевой рынок — это рынок продавца.

Валютные поступления СССР, позволившие поддерживать стабильность, уменьшились в три раза. В 1986—1988 годах бюджет потерял около 40 миллиардов долларов, экспорт советского оружия снизился на 2 миллиарда долларов. Кроме того, из-за девальвации доллара на одну четверть пропорционально уменьшалась вся экспортная валютная выручка.

Гайдар утверждал, что в 1985—1986 годах на политическом уровне не обсуждалось, какие меры надо предпринять для управления финансовым кризисом, а вместо этого принимались ошибочные решения — антиалкогольная кампания (потеря 25 миллиардов рублей в 1987 году), значительное увеличение капитальных вложений, сокращение импорта промышленных товаров народного потребления, что нанесло еще один удар по рынку.

Однако Гайдар либо не знал, либо умалчивал о столкновениях в советском руководстве по поводу экономических преобразований и финансовой политики.

Что же произошло с Горбачевым? Образно говоря, он с размаху налетел на экономические проблемы, которые попытался спешно разрешить. Отсоветовав Андропову провести реформу ценообразования и структурную реформацию народного хозяйства в направлении рынка, он и в 1985 году не захотел рисковать. Как писал последний глава советского правительства Валентин Павлов, Горбачев «вместо прямого пути к рынку занялся политическим маневрированием, сосредоточившись на борьбе за власть».

«На том достаточно высоком уровне развития экономики, который был достигнут в СССР к 1985 году, у страны был достаточно большой запас прочности, чтобы почти безболезненно перейти к новым формам организации общественного производства, к *рыночным* методам хозяйствования… Но для такого цивилизованного движения требовалось не сокрушать экономику, а использовать имеющиеся финансовые рычаги и административные возможности, позволявшие в сжатые сроки провести структурную перестройку сначала денежно-финансовой системы, а затем и всей системы хозяйствования. Подготовившись таким образом к завершающему броску в рынок, можно было уже спокойно, без социальных катаклизмов решить ряд важных организационных вопросов — таких, как создание современной

налоговой инспекции, фондовой биржи и так далее, — а затем без опаски приступать к освобождению цен, к открытию экономических границ. Велика вина перед народом, перед Отечеством тех, кто намеренно сорвал эту возможность благоприятного для всех исхода рыночных преобразований»{428}.

Павлов не преувеличивал тогдашние возможности советской экономики. После избрания Андропова генеральным секретарем Объединенный экономический комитет конгресса США получил от ЦРУ доклад о состоянии советской экономики, в котором говорилось: «В СССР наблюдается неуклонное снижение темпов экономического роста, однако в обозримом будущем этот рост будет оставаться положительным… Несмотря на то, что между экономическими планами и их выполнением в СССР имеются расхождения, экономический крах этой страны не является даже отдаленной возможностью»{429}.

Председатель Госплана СССР Николай Байбаков писал, что с 1966 по 1985 год национальный доход вырос в 4 раза, промышленное производство в 5 раз, основные фонды в 7 раз, сельскохозяйственное производство в 1,7 раза, производство товаров народного потребления в 3 раза, реальные доходы населения в 3,2 раза{430}.

Кроме того, была фактически завершена электрификация села, проведена газификация страны: с трех до 40 миллионов квартир и домов — двенадцатикратный рост. В социальном плане — установлена ежемесячная гарантированная оплата труда в колхозах и введено социальное страхование колхозников (государственные пенсии, больничные и т. п.); введено повсеместное среднее школьное образование; увеличен минимальный размер оплаты труда до 60, а затем до 70 рублей в месяц (примерно 8 тысяч рублей в пересчете на цены 2011 года), минимальный размер пенсии — до 50 рублей (около 6 тысяч рублей); общественные фонды потребления (социальные расходы) выросли в три раза.

В какой же момент советская экономика надломилась?

В начале перестройки Горбачев объявил программу модернизации машиностроительного сектора, названную «Ускорением». С 1985 года в оборонных отраслях делался упор на производство гражданской продукции и на конверсию. Приоритет отдавался производству нового вооружения с более качественными характеристиками и сокращению средств нападения: танков, ударной штурмовой авиации, артиллерии, отдельных видов ракетной техники. Резко сокращались расходы на оборону. Однако экономический эффект не мог быть получен мгновенно. Юрий Маслюков, бывший тогда председателем

Военно-промышленной комиссии, писал: «Многие наивно полагали, что как только сократится производство вооружения и военной техники, то предприятия сразу же начнут выпускать нужные народному хозяйству товары… На деле все обстояло гораздо сложнее и требовалось время и значительные средства (капитальные вложения) для того, чтобы осуществить такую техническую подготовку производства новой продукции, чтобы она удовлетворяла требования потребителя и была конкурентоспособной на внешнем рынке»{431}.

Кто же они такие, кто «наивно полагали», что в государстве, где все управление замыкалось на фигуру генерального секретаря, вдруг при отсутствии центра все само собой образуется?

Павлов указывал на три причины экономической катастрофы Советского Союза: омертвление финансов и резкий рост объемов незавершенного строительства в результате пропагандистского маневра под названием «Жилье-2000»; переток финансов в распоряжение предприятий и резкое снижение финансирования крупных строек союзного уровня; согласие Горбачева на создание в Российской Федерации самостоятельной кредитно-финансовой системы, что привело к обескровливанию союзного управления и разрушению Союза.

Разумеется, программа обеспечения каждой семьи отдельной квартирой к 2000 году выглядела утопичной, но потребовала изъятия инвестиций из сферы машиностроения, срочной переориентации строительной индустрии с промышленного на жилищное строительство, для чего потребовались иные материалы и оборудование, которых, увы, не было в наличии, они просто не были запланированы. В итоге промышленные стройки замерли, а темпы строительства жилья не выросли. «В этом была вся суть горбачевизма!» — заключил Павлов.

То, что последовало дальше, напоминало страшный сон.

Чтобы увеличить объем ресурсов, обратились к бюджетному заимствованию: союзный бюджет в 1988 году был сверстан с дефицитом в 60 миллиардов рублей, стала нарастать инфляция. Пришлось обратиться к зарубежным займам. К 1990 году государственный долг составлял 400 миллиардов рублей (44 процента ВВП){432}.

Увеличилось давление на бюджет из-за государственных дотаций для поддержания низких розничных цен на основные продукты питания. В 1989 году доля дотаций на продовольственное потребление составляла около трети расходной части бюджета{433}.

В первые два года горбачевская группа делала ставку на

модернизацию машиностроительного сектора с тем, чтобы выйти на мировой рынок с высококачественными товарами. (Повторяя, между прочим, попытку поляков.)

Компенсировать падение нефтегазового экспорта продукцией машиностроения СССР не мог, так как конкурентоспособными были всего 12 процентов изделий машиностроительного сектора. При этом в 1986—1989 годах безвозмездная помощь зарубежным странам достигла 60 миллиардов рублей (1 рубль — 0,6 доллара США). Расходы на войну в Афганистане в 1987 году составили 5,4 миллиарда рублей. При этом валютные поступления в 1987 году равнялись всего 25 миллиардам долларов.

Власти оказались перед драматическим выбором; требовалось еще больше сократить военные расходы, снизить поставки нефти и сырья в страны СЭВ, повысить цены на продукты питания, перейти на карточную систему, сократить капитальные вложения и закупки технологического оборудования на Западе. Но это означало бы моральный крах власти, забастовки и протесты населения, вплоть до угрозы государственному порядку.

В 1989 году разразился валютный кризис. В начале 1990 года Внешэкономбанк СССР прекратил платежи иностранным фирмам за поставку в СССР товаров цветной и черной металлургии. 16 июня, выступая в Железноводске, Горбачев опрометчиво высказался о возможности пролонгировать возвращение внешних долгов. Это мгновенно отразилось на западных рынках. Банк Англии сразу занес СССР в «черный список» ненадлежащих должников. Кроме того, большинство западных стран стали увязывать предоставление кредитов «со скорейшим принятием в Советском Союзе реальной программы перехода к рыночной экономике с четким распределением компетенции центрального правительства и союзных республик».

Это был первый звонок Москве, предупреждавший, что Запад не будет церемониться в случае ослабления СССР.

Перенапряжение экономики, теневая экономика, шахтерские забастовки

Если пользоваться географией «Доктрины Рейгана», то в Кремле уже не вполне представляли, как вести политику с социалистическими государствами, входящими в СЭВ. Еще в октябре 1986 года на заседании Политбюро был поставлен вопрос о неравноправности их отношений с Советским Союзом. Из выступления Рыжкова было видно, что социалистические «друзья» не хотят помогать слабым Кубе и Вьетнаму, перекладывая эту обязанность на СССР, зато ориентируются на производство более выгодной продукции высокой степени передела (электроника и др.). («Деликатесы им подавай, а мы их будем держать исподнизу своим углем, нефтью, металлом».) Интеграции не получалось. С 1986 по 1989 год объем всей безвозмездной помощи зарубежным странам составил 55,9 миллиарда инвалютных рублей{434}.

В январе 1990 года страны СЭВ перешли на взаиморасчеты в долларах (на этом советский мировой экономический проект закончился), товарооборот резко сократился и отлаженная система промышленной кооперации стала разваливаться. Одновременно быстро разбухали денежные накопления населения в связи с неудовлетворенным спросом на товары народного потребления. На начало 1990 года у населения было на руках около 110 миллиардов рублей. Из 989 видов товаров в относительно свободной торговле находилось лишь 11 процентов товаров. Из продаж исчезли телевизоры, стиральные машины, мебель, ученические тетради, карандаши, клеенки, лезвия для бритья, мыло, стиральный порошок.

Цепь непродуманных решений усугубляли финансовые проблемы государства. Сокращение производства спиртных напитков (в 1985 году продажа водки составляла 24 процента в товарообороте), принятие закона «О кооперации», позволяющего государственным предприятиям бесконтрольно переводить деньги из безналичного обращения в наличный, минимальные налоги (3 процента) на доходы кооперативов разбалансировали финансовую систему.

Получившие большие права предприятия поднимали цены на свою продукцию, а коммерческие банки (их было создано свыше тысячи) бесконтрольно обналичивали деньги, выводили их из-под государственного контроля. Через коммерческие банки ежегодно «отмывалось» 70—90 миллиардов рублей. Через них «теневая» экономика, где тогда работало около 15 миллионов человек,

получила возможность быстро легализовать доходы.

После разрушения СССР на 1 января 1992 года на личных счетах россиян во Внешэкономбанке было 433,8 миллиона долларов{435}. Обладатели этих счетов и стали во время приватизации основными претендентами на государственную собственность.

На заседании Политбюро 29 января 1990 года председатель правительства Н.И. Рыжков сказал, что в Верховном Совете действуют лоббисты «теневой экономики», «Собчак и прочие хорошо говорящие», и заявил, что переток денег из безналичного расчета в наличный «создает мощную инфляцию»{436}.

Однако Рыжков был прав только отчасти. К власти рвалось новое поколение образованных людей, не желавшее воспринимать черно-белую картину мира, свойственную для политического зрения выпускников первых советских вузов 30-х годов. Можно сказать, сталинская модернизация и культурная революция породили поколение реформаторов, которые благодаря ошибкам властей превратились в могильщиков СССР.

Шахтерские забастовки 1989 года поставили советское руководство в безвыходное положение: рабочие потребовали кардинального улучшения снабжения товарами, но власть могла только поднять заработную плату, что еще больше разгоняло инфляцию и обостряло проблему дефицита.

На заседании Политбюро 16 февраля 1989 года председатель правительства СССР Н.И. Рыжков отметил, что превышение расходов над доходами составило 133 миллиарда рублей. Эмиссия в 1988 году достигла 11 миллиардов — «больше, чем в любой другой год после войны». На пленуме ЦК КПСС в сентябре 1989 года министр внутренних дел СССР В. Бакатин заявил, что за восемь месяцев текущего года «совершено полтора миллиона преступлений. 240 тысяч — тяжелых. Рост на 40% — беспрецедентно»{437}.

Однако будет серьезной ошибкой считать, что внутриэкономические проблемы и финансовые и нефтяные диверсии директора ЦРУ Колби стали главной причиной саморазрушения Советского Союза. Дело в другом. Надо полностью согласиться с академиком Г.А. Арбатовым, который в послесловии к книге Киссинджера писал: «Киссинджер обстоятельно и во многом справедливо пишет в своей книге о перенапряжении советского строя, советского общества. Логика его такова — достигнув предела, это перенапряжение привело к коллапсу, к катастрофе. Я согласен с тезисом о перенапряжении и даже о переоценке лидерами СССР своих сил. Но автор книги либо игнорирует, либо не понимает тот факт, что вся система в

силу исторических обстоятельств была построена для функционирования в чрезвычайных обстоятельствах, в условиях перенапряжения. И здесь она действовала весьма эффективно — свидетельство тому послереволюционное восстановление России, Вторая мировая война, послевоенное возрождение и “холодная война”. Главной опасностью для тоталитарного режима, созданного Сталиным и существовавшего по инерции после него (а кое-что не умерло и сегодня), является исчезновение чрезвычайности, нормализация, нормальная жизнь»{438}.

Глава 45. ГРОМЫКО — ГЛАВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Такова была печальная картина советской действительности во второй половине 1980-х годов. Несмотря на то, что Андрей Андреевич оставался членом Политбюро и с июня 1985 года стал председателем Президиума Верховного Совета СССР, то есть конституционным главой СССР, он все заметнее и заметнее отставлялся новой командой от реальных дел. Вместо предполагаемых кандидатов на пост министра иностранных дел Корниенко, Добрынина или Червоненко Горбачев назначил Эдуарда Шеварднадзе, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Грузии, человека, не имевшего никакого отношения к дипломатии и не знавшего ни одного иностранного языка. На вполне понятные сомнения самого Шеварднадзе Горбачев заявил ему: «Нет опыта? А может, это и хорошо, что нет? Нашей внешней политике нужны свежесть взгляда, смелость, динамизм, новаторские подходы… У меня нет сомнения в правильности выбора»{439}.

Посол Добрынин вспоминал: «Уход Громыко с поста министра иностранных дел, который он занимал почти 30 лет, по существу знаменовал собой окончание целой эпохи в советской внешней политике и дипломатии. Громыко был убежден по-своему в правильности этой политики и проявлял незаурядное упорство, талант и немалые профессиональные качества в ее осуществлении. Он был инициатором многих наших внешнеполитических шагов, в том числе в области ограничения вооружений. Главным для него была защита национальных интересов, как он их понимал, и в первую очередь твердое отстаивание завоеваний после тяжелой войны с фашистской Германией… Вместе с тем Громыко не был сторонником ненужных и опасных конфронтации, особенно с США. Он настойчиво боролся против угрозы новой войны, особенно ядерной, за заключение соглашения по ограничению вооружений. Это, впрочем, не мешало ему быть видным советским “рыцарем” “холодной войны”, особенно когда он считал, что нашим интересам угрожает империализм. Он был идейным коммунистом и верил в конечную победу идеалов коммунизма»{440}.

Громыко воспринял назначение Шеварднадзе болезненно, как свидетельство непонимания Горбачевым внешнеполитической

ситуации, но продолжал поддерживать его.

Андрей Андреевич считал, что надо продолжить переговоры по разоружению, причем так, чтобы «американцы вели с нами дела честно без обычных своих увязок нерешенных проблем с нашими внутренними делами». Он говорил сыну, что «отучил их от этого». И уточнял: «Такая политика, не подкрепленная учетом взаимных интересов, компромиссами, уважением наших социалистических ценностей, обречена»{441}.

О Рейгане Громыко отзывался, как о «приятном в личном плане человеке» и считал, что встреча Горбачева с президентом может улучшить межгосударственные отношения. Правда, не обольщался, как можно подумать. За «приятным человеком» стояла грозная сила, Громыко это знал.

Показательно, что накануне встречи с Андреем Андреевичем в сентябре 1984 года Рейган чувствовал себя неуютно, а после — испытывал заметное облегчение и даже пошутил, что вести дискуссию с Громыко намного труднее, чем с кандидатом на президентский пост от демократической партии Мондейлом.

В этот период «раннего Горбачева» Громыко многое советовал молодому лидеру, один из его советов можно было бы высечь на скрижалях: «Мое твердое правило — не считать словесные обещания гарантией нашей безопасности»{442}.

Однако Михаил Сергеевич не очень нуждался в его подсказках и по вполне понятным причинам, диктуемым проблемами в экономике и морально-политическими ожиданиями общества, рванул с места в карьер. Уже в апреле 1985 года он предложил мораторий на размещение ракет средней дальности в Европе и сокращение на 25 процентов стратегических ядерных сил, при условии, что США откажутся от СОИ. Программа «звездных войн», еще даже не разработанная, становилась реальным оружием Вашингтона, возвращавшим Москву в тревожные времена, когда США монопольно обладали атомной бомбой.

Добавим, что в рамках проекта СОИ 10 июня 1984 года экспериментальная ракета-перехватчик на 150-километровой высоте уничтожила боеголовку межконтинентальной ракеты. Этот, казалось бы, огромный успех американского ВПК был обеспечен размещенным на ракете-цели радиомаяком, который гарантировал попадание, то есть испытания были фальсифицированы ради получения в конгрессе США соответствующего финансирования программы и для дезинформации СССР, чтобы заставить его пойти на колоссальные расходы. Однако советской военной разведке удалось зафиксировать все особенности испытаний{443}.

Тем не менее СОИ как перспективная угроза, учитывая технологическое превосходство США, воспринималась очень тревожно.

6 августа того же года, в 40-ю годовщину атомной бомбардировки Японии, Горбачев объявил об одностороннем моратории на испытания ядерных ракет и призвал к демилитаризации космоса. Через два месяца он был с официальным визитом во Франции, высказал там предложение о сокращении советских и американских стратегических ядерных сил на 50 процентов при условии отказа США от СОИ, повторил о моратории на РСД в Европе и предложил включить Англию и Францию в решение проблемы равновесия по ракетному оружию в Европе.

Казалось бы, какой молодец, как быстро расправился с брежневско-устиновским милитаризмом! И что же он получил в ответ? Американцы сразу отвергли эти предложения, не прошедшие предварительной дипломатической обкатки на переговорах.

Громыко был разочарован. Он предвидел, что «громадные сокращения ядерных сил, которые мы предложили, приняты не будут». Сыну он говорил: «Я очень удивлюсь, если Рейган откажется от идеи военного превосходства над Советским Союзом. Я Горбачеву говорил, чтобы он не ждал легких побед. Между прочим, Брежнева, да и меня как министра, нельзя упрекнуть в непонимании того, что проблемы разоружения требуют кропотливой работы, их с наскока не решишь. Эти проблемы поддаются людям упорным и усидчивым, а не кавалеристам»{444}.

Но нет, Михаил Сергеевич не собирался оглядываться на патриарха. Как молодой казачок, вырвавшись из-под контроля отца, он выхватил шашку и поскакал на противника. И с тем же результатом.

Примером романтических представлений о возможностях дипломатии служит следующий эпизод, поведанный Шеварднадзе: «Уже во вторую нашу встречу — она состоялась в Нью-Йорке в сентябре 1985 года — я сказал Шульцу:

— Многое в мире зависит от состояния советско-американских отношений. А они во многом зависят от моих с вами человеческих отношений. Я намерен вести дело так, чтобы быть вам честным и надежным партнером, а при встречном желании — и другом.

Шульц порывисто встал из-за стола и протянул мне ладонь:

— Вот вам моя рука. Дайте вашу!

С тех пор я всегда ощущал его рукопожатие»{445}.

Как по-человечески не понять нового советского министра, сменившего «железобетонного» (высказывание Горбачева) Громыко, которого неспроста прозвали «Мистер Нет»? Улыбчивый и дружелюбный Шеварднадзе был его противоположностью и светился готовностью ни в коем случае не огорчать партнера.

Если не знать, что в это время саудовская нефть уже затапливала все энергетические рынки, обеспечивая советской экономике огромные валютные потери, то жест можно было бы отнести просто на счет кавказского темперамента.

В январе 1986 года был выдвинут план полного уничтожения ядерного оружия к 2000 году. Анатолий Андреевич удивленно спрашивал отца: «Зачем извлекать из внешнеполитического чулана старую хрущевскую разоруженческую калошу, столько сил и времени тратить на заранее обреченный план?» Андрей Андреевич тоже считал, что США и их союзники от ядерного оружия не откажутся, что нужно в первую очередь бороться против его распространения.

Бывший начальник Аналитического управления КГБ СССР Николай Леонов вспоминал: «Мы в разведке были неприятно поражены появлением 15 января 1986 года заявления Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева… Поражены не только тем, что нас никто не привлекал к работе над этим документом, но и самим его содержанием, волюнтаристским характером, оторванностью от реальной мировой действительности, политической, пропагандистской направленностью. Даже самый элементарный просчет возможной реакции в мире на это выступление мог бы убедить авторов в том, что оно не встретит никакой поддержки со стороны ядерных держав»{446}.

Дальше последовали новые инициативы Горбачева, которые Анатолий Громыко охарактеризовал скептически: достичь быстрого успеха, чего бы это ни стоило. На встрече в декабре 1986 года в столице Исландии Рейкьявике Горбачев предложил Рейгану 50-процентное сокращение стратегических ядерных сил, ликвидацию всех советских и американских РСД в Европе, приняв рейгановский «нулевой вариант». И снова все отвергнуто под предлогом, что данные предложения увязываются с отказом США от испытаний и размещения ПРО в космосе, то есть экспромт не получился.

Тем временем в МИД проходила, как выразился сам Громыко, «настоящая экзекуция профессиональным кадрам», то есть Шеварднадзе проводил чистку центрального аппарата и посольств: с лета 1985-го к марту 1991 года на своих постах осталось только два посла{447}.

Министр вел ту же линию, что и Горбачев в отношении союзных руководителей. С 1986 по 1988 год на уровне областных и республиканских партийных организаций было заменено две трети секретарей, из 115 членов Совета министров СССР, назначенных до 1985 года, через три года осталось 22. Но не будет преувеличением сказать, что тем самым, хотя и с явными пережимами, продолжалась практика, начатая Андроповым. Горбачевской группе казалось, что главную помеху преобразованиям в политической и экономической областях создают «застойные руководители». Поэтому такой подход к кадрам объяснятся уверенностью реформаторов, что новые руководители быстро обеспечат успех по всем направлениям. Чистка коснулась и армии: к *концу* 1988 года были заменены все заместители министра обороны (кроме двоих), все первые заместители начальника Генерального штаба, командующий и начальник Штаба Вооруженных сил Варшавского договора, все командующие группами войск и флотов, командующие военными округами Советского Союза. Был заменен и министр обороны.

Однажды в январе 1987 года на совещании в МИД было предложено, чтобы партийно-правительственную делегацию в одну из африканских стран возглавил Громыко. Чрезвычайный и полномочный посол В.В. Цыбуков так вспоминал об этом эпизоде. Реакция Шеварднадзе была поразительной: «Чтобы я здесь этого имени больше не слышал!»{448}

Видимо, у Шеварднадзе были основания столь недипломатично выразить свое отношение к предшественнику, которого он в официальной обстановке называл «крейсером мировой внешней политики», а себя всего лишь «лодкой с мотором». Так, в январе 1986 года Шеварднадзе после своего официального визита в Японию по заведенной практике сделал сообщение на заседании Политбюро, затем в печати появилась соответствующая информация, в которой отсутствовала вторая часть дежурной фразы: «Политбюро заслушало сообщение о поездке и одобрило результаты визита». То есть одобрения не было.

Дело в том, что, рассказывая о поездке, министр коснулся вопроса о Курильских островах, на которые претендовала Япония, и заявил, что советская сторона в этом вопросе много напутала и что предстоит искать выход из этого положения. Услышав это, Громыко выдал Шеварднадзе резкую отповедь, сказав, что здесь никакой путаницы нет, просто нужно хорошо знать историю.

«Свое глубоко аргументированное выступление А.А. Громыко закончил вещими словами: “Лишней земли у нас нет!” С тех пор многие повторяют эти слова, не зная, кто и при каких

обстоятельствах произнес их первым»[449].

Надо ли объяснять, что испытывал сторонник оригинальных решений Шеварднадзе при упоминании имени патриарха, который терпеть не мог верхоглядства? А что испытывал Горбачев?

Поразительно, что сдержанный Андрей Андреевич однажды признался сыну: «Нет, Толя, я с ним давно разошелся, это какой-то звонок, а не мужчина, к тому же, по моим наблюдениям, злопамятный… К сожалению, тот Горбачев, которого я выдвигал в генсеки, и нынешний — совершенно разные люди… Не по Сеньке оказалась шапка государева, не по Сеньке!»[450]

Громыко, видимо, и сам чувствовал, что не понимает горбачевскую группу. Так, на Политбюро решали отменить присвоение имени Брежнева «с разных объектов», все согласились, и только один Андрей Андреевич предупредил: «С названия улиц, площадей имя Брежнева, считаю, нельзя снимать. Это рикошетом отразится на нынешних руководителях. Вообще не надо этим заниматься»[451].

Это «вообще» надо было понимать как упрек тем, кто еще вчера возвеличивал Леонида Ильича. Конечно, Громыко не послушали.

Также при обсуждении финансового положения в стране он выступил против повышения цен на хлеб (4 копейки на килограмм), считая, что это заденет пенсионеров. Здесь к нему прислушались, хотя положение было тяжелое: рост внешней задолженности с 7 миллиардов долларов до 11 миллиардов, на 12 миллиардов рублей нет товарного покрытия из-за сокращения продажи водки и падения цен на нефть, трудности с выплатой зарплаты. Тем не менее Горбачев не решался выравнивать баланс.

Кроме взаимоотношения с населением, ожидавшим от нового лидера видимых результатов перестройки, ему надо было думать об американской угрозе. Он говорил, что надо сорвать навязываемый США новый этап гонки вооружений, «иначе — модернизация стратегического оружия», «изматывание нашей экономики», поэтому «не нужно цепляться за частности, за деталями не видеть главного». А Громыко, наоборот, — что необходим длительный поэтапный процесс переговоров, что наскоком все равно ничего не добьешься.

«Может быть, поэтому на переговорах с американцами все чаще серьезные отклонения допускал Шеварднадзе. Неоднократно он принимал требования США, противоречившие имевшимся у министра полномочиям, с оговорками («лично готов согласиться», «требует дополнительного подтверждения» и пр.) или без оговорок, «забывая» отразить этот факт в отчете»[452].

Но никто и не призвал Шеварднадзе к ответу. Значит, был у него заступник наверху.

Горбачев открывал идеологические шлюзы, пытался наладить союз с интеллигенцией, допустил волну критики советского прошлого, доходившей до отрицания всего коммунистического проекта, — и всё в надежде, что раскрепощенное общество будет ему союзником в созидании обновленного социализма. А Громыко в ответ предупреждал, что такая политика несет в себе явную опасность.

Вот одно из замечаний нашего героя на заседании Политбюро 27 октября 1986 года по поводу предложения реабилитировать экономистов Чаянова, Кондратьева, Челинцева и Макарова; «Разве можно это делать? Это были махровые защитники кулачества, против которых выступал Ленин. Хотя они и утверждали, что их идеи использовались при разработке нашего коллективного плана. Мне самому, когда я преподавал политэкономию, приходилось разоблачать этих горе-теоретиков, выступавших главным образом под флагом защиты кулачества и свободного хуторского хозяйства. А теперь нам предлагают, видите ли, реабилитировать этих буржуазных лжеученых. Естественно, на это идти нельзя. И вообще в решении таких вопросов мы должны быть предельно осторожны и сдержанны. Надо уметь правильно оценивать прошлое»{453}.

Думается, Андрей Андреевич не мог не знать работ этих крупных ученых, по меньшей мере один из которых — Николай Кондратьев — мирового уровня. Почему же он выступил, как дремучий райкомовский лектор, а не как доктор экономических наук и знающий историю и экономику политик?

Ответ на этот вопрос можно найти в записках его сына. Наш герой вовсе не выступал против возрождения фермерства, на чем настаивал Горбачев, но предупреждал, что сегодня деревня к этому не готова, у фермеров нет ни малогабаритной сельскохозяйственной техники, ни удобрений. «Без техники, а на лошадях сейчас урожая не вырастишь, мы далеко не уйдем. В аграрной политике нужна постепенность, кропотливость и любовь к земле и людям, на ней работающим. В 30-х годах крестьянство, как его ни притесняли, вытащило на своих плечах промышленность. Но тогда коллективизация форсировалась и привела к большим трагедиям. Я на них вдоволь насмотрелся в Белоруссии. Радикальные меры в обратном направлении ничем лучше не будут. Если уж система коллективных хозяйств создана, укоренилась и функционирует десятки лет, ее разрушать нельзя, это погубит снабжение населения продовольствием. Если мы начнем форсировать создание фермерства при начисто

отсутствующей базе для его развития, то оно появится, найдется много энтузиастов, затем быстро зачахнет, и на фоне упадка коллективных хозяйств придется завозить много продовольствия из-за рубежа, а ты прекрасно понимаешь, что это может значить в стратегическом плане. Сейчас для развития сельского хозяйства нужны не новые “великие переломы”, а новые элеваторы, склады и овощехранилища»{454}.

Да и Горбачев оговаривал, что нельзя разрушать созданную в колхозах производственную структуру.

Дело было не в Кондратьеве и Чаянове и не в кулацких хозяйствах, а в том, что было трудно и даже невозможно быстро объединить мелкие хозяйства и крупные, деградация агропромышленного производства ничего, кроме вреда, уже не могла принести. Пожалуй, назад хода не было. А если и был, то следовало учесть скрытую сельскую безработицу, практическое отсутствие малой энергетики, на которой зиждились крестьянские хозяйства во времена Кондратьева и Чаянова, и самое главное — существующую социальную функцию государства.

Да, надо было правильно оценивать прошлое. К тому же еще при Брежневе Андрей Андреевич выступил за возврат колхозникам урезанных при Хрущеве приусадебных участков, что и было сделано.

Но вот вопрос: насколько эффективны были громыкинские деликатные возражения Горбачеву?

В общем, прошлое все сильнее окутывало нашего героя. Он начал писать мемуары, во сне к нему приходили Сталин, Рузвельт, Черчилль, Хрущев, Мао Цзэдун, Ялта, Потсдам, Думбартон-Окс, заседания Совета Безопасности ООН. Появилась потребность чаще встречаться с сыном, рассказывать ему о том, на что раньше не было времени.

Как свидетельствует В.А. Крючков, в январе 1988 года у него состоялся «необычайно откровенный» разговор с Громыко: «Вспомнили Андропова, Устинова. Андрей Андреевич заметил, что в их лице он потерял друзей-единомышленников. Особенно высоко отозвался о Юрии Владимировиче.

По ходу разговора Громыко обронил фразу, что ему, видимо, придется уходить на пенсию, но на душе неспокойно. “Боюсь за судьбу государства. В 1985 году после смерти Черненко товарищи предлагали мне сосредоточиться на работе в партии и дать согласие занять пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Я отказался, полагая, что чисто партийная должность не для меня. Может быть, это было моей ошибкой”, — заключил он»{455}.

В этом признании содержится ответ на вопрос, почему он

выдвигал Горбачева после смерти Черненко. Он считал, что так будет лучше для страны.

На одном заседании Политбюро рассматривался вопрос о создании Детского фонда для поддержки детей-сирот и детей-инвалидов. Выслушав сообщение инициатора создания фонда писателя Альберта Лиханова, Громыко первым поддержал идею. По прошествии года или двух лет, как вспоминал А. Лиханов, ему позвонил Андрей Андреевич и сказал, что у него в Англии вышла книга воспоминаний и что он хотел бы перечислить весь гонорар на счет Детского фонда. Так он и сделал. Сумма по тем временам была очень значительна — 25 тысяч долларов{456}.

Как глава государства Громыко один раз в месяц проводил заседания Комиссии по помилованию преступников, осужденных на смертную казнь. Участник этих заседаний, первый заместитель председателя КГБ СССР Ф.Д. Бобков вспоминал, как это было трудно в моральном отношении: несмотря на тяжесть преступлений осужденных, все же хотелось найти какую-то зацепку, чтобы сохранить жизнь хотя бы одному «Очень скоро я понял, что Громыко думает так же, он всегда с явным облегчением поддерживал каждое предложение о помиловании»{457}.

Глава 46.
ГОРБАЧЕВ: «МЫ НА ПРЕДЕЛЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Общечеловеческие ценности и государственные интересы

После окончания Второй мировой войны руководство США многократно принимало планы военных действий против СССР с применением ядерного оружия. Однако присутствие в Европе советских войск создавало баланс сил: в случае удара по СССР эти войска захватывали бы западноевропейские страны. После того как в 1949 году было создано советское атомное оружие, ситуация стала качественно изменяться.

Обе стороны начали гонку вооружений, которая для СССР была более обременительна, так как его экономика значительно уступала американской. США окружили СССР своими военными базами и угрожали его безопасности. Обе страны несколько раз подходили к роковому рубежу (в Корее, на Кубе, в Западном Берлине), но не переступали его из-за угрозы неизбежного возмездия. В непрерывных локальных войнах США несколько раз терпели поражения. СССР и его союзники в 70-е годы стали вытеснять страны Запада из ресурсных баз в Африке, на Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии, проникли в Латинскую Америку. Они использовали стремление к самостоятельности национальных элит в этих регионах, оказывая им большую военную и экономическую помощь.

Тогда мало кому могло прийти в голову, что СССР занимается экономическим самопоеданием, ведя всеобъемлющее соперничество с США. Оно было гораздо обременительнее для Москвы, чем для Вашингтона из-за особенностей советской экономики и географического положения. В Кремле видели мир сквозь абстрактную теорию неотвратимого упадка капитализма и неизбежного торжества социализма.

Однако наряду с непрекращающимся противостоянием под руководством Громыко велось постоянное сотрудничество в дипломатической сфере, чтобы уменьшить риск мировой войны. Были заключены международные договоры: о немилитаризации Антарктики (1959), о неразмещении ядерных испытаний в трех средах (1963), о неразмещении ядерного и другого оружия массового уничтожения в космическом пространстве (1967), о нераспространении ядерного оружия (1968), о неразмещении ядерного и другого оружия массового уничтожения на дне морей и океанов (1971), о запрещении и уничтожении бактериологического оружия (1972), о невоздействии на окружающую среду в военных и иных целях (1977). Исполнялись

также ратифицированные двусторонние советско-американские договоры о мерах по уменьшению ядерной войны (1971) и об ограничении ядерных вооружений (1979).

При этом Громыко отметал предложения сократить советские тяжелые баллистические ракеты, которых у американцев не было. Он был готов к компромиссам, но не там, где задевались фундаментальные интересы СССР в области безопасности. С учетом китайского фактора он защищал принцип одинаковой безопасности, имея в виду географический фактор, исторически сложившиеся параметры стратегических ядерных сил (сухопутные, морские, передового базирования), экономическую цену противостояния. Его мысль: «Чтобы нас не ввели в тяжелые расходы». Горбачев впоследствии сразу же на 50 процентов сократил тяжелые ракеты и ракеты средней дальности «Пионер» (СС-20), резко снизив переговорные возможности{458}.

После смерти Андропова в отношениях с Америкой наступила короткая передышка, а с приходом к власти Горбачева были продолжены переговоры об ограничении вооружений. Вот какие установки давал Горбачев в октябре 1986 года накануне встречи с Рейганом в Рейкьявике: «Наша цель сорвать следующий этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем, опасность для нас будет возрастать. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную гонку, и мы ее проиграем, ибо мы на пределе возможностей»{459} *.

С этого началась политика «разрядки». К середине 1980-х годов вооруженные силы СССР и США, НАТО и Варшавского договора были примерно равными и уравновешивающими друг друга. Советская военная доктрина была оборонительной, но предусматривался в случае наступления НАТО в Европе быстрый переход к наступательным операциям для разгрома агрессора. В конце 1986 года была принята новая доктрина. В ней объявлялось о готовности СССР к совместным, а в определенных условиях — и к односторонним сокращениям вооруженных сил. Сенсационным был тезис об отказе в случае агрессии перехода в короткий срок от обороны к наступательным действиям, то есть СССР вообще отказывался нападать даже в случае агрессии.

Первая уступка СССР была сделана при заключении договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (декабрь 1987 года): Советский Союз согласился не учитывать английские и французские ядерные средства. Попутно Э.А. Шеварднадзе согласился на уничтожение уникальной советской ракеты «Ока» (СС-25), которая не подпадала под ограничения договора. В декабре 1988 года было объявлено об одностороннем сокращении

советских вооруженных сил на полмиллиона человек.

«Пройдет чуть времени, и Горбачев известит нас, что решил поставить на кон наши “Пионеры” (СС-20) на определенных условиях». Потом условия одно за другим сброшены, а под конец генеральный отдал даже то, о чем его не просили, — советские РСД на Дальнем Востоке и оперативные ракеты повышенной дальности в Европе…

Договоренности ставят Советский Союз перед необходимостью менять не просто доктрину, но сами несущие материальные конструкции своей оборонной системы. США и НАТО в целом обходятся поправками по эшелонированию. Есть вопрос?»[460]

Американцы занимали более твердую позицию. Москва первой шла на уступки, а Вашингтон мог выбирать и выдвигать свои условия. Главным в советском подходе была мысль Горбачева о «разрядке»: «признание общечеловеческих ценностей и еще точнее — выживание человечества»[461].

Задача выживания человечества не должна была разрушить Советский Союз. Ее невозможно было решить без потерь, но потерь несмертельных. Однако советская дипломатия повела дело по самому упрощенному варианту, как будто Запад уже давно придерживается приоритетности общечеловеческих ценностей, а уступать ему и догонять его должен только Советский Союз.

Тактическое по замыслу отступление («Второй Брест»), затеянное для укрепления внутриэкономической обстановки, в итоге привело к разрушению Ялтинской системы послевоенного мира, а затем и к распаду государства. Как отмечал маршал С.Ф. Ахромеев, «с лета 1990 года действовали фактически заодно Э.А. Шеварднадзе и американские дипломаты»[462].

В советском руководстве велась полемика о том, сколько можно уступить Западу. В одной из записок Горбачеву заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин прогнозировал, что «ГДР — центральное звено советской военной структуры» и что после объединения Германии США, Англия и Франция «не уступят перед соблазном загнать Советский Союз в границы 1941 года»[463]. Однако Горбачев и Шеварднадзе считали, что не надо возражениями против вхождения объединенной Германии в НАТО «вносить диссонанс в партнерство США».

У Советского Союза в то время, кроме военной силы, других опор не было. Горбачев мог и не сумел с выгодой ее разменять. Он мог бы вспомнить, что призыв Ленина в 1917 году «Мир без аннексий и контрибуций» не был услышан. Мир, как всегда, жил по другому закону: «Проиграл — плати». В июле 1990 года

Горбачев был вынужден без должной компенсации дать согласие германскому канцлеру Г. Колю на объединение Германии. По отношению к ГДР, которая не участвовала в переговорах, это был новый «Мюнхен»; Горбачев ее сдал, как некогда Чемберлен и Даладье сдали Чехословакию.

Через несколько месяцев после войны в Персидском заливе, когда США разгромили недавнего советского партнера — Ирак, Горбачев был приглашен в Лондон на встречу руководителей «Большой семерки», где безуспешно просил финансовой помощи. Он говорил: «Нашлось 100 миллиардов долларов, чтобы справиться с одним региональным конфликтом, а здесь речь идет о таком проекте — изменить Советский Союз». Разумеется, Запад был благодарен Горбачеву, который стал лауреатом Нобелевской премии мира за 1990 год, что в СССР было воспринято с ледяным равнодушием. Но никто не хотел спасать тонущий Советский Союз, руководимый таким славным и человечным президентом.

Как некогда Российская империя, так и Советский Союз действительно сходил с исторической сцены, разрушаемый изнутри.

Огонь по штабам!

СССР остро нуждался в новых источниках финансирования. Кризис платежей по внешнему долгу, а также растущее недовольство населения заставляли горбачевскую группу искать нетрадиционные решения. Была начата кампания сокрушения «противников перестройки» в лице руководителей планово-распределительных органов (министров, старых членов ЦК, региональных руководителей). Был объявлен курс на «демократизацию» и «гласность». СМИ были переполнены развенчиванием советской истории, новой волной «десталинизации». Горбачев считал, что необходимо дать «низам» право контроля над «верхами» и это приведет к устранению бюрократических «пробок». Руководствуясь стремлением упрочить позиции своих сторонников, он сказал шахтерам в Донецке: «Огонь по штабам. Вы начинайте снизу, а мы поможем». Он надеялся, организовав давление со стороны населения, преодолеть отторжение реформ значительной частью партийной элиты. Однако «низы» обратили свой гнев на всю государственную систему. Неожиданно для всех по стране прокатились волнения и погромы на национальной почве — в Узбекистане, Казахстане, Грузии, Армении, Азербайджане.

После XIX партийной конференции (июнь 1988 года) перемены резко ускорились. Была начата политическая реформа, которая должна была привести к созданию новой системы власти и слому существующего порядка управления. Отныне, как сказал на конференции Горбачев, во главе системы должна была стоять не партия, а «Совет народных депутатов как орган народовластия». Первые секретари райкомов, обкомов, ЦК должны были пройти через альтернативные выборы, чтобы возглавить Советы соответствующих уровней. Горбачев предупредил, что партия больше не будет пребывать «в условиях идеологического комфорта».

В марте 1989 года прошли альтернативные выборы народных депутатов, но многие партийные руководители не были избраны. На Первом съезде народных депутатов сформировалась оппозиционная идейно сплоченная и интеллектуально сильная Межрегиональная депутатская группа (МДГ). В нее входили академики А. Сахаров, Ю. Рыжов, профессор А. Собчак, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии и бывший кандидат в члены Политбюро Б. Ельцин и другие. Деятельность МДГ Горбачев оценивал как разрушительную: «Эмиссары межрегиональной группы, фактически сложившейся уже в

партию, начали сновать по стране, подстрекать к забастовкам железнодорожников и рабочих других отраслей. Это был в полном смысле слова удар в спину, сыгравший роковую роль в судьбе перестройки»{464}.

К 1989 году относится и разрыв отношений между двумя ключевыми членами горбачевской команды: членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС А.Н. Яковлевым и членом Политбюро, председателем КГБ СССР В.А. Крючковым. Раньше они были союзниками: Крючков поддерживал Яковлева, когда тот был послом в Канаде, а затем, благодаря Яковлеву, Крючков вошел в ближний круг Горбачева{465}.

На внеочередном Съезде народных депутатов СССР (март 1990 года) была отменена 6-я статья Конституции, законодательно закреплявшая руководство КПСС. Тогда же Горбачев был избран съездом президентом СССР — произошло то, что вскоре получило название «самоубийство КПСС»: не создав действительно новой системы власти, она демобилизовалась. Это можно сравнить с отречением от престола Николая II, который глубоко заблуждался в способностях тогдашней оппозиции удержать власть. Но в случае с Горбачевым страна не находилась в длительной мировой войне, не было никакого непримиримого конфликта интересов в обществе и не было «революционной ситуации». (Афганская война была болезненным, но локальным явлением.)

Более того, Горбачеву группа академиков-экономистов предлагала конструктивный путь укрепления Советского Союза путем заключения (под контролем Центра) экономических договоров между союзными республиками с определением ценовых, энергетических, транспортных и иных приоритетов. Только после этого можно было приступать к политическим преобразованиям. Однако Горбачев отверг этот план, ответив буквально следующее: «Тогда я не буду им нужен»{466}.

Как только КПСС стала уступать власть, она превратилась в живой труп, от которого надо было скорее избавиться. Последовали односторонние решения прибалтийских республик о создании независимых национальных государств. Началось бегство республиканских элит от Центра, который представлялся источником слабости. 12 июня 1990 года Съезд народных депутатов Российской Федерации принял декларацию о государственном суверенитете России и верховенстве российских законов. Борис Ельцин, избранный председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, стал лидером оппозиции. В СССР началось двоевластие. Российские власти первыми начали рыночные реформы, приняли ряд постановлений,

ограничивающих действие законов СССР на территории РСФСР. Особенно сильный удар получила союзная финансовая система после того, как российское руководство переключило на себя поступление налогов. С этого момента распад СССР был неизбежен. Вслед за Россией декларацию о независимости приняли 20 июня Узбекистан, 23 июня — Молдавия, 16 июля — Украина, 27 июля — Белоруссия. Карелия объявила о суверенитете 10 августа, затем Татарстан, Башкортостан, Бурятия, Абхазия. Положение союзного руководства усугублялось с каждым днем. Оно в глазах общественности превратилось в реакционеров, не желающих улучшить жизнь народа либеральными реформами. Авторитетные представители интеллигенции выступили на стороне Ельцина, который старался представить себя выразителем национальных интересов России. Ельцин обещал директорам предприятий снизить налоги, если они перейдут «под знамена России».

В мае 1990 года председатель правительства СССР Н.И. Рыжков на сессии Верховного Совета СССР представил Концепцию контролируемого перехода к рыночной экономике, постепенного отказа от дотаций на продукты питания. С огромным опозданием власть стала делать то, что было остановлено Горбачевым после избрания Андропова генеральным секретарем. Однако было уже поздно. Односторонняя информация о повышении цен была использована против союзного правительства, которое было объявлено «антинародным». Осенью 1990 года Верховный Совет РСФСР принял решение о его отставке.

К 1990 году относится и еще одно событие, которое характеризует растерянность в высшем круге советской власти. Как вспоминал бывший начальник Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) Леонид Шебаршин, Горбачев принял своего студенческого товарища Зденека Млынаржа (один из активных деятелей Пражской весны, центрист), который после встречи поделился впечатлениями со своими друзьями. По оценке Млынаржа, Горбачев «был неадекватен», то есть искаженно воспринимал реальную обстановку{467}.

Как заметил Николай Рыжков, после 1987 года Горбачев «стал чувствовать себя мессией»{468}.

Деградация международных позиций СССР

Испытывающая колоссальные трудности экономика требовала избавления от чрезмерного давления военных расходов. На второй встрече с Рейганом в Рейкьявике (1986 год) Горбачев пошел на новые уступки, которые затем продолжались вплоть до распада СССР.

Посол Гриневский указывал на такую последовательность событий: «12 июня 1987 года Рейган появился в Западном Берлине и произнес речь у Бранденбургских ворот — прямо напротив Берлинской стены. Отметив, что Горбачев говорит о реформах и открытости, президент поставил вопрос ребром: “Является ли это началом глубоких изменений в советской системе? Или это пропагандистский прием, рассчитанный вызвать напрасные надежды на Западе?” — И призвал Горбачева дать миру безошибочный сигнал:

— Г-н Горбачев, если вы стремитесь к миру, если вы стремитесь к процветанию Советского Союза и Восточной Европы, если вы стремитесь к либерализации… разрушьте эту стену!»

Но разрушением стены дело не ограничилось. На следующий день он объявил 14 июня «Днем свободы для Балтики». А месяц спустя, 17 июля, в обращении по поводу Недели порабощенных народов говорил уже о «народах, порабощенных советским империализмом». Причем не только в Восточной Европе. «Борьба, начатая на Украине 70 лет назад, идет по всей советской империи… в Казахстане, Латвии, Молдавии и среди крымских татар». И США будут на стороне этих народов.

Тем же летом Рейган изложил стратегические цели своей политики под броским лозунгом, как «найти выход из тупика холодной войны». Суть их: «разогнать, а не жить под двумя огромными, темными тучами послевоенного периода — угрозы ядерного холокоста и распространения тоталитарного правления». Отсюда вытекали две новые доктрины Рейгана, хотя сам он их так не называл: «новая политика помощи демократическим повстанцам в их борьбе за самоопределение и права человека в своих странах» и «переход к оборонительному сдерживанию» путем создания СОИ.

В той же речи 26 августа президент бросил другой вызов Горбачеву: нужен не только контроль над вооружениями, но и большая военная открытость. «Настало время перейти к гласности в ваших военных делах. Во-первых, публиковать обоснованный военный бюджет ваших военных расходов так, как это делаем мы. Во-вторых, раскрыть советскому народу и всему

миру численность и состав советских вооруженных сил. В-третьих, начать дебаты в вашем Верховном Совете по крупным вопросам военной политики и вооружениям так, как это делаем мы»[469].

Анализ ситуации, данный Е. Гайдаром (первый вице-премьер РФ в 1992—1994 годах), рисует печальную картину: «Лишь зная остроту экономических проблем, с которыми столкнулся Советский Союз к 1988 г., можно понять инициативу Президента Горбачева о сокращении вооружений, соглашение советского руководства на несимметричное сокращение войск в Европе, на заключение соглашения по ракетам промежуточной дальности, практически идентичные тем, которые предлагало НАТО»[470].

Что в реальности могло сделать советское руководство? Начальник Генерального штаба СССР маршал С.Ф. Ахромеев так оценивал обстановку: «Но те, кто знал действительное состояние нашего государства и его экономики к средине 80-х годов, понимали, что во внешней политике Советского государства не могло не произойти крупных изменений. Продолжать политику противостояния с США и НАТО после 1985 года Советский Союз не мог. Экономические возможности для такой политики были практически исчерпаны. При продолжении гонки вооружений и противоборства с Западом он неизбежно столкнулся бы через три —пять лет после 1985 года с не менее острым кризисом в экономике, чем сегодня, но в неизмеримо худшей для него международной обстановке»[471].

Впрочем, отказ от противостояния и дезинтеграция государства — это разные вещи.

Одна из версий катастрофы — чрезмерно большие срочные кредиты, за которые в итоге пришлось заплатить высокую цену, фактически отменявшую итоги Второй мировой войны. Как свидетельствует бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок, Горбачев на встрече с президентом США на Мальте (2—3 декабря 1989 года) дал понять, что Москва не будет использовать войска для сохранения существующих режимов в Восточной Европе.

После Мальты крах социалистических правительств в странах Варшавского договора произошел в два месяца. Канул в Лету и Варшавский договор, грозный противник НАТО. Но этим дело не ограничилось. «Руководство СССР получает однозначные сигналы: хотите экономической помощи — соблюдайте права человека, не злоупотребляйте силой. Но что значат для политико-экономической системы, в основе стабильности которой всегда была готовность к неограниченному применению насилия против собственного народа, подобные советы? Они равнозначны требованию ее ликвидации»[472].

Показательно, что США дали знать прибалтийским политикам, что не будут признавать независимости Литвы, Латвии, Эстонии, но одновременно предупредили Горбачева, что применение силы приведет к непоправимым последствиям в отношениях с Западом. По сути это означало, что руководству СССР был предъявлен ультиматум: мы даем вам кредиты, вы демонтируете свою систему. Поэтому понятно, почему сторонники быстрого умиротворения Запада провели через Верховный Совет СССР решение, осуждавшее заключенный в 1939 году пакт Молотова — Риббентропа и секретные приложения к нему, разделившие Восточную Европу на зоны влияния. Сам Горбачев на заседании Политбюро 22 января 1990 года признался: «…Теперь мы в ситуации “Брестского мира” № 2. Если не справимся, нам грозит… что отхватят опять полстраны»{473}.

В апреле 1989 года во время разгона антиправительственного митинга в Тбилиси в узком пространстве, ограниченном грузовиками, произошла давка, погибли 12 человек. Грузинскими оппозиционерами была выдвинута версия, будто люди погибли от ударов саперными лопатками, нанесенными солдатами, охранявшими правительственное здание. Однако оперативные видеоматериалы спецслужб опровергали это. Тем не менее в прессе была развернута пропагандистская кампания, в убийстве невинных людей обвиняли «реакционные силы» в Москве и руководство армии. Горбачева не обвиняли, считалось, что он ничего «не знал». На самом же деле именно Горбачев одобрил использование войск в Тбилиси для наведения порядка{474}. Несмотря на представленные КГБ факты, комиссия Верховного Совета РСФСР под руководством А.А. Собчака приняла решение, осудившее армейское руководство за жестокое применение силы. После этого армия как государственный институт была дискредитирована. Представители МДГ заявили, что она источник опасности военного переворота. Кремль не решился защищать вооруженные силы, и это вскоре привело к надлому фундаментальной государственной опоры.

В августе 1990 года за кулисами Кремля произошло событие, которое как нельзя лучше отражает морально-психологическое состояние Горбачева и Шеварднадзе. Председатель КГБ Крючков получил устный приказ Горбачева готовить силами спецназа КГБ операцию в Латвии с целью нейтрализовать руководство Латвийского национального фронта. Со слов первого заместителя председателя КГБ СССР Ф.Д. Бобкова, который участвовал в подготовке операции, события дальше развивались так. В Рижский залив были направлены суда с бойцами спецназа, которые ждали приказа. Однако, помня о тбилисских событиях,

Бобков настоял на встрече с Горбачевым, на которой попросил письменный приказ. Шеварднадзе, присутствовавший при разговоре, удивился: «Какой вам нужен приказ? Это операция КГБ!» «Спасибо, именно это я и хотел услышать», — ответил генерал армии. Тогда Горбачев объявил перерыв, продлившийся целых три часа, после чего распорядился отложить операцию на две недели. Она так и не состоялась. Вскоре Бобков ушел в отставку[475].

Как свидетельствует начальник охраны Горбачева Владимир Медведев, говоря о том, знал ли тот о готовящемся применении силы в отношении протестующих масс (в Тбилиси, Вильнюсе): «Он (то есть Горбачев) все знал»[476].

Доверие к власти резко падало, что не могло входить в замыслы Горбачева. К лету 1990 года КПСС не доверяли 72 процента населения СССР.

Внешнеполитическая же картина напоминала гигантскую воронку в Мировом океане, куда проваливалась сверхдержава. Тогда никто не ставил задачи проанализировать, куда приведет такое развитие событий — слишком страшен был бы анализ.

Позже это сделал Киссинджер, и его панорама впечатляет.

«Было сведено на нет большинство советских политических достижений 70-х годов, хотя отдельные из событий приходятся уже на период деятельности администрации Буша. Вьетнамская оккупация Камбоджи завершилась в 1990 году, а в 1993 году прошли выборы и беженцы стали готовиться к возвращению домой; в 1991 году завершился вывод кубинских войск из Анголы; поддерживаемое коммунистами правительство Эфиопии рухнуло в 1991 году; в 1990 году сандинисты в Никарагуа были вынуждены смириться с проведением свободных выборов — на подобный риск до того не готова была пойти ни одна правящая коммунистическая партия; и возможно, самым главным был вывод советских войск из Афганистана в 1989 году. Все эти события заметно умерили идеологические и геополитические амбиции коммунизма. Наблюдая за упадком советского влияния в так называемом “третьем мире”, советские реформаторы стали вскоре ссылаться на дорогостоящие и никчемные брежневские авантюры как на доказательство банкротства коммунистической системы, в которой, как они полагали, следовало срочно пересмотреть недемократический стиль принятия решений.

Администрация Рейгана добилась этих успехов, применяя на практике то, что потом стало именоваться “доктриной Рейгана”: оказание помощи Соединенными Штатами антикоммунистическим антизаговорщическим силам, выводящим свои страны из советской сферы влияния. Такой помощью были

вооружение афганских моджахедов в их борьбе с русскими, поддержка “контрас” в Никарагуа и антикоммунистических сил в Эфиопии и Анголе. На протяжении 60—70-х годов Советы занимались подстрекательством коммунистических восстаний против правительств, дружественно настроенных к Соединенным Штатам. Теперь, в 80-е годы, Америка давала попробовать Советам прописанное ими же лекарство. Государственный секретарь Джордж Шульц разъяснил эту концепцию в речи, произнесенной в Сан-Франциско в феврале 1985 года: “В течение многих лет мы наблюдали, как наши оппоненты без всякого стеснения поддерживали инсургентов по всему миру, чтобы распространять коммунистические диктатуры… Сегодня, однако, советская империя ослабевает под давлением собственных внутренних проблем и внешних обязательств… Силы демократии во всем мире ценят наше с ними единение. Оставить их на произвол судьбы было бы постыдным предательством — предательством не только по отношению к храбрым мужчинам и женщинам, но и по отношению к самым высоким нашим идеалам”»{477}.

Исчезновение ГДР

Кульминация стратегического отступления СССР произошла на переговорах Горбачева с западными политиками по поводу объединения Германии летом 1990 года в Архызе на Северном Кавказе, после чего стал дезинтегрироваться «железный треугольник ГДР, ПНР, ЧССР», на который опиралась советская стратегия.

Говоря о переговорах, надо начать с того, что ранее Шеварднадзе за спиной советского руководства договорился с западными немцами об изменении формулы переговоров. В действительности речь должна была идти не о поглощении большим государством меньшего, а об объединении двух суверенных государств. Военно-политические условия должны выработать совместно четыре державы-победительницы и два немецких государства, причем еще до слияния ФРГ и ГДР. Шеварднадзе было дано указание твердо отстаивать вариант «четыре + два». На самом же деле Шеварднадзе выбрал другой — «два + четыре», сознательно отодвинув СССР от решения германской проблемы. «Четырехсторонняя ответственность была обойдена, три державы проигнорированы»[478].

Горбачеву же давались обещания, что НАТО после объединения ГДР и ФРГ не будет распространять свое влияние на Восток. При этом руководители Англии и Франции по вполне понятным геополитическим и историческим мотивам первоначально не были сторонниками объединения Германии, однако после сдачи позиций Горбачевым и Шеварднадзе им ничего не оставалось, как поддерживать Бонн. Дж. Бейкер, Государственный секретарь США, в беседе с Горбачевым 9 февраля 1990 года говорил: «Мы считаем, что консультации и обсуждения механизма “два плюс четыре” должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток»[479] **. Подобные заявления делали канцлер ФРГ Г Коль, премьер-министр Великобритании Дж. Мейджор, министр иностранных дел Великобритании Д. Херд. Однако советское руководство ограничилось этими словесными заявлениями и не имело твердости их документально закрепить, пренебрегая одним из «золотых правил Громыко» — не доверять незадокументированным обещаниям.

В одном из интервью Валентин Фалин сказал, что у президента Буша на переговорах с Горбачевым по поводу объединения Германии была резервная позиция «невхождения

объединенной Германии в НАТО»{480}.

В Москве даже не вспомнили такие основополагающие дипломатические документы, особенное важные в это время, как четырехсторонний статус Берлина. Как указано в дневнике советника-посланника посольства СССР в ГДР Игоря Максимычева, «только несколько человек в советских “верхах” вообще понимали, что такое — четырехсторонний статус Берлина и как можно его использовать для обеспечения интересов СССР. Ни Горбачев, ни Шеварднадзе к их числу не относились»{481}.

Что же это за политики, которые ничего не знают? И как относиться к словам Горбачева, высказанным советскому послу в Берлине В.И. Кочемасову 6 ноября 1998 года: «Советский народ нам не простит, если мы потеряем ГДР»{482}.

Как писал по этому поводу Ханс Модров, последний председатель правительства ГДР, «ни интересы СССР, ни интересы его былого союзника ГДР не были всерьез учтены. Из формулы 4+2 Геншер и Шеварднадзе сделали 2+4. Внешние условия объединения, относительно которых Горбачев неделю назад утверждал, что они являются делом четырех держав, были также отданы в руки ФРГ. А уж она сумела распорядиться ими»{483}.

Одним из самых принципиальных дипломатов, не боявшихся возражать руководству, был В.М. Фалин (к тому времени председатель Комитета по внешней политике Верховного Совета СССР, заведующий Международным отделом ЦК КПСС), до последнего настаивавший на неприемлемости участия объединенной Германии в НАТО[1].

Позиция Громыко в отношении Германии была выражена им предельно ясно: «Логическая модель европейских дел, которую я исповедую, не приемлет единой Германии, которая была бы членом военного блока, тем более направленного против нас. ГДР всегда испытывала сильное давление со стороны Запада, реваншистских и националистических сил. Ну и что? Мы и миллионы немцев, кто за социализм, должны поднять вверх руки? Пока я министр, этого не будет. Я слишком хорошо знаю западную политическую кухню, чтобы не понимать, к чему может привести форсированное объединение Германии. В первую очередь к сильному ослаблению Советского Союза! Должен тебе сказать, что Бонн об этом уже и не мечтает. Мы слишком сильны»{484}.

Он неоднократно возвращался к германской теме и, уже выйдя на пенсию, незадолго до смерти, говорил сыну: «Точкой опоры советского влияния в Европе является западная группировка войск в ГДР. Она гарантирует равновесие и мир в

Европе. Из этого вытекает и значение ГДР как щита против силового давления НАТО. Альтернативой может быть роспуск обеих военных группировок — Варшавского договора и НАТО. Но Запад никогда на это не пойдет, он руководствуется своими интересами. Андропов это понимал, Устинов тоже, а вот Горбачев — нет. Плохо относится к Хонеккеру, видит в нем противника перестройки. Уходить из центра Европы нельзя, это была бы ошибка стратегического характера, это наш передовой рубеж обороны, его надо укреплять, а не оставлять. Все мои действия исходили из этого»{485}.

Он считал, что кризис в Восточной Европе «идет от Горбачева» и что для натовцев остается загадкой непонимание «Горбачевым и его друзьями из Политбюро», как «используется силовое давление для защиты своих государственных интересов». «Мир — это благо, но не любой ценой и тем более за счет собственного народа. Если гордишься своим пацифизмом, не садись в кресло руководителя великой державы. Гордись у себя дома, во дворе, в области, но не вреди своему государству»{486} *.

Может показаться, что в этих словах вырвалась наружу «ястребиная» сущность Андрея Андреевича. Более того, он утверждал, что в «кризисных ситуациях дозированное применение силы оправданно».

Однако он не был ни «ястребом», ни милитаристом. Более того, вся история мировой дипломатии, которую он прекрасно знал и уже к тому времени сам становился историей, говорила, что дипломатия без государственной мощи равна цене чернил, которыми пишутся договоры.

В апреле 1989 года уже вышедший на пенсию Громыко дал большое интервью западногерманскому журналу «Шпигель» (№ 17, 1989), сказав, в частности: «Поезд единого немецкого государства ушел. Я готов повторить это тысячу раз». А дальше было вот что. «Сразу после этого люди из команды Горбачева, которые, очевидно, подслушали интервью, посоветовали редакции “Шпигеля” не терять интереса к этому вопросу.

В июле на Европейском совете в Страсбурге Горбачев отказался от так называемой доктрины Брежнева, в которой провозглашалось право на вмешательство во внутренние дела братских стран»{487}. Впоследствии словесные обещания западных политиков, данные Горбачеву, были дезавуированы, в НАТО были приняты все бывшие члены Варшавского договора. Кроме того, СССР, как того требовали Соединенные Штаты, прекратил поддерживать своих союзников в Латинской Америке, Афганистане. «Брест-2» завершился.

Какую же цену заплатил Запад за ликвидацию своего

геополитического противника? Егор Гайдар по этому поводу с удивлением заметил: «Кредиты и гранты ФРГ за согласие на объединение Германии, итальянские связанные кредиты, американские зерновые кредиты — это, если вспомнить о цене вопроса, немного»{488}.

Крайне важное свидетельство принадлежит Леониду Кравченко, который, будучи генеральным директором ТАСС и народным депутатом СССР, вместе с заведующим 2-м Европейским отделом МИД А. Бондаренко летом 1990 года в Брюсселе вел переговоры по поводу воссоединения Германий. Кравченко пишет, что заместитель Государственного секретаря Болл «оказывал постоянное давление на нашу делегацию», предупреждая, что если «до начала весны не примете решение, может последовать “холодная война”». Почему возник этот срок— до начала весны 1991 года? Кравченко объясняет: «У нас были другие планы. В конце весны в ФРГ должны были состояться парламентские выборы, где, безусловно, все шансы на победу имели социал-демократы. Именно с ними нам и хотелось завершить такие переговоры. Ибо вслед за подписанием соответствующих документов нам предстояло вывести свои войска, оставить все, что было построено нами для обустройства наших войск. Но требовались компенсации, причем в огромных размерах. Они исчислялись десятками миллиардов марок. Ведь предстояло оставить не только поселки, школы, детские сады, магазины, дороги, полигоны и т. д. Суммарно получалось не менее 30 млрд. западногерманских марок»{489}.

Однако через несколько недель во время встречи Горбачева с Колем на Северном Кавказе все спешно было решено. Позднее побывавший в Москве Эгон Бар «не переставал удивляться нашим поспешным решениям», так как социал-демократы в случае воссоединения Германий гарантировали Советскому Союзу компенсации за оставленное имущество плюс финансирование нового расквартирования выводимых войск. «“Зачем вы так поторопились, не дождавшись выборов и нашей победы? — корил нас Э. Бар. — Теперь выиграют наверняка христианские демократы, а они вам даже положенную сумму не выплатят”. Так оно и вышло. Даже хуже вышло»{490}.

* * *

Испытывал ли Горбачев угрызения совести за свои вольные и невольные ошибки?

Никто этого не знает. Но если учитывать человеческую

природу и осознание каждым непреложного факта, что придется рано или поздно отвечать на Страшном суде, то он должен испытывать непреходящие моральные страдания. Возможно, во сне ему приходит Хонеккер и спрашивает: «Товарищ, почему ты всех нас предал?»

Позволительно ли нам говорить о предательстве?

Фалин на этот счет поведал такую трагическую историю.

«При последней нашей встрече весной 1992 года В. Брандт рассказал мне:

— Когда завязалась история с Хонеккером, я спросил Коля, затрагивалась ли в Архызе тема освобождения бывших руководителей суверенного государства ГДР от юридического преследования и что было решено. По словам федерального канцлера, он предложил Горбачеву назвать, против кого не должно возбуждаться уголовных дел. Но советский лидер ушел от обсуждения, заявив, что немцы сами разберутся»[491].

Не случайно Брандт так прокомментировал Фалину отказ Горбачева встречаться с ним в 1992 году в Гамбурге: «Совесть у бывшего советского руководителя не чиста»[492].

Столь же легко, без дипломатического торга, Советский Союз ушел из стран третьего мира. Соединенные Штаты могли считать, что по всем пунктам «доктрины Рейгана» они близки к победе.

Мог ли Советский Союз в том трудном положении найти иной выход и сохранить хотя бы часть своего огромного геополитического потенциала?

Как это ни странно сегодня покажется — мог. Причем при содействии Запада. Как говорил Громыко, Киссинджер понимал, что такое «баланс сил» и «компромисс». И как говорил Примаков, «хаос им не был нужен».

После встречи на Мальте, как вспоминал помощник президента по национальной безопасности Б. Скоукрофт, Джордж Буш, видя растерянность Горбачева, заметил своим помощникам: «Парень, похоже, разбит в пух и прах, не так ли? Чудно. Он всегда был неплохим “продавцом”, но не на этот раз. Думается, не потерял ли он чувство реальности»[493].

Глава 47.
ГРОМЫКО: «ЗОЛОТЫЕ ПРАВИЛА» ДИПЛОМАТИИ

Джордж Буш и Горбачев

Уже воспринимаются как общие места просчеты российской внешней политики, которые привели к Балканскому кризису 1909 года или Русско-японской войне. Менее понятны решения июня — июля 1914 года или основания корейской войны. И совсем загадочны решения горбачевского периода, когда заявлялись одни цели, а потом сменялись практически противоположными.

Анатолий Громыко обращает внимание на оценку, данную Горбачеву вице-президентом Дж. Бушем в 1985 году: «Мы очень хотим, чтобы Советский Союз изменился. Перед нами именно тот человек, который хочет это сделать. То, как это ему удастся исполнить, частично зависит от нашего с ним взаимодействия… Наша задача не помогать ему, а так действовать в интересах США, чтобы влиять на его политику в нужном нам направлении»[494].

Вполне рациональный подход. Правда, Буш (в ноябре 1988 года он стал президентом) не раскрывал, как будет влиять на Горбачева. Нет, не человеческим обаянием или сладкими речами, совсем иными приемами. Его отношение к советскому лидеру определялось задачами государства, которое он возглавлял. Он следовал совету Роберта Гейтса, директора ЦРУ: «Не будьте настолько ослеплены сверхзвездой Горбачева, чтобы забыть, что мы ведем дела со страной, а не с отдельным человеком. Помните, что парень, управляющий сейчас Советским Союзом, через десять лет может не управлять». Разведчик называл Горбачева «исторической аномалией», «исключением, которое только подтверждает правило».

А реальность была такова: у Советского Союза есть постоянные основополагающие интересы, не зависящие от человека, который в данный момент сидит в Кремле.

Однако составив точный психологический портрет Горбачева как податливого и малоопытного политика, Буш и его помощники применили запрещенные в дипломатии методы манипулирования, буквально используя воздействия по типу «злой и добрый следователь». При этом американцы не скупились на обещания, исключительно теплые приемы, захваливание в прессе. Горбачев стал планетарным явлением.

«Была сделана ставка на то, чтобы осуществить задуманное руками самого верховного советского лидера». Если бы он услышал, как Буш говорит своим помощникам: «Мы свалимся на него, как банда взломщиков», он бы ужаснулся[495].

Иногда Андрей Андреевич вспоминал высказывание прусского короля Фридриха Великого: «Дипломатия без силы все

равно, что музыка без инструментов».

* * *

В это время Андрей Андреевич, которому оставалось жить совсем немного и который, наверное, уже предчувствовал свой уход, все чаще делился с сыном размышлениями. Эти откровенные разговоры были его завещанием.

«Я расскажу тебе о “золотых правилах” дипломатической работы. Когда идет переговорный процесс, абсолютно недопустимо сразу раскрывать другой стороне все карты, хотеть решить проблему одним махом. Многим политикам кажется, что стоит только убедительно изложить свои предложения, продемонстрировать искренность и стремление к сотрудничеству, как все получится. Это иллюзия! Ее хорошо знают опытные дипломаты, ведущие переговоры…

Второе “золотое правило” дипломатии, которое называл мой отец, было осторожное использование встреч в верхах. “Плохо подготовленные встречи на высшем уровне, — говорил он, — не говоря о неподготовленных, лучше не проводить вообще. Они приносят больше вреда, чем пользы. Если это рабочая встреча, то ее слабая отдача не беда. Но что касается соглашений, договоров, то в мировой практике к ним идут годами, а то и десятилетиями. Хорошо были подготовлены встречи в Ялте и Потсдаме, соглашения по ограничению стратегических ядерных вооружений, конференция в Хельсинки по безопасности и сотрудничеству в Европе. Плохие результаты принесли встречи Хрущева с Эйзенхауэром и Кеннеди. Пример дилетантства — встреча Горбачева с Рейганом в Рейкьявике. Здраво вел себя на встречах Брежнев. Он не был болтлив и вспыльчив, доверял профессионалам. У него сложились хорошие отношения с Никсоном, Помпиду, Шмидтом. Он не поддавался уловкам Киссинджера…

— Значение встреч в верхах мне понятно. Но если все идет нормально, дипломатам никто не мешает работать, в чем заветный ключ к успеху?

— Работоспособность и трезвость суждений, помноженная на стремление к компромиссу. Любая международная проблема многогранна. У нее есть главные и второстепенные стороны. Разрекламированное соглашение — “алмаз” может оказаться низкого качества. Дипломаты должны его тщательно оттачивать. Западники на переговорах часто пытаются нами манипулировать. Меня в их газетах прозвали “господин Нет”, потому что я собой

манипулировать не позволял. Это многим не нравилось. Зато мне нравилось очень…

Не раз Андрей Громыко говорил о том, что для успеха на дипломатических встречах нужно хорошо знать и понимать, с кем имеешь дело, в чем его сила и слабости…

Горби мучился и не понимал, почему Буш так вяло ведет с ним дела. Между тем президент следовал одному из “золотых правил” дипломатии: когда до конца не ясно, что делать, лучше не делать ничего»{496}.

Кстати, небезынтересна тактика Буша в отношении Горбачева, описанная Бжезинским: «Действия Буша заслуживают высочайшей похвалы. Он уговаривал, заверял, льстил, прибегал в мягкой форме к угрозам в беседах со своим советским партнером. Он должен был соблазнить Горбачева, рисуя ему картины глобального партнерства и одновременно поощряя его согласиться с распадом советской империи в Европе»{497}.

«Соблазнить!» — сказано предельно откровенно.

Когда в 1989 году в Москву прилетел Киссинджер, Громыко в разговоре с сыном предсказал линию поведения американца: «Киссинджера прислали в неофициальном плане, чтобы провентилировать новые подходы к нам. Меняющееся соотношение сил в пользу американцев позволяет им сделать много ходов. Скорее всего, от нас будут требовать одностороннего разоружения в обмен на мифическую помощь, которая никогда не придет»{498}.

Громыко и Мао Цзэдун. Горбачев и Дэн Сяопин

Эпиграфом к этой теме будет разговор Горбачева и Дэн Сяопина, состоявшийся 16 мая 1989 года во время официального визита советского лидера в КНР в здании Всекитайского собрания народных представителей. Касаясь идущих в Советском Союзе и Китае реформ, Горбачев сказал:

— Вы начали преобразования с экономики, а мы — с политики, но в итоге придем к одному результату.

Дэн Сяопин возразил:

— Мы придем к разным результатам[{499}].

В мемуарах Горбачева об этом нет ни слова, хотя Примаков, сопровождавший генерального секретаря, в интервью автору тоже подтверждал, что такой разговор был.

В обширном описании встречи с генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзыяном, который вскоре был обвинен в том, что допустил протестные выступления студентов на площади Тяньаньмэнь в Пекине, и снят со своего поста, Горбачев свидетельствует, что шла речь о политической перестройке в Китае и многопартийной системе. Горбачев оказался в Поднебесной в критический период, когда, как определил новый генеральный секретарь Цзян Цзэминь, в Пекине разрастался «контрреволюционный мятеж».

В записках Олега Рахманина, первого заместителя заведующего отделом ЦК КПСС и куратора китайского направления, говорится: «“Теплые” воспоминания и комплименты экс-лидеру Компартии Китая могут только подтверждать худшие догадки Пекина о подозрительном характере беседы двух тогдашних генсеков. Фактически китайская печать связывала текст и контекст беседы Чжао Цзыяна с Горбачевым с “попыткой возложить вину за возникновение беспорядков на Дэн Сяопина”. В официальном докладе мэра Пекина от имени Госсовета КНР (одобрен китайским парламентом 30 июля 1989 г.) высказано следующее: “Воспользовавшись встречей с Горбачевым, Чжао Цзыян умышленно повернул острие борьбы против товарища Дэн Сяопина, чем еще более ухудшил ситуацию”. Другими словами, Горбачев не понял характера внутрикитайского конфликта, который вылился в открытое противостояние местных перестройщиков со сторонниками постепенных реформ и обострил его.

Сценарий конфликта был таким. С апреля 1989 года на

главной площади Пекина собирались демонстрации молодежи, требовавшей посмертной реабилитации умершего “либерального” генсека ЦК КПК Ху Яобана. С каждым днем число демонстрантов росло, стали собираться массовые демонстрации и в других городах. Наконец в Пекине собралась огромная толпа в 100 тысяч человек с требованием демократизации и борьбы с коррупцией. Генеральный секретарь Чжао Цзыян не разрешал разогнать митинг силой, более того, слезно просил митингующих покинуть площадь, обещая выполнить их требования.

Сразу после отъезда Горбачева в Пекине было введено военное положение, Чжао Цзыян смещен, а ночью 4 июня силами армии и полиции площадь Тяньаньмэнь была очищена от демонстрантов, оказавших вооруженное сопротивление. Среди них, по официальным данным, было 200 убитых и три тысячи раненых. О характере событий говорят и несколько десятков погибших и шесть тысяч раненых военнослужащих.

Другими словами, тогда в Китае была разгромлена “прогорбачевская перестройка”, и страна избежала раскола по типу советского.

Уже после смерти Громыко Дэн Сяопин высказался вполне определенно (16 сентября 1989 года): “Если бы зачинщики мятежа взяли верх, началась бы гражданская война”»{500}.

Можно сказать, Андрей Андреевич и Дэн Сяопин мыслили одинаково, то есть заглядывая не на год-два, а на много лет вперед.

В карте мира Китай занимал у Громыко особое место. Он хорошо помнил, как в 20—30-е годы советская дипломатия, осуществляемая по каналам Коминтерна, прилагала колоссальные усилия для поддержки национально-освободительной борьбы китайцев и особенно — небольшой коммунистической партии. В геополитическом плане самостоятельный Китай должен был стать противовесом агрессивно настроенной Японии, остро нуждавшейся в расширении ресурсной базы для своей промышленности. Советский Союз предоставлял кредиты, поставлял оружие, посылал военных специалистов. На китайских фронтах против напавшей на Китай Японии сражались советские летчики-добровольцы. Так, в течение сорока месяцев войны было сбито 986 японских самолетов, была даже уничтожена японская военно-воздушная база на Тайване.

В самый тяжелый период Великой Отечественной войны (3 июля 1941 года) Политбюро приняло решение «отпустить ИККИ (Исполнительный Комитет Коминтерна) один миллион долларов для оказания помощи компартии Китая»{501}. Для усиления

борьбы с Японией.

Находясь в Вашингтоне, Громыко воспринимал эту картину как фрагмент колоссального соперничества на территории Китая Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании, Японии. Так оно и было. Победив Японию, союзники стали обозначать зоны своих интересов, и здесь Сталин, первоначально видевший наилучший выход в создании нейтрального Китая и не желавший достигнутое в Ялте разбить в новой войне в Китае, рекомендовал Мао Цзэдуну помириться с Чан Кайши, однако продолжал оказывать китайским коммунистам поддержку в Маньчжурии. Весной 1946 года, когда началось противостояние в Иране, СССР активизировал поддержку красного Китая. Мао Цзэдун считал Сталина «русским националистом», а не интернационалистом, и даже однажды назвал того «Лицемерный заморский черт»[{502}].

После испытания советской атомной бомбы в 1949 году Сталин санкционировал полномасштабную гражданскую войну в Китае, и спаянная железной дисциплиной Народно-освободительная армия Китая быстро разбила насквозь пронизанное коррупцией, местничеством и инфляцией гоминьдановское государство.

* * *

Громыко впервые встретился с Мао Цзэдуном в декабре 1949 года во время его визита в Советский Союз (декабрь 1949 года — февраль 1950 года). Ему было известно, что Сталин советовал Мао Цзэдуну не национализировать иностранные предприятия и вообще «считаться с национальной буржуазией». То есть рассуждения вождя были вполне рациональны и даже, как сказал бы Горбачев, в «духе перестройки». Но тут же Сталин заметил (в разговоре с Лю Шаоци): «Я уже довольно стар. И я беспокоюсь, что после моей смерти эти товарищи будут бояться империализма»[{503}].

Опасения относились к будущим наследникам, то есть его волновал вопрос не либеральной экономики, а прочности политической власти.

Через сорок лет в беседах Горбачева с Дэн Сяопином и Чжао Цзыяном явно отразилась та же проблема.

В мемуарах нашего героя описывается, что Мао Цзэдуна встретили в Москве «в высшей степени дружественно».

Однако на торжественном обеде 14 февраля 1950 года в ресторане гостиницы «Метрополь», на котором присутствовало

советское руководство, он с тревогой обратил внимание, что между Сталиным и Мао Цзэдуном «разговоры завязывались, так сказать, с заминкой. Обменивались они несколькими фразами, разумеется, через переводчика, а затем наступала пауза, которая, однако, длилась далеко не минуту». Это отмечалось и за обедом, где два лидера сидели рядом. «Сидя напротив, с другой стороны стола, я пытался помочь им завязать разговор. Но особого успеха не имел, поскольку через переводчика все это выглядело как-то тяжеловесно. Главное, на мой взгляд, заключалось в том, что и Сталину и Мао Цзэдуну явно не хватало чего-то персонального, что помогало бы им в установлении необходимых контактов»{504}.

Оставим в стороне такие факты, как близость Андрея Андреевича к высшему руководству, что означало немало, и то, что он мог вмешиваться в их разговор. Главное — в другом. Сталин уже тогда прямо высказал Мао Цзэдуну: «В Китае существует опасность появления своего Тито». То есть централизованный и сильный Китай создавал новую геополитическую реальность.

Почему Громыко ни слова не сказал об этом, хотя в беседах с коллегами он очень тонко фиксировал такие обстоятельства?

Ответ следует искать в «интернационализме» его внутреннего цензора.

Но при этом наш герой смотрел поверх идеологических споров, затеянных Хрущевым, и считал ошибочным решение не помогать китайцам в работе над атомным оружием. «Через несколько лет они все равно его заполучили. США, например, ядерное оружие Англии дали, дорожили “особыми отношениями”. Мы не разыграли эту карту с самым сильным союзником. В отношениях с Китаем дипломатия была заменена идеологической перебранкой»{505}.

Заметим, что Андрей Андреевич говорит не просто о передаче технологии, а о стратегии, «разыгрывании карты». По тем же соображениям он считал ошибочным наращивание военной мощи на границе с Китаем, что в итоге привело к реализации плана Никсона — Киссинджера.

Упорство китайцев на переговорах Громыко хорошо знал. Он руководил делегацией на трудных переговорах о создании в провинции Синьцзян (Джунгарские ворота) смешанных советско-китайских акционерных обществ «Совкитнефть» и «Совкитметалл». Тем не менее никаких переговоров он не боялся. Стала классической его фраза: «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны».

Во второй раз он встретился с Мао Цзэдуном в ноябре 1957 года, уже будучи министром, во время его визита в Москву

Китайский лидер захотел поговорить с Громыко. Встретились в Кремле, переводил «прекрасно знающий китайский язык О.Б. Рахманин, который уже тогда являлся специалистом по Китаю и одним из наших крупных международников».

Мао Цзэдуна интересовали вопросы: насколько США агрессивны, так ли уж США сильны в экономическом отношении, трудно ли с ними бороться?

Громыко ответил: США не находятся вне досягаемости, и с ними можно успешно конкурировать, для чего социализму надо только раскрыть свои возможности.

«Мао Цзэдун в целом высказывал те же мысли. Но говорил по-своему. Крылатое выражение “империализм США — бумажный тигр” ему нравилось, и он его со вкусом повторял…

Говоря конкретно о возможностях Китая в области развития промышленности, особенно металлургической, он выразился так:

— В ближайшие годы Китай уже сможет выплавлять еже годно тридцать — тридцать пять миллионов тонн стали.

Когда беседа закончилась, я, как обычно, задал сам себе вопрос:

— Что же превалировало в высказываниях Мао и что он хотел тем самым показать нам?

И я пришел к выводу, что в основном он хотел как бы взвесить вслух возможности Китая как великой державы, в частности в экономическом отношении. Желал он также знать, в пределах ли возможного не позволить империализму США диктовать свою волю другим и прежде всего Китаю.

Вот и вел он со мной свою беседу так, чтобы мы, советские люди, знали о его взглядах на этот счет»{506}.

Сегодня анализ Громыко кажется упрощенным. Думается, Мао Цзэдун избрал уравновешенного Громыко для передачи советскому руководству своего затаенного опасения в надежности импульсивной политики Хрущева.

КНР тогда находилась в том периоде модернизации, который для СССР был завершен в 30-е годы, и Мао Цзэдун обращался к Громыко как к представителю нового поколения. Это была очень важная встреча.

В августе 1958 года состоялась новая встреча в Пекине. На этот раз она поразила Андрея Андреевича. В его повествовании это отчетливо видно.

«В августе — сентябре 1958 года произошло серьезное обострение политической ситуации на Дальнем Востоке. Со стороны Соединенных Штатов Америки звучали откровенные угрозы в адрес КНР. В заявлении Даллеса от 4 сентября прямо указывалось, что в силу изменившейся обстановки на Дальнем

Востоке и для обеспечения “безопасности” Соединенных Штатов президент США “полон решимости” предпринять “своевременные и эффективные” меры для сохранения позиций Чан Кайши, а следовательно и США, на Тайване и прибрежных островах.

Широко рекламировались воинственные настроения в США. В различных заявлениях подчеркивалась готовность американских военных прибегнуть к атомному шантажу — вплоть до бомбардировки объектов на территории КНР с использованием атомного оружия, решимость и впредь осуществлять конвоирование судов в пределах территориальных вод КНР.

Все это рассчитывалось и на военный шантаж, запугивание КНР, а также на подготовку населения США к возможным последствиям враждебной политики США в отношении КНР.

В послании главы Советского правительства президенту США от 7 сентября содержалось ясное предупреждение о непоправимых последствиях действий Вашингтона. Эти действия квалифицировались как вмешательство во внутренние дела Китая и как неоправданные с точки зрения международного права. Одновременно Советский Союз выражал готовность содействовать мирному урегулированию тайваньской проблемы и восстановлению законных прав КНР в ООН.

В моей пекинской беседе с Мао Цзэдуном главное место заняло рассмотрение вопросов, связанных с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке, особенно с положением, сложившимся вокруг островов (помните, Хрущев их назвал «говенными»? — С.*Р.),* а также с политикой США в этом районе, возможностью американской агрессии против Китая и координацией действий между СССР и КНР в политическом плане.

Общая тональность заявлений Мао Цзэдуна была такова, что уступок американцам делать не следует и надо действовать по принципу “острие против острия”.

— Верно, — говорил он, — что США могут пойти на авантюру — на развязывание войны против КНР. Китай должен считаться и считается с такой возможностью. Но капитулировать он не намерен!

Развивая эти мысли и подчеркивая необходимость взаимодействия СССР и Китая как союзников, Мао Цзэдун высказался далее следующим образом:

— Если США нападут на Китай и применят даже ядерное оружие, китайские армии должны отступать из периферийных районов в глубь страны. Они должны заманивать противника поглубже с таким расчетом, чтобы вооруженные силы США оказались в тисках у Китая.

Мао Цзэдун далее давал как бы советы руководству СССР, что надо делать:

— В случае возникновения войны Советский Союз не дол жен давать на ее начальной стадии военный отпор американцам основными своими средствами и таким образом не мешать им проникать все глубже внутрь территории китайского гиганта. Лишь затем, когда американские армии оказались бы в центральной части Китая, СССР должен их накрыть всеми своими средствами.

До данной беседы я знал о многих заявлениях Мао Цзэдуна по вопросам войны и мира, об американском империализме. Но впервые непосредственно услышал высказывания, которые крайне удивили меня не только своей “оригинальностью”, но и “легкостью”, с которой он излагал чуть ли не схему агрессии США против Китая с применением ядерного оружия, и то, как с этой агрессией бороться. Я в соответствующей форме дал понять:

— Изложенный сценарий войны не может встретить нашего положительного отношения. Я могу это сказать определенно.

На этом обсуждение военно-стратегических вопросов закончилось.

Нелишне добавить к сказанному несколько слов о Мао Цзэдуне как человеке. Если отвлечься от его теоретических установок, от его мировоззренческих концепций и особых взглядов в политике, то перед вами предстанет человек в общем любезный и даже обходительный, Мао понимал шутку, и сам к ней прибегал. Старую китайскую философию он считал своим родным домом, основательно ее штудировал и говорил об этом. Со знанием ссылался на авторитеты.

Мао Цзэдун уважал собеседника, который мог с ним потягаться в обсуждении проблем. Но когда дело доходило до острых вопросов политики, то у него на лице появлялась маска. Мао тут же становился другим человеком. На моих глазах в Пекине он просидел весь обед рядом со своим главным гостем — Хрущевым, сказав не более десятка протокольных слов. Мои усилия и в какой-то степени усилия китайского министра Чень И положения не выправили»{507}.

Громыко не сказал, как он расценивал мысли Мао Цзэдуна о возможности ядерной войны — как изощренный зондаж намерений Москвы идти до конца в защите КНР или как реальный план совместных действий? Если как реальный план, то зададимся вопросом; насколько безопасно было передавать Пекину ядерные технологии?

Мы не найдем у Громыко ответа.

Но когда Рейган объявил, что «есть вещи поважнее мира»,

имея в виду готовность США к войне с Советским Союзом, он действовал, как Мао Цзэдун.

Вот тут и кроется главная проблема великих мировых шахмат Дипломатии. У нее нет на все вопросы готовых ответов. Она может анализировать, предсказывать, договариваться, блефовать, грозить, торговаться, мириться. Не более того.

Однако у Громыко однажды (примерно в 1978 году) проскользнуло очень важное умозаключение, зафиксированное Фалиным: «Нам не нужна никакая единая Германия, в том числе социалистическая. Вполне хватает единого социалистического Китая»{508}.

В этих словах — и тревога, и скрытое осуждение (разочарование) сталинской политики, создавшей единый Китай практически в границах Цинской империи с присоединенными Тибетом и Синьцзяном, областями, стратегически важными Москве для влияния на Южную Азию — на Индию, Индокитай, Индонезию.

Мощь единого Китая была полностью использована США (треугольник Никсона — Киссинджера) в борьбе с Москвой, а затем Пекин использовал США для получения высокотехнологичного вооружения. Идеология оказалась под пятой геополитики, там, собственно, где и должна была находиться, если отбросить недолговечные иллюзии.

Что же касается встречи Горбачева с Дэн Сяопином, то о приоритете политических реформ над экономическими сам Горбачев высказался так: «Я-то хорошо знаю косность наших политических структур, чтоб питать иллюзии относительно их терпимости к экономическим реформам. Ведь все попытки сколько-нибудь серьезных экономических преобразований у нас глушились и давились политическим ретроградством. Так было при Хрущеве и Брежневе, так в значительной мере происходит и сейчас»{509}.

Он не вспомнил ни о Великих реформах Александра II, ни о реформах Столыпина. Его суждение излишне самоуверенно и недостаточно исторично.

Когда Горбачев 25 декабря 1991 года последний раз выступил по телевидению как президент СССР, объявляя о своей отставке, в его речи были и такие слова:

«Мы живем в новом мире:

— Покончено с холодной войной, остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны.

Еще раз хочу подчеркнуть, что в переходный период с моей

стороны было сделано все для сохранения надежного контроля над ядерным оружием.

— Мы открылись миру, отказавшись от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением.

— Мы стали одним из главных оплотов по переустройству современной цивилизации на мирных, демократических началах.

— Народы, нации получили реальную свободу выбора пути своего самоопределения. Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора.

Все эти изменения потребовали огромного напряжения, проходили в острой борьбе, при нарастающем сопротивлении сил старого, отжившего, реакционного — и прежних партийно-государственных структур, и хозяйственного аппарата, да и наших привычек, идеологических предрассудков, уравнительной и иждивенческой психологии. Они наталкивались на нашу нетерпимость, низкий уровень политической культуры, боязнь перемен. Вот почему мы потеряли много времени. Старая система рухнула до того, как успела заработать новая. И кризис общества еще больше обострился»[{510}].

Горбачев не заметил, что в этом самооправдании по сути прозвучало предостережение Дэн Сяопина: «Старая система рухнула до того, как успела заработать новая».

Глава 48.
ГОРБАЧЕВ: «ВЗБЕСИВШАЯСЯ НАДСТРОЙКА ТЕРРОРИЗИРУЕТ ЭКОНОМИКУ И ВСЕ ОБЩЕСТВО»

Ушел на пенсию. Дети и внуки

30 сентября 1988 года Андрей Андреевич по собственному желанию, а фактически под давлением Горбачева, оставил Политбюро и вышел на пенсию. Так же «добровольно» покинули партийное руководство Соломенцев, Демичев, Зимянин, Добрынин и Долгих, в ураганном темпе началась «поколенческая революция» и последовала реорганизация всего аппарата ЦК КПСС.

По словам «главного кремлевского врача» академика Е.И. Чазова, «Громыко тяжело переживал “измену Горбачева”, как он расценивал свою отставку и изменившееся отношение к нему “Человек с ледяным сердцем”, — сказал он мне о Горбачеве, когда в связи с резким ухудшением здоровья попал в больницу»{511}.

Впрочем, на прощание Горбачев в его адрес прилюдно сказал; «У него богатая политическая судьба. Он заслуживает огромной благодарности от всех нас, всей партии и страны»{512}.

После этих слов участники пленума ЦК разразились бурными аплодисментами, провожая патриарха. Это было вовсе не дежурное проявление вежливости, а гораздо большее. Они прощались с последним героем великой эпохи.

Правда, к этому надо добавить, что в ближайшем окружении Горбачева (его помощник по международным делам Анатолий Черняев) Громыко называли «старым маразматиком»{513}.

На следующий день Горбачев был избран председателем Президиума Верховного Совета СССР.

И все же Андрей Андреевич если и сожалел, что Горбачев оказался не в состоянии осилить задач, которые ему были поручены старшим поколением, то понимал, что действовал правильно, поставив на представителя следующего поколения.

Правильно с точки зрения Истории. А то, что ставленник оказался слабым и торопливым, — невозможно было предвидеть. В самом механизме советской власти, как писал еще Дж. Кеннан в своей «Длинной телеграмме» в 1946 году, был заложен изъян, который обнаруживался каждый раз после смерти генерального секретаря. Так и сейчас — страховочного устройства не было. Хрущева убрали путем сговора, а Горбачева тоже выдвинули, считай, таким же образом. А убрать — уже вряд ли получится.

Теперь Громыко стал свободен, мог полностью отдаться мемуарам и своим пятерым внукам и внучкам.

Но свобода была относительной. По двухтомнику «Памятное» видно, как трудно он создавался, какой груз ответственности

ощущал автор, как внутренний цензор контролировал каждую его мысль. Андрей Андреевич оказался очень закрытым мемуаристом, «не выдавшим» ни одной государственной тайны. Да и не мог быть другим человек из поколения жестоких времен. Читая эти воспоминания, каждый вынужден по крупицам воссоздавать прошлое, как будто «железобетонный» автор применил одно из своих «золотых правил».

Зато последний год его жизни был согрет детьми и внуками, которых он любил, сохранил для них сердечную теплоту. Будучи книголюбом, он постоянно расширял свою огромную библиотеку, делился новыми изданиями с детьми, а своим внукам собрал по детской библиотечке. Процесс знакомства с новинками он обставлял как торжественное и веселое действо: дети садились вокруг него за круглым столом, он разрезал бумажную обертку пакета и извлекал книги. Его дочь Эмилия Громыко-Пирадова так вспоминала об этом: «Папа первый брал в руки книгу. Он не позволял нам этого делать, сердился, когда шаловливый и нетерпеливый Андрей опережал его. Он одергивал его, ворчал. Андрей тут же клал книгу на место. Папа брал книгу, всматривался в нее, знакомился с ней. Потом спрашивал нас: “Ну, кто эту книгу возьмет?” Тогда Андрей (у него в этом вопросе был приоритет), или я, или мама, или другой член семьи говорили: «Я возьму». Иногда папа сам подсказывал: “Мне кажется, эта книга больше заинтересует…” — и называл имя одного из нас. “Это для Алеши, а это надо дать Анечке или Олежику. А эта книга для Лидка”… Папа считал, что книга является чрезвычайно важным фактором воспитания человека и что формирование его мировоззрения в значительной степени зависит от правильно подобранной книги, библиотеки»{514}.

Энциклопедические познания нашего героя и его постоянное стремление к самообразованию в последний период жизни, естественно, дарились близким. Что он еще мог им передать?

На первом месте в его библиотеке были исторические произведения Николая Карамзина, Сергея Соловьева, Василия Ключевского, «Капитанская дочка» Александра Пушкина, «Война и мир» Льва Толстого, «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Князь Серебряный» Алексея Константиновича Толстого, «Цусима» Алексея Новикова-Прибоя, повести Николая Лескова, рассказы Ивана Бунина, стихи Федора Тютчева, «Фауст» Гёте, романы Теодора Драйзера, рассказы Джека Лондона, романы Виктора Гюго, Оноре Бальзака, «Камо грядеши?» Генрика Сенкевича…

Он любил песни военных лет. Песню «Темная ночь» из кинофильма «Два бойца» называл «целой философской поэмой». Любил драму Ф. Шиллера «Мария Стюарт» — образ главной

героини, не согнувшейся перед роковыми обстоятельствами, был очень близок ему. Высоко ценил американский фильм «Унесенные ветром» о Гражданской войне в США с английской актрисой Вивьен Ли в главной роли.

Сконцентрированные в этих произведениях мировой культуры образы и информация дают представление и о внутреннем мире Андрея Андреевича, гораздо более широком, чем его привычный суровый образ. Можно сказать, в нем отражаются лучшие проявления российской истории XX века, в бурях которой произошла смена элиты в стране и все же сохранилась преемственность.

Однажды это выразилось в его решении, касающемся судьбы внука Алексея, к тому времени студента исторического факультета Московского государственного университета. Внуку главы государства предстояло пройти армейскую службу На семейном совете Андрей Андреевич выслушал всех и сказал, что надо идти служить: «Это только поможет ему стать человеком»{515}.

Прекрасный пример педагогической практики нашего героя — его полушутливое и вместе с тем серьезное послание шестнадцатилетнему внуку. Вот оно:

«Характеристика

на Громыко-Пирадова Андрея Александровича.

Очень способный в учебе. Имеет хорошую эрудицию. В труде прилежен. По характеру — добрый. Любит общественную работу. Политически — развит. Большой патриот. Хорошо владеет французским языком. Общителен. Легко сближается с друзьями. Не по возрасту проявляет интерес к охоте, что не очень хорошо. Имеет острый ум и в карман за словом не полезет. К родным близким и дальним относится с уважением, хотя временами бывает вспыльчив.

Возможная специальность в будущем пока не определена.

Заслуживает повышения в ранге до контр-адмирала,

19.VIII.80 г. А. Громыко».

Это не единственное послание Андрея Андреевича младшему внуку, которого он очень любил. Примечательно, что начиная с детского возраста дед постепенно повышал Андрюшу в чинах, поощряя его за успехи. Звание «контр-адмирал» было воспринято как шутливое, но вместе с тем и почетное поощрение.

(Автор свидетельствует, что при подготовке этой книги Андрей Александрович несколько часов скрупулезно и с любовью

подбирал фотографии деда из обширного семейного архива, который он собственноручно обработал и отцифровал.)

Анатолий Андреевич так объяснял воспитательный метод отца: он всегда относился к детям «как старый товарищ».

Самого Анатолия Андреевича, который был дипломатом (работал в посольствах в Вашингтоне и Лондоне), он в свое время предупредил: «Сколько бы ты ни шуршал бумагами, успеха не добьешься. Потому что я — министр». И Анатолий Андреевич свернул на научную стезю, стал доктором исторических наук, членом-корреспондентом Российской академии наук, тем самым косвенно подтвердив максиму отца: «Твердо сказанное “Нет” чаще приводит к результату, чем лавирование».

Однажды Анатолий Громыко едва не стал жертвой подлого поступка коллеги, сотрудника советского посольства в Вашингтоне, который из чувства зависти решил подставить сына министра и выбросил в корзину для бумаг посольский отчет, который в то время находился в работе у Анатолия. Из-за тесноты в здании их столы стояли рядом. Сотрудник заявил, что ничего не видел и не знает. Пропажа документа грозила Анатолию большими неприятностями и концом дипломатической карьеры. На счастье, он догадался заглянуть в корзину для бумаг, которая стояла возле стола коллеги, и обнаружил в ней отчет. Дальнейшее, несмотря на все заверения сотрудника, было понятно. Однако самое интересное было дальше: Анатолий не стал сообщать отцу об инциденте и искать возможности отомстить. Воспитание не позволяло.

И к чужим детям, даже детям плохих родителей, наш герой относился по-человечески.

Одним из наиболее неприятных эпизодов в служебных делах Громыко было предательство весной 1978 года заместителя Генерального секретаря ООН (в ранге чрезвычайного и полномочного посла СССР), бывшего сотрудника секретариата министра Аркадия Шевченко, попросившего политического убежища в США. Он нанес огромный ущерб: регулярно информировал ЦРУ, какие указания получал посол Добрынин, какую позицию займет Советский Союз на переговорах по ограничению стратегических вооружений и на какие уступки он может пойти, предоставлял подробную информацию о степени готовности СССР участвовать в событиях, связанных с боевыми действиями в Анголе, совершенно секретные сведения о советской экономике и даже доклады о быстро сокращающихся запасах нефти на месторождениях в Волжско-Уральском районе. Также Шевченко выдал всех агентов КГБ за рубежом, каких знал.

Его сын Геннадий был атташе отдела международных

организаций МИД, встал вопрос: что с ним делать? Возможно, стоило на нем отыграться. Конечно, его дипломатическая карьера была сломана, но обошлось без репрессий. Проработав еще несколько месяцев в МИД, с ведома Громыко и Андропова он перешел на работу научным сотрудником Института государства и права Академии наук СССР, защитил кандидатскую диссертацию. Тем дело и кончилось.

* * *

В быту наш герой был неприхотлив, предпочитал простую пищу, называл ее «солдатской». Когда видишь его маленький рабочий кабинет на даче во Внукове, понимаешь, насколько непритязательным человеком был Андрей Андреевич. Работал допоздна, ложился спать далеко за полночь, выпив перед этим стакан крепчайшего чая с вареньем. Померзнув в юности на сплаве леса, любил теплую одежду. На отдыхе любил плавать, увлекался охотой. Был страстным книголюбом, коллекционировал живопись, предпочитая картины русских реалистов — Айвазовского, Семирадского, Павла Корина, Кончаловского, братьев Клодтов. Когда простужался и болел, то, лежа дома в постели, читал документы и проводил совещания с помощниками. В горячие дни кризисов ночевал в служебном кабинете в министерстве.

Незадолго до кончины он сказал сыну: «Толя, помни, никогда нельзя унывать. Видишь, даже в мои годы я не чувствую себя стариком. Физически люди умирают, а духовно — никогда. Надо верить».

Между тем обстановка в стране становилась все тревожнее: изгнание азербайджанцев из Карабаха, погромы и резня армян в азербайджанском Сумгаите, забастовки шахтеров, антиправительственная демонстрация в Тбилиси и гибель шестнадцати демонстрантов, технологические аварии, железнодорожные катастрофы, инфляция, идеологическая война в прессе консерваторов и либералов.;.

Как признался сам Горбачев в одном из своих выступлений: «Взбесившаяся надстройка терроризирует экономику и все общество»[{516}].

Когда сын вспомнил о Горбачеве, Андрей Андреевич прервал его: «Не говори больше об этом человеке»[{517}].

Что означали эти слова? Он понял, что дело его жизни летит под откос.

2 июля 1989 года, через восемь месяцев после отставки,

Андрей Андреевич Громыко умер. Причина смерти — разрыв аневризмы брюшной аорты, самого крупного кровеносного сосуда.

Разрыв произошел на рассвете, и Андрей Андреевич до утра терпел сильную боль, не желая тревожить семью. Эта деликатность не нуждается в комментариях.

Его похоронили на Новодевичьем кладбище рядом с могилой матери и брата, от официозного захоронения в Кремлевской стене Лидия Дмитриевна и дети отказались.

Как ни печально, но смерть избавила Громыко от новых потрясений.

Своих врагов он когда-то определил так: «У меня всегда были два противника — время и невежество людей, которых поднимали к вершине власти обстоятельства».

Глава 49.
БЕЗ ГРОМЫКО

Катастрофа

20 ноября 1990 года российское руководство нанесло новый удар по союзной системе управления. Был заключен двусторонний договор России с Украиной, признавший суверенитет этой республики и необходимость экономического сотрудничества без участия Центра на основе равенства и совместной выгоды. Через два дня подобный договор был заключен с Казахстаном. Ельцин заявил, что создается модель нового союза. Столкновение либералов и консерваторов, находившихся в команде Горбачева, к ноябрю 1990 года достигло апогея. Горбачев пытался переломить ситуацию: президенту был подчинен Совет министров, переименованный в Кабинет министров, введен пост вице-премьера, создан Совет безопасности. Партийный аппарат был окончательно отстранен от государственного управления, Горбачев получил возможность полного контроля над исполнительной властью.

Главой правительства стал министр финансов В.С. Павлов. Новое правительство предприняло несколько шагов для обуздания инфляции: были вдвое увеличены оптовые цены, введен пятипроцентный налог на потребительские товары и услуги, изъяты из обращения 50- и 100-рублевые купюры (которые, предположительно, накапливались в теневом секторе для подготовки к приватизации), одновременно была повышена зарплата. Также были расширены полномочия КГБ для борьбы с экономической преступностью. В условиях дефицита политического времени Павлов стремился доделать то, что предполагалось начать еще при Брежневе путем сбалансирования «хлебных» цен.

Горбачевское окружение предприняло последние усилия, чтобы переломить ситуацию в Прибалтике. В ночь с 12 на 13 января 1991 года армейские подразделения взяли штурмом здание телевидения в Вильнюсе, 14 человек погибло. При этом Горбачев отвергал свою причастность к этим событиям, что воспринималось обществом как неловкая попытка самооправдания. 20 января в Риге специальные подразделения МВД штурмовали здание республиканского Министерства внутренних дел, пять человек погибли.

Но все усилия переломить ситуацию походили на агонию. Попытка санировать финансовую сферу вызвала бурный протест населения. 1 марта 1991 года начались массовые шахтерские забастовки, которые продолжались два месяца и были поддержаны забастовками солидарности в других отраслях

экономики. На сей раз рабочие требовали не только увеличения зарплаты, но и отставки Горбачева, национализации имущества КПСС, роспуска Верховного Совета СССР.

17 марта 1991 года прошел референдум о сохранении обновленного Союза. 76 процентов принявших в нем участие проголосовали за сохранение СССР. Шесть союзных республик (из пятнадцати) референдум бойкотировали: Армения, Грузия, Молдавия, Латвия, Литва, Эстония.

Референдум мало помог союзному руководству Под давлением массовых забастовок Горбачев был вынужден принять требования рабочих: предприятия переходили под республиканскую юрисдикцию, напрямую в союзный бюджет налоги не перечислялись, в том числе в валюте.

В апреле 1991 года на Пленуме ЦК КПСС Горбачева едва не свергли с поста генерального секретаря ЦК КПСС: 45 первых секретарей обкомов из 75 потребовали его отставки. Эта атака вынудила его 23 апреля в Ново-Огареве на встрече с лидерами девяти союзных республик согласиться с концепцией нового союзного договора: государственный центр изменял свою функцию с руководящей на координирующую, у союзного правительства в подчинении оставались министерства обороны, финансов, внутренних дел. Это походило на то, что могло случиться в 1906 году, если бы переговоры державника Столыпина и демократа Милюкова закончились позитивно. Однако на сей раз Горбачев, терявший с каждым днем свои позиции, был больше похож на Керенского 1917 года и просто дописывал “последние страницы советской истории. Украина, Грузия, прибалтийские республики уже не перечисляли денег в союзный бюджет.

12 июня 1991 года Ельцин в первом же туре был избран президентом России (57 процентов голосов). Занявший второе место бывший премьер-министр СССР Н.И. Рыжков получил 20 процентов. Таким образом, российское население отвергло выдвиженца союзного центра.

На фоне увеличивающихся экономических трудностей (очереди даже за хлебом), роста преступности и национальных столкновений решительный Ельцин стал реальной альтернативой Горбачеву, который не справился с управлением государственным кораблем.

4 августа Горбачев улетел из Москвы в Крым на отдых. На 20 августа было назначено подписание нового Союзного договора. Текст договора был распространен среди узкого круга членов Совета безопасности, причем обсуждения не предполагалось. Однако встревоженный отсутствием в договоре каких-либо

положений об управлении экономикой страны премьер-министр В.С. Павлов распорядился опубликовать этот секретный документ.

В первом разделе договора говорилось: «Государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития». Устанавливалась одноканальная система налогов и сборов, доля отчислений республик в союзный бюджет устанавливалась по согласованию с республиками. Земля, недра и другие природные ресурсы объявлялись собственностью исключительно республик; военная политика относилась к сфере совместного ведения Союза и республик.

«Горбачевский проект нового союзного договора без всякой видимой необходимости крушил, раздирал на части единое экономическое пространство СССР. Он как бы намеренно ломал кости тому взаимосвязанному хозяйственному комплексу, который не десятилетиями, а столетиями складывался сначала на территории Российской империи, а затем СССР»{518}.

Павлов был сторонником эволюционного перехода к рынку и считал, что если данный союзный договор будет подписан, то через полгода рухнет экономика, а за ней и государство. У него было много единомышленников, сторонников постепенных экономических реформ без «шоковой терапии».

19 августа Горбачев был изолирован (по другой версии, самоизолировался) в Крыму, а в Москве было объявлено о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). В него вошли вице-президент СССР Г Янаев, председатель КГБ В. Крючков, председатель Кабинета министров В. Павлов, министр обороны Д. Язов, министр внутренних дел Б. Пуго, заместитель председателя Совета обороны О. Бакланов, секретарь ЦК КПСС О. Шенин. Они утверждали, что ГКЧП был согласован с Горбачевым, но тот категорически это отрицал. В Москве было объявлено чрезвычайное положение «для преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политических, этнических и гражданских раздоров, хаоса и анархии, угрожающих безопасности и жизни граждан Советского Союза и независимости нашего Отечества». Также было объявлено о публичном обсуждении Союзного договора. Большинство союзных республик, включая Украину, Грузию, Казахстан, признали ГКЧП; посол КНР Юй Хунлян посетил вице-президента Янаева и высказал поддержку ГКЧП{519}*.

Возможно, это был дворцовый переворот, который можно сравнить со смещением Хрущева. Горбачев мешал как радикальным «рыночникам», так и умеренным консерваторам,

сторонникам «китайского пути». Но если это был заговор, то он оказался неудачной затеей, был плохо подготовлен и опирался на экономически полумертвую сферу ВПК, а не на широкие слои общества. Члены ГКЧП также не решились ни на подавление протеста сторонников Ельцина, ни на интернирование его самого и его окружения, так как почему-то продолжали «оглядываться» на Горбачева. На фоне бездеятельного ГКЧП российское руководство стало олицетворением сопротивления жизнеспособных сил общества уходящему режиму.

Указом Ельцина ГКЧП был объявлен вне закона, его приказы не должны были исполняться; органы исполнительной власти СССР, действовавшие на территории РСФСР, переходили в подчинение российского руководства; деятельность КПСС и Российской коммунистической партии на территории РСФСР была прекращена.

21 августа, пошумев три дня и не решившись, как китайцы, применить силу, ГКЧП самоликвидировался. Вернувшийся в Москву Горбачев был морально дискредитирован: все заговорщики были его выдвиженцами. За президентом СССР уже не было ни правительства, ни армии, ни правящей партии. Даже если бы он и захотел вернуть себе реальные полномочия, ресурсов для этого не оставалось.

На суде члены ГКЧП (а это были члены горбачевской группы) приоткрыли завесу тайны. «Обвиняемые по делу ГКЧП добавят к сказанному, что имелся еще один секретарь, которого держали в курсе подготовки к “путчу”, — М.С. Горбачев. До 18 августа, утверждают они, Генеральный сотрудничал с путчистами и лишь в самый последний момент свернул на обочину»{520}.

Случайно или нет, но практически все советские послы по вполне понятным причинам негативно оценивали деятельность Горбачева. Не являлся исключением и первый заместитель Громыко Корниенко, что, возможно, и не заслуживало бы особого внимания, однако Виталий Маркович напомнил одно замечание бывшего американского посла по поводу дискредитации советским президентом не социализма, а капитализма: «В этой связи мне часто вспоминается разговор в 1992 году с замечательным американцем Томасом Уртсоном. Во время Второй мировой войны он служил в ВВС США, в том числе перегонял самолеты для нашей армии из США через Аляску, Чукотку и Сибирь на прифронтовые аэродромы. С тех пор он по-доброму относился к нашей стране. После войны он занялся бизнесом и со временем возглавил знаменитую IBM (Интернэшнл бизнесе машин), ставшую пионером в компьютерной индустрии. В свое время журнал “Форчун” назвал его самым преуспевающим

капиталистом Америки. А в 1978— 1979 годах, в период президентства Картера, Уотсон был послом США в Советском Союзе — с тех пор у меня с ним установились дружественные отношения, и периодически мы виделись и в последующие годы.

Так вот, в том разговоре в 1992 году Уотсон, продолжавший следить за событиями в нашей стране, с горечью сказал мне: “Вы преуспели в дискредитации социализма, хотя в современных капиталистических странах, включая США, начиная с 30-х годов под воздействием Советского Союза появилось немало нововведений социалистического толка. Теперь я боюсь, что вы с не меньшим успехом дискредитируете капитализм”. Эти его опасения оправдались с лихвой»{521}.

Эти слова принадлежат политическому (геополитическому) оппоненту Советского Союза, но отнюдь не его врагу. Если расшифровывать невеселое послание Уотсона, то придется признать, что, как ни странно, для Запада исчезновение СССР не укрепило мир и не устранило опасность войны. Просто напряжение и конкуренция стали иными, вот и все.

Примерно о том же говорил на пепелище «холодной войны» старый приятель Громыко Генри Киссинджер: «В мире по окончании “холодной войны” нет преобладающего идеологического вызова или, в данный момент, единой геостратегической конфронтации. Почти каждая ситуация имеет конкретное содержание. Исключительность вдохновляла американскую внешнюю политику и давала Соединенным Штатам силу выстоять в “холодной войне”. Но эту силу придется применять гораздо более тонко и осторожно в многополюсном мире XXI века. В итоге Америка вынуждена будет оказаться перед вопросом, ответа на который она умудрялась не давать на протяжении почти всей своей истории: маяк она или крестоносец? И насколько широк сужающийся диапазон выбора между тем и другим?»{522} *

Что же касается фигуры Михаила Горбачева, то его авторство «перестройки» сильно преувеличено. Настоящим отцом «перестройки» был Юрий Андропов, который, если прожил бы несколько лет, реформировал бы страну в том же направлении, но без мучений. Как это отразилось бы на международной обстановке?

Возможно, восточноевропейские страны постепенно вернулись бы к декларированному Сталиным дружественному нейтралитету, НАТО и ОВД трансформировались бы в подразделения ООН, и в той или иной форме реализовалась бы идея Рузвельта о рациональном мироустройстве. Сегодня это выглядит, конечно, фантастически.

Глава 50. ПОСЛЕСЛОВИЕ. КОГДА ПРОЩАЕШЬСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ, ЗАДАЕШЬСЯ ВОПРОСОМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Дальнейшие попытки Горбачева организовать подписание нового Союзного договора не были поддержаны республиками. Не удалось подписать и Экономическое межреспубликанское соглашение. Восемь республик объявили о своей независимости. 1 декабря 1991 года 80 процентов населения Украины проголосовало за независимость. 8 декабря в Беловежской Пуще под Минском президенты России, Украины и Белоруссии, руководители республик — основателей СССР, объявили, что СССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил свое существование. Было объявлено о создании Содружества Независимых Государств (СНГ).

О том, как советский руководитель справился со своей миссией, прямолинейно сказал Бжезинский: «Стратегическая задаче Горбачева состояла в том, чтобы сдержать распад советского блока и не допустить его пагубного влияния на все еще функционировавшую советскую систему. В конечном счете ему не удалось воспрепятствовать этому»[{523}].

Усмешкой истории был заключительный эпизод политической карьеры Горбачева. Как вспоминал Добрынин, после Беловежских соглашений президент Буш направил в Москву для выяснения обстановки Государственного секретаря Д. Бейкера, и тот из ближайшего окружения Михаила Сергеевича узнал, что Ельцин планирует сразу после отставки Горбачева провести открытый судебный процесс над Горбачевым за доведение страны до кризиса. Пришлось Бейкеру просить Ельцина не доводить дело до такого ужасного финала[{524}]*.

Но в «новогодней речи» Ельцин все же не удержался и сказал; «Оставили, мол, мне Россию, будто в ней 70 лет хозяйничал враг»[{525}] **.

Конечно, высказывание всего-навсего эмоциональное. Дело в другом. В том, что российская социальная революция (Октябрьская) 1917 года фактически закончилась только в 1964 году, когда был отправлен в отставку Хрущев, а после этого происходило медленное встраивание Советского Союза в

мировую экономику западного типа, медленное возвращение к рыночному ведению хозяйства. Началось «Косыгинской реформой» и закончилось приватизацией колоссальной государственной собственности при Ельцине, причем по самому радикальному варианту. Не случайно «отец приватизации» А.Б. Чубайс, вице-премьер правительства РФ, впоследствии признал: «А представление о справедливости у народа мы сломали еще ваучерной приватизацией»{526}.

25 декабря 1991 года Горбачев объявил о своем уходе с поста президента Советского Союза. В Кремле был спущен советский красный государственный флаг и поднят бело-сине-красный российский.

Созданная на обломках Российской империи Советская держава прошла великий и трагический путь и стала историей. Ее исчезновение было так стремительно и неожиданно, что до сих пор далеко не все знают ответ на вопрос: «Был ли ее распад неизбежен?»

Наш ответ: распад Советского Союза не был неизбежен.

Позднее Б. Скоукрофт в своих воспоминаниях отмечал: «Итак, все закончилось. Действительно, произошло то, о чем я никогда не мог предположить, что это произойдет в моей жизни. Это вызывает у меня оцепенение, в это очень трудно поверить. Не то чтобы я не видел, что происходит. Я уже привык и как бы перестал замечать постоянно обороняющегося Горбачева, однако признаки быстрого развала после неудавшегося переворота были налицо. Нет, события сами по себе обозначили ясную тенденцию; дело, скорее всего, просто в невозможности для человека сразу осознать, что такое эпохальное событие может действительно происходить.

Моей первой реакцией на окончательный спуск советского флага над Кремлем было чувство гордости за ту роль, которую мы сыграли в достижении этого. Мы упорно работали над тем, чтобы продвинуть Советский Союз в этом направлении, причем таким образом, чтобы это не привело к взрыву в Москве, тем более к глобальному пожарищу, что в истории не было таким уж неожиданным событием во время смертельных мук великих империй. Мы внесли свою лепту в поиски благоприятного выхода из этой великой драмы, но ключевой фигурой заключительных сцен был скорее всего сам Горбачев.

При всем его блеске у Горбачева, как представляется, был один фатальный недостаток. Он был неспособен принимать жесткие решения и затем проводить их в жизнь. Он обладал прекрасным искусством тянуть время и держать нос по ветру. Когда он лично подвергался нападкам и оказывался прижатым к

стене, как это не раз бывало на заседаниях Верховного Совета, он с большим мастерством и большой энергией отбивал атаки. Однако когда надо было вырабатывать и закреплять жесткие программы экономических реформ, он, как Гамлет, уклонялся от выполнения своей задачи. В то время как я называю эту тенденцию к колебаниям недостатком, с нашей точки зрения, это было благодатью. Если бы у Горбачева были авторитарная, сталинского типа политическая воля и решимость его предшественников, то мы бы и сейчас имели Советский Союз. Это был бы обновленный и усиленный Советский Союз или, по крайней мере, он бы обладал теми качествами, которые превратили его в угрозу стабильности и безопасности Запада.

Мы неожиданно оказались в уникальной ситуации, у нас не было опыта работы в таких ситуациях, вообще не было подобных прецедентов, и мы были единственной страной, стоящей у вершины власти в мире. Это была и есть необыкновенная ситуация в истории, которая предоставила нам редчайшую возможность формировать обстановку в мире и возложила на нас ответственность поступать самым лучшим образом, чтобы выгоду от этого получили не только Соединенные Штаты, но и все остальные страны»[{527}].

Итак, красный флаг с серпом и молотом был спущен.

На протяжении XX века в России было несколько реформ — политическая Николая II, экономико-политическая Столыпина, сотрясающие государство преобразования Февральской и Октябрьской революций, нэп, коллективизация и индустриализация Сталина, реформы Хрущева, начинания Андропова, «перестройка» Горбачева. Бросается в глаза их волнообразная поступательность. Абсолютная власть постепенно делилась своими правами с растущим обществом, содействовала росту общества и одновременно соперничала с ним. Успехи реформы Столыпина, нэпа, сталинской модернизации и были обусловлены соблюдением незыблемого правила: кардинальные экономические преобразования проводились в условиях стабильной политической системы. Опыт Китая подтвердил эту закономерность. Крушение политики Николая II и Горбачева связано с ее нарушением: разбалансированный политический режим потянул экономику ко дну.

28 января 1992 года президент США Дж. Буш-старший заявил: «По Божьей воле, Америка выиграла холодную войну». В феврале того же года на встрече президентов США и России было объявлено, что обе стороны больше не считают друг друга противниками.

В октябре 1992 года заместитель директора Центрального

разведывательного управления США Роберт Гейтс, впоследствии министр обороны в правительствах Дж. Буша-младшего и Барака Обамы, прошел парадным шагом по Красной площади в Москве и заявил телерепортерам английской компании Би-би-си: «Тут, на Красной площади, возле Кремля и Мавзолея, совершил я одиночный парад своей победы. Мы прекрасно понимаем, что Советский Союз можно было взять, только организовав взрыв изнутри».

В этих словах отразились длительная стратегическая борьба США и СССР и трагедия нашего героя. Наверное, Андрей Андреевич вздрогнул в гробу.

Однако в руководстве Соединенных Штатов все же не было ясного представления о желаемом будущем Советского Союза: его распад мог закончиться полномасштабной войной, что при наличии ядерного оружия грозило миру невиданными ужасами. Этим можно объяснить заявление президента Буша, которое он сделал в Киеве в августе 1991 года: «Свобода и независимость — не одно и то же. Американцы не поддержат тех, кто стремится к независимости, чтобы заменить уходящую тиранию местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто распространяет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти»{528}. Соответственно, Государственный секретарь Джеймс Бейкер склонялся к сохранению СССР, а министр обороны Ричард Чейни, проведший шесть лет во вьетнамском плену, настаивал на распаде.

Проблемы трансформации политической системы не менее отчетливо выражались и во внешней политике: ослабленная Россия словно тыкалась во все стороны и стремилась убедить бывших противников, что она уже не воинственна и что ее надо любить. Так, министр иностранных дел в правительстве Ельцина —Гайдара А.В. Козырев на встрече с бывшим президентом США Р. Никсоном признался: «Вы знаете, господин президент, что одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен»{529}.

Можно ли представить, чтобы министры иностранных дел Великобритании или Китая могли вести такие разговоры? Или Громыко?

Его сын рассказывал: «Отец был тверд и даже непреклонен, в особенности, когда видел, что с ним, как он подчеркивал, с Советским Союзом, разговаривают с позиции силы или играют в “кошки-мышки”. Об этом он мне говорил: “Я не лебезил. Когда

меня били по одной щеке, вторую не подставлял. Я отвечал так, чтобы им было несладко”»[530].

Впрочем, не будем идеализировать Андрея Андреевича. Для того чтобы столько лет пребывать в руководстве страной, от него требовалась не только компетентность. Он должен был приспосабливаться, уступать, лавировать, терпеть унижения, менять точку зрения. Конечно, жизнь каждого чиновника, даже самого высокого уровня, состоит и из таких обстоятельств.

В своих мемуарах Георгий Корниенко уделил несколько страниц характеристике Громыко и отмечал его «недюжинный интеллект», «огромный багаж знаний», «поразительные аналитические способности», «высокий профессионализм», «работающий со скоростью компьютера мозг».

И, кроме того, счел необходимым указать на его «византийскую» изворотливость: «Громыко не был идеологически зашоренным, но он сформировался как государственный деятель в такие времена, когда не мог не остерегаться того, чтобы какие-то его слова или дела могли быть истолкованы превратно, как не соответствующие “установкам партии”. Он, когда считал необходимым, твердо отстаивал свою точку зрения. Но если принималось решение, расходящееся с его точкой зрения — будь то вопреки *его* возражениям или потому, что он сам отступил по какой-то причине от ранее занятой позиции, — впредь Громыко вел себя так, будто всегда считал правильным именно то, против чего еще час назад возражал. При этом нередко находил даже более весомые аргументы в пользу принятого решения, чем его инициаторы. И строго пресекал всякие рассуждения по поводу неправильности принятого решения. Такая степень “перевоплощения” поражала меня. Все мы, конечно, подчинялись принятым решениям, но все же с большим рвением выполняли обычно те решения, которые нам казались правильными, чем те, которые противоречили нашим взглядам. Для Громыко это было исключено. Но со временем, по мере накопления очевидных свидетельств ошибочности принятого решения, удавалось побудить его, не говоря опять-таки прямо о допущенной ошибке, попытаться обосновать перед ЦК необходимость принятия нового решения “ввиду изменившихся обстоятельств”. Или, если сумеешь изобразить дело так, будто новое решение потребовалось потому, что прежнее “выполнило свою задачу”, — это считалось особенно удачным. Сам он прекрасно понимал, конечно, истинный смысл такой словесной эквилибристики»[531].

Думается, пребывание на вершине власти вообще можно уподобить путешествию по всем кругам ада. Но ведь мы, понимая это, говорим о достижениях и наследии Громыко.

Посол Гриневский помнит этот яркий луч, до сих пор как будто пробивающийся из неплотно прикрытого министерского кабинета: «Он послушно и неукоснительно выполнял все решения Политбюро, если даже в душе не был согласен с ними. Но при этом стремился не захлопывать до конца дверь, оставляя хоть маленькую щелочку, и терпеливо, иногда годами, ждал своего часа. Он называл это по-своему — “не дать огоньку погаснуть”. И мы на переговорах всегда чувствовали это, какие бы грозные речи он ни произносил.

Так было, например, с Договором о запрещении ядерных испытаний. Перед парижским саммитом Хрущеву приготовили вес развязки для прорыва к его заключению. Но Никита Сергеевич со скандалом сорвал совещание в верхах в Париже. Советско-американские отношения обострились до предела. Берлин разделила стена. Советский Союз сорвал трехлетний мораторий и начал испытания ядерного оружия. Мир неуклонно катился к пропасти кубинского кризиса.

Но и в этой обстановке Громыко не рвал тоненькую ниточку переговоров по ядерным испытаниям, хотя даже в МИДе предлагали хлопнуть дверью в Женеве. Глава советской делегации на женевских переговорах С.К. Царапкин бурчал, что надо ударить кулаком по столу и прекратить эту никчемную говорильню. Но Громыко цыкнул на него и приказал сидеть в Женеве даже в отсутствие американской делегации.

Зато, когда Хрущев и Кеннеди осознали, что оказались на краю грани, за которой ядерная война, и в ужасе отступили, поняв, что им надо срочно наводить мосты, это был Громыко, который убедил советского Генсека в необходимости и возможности начать с заключения договора о запрещении ядерных испытаний. В Москву срочно были приглашены специальные представители президента США и премьер-министра Великобритании Аверелл Гарриман и лорд Хейелшем. Громыко лично руководил тогда переговорами. Мы докладывали ему о работе экспертов дважды в день. И он, нещадно торгуясь, предлагал развязки. Тогда в июле 1963 года за 10 дней удалось сделать то, что не смогли за пять лет переговоров в Женеве, — Договор был подписан в Кремле 5 августа.

Терпеливое упорство Громыко — а он ко всему прочему был еще очень упрям — стояло за договорами о нераспространении ядерного оружия, ОСВ, ПРО, ХЗА (Хельсинкским заключительным актом) и многими другими документами, которые и по сей день лежат в основе системы безопасности современного мира»[{532}].

Когда прощаешься с человеком, всегда задаешься вопросом о смысле жизни. И никогда нельзя удовлетворительно ответить на

этот вопрос, потому что любой ответ будет неполным. Время жизни — от лежащего в руках матери младенца до покоящегося в гробу старика — кажется долгим, а на самом деле оно очень коротко.

Автор этих строк, внук белогвардейского добровольца-гимназиста и сын горного инженера, лауреата Сталинской премии, написал биографии реформатора Российской империи Петра Столыпина, руководителя Советского Союза Иосифа Сталина, героя Первой мировой войны генерала Александра Самсонова> белогвардейского генерала Александра Кутепова — и вот Андрей Громыко… Что их объединяет? Такие разные люди, такие разные времена! И вместе с тем их связывает что-то неразрывное и родственное. Не все это понимают. Не все хотят или могут это понять.

Дело в том, что наша история — это не мозаика из отдельных судеб, это тысячелетняя жизнь наших предков, большинство из которых не оставили никаких свидетельств своего земного бытия, кроме одного — Российского государства. Но все — князья, цари, императоры, генеральные секретари, президенты, министры, — все они, равно как и безвестные пращуры, подчинялись требованиям своего времени и следовали историческим традициям, которые делали их участниками тысячелетнего единого процесса. Изменялись времена, уходили старые герои и требовались новые, а эта река текла и течет.

XX век был особенным. Россия достигла небывалых высот, пережила жестокие поражения и в новый век вошла в более трудных условиях, чем столетие назад. И тем более не забудется опыт его подвижников и героев. Один из них — Андрей Андреевич Громыко.

Помните, как он признался сыну, что слышит голоса погибших братьев?

Москва, 2009-2011 гг.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.А. ГРОМЫКО

1909, 5 (18) июля — родился в деревне Старые Громыки Гомельского уезда Могилевской губернии Белоруссии в крестьянской семье. Отец — Андрей Матвеевич Громыко, мать — Ольга Евгеньевна Бекаревич. С тринадцати лет ходил с отцом на заработки, сплавлял по реке лес.

После окончания семилетки учился в профессионально-технической школе, где был секретарем комсомольской ячейки, затем — в Староборисовском сельскохозяйственном техникуме (д. Староборисов Борисовского района Минской области). Избран секретарем партийной организации техникума.

1931 — женитьба на Лидии Дмитриевне Гриневич,

1932 — окончил Минский сельскохозяйственный институт. На втором курсе института начал преподавать в сельской школе недалеко от Минска, а затем, перейдя на заочную форму обучения, работал директором этой школы. Родился сын Анатолий.

1936 — окончил аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства в Москве, защитил кандидатскую диссертацию по теме экономики сельского хозяйства США; старший научный сотрудник, ученый секретарь Института экономики Академии наук СССР. По совместительству — преподаватель политэкономии в Московском институте инженеров коммунального строительства.

1937 — родилась дочь Эмилия.

1939 — отобран комиссией ЦК партии для работы в Народном комиссариате иностранных дел (НКИД, ныне МИД), назначен на должность заведующего Отделом американских стран.

Ноябрь — назначен советником посольства СССР в США.

1943, август — назначен послом СССР в США (по совместительству — посланником в Республике Куба).

1945 — член советской делегации на конференциях «Большой тройки» в Ялте и Потсдаме. Глава делегации на переговорах о создании Организаций Объединенных Наций в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско.

1946, февраль — избран депутатом Верховного Совета СССР; назначен постоянным представителем СССР в Совете Безопасности ООН, занимал этот пост до 1948 года, являясь одновременно заместителем министра иностранных дел СССР

1949 — назначен первым заместителем министра иностранных дел СССР

1952, июнь — назначен послом СССР в Великобритании. На XIX съезде ВКП(б) избран кандидатом в члены ЦК.

1953, апрель — назначен первым заместителем министра иностранных дел СССР. Одновременно руководил Комитетом информации при МИД СССР, созданным для анализа и разработки рекомендаций и оперативных предложений по различным аспектам мировой поли тики.

1956 — на XX съезде КПСС избран членом ЦК.

Защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук (по монографии «Экспорт американского капитала»).

1957, февраль — назначен министром иностранных *дел* СССР

1958—1987— главный редактор журнала «Международная жизнь» (по совместительству).

1969 — присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1973 — член Политбюро ЦК КПСС.

1979 — вторично присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1983, март — назначен первым заместителем Председателя Совета министров СССР (с сохранением поста министра иностранных дел).

1985, шюль — избран председателем Президиума Верховного Совета СССР.

1988, октябрь — вышел на пенсию.

1989, 2 шюля — скончался. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

А.А. Громыко: человек, дипломат, политик. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Громыко/ Сост. Ю.Е. Фокин, Ан. А, Громыко, М, 2010.

Авен П., Кох А. Интервью с Анатолием Чубайсом // Форбс. М., 2010. № 8.

http://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/55203-intervyu-s-anatoliem-chubaisom

Агафонов С. Версия Дмитрия Абрикосова, или О японской интриге, предрешившей исход гражданской войны в Сибири // Известия. 1995. 14 января.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994.

Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М., 1996.

Арбатов Г.А. Человек Системы. М., 2002.

Атаев Т. Нефтяной оттенок как движущая сила мировых процессов, или Причины использования «армянского» и «курдского» факторов в геополитических коллизиях после Второй мировой войны, http://atc.az/ index.php?newsid=982

Ахромеев С. Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., 1992.

Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1980.

Бережков В.М. Годы дипломатической службы. М, 1972. http://militera. Iib.ru/memo/russian/berezhkov_vm2/02.html

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы / Пер. с англ. М., 1988.

Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. М., 2007.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3 т, М., 1940,

Блок А.А. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995.

Бокарев Ю. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970-1980 годы. М., 2007.

Бублеев М. Непобежденный. М., 2007.

Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006.

Василевский А.М. Дело всей жизни, М., 2002.

Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-

исторические очерки. В 4 кн. / Под ред. А.И. Барсукова, С.И. Гайкалова, В.Н. Киселева и др. М., 1999.

Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР М, 1939.

Война и общество в XX веке. В 3 кн. / Науч. рук. и сост. О.А. Ржешевский. М., 2008.

В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991). М., 2008.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006.

Галенович Ю. Мао, Никсон и СССР//Свободная мысль. М., 2009.

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2008.

Гасанлы Д. Южный Азербайджан: начало холодной войны. http://karabakh-doc.azerall.info/ru/azerpeople/ap052-13.рпр

Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.

Глазьев С.Ю. Экономика и политика: эпизоды борьбы. М. 1994.

Год кризиса 1938—1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2 кн. М., 1995.

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление. М., 1987.

Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны / Пер. с англ. М., 1960.

Гриневский О.А. Перелом. От Брежнева до Горбачева. М., 2004.

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М.,1982.

Громыко А.А. История внешней политики СССР 1917—1980 гг. http://society.polbu.ru/gromyko_politics/ch80_i.html

Громыко А.А. Памятное. В 2 кн. М., 1990.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. М., 1997.

Громыко Ан. А. Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына. М., 2009.

Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / Пер. с англ. М., 2004.

Де Голль Ш. Военные мемуары. В 2 кн. М., 1960.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. М., 1996.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны *1937—1939* гг. В 2 т. М., 1981.

Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в

международных сопоставлениях. М., 1999.

Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме (1946—1975 гг.) / Пер. с англ. http:// wwwrian.ru/analytics/20060226/43781526.html

Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930— 1939/Пер. с фр.М, 2009.

Ежов В. Аденауэр. М., 2003.

Елизаветин А. И. Записки советского посла. М., 2010. *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ. М., 1999.

Жаворонков П. День согласия // Компания. 2001. 12 ноября. № 43.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы//Социологические исследования. М., 1990. № 1.

Информационное пространство новых независимых государств. // Под ред. Ю.А. Арского и др. М., 2000.

История Второй мировой войны 1939-1945. В 12 т. М., 1973-1976.

Квицинский Ю. Время и случай. М., 1999. *Кеворков В.Е.* Тайный канал. М., 1997.

Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР/ Пер. с *англ.* М., 2002.

Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997.

Ковалев А.Г. Дипломатические новеллы // Новое время. 1993. № 37.

Коломнин С. Секретная миссия в Анголе // Военно-промышленный курьер. 2006. 17—23 мая.

Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы / Сост. С.П. Пожарская, А.И. Саплин. М., 2001.

Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. http://bookz.ru/authors/georgii-kornienko/holodnaa_195/l-holodnaa_195html

Косторниченко В.Н. Нефть в системе ленд-лиза: нефтяной союз СССР и США в годы Второй мировой войны // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Совете ко-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1. Вып. 11. М., 2005.

Крейчи О. Геополитика Центральной Европы. Взгляд из Праги и Братиславы / Пер. с чеш. Прага; $М_м$ 2010.

Крючков В.А. Личное дело. В 2 кн. М.. 1996.

Кюстин Л. Россия в 1839 году/Пер. с фр. М., 2007.

Легостаев В. Технология измены. М., 1993.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1974.

Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1995.

Лейбин В., Хестанов Р. Страх рождает светлое будущее //

Русский репортер. 2009. 23-30 апреля. № 15.

Лунева Ю, В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907—1914). М., 2010.

Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в.: Материалы конференции российских и немецких историков 25—29 апреля 2009 г. Тутцинг, ФРГ (Сост. А.Ю. Ватлин, М. Вильке, Б. Нейсе). М., 2010.

Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943. В 2 кн. / Сост. Ю.А. Никифоров, Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский. М., 2009.

Макгрегор Б. Франклин Рузвельт. Человек и политик / Пер. с англ. М., 2004. http://modemlib.m/books/ bems_dzheyms_makgregor/franklin_ruzvelt_ chelovek_i_politik_s_iIIyustraciyami/

Максимычев И.Ф. «Народ нам не простит…» Последние месяцы ГДР Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине. М., 2002.

Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века. http://rko.marsho.net/articl/marx.htm

Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994.

Мельник К.К. Современная разведка и шпионаж / Пер. с фр. М, 2009.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу 1931—1941 гг. М., 2002.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Н. Ковалева, А. Короткое, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. М., 1998.

Мусин М.М. Духовно-нравственные и национально-культурные аспекты постиндустриальной парадигмы выхода из кризиса // Прогнозы и стратегии. 2009. № 1.

Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2005.

*Нарочницкая Н.*А. Россия и Восточная Европа в геополитике Второй мировой войны. Материалы чешско-русской научной конференции. Прага, 20 октября 2005 г. / Под ред. И.П. Савицкого. Прага, *2006,*

Наумов А. Фашистский интернационал: Покорение Европы. М., 2005.

Окороков А.В. Сверхсекретные войны СССР. М., 2010.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая IT. В 2 кн. Вашингтон, 1981.

Орлов А.С. Война в Корее и мировая общественность/ Война и

общество в XX веке. В 3 кн. / Рук. проекта и сост. О.А. Ржешевский. М., 2008.

Павлов В.С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995.

Панцов А. Мао Цзэдун. М., 2007.

Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. В 2 т. М., 1957.

Перкинс Д. Тайная история американской империи / Пер. с англ. М., 2008.

Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945—1985. М., 2006.

Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923-1939. М., 2000.

Полторанин М. Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2010.

Попов В. Большая ничья: СССР от Победы до распада. М., 2005.

Попов И., Лавренов С., Богданов В. Корея в огне войны. М., 2005.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: документы. М., 2010.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: исследования. М.,2010.

Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. 1959—1964. В 3 т. / Под ред. А А. Фурсенко. М., 2008.

Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999.

Пыжиков А., Данилов А. Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы. М., 2002.

Рахманин О.Б. Страницы пережитого. М, 2009.

Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941—1945. М., 2004.

Рузвельт Э. Его глазами / Пер. с англ. М., 1947. http:// militera.lib.ru/ memo/usa/roosevelt/02.html

*Рыбас Е.*С. Российские вожди в борьбе, любви и смерти. М., 2002.

Рыбас С.Ю. Генерал Кутепов. «ЖЗЛ». М., 2010.

Рыбас С. Ю., Рыбас Е.С. Сталин. Судьба и стратегия. М., 2007.

Рыбас С.Ю. Сталин. «ЖЗЛ». М., 2009.

Рыбас С.Ю. Сто лет внутренних войн. Краткий курс истории России XXвека. М.,2010.

Рыбас С.Ю. Столыпин. «ЖЗЛ». М., 2003.

Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995.

Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М., 1992.

Рябов Я.П. Мой XX век. Записки бывшего секретаря ЦК КПСС. М., 2000.

Самуилов С. О России как северной цивилизации // Свободная мысль. 2007. № 5.

СВАГ Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945—1949. Сборник документов. М., 1994.

Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945). Сост. Л.Ф. Соцков. М.,2009.

Сергеев Р.А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. М., 2007.

Симиндей В.В. «Антисоветский флирт» авторитарной Латвии // Н.А. *Нарочницкая В.М. Фалин* и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009.

Синицин И.Е. Андропов вблизи. М., 2004.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1980.

Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М, 1998. http://ricolor.org/russia/me/zl

Соловьев О.Ф. Как Англия и Франция делили Россию // Международная жизнь. 1997. № 10. http://wwwpereplet.ru/history/Author/Russ/S/ Solovjew J3/Articles/13- 1097.htm

Сталин И. В, Избранные сочинения. В 3 т. Киров, 2004.

Стародубов В. Супердержавы XX века: Стратегическое противоборство. М, 2001. http://hotffle.com/dl/430742/556bl86/staro_.fun.rar.html

Стародубровский В.С. Езда к рынку на тормозах. Косыгинская реформа 1965 года оказалась безнадежной попыткой подправить механизм советской экономики // Независимая газета. 2005. 28 октября.

Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941. М., 2001.

Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М.,2001.

Суходрев В.М. Язык мой — друг мой. М., 2008.

Таубман У. Хрущев / Пер. с англ. М, 2005.

Тимошенкова К.Л. «Германский вопрос» во внешней политике Советского Союза (1945—1955 гг.) http://www.ieras.ru/dissl-tim.htm

Тихонов Н.А. Советская экономика: достижения, проблемы, перспективы. М., 1984.

Урбанович Я., Юргенс И. Черновик будущего. М., 2010.

Усов В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.

Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001.

Уткин А.И. Вторая мировая война. М., 2003.

Уткин А.И. Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004.

Уткин А. Мировая холодная война. М., 2005.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999.

Фалин В.М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000.

Фалин В. Есть стены покрепче Берлинской… // Комсомольская правда. 1994. 26 января.

Фалин В.М. Конфликты в Кремле. М., 1999.

Фалин В.М. Экономические стратегии. М., 2010. № 7—8.

Фейс Г. Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003.

Феклисов А. Признание разведчика. М., 1999.

Фуллер Дж. Вторая мировая война. 1939—1945 гг: Стратегический и тактический обзор / Пер. с англ. М., 2006.

Фурсов А. Неизвестный 68-й //Литературная газета. 2008. 27 августа — 2 сентября. № 33—34.

Хайрюзов В. Воздушный меч России. М., 2006.

Хлобустов О.М. Советская контрразведка в Восточной Германии // Российский кто есть кто. М., 2006. № 5.

Холодная война. Историческая ретроспектива. Сб. М., 2003.

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет / Пер. с англ. М., 2009.

Чазов Е.И. Рок. М.,2001.

Черкашин Н.А. Одиночное плавание. М., 2006.

Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991. М., 2008.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.

Черчилль У. Вторая мировая война. В 3 кн., 6 т. М., 1991.

Четверикова О. Я, Закулисная предыстория Второй мировой войны: об ответственности Запада, http://www.pravaya.ru/leftright/472/17152

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

Швейцер Я. Победа / Пер. с англ. Минск, 1995.

Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. М., 1991.

Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир / Пер. с англ. В 2 кн. М., 1993.

Шепилов Д.Т. Непримкнувший, М., 2000.

Шелест П.Е. Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро. М., 1995.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. В 2 т. М, 1958.

Шишов А. Неизвестные страницы Русско-японской войны. М., 2004.

Шлезингер А. Циклы американской истории / Пер. с англ. М., 1992.

Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975—1985 гг. М., 2008.

Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ. Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М., 1995. http://www.libertarium. ru/lib_capsocdem_28#03

Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. В 2 т. М., 2009.

Яковлев А.Н. Горькая чаша: большевизм и реформация России. Ярославль, 1994.

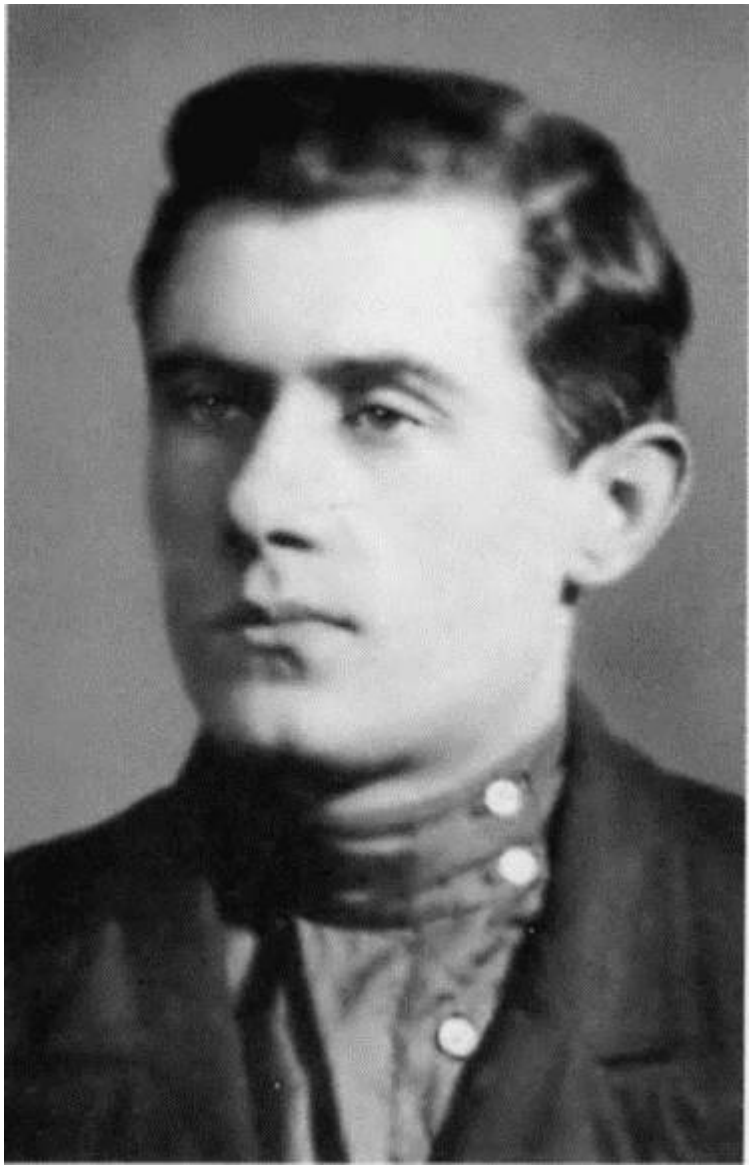
Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001.

Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт: человек и политик. М., 1981.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Андрей Громыко с родителями и сестрой Евдокией

А. Громыко в техникуме (в первом ряду второй слева)



Таким А. Громыко приехал в Москву

Таким он пришел в МИД

Посол СССР в США

Министр, член Политбюро ЦК КПСС

Молодожены Андрей и Лидия

Семья Громыко. Анатолий, Лидия Дмитриевна, Андрей Андреевич, Эмилия

А. Громыко и президент США Ф. Рузвельт

А. Громыко подписывает Устав ООН

Подписание договора о разделе Чехословакии. Мюнхен, 1938 г.

И. Сталин, В. Молотов и И. Риббентроп

Тегеранская конференция. И. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль

Встреча президента Рузвельта в Крыму

На Ялтинской конференции

Сталин и Трумэн (справа)

Prime Minister's meeting with President Roosevelt — Aug. 9/41

Draft of Joint Declaration —

COPY NO: 1

MOST SECRET

NOTE: This document should not be left lying about and, if it is unnecessary to retain, should be returned to the Private Office.

PROPOSED DECLARATION

The President of the United States of America and the Prime Minister, Mr. Churchill, representing His Majesty's Government in the United Kingdom, being met together, deem it right to make known certain common principles in the national policies of their respective countries on which they base their hopes for a better future for the world.

First, their countries seek no aggrandisement, territorial or other;

Second, they desire to see no territorial changes that do not accord with the freely expressed wishes of the peoples concerned.

Third, they respect the right of all peoples to choose the form of government under which they will live; and they wish to see sovereign rights restored to those who have been forcibly deprived of them.

Fourth, they will endeavour, with due respect to their existing obligations, to further the enjoyment by all peoples of access, on equal terms, to the trade and to the raw materials of the world which are needed for their economic prosperity.

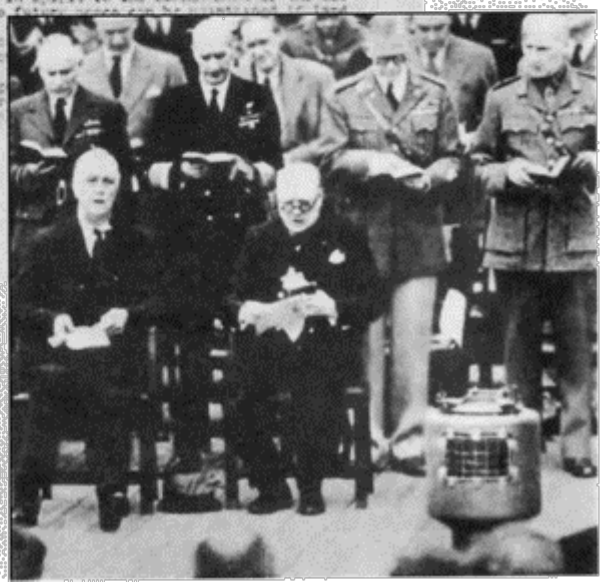
Fifth, they desire to bring about the fullest collaboration between all Nations in the economic field with the object of securing for all peoples improved labour standards, economic advancement and social security.

Sixth, they hope to see established a peace, after the final destruction of the Nazi tyranny, which will afford to all nations the means of dwelling in security within their own boundaries, and which will also give assurance to all peoples that they may live out their lives in freedom from fear and want.

Seventh, such a peace should enable all men to traverse the high seas and oceans without hindrance.

Eighth, they believe that all of the nations of the world must be guided in spirit to the abandonment of the use of force. No peace can be maintained if land, sea or air armaments continue to be employed by nations which threaten, or may threaten, aggression outside their frontiers. They believe, pending the establishment of a wider and permanent system of general security, that the disarmament of such nations is essential. They will likewise assist and encourage all other practicable measures which will lighten for peace-loving peoples the crushing burden of armaments.

Private Office,
August 12, 1941



Проект хартии — с правкой Черчилля

Во время подписания Атлантической хартии

В. Молотов и Госсекретарь США Дж. Маршалл

В кулуарах Генеральной Ассамблеи ОО Н.А. Громыко — второй слева

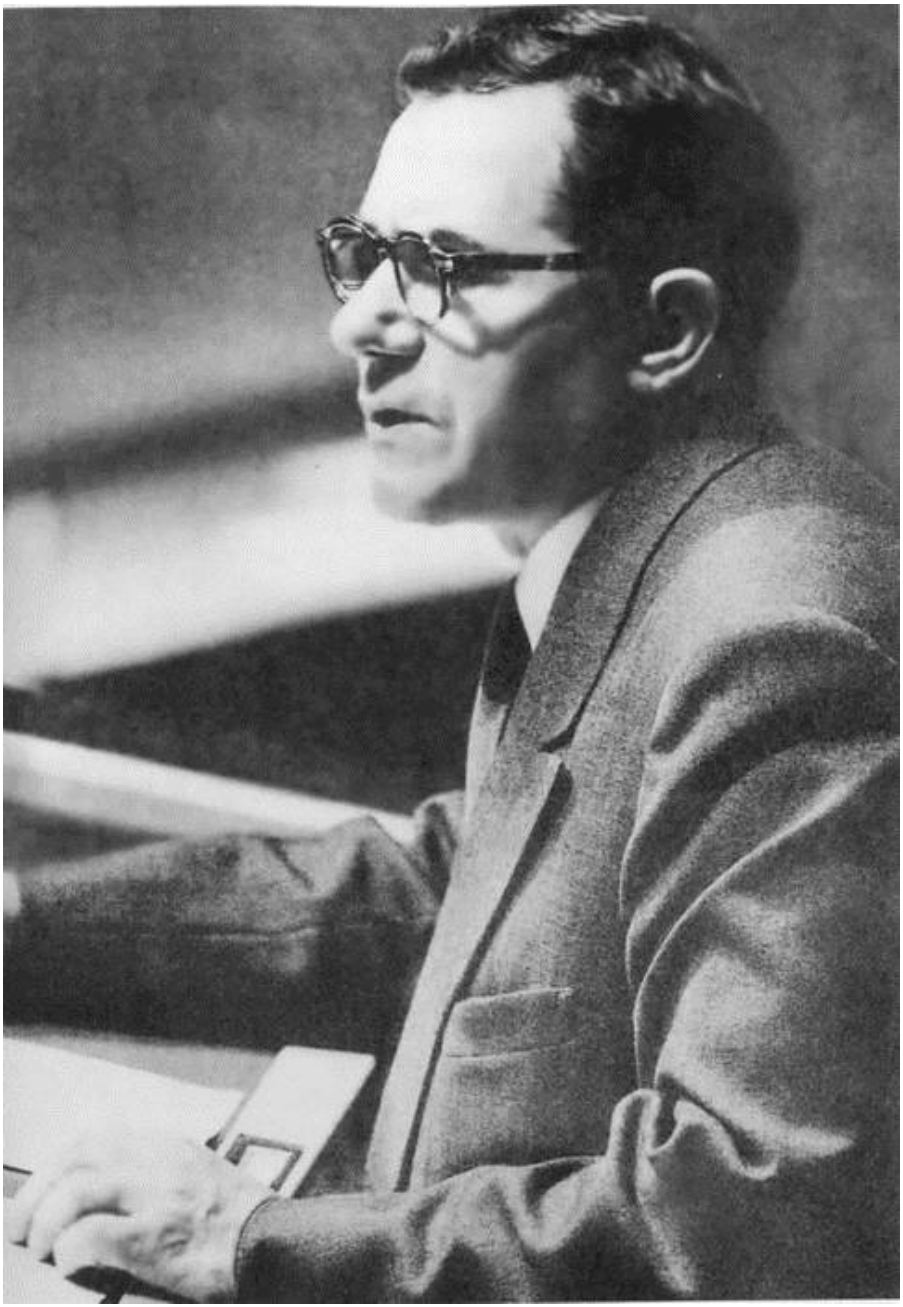
Андрей Громыко, Александр Солдатов (будущий посол СССР в Великобритании, заместитель министра иностранных дел) и министр иностранных дел Андрей

Вышинский

А. Громыко и У. Черчилль

А. Громыко и Н. Хрущев

Подписание Договора о запрещении испытания ядерного оружия. Москва, 1961 г.



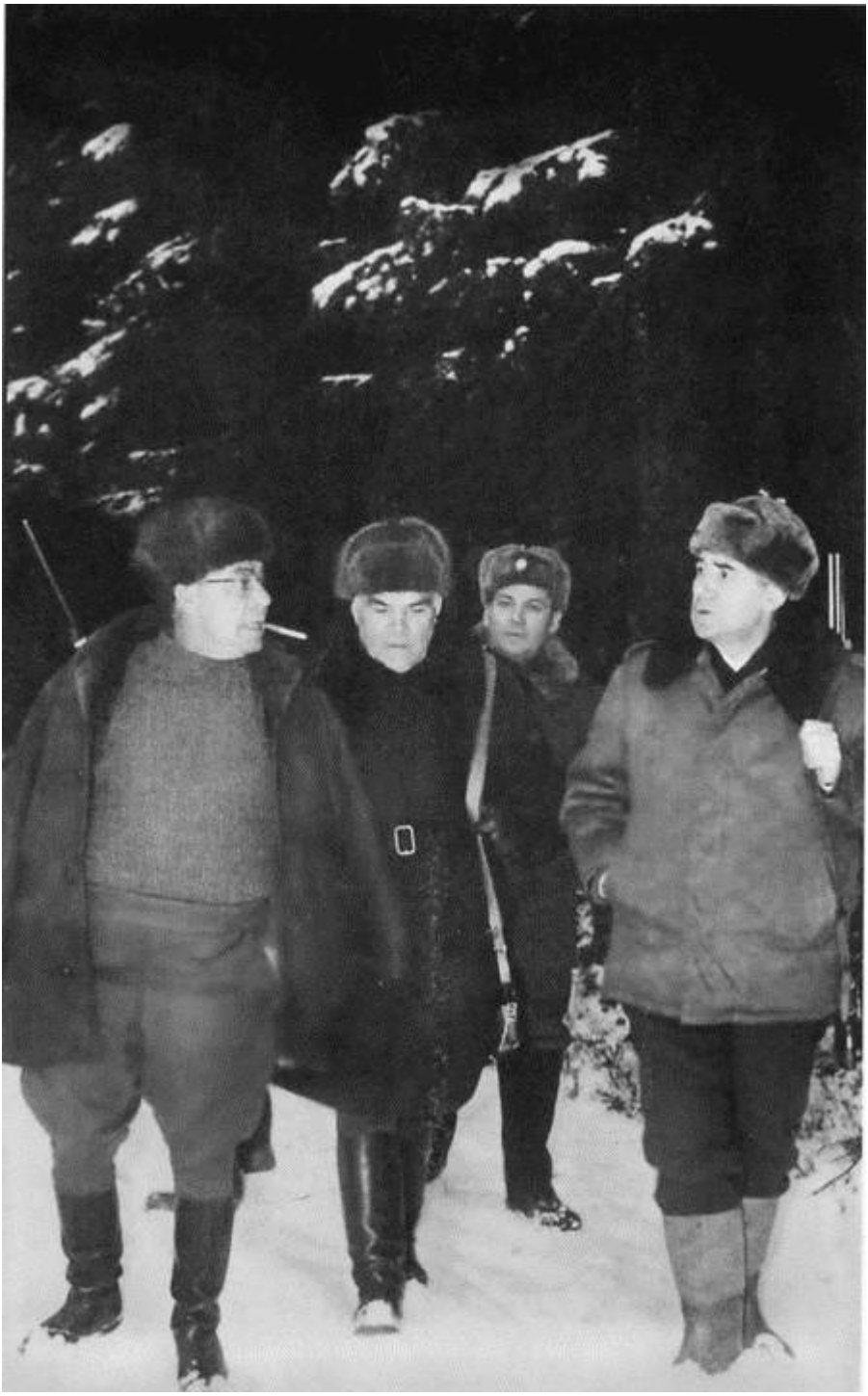
Выступление на Генеральной Ассамблее ООН

А. Громыко, А. Косыгин и президент Египта А. Насер

Переговоры в Кремле с представителем президента США А. Гарриманом

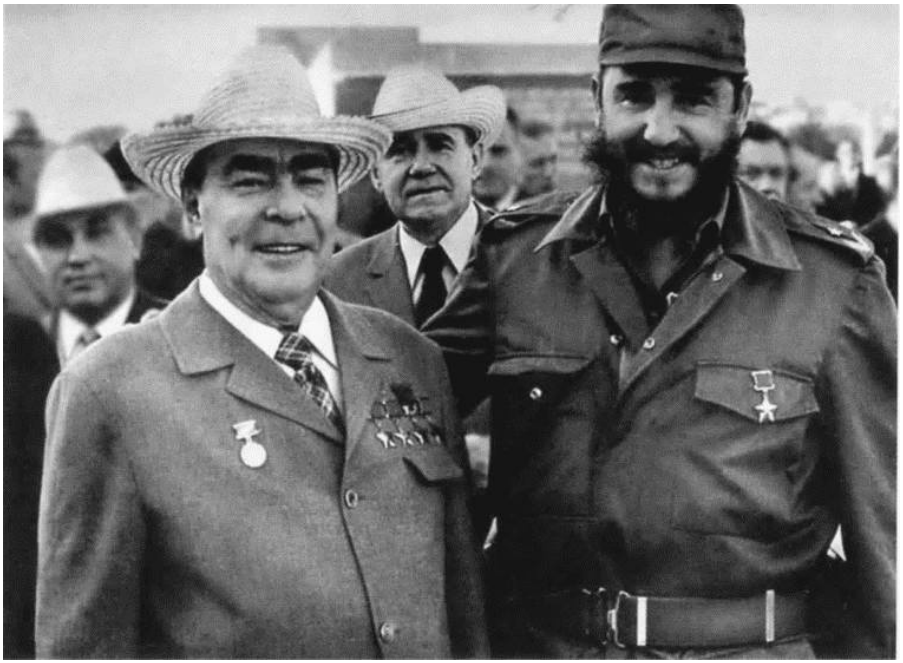
С президентом Дж. Кеннеди

На переговорах с президентом Франции де Голлем (слева) М. Георгадзе, Н. Подгорный, А. Громыко



На охоте. Л. Брежнев, маршал Р. Малиновский, А. Громыко

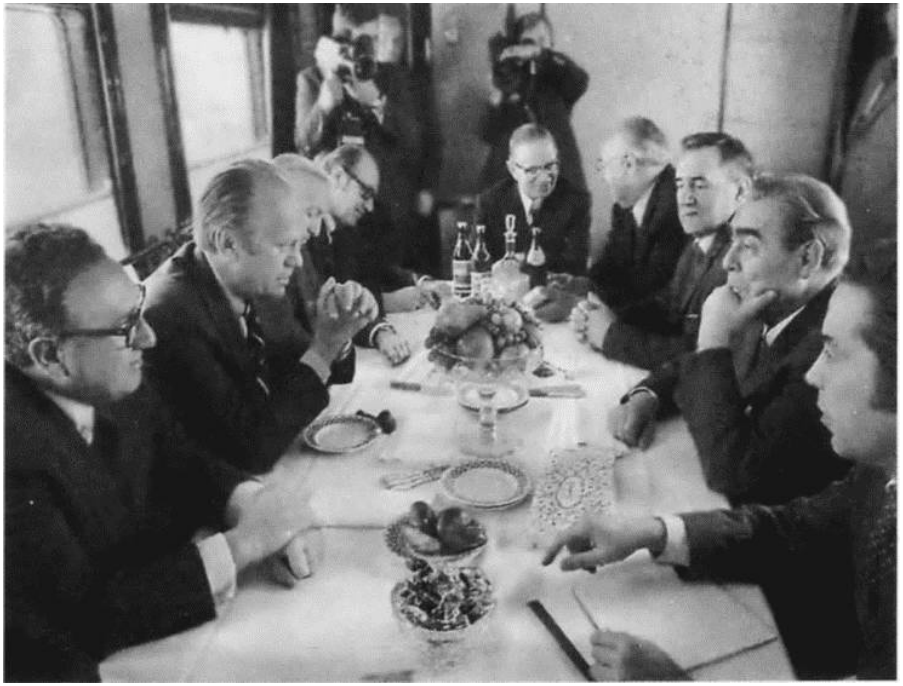
Мистер «Нет». В лавровом венке — слово «veto»



Г. Романов, Л. Брежнев, А. Громыко, Ф. Кастро

Мао Цзэдун и Р. Никсон

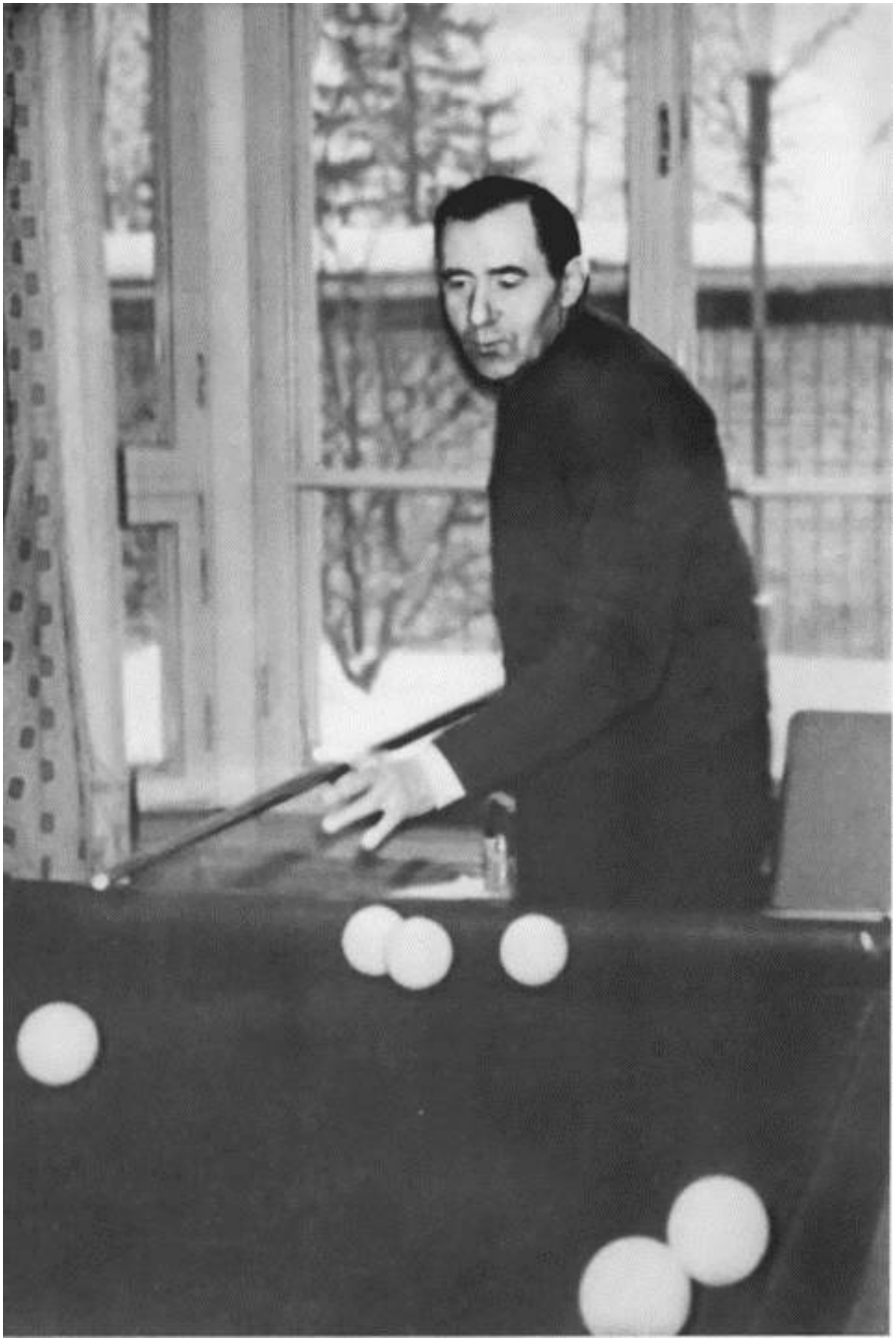
Слева направо: А. Громыко, Р. Никсон, Г. Киссинджер



Переговоры во Владивостоке Л. Брежнева с Дж. Фордом

Политбюро ЦК КПСС. После награждения Ю. Андропова золотой звездой Героя Социалистического Труда

С министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем



На отдыхе в санатории «Сосны». 1960-е гг.

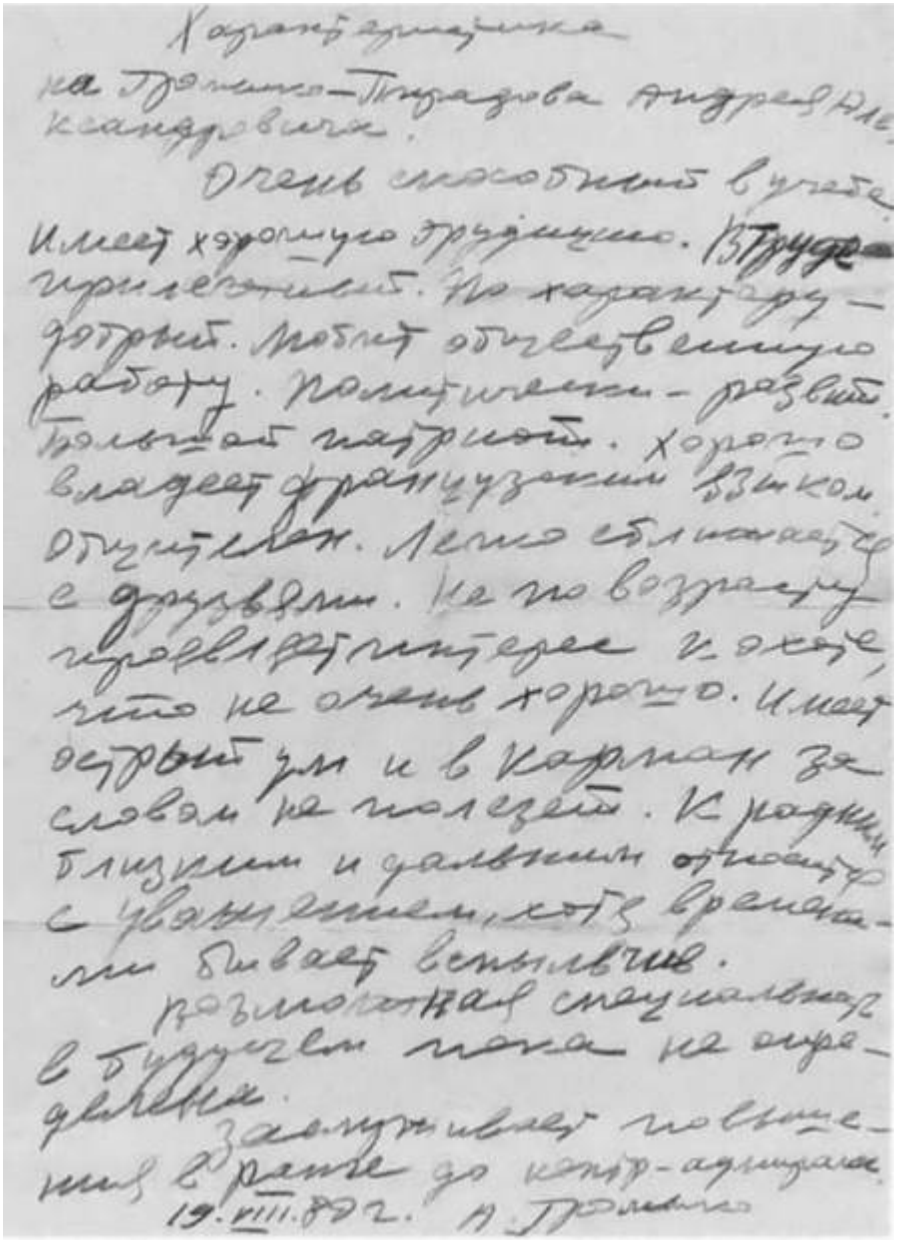
На прогулке. Андрей Андреевич, Лидия Дмитриевна и М.В. Зимянин

Л. Брежнев и Дж. Картер на подписании Договора по СНВ-2, На втором плане: А.

Громыко, А, Добрынин, Д. Устинов

Конфиденциальная беседа

Похороны Л.И. Брежнева. Ноябрь 1982 г.



Характеристика
на Громыко-Трофимова Андрея Ан-
кандровича.

Очень способный в учебе.
Имеет хорошую фотографию. Вполне
приветливый. По характеру -
добрый. Любит общественную
работу. Политически - развит.
Только не нарушает. Хорошо
владеет французским языком.
Отзывчивый. Легко сближается
с друзьями. Не по возрасту
проявляет интерес к тому,
что не очень хорошо. Имеет
острый ум и в карман за
словом не полезет. К родным
близким и дальним относится
с уважением, хотя временами
бывает вспыльчив.
Политически сознательный
в будущем готов на оборо-
ну Родины.
Заслуживает поступ-
ления в Ленте до конф-адмирала.
19.VIII.82г. А. Громыко

Супруги Громыко, их дочь Эмилия с мужем Александром Пирадовым, внучка Лида и внук Андрей

А. Громыко и президент США Р. Рейган

М. Горбачев, Н. Тихонов, А. Громыко

С Патриархом Московским и всея Руси Пименом

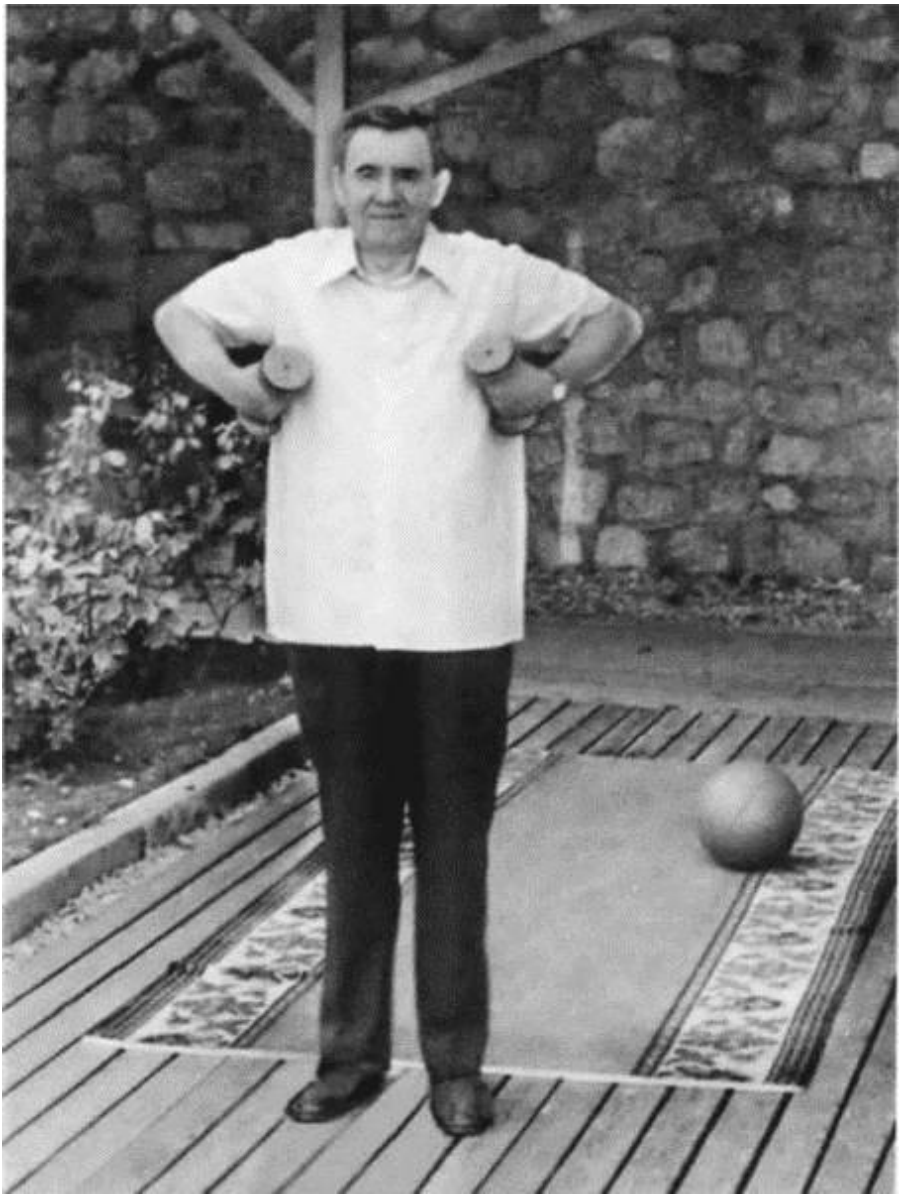
На заседании Верховного Совета СССР

Руководство МИДа на семидесятилетии А. Громыко

На даче М. Горбачева В. Щербицкий, А. Громыко, Б. Пономарев с женами

В кремлевском кабинете

Алексей Громыко принимает воинскую присягу



На утренней зарядке

Андрей Андреевич, Лидия Дмитриевна С дочерью Эмилией и внуком Андреем

Три поколения Громыко.

В день семидесятипятилетия Андрея Андреевича

Последний день в Министерстве иностранных дел СССР

notes

Примечания

1

«Фалин в кулуарах обвинял Шеварднадзе в получении “некоего тайного вознаграждения” от промышленников Западной Германии и желчно называл его “самым влиятельным американским агентом”» *(Бешлосс М., Тэлбот* С. Измена в Кремле. М., 2011. С. 162).

comments

Ссылки

1

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М., 1982. С. 93.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 84, 87, 88.

3

Там же. С. 95.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 157.

Там же. С. 164.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 124, 130.

Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997. С. 243.

Четверикова О. Н. Закулисная предыстория Второй мировой войны: об ответственности Запада, http://www.pravaya.ru/leflright/472/17152

Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997. С. 651. 16

Громыко А.А. Памятное. М., 1992. С. 16.

11

Цит. по: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981. Кн. 1. С. 225.

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М, 1982. С. 75.

13

Шишов А. Неизвестные страницы Русско-японской войны. М., 2004. С 61-67.

Громыко А.А Указ. соч. С. 53. 20

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006. С. 564.

16

Кюстин А. Россия в 1839 году / Пер. с фр. М., 2007, С. 122.

Самушлов С.О. России как северной цивилизации //Свободная мысль. 2007. № 5.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 32.

19

Блок А.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 265.

Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907-1914). М., 2010. С. 38.

21

Таубе Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М, 1960. С. 739. Цит. по: *Лунева Ю. В.* Указ. соч. С. 49.

Лунева Ю.В. Указ. соч. С. *5*.

23

Там же. С. 194.

Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 130—131.

Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 13.

Дьяконова И.А. Указ. соч. С. 31.

27

Цит. по: *Виноградов К.Б.* Кризисная дипломатия//Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 127.

28

Цит. по: *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2001. С. 151.

29

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 154.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 155.

31

Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны/ Пер. с англ. М., 1960. С. 68.

32

Там же. С. 418.

Жаворонков П. День согласия // Компания. 2001. № 43. 12 ноября.

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М., 1982. С. 85.

Соловьев О.Ф. Как Англия и Франция делили Россию // Международная жизнь. М., 1997. № 10.

36

Русское слово. 1911. 18 марта.

37

Цит. по: *Стариков Н.* Шерше ля нефть. СПб., 2010, С 154.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 100.

39

Агафонов С. Версия Дмитрия Абрикосова, или О японской интриге, предрешившей исход гражданской войны в Сибири// Известия. 1995. 14 января.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 39. 42

Фалин В. М. — в интервью автору.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 67—68.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы //Социологические исследования. 1990. № 1.С. 6.

44

Секреты польской политики. Сборник документов (1935—1945)/ Сост. Л.Ф. Соцков. М. 2009. С, 27.

45

Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы/Сост, С.П. Пожарская, А.И. Саплин. М, 2001. С. 113.

46

Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937 — 1939 гг. В 2 т. М.: Политиздат, 1981. Т. 2. С. 168-169.

Там же. С. 187.

http://hrono.ru/dokum/193_dok/l938100lalex.html 62

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 72.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 57-58.

51

Год кризиса 1938—1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5.

52

Черчилль У. Вторая мировая война. В 3 кн., 6 т М., 1991. Т. 1—2. С. 165.

Черчилль У. Указ. соч. С. 180.

Фалин В.М. Экономические стратегии. М., 2010, № 7—8. С. 61.

55

Цит. по: *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу 1931-1941 гг. М$_{м}$ 2002. С. 150.

56

Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР 1939 г. С. 7-24.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 434.

Симиндей В.В. «Антисоветский флирт» авторитарной Латвии // Н.А. Нарочницкая, В.М. Фалин и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 255.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 80—81.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 419.

61

Фуллер Дж. Вторая мировая война. 1939—1945 гг.: Стратегический и тактический обзор / Пер. с англ. М., 2006. С. 106.

Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ. М., 1999. С 352.

Мельтюхов М.И. Указ. соч. С Л 55.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. С. 205.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. С. 394.

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С.130.

Черкасов П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 33.
84

Громыко А.А. История внешней политики СССР 1917—1980 гг, http://society.polbu.ru/gromyko_politics/ch80J.html

Громыко А.А. История внешней политики СССР 1917—1980 гг. http://society. polbu. ru/gromyko_politics/ch 80 i. htm 1

Бережков В.М. Годы дипломатической службы. М., 1972. http:// militera.lib.m/memo/aissian/berezhkov_vm2/02.html

Известия ЦК КПСС 1990. № 4. С. 219-220.

Вопросы истории. 2000. № 7.

Цит. по: Российская газета. 2008. 20 июня.

Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945 гг.). М., 1996. С 498-504.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. С. 171.

Benes E. Pameti. Praha, 1948. S. 244. 100

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 122.

Там же.

Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998. Кн. I.С. 136.

Косторниненко В.Н. Нефть в системе ленд-лиза: нефтяной союз СССР и США в годы Второй мировой войны // Экономическая история. Обозрение/Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 11. М, 2005. С 142—147.

Макгрегор Б. Франклин Рузвельт. Человек и политик / Пер. с англ. М., 2004. http://modernlib.ni/books/benis_clzheyms_makgregor/franklin_ruzvelt_chelovek_i_politik_s_illyustraciyami/

82

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. В 2 т. Т. 1.С. 547.

83

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 25.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 115.

Там же. С. 447.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 1. Вып. 11. М., 2005. С. 133.

Сергеев Р.А. — в интервью автору.

Громыко А.А. Памятное. Кн. *2.* С. 423.

Сергеев Р.А. — в интервью автору.

Рузвельт Э. Его глазами. http://miJitera.lib.ru/memo/usa/ roosevelt/ 02.html

Бережков В.М. Указ. соч. 114

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С. 198.

Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. СПб., 2007. С. 332.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 100. 116

Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М., 1996. С. 225.

Бережков В.М. Указ. соч. 118

Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ. Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М, 1995. http://www.libertar-ium.ru/lib_capsocdem_28 #03

Громыко Ан.А. — в интервью автору.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 224, 247-248, 252.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986). М., 1996. С. 16.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 102-104, 224.

Там же. С. 107.

Бережков В.М. Указ. соч.

http://www.peoples.ru/state/king/usa/franklin_roosevelt/ 130

105

Таймс. 1919. 30 июля.

Бережков В.М. Указ. соч.

Бережков В.М. Указ. соч. 132

108

Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941 — 1945. М., 2004. С. 157.

109

Фалин В. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 342—343.

Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1987. С. 669.

111

Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943. В 2 кн. / Сост. Ю. А. Никифоров, Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский. М., 2009. Кн. 2. 4.2. С. 142.

Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 197.

113

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1957. В 2 т. Т. 1. С. 158—159.

114

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1957. В 2 т. Т. 1.С. 164-167.

115

Дани Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / Пер. с англ. М., 2004. С. 308.

Сергеев Р.А. — в интервью автору.

117

Там же.

Фалин В.М. http://www.nakanune.ru/articles/ tegeranskaja_konferencija_ 60_let?print=1

Бережков В.М. Указ. соч. 144

Дани Д. Указ. соч. С. 329.

Рузвельт Э. Его глазами, http://militera.lib.ru/memo/usa/roosevelt/ 02.html

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С.184.

Бережков В.М. Указ. соч. 150

Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть/Пер. с англ. М., 1999. С. 423.

Гасанлы Д. Южный Азербайджан: начало холодной войны, http:// karabakh-doc.azerallinfo/ru/azerpeople/ap052-13.рпр

http://www.pereplet.rU/history/Russia/USSR/1941 -1945/ maisk.htm 156

Макгрегор Б. Франклин Рузвельт. Человек и политик / Пер. с англ. М., 2004. http://modernlib.m/books/berns_dzheyms_makgregor/franklin_ruzvelt_chelovek_i_politik_s_illyustraciyami/

Бережков В.М. Указ. соч.

129

Судоплатов П. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 2001. С. 268.

Судоплатов П. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 2001. С. 367.

131

Фалин В. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 539.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 229. 164

133

Фейс Г. Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 469.

134

Там же.

Ялта-45. Начертания нового мира. М., 2010. С. 122.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. С. 520—521.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. С. 522.

Макгрегор Б. Указ. соч.

139

Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР / Пер. с англ., М., 2002. С. 162.

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 369. 170

141

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 259.

Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. С. 631. 172

143

Там же. С. 632-633.

Бережков В.М. Указ. соч.

Громыко Ан. Л. — в интервью автору.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 266.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 270.

148

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). С. 141.

Бережков В.М. Указ. соч.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 276—277.

151

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С. 224—225.

Сталин И.В. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 3. С. 273.

153

Холодная война. 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 385.

154

Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в ССС Р.С. 468—469.

Гасанлы Д. Указ. соч.

Черчилль У. Мускулы мира. М., 2004. С. 488.

157

Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. С. 387.

158

Цит. по: *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945-1985. М., 2006. С. 131-133.

Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника, http:// book.z.m/authors/georgii-kornienko/holodnaa_! 95/1-holodnaa_195.html

160

Цит. по: *Шлезингер А.* Циклы американской истории / Пер. с англ. М., 1992. С. 248-249.

Фалин В.М. http://www.rian.ru/analytics/20060226/43781526.html

Рахманин О.Б. Страницы пережитого. М., 2005. С. 69.

163

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 100.

Уткин А. Мировая холодная война. М., 2005. С. 483.

165

Холодная война. 1945-1963. С. 345.

Холодная война… С. 342.

Ергин Д. Добыча. С. 445. 206

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С.224.

169

Там же, С. 225.

Там же. С. 226.

171

Там же. С. 227.

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С. 233.

173

Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 300.

Гельман З. Премьер Израиля из города над Бугом. Был ли Менахем Бегин «рукой Сталина» в Палестине // Российская газета. 2007. 14 июня.

175

Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С.И. Кавтарадзе народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову. http://ricolor.Org/russia/me/z 1 /

Лтаев Т. Нефтяной оттенок как движущая сила мировых процессов, или Причины использования «армянского» и «курдского» факторов в геополитических коллизиях после Второй мировой войны, http://atc.az/ index. php?newsid = 982

http://www.patriotica.ru/enemy/dalles_plan.html

Панцов Л. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 491.

Елизаветин А.И. Записки советского посла. М., 2010. С. 91.

180

Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет/ Пер. с англ. М, 2009. С. 181.

181

Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. С. 249—250.

Цит. по: *Орлов А.С.* Война в Корее и мировая общественность // Война и общество в XX веке. В 3 кн. / Рук. проекта и сост. О.А. Ржешевский. М., 2008. Кн. 3. С. 189.

183

СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945—1949. Сборник документов. М., 1994. С. 28.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 46-47.

185

Цит. по: *Хлобустов О.М.* Советская контрразведка в Восточной Германии // Российский кто есть кто. М., 2006. № 5.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. *332—333.*

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 92.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 93.

http://rko.marsho.net/articl/marx.htm

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 97.

Ежов В. Аденауэр. М., 2003. С. 201. 242

Тимошенкова Е.П. «Германский вопрос» во внешней политике Советского Союза (1945—1955 гг.). http://www.ieras.ru/dissl-tim.htm

193

Громыко Ан.А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. М., 1977. С. 117.

Ежов В. Указ. соч. С. 219—220.

195

Суходрев В.М. Язык мой — друг мой. М., 2008. С. 119.

Громыко Ан. Указ. соч. С. 31. 248

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999. С. 79.

Фалин В.М. Без скидок… С. 81.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 105. 254

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 107.

201

Ежов В. Указ. соч. 249.

202

Там же.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999. С. 87.

204

Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. 1959—1964. В 3 т. / Под ред. А.А. Фурсенко. Т. К С. 210.

Квицинский Ю. Время и случай. М., 1999. С. 215.

Квицинский Ю. Время и случай. М., 1999. С. 228—229.

Таубман У. Хрущев/ Пер. с англ. М., 2005. С. 581.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. М., 1996. С. 37.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. М., *1996.* С. 37.

Таубман У. Указ. соч. С. 586.

Феклисов А. Признание разведчика. М., 1999. С. 401.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 483—484.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 64.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 490—491.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 67.

216

Там же.

Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир / Пер. с англ. М., 1993. Кн. 2. С 153.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 55.

Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М., 1996. С. 299.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 75.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С, 78.

Корниенко Г. Указ. соч.

Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. М., 2007. С. 24—25.

Анин Б., Петрович А. Указ. соч. С. 299—300.

Ковалев А.Г. Дипломатические новеллы // Новое время. 1993. № 37.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А. Н, Яковлева; сост. Н. Ковалева, А. Короткое, С. Мелъчин, Ю. Сигачев,А. Степанов. М., 1998. С. 231.

Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 384.

Таубман У. Хрущев. М., 2005. С. 689.

Кеворков В.Е. Тайный канал. М., 1997. С. 72.

Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М, 1993. СЛ63.

Стародубровский В.С. Езда к рынку на тормозах. Косыгинская реформа 1965 года оказалась безнадежной попыткой подправить механизм советской экономики // Независимая газета. 2005. 28 октября.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 118.

233

Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991. М.. 2008. С. 195.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 134.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. С. 211.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 137-138.

Зайцев А.С. — в интервью автору.

Киссинджер Г. Дипломатия. С. 384.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 139.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 320—321.

Сергеев Р.А. — в интервью автору.

Тума О. Эра Дубчека/ («Пражская весна» и международный кризис 1968 года: исследования. М, 2010. С. 11.

243

Стури Д.П. ЦРУ и вторжение в Чехословакию / Там же. С. 350.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: документы. М., 2010. С. 75, 78, 111.

245

Шелест П.Е. Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро, М., 1995. С. 380.

Окороков А.В. Сверхсекретные войны СССР М., 2010. С 646.

247

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: документы. С. 200.

Там же. С. 205-206.

Фалин В.М. — в интервью автору.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. С. 12.

Синицин И.Е. Андропов вблизи. М., 2004. С 217.

Шелест П.Е. Указ. соч. С. 391.

Окороков А.В. Указ. соч. С. 645.

Окороков Л.В. Указ. соч, С. 654.

Крейчи О. Геополитика Центральной Европы. Взгляд из Праги и Братиславы / Пер. с чеш. Прага — Москва, 2010. С. 338.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 115.

Там же. С. 122.

Цит. по: *Фурсов А.* Неизвестный 68-й // Литературная газета. 2008. № 33-34.

Окороков А.В. Указ. соч. С. 227.

Война и общество в XX веке. Кн. 3. М., 2008.

Дэвидсон Ф.Б. (Davidson Phillip B.) Война во Вьетнаме (1946—1975 гг.) http://militera.lib.rU/h/davidson/index.html

Окороков А.В. Указ. соч. С. 271—272.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 597.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 231.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. *635—636.*

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 139.

Кеворков В.Е. Указ. соч. М, 1997. С. 23—24.

Кеворков В.Е. Указ. соч. М., 1997. С. 54.

269

Там же. С. 57.

Там же. С. 58.

Там же. С. 62.

Там же. С. 64.

Черняев А. Указ. соч. С. 188.

Квицинский Ю. Время и случай. М., 1999. С, 229.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 127.

Фалин В.М. Указ. соч. С. 127.

Фалин В.М. Указ. соч. С. 162-163.

Фалин В.М. — в интервью автору.

Громыко А.А. Памятное. Т. 2. С. 65—68.

Суходрев В. Язык мой — друг мой. М., 2008. С. 378.

Кеворков В.Е. Указ. соч. С. 101.

Там же. С. 102.

283

Там же. 153.

Квицинский Ю. Указ. соч. С. 304.

Квицинский Ю. Указ. соч. С. 306. 340

Черняев А. Указ. соч. С. 42.

Мельник К.К. Современная разведка и шпионаж / Пер, с фр. М., 2009. С. 323.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 326.

289

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 325.

Синыцин И. Указ. соч. С. 225.

Черняев А. Указ. соч. С. 83.

Кеворков В.Е. Указ. соч. С. 120.

293

Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991. *М.,* 2008. С. 359-360.

Синицин И. Указ. соч. С. 228.

Черняев А. Указ. соч. С. 344.

Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника, http:// bookz.ru/authors/georgii-kornienko/holodnaa_195/l-holodnaa_195html

Окороков А.В. Указ. соч. С. 64.

КорниенкоГ.М. Указ. соч.

299

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 102—103.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 104.

Окороков А.В. Указ, соч. С. 69.

Там же. С. 84.

303

Колотуша В.И. Арабо-израильский конфликт и мировое сообщество / Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 3.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 673.

Ергин Д. Добыча. С. 629.

Там же. С. 638.

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. С. 203.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 204—205.

309

Ергин Д. Указ. соч. С. 646,

Смирнов А. Арабо-израильские войны. М., 2003. С 314,

311

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 323.

312

Там же.

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991. М., 2008. С. 84.

315

Перкинс Дж. Тайная история американской империи: Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции / Пер. с англ. М., 2008. С. 224.

Там же. С. 225.

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С. 418.

Там же. С. 358.

319

Там же. С. 411.

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С 413.

321

Черняев А.С. Совместный исход. С. 113.

Стародубов В. Супердержавы XX века: Стратегическое противоборство. М., 2001. http://hotfilexom/dl/430742/556bl86/staro_njll.rar.html

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 210.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 215.

Мельник К.К. Современная разведка и шпионаж / Пер. с фр. М., 2009. С. 272.

Галенович Ю. Мао, Никсон и СССР//Свободная мысль. М., 2009.

Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2010. С. 293.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 220.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 618.

Черняев А. Указ. соч. С. 8—9.

Черняев А. Указ. соч. С. 15—16.

Сергеев Р.А. В МИД СССР На Кузнецком мосту и Смоленской площади. М., 2007. С. 231.

Шелест П.Е. Указ. соч. С. 569.

Суходрев В.М. Указ. соч. С. 283.

Черняев А. Указ. соч. С. 19.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. *681—683.*

Там же. С. 679.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 684.

Сергеев Р.А. Указ. соч. С. 218.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 264.

341

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 300.

Киссинджер Г. Указ. соч. *С. 636.*

Суходрев В.М. Указ. соч. С. 394.

Полторанин М.И. Указ. соч. С. 293.

Тихонов Н.А. Советская экономика: достижения, проблемы, перспективы. М., 1984. С. 25.

Суходрев В.М. Указ. соч. С.^96.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 333.

Крючков В.А. Я сделал все, что мог, чтобы спасти державу / *Бондаренко А. Ю., Ефимов Н.Н.* Утаенные страницы советской истории. М., 2007. С. 375.

349

Цит. по: *Нарочницкая Н.А.* Россия и Восточная Европа в геополитике Второй мировой войны. Материалы чешско-русской научной конференции. Прага, 20 октября 2005 г. / Под ред. И.П. Савицкого. С. 30.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 332. 390

Стародубов В. Супердержавы XX века: Стратегическое противоборство. М., 2001. http://hotme.com/dl/430742/556bl86/staro_full_rar.html

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Там же.

355

Там же.

Коломнин С. Секретная миссия в Анголе//Военно-промышленный курьер. М., 2006. 17—23 мая.

Анин Б., *Петрович А.* Указ. соч. С. 304.

Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006. С. 261.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 265.

360

Безбородов А. Влияние военно-промышленного комплекса СССР на развитие ситуации в Советском Союзе и Чехословакии / «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: исследования. М., 2010. С. 424-425.

Громыко Ан. А. — в интервью автору.

Фалин В.М. — в интервью автору.

Павлов В.С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М, 1995. С. 43.

Там же, С. 71.

Арбатов Г.А. Человек Системы. М., 2002. С. 224.

Черняев А.С. Указ. соч. С. 80-81.

Лейбин В., Хестанов Р. Страх рождает светлое будущее // Русский репортер. 2009. 23—30 апреля. № 15.

Подробнее об этом: *Рыбас С. Ю., Рыбас Е.С.* Сталин. Судьба и стратегия. М., 2007.

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 388.

Там же. С. 391.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 320.

Примаков Е.М. — в интервью автору.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года: документы. С. 128-129.

Рябов Я.П. Мой XX век. Записки бывшего секретаря ЦК КПСС. М., 2000. С. 149.

Цит. по: *Перкинс Д.* Указ. соч. С. 243. 414

Рябов Я.П. Указ. соч. С. 9Ь

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1988 / Пер. с англ. С. 16—17.

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 316.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 361.

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Гриневский О.А. Перелом. М., 2004. С. 11 — 12.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 270.

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Корниенко Г.М. Там же.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 462.

Примаков Е.М. — в интервью автору.

Черняев А.С. Совместный исход. С. 384.

Черкашин Н.А. Указ. соч. С, 296.

391

Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. С. 504-505.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 522.

СССР в цифрах в 1987 году. М., 1988. С. 32-33.

Глазьев С.Ю. Экономика и политика: эпизоды борьбы. М., 1994. С. 208.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 365.

Громыко А.А. История внешней политики СССР 1917—1980 гг. http:// society, polbu.ru/gromyko_politics/ch80_i.html

Бублеев М. Указ. соч. М., 2007. С. 54.

Пихоя Р. Указ. соч. С. 683- 685.

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 527.

Громыко А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. С. 441.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 709.

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 333.

Гриневский О.А. Указ. соч. С. 52—53.

Громыко Ан. А. — в интервью автору,

Гриневский О.А. Указ. соч. С. 76—77.

Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 395.

Бобков Ф.Д. — в интервью автору.

Тьерио Ж. Л. Маргарет Тэтчер: от бакалейной лавки до палаты лордов / Пер. с фр. М., 2010. С. 427.

Легостаев В. Указ. соч. М., 1993. С. 44.

411

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 266-267.

Легостаев В. Указ. соч. С. 50.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. М., 1997. С. 85.

Там же. С. 86.

Там же. С. 88.

Бобков Ф.Д. — в интервью автору.

Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001. С. 442—444.

Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 79.

Легостаев В. Указ. соч. С. 52—53.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 607.

Зиновьев А.А. Русский эксперимент. М., 1995. С. 206.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. С. 1028. 456

Информационное пространство новых независимых государств // Под ред. Ю.А. Арского и др. М., 2000. С. 32—34.

Бокарев Ю. Указ. соч. С. *183.*

425

Швейцер П. Победа. С. 387-388.

Яковлев А.Н. Горькая чаша: большевизм и реформация России. Ярославль, 1994. С. 213.

Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. С. 41.

Павлов В.С. Указ. соч. С. 86.

Rowen N. Central Intelligence Brifing on the Soviet Economy / *Hoffman E., Laird R.* The Soviet Polity in the Modern Era. N.-Y, 1984. P. 417—435.

Байбаков Н.К. Указ. соч. С. 220.

Быстрова И.В. Указ. соч. С. 304.

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2008. С. 212.

433

Там же.

Рыжков Н.И. Перестройка; история предательств. М., 1992. С. 267.

Гайдар Е.Т. Указ. соч. С. 417,

436

В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991). М., 2008. С. 583.

Там же. С. 282.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 843.

Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. М, 1991. С. 81.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 611.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. С. 106.

Там же. С. 106.

Анин Б., Петрович А. Указ. соч. С. 357.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. С. 110.

Шеварднадзе Э.А. Указ. соч. С. 131.

Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1995. С. 319.

Громыко Ан. А. Указ. соч. С. 116.

Цыбуков В.В. А.А. Громыко: человек, дипломат, политик / Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Громыко. Сост. Ю.Е. Фокин, Ал. А. Громыко. М., 2010. С. 123.

449

Там же. С 124.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. С. 145.

451

В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991). С. 160.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 316.

453

В Политбюро ЦК КПСС… С. 98.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. С. 122.

Крючков В.А. Личное дело. В 2 кн. М., 1996. Кн. 1. С. 253.

Лиханов А.А. — в интервью автору.

Бобков Ф.Д. — в интервью автору.

Сергеев Р.А. — в интервью автору.

459

Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. С. 696.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 432.

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление. С. 149.

Ахромеев С. Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., 1992.

Фалин В.М. Конфликты в Кремле. М., 1999. С. 366.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 461.

Шебаршин Л.В. —в интервью автору.

Примаков Е.М. — в интервью автору.

Шебаршин Л.В. — в интервью автору.

Рыжков Н.И. — в интервью автору.

Гриневский О.А. Указ. соч. С. 443.

Гайдар Е.Т. Указ. соч. С. 291.

Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Указ. соч. С. 314—315.

Гайдар Е.Т. Указ. соч. С. 296.

В Политбюро ЦК КПСС… С. 581.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М, 1995. С. 343.

Бобков Ф.Д. —в интервью автору.

Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994. С. 242.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 705.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 450.

Независимая газета. 1997. 19 марта.

Фалин В. Есть стены покрепче Берлинской… // Комсомольская правда. 1994. 26 января.

Максимычев И.Ф. Указ. соч. С. 139.

Там же. С. 6.

483

Там же. С. 133.

Громыко Ан.А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. С. 168—169.

Там же. С. 182-183.

Там же. С. 182.

487

Ф. *Майер,* Новости для Кремля: журнал «Шпигель» и его влияние на руководство СССР / Пер. с нем. // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в.: Материалы конференции российских и немецких историков 25—29 апреля 2009 г. Тутцинг, ФРГ М., 2010. С. 200.

Гайдар Е.Т. Указ. соч. С. 295.

Кравченко Л.П. Лебединая песня ГКЧП. М., 2010. С. 156.

Там же. С. 157.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 450.

Там же.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. С. 204.

Там же. С. 190.

Громыко Ан. А. Указ. соч. С. 197—198. 492

Там же. С. 170-172, 195.

Бжезинскый З. Еще один шанс. М., 2007. С. 61.

Громыко Ан. А. Указ. соч. С. 194.

Рахманин О.Б. — в интервью автору.

Рахманин О.Б. Страницы пережитого. М., 2009. С. 239.

Панцов А. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 491.

Там же. С. 499.

503

Там же. С. 506.

Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. С. 208—209.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. С. 174.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 210—211.

Громыко А.А. Указ. соч. С. 211—212.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 302.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 450.

Там же. 769-770.

Чазов Е.И. Рок. М., 2001. С. 145.

В Политбюро ЦК КПСС… С. 421.

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 172.

Громыко-Пирадова Э.А. Отец и книга / А.А. Громыко: человек, дипломат, политик... С. 52.

Громыко Ан. А. — в интервью автору.

Легостаев В. Указ. соч. С. 194.

Громыко Ан. А. Андрей Громыко в лабиринтах Кремля. С. 26.

518

Павлов В.С. Упущен ли шанс? С. 17.

519

Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 123.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. С. 456.

521

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Киссинджер Г. Указ. соч. С. 731.

523

Бжезинский З. Еще один шанс. С. *59*.

Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 678.

Черняев А.С. Совместный исход. С. 1044.

Авен П., Кох А. Интервью с Анатолием Чубайсом // Форбс. 2010. №8.

527

Фигуры и лица (приложение к «Независимой газете»). М., 1998. 19 декабря. № 20 (21).

Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 63.

Примаков Е.И. Указ. соч. С. 210.

Громыко Ан.А. — в интервью автору.

531

Корниенко Г.М. Указ. соч.

Гриневский О, А. Указ. соч. С, 139—141.